ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РУДИ РЮКЕР

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛНАЯ СВОБОДА РЕАЛ

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

И вот настал день, когда Стэн Муни и Вэнди опустились на серебряных крыльях на пляжи Гайи, — День Спор, ознаменовавший собой гибель бопперов и чипов и рождение молди и ДИМ — искусственных существ нового поколения…

Казалось бы, на этой прекрасной ноте соперничество живых и созданных должно прекратиться, но ничуть не бывало! Ненавистники роботов на Земле и гордые обитатели Гнезда на Луне объединяются ради хитрого плана, который несет человечеству новые угрозы.

И не только человечеству…

(Третий и четвёртый романы цикла «Обеспечение»)

- Руди Рюкер
  - ○
  - ○
  - ○ Полная свобода
    - ■ 1. Моника
    - ■ 2. Ренди
    - ■ 3. Тре
    - ■ 4. Ренди
    - ■ 5. Терри
    - ■ 6. Вилли
    - ■ 7. Стэн
    - ■ 8. Дарла
    - ■ 9. Терри
    - ■ 10. Дарла
    - ■ 11. Стэн
  - ○ РЕАЛ
    - ■ 1. Фил
    - ■ 2. Йок
    - ■ 3. Фил
    - ■ 4. Йок
    - ■ 5. Ренди, Фил, Бабс, Фил
    - ■ 6. Йок, Бабс, Ренди, Йок
  - ○ Приложение

Руди Рюкер
Обеспечение. Полная свобода. Реал

© Rudy Rucker, 1997, 2000
© Перевод. Б. Кадников, О. Колесников, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Эмбри Кобб Рюкер посвящается
(1 октября 1914–1 августа 1994)
«*Мы живем надеждой*».

Полная свобода

1. Моника

30 октября 2053 года

Моника была молди: искусственным существом из мягкого пластика, испещренного вкраплениями и венозными каналами генетически измененных морских водорослей и плесени. Будучи существом, наделенным сверхчеловеческими способностями, Моника служила в качестве прислуги, бухгалтера и подсобного рабочего в мотеле «Чистый Свет и Террасный Дворик» в городе Санта-Круз, штат Калифорния. Менеджер мотеля, молодой человек по имени Тре Перцесеп, иногда пытался угадать мотивы, которыми руководствовалась Моника, поступая к ним на работу. Как работник молди была неоценима, и труд его был дешев.

Мотель «Чистый Свет…» располагался вблизи вершины небольшого холма, в пятидесяти ярдах от пляжа Санта-Круза и парка аттракционов «Полоса Развлечений». Начинался чудесный день 30 октября 2053 года, и утреннее солнце наполняло городок колеблющимся сверхъестественным светом, от которого, казалось, сам воздух становился вещественным и живым. В просторе океана перекатывались величественные пологие валы, накатывающие на берег с повторяющимся характерно-роскошным и протяжным гулом.

Мотель состоял из бревенчатой конторы и трех ярусов апартаментов, каждый номер со скользящей двойной стеклянной дверью с видом на море. Частично двери каждого номера были заклеены прозрачным психоделическим пластиком — мимикрирующий арабесковый узор. Контора мотеля, сложенная из старых бревен и находящаяся сразу за самой верхней террасой, возвышалась над остальными строениями. В задней части конторы имелись четыре жилые комнаты, в которых проживал Тре Диез вместе со своей женой Терри и двумя детьми — четырехлетним Дольфом и годовалой Бэби Врен.

Совершая свой обычный обход номеров, Моника меняла, где нужно, простыни и полотенца, наслаждаясь ощущением косо падающего на ее тело солнца, щедро заливающего выцветшие голубые стены мотеля. Она уже завершила уборку в номерах верхней террасы мотеля и приступила к нижней террасе, находящейся напротив магазинчиков на Бич-стрит. Приближалось время полуденного перерыва, положенного Монике; вскоре ей должен был позвонить ее муж Кслотл, и тогда вдвоем они отправятся на пляж, где проведут положенный час.

Большую часть времени Моника выглядела как обычная женщина, ну почти как обычная женщина, поскольку принято было именовать ее в женском роде, *она*, и все прочее. Молди выбирали пол сами в момент рождения и далее придерживались своего выбора в течение нескольких лет своей жизни. Таким образом, выбранный практически по собственному усмотрению пол молди являлся тем не менее четко определенной концепцией для других молди.

Все без исключения молди были заинтересованы в том, чтобы найти себе пару и воспроизвести себе подобного, хотя бы однажды, до тех пор, пока жизненная сила в них не иссякнет. Молди воспроизводились в результате спаривания и жили гнездами, представляющими собой расширенное подобие семей. Гнездо Моники включало шесть членов: она сама, ее родители Андреа и Эверуз, ее муж Кслотл, ее брат Ксананна и жена Ксананны Оуиш.

Мать Моники Андреа была странной особой, если не сказать более. Иногда, под влиянием абсорбированных редкоземельных элементов, Андреа принимала форму огромной копии Корана или Книги Мормонов и, лежа на краю тротуара у парка «Полоса Развлечений» со стороны пляжа, что-то подолгу бормотала о бесконечных небесных кругах, о хаотической обратной связи и ангелах Израиле и Морони. Тело Андреа, по большей части уже состоящее из плесени, а не из пластика, готово было вот-вот рассыпаться на части, но Андреа, которая в прошлом сумела организовать для себя восстановительный цикл омоложения, планировала пройти подобный же курс еще раз в ближайшее время — если только ей удастся раздобыть для этого деньги.

Отец Моники Эверуз работал живой доской для серфинга в магазинчике спортивных принадлежностей Айка, брата Терри. Магазинчик Айка назывался «Дада Кин» и находился в Райском Уголке на южной окраине Санта-Круза. Так же как и мама Андреа, Эверуз был довольно стар для молди, и так же как мама Андреа, уже несколько раз проходил цикл омоложения. Вот уже в течение многих лет Айк катался с Эверузом каждый день и мог иногда одолжить Эверуза приятелям или сдать напрокат какому-нибудь богатому туристу, изображающему из себя серфингиста. Сам Эверуз подрабатывал на стороне тем, что временами давал уроки начинающим кататься, проповедуя им настоящий дух серфинга. Так же как Андреа, Эверуз уже начинал сыпаться. Если ему не удастся пройти курс омоложения, то к зиме он умрет. Но Айк, который боготворил Эверуза, копил деньги на его омоложение.

Терри, как только услышала о том, что у Андреа и Эверуза

появился ребенок — это случилось в прошлый август, — немедленно решила нанять новорожденного молди в мотель, и довольно быстро ей удалось убедить Андреа и Эверуза, что это отменная идея.

Появление Моники, очень быстро освоившей все особенности мотельного бизнеса, предоставило Терри и Тре много свободного времени. Моника была не только аккуратной горничной и содержала все номера в идеальной чистоте, но и очень быстро освоила всю бухгалтерию мотеля. С тех пор как появилась Моника, большую часть дня Терри проводила, катаясь на доске, а Тре сидел в конторе мотеля в кресле-качалке дни напролет, надев на шею ювви, покуривая травку и забавляясь всякими забавными штуками со своими мозгами. Большая часть людей использовала ювви как средство связи, не задумываясь, что, может быть, самым полезным применением этого устройства была возможность использовать его в качестве компьютерного терминала, на что Тре главным делом и налегал. Само слово «ювви» произносилось им уютно и очень мягко, как «люви-дуви».

Тре зарабатывал немного денег, делая дизайн сложных графических эффектов для ювви по заказу «Апекс Имеджес», коммерческого графического агентства, работающего по контрактам с рекламными агентствами и музыкальными продюсерами. Многомерное искажение и грубое программирование видений Тре в принципе могло быть выполнено хорошо оплачиваемыми молди, но на что молди не были способны, так это создать сочные, вкусные, захватывающие дух образы, которые, лишь увидев однажды, люди хотели видеть снова и снова. Тре получал комиссионные с эффектов, которые «Апекс…» удавалось сбыть.

После появления в мотеле Моники обязанности Тре и Терри свелись к самому малому — необходимости изображать человеческий интерфейс с постояльцами, которых приходилось принимать и селить в номера. Принимать гостей приходилось им лично, чтобы избежать неприятных моментов, которые могли возникнуть в связи с оригинальным внешним видом и запахом, исходящим от Моники.

Постояльцы, в подавляющем большинстве туристы, как правило, средний класс и прибывшие со Среднего Запада, приезжали в Санта-Круз, соблазнившись низкими ценами, и обычно бывали в первые дни потрясены большим количеством местных молди. В глубинке, как правило, молди не селились, потому что люди там ненавидели их особенно люто — большинство обитателей Среднего Запада были «наследниками». Главное слово в жаргоне «наследников», «поджаривать», означало

сжигание молди в луже крепкого виски, и впервые это слово родилось в Айове. «С трюфельным соусом», иногда добавляли некоторые «наследники», имея в виду обгорающие шарики камотного гриба, прожаривающегося в корчащемся пластике пожираемого пламенем молди и взрывающемся, выбрасывая в воздух психоделические облачка почерневших спор.

Таким образом, с некоторых пор делом Тре и Терри стало первыми принять постояльцев и быстренько убедить их, что свободный город Санта-Круз является отличным местом, не таящим в себе никакой угрозы, веселым городком, полным молоденьких студенток, молди, рабочих с окрестных ферм, серферов и бездомных торчков. Хотя, конечно, цены говорили сами за себя — жизнь была дешевой, и в городке было чем поразвлечься.

Муж Моники Кслотл работал в тако-баре «Лос-Транкос», по ту сторону холма, на вершине которого находился «Чистый Свет». Кроме резки овощей на кухне и подметания помещений, Кслотл являлся оператором камеры, в которой выращивалось мясо, используемое для приготовления тако. В камере находилось четыре постоянно растущих куска мяса: цыпленок, говядина, свинина и вэнди — *вэнди* именовалось клонированное человеческое мясо, вошедшее в моду у людей в последние месяцы.

В это отличное солнечное октябрьское утро, вынимая стопки чистых простыней из тележки, Моника приняла облик миниатюрной женщины смешанных мексиканских и индейских кровей. Ее кожа имела медно-оранжевый цвет, с проступающими близко под кожей наподобие сложных татуировок узорами зеленого и синего лишайника. Такова была верхняя часть ее тела, нижняя же часть, вместо того чтобы расходиться развилкой ног, имела вид монолитной волнующейся массы, растекающейся в самом низу в широкий диск-основание — в общем и целом Моника напоминала шахматную фигуру с руками, пешку, ферзя или ладью. Человекообразную форму верхней части своего тела она могла менять ежеминутно, в зависимости от своего настроения. В минуты одиночества и покоя Моника предпочитала облик женщины племени ацтеков, как теперь.

Нижний диск-основание Моники из пьезопластического имиполекса позволял ей легко скользить по любой более или менее ровной поверхности. Если требовалось двигаться быстро или поверхность впереди была неровной, Моника передвигалась прыжками. В случае если была необходима предельно возможная скорость, Моника принимала другое свое обличье, наиболее устойчивое для ее тела, в состоянии которого она могла летать. В

этом обличье, именующемся «пеликан», у веретенообразного с парой огромных глаз тела Моники появлялись два больших крыла, отчего она становилась похожей на коричневого пеликана, из тех, что охотились за рыбой у берегов Санта-Круза.

Кроме того, плоть Моники могла принимать еще по меньшей мере три устойчивые формы: полностью растекшаяся форма, «слив», которой она пользовалась для того, чтобы впитать как можно больше солнца, морская «акулья» форма и крайне редко используемая молди форма «ракеты», которой они пользовались для полетов между Землей и Луной. Никогда в своей жизни Моника не испытывала желания совершить путешествие на Луну, где обитали эти полные психи, лунные молди.

Переход из одного состояния тела в другое случался совершенно внезапно, подобно тому как структура из пружинок, осей и противовесов приходила в движение и броском перемещалась в другое положение, стоило только потянуть за один из спусковых рычажков — подобно этому работала «Машина катастроф», созданная Земаном в 1970 году, представлявшая собой обучающую игрушку из картона, скрепок, резиновых колечек, способную совершенно неожиданно, и, главное, *катастрофично* (в техническом смысле этого слова, согласно теории хаоса), занять одно из двух различных положений, в зависимости от того, каким образом вы манипулируете устройством. Вообразите себе, что вы способны заставить ваше тело изменить свою форму, превратившись в ковер, птицу, рыбу или космический корабль, просто приняв некую особую позу йоги. Представить невозможно! Но молди были способны на такое!

Образ «пеликан» был самой любимой формой тела Моники. Не было ничего, что могло бы доставить Монике большее удовольствие, чем непередаваемые ощущения свободного полета высоко в небе над бухтой Монтеррей, окруженной острыми прибрежными скалами, о которые с грохотом разбиваются морские валы, пока наполняющие ее крылья генетически измененные водоросли наслаждаются пиршеством, вовсю впитывая свободную энергию солнца. Только вчера она парила в небе вместе с Андреа и Кслотлом. И вот сегодня она прежняя Моника, занятая уборкой в комнатах и бухгалтерией мотеля, принадлежащего созданиям из плоти. Какой-то совершенный ксокс, и все это только лишь для того, чтобы позволить себе завести ребенка.

Со стороны комнаты 3D, через две двери, кто-то тихо постучал. Тощий молодой парень стоял за сдвижной дверью и стучал по стеклу кольцом, из тех здоровенных и глупых школьных

колец с *голо*, голограммой, розочкой, или черепом, или школьным талисманом внутри дешевого поддельного камня. Парень поманил Монику, жестом предлагая ей зайти в его комнату. На парне была белая пластиковая рубашка и серые слаксы. Мгновенно сверившись со списком регистрации постояльцев, Моника узнала, что имя парня Ренди Карл Такер и что занимает он этот номер в полном одиночестве.

Следующим умозаключением Моники было то, что парень скорее всего *сырный шарик*, человек, предпочитающий заниматься сексом с молди. По всему следовало, что сырный шарик никак не мог относиться к высокому классу. Название происходило из-за запаха, который издавали тела молди, запаха, сказать по правде, не самого лучшего свойства. В зависимости от того, какой именно вид морских водорослей и грибка содержался в теле данного молди, его запах мог колебаться от вони грязных носков до подгнившей брюссельской капусты и самого злого сорта молодого сыра. Доминирующим в собственном запахе Моники был острый йодистый дух, происходящий от фекальной черной грязи, которой в изобилии можно было найти на дне бухты Санта-Круз.

Не нужно было говорить, что высокоорганизованные, тягучие и уступчивые любой фантазии тела молди могли явиться орудием многозонового эротического массажа для людей, склонных к сексу в необычных формах. Совершенная неестественность акта оказывалась наиболее манящей для некоторых личностей; и конечно же, для большинства сырных шариков сама вонь молди была именно тем, что больше всего их привлекало. Не к лести для мужского населения планеты, но подавляющее большинство сырных шариков были мужчинами.

Стоящий за стеклом скользящей двери под номером 3D Такер игриво подмигнул Монике с улыбкой, в которой совершенно не было веселья. У Такера были широкие скулы и тонкие губы; на первый взгляд он казался полной деревенщиной из кукурузного штата. То смущение и нетерпение, которое было видно в том, как он непрерывно ломал руки, совершенно точно говорило о том, кем он был — самым настоящим сырным шариком.

Случилось так, что как раз вчера, когда Моника, Кслотл и Андреа летали над морем, Андреа завела с младшими молди разговор о сырных шариках. У Андреа были в запасе свои, совершенно ясные и определенные идеи по полезному использованию сырных шариков.

— Предложите сырному шарику пойти с вами в тихое, изолированное помещение, — мерным дикторским тоном вещала Андреа, которая последнее время взяла манеру говорить как

совершенный инженер, или, точнее сказать, робот. До этого она обычно использовала расплывчатую манеру выражаться, принятую в Библии Короля Джеймса, в Книге Мормонов или Коране, но недавно она усвоила новый стиль, стиль научных журналов. — Спровоцируйте сырного шарика и возбудите его так, чтобы он обратился мыслями к спариванию, приступите к стимулированию гениталий и продолжайте стимулирование до тех пор, пока внимание сырного шарика не окажется полностью отвлечено актом. В этот момент выпустите из телесной массы длинное и тонкое щупальце и быстрым и решительным движением охватите щупальцем шею сырного шарика. После чего сожмите щупальце на шее сырного шарика наподобие удавки с тем, чтобы воспрепятствовать его дыхательным движениям.

— Значит, душить его до смерти? Тут уж точно нужно действовать быстро, чтобы он не успел поднять шорох.

Речевые особенности каждого молди основывались на различиях в базах данных. В то время как Андреа отдавала предпочтение научным журналам, Кслотл черпал обороты речи из крутых детективов и гангстерских *film noirs*.

— Именно так, — отозвалась Андреа. — Но не стоит доводить до летального исхода. Суть в том, чтобы добиться бессознательного состояния сырного шарика, чтобы можно было совершить некоторые манипуляции с его мозгом. Сжимая горло, все время выполняйте мониторинг его пульса, с тем чтобы пульс ни в коем случае не становился слишком медленным или неустойчивым. Время от времени позволяйте ему получать небольшие порции воздуха. Тем временем вытяните свое щупальце и засуньте его кончик в левую ноздрю человека.

— Вау, — подала голос Моника. — Отлично. Но почему в *ноздрю?*

Моника моделировала свою речь в стиле «девчонка из переулка», пользуясь словарем сленга двадцатого века. Они парили в восходящих потоках теплого воздуха над утесами в северной части Санта-Круза, все трое в режиме пеликана, переговариваясь пронзительным писком, быстрыми скрежещущими пакетами закодированной информации, которые молди использовали для общения между собой. Со стороны трое молди напоминали обычных крупных птиц, перекликающихся над бурным в этом день морем, покрытым белыми барашками волн — при этом друг для друга их речь звучала совершенно как человеческая.

— Одно из самых слабых мест в черепной коробке созданий из плоти — это верхняя часть носовой пазухи, — объяснила старушка Андреа. — По соседству с орбитой глазного яблока.

Именно там проще всего проникнуть щупальцем внутрь черепа. Далее у вас открывается полный доступ к мозгу. После чего остается только установить человеку *мыслительный колпачок*.

— Черт! Управление мозгом! — воскликнул Кслотл.

— Ваш мыслительный колпачок в черепе создания из плоти будет словно ядро ореха в пустой кожуре, — ответила Андреа, каркая и сильно хлопая крыльями. — Колпачок действует словно порт ввода-вывода или внутренний ювви. После того как вы установите сырному шарику мыслительный колпачок, он становится вашим периферийным манипулятором.

— Это по-настоящему круто, — взволнованно сказала Моника. — Чтоб я сдохла. А если я не придушу его как надо? Только я начну это: «А где ваша слабая точка?» — как он очухается. Ну, не знаю. И как прикажете мне разобраться, в какую именно часть его *мозгов* нужно ставить мыслительный колпачок?

— Приблизьтесь, дети, — взмахнула крылами Андреа. — Я скачаю вам свою копию полной спецификации человеческого интерфейса. Установите физический контакт со мной для прямой передачи.

Три парящих в небе пеликана соприкоснулись крыльями, и в это мгновение Андреа передала каждому младшему молди терабайты информации. Благодаря проводящим полимерам, покрывающим пластиковые ткани молди, они обладали способностью общаться между собой не только звуками, но также и электромагнитными волнами.

— И ты, Андреа, *на самом деле* пробовала это? — воскликнула Моника, усвоив и сохранив информацию. — Только скажи мне правду.

— Да. В жизни я поставила мыслительные колпачки двум сырным шарикам, — ответила Андреа. — Я имею в виду Спайка Кимбалла и Абдула Квайума, о которых не раз вам рассказывала. Став моими слугами, эти двое мужчин оставили свои семьи и свои прежние жизни. Все их состояния и средства, вырученные от распродажи собственности, перешли мне. Используя полученные средства, я смогла пройти курс омоложения и приобрести достаточно имиполекса, чтобы произвести на свет Ксананну и тебя, Моника.

Спайк Кимбалл был мускулистый мормон-миссионер, три года назад опрометчиво предложивший Андреа заняться сексом. Абдул Квайум, араб, программист ковров, рьяный исламист, обратился к Андреа с тем же предложением за три года до мормона. Будь у них на каплю побольше ума, они, вместо того чтобы пытаться заняться с Андреа сексом, немедленно сожгли бы ее, облив крепким алкоголем.

— И что ты сделала с материалом, после того как выкачала из них все досуха? — спросил Кслотл. — Приказала им застрелиться? Посоветовала подняться на крышу небоскреба и броситься головой вниз, чтобы наверняка раскроить себе череп?

— Прямое управление поведением сырных шариков не должно быть продолжительным, — ответила Андреа. — В противном случае возрастает риск обнаружения. Кроме того, непременным условием является уничтожение сырных шариков таким путем, чтобы скрыть все имеющиеся следы и пресечь возможность исследования останков и обнаружения мыслительного колпачка. Хотите узнать, что я сделала с Кимбаллом и Квайумом? Каким образом я помогла им встретиться с ангелами смерти Морони и Израилом, кои препроводили их в бесконечность?

— О да, — воскликнули вместе Моника и Кслотл.

— Я приказала им ночью отплыть в открытый океан на милю от берега и там плыть дальше и дальше до тех пор, пока от переохлаждения они не пошли ко дну. Как только мозг объекта умер, я приказала моему мыслительному колпачку выбраться наружу через нос и в виде рыбы приплыть ко мне. Сама я ждала его в это время на берегу.

— Ого, вот это жестоко, — сказала Моника.

— Среди созданий плоти есть много таких, кто относится к нам не менее жестоко, — продолжила тогда Андреа. — И вспомни, дорогая Моника, именно таким путем я смогла приобрести достаточно средств для того, чтобы дать начало твоему существованию и существованию Ксананна. Неужели ты откажешь своей матери в возможности омолодить свое тело? Ткани, из которых состоят наши тела, высоко ценятся среди молди. Я не сомневаюсь, что вы предпочтете принести в жертву создание плоти, вместо того чтобы убивать и грабить себе подобных молди. Как я слышала, именно так добывают себе материал для тела безумные лунные молди. Вы же не хотите быть похожими на молди-лунян?

Вот почему, когда этот сырный шарик, имеющий вид законченной деревенщины, стал делать Монике знаки из-за стеклянной двери номера 3D, Моника немедленно начала анализировать возможность установить этому оболтусу мыслительный колпачок — проделывая это с быстротой молнии, со скоростью быстрее скорости света. Должна ли она это делать? Сможет ли она это сделать? Посмеет ли она?

Именно в этот момент в голове Моники раздался голос Кслотла:

— Время обеда, детка. Встретимся на пляже?

В баре «Лос-Транкос» предпочитали, чтобы Кслотл уходил на обед с полудня до часа дня, чтобы его присутствие не отпугивало желающих пообедать в это время. В принципе Кслотл умел герметично закупоривать свои поры, исключая на время все запахи, исходящие от имиполексового тела, однако человеческое предубеждение иногда было лишено всякой логики. Таким образом, было решено, что Кслотлу не стоило находиться поблизости от места, где одновременно обедало много людей.

— Заметано, — мысленно ответила Моника. — Тут есть кое-что, что я хотела бы обсудить с тобой лично.

Ввиду чрезвычайной плотности и перемешанности электромагнитных сигналов связи, в чем-либо, касающемся планов убийства, нельзя было полагаться на ювви.

Игриво помахав сырному шарику, застывшему за залепленным красными и зелеными прозрачными стикерами стеклом раздвижной двери, Моника плавно устремилась вниз по лестнице к выходу из мотеля на Бич-стрит.

Мимо проехал молди-автобус, полный туристов, за ним следом проскакали несколько молди-рикш, занимающихся частным извозом людей. Лавируя между рикшами и кидая приветствия знакомым, Моника вскоре добралась до пляжа. Оглянувшись назад, в сторону бара «Лос-Транкос», Моника вскоре увидела, как к ней прыжками приближается ее дорогой муж. Внешне Кслотл очень походил на Монику — он имел вид фигуры из ацтекских шахмат с ярко-красными губами, напоминающими перечеркнувший рот шрам.

Оказавшись рядом с Моникой, Кслотл издал приветственный вой, они крепко обнялись и, упав на песок, покатились вместе к воде. Остановившись в полосе прибоя, они замерли в сексуальном объятии, медленно проникая разветвляющимися щупальцами все глубже и глубже в тела друг друга.

Ощущение Кслотла в своем теле и собственное проникновение в тело мужа доставляло необыкновенное удовольствие Монике. Они переплетались наподобие составной головоломки, состоящей из отдельных сложных фрагментов, с тем чтобы добиться как можно большей площади возможного контакта поверхности тел. В самых дальних и потаенных точках их единения плоть их открывалась, для того чтобы тела могли обменяться крошечными влажными порциями имиполекса, несущими в себе семена грибка и морских водорослей. Чем чаще молди предавались сексуальным объятиям, тем больше их тела становились похожими друг на друга.

Наслаждение от взаимного контакта достигло пика интенсивности — по сути дела, это можно было назвать

оргазмом, — после чего оба молди растеклись в виде пары луж, для того чтобы их тела и находящиеся в них водоросли смогли впитать как можно больше солнечного света.

— Как приятно, — вздохнула Моника. — Мы так близко друг от друга, Кслотл. Если бы мы могли купить имиполекс, то завели бы ребенка.

Обычно после нескольких занятий сексом пара молди приобретала необходимое количество имиполекса для нового тела и половыми сношениями «втрахивала» в новое тело жизнь, создавая ребенка, наполненного сочетанием родительских лишайников и программного обеспечения. Пластик был дорог, и купить его можно было только у одной или двух крупных компаний, принадлежащих людям, заплатив за это деньгами, заработанными (или украденными) у созданий плоти. Нравилось ли им это или нет, но людям и молди приходилось существовать в тесной взаимосвязи, не всегда приятной для той или иной стороны, ибо так же как молди иногда искали случая внедрить свой имплант в человеческий мозг, так же и люди зачастую, глядя на молди, могли думать только об одном — как сжечь их, облив крепким виски.

— С такой зарплатой, которую мы получаем, у нас уйдет куча времени на то, чтобы сколотить достаточный кусок, — беззаботно проскрежетал Кслотл. — Но ведь нам и так пока неплохо, верно, детка?

Вокруг их тел бурлила пена, и Кслотл ближе придвинулся к Монике, так, чтобы их тела, превратившиеся в подобие тонко раскатанного теста, соприкоснулись по всей длине разделяющей их границы. На секунду Моника заснула, и ей приснился сон. Сон, в котором она увидела китов. Но потом ее окатила крупная волна, и она снова проснулась. Что-то было не так… о да.

— Кслотл, о боже мой, я же забыла тебе сказать! Этот сырный шарик из комнаты номер 3D, он делал мне знаки! Наверное, хочет приударить за мной.

— Кроме шуток? Сырный шарик?

— Кроме шуток. Я убиралась в соседнем номере, а он стоял за своей дверью и глазел на меня, а потом начал делать знаки. *Может, он хотел, чтобы я зашла?* Но тут ты позвонил мне, и я отправилась к тебе на пляж. Я не хочу возвращаться назад.

— Иди обратно и вытряси из него все до последнего цента, все, что у него есть за душой, мамочка. Андреа вчера научила нас, как это сделать.

— Я боюсь, Кслотл. И потом, разве это хорошо, расковырять мозги этого болвана, а после заставить его умереть? Я понимаю, что он всего лишь мясо… Но разве тебе никогда не приходило в

голову, что любая частица информации драгоценна? Даже если она содержится в мозгах сырного шарика?

— Дорогая, тут нужно находить компромисс. Собачьи мозги драгоценны, и ДИМ тоже драгоценен. Все на свете драгоценно. Но с деньгами этого урода мы сможем уже сегодня завести себе ребенка, а на остальные деньги омолодить свои тела. Как это сделала Андреа. Черт, да если у этого извращенца есть нормальные деньги, мы сможем завести и двух, и трех детей и омолодиться сами. Мы сможем дать жизнь нескольким новым хорошеньким молди, со своим собственным сознанием, и все это ценой одного поганого куска мяса! Вот уж действительно, тут нечего сравнивать — цена этой информации совершенно разная. Сделай его, детка, и вся недолга!

— Мне нужно подумать, я еще не решила. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как сегодня дела в «Лос-Транкос»?

— Обычное дерьмо. Сегодня утром мне пришлось колоть гормонами вэнди, чтобы оно побыстрее росло. Эти людоеды-туристы совсем с ума посходили по вэнди. Не знаю, может быть, это мясо еще не разрешили к вывозу, и оно неизвестно за пределами Калифорнии?

— Мясо вэнди — это же человеческое мясо! — воскликнула Моника. — Это мясо клонировано из тех же клеток, из которых выращена Вэнди Муни, той, что в рекламе. Я думала, что среди людей существуют строгие табу в отношении *каннибализма*?

— Эти ходячие куски мяса способны сожрать все, что угодно, Моника. Они все равно что лобстеры. Откуда ты можешь знать, что эта женщина в рекламе настоящая Вэнди Муни?

— Тре рассказал мне. Он помогал «Апекс Имеджес» делать дизайн рекламы вэнди — той самой огромной, что висит на «Полосе Развлечений».

Моника и Кслотл продолжали лежать в мелкой воде, омываемые прибоем, наслаждаясь теплом солнца и прохладой океанской воды. Сформировав лунку в своем теле, Кслотл набрал туда воды и сильно выдавил наружу наподобие фонтанчика. В ответ Моника набрала еще больше воды и выпустила фонтанчик повыше. Потом время обеда закончилось, и два молди в последний раз обняли друг друга, переживая заключительные мгновения близости.

В этот момент невдалеке от Кслотла и Моники остановился маленький мальчик и уставился на них во все глаза.

— Смотри-ка, пап, вон два молди трахаются! — закричал он. — Я сейчас подкрадусь и прибью их палкой!

Мальчишка подхватил с песка палку и ткнул ею в Кслотла. Очень сильно. Прежде чем палка успела разрушить несколько

клеток его тела, Кслотл обхватил своей плотью конец палки, одновременно превратившись в разгневанную шахматную фигуру с торчащей из груди палкой.

— Хочешь, чтобы я надрал тебе задницу, оболтус, и научил манерам? — прорычал Кслотл, приближаясь к мальчишке наподобие шестифутового кентавра, выходца из ночных кошмаров. Вырвав палку из рук мальчишки, Кслотл запустил ее с такой силой, что палка просвистела у маленького хулигана над головой наподобие запущенного сильной рукой бумеранга.

Мальчишка разревелся и убежал, но через несколько секунд вернулся со своим отцом.

— Что это вы, поганые молди, себе тут позволяете? — злобно выкрикнул мужчина. Моника уже тоже приняла обычный вид ацтекской шахматной фигуры. — Какого дьявола вы сюда приперлись?

— Это общественный пляж, дубина, — отозвался Кслотл. — А мы — жители этого города.

— Черта с два вы здешние жители, — брызнул слюной мужчина, однако не смел приблизиться к паре молди. Он был лыс и жирноват, его кожа была бледная как молоко. — Больше не смейте трогать моего сына, а то я вам устрою.

Мужчина повернулся и торопливо пошел к другому концу пляжа. Мальчишка затрусил следом, по дороге повернувшись, чтобы показать Кслотлу средний палец.

— Куски мяса, — пробормотал Кслотл. — Почему мы не можем от них избавиться? Стоило бы прикончить их всех.

— Ничего не получится, — отозвалась Моника, — и ты сам это знаешь. Невозможно убить всех людей до единого.

— В 2031 году куски мяса уничтожили всех бопперов, разве ты забыла? — спросил Кслотл. — При помощи плесневого чипоеда. А теперь у нас есть возможность разобраться с созданиями из плоти, этим мясом — нужен вирус хорошей чумы, и все.

— На самом деле они не уничтожили бопперов. Большая часть программного обеспечения бопперов теперь существует в наших телах. Чипоед лишь помог бопперам перейти на новую платформу телесных оболочек. Просто это произошло в массовом порядке. И ты же сам это знаешь, Кслотл: если мы развяжем против людей биологическую войну, они ответят нам какой-нибудь еще более сильной заразой. И все это знают. Живи сам и давай жить другим.

— Что, иными словами, обозначает режим постепенного взаимного уничтожения, — ответил Кслотл. — Слава богу, у нас есть Гражданский Акт Молди. Так как насчет того сырного

шарика в отеле? Ты же не станешь с ним чикаться? Возьми себя в руки, Моника, разозлись по-настоящему! Вспомни того мальчишку, который только что ткнул в меня палкой!

— Не знаю — мне бы сначала хотелось поговорить с мамой. Но ее без толку спрашивать: все, чем она теперь интересуется, — это валяться под кайфом на солнце на краю тротуара на «Полосе Развлечений», от нее ничего не добьешься толкового.

— В виде Корана или Книги Мормонов? Или ее пронял наконец Шекспир, и она решила прикинуться его избранными сочинениями?

— Теперь она предпочитает образ Библии. Разве ты забыл? Христианство — последнее увлечение мамы Андреа. Она говорит…

Моника рассмеялась, запрокинув назад голову, потом сказала, передразнивая мать, голосом чуть-чуть более пронзительным: «Я хочу завязать серьезные отношения с богобоязненным христианином».

Кслотл задумчиво кивнул.

— Андреа сказала бы, что ты должна решиться, Моника, и сделать с этим сырным шариком то, что должна сделать. Иначе, скажет она, я займусь им сама. Все, я потопал в «Лос-Транкос» — буду следить за тобой через свой ювви, Моника. Если тебе понадобится помощь, только свистни.

— Чудесно, дорогой. Пожелай мне удачи.

Моника прыжками направилась к дальнему концу пляжа в сторону «Полосы Развлечений».

Она держалась края прибоя, где блестящий влажный песок был наиболее твердым. Некоторые из людей, мимо которых она проходила, улыбались ей и кивали, другие хмурились и отворачивались. Один из мужчин — отец мальчика, которого испугал Кслотл, — вскочил на ноги и закричал на нее: «Убирайтесь обратно на Луну!» Он уже до краев набрался пива.

Вместо того чтобы молча двигаться дальше, Моника остановилась и повернулась к нему лицом. Вместе со своей семьей и еще одной парой мужчина располагался под огромным пляжным зонтиком. Их бледные, тощие дети катались в песке рядом с ними.

— Я никогда *не бывала* на Луне! — выкрикнула мужчине Моника. — Почему бы вам самим *не убраться* из этого города?

— Хрен тебе! — как резаный завопил мужчина.

— А он у тебя есть? — проскрежетала Моника. — Если нет, то я могу тебе одолжить свой. — Моника протянула руку к мужчине, изображая фаллос. — Куда ты хочешь, чтобы я тебя трахнула — в нос или в зад?

С угрожающим видом она шагнула в сторону мужчины. Тот опустился на песок и вяло махнул рукой, предлагая Монике убираться прочь.

Через несколько минут Моника добралась до «Полосы Развлечений» Санта-Круза, парка аттракционов в классическом стиле приморских городков. Весь день напролет студенты, молди, рабочие с ферм, серферы и бездомные торчки, населяющие Санта-Круз, толпами прокатывались через «Полосу Развлечений», наполняя собой аллеи и разбавляя имеющихся в наличии «наследников», так что в парке аттракционов никогда не бывало скучно. В длину «Полоса Развлечений» была на шесть кварталов и полквартала в ширину.

Моника прошла мимо главной закусочной на «Полосе Развлечений», со здоровенной новой рекламой мяса вэнди в витрине, работы Тре. Реклама представляла собой большую полупрозрачную голограмму с изображением семи разных смешного вида существ, разевающих рты на головы и зады друг дружки, дополнением к чему служили образы невероятно красивых мужчины и женщины, выражение лиц которых циклически менялось, проходя через неповторяющиеся гримасы постоянного удовольствия. Мужчина был чуточку измененный в лучшую сторону сенатор Стэн Муни, а женщина — его жена Вэнди Муни, не прикрытая ничем, кроме своего Плаща Счастья. Реклама имела совершенно поразительный вид трехмерной огромной мозаики, сложенной из пастельных фрагментов. Фрагменты были сформированы при помощи четырехмерного фильтра «Забавные цыплята», которую Тре разработал в июле. Моника немного помогла Тре с окончательными расчетами рекламы вэнди и теперь могла с гордостью смотреть на результат, где была частица и ее труда.

Когда Моника шла через «Полосу Развлечений», кто-то спросил ее, приняв за местного работника, где можно купить билеты на карусель. Моника указала на билетный киоск и плавно продолжала двигаться вперед, перемещаясь благодаря волнообразному перекатыванию плоскости основания своего тела.

На обочине тротуара на выходе из «Полосы Развлечений» лежала мама Андреа в виде расплющенной по дороге колорадской речной жабы, но жабы в виде огромной книги, раскрытой посредине. Божья Книга. На двух открытых страницах виднелись крупные готические буквы. В данный момент буквы складывались в слова: ВОЗЛЮБИ МОЛДИ.

— Молди есть разумные существа с гениальными религиозными воззрениями, — ровным тоном вещала Андреа. —

Я хочу найти оппонента, кто смог бы вступить со мной в дискуссию на эту тему. Желательно одинокого мужчину!

— Мам, — обратилась к Андреа Моника, воспользовавшись закодированным скрежетом. — Ты дождешься, что в один прекрасный день какой-нибудь турист-«наследник» обольет тебя виски и бросит спичку. Большая часть «наследников» — христиане. Неужели ты не понимаешь, что они оскорбятся, увидев, что ты изображаешь собой их священную книгу?

— Привет, Моника, — добродушно проскрежетала в ответ Андреа. — Сейчас я пребываю в экстатическом состоянии бессознательности. Не далее как сегодня утром замечательное-примечательное-великолепное-улетное, *иттрий-иттербий*, вещество было предложено мне кузиной Эмулиной. Это вещество выгоняется прямо здесь, в Калифорнии, и называется оно — *бетти*. Я понятия не имею, почему оно так называется, может быть, потому, что *иттебриум* наоборот будет *муирбетти*. Моника, твоя мать так хорошо задвинулась, такая вся стала *бетти-муирбетти*. Что тебе нужно от меня, моя прекрасная дочурка?

— Я хочу спросить тебя кое-что о сырном шарике, который сегодня пытался приударить за мной. Я собираюсь поставить ему мыслительный колпачок — как ты на это смотришь?

— Думаю, что у тебя получится, Моника, все как нельзя лучше.

— Я боюсь, мама. Потому что мне кажется, что так делать неправильно.

— Обуздай свой страх, Моника, не позволяй ему руководить твоим поведением. Помни, что и твоя атака должна быть быстрой и неожиданной, потому что в противном случае…

— Что в противном случае? — тревожно спросила Моника.

— Кузина Эмулина сказала мне, что с недавних пор кто-то занимается тем, что оглушает молди и отправляет их на Луну. Мое предположение заключается в том, что это происки «наследников», которые сговорились с лунными молди. Да, да, эти алчные лунные молди способны на все, что угодно. Эмулина и я, мы считаем, что лунные молди специально наняли «наследников», чтобы те оглушали и забирали в рабство молди при помощи специальных ДИМ-пиявок, называющихся суперпиявками.

— И для чего это им нужно?

— Помнишь, я рассказывала тебе о старых ДИМ-пиявках? Эта зараза блокирует нормальные мыслительные процессы молди. Все равно что заснуть или устроить себе крепкий трип на психоделике, так я это понимаю — вот только дело тут совсем в

другом, это мясо может разрезать молди на части, забирая коробочки со спорами камота, чтобы загонять торчкам-спорышам, а мертвый имиполекс продавать на Луну. Кстати говоря, отец твоего босса, Терри, когда-то тоже участвовал в этом, поэтому мы физически устранили его — думаю, что ты понимаешь, что тебе нет необходимости говорить об этом Терри. Новые суперпиявки гораздо сильнее и эффективнее старых ДИМ-пиявок. Эмулина говорит, что действие суперпиявки подобно действию мыслительного колпачка, только наоборот, ее можно сравнить с физической клеткой, в которую…

Три хорошо одетых туриста-калифорнийца остановились рядом с Андреа, чтобы поглазеть. Это был яппи-отец, мать и дочка.

— Что это может значить? — спросила мать.

— Я — Библия, — ответила Андреа, приятным и отчетливым голосом. — Книга Бога, вашего Спасителя. Я с удовольствием поговорю с вами на религиозную тему.

— Эй, смотрите, тут что-то написано, — сказала маленькая девочка. — Тут написано: «Возлюби молди, как самого себя».

— Только близко не подходи, — предупредил отец. — Кто знает, что у него на уме, может быть, оно попытается что-нибудь у тебя отобрать. Все эти религиозные штуки — полная фигня. Сюзи, ты уже взрослая, и должна это понимать. Пошли посмотрим на аттракционы.

Семейство побрело прочь.

— Зачем ты ведешь себя так, Андреа? — спросила Моника.

— Для того чтобы способствовать установлению всеобщего мира и взаимопонимания между разумными видами, моя дорогая дочь. К тому же, если мне удастся познакомиться с мужчиной — сырным шариком, я смогу ограбить его и убить.

— Мама, это полнейшее безумие.

— Библия учит: «Чти мать и отца своего», — наставительно сказала Андреа. — По-моему, это очень разумно. А теперь иди и сделай то, что должна. И постарайся быть осторожной и думать на шаг вперед. Я уже говорила тебе, что вмазалась бетти? Да. Я вижу в небе созданий Божьих, даже сейчас, когда разговариваю с тобой. Созданий Божьих, прибывших из других миров.

Перевернув несколько страниц своего тела-Библии, Андреа обратилась с приветственным возгласом к следующей группе туристов, появившихся невдалеке. Не обращая на лежащую на тротуаре Библию внимания, туристы прошли мимо.

— Тебе никогда не приходило в голову, что все, что окружает нас, в том или ином смысле живое? — задумчиво проговорила Андреа. — Все вокруг пропитано информацией. Информация

нисходит к нам дождем с небес в виде космического излучения. Теперь в своем возвышенном состоянии духовной экзальтации я чувствую это. Оооо. Уммм. Ооооx. Аааах.

— Мама, ты уверена, что эти редкоземельные колеса не вредят тебе?

— Всем известно, что смерть — это конец жизни, Моника. В информационно-теоретическом смысле повторение уже пройденного означает смерть, пусть тело твое и продолжает жить. Поэтому нужно подвергнуть тело риску, для того чтобы способствовать активизации мыслительной деятельности и перейти на высшую ступень сознания. В твоем случае, дочь, перед тобой сегодня стоит очень сложная, специфическая и опасная миссия. Ни в коем случае не уклоняйся от нее.

— Лады, договорились, потрясно. Я отправляюсь выполнять свою миссию. Счастливо.

На дорожке на нижнем уровне террас «Чистого Света», за стеклянными дверями номера 3D не было заметно никакого движения. Но почему-то Моника была совершенно уверена, что сырный шарик по-прежнему сидит в своем номере.

Устроившись на балконе соседнего номера, она вытянула и изогнула шею, и заглянула вниз, словно Пластиковый Человек из комиксов, для того чтобы убедиться, что Тре и Терри нигде не видно. Благодаря гибким полимерам, входящим в состав пьезопластического имиполекса, Моника могла гнуть и изгибать свое тело как угодно, по своему усмотрению — хотя, нужно было признаться, что пребывание в позиции, отличной от наиболее устойчивых состояний, шахматной фигуры или пеликана, вызывало повышенный расход энергии.

Нигде не было видно ни Тре, ни Терри. Терри скорее всего отправилась с доской на пляж кататься на волнах, оставив Тре одного в конторе забавляться с ювви. Просто для того, чтобы убедиться в том, где находится Тре, Моника соединилась по ювви с конторой мотеля. Посреди странных четырехмерных силуэтов различных животных она обнаружила иконку Тре: он занимался составлением нового ювви-фильтра.

— Здорово, Моника, — сказала, заметив ее, иконка Тре. — Все в лучшем виде?

— Все отлично, — отозвалась Моника. — Я только вернулась с обеда и сейчас снова начала убирать комнаты, закончу через полчаса. Я хотела сообщить тебе, что сегодня нужно будет заказать мыло, а то у нас заканчивается. Я подготовлю заказ и передам тебе на подпись.

— Замечательно, — отозвался Тре. — Потом зайди в офис, когда будет время. Терри хотела, чтобы мы подумали о том,

чтобы начать красить мотель. Есть и еще кое-что, о чем надо бы поговорить. Кое-что срочное, кое-что — ерунда.

— Я все поняла, Тре, — весело откликнулась Моника. — Покедова!

Отсоединившись от Тре, Моника использовала часть собственной компьютерной мощности для того, чтобы просмотреть информационный обмен, который исходил из номера 3D за время ее отсутствия. Кроме того, она еще раз проверила все, что у нее было на Ренди Карла Такера. Ренди родился в городке Шивели, в штате Кентукки, ему был двадцать один год от роду, он был холост, и на счете у него водились денежки. Отмечалось, что последнее время он провел за границей, точнее, вне пределов обеих Америк, но точную информацию о месте его пребывания Монике получить не удалось; доступ к этой части файлов Такера был скрыт паролем. Однако самым важным было то, что у Такера было достаточно денег, чтобы заплатить за пластик, который нужен был для ребенка.

Деревенщина Ренди Карл Такер оказался именно тем человеком, о котором говорила ей мать Андреа, которого она так советовала искать Монике.

Приблизившись к двери Ренди Карла, Моника постучала. Когда Такер отворил, Моника плавно скользнула внутрь. В комнате стоял запах дыхания Такера. На письменном столе стоял ювви, транслирующий голографическое изображение порнографической мыльной оперы.

— Привет, — сказала Моника, синтезируя звуки речи при помощи вибромембраны, находящейся в дальней стороне на дне ее ротовой впадины. — Я заметила, как вы делали мне какие-то знаки, я права? Могу я быть для вас чем-нибудь полезна?

Губы Такера растянулись одновременно в смущенной и похотливой улыбке.

— Я так и знал, что ты вернешься. Вот почему я остался в номере и ждал тебя. Для начала закрой за собой дверь, маленькая вонючка. И задерни на окнах шторы. Прежде чем мы н-а-а-чнем.

Такер был чисто выбрит, его глаза были совершенно пустые и прозрачные, словно выцветшие. Над письменным столом две голографические проститутки спорили из-за своего кота.

— Не знаю, чем я могу быть вам полезна, сэр, — расчетливо протянула Моника, закрывая дверь и задергивая на окнах шторы. — Терри Перцесеп, менеджер этого мотеля, она только сегодня утром говорила мне, что мне не следует вступать в интимные отношения с клиентами мотеля. Наш мотель «Чистый Свет и Террасный Дворик» в основном предназначен для

семейного отдыха. Именно так миссис Терри мне и сказала. Это ее точные слова.

Моника уперла руки в бока, эротично увеличив вздутия грудей и сделав круче формы ниже талии, бедра и ягодицы.

— Так что же ты хочешь от меня, деревенский паренек?

— Я…

Двигаясь с такой же болезненной резкостью, как и актеры в мыльной опере над столом, Такер взял картонный стаканчик с кофе с логотипом «Даффо Дели», закусочной на другой стороне Бич-стрит, напротив мотеля, и сделал большой глоток. Потом серьезно поглядел на Монику поверх своего стаканчика, но только лишь для того, чтобы тут же рассмеяться, увидев, как манит и соблазняет его Моника, как жестикулирует она руками, словно девушка на баскетбольной площадке, чирлидер с помпонами в руках.

— *Ты мой сочный кусочек сыра*, верно? — сказал ей Такер. — Пошли своего босса к черту, Моника. Давай отдохнем как следует. Покажи мне, что ты умеешь. Если ты постараешься, то я хорошо тебе заплачу.

Пройдя через комнату и остановившись вплотную к Такеру, Моника открыла поры своего тела и выпустила ему в лицо весь свой букет запахов.

— Можешь ты дать мне доступ к твоему счету, Ренди?

— Это зачем?

— Я не только горничная в этом мотеле, мистер Такер, я еще и бухгалтер, — сказала Моника, расстегивая первую пуговицу рубашки Такера на груди. — Так можете вы дать мне доступ к вашему счету?

Моника расстегнула вторую пуговицу на рубашке с длинными рукавами Такера. Его серые слаксы и черный пластиковый ремень были такими же дешевыми, как и рубашка с длинными рукавами. Короткие волосы Ренди были давно немыты. Тонкая кожа, загар с которой смылся, словно он давно не выходил на солнце, была кое-где покрыта язвинами оспин. Моника видела, как под бледной кожей Такера пульсируют синие вены. Нос у ее нового кавалера был чуточку свернут на сторону, его адамово яблоко отличалось внушительным размерами.

— Хорошо, э-э-э… — протянул Такер. — Введи, введи… — запнулся он.

— Как вы смотрите на то, если я запишу это на ваш счет? Как среднюю цену за один лишний день? — предложила Моника. — Никто ничего не заметит. Но прежде вы должны сказать мне, что вы хотите, чтобы я вам сделала.

Моника ослепительно улыбнулась и испустила облако спор.

— Чтобы потом мне не смогли предъявить обвинение в проституции. Разве не можете вы оказаться «наследником»? Итак, Ренди, скажи мне теперь, что же ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты мне отсосала, черт возьми. А чем тебе не нравятся «наследники»?

— Но ты не «наследник»?

— Я не сказал, что я «наследник». По крайней мере я никогда не считал необходимым придерживаться их веры. Но там, в Шивели, где я жил раньше, я знал несколько «наследников». Иногда эти парни, «наследники», они могут делать добро и совсем неплохие.

— Как ты думаешь, что бы они сказали, если бы узнали, что ты собираешься заняться сексом с молди?

Такер вздохнул.

— Они отлично все понимают — почему ты решила, что они вообще станут этим интересоваться? Знаешь что, Моника, я уже через это все прошел, и через муки вины и все такое. Я такое проделывал и такое повидал — мало кто поверит, что можно столько успеть к двадцати одному году.

Такер пристально взглянул на Монику, словно пытаясь прочитать, что у нее на уме. Наконец, приняв какое-то решение, он отвел глаза.

— Будем просто считать, что я человек со странностями и у меня есть свои запросы. Можем мы теперь начать?

— С удовольствием, — сухо отозвалась Моника.

К этому времени она уже закончила расстегивать рубашку Ренди и приступила к ремню на брюках. Прервав свое занятие, она взглянула на него еще раз. Такер был тощ и бледен, но немного мускулатуры у него имелось. Ей придется придушить его хорошенько, прежде чем она проникнет в его мозг через ноздрю и начнет манипулировать внутри его черепа.

Ренди прилег на кровать, и Моника опустилась сверху него, при этом ее тело потеряло свою форму, разжижилось и плотно облегло половые органы Ренди. В сексуальном плане соседство Ренди для нее означало не более, чем могла означать для человека работа, например, с тачкой. Моника набрала ритм, лаская и массируя, стараясь возбудить тело и определить нужный темп.

Заметив, что Такер принялся стонать и извиваться в мучительном наслаждении, Моника начала удлинять указательный палец, осторожно ползущий, словно виноградная лоза. Палец Моники прополз вдоль тела Такера и обернулся вокруг его горла.

Чувствуя нетерпеливое желание скорее придушить Такера и

приступить к делу, Моника двинулась далее и, удлинив другой палец, попыталась просунуть тот в ноздрю Такера, одновременно быстрыми волнообразными движениями массируя его гениталии. Но вместо того, чтобы оставаться лежать на спине в слепом экстазе, Такер вдруг поднялся и сел, вцепившись руками в посторонние предметы, которые пытались проникнуть в его нос и оплести шею.

— Какого черта ты делаешь в моем носу, сучка? Решила установить мне мыслительный колпачок, да?

Как ни странно, но голос у Такера был совсем не испуганный, а скорее ужасно удивленный, притом, что он уже задыхался и хрипел, и слова его было трудно разобрать.

Сжав изо всей силы шею Такера, Моника попыталась сильным движением протолкнуть щупальце вперед и вверх в ноздрю своей жертвы. Но щупальце дальше не шло! Моника толкала и налегала раз за разом изо всех сил, но впечатление было такое, словно череп Такера был бронирован изнутри титанопластом или чем-то подобным — щупальце Моники не могло проникнуть внутрь!

В довершение ко всему Такеру удалось просунуть ладонь между щупальцем Моники и своей шеей, в результате чего она не могла душить его дальше. Ухватившись левой рукой за другое щупальце Моники, Ренди с силой выдернул его из своего носа. Потом поднялся на ноги и стал пинать тело Моники. В ответ Моника резко стиснула половые органы Такера, и тот пронзительно закричал, опрокинувшись на спину, в падении сбив со стола ювви и голограмму и уронив это все на пол. События оборачивались самым нежелательным образом, грозя обернуться для Моники очень серьезными неприятностями. Если после всего происшедшего Моника попытается бежать, то Такер все равно донесет кому следует о том, что она на него напала, после чего на Монику устроят охоту, выследят и уничтожат. Теперь она просто обязана его прикончить!

Такер лежал на полу на спине, а Моника сверху него наподобие дикого и голодного плаща-вампира. Ювви продолжал транслировать голограмму, тоже сцену борьбы, и крики, доносящиеся из ювви, слава богу, пока что заглушали те звуки, что издавал Такер. Кроме того, соседние комнаты скорее всего были пусты, потому что в такое время люди находились на пляже, там, где им и следовало в такую пору находиться, а не сидеть как извращенец, затаившись в своем номере, дожидаясь возможности заняться сексом с молди, вроде этой скотины «наследника»…

Такеру удалось дотянуться до своей сумки с вещами, на ощупь расстегнуть молнию, и теперь он вслепую копался в сумке. Что он там ищет — пистолет? Но пистолет бесполезен против

молди. Теперь, когда левая рука Такера была занята, Моника приготовилась засунуть толстое щупальце Такеру в рот. Она уже собиралась призвать на помощь Кслотла, но передумала, потому что теперь была почти уверена, что одолеет Такера сама. В черепе создания из плоти имелось отличное, совершенно незащищенное место в верхней части рта, которое не должно, да и не может быть защищено броней, как нос. Нужно добраться туда, и все, здравствуй, плотти! Но не успела Моника проникнуть в рот Такера, как что-то выскочило из сумки, прыгнуло на нее — и моментально все изменилось.

Вместо того чтобы как следует навалиться и прикончить упрямого Такера, Моника скатилась с него и, бессильная, растянулась рядом. Его голос звучал в ней, что-то нашептывал ей. Она не могла двинуть ни рукой, ни ногой без его позволения. Все, даже ее мысли, теперь не принадлежали ей.

— Вот так, Моника, теперь лежи тихо, — сказал ей Такер, поднимаясь на ноги. — Да, устроила ты тут беспорядок, девочка.

Маленькое симпатичное имиполексовое создание на двух ножках бегало по полу, как цыпленок. Именно оно выскочило из сумки и набросилось на Монику.

— Забирайся обратно в сумку, Вилла-Джин, — приказал ему Ренди Такер. — Ты отлично сработал, прилепил на нее суперпиявку как раз вовремя.

Такер откашлялся и отправился в ванную выпить воды. Цыпленок остался стоять перед Моникой, неотрывно наблюдая за ней парой маленьких глазок. На спине у него имелось небольшое расплывчатое розовое пятно, словно клок короткого меха. Цыпленок осторожно подошел к Монике ближе и тихонько на пробу клюнул ее лицо, потом клюнул сильнее, отрывая и усваивая небольшие частички ее имиполекса.

— Полезай обратно в сумку, Вилла-Джин! — снова крикнул цыпленку Такер, появляясь из ванной. — Быстро!

Создание проворно забралось обратно в сумку Такера, и тот застегнул на сумке молнию.

Ренди пошарил в карманах и достал оттуда несколько небольших розовых кусков имиполекса. Потом взял со стола ювви и позвонил кому-то, переговорив только голосом, без изображения.

— Аарби? Это Ренди, старина. Я тут взял одну. Когда ты сможешь подогнать лодку, чтобы убраться отсюда? Отлично. Я сейчас выхожу.

Ренди выключил ювви.

— Пойдем купаться, — сказал он Монике, сказал мысленно, не произнеся ни звука. — Мы выйдем на улицу, и ты будешь моей

рикшей, довезешь меня до утеса на Стимер-лэйн. Мы выйдем, как будто все в порядке, чтобы твой босс ничего не заподозрил и нас не остановил.

Внезапно Монику посетила галлюцинация: она увидела осушенное морское дно с лежащими на боку разевающими рты задыхающимися рыбами, с ползающими извивающимися осьминогами и огромными кучами водорослей с запутавшимися в них морскими звездами всех возможных цветов. Она была совершенно без сил, без формы и даже желания. Словно медуза под солнцем.

— Вставай и выходи, Моника.

Голос внутри нее заставил подняться и сдвинуться с места. Моника вышла из комнаты 3D. Ренди шагал следом за ней, взволнованно дыша в спину.

Тре сидел за стойкой в холле, но Моника прошла мимо, даже не взглянув на него, и вышла на улицу. Такер о чем-то быстро переговорил с Тре, потом проворно вскочил Монике на спину, словно хищный зверь на загривок своей жертве. По приказу Такера Моника припустилась рысью вниз по улице к океану, на набережной свернула на север, и еще через полмили они были возле Стимер-лэйн.

— Теперь стань для меня водолазным костюмом, — приказал Ренди Монике, и та послушно облегла собой его ненавистное тело, превратившись в скафандр с возможностью дыхания. Они бросились с утеса прямо в океан.

Вода взорвалась вокруг Моники головокружительным вихрем цвета и мерцающего свечения. Ее снова посетила галлюцинация. Вихрь чистой энергии ворвался в ее тело и закружил внутри. На время она полностью забылась в этом вихре, но после, когда рев и грохот утихли, Моника обнаружила, что преодолела под водой большое расстояние и плывет так уже давно, потому что ее тело было пропитано усталостью. Дно внизу выглядело странно, его покрывала перекрещенная сетка, словно карта меридианами и параллелями, и казалось, что у плавающих вокруг рыб человеческие лица. В довершение ко всему в той же манере сна кущи водорослей представлялись сделанными из шестеренок, колесиков и металла.

Потом Моника остановилась, и возле нее появился белый катер. Блестя под солнцем, волны прокатывались по океану, одна за другой уходя к горизонту, и внезапно Моника обнаружила нечто поразительное, огромное ядовито-зеленое тело, висящее в воздухе над водой немного в стороне от катера, пятно в небе, которое она видела, но присутствие которого раньше не доходило до ее сознания. Тело, похожее на гигантского полупрозрачного

кита, со свистом рассекая плавниками воздух, на глазах у Моники стремительно опустилось вниз к воде.

— Отправляйся следом за ним, — сказал враг, угнездившийся внутри нее, и кит, ловко затормозив как раз над водой и осторожно погрузившись наполовину, задрал крючком хвост, надул и выставил вперед светлое в полоску брюхо, осклабив в огромной улыбке рот, что было совершенно удивительно и одновременно весело и дружелюбно, отчего Моника принялась смеяться, смеяться и смеяться. От сильного смеха ее спина треснула, злобное человеческое существо, словно белый червяк, выбралось наружу и вплавь добралось до катера.

— Отправляйся за китом, — крикнул ей человек, и тотчас же кит, это сказочное порождение сна, нырнул в воду, направляясь к самому океанскому дну, погружаясь все ниже и ниже — туда, где померк вокруг свет.

2. Ренди

Сентябрь 2048 — апрель 2051

Ренди Карл Такер родился и вырос неподалеку от шоссе Дикси в мелком городке Шивели, который прилепился к юго-западному углу Луисвилля. Около века назад шоссе Дикси было важной транспортной артерией города, ведущей к военной базе в Форт-Ноксе, что в тридцати милях к югу от Луисвилля, и Шивели был тем местом, куда приезжали солдаты, чтобы вкусить успокоительных удовольствий гражданской жизни — проиграть получку на Черчилль-стрит или напиться и переспать с девчонкой. Заканчивалось это тем, что довольно большое количество солдат женились на девушках Шивели и оставались тут жить; спустя пару десятков лет городок разросся и окреп, включив в свой состав малоимущих безбожников, профессиональных христиан и пропитанный алкоголем и убитый наркотиками белый мусор.

Мать Ренди, Сью Такер, была бисексуалкой, с сильной мужской наклонностью, и многим мужчинам казалась привлекательной своими мальчишескими манерами и обликом. У Сью был собственный небольшой бизнес, мастерская в гараже и грузовичок, она была мастером-водопроводчиком с хорошей репутацией. Она выполняла ремонт и иногда работала по контракту, там, где во время перестройки в домах требовалось провести новый водопровод и канализацию.

Сью не любила говорить об отце Ренди, но дети слышат все, и с течением лет Ренди узнал, что рождением своим он обязан случайной связи Сью во время секс-вечеринки на Хеллоуин в 2031 году в клубе здоровья «Ла Мираж» в пригороде Луисвилля. По словам Сью, она даже не видела лица этого парня, потому что весь он, от макушки до пят, был скрыт под мерцпокровом, Плащом Счастья, и фокус был в том, что парень был замаскирован под женщину. Сью так никогда и не узнала, кто это был.

Пока Ренди был маленький, в доме Сью иногда появлялись мужчины, но когда он повзрослел, они исчезли, так как в это время Сью склонило на лесбийскую сторону. Наиболее постоянной подружкой Сью, ее фавориткой, была официантка Хони Вивер — плотная крашеная блондинка с большой грудью и зачаточным подбородком. Вскоре после того, как Ренди исполнилось шестнадцать, Сью решила, что Хони лучше всех

сможет рассказать Ренди о сексе, к тому же, как лесбиянка, Хони сможет научить Ренди должному уважению к женщинам.

— Ренди Карл, — сказала сыну Сью в один прекрасный вечер в сентябре 2042 года, после того, как, придя домой, в очередной раз обнаружила, что Ренди тайком смотрит по ювви порнопрограммы. — Выключи эту гадость. Такие фильмы унижают женщин. К тому же если ты будешь много смотреть ювви, то испортишь глаза, и тебе понадобятся очки.

— Ну пожалуйста, Сью.

Ренди всегда звал мать по имени.

— От этих фильмов нет никому вреда. И с глазами у меня все нормально, очки мне не нужны.

— В конце концов понадобятся, если так и будешь смотреть эти фильмы до старости.

Ренди был мальчишкой мрачноватой наружности, с вытянутым унылым лицом. Он еще не вырос, и роста в нем было чуть больше пяти футов. Волосы он стриг ежиком-платформой, носить предпочитал тишотки и штаны-хаки; когда Ренди смотрел по ювви грязные фильмы, его штаны впереди заметно вспухали.

— Ренди Карл, настало время тебе узнать, что к чему. Я хочу, чтобы ты сходил к Хони Вивер.

— Да? Зачем это?

— У нее засорился слив в раковине на кухне. Ведь ты сможешь сам справиться? Хони просила зайти, а я сегодня устала.

Ренди часто помогал матери по работе, но это был первый раз, когда она просила его сделать что-то самостоятельно.

— Сколько она заплатит — как обычно, по профсоюзным расценкам?

— Она заплатит, будь уверен.

Ренди послушно сложил в ящик инструменты и пешком отправился к дому Хони — она жила всего в двух кварталах от Сью, в доме, похожем на их как две капли воды: трехкомнатное бунгало, с дешевыми стенами из керамических плит и бетонированным передним двором.

Дверь Ренди открыла Хони. На ней был розовый шелковый халатик, едва завязанный пояском.

— А, привет, Ренди. Сью позвонила мне и сказала, что ты зайдешь. Я только что пришла с работы, сняла форму и приняла душ. Входи же.

Хони открыла дверь, и ее халатик распахнулся, так что Ренди заметил ее груди и, на секунду, треугольник волос внизу живота.

— На что это ты смотришь, паренек? — спросила Хони с воркующим смехом. — Ты никогда раньше не видел живой женщины?

— Я… — задохнулся Ренди, со стуком поставив на пол свой ящик с инструментами. — Хони, я…

— Ты так возбужден, — мурлыкнула Хони. — Ах ты мой малыш, какой красавчик.

Хони раскинула руки, и ее халатик окончательно распахнулся.

— Иди ко мне, Ренди. Обними меня и поцелуй мои груди.

Ренди дышал запахом ее духов, соски ее грудей окрепли и чудесно елозили по щекам и губам Ренди. Руки Хони, как пара змей, опустились вниз и расстегнули его брюки. Прежде чем он понял, что происходит, она стиснула его торчащий маленький член, и он кончил прямо в ее настойчивые и ласковые руки. Ренди был так удивлен и смущен, что залился слезами.

— Ничего, ничего, — проговорила Хони, улыбаясь ему и растирая сперму у себя по груди. — От этого кожа становится мягче. Мне нравится доить таких милых мальчиков, как ты, Ренди Карл. Хочешь посмотреть мою вагину?

— Да, Хони, хочу.

— Тогда встань передо мной на колени.

Ренди опустился на мягкий пластик пола, и Хони подвинулась к нему так, чтобы пышный и душистый куст ее лобка оказался прямо напротив его лица. Она немного расставила в стороны ноги, и теперь Ренди мог видеть ее гениталии во всех подробностях.

— Поцелуй мою киску, Ренди Карл. Оближи ее всю сверху донизу.

Ренди начал медленно и осторожно, но уже скоро Хони схватила его голову и крепко прижала к своей промежности. Покрытые слизью, нежные и мягкие покровы Хони были потрясающими, роскошными, неописуемо экстравагантными. Ренди целовал и сосал, издавая стоны от наслаждения. Хони начала ритмично двигать бедрами, прижимая определенное место своего лобка ко рту Ренди, и по прошествии времени этот ритм сменился хаотическими судорогами. Хони вскрикнула, потом опустилась на пол рядом с Ренди.

Ренди торопливо забрался на нее, с желанием проникнуть со своей болезненной эрекцией в Хони, но та воспротивилась:

— Никогда больше я не пущу в себя член мужчины, Ренди Карл, даже твой. Я не желаю этого.

Хони поднялась и села, глядя туманным и немного грустным взглядом в окно. На улице уже смеркалось. Входная дверь осталась немного приоткрытой, и Ренди видел, как по улице перед домом Хони проходят люди. Однако света внутри дома не было, и прохожие не видели ничего, что происходило внутри.

— Если ты окажешь мне еще одну услугу, Ренди, то я подою тебя снова.

— Хорошо, Хони. Я сделаю все, что ты скажешь. Мне так хорошо, как никогда в жизни. Это здорово.

В этот момент Хони казалась Ренди самой прекрасной женщиной во всем мире, несмотря на валик жира на ее животе и почти полное отсутствие подбородка.

— Подожди здесь.

Хони отправилась в спальню и что-то принесла оттуда. Длинный мягкий предмет из пластика в форме мужского члена. Член был темно-синего цвета с перемещающимися внутри полосками золота.

— Это мой лимпсофт-дилдо, — объяснила Хони. — Поскольку я лесбиянка на мужской роли, я зову его *она*. Ее зовут Анжелика. Анжелика, это Ренди Карл Такер. Анжелика, познакомься с Ренди.

Дилдо пошевелился и напрягся в руках Хони. Он — она — действительно обладал тонким тихим голоском. Ренди смекнул, что Анжелика сделана из имиполекса с ДИМ-чипом; дилдо был как молди, только не такой умный. До сих пор в Шиверли Ренди считаные разы приходилось видеть лимпсофты, и тем более молди. В городе было полно воинственных христиан-«наследников», и создания из имиполекса не рисковали здесь появляться.

— Засунь Анжелику в меня, Ренди Карл, — попросила его Хони, укладываясь на спину на пол. — Мы с твоей мамочкой всегда этим занимаемся. И ляг сбоку от меня, чтобы я смогла достать твой перчик.

Взяв в руки Анжелику, Ренди почувствовал, какая она живая и трепещущая. Дилдо мягко гудел, словно бы в приятном ожидании и возбуждении. Услышав странный запах, исходящий от дилдо, Ренди поднес его к носу и понюхал. От дилдо остро и резко пахло плесенью, запах напоминал звериную вонь и был совершенно не похож на то, как чудесно пахла роскошная киска Хони.

— Это запах молди, — объяснила ему Хони. — Поначалу этот запах кажется неприятным и резким, но потом к нему привыкаешь. Очень сексуальный запах. Подпусти-ка еще душка, Анжелика.

Дилдо чирикнул и испустил шипение, отчего острый запах молди стал в десяток раз сильнее. Ренди почувствовал, как кровь стучит у него в черепе. Никогда в жизни он еще не был так возбужден.

— Давай же, Ренди! — настойчиво позвала его Хони. — Все

еще только начинается!

Так это продолжалось два последующих года — все то время, пока Ренди оканчивал старшую школу, — почти каждый день Ренди приходил к Хони, и они занимались сексом, и Хони выдумывала все новые и новые способы и забавы. Когда она заметила, с каким интересом Ренди наблюдает за тем, как она ходит в туалет, она купила специальный имиполексовый плащ, который укрывал голого Ренди, пока Хони стоя мочилась на него. Имиполексовый плащ назвали Сэмми-Джо.

Ренди бродил словно в тумане, и его успеваемость в школе стала из рук вон. Все, о чем он только и мог думать, это о том, как запах горячей мочи Хони смешивается с острым сырным душком Сэмми-Джо. Пытаясь вернуться к разуму, он пробовал заставить себя встречаться с обыкновенными девушками, со своими одноклассницами, но ничего, что могло случиться или случалось во время этих свиданий, не шло ни в какое сравнение с тем, что устраивали они с Хони Вивер, Анжеликой и Сэмми-Джо. Так Ренди стал сексуально одержим имиполексом.

Одной из причин, движущих Хони, было желание сосредоточить внимание Сью Такер на сексуальности Хони. Хони обожала во всех подробностях рассказывать Сью о том, чем они занимаются с Ренди, обо всем в самых мельчайших интимных деталях. Поначалу Сью слушала Хони с острым интересом, смешанным с отвращением; иногда Ренди со смущением ловил на себе удивленные и изучающие взгляды матери, что, конечно же, никак не улучшало их отношения. Но в конце концов материнские инстинкты Сью победили, и она запретила себе думать о сексуальных привязанностях сына.

В результате отношения Хони и Сью осложнились, потому что с некоторых пор при сексуальных контактах с Хони Сью никак не могла избавиться от видений того, чем Ренди занимается с ней. Несколько раз Сью и Хони крепко ругались, после чего Хони прекратила звонить Сью и изводить ее последними деталями того, что они только что с Ренди вытворяли. Еще через год странный любовный треугольник стал настолько невыносим для Сью, что она совершенно прекратила встречаться и разговаривать с Хони.

Весной того года, когда Ренди оканчивал школу, Сью снова обратилась лицом к мужчинам. В их доме появился явно с намерением поселиться надолго неприятный и совершенно пустой парень по имени Левис. У Левиса была борода, такая длинная, что концы ее вполне можно было завивать, что Левис очень часто проделывал. Левис работал бригадиром в строительной компании «Лондон Эрл Эстейтс», занимающейся

строительством дешевого жилья в штате, и преимущественно сидел на стройке в Окалона, Кентукки, в двадцати милях от Шиверли. В свое время Сью выполняла много заказов на прокладку водопроводных труб для «Лондон Эрл», так они с Левисом и познакомились. В ту пору Левис жил в трейлере на стройке. Левис был одновременно и нудным домашним тираном, и слабовольным человеком, но по непонятной причине Сью он нравился. Возможно, причина заключалась в том, что она была умнее его и, как правило, ей удавалось заставить его делать то, что она хотела.

Как только Левис переехал к Сью, он немедленно начал выживать Ренди из дома, но Сью заступалась за своего сына. Она устроила для Ренди комнату в гараже, для того чтобы Ренди и Левис встречались как можно реже, и передала Ренди все свои заказы, кроме контракта с «Лондон Эрл». Ренди ходил на курсы водопроводчиков, и Сью хотела, чтобы он получил сертификат мастера, прежде чем уедет из дома.

— Технологии приходят и уходят, Ренди Карл, — говорила ему Сью. — Но люди все равно продолжают пользоваться трубами. Сегодня мы пользуемся мягкими трубами и умными трубами, но это все равно трубы. Другого способа подать воду в дом и отвести воду из дома нет, и никто, кроме водопроводчиков, не знает, как обращаться с трубами. Тебе нужно стать мастером-водопроводчиком, и ты будешь обеспечен работой на всю жизнь.

В ту весну Ренди был счастлив, как никогда в жизни. Его секс с Хони был горячий и необыкновенный. После школы и в уик-энды он зарабатывал отличные деньги. У него был талант к водопроводному делу, к новым технологиям, которые теперь там применялись. Его любимым инструментом был сантехнический пистолет, при помощи которого можно было выращивать трубы прямо под домом, в свободном пространстве, оставленном для технологических целей. Трубы из сантехнического пистолета изгибались и тянулись так, как ты приказывал им. Ренди нравилось жить в гараже, и Сью гордилась тем, как быстро он осваивает водопроводное дело. Конец этим золотым временам наступил 20 июня 2050 года, на следующий день после того, как Ренди окончил школу.

В тот день он проснулся поздно, около полудня. Накануне компания его одноклассников устроила вечеринку в честь окончания школы, и на этот раз они решили пригласить и Ренди, чего раньше почти не случалось. До сих пор у него была тяжелая голова, после пива, бурбона и снэпа, которые он употребил накануне. Ренди не привык к алкоголю и наркотикам. Как он добрался до дома? Ах да, он шел пешком, по дороге каждый

квартал останавливался, и его рвало в палисадники чужих людей. Какой болван!

Перекатившись на бок, он мысленно проверил состояние разных частей собственного организма. По сути дела, его самочувствие было не так уж плохо. Он наконец распрощался со школой. Он поднялся и сел на краю постели, оглядев гараж — свой письменный стол и шкаф, возле которого были сложены бухты сырого пластика для сантехнического пистолета. Его одежда висела на натянутой под потолком веревке. Пикапа Сью и гидрогенного мотоцикла Левиса не было видно. Он наконец-то распрощался со школой. В трусах у него все упрямо напряглось; от алкогольного и наркотического похмелья его чувствительность повысилась, и торчало еще сильнее обычного. Он решил, что первым делом наведается к Хони; сегодня у нее был выходной.

Ренди надел майку без рукавов, мешковатые шорты и пластиковые сандалии. Потом позавтракал молоком и хлебом из материнского холодильника, вышел на улицу и побрел к дому Хони.

Стоял жаркий кентуккийский полдень, воздух был настолько влажный, что стоило только чуть ускорить шаг — и кожа становилась скользкой от пота. В трещинах асфальта обильно разрослась сорная трава. Со всех сторон доносилось пение цикад. От травы и кустов поднимался паркий жар. Дома вдоль улицы Шивели были похожи один на другой, все коробки со стенами из дешевых керамических плит, только цветники перед дверями немного отличались.

Хони была дома, но когда она открыла Ренди дверь, он увидел, что лицо у нее красное и заплаканное.

— Не подходи ко мне! — всхлипывая, крикнула ему она. — И больше не смей приходить ко мне! То, чем мы все это время занимались, Ренди Карл, было плохо и неправильно, вот так!

— Хони, дорогая, о чем ты говоришь? Это моя мать Сью подговорила тебя прогнать меня? Но она ведь сама меня к тебе первая послала!

— Все, чем мы занимались, это плохо, это грех, Ренди Карл! — упрямо гнула свое Хони. — В особенности то, что мы делали с Анжеликой… и Сэмми-Джо. Доктор Дикки Прайд из «Дома Наследников Шивели» все мне объяснил. Да, когда вчера ни ты, ни твоя мать не пригласили меня отметить с вами твое окончание школы, я отправилась в «Дом Наследников» на службу. И теперь я словно снова родилась. Я не спала до полуночи и молилась вместе с доктором Прайдом.

Поначалу Ренди решил, что Хони разыгрывает его, и он приступил к шутливому самобичеванию, так как она учила его

этому раньше.

— Простите меня, госпожа Хони. Приказывайте мне, ибо ваша воля закон для меня, — заголосил Ренди, падая перед Хони на колени и расстегивая ширинку. — Но, умоляю вас, сделайте хоть *что-нибудь*. У меня торчит так, что хоть вой, и все после вчерашнего пива и снэпа.

— Все, что с этих пор может *случиться* между нами, Ренди Карл Такер, это встречи в «Доме Наследников», — с достоинством ответила ему Хони, поспешно отбежав в другой угол комнаты и устроившись там на стуле с прямой спинкой со скрещенными на груди руками. — Пусть я была проклятая Вавилонская Блудница, но теперь я очистила свое тело и превращу его в храм.

— Гм, а как насчет Анжелики и Сэмми-Джо? Могу я забрать их?

— Доктор Прайд велел мне отнести их в «Дом Наследников», но… Хорошо, ты можешь забрать их. Все равно мне стыдно приносить их в Святой Дом. Что, если доктор Прайд заставит меня пройти с ними по улице, крича: «Смотрите, вот мой дилдо, которым моя подружка, ее сын и я трахали друг друга, а вот плащ, в который я заворачивала сына моей подружки и мочилась на него, и…»

Голос Хони сорвался, поднявшись до пронзительного смеха… или это были слезы? Она упрямо сидела в дальней стороне комнаты, подальше от Ренди. Трясущейся рукой она указала на шкаф, в котором хранились ее имиполексовые секс-игрушки.

— Забирай их отсюда к черту, Ренди Карл! Забирай их отсюда и уходи!

Хони начала плакать, и сколько Ренди ни старался приблизиться к ней и утешить ее, все было бесполезно.

Тогда он забрал домой Сэмми-Джо и Анжелику и мастурбировал с ними. Это тоже было приятно, хотя и далеко не так потрясающе и оглушительно, как бывало, когда всем заправляла Хони. Анжелика и Сэмми-Джо не были достаточно умны для того, чтобы от них можно было получить полное удовольствие. Впервые в жизни Ренди задумался о том, чтобы заняться сексом с полноценным, умственно высокоразвитым и автономным молди вместо имиполексовых секс-игрушек. После того как он кончил, он обмыл Сэмми-Джо и Анжелику и положил их ненадолго на солнце, потом унес обратно и спрятал в шкаф возле своей постели в гараже.

Весь остаток лета Ренди продолжал попытки снова подкатить к Хони — он подстригал ее лужайку, мыл тарелки, делал по дому разную работу, но все бесполезно. Все, чем теперь занималась Хони в свободное время, были встречи с обществом

«наследников» в Святом Доме. Вышло так, что в августе Ренди начал ходить в Святой Дом к «наследникам» вместе с Хони.

Ренди, никогда не будучи мистером Глубокомысленным, все же должен был заключить, что ни разу в жизни не видел такого количества неудачников, недоумков, убогих и отщепенцев, которое можно было встретить на собраниях в «Доме Наследников», — все разговоры в Доме крутились вокруг Христа и Наследства Человечества, да еще того, как сильно ненавидят все они молди. Все до единого «наследники» были отлично подкованы в тонкостях Гражданского Акта Молди, который сенатор от Калифорнии Стэн Муни ухитрился провести через конгресс в 2038 году. И теперь, даже несмотря на то, что Стэн Муни уже давно отошел от официальной деятельности, у конгресса не хватило духу отменить этот отвратительный, дающий все права уродливым молди Акт. Какой позор! Другая обширная область интереса «наследников», само собой, касалась извращенных возможностей секса, возникающих в связи с существованием ювви, молди и программируемого имиполекса.

Иногда Ренди удавалось поймать взгляд Хони, чаще всего тогда, когда преподобный Дикки Прайд заводил разговоры о молди и имиполексе — Ренди немедленно вспоминались горячие сеансы с участием Хони и ее игрушек, — но всякий раз Хони сразу же прятала глаза. В ее маленьком глупом мозгу сместились колесики, и бесполезно было что-либо пытаться наладить, чтобы поставить эти колесики на место.

Тем временем Ренди совершенствовался в профессии водопроводчика. Клиенты, к которым направляла его Сью, передавали друзьям и знакомым его имя; он прославился тем, что выполнял работу быстро и надежно за относительно небольшую плату. Ренди отлично наловчился управляться с сантехническим пистолетом. Однако дома находиться он больше не мог. Левис крутился вокруг него все время, пытаясь вести себя словно отец Ренди или что-то в этом духе — какая чушь, если разобраться. Левис успел пристраститься к какому-то наркотику, аналогу кокаина под названием «пипп». Подобно кокаину, от пиппа людям тупым начинало казаться, что они умны. И чем умнее Левис себя чувствовал, тем невыносимее он становился. По всему было видно, что Ренди настало время съехать из дома, но теперь Сью не хотела, чтобы он уезжал, и давила на то, что у Ренди нет сертификата мастера-водопроводчика и что ему обязательно нужно получить этот сертификат, в общем, пользовалась этим для того, чтобы удержать его дома.

На Рождество в Индианаполисе умерла от рака мать Хони, и Хони, единственный ребенок, поехала на похороны со своей

новой подругой-«наследницей» Нитой, кроме того, Хони предстояло вступить во владение комфортабельным поместьем матери: полностью оплаченным домом с участком земли недалеко от хорошей автострады и приличным счетом в банке Кэш-Веб. Доктор Дикки Прайд загодя предупредил отделение Общества Наследников Человечества в Индианаполисе, чтобы те встретили Хони и Хонину подружку с распростертыми объятиями.

Ренди, прослышав о том, что его бывшая подружка уезжает, пришел к Хони и спросил, не может ли он уехать из города вместе с ней и Нитой. Но Хони и тут оказалась полной сукой.

— Пойми, Ренди, и запомни это — ты был для меня просто мальчиком-игрушкой. Пареньком, на которого мне нравилось мочиться. Смирись с этим, потому что ничего другого тебе не остается. Я связалась с тобой только потому, что в ту пору Сью была важна для меня. И кстати говоря, можешь передать Сью, что она бессердечная кайфоломная сука.

Такой ответ был чересчур честным. Ренди почувствовал себя ужасно маленьким и с головы до пят использованным, использованным и оскорбленным. В этот самый день его юное сердце разбилось на части и с тех пор так и не зажило.

Ввиду отвратительной жизни дома и отъезда Хони всю последующую зиму Ренди усиленно посещал собрания в «Святом Доме Наследников». Независимо от того, что он думал о вере «наследников» и как относился к их ритуалам, он сумел ужиться с ними, и с ними ему было хорошо. Когда-то он видел по ювви фильм о жуках, которые настолько умны, что умеют выживать в муравейниках, обманывая при этом муравьев так, что те их еще и кормят. «Святой Дом Наследников» стал для Ренди тем муравейником, в котором он еще мог существовать.

Время от времени доктор Дикки Прайд просил Ренди выполнить тот или другой мелкий ремонт, и вскоре — Ренди даже не помнил, кто первый из них это предложил, — доктор устроил так, что Ренди смог поселиться в Доме на правах «семинариста». В Святом Доме, по большому счету архитектурно представляющем собой увеличенную копию дома Сью, имелся просторный гараж со вторым этажом, и доктор Дикки предоставил Ренди гараж в полное распоряжение.

Сью отдала Ренди кое-что из своего старого водопроводного инструмента, сам Ренди скопил денег и купил собственный сантехнический пистолет и свой собственный золотарский чемоданчик. За день до того, как Ренди окончательно переехал к «наследникам», Сью сумела нажать на нужные рычаги, и Ренди получил сертификат мастера-водопроводчика.

С тех пор Ренди жил один на втором этаже в гараже при

«Святом Доме Наследников», и для секса у него были только Сэмми-Джо и Анжелика. По просьбе Ренди Анжелика сворачивалась в вагину с дополнительным клапаном, который плотно облегал и ласкал яйца Ренди, в то время как Сэмми-Джо облегал пахучим капюшоном молди лицо Ренди, превращаясь в удобные для использования клитор и половые губы. Закончив свои занятия, Ренди всякий раз открывал нараспашку окна и тщательно проветривал комнату. Утром, пока сам он завтракал и одевался, его игрушки с внутренностями из морских водорослей и лимпсофтной программой грелись на солнышке, питаясь его лучами.

В один прекрасный вечер прямо посреди онанистической секс-оргии Ренди, на ступеньках, ведущих в его комнату, раздались шаги. Кто-то тихо вложил карточку-ключ в разъем и распахнул дверь. Из распахнутой двери в комнату упало трапециевидное пятно света, высветив распаленную наготу Ренди.

— Здравствуй, Ренди, — сказал доктор Прайд и, войдя в комнату, закрыл за собой дверь и включил свет. — Не прячься и не смущайся, сынок. Я знал, что найду тебя за этим занятием. Я давно учуял, чем ты тут занимаешься каждый вечер. И к тому же Хони рассказала мне все про вас с ней.

В руках доктор Прайд держал розовое дилдо, вполовину короче, чем Анжелика. Он игриво потряс дилдо, потом провел носом по всей его длине, вдыхая запах молди — вдыхая с огромным удовольствием. Вечер был довольно прохладный, но лоб доктора Прайда покрылся потом.

— Разве он не красавец, Ренди Карл? Я зову его Доктор Джерри Фалвелл.

— Что вы хотите сказать? — спросил Ренди, натягивая простыню до подбородка, чтобы укрыть Анжелику и Сэмми-Джо. — Что вы хотите? Почему это вы входите ко мне в комнату без спросу, доктор Прайд?

— Мы можем драться или спорить, сынок, но все дело в том, что мы оба жалкие сырные шарики. Нам лучше держаться вместе. Сделай мне то, что ты делал Хони. Или позволь мне сделать это с тобой. Ты очень симпатичный и приятный молодой паренек, Ренди.

— Я ничего не буду вам делать, доктор Прайд. Вы были добры ко мне, я это знаю. Но я больше не интересуюсь сексом с людьми, и если я *когда-нибудь* и занимался с *кем-нибудь* сексом, то это была женщина. Я съеду отсюда, как только смогу или когда вы мне скажете. Но я не стану совать вам в зад Доктора Джерри Фалвелла. Теперь, пожалуйста, уйдите отсюда и оставьте меня одного.

В последующие дни Ренди и доктор Прайд не упоминали между собой больше о случившемся между ними инциденте, но оба они согласились с тем, что Ренди наступило время закончить обучение в ранге семинариста и покинуть «Святой Дом Наследников» в Шиверли.

— Тебе нужно выбрать себе миссию, Ренди Карл, — сказал ему доктор Прайд. — У Совета Наследников Человечества очень хорошие связи — лично я общаюсь со всем миром, без преувеличения. У нас есть миссии «наследников» и Святые Дома по всему свету. Совет может стать очень эффективным работодателем. Кстати говоря, я уже направил о тебе рекомендательные письма по разным каналам с самыми лучшими отзывами. Ты можешь соединиться по ювви с Центральным Сервером Совета и узнать там, что им удалось подыскать для тебя. Такой молодой человек, как ты, с такой богатой душевной организацией, должен отправиться посмотреть мир!

Доктор Прайд отвел Ренди к ювви «Святого Дома Наследников», и Ренди соединился с центральной машиной Совета, с мощным азимовским компьютером, расположенным в недрах горы в Солт-Лейк-Сити, в штате Юта, в точности там же, где расположен генеалогический компьютер мормонов. Ренди увидел перед собой изображение виртуального клерка в стерильном окружении виртуального офиса. Клерк выглядела как юная дочь Великих Равнин и сделана была довольно искусно, однако иллюзия искусственности все же ощущалась. Виртуальная реальность силиконового компьютера была достаточно грубой, и Ренди различал, как неровно накладываются друг на друга полигоны изображения девушки, причем некоторые из полигонов были даже неверно окрашены. Несколько мгновений фигура сидела молча и неподвижно, но потом сигнал от ювви Ренди пробудил ее к действию.

— Привет, — сказала ему девушка. Ее голос звучал визгливо и резал слух. — Уверена, что ты и есть тот самый Ренди Карл Такер из «Святого Дома Наследников» в Шиверли, верно? Я права? Отлично. Можешь звать меня Дженни. Чем могу помочь тебе?

— Я… короче, я подумываю о том, как мне убраться из города, — ответил Ренди. — Отправиться в какую-нибудь миссию или вроде того. Найти работу где-нибудь еще. У меня есть диплом мастера-водопроводчика.

— Да, у нас уже есть эти сведения о тебе, Ренди.

С деревянным видом Дженни притворилась, что просматривает на столе какие-то бумаги.

— Диплом мастера — это очень хорошо. К тому же глава

вашего прихода, доктор Прайд, очень высокого мнения о тебе. Интересно — мне хотелось бы, чтобы ты был откровенен со мной, — что ты лично *о нем* думаешь?

— Он хороший священник. Содержит все свое «стадо» в полном порядке.

— Ходят слухи, что он… сырный шарик?

— Я никогда не занимался с ним сексом и не собираюсь этого делать. Поэтому не нужно меня об этом спрашивать. И если это возможно, помогите мне убраться из этого города.

— Какой вид секса ты *предпочитаешь?* — спросила Дженни, переставив полигоны своего лица так, что они сложились в заговорщицкую улыбку. При этом некоторые полигоны на щеках Дженни стали черными, словно бы у нее были угри. Или шрамы. — Ты все можешь рассказать Дженни. Дженни знает много секретов. Ты любишь забавляться с игрушками молди?

— Послушайте, мне казалось, что это должно быть что-то вроде интервью для поиска работы. Что с того, если я и *в самом деле* интересуюсь молди? Ведь это уже достаточно веская причина для того, чтобы стать «наследником», верно? Точно так же, как алкоголики записываются в общество анонимных алкоголиков.

Дженни испустила смешок.

— Не стану больше пытать тебя, Ренди. Я просто хотела убедиться в том, что ты ничего не имеешь против того, чтобы работать в окружении молди и имиполекса. Потому что работа, которую я нашла для тебя… Ты когда-нибудь слышал о городе Бангалоре, который находится в Индии? Вот, смотри.

Изображение Дженни заслонилось изображением земного шара, повернувшегося так, чтобы стала видна Индия, висящая толстым выменем внизу азиатского материка. Посредине набухшего вымени пульсировала маленькая красная точка.

— Бангалор расположен на плато, и климат там довольно умеренный, — объяснила Дженни. — Город очень развитый и по-западному высокотехнологичный. Это единственный город в Индии, где продают разливное пиво. Здесь находится «Индустан Аэронавтикс», а также «Индия Телефон Индастриз», «Бхарат Электроникс» и «Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд», крупнейший в мире производитель имиполекса. «Личинке Носорога» нужен водопроводчик; водопроводчик хорошего класса.

— Парни, которые делают пластик для молди, будут слушать Совет Наследников, кого им брать на работу? — изумился Ренди. — Это чушь какая-то.

— О нет, Ренди, не сомневайся, они нас послушаются, — уверенно отозвалась Дженни. — Мы предложим им тебя не

напрямую, конечно. Как я уже говорила, у нас обширные связи, и многие люди нам очень обязаны. Мы вполне в силах устроить тебя туда на работу, Ренди, уверяю тебя. И зарплата тебя приятно удивит. Все, что мы хотим от тебя взамен, это чтобы каждый месяц ты звонил нам и рассказывал обо всем, что видел там интересного. И помни, *каждый день* ты будешь работать в окружении молди и имиполекса.

Дженни снова улыбнулась и опять заговорила с кентуккийским акцентом:

— Черт, Ренди Карл, да ты будешь счастлив, словно свинья на картофельной грядке!

— Вот дела! — наконец позволил себе воскликнуть Ренди. — Индия? Они там хоть говорят по-английски?

— Можешь не сомневаться! Тебе нужно только дать свое согласие, и эта работа твоя, Ренди Карл. Мы даже снимем там для тебя квартиру и купим билет на самолет.

— Согласен!

— Тогда завтра ты должен быть в аэропорту Луисвилля ровно в девять утра. Твой паспорт и билеты ты сможешь забрать у стойки «Гумана Эйрлайнз».

Побросав свои пожитки в пикап, Ренди попрощался с доктором Прайдом и поехал к Сью, чтобы рассказать той о своей новой работе. Была пятница, шесть часов вечера, и уже начинало смеркаться.

Дверь ему открыл Левис.

— Сью нет дома, — резко ответил он.

— Тогда я подожду ее, — сказал Ренди.

— Она не вернется до вечера субботы, — ответил Левис, накручивая на палец свою бороду. Лицо у него было перекошено от пеппа и дрожало от тика. — Она поехала в Индианаполис, чтобы повидаться с этой поганой лесбой Хони Вивер. Со своей старой подружкой. Пока Сью нет дома, тебе тоже тут делать нечего.

Левис попытался закрыть дверь, но Ренди вставил в щель ногу.

— Не смей закрывать передо мной дверь моего дома, гребаный сукин сын.

— Не повышай на меня голос, сынок, а то узнаешь, что такое настоящая боль, — мгновенно набрал обороты Левис. — У меня тут пушка под рукой. Какого черта тебе здесь вообще делать-то?

Левис выглянул в щель на стоящий перед домом груженый пикап Ренди.

— Только не говори мне, что ты собрался переехать обратно! На фиг ты нам нужен, вечный неудачник.

— Я переночую в гараже, как раньше, — коротко сказал Ренди. — А ты смотри не мешай мне спать.

Ренди съездил в закусочную и купил пару гамбургеров и шестибаночную упаковку виноградной газировки и со всем этим добром вернулся в гараж. В гараже все в основном осталось так, как было при нем; переезжая в «Святой Дом Наследников», он почти ничего с собой не забрал из вещей. Достав рюкзак, с которым он ходил в школу, Ренди начал разбирать свои вещи, откладывая то, что, по его мнению, могло пригодиться в Индии. Что за жизнь, черт возьми, ждет его там?

Упаковав рюкзак, Ренди перенес из своего пикапа водопроводный инструмент и уложил его рядом с инструментом Сью. Достав последним из пикапа свой личный сантехнический пистолет, он как раз его любовно осматривал, когда на пороге гаража появился Левис, обдолбанный пеппом до невозможности. В руке Левис держал древний кольт с пороховыми патронами, с которым еще, наверное, завоевывали Дикий Запад. Какой, однако, мудак.

— Я сказал, что тебе нечего делать в этом доме, Ренди, — сообщил с порога Левис с видом надсмотрщика с плантаций, указывая на выход из гаража. — Выметайся к чертовой матери.

Ренди стоял, испуганно потупившись. Всю жизнь он пугался, когда люди кричали на него; никогда он не решался взглянуть тому, кто орал на него, в глаза. Но сегодня, как только он почувствовал, что снова опустил глаза, он понял, что не желает больше этого делать. Он тронул джойстик сантехнического пистолета, и двухдюймовая труба начала расти из дула пистолета, извиваясь по полу словно белая змея, пока скрытая от глаз Левиса за пикапом.

— Я серьезно, — продолжал грозить Левис, шагнув внутрь гаража и взмахнув своим кольтом. — Давай уноси отсюда свой тощий зад, Ренди Карл Такер.

Говоря это, Левис продолжал теребить одной рукой свою бороду.

Ренди повернул трубу под прямым углом, чтобы та пробралась под пикапом и оказалась прямо под ногами у Левиса. Потом быстро обмотал трубой обе ноги Левиса. Тот пошатнулся, дикими глазами глянул вниз, но было уже поздно — из трубы стремительно выскочил отросток и ударил Левиса прямо в пах. Заорав от боли, Левис повалился как подкошенный, выронив свою пушку.

Пальцы Ренди плясали на джойстике сантехнического пистолета, и уже через мгновение Левис был связан трубой по рукам и ногам. Когда Левис в очередной раз открыл рот, чтобы

заорать, Ренди ловко обернул петлю из трубы вокруг головы Левиса, плотно залепив тому рот, так что после этого Левис мог только стонать и сопеть.

— Как ты посмотришь на то, если я теперь вгоню тебе кусок трубы в зад, так чтобы он вышел у тебя из башки? — задумчиво спросил Левиса Ренди. — Нет, не хочется потом соскребать с пола твое дерьмо. Завтра я уезжаю. Я еду в Индию, Левис. Не в *Индиану*, приятель, а именно в *Индию*. Там все будет по-другому, так и знай. И жизнь там другая, и деньги я буду зарабатывать хорошие.

Ренди открыл багажник своего пикапа и достал оттуда пару холщовых ремней.

— Лежи тихо паинькой, Левис, если не хочешь отведать пластиковой клизмы.

Ренди прикатил тележку-подъемник и, взвалив на нее плененного Левиса, погрузил того в пикап, некрепко привязав там ремнями, на тот случай, если Левис вздумает поднять возню.

— Дышать-то хоть можешь? Может, мне пока выщипать у тебя бороденку? Да черт с ней, связываться не хочется. Ничего с тобой не стрясется. Передай Сью привет, когда она вернется в субботу.

Ренди закрыл пикап, взял свой рюкзак, закрыл дверь гаража и провел отличный вечер в своем родном доме, как в старые времена, с порнухой по ювви и в компании с изрядно потрепанными Сэмми-Джо и Анжеликой.

Вышло так, что Индия Ренди здорово понравилась. Ему по душе был хаос и полная дезорганизованность, царящая на улицах города, — мусорщики, монахи, ярко одетые женщины с внимательными глазами, тощие босые мужчины в пластиковых рубашках, старики в белых куртках, бесноватые дикие святые, кольца в носу, глаза навыкате и оранжевые одежды, сотни каст, разноцветие красок и разнообразие языков. Всегда и повсюду царила суматоха, но на самом деле никто и никуда не торопился. Всегда и у всех было время поговорить. Как оказалось, все без исключения хотя бы немного говорили по-английски — на идиосинкразическом наречии, смеси британского английского и санскрита — и всегда были рады возможности попрактиковаться с Ренди Карлом. Индийцы относились к Ренди с добротой и вниманием, а внимание и доброта было тем, чем он до сих пор был обделен.

Завод компании «Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд» располагался в десяти милях от Бангалора. Вначале каждый день Ренди ездил на завод на поезде. Завод представлял собой огромное прямоугольное здание, без окон и тщательно охраняемое, с тем чтобы ни один молди не смог проникнуть

внутрь и похитить бесценный для них имиполекс. В любое время снаружи вокруг здания находилось по меньшей мере десять — двенадцать молди, летающих или прыгающих, которых источник имиполекса привлекал так же неумолимо, как мед привлекает пчел. Прибыв в «Личинку Носорога…» в свой первый рабочий день, Ренди был поражен таким количеством молди, околачивающихся вокруг. Когда он шел от поезда до входа на завод, один из молди приблизился к нему.

— Привет, — обратился к нему молди, женоподобная фигура, облаченная во множество наручных и ножных браслетов, ожерелий, поясов и в золотую корону. — Меня зовут Парвати. Ты новенький?

Парвати подошла к нему очень близко. Ренди понял, что огромное количество драгоценностей на ней, все эти камни и золото, были не чем иным, как частью ее имиполексовой плоти.

— Да, мэм, — отозвался Ренди. — Я собираюсь поступить на работу водопроводчиком.

Он осторожно втянул в себя воздух, принюхиваясь к запаху, исходящему от молди, и нашел, что запах этот весьма приятен.

— Вы тоже здесь работаете?

— К сожалению, нет, — ответила Парвати. — А ведь там столько превосходного имиполекса. Как тебя зовут?

— Ренди Карл Такер. Я из Кентукки.

— Очень интересно. Ренди, очень скоро тебе объяснят, что служащим «Личинки Носорога» разрешено покупать имиполекс со склада компании. Имей это в виду и при возможности купи столько, сколько сможешь или посчитаешь нужным, потому что я с удовольствием куплю его у тебя или обменяю, как договоримся. Еда, деньги, возбудители или наркотики, интимные отношения, работа прислугой, перелеты, путешествия в джунгли, подводные путешествия в Арабском море — вот вкратце то, что ты сможешь себе позволить.

Голос Парвати звучал мягко, но убедительно и завораживающе.

— Служащие «Личинки Носорога» могут покупать имиполекс? — переспросил Ренди. — Это здорово. Мне нравится имиполекс. По правде говоря… — Ренди оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было, сошедшие вместе с ним с поезда служащие уже скрылись в дверях завода «Личинка Носорога». — По правде сказать, мне кажется, что я сырный шарик.

— Ты мне уже нравишься, Ренди, — проворковала Парвати, запечатлев душистый поцелуй у него на щеке. — Беги и наслаждайся своей новой работой, парень. Но не забудь в день зарплаты о Парвати! У нас будет чудесное свидание, горячее, как

вулкан!

Внутри за дверями «Личинки Носорога» Ренди ждал пухлый мужчина с покрытой золотистым загаром кожей, в белых панталонах и грязноватой белой куртке с огромным количеством карманов, содержащих множество всякой всячины. На макушке мужчины сияла лысина, окруженная венчиком курчавых седых волос.

— Приветствую вас, мистер Такер, — поздоровался он, протягивая Ренди руку. — Меня зовут Нирадж Пондишери, я бригадир водопроводчиков и, как вскоре вас проинформируют в офисе, ваш будущий босс. Приветствую вас на территории «Личинки Императорского Жука-Носорога, Лтд».

— Премного вам благодарен, — ответил Ренди. — Я очень горд тем, что мне удалось попасть сюда.

Пондишери выглянул через стеклянную дверь наружу, туда, где еще стояла Парвати. Парвати вырастила несколько дополнительных рук, которые теперь извивались в священном танце.

— Это создание хочет вас очаровать, мистер Такер.

— Что? Может быть, — хмыкнул Ренди. — Она пригласила меня на свидание. Мне она кажется очень сексуальной. Надеюсь, что это…

— Нет, работникам завода не запрещено вступать в контакт с молди, мистер Такер. По сути дела, время от времени мы даже нанимаем молди для разных работ. Молди производят используемый нами чипоед. Однако молди, с которыми мы сотрудничаем, настоящие мастера своего дела, их немного, они весьма преуспевающи, богаты и считаются набобами среди себе подобных, в особенности по сравнению с этой кастой молди-попрошаек, которые выпрашивают имиполекс у ворот завода. Как вы отнесетесь к тому, если я буду называть вас Ренди? Вы можете называть меня Нирадж.

— Без проблем, Нирадж!

— Договорились. Тогда поедем в офис и продолжим наш разговор на ходу.

Нирадж повел Ренди по длинному коридору, проходящему вдоль одной из внешних стен заводского здания. Стена справа, наружная, была совершенно непроницаема, в то время как через левую стену можно было увидеть внутренность завода. Находящиеся там работники были одеты в белые комбинезоны, белые башмаки, и лица их были скрыты белыми масками. Нирадж продолжал говорить на ходу, его речь лилась мерным мелодичным потоком.

— Да, эти уличные молди стремятся завести дружбу с

работниками «Личинки Носорога», потому что именно наши работники могут принести им имиполекс. У многих из нас дома работает прислуга-молди. В молодые годы у меня был молди, который каждый день носил меня на работу, как огромная птица! Непередаваемое, дьявольское удовольствие. Но в конце концов такое удовольствие стало слишком обременительным для отца пятерых детей. И хлопот было также слишком много.

— Хлопот? — удивился Ренди. — Вы хотите сказать, что общаться с молди хлопотно? Почему это?

— Чуть позже я обязательно расскажу тебе о тех мерах предосторожности, которые ты должен предпринимать, если решишь установить связь с молди низшей касты, — сказал Нирадж, открывая массивную дверь в левой стене. В лица им пахнул ветерок, порожденный разницей в давлении. — Но пока это может подождать. Сейчас мы входим в отделение предварительного роста. Нам нужно переодеться, перед тем как мы войдем в главную часть завода, где помещение отличается повышенными требованиями к чистоте. Требования там очень высоки, одна частица пыли на кубический метр воздуха.

— Имиполекс такой чувствительный к загрязнениям?

— Имиполекс — это высокоструктурированный квазикристалл, — ответил Нирадж. — Во время производства слоев одно случайное вкрапление пылевой частицы может испортить всю последовательность корреляции Пенроуза, занимающую весьма продолжительное время. Кроме того, в зоне чистоты находится производство гибридных культур плесневого чипоеда, и заражение спорой дикого грибка или случайным семенем водоросли может оказаться непоправимым и испортить всю партию. Для примера сообщу тебе, Ренди, что в воздухе в поезде, на котором ты сюда сегодня приехал, содержится примерно один миллион частиц пыли на один кубический метр, и огромное число этих частиц биологически активно.

Дверь в зал предварительного роста затворилась за их спиной. Пол был покрыт липкой адгезивной субстанцией, с тем чтобы удалить пыль с их ног. Повторяя действия Нираджа, Ренди присел на скамью и натянул на свои ботинки одноразовые голубые чехлы.

— Привет-привет, Нирадж, — сказала им худощавая женщина с коричневой кожей, сидящая за стойкой. — Это и есть новичок мистер Такер?

— Это он. Ренди, познакомься, это Рупа. Рупа, это Ренди.

— Вот ваш рабочий комбинезон, обувь и идентификационная карточка, — сказала Ренди Рупа, выкладывая на стойку нечто напоминающее голубую пижаму с рукавами на резинках и пару

белых туфель для боулинга. — Пожалуйста, приложите большой палец к этому датчику, Ренди, чтобы потом ваш шкафчик смог опознать вас. Номер вашего шкафчика 239.

В раздевалке, где стояли шкафчики работников, они стянули с себя уличную одежду и облачились в голубые рабочие комбинезоны и белые пластиковые туфли. Потом тщательно вымыли руки, надели волосяные сетки и защитные очки. После раздевалки находилась зона средней степени чистоты — не более чем десять тысяч частиц на кубический метр. Но уже здесь воздух показался Ренди гораздо чище всего, чем он до сих пор дышал; воздух, лишенный какого-либо запаха, с легкостью втекал в его легкие.

Они прошли через комнату отдыха, где несколько заводских рабочих ели свои специальные беспылевые ленчи, яблочный сок и йогурт или тому подобное. Потом они оказались во второй раздевалке, где следовало переодеться в еще более чистое. Они надели на руки латексные перчатки. Потом тщательно протерли защитные очки и идентификационные значки — протерли всё три раза подряд кусочками ткани без корпии, смоченными в специальном растворе алкоголя. Потом надели на головы белые капюшоны своих комбинезонов. Ренди надеялся, что костюмы на заводе будут из запрограммированного имиполекса, но, к сожалению, это был всего лишь бездумный пластик.

— Эти комбинезоны называют *костюмы Банни*, — сказал ему Нирадж, с добродушной физиономией прижав к щекам обе руки и проделав совершенно кроличьи жевательные движения. — А эти здоровенные галоши — *заводские башмаки*.

Они нацепили заводские башмаки поверх надетых ранее белых туфель для игры в боулинг. Потом натянули виниловые перчатки поверх латексных перчаток. Нирадж передал Ренди лицевую маску, снабженную особыми клапанами наподобие жабр, позволяющую беспрепятственно входить наружному воздуху при вдохе и пропускающую выдыхаемый воздух через специальный фильтр. Ощущение было такое, словно бы чистоте на этом заводе придают чрезмерное значение, словно бы здесь были одержимы чистотой. Но Ренди нравилась одержимость.

После окончательного переодевания Нирадж повел Ренди по выложенному плитками коридору с множеством крошечных сопел, через которые отсасывался из помещения воздух.

— Это воздушный душ, — объяснил Нирадж. — Пока проходишь этот коридор, полагается три раза повернуться вокруг себя. Обрати внимание, что пол здесь и везде на заводе выложен пористыми плитками. Под полом установлены пылесосы, а на потолке находится ряд вентиляторов. Весь воздух внутри завода

меняется десять раз в минуту.

Медленно поворачиваясь под воздушным душем и давая возможность пылесосам в полу вобрать в себя последние частицы грязи с их одежды, Ренди вспомнил фразу из Библии: «Возрадовался я, когда сказали мне: Пойдем в дом Господень».

За воздушным душем находился храм сотворения молди. Свет был яркий и желтый; от этого создавалось ощущение пребывания в странном подземном мире. Потоки воздуха струились мимо Ренди от потолка к полу. Вокруг неспешно передвигались облаченные в белое фигуры; все казались на одно лицо из-за того, что были одеты совершенно одинаково. Занятие находящихся в помещении людей сводилось к перемещению светящихся изнутри порций имиполекса, кусков размером начиная с небольшую сосиску для завтрака и заканчивая гигантской болонской колбасой в четыре фута длиной.

Весь завод был размером, наверное, с большое футбольное поле, с потолком высотой пятнадцать футов, где по разветвленной системе монорельсовых трасс перемещались от одного контейнера к другому части имиполексовых порций в различной степени готовности.

Сам по себе сырой имиполекс вырабатывался в череде камер, лабораторных автоклавов, вакуумных камер и дистилляторных колонн, с подключенными трубами подачи химических растворов, выходящими откуда-то из-под пола.

Работники узнавали идущего по залу Нираджа, которого сопровождал Ренди, и подходили, чтобы хлопнуть босса Ренди по плечу или шутливо ткнуть кулаком в живот — при этом они походили на рабочих муравьев, обменивающихся приветственными прикосновениями усиков во время ухода за своими личинками.

— Здесь у нас в ходу прикосновения друг к другу, — объяснил Нирадж. — Так принято. Наверное, мы потому используем язык жестов и прикосновений, что часто видеть лица друг друга невозможно. А может быть, потому, что все тут очень чистое.

Единственное загрязнение, которое Ренди ощущал в идеальной чистоте заводской атмосферы, было его собственное пропитанное мясным духом дыхание, постоянно колышущееся перед его дыхательной маской. Ему очень хотелось сорвать с лица защитную маску и полной грудью вдохнуть идеально чистый воздух завода. Но тогда он должен будет и выдохнуть тоже без маски, а заводу это явно не понравится — датчики немедленно определят повышение количества частиц на кубический метр, и замигают сигналы предупреждения.

Они спустились на эскалаторе вниз, в *субзавод*, на уровень ниже основного уровня заводского помещения. Здесь находилось оборудование, поддерживающее процессы в аппаратах на основном уровне завода. Здесь имелись электрические генераторы, огромное количество трубопроводов, емкости с кислотой, системы фильтрации, вакуумные линии, оборудование слежения за количеством частиц в воздухе — мили проводов, труб и пучков толстых кабелей заполняли пространство этого огромного помещения со стенами из бетона. Это было то место, где Ренди предстояло работать, ремонтировать, собирать и налаживать систему трубопроводов завода.

Жилье, которое «наследники» подыскали для Ренди, находилось в новеньком чистом небоскребе прямо возле аэропорта Бангалора. Большая часть людей, проживающих в этом небоскребе, были рабочими и учеными неиндийских национальностей, приехавших работать по найму в различные высокотехнологические компании Бангалора. Прожив тут неделю в напряжении и полном одиночестве, Ренди решил переехать в центр города, в место, где можно было жить среди настоящей Индии, в сумрачную комнату в старинном каменном здании на склоне холма между полными разноцветия орхидей Садами Лалбах и вечно не умолкающим Ганди-базаром.

Поразительное разнообразие Индии подействовало на Ренди успокоительно. В аккуратном, но абсоютно скучном Луисвилле все были либо плохие, либо хорошие, богатые или бедные, черные или белые — на улицах же Бангалора можно было отыскать любое сочетание красок, физическое либо духовное, жизнь здесь все время неустанно менялась, перемешиваясь в своих богатейших переплетениях.

Дом, где себе нашел жилье Ренди, назывался «Типу Бхарат»; *Типу* было имя древнего индийского принца, а *Бхарат* — индийское название страны, Индии. Стены «Типу Бхарат» были покрыты вырезанными «каменными» узорами, напоминающими бесконечные ожерелья, и украшены многими арочными нишами с небольшими яркими имиполексовыми статуями богов, самодвижущимися иконами, размахивающими своими маленькими ручками и, казалось, наблюдающими за прохожими. На крыше дома имелась открытая терраса, где обитатели «Типу Бхарат» могли сидеть и любоваться Восточным или Западным Чатом, далекими горными хребтами, окружающими высокогорное плато Бангалора.

Неподалеку от Ганди-базара находилась улица, которую облюбовали себе голые святые и блаженные, их называли здесь *садху*; днями и ночами садху сидели на улицах в специальных

маленьких будках, в каждой из которых имелась небольшая горелка, одеяло, метелочка отгонять мух и коллекция блестящих разнообразных религиозных принадлежностей, изготовленных из имиполекса. Иногда один или другой садху устраивал представление: забивали заостренные колышки себе в голову, разжигали костер на улице и ходили по углям, высасывали кровь из шеи живого цыпленка или проделывали что-нибудь еще более фантастичное и отвратительное. По вечерам Ренди часто ходил на эту улицу, чтобы посмотреть представление.

— Эта молди, с которой ты разговаривал возле ворот завода, — спросил Ренди Нирадж в день его первой зарплаты, в среду. — Она называет себя Парвати?

— Ага, — ответил Ренди. — А ты ее знаешь?

— Нет, но я хорошо знаю эти украшения, которые она носит на теле, — это украшения богини, зовущейся Парвати, жены бога Шивы. В религии хинди жена Шивы занимает очень высокое положение; она имеет несколько имен и может принимать различные обличья. Одна из форм жены Шивы — это красавица Парвати, другое обличье — это черная Кали, наездница на львах, искусная точильщица ножей, предпочитающая украшать себя ожерельем из отрубленных человеческих голов. Риск, которому ты подвергаешь себя, вступая в интимную связь с Парвати, заключается в том, что в один прекрасный момент она может неожиданно превратиться в Кали и отрубить тебе голову. Все женщины, и моя жена тоже, одновременно являются и Парвати, и Кали, не говоря уже о том, что есть еще и Ума, и Дурга, но моя жена *человек*, и я могу не опасаться того, что однажды она действительно задумает отрубить мне голову. Ведь ты собрался сегодня купить со склада компании кусок имиполекса для Парвати, чтобы устроить с ней свидание и получить полное удовольствие, верно?

Ренди покраснел.

— Нирадж, это не ваше дело, черт возьми. Извините, но это на самом деле так.

— Я ни в коем случае не хочу отговаривать тебя, Ренди, просто хочу, чтобы ты знал: *Береги свою голову*. Некоторые молди начинают играть в игры, засовывают щупальца в голову людей через их нос и имплантируют в мозг дистанционные модули управления. Это называется *поставить мыслительный колпачок*. Ты никогда раньше об этом не слышал?

— Кажется, ничего такого я не слышал.

— Если ты собираешься общаться с молди и, возможно, заниматься с ними сексом, первым делом следует установить в носовой полости специальную защиту против проникновения

щупалец. На складе компании имеется специально разработанный для этих целей самоустанавливающийся титанопластовый имплант. Пойдем со мной, я покажу тебе, что к чему, потому что хочу, чтобы мой молодой, горячий и охочий до добычи пес был подготовлен к свиданию по высшему классу.

Одна из сторон заводского склада была отведена под хранилище со стойками с роскошными разноцветными, напоминающими колбасы цилиндрами имиполекса. Выставленные здесь многие сотни образчиков имиполекса напомнили Ренди ярмарку фейерверков в Индиане; один за другим ряды восхитительных цилиндров, рассортированных по размерам и только дожидающихся того, чтобы к их запальному шнуру поднесли огонь. Разноцветные узоры под поверхностью имиполекса были живыми и постоянно менялись в мерном ритме, словно олицетворяя собой полный покой малоразвитого сознания. Порции имиполекса были рассортированы по размерам на любой вкус, от сотни граммов до двух килограммов.

Ренди выбрал для себя пятисотграммовый кусок, тем более что это было едва ли не пределом того, что он сегодня мог позволить, не оставляя себя на голодном пайке. Нирадж показал Ренди, где находятся носовые блокираторы, и лично проследил за тем, чтобы Ренди приобрел также несколько небольших кусочков имиполекса, которые Нирадж назвал ДИМ-пиявками.

— ДИМ-пиявки в одно мгновение расстраивают программное обеспечение молди, — объяснил Нирадж. — Мы до сих пор еще не до конца понимаем, почему это происходит. ДИМ-пиявки были изобретены только в прошлом году Шри Рамануджаном, одним из лучших лимпсофт-инженеров «Личинки Носорога». Если у тебя есть с собой кусочек ДИМ-пиявки, то тебе ничего не стоит совладать с напавшим на тебя молди. Тебе очень повезло, Ренди, что у тебя есть возможность купить такую ДИМ-пиявку, потому что на сегодняшний день эти пиявки имеются только на складе «Личинки Носорога».

ДИМ-пиявка представляла собой маленький кусочек имиполекса, не больше сустава большого пальца, и не существовало двух совершенно одинаковых ДИМ-пиявок. Пиявки были самой разнообразной формы и напоминали живые объекты — больше всего похожие на летающие семена тропических деревьев или странствующих медуз, коллекцию которых можно найти на диком подветренном пляже.

ДИМ-пиявки были невероятно дорогие, одна пиявка стоила почти три месячных зарплаты Ренди: четверть его годового оклада! Ренди всячески пытался отказаться и не покупать пиявку, но Нирадж был неумолим; их с Ренди спор перешел в крики,

которые привлекли внимание клерка в униформе, спокойно объяснившего Ренди, что от служащих «Личинки Императорского Жука-Носорога» требуется соблюдать специальные предосторожности в общении с молди и что собственную пиявку Ренди может приобрести в кредит.

Таким образом, Ренди оборудовался по высшему классу и в тот вечер отвел Парвати в свою комнату и преподнес ей пятисотграммовый кусок имиполекса. Порция имиполекса была два дюйма в диаметре и почти фут в длину. По окружности имиполекс был обведен разноцветными полосами, которые медленно сменяли одна другую, перемещаясь плавными, мерно повторяющимися волнами от одного конца порции имиполекса до другого.

— О, Ренди! — воскликнула Парвати, испуская густое облако спор. Она осторожно приняла дар из его рук. — Мой дорогой! Это так прекрасно. Пятьсот граммов! Я вберу его в себя сейчас же!

Парвати прижала имиполекс к своей груди, и порция имиполекса начала растекаться по ее телу, закручиваясь в спирали и заходясь облаками, словно сливки в кофе. Вначале порция имиполекса расширилась в основании, прижатом к груди Парвати, приобретя форму колокольчика, потом с обеих сторон колокольчика появились концентрические круги. Потом круги растеклись во все стороны и слились с плотью Парвати: ее выросшие в размере груди покрыла блестящая золотая с медным отливом филигрань с очень сложным узором, перевитая и самодвижущаяся.

— Тебе нравится, Ренди?

— Ты прекрасна, Парвати. Что ты скажешь на то, если теперь мы немного развлечемся?

Из-за носовых блокираторов Ренди с трудом слышал свой собственный голос. Парвати плавно подалась вперед, расстегнула брюки Ренди и увлекла его на кровать. Ренди был молод, и его возбуждение было так сильно, что он сумел получить три оргазма в течение двадцати минут — три сильнейших болезненных эякуляции.

Потом он некоторое время лежал на кровати, выжатый как лимон и довольный, глядя на темное небо. Одинокая яркая вечерняя звезда появилась в верхнем углу окна: Венера. Мягкое тело Парвати было рядом с ним, обтекало его, находилось частью под ним, частью на нем. Мягко и нежно она провела руками по его лицу, потом тихо погрузила в его нос щупальце и медленно толкнула щупальце вперед.

— Эй, что это ты делаешь? — воскликнул Ренди. — Не думай, что я ничего не знаю о мыслительном колпачке и к этому не

подготовился!

Он рывком вскочил на ноги, охваченный неожиданным страхом. Выхватив из-под кровати ДИМ-пиявку, куда он ее предусмотрительно положил, Ренди выставил ее перед собой для защиты.

— Не приближайся ко мне, Парвати!

Молди медленно собрала свое растекшееся по кровати тело в более человекоподобную форму.

— Я просто решила помучить тебя, Ренди. Я и так знаю, что у тебя в носовой полости установлен блокиратор. Я сразу это поняла по изменившемуся звуку твоего голоса. А что это такое, у тебя в руке, ДИМ-пиявка? Я слышала о таких, но никогда раньше ни одной не видела. Значит, ты не доверяешь мне?

— Мой босс, Нирадж, сказал, что ты можешь попытаться установить мне в голову имплант, чтобы управлять мной.

— Если я буду знать, что ты станешь приносить мне имиполекс каждый день зарплаты, тогда зачем мне устанавливать что-то у тебя в голове? У меня нет необходимости управлять тобой. Я и так могу рассчитывать на твою помощь. Я ведь *могу рассчитывать на тебя*, Ренди?

— Ты можешь рассчитывать на меня, если будешь приходить ко мне не только в дни зарплаты, Парвати. Я не могу дожидаться тебя целый месяц и сучить все это время свой банан. Все мои старые имиполексовые игрушки сдохли от старости, превратились в полное дерьмо.

— Покажи-ка мне их.

Ренди достал Анжелику и Сэмми-Джо с самой нижней полки шкафа. От имиполексовых секс-игрушек пахло гнилью, цвет их покровов сменился на болотно-серый.

— Да! — вздохнула Парвати. — Они мертвы уже по крайней мере неделю, а то и целых десять дней. Не хотела бы я так кончить.

— Они нужны тебе? Можешь забирать.

— Зачем мне эта мертвечина. Они омерзительны. Выброси их или похорони. А лучше сожги.

— Тогда что мне останется для секса?

— Я буду приходить к тебе два раза в неделю, — мягко сказала ему Парвати. — Каждую субботу и скорее всего каждый четверг. Я буду твоей постоянной подружкой. Ты не против?

— Это был бы просто класс! Если ты с этого дня моя подружка, тогда почему бы нам не выйти и не прогуляться немного? Ты здесь все знаешь и могла бы мне кое-что объяснить — и может быть, поможешь купить тут новые секс-игрушки. Кроме того, мне здорово хочется есть.

И они отправились в вегетарианскую закусочную Мавали Тиффина, рядом с парком Сады Лахбага. Ренди выбрал столик у самого окна, потому что в компании Парвати запах представлял серьезную проблему. Однако присутствие молди, казалось, никого не беспокоило; конечно, другие посетители ресторана были немного удивлены новой парой, состоящей из Ренди — сырного шарика, в единственном числе, и Парвати молди-богини — однако подобная пара была очевидным доказательством передовых взглядов Бангалора и высокого уровня развития здешних технологий.

Поев блинов с начинкой из терпковатых кореньев желтого цвета, Ренди повел Парвати посмотреть садху. Вид появившейся на их улице Парвати привел садху в совершенное неистовство. Двое садху, набросав на улицу несколько колючих ветвей, принялись кататься по ним, пока все не покрылись кровью; другой садху просунул в канал своего пениса длинную соломину и принялся мерно погружать и доставать соломину, вверх и вниз. Еще один садху, взяв приличных размеров и довольно поношенную имиполексовую змею, сумел проглотить ее и после продолжительной работы мышцами живота в результате исторг змею из ануса. Парвати приветствовала собрание садху величественными жестами рук. Когда они остановились перед садху, Ренди обнял Парвати сзади за талию и прижался к ней лицом. Ощущение близости Парвати, ее движения и исходящий от нее запах были нектаром для него.

— Раньше я видел таких ребят, как эти садху, только на Главной ярмарке штата Кентукки, — сказал Парвати Ренди. — Мы называли их и «карнавальными уродами». Было время, когда я мечтал стать таким уродом, когда вырасту. Эй, а теперь, может быть, ты покажешь мне место, где я могу купить новые имиполексовые секс-игрушки?

— Не трать свои деньги на *игрушки*, Ренди, — наставительно сказала ему Парвати, мягко толкнув задом его в пах, потом незаметно вырастив пару пальцев, чтобы тайно поласкать его. — Все лишние деньги, которые у тебя остаются, лучше отдавай мне. Если ты пообещаешь мне принести в следующую зарплату семьсот пятьдесят граммов имиполекса, вместо сегодняшних пятисот, мы сможем вернуться в твою комнату прямо сейчас. А потом я буду приходить к тебе и любить тебя *трижды* в неделю.

Когда они повернулись чтобы уйти, садху протянули к Парвати свои чашки для подаяния, вымаливая у нее *мокша*. Парвати протянула правую руку, и несколько вздутий двинулись от ее запястья к пальцам. Вскоре из кончиков ее пальцев появились и упали в чаши садху темные шарики, напоминающие

мраморные. Садху набросились друг на друга, вступив из-за шариков в отчаянную схватку.

— Что это такое? — спросил Ренди.

— Это части грибницы чипоеда, имеющей научное название *склеротия*, но в Америке это называется *камот*, а в Индии *мокша*. Это вещество очень сильный психоделик, и садху весьма ценят его свойства.

К тому времени четыре шарика камота были пожраны четырьмя счастливыми садху, тут же на месте свалившимися в полной прострации у ног Парвати. Стараясь не наступать на распростертые руки и ноги, Парвати и Ренди вышли из переулка садху и направились обратно к «Типу Бхарат». Было уже довольно поздно, и нищие устраивались на ночлег на тротуарах и в переулках. Когда мимо них проехал на моноцикле мужчина в тюрбане, Парвати толкнула Ренди в темный дверной проем.

— Смотри, запомни этого человека и остерегайся его, — прошептала она. — Это *дакоит* — уличный грабитель, член банды.

Пока дакоит не исчез за углом, они стояли в тени темного подъезда, целуясь и лаская друг друга, но потом прямо с неба к ним свалился незнакомый молди и предстал перед ними. Незнакомый молди имел облик худощавого гибкого индийского мужчины, при этом у него имелись кожистые крылья, четыре руки и блестящая корона на голове вроде короны Парвати. Кроме того, мужчина отличался неописуемых размеров пенисом. Сложив вызывающе руки на новой, еще более разросшейся груди, Парвати с вызовом взглянула на пришельца. Незнакомый молди смотрел на Парвати, в раздражении молча оскалив рот и, очевидно, обрушивая на нее поток своей ярости путем неслышных радиоволн.

— Это не твое теперь дело! — наконец воскликнула Парвати. — Ты и так должен быть мне благодарен!

Незнакомый молди сильно толкнул Ренди в грудь, так что тот растянулся на полу, потом подпрыгнул в воздух, захлопал крыльями и улетел.

— Кто это был такой, ради бога? — спросил пораженный Ренди, поднимаясь на трясущиеся ноги. — Вид у ублюдка был довольно злой.

— Это мой муж, Шива Разрушитель. Как это ни смешно, но он, кажется, ревнует меня к тебе. Словно секс с человеком может для меня что-нибудь значить. Шива требовал, чтобы я сейчас же вернулась в наше гнездо, ну не наглец ли? Ничего, я еще научу его правилам хорошего тона.

Вернувшись в квартиру Ренди, они снова занялись сексом, но

потом Парвати загрустила, словно ей надоело их занятие.

— Я собиралась остаться тут на всю ночь, Ренди, но пока что я не могу спать нигде, кроме своего гнезда, в котором чувствую себя в безопасности. Я не хочу уходить, но и остаться не решаюсь. Что же нам делать?

— Может быть, попробуем вместе трипануть? — спросил нерешительно Ренди. — Съедим чего-нибудь, например, ты дашь мне шарик-другой своего камота, а я установлю на тебя ДИМ-пиявку.

Ренди показал ДИМ-пиявку размером с почтовую марку, протянув ее Парвати на ладони.

— Интересная идея, — отозвалась Парвати. — Молди и человек вместе трипуют от психоделиков, каждый от своих. Ты очень симпатичный сырный шарик, Ренди Карл Такер, совсем не похож на остальных.

Несколько секунд Парвати рассматривала ДИМ-пиявку, которую протягивал ей Ренди.

— Вначале дай мне попробовать только минуту. Наложи на меня пиявку и засеки по своим часам минуту, потом сними с меня пиявку, и я скажу тебе, что я почувствовала. Хочу вначале попробовать, что это такое.

Ренди прижал пиявку к левому плечу Парвати, словно прививку от оспы. На ощупь ДИМ-пиявка казалась сухой и похожей на бумагу, но как только пиявка оказалась на Парвати, она сделалась более мягкой, распрямилась так, чтобы контакт был максимальный.

Тело Парвати зажглось, словно рождественская елка, при этом выросты ее рук, ног и головы мгновенно втянулись обратно в тело. Парвати упала на кровать Ренди, похожая на живую мандалу. После того как прошла минута, Ренди принялся отлеплять пиявку от тела Парвати. Самым сложным было отцепить краешек, но как только он сумел это сделать, остальное оказалось несложно. Тело Парвати постепенно приняло свою прежнюю форму, у нее снова появились руки, ноги и голова, выросшие медленно из мандалы.

— Господи благослови, — прошептала Парвати. — Это действительно нечто.

Парвати плавно повела рукой, и на ее ладони появились два шарика грибницы камота, один черный, другой голубой, словно жемчуг.

— Давай проглоти это, Ренди, и прилепи ко мне свою ДИМ-пиявку. У нас будет интересная ночь.

Ренди проглотил шарики камота. Камот хрустел на зубах, был сочный и горьковатый на вкус. Эффект воздействия он

почувствовал мгновенно. Одеревеневшими пальцами он прилепил к плечу Парвати размягчившуюся ДИМ-пиявку и лег вместе с молди в кровать. Парвати обернула его своим телом, словно пульсирующим яйцом.

Камот отправил Ренди в классический трип волшебных видений — в конце пути он увидел Бога в виде струящегося со всех сторон вечного света. Эти потоки света узнали Ренди и заговорили с ним. «Я люблю тебя, Ренди, — сказал ему Бог. — Я всегда любил тебя и буду любить». Филигранно перевитые многомерные пучки труб, очень похожих на водопроводные, окружали Ренди, удивительным и волшебным образом разрастаясь и отходя от него все дальше и дальше, устремляясь сквозь белый свет к кому-то еще, к кому-то другому, маячащему в отдалении. К Парвати. «Ренди? — донесся до него ее голос. — Это ты? Значит, мы спим, и в нашем сне все равно вместе?» — «Да, мы видим один и тот же сон», — ответил Ренди. «Тогда давай полетаем», — сказала ему Парвати, и ее сущность пронеслась сквозь трубы, чтобы соединиться с Ренди, и уже очень скоро они вместе летели в небе, полном милых любовных образов, бесконечных образов невероятной сложности и красоты, вместе поющих бесконечные песни радости паре счастливых любовников.

Когда Ренди очнулся, они вместе с Парвати лежали на полу и вся его голова была покрыта тканями тела молди. Дышал он сквозь особые сопла, которые Парвати втиснула в его рот. В первый момент Ренди показалось, что Парвати напала на него, но потом, высвободив голову, он испугался того, что она мертва. Но как только он отлепил от ее тела ДИМ-пиявку, Парвати немедленно ожила и снова принялась собирать свое тело вместе, приобретая подобие человекообразной формы. В окно комнаты Ренди пробивалось жаркое утреннее солнце, с улицы доносились тысячи звуков — беспечные болтливые голоса, звонки велосипедов, крики торговцев, звуки индийского радио, приглушенный шелест подошв прохожих по мостовой — та муаровая вибрирующая завеса звуков, трепещущая в воздухе подобно трехмерной ряби в потревоженном пруду.

— Вау, — вздохнула Парвати.

— Тебе понравилось?

— Да, это было прекрасно. Но сейчас уже утро, и я должна бежать. Шива наверняка снова устроит скандал. Послезавтра я снова приду навестить тебя.

3. Тре

Март 2049–30 октября 2053

У Тре Диеза были очень длинные перепутанные выгоревшие на солнце прямые волосы. У него были живые карие глаза, небольшой рот и квадратный, выступающий вперед подбородок. Роста в нем было шесть футов, и здоровье у него было преотличное, какое и должно быть у молодого человека в двадцать лет.

Тре был классическим представителем американской богемы. Подобно многим поколениям молодых людей до него, он, родившийся на просторах грубоватого Среднего Запада, позднее переехал на Западное побережье, в Калифорнию.

Мать Тре была учительницей, а отец коммивояжером. Он окончил школу в Дес-Мойнесе и, получив от «Дес-Мойнес Кивайнианс» стипендию, поступил в университет в Санта-Крузе. Пребывая в университете, Тре курил, нюхал споры, трансхринозировался с Великим Фракталом, как и большинство друзей из его круга, — но в то же время Тре ухитрился получить хорошую подготовку по практике применения теории хаоса и пьезопластике. И еще прежде чем он успел сдать все необходимые экзамены на лимп-инженера, он получил заманчивое предложение от «Апекс Имеджес», от которого трудно было отказаться. Это произошло в один из дождливых и прохладных дней 2049 года.

У Тре как раз были каникулы в университете. Вместе со своими друзьями Банни Флогистоном и Анной Веа Тре снимал комнату в коттедже внизу у подножия университетского холма в самой веселой студенческой части Санта-Круза. Анна была высокой и очень сильной самоанкой, а Банни тощим маленьким евреем из Филадельфии. Все они втроем специализировались на лимпсофт-инженерии, и никто из них не водил с двумя другими шашни. Они просто жили все вместе.

Тре уже встречался со своей будущей женой Терри Перцесеп, хотя ни он, ни она еще даже представить не могли, что когда-то поженятся. Терри посещала курсы художественного мастерства, снимала комнату вместе со своей подружкой и каждое утро по нескольку часов работала, продавая билеты на экскурсионный рыболовный катер, принадлежащий ее семье. Люди все еще увлекались рыбалкой, даже в 2049-м, при том что в ту пору велика была опасность наткнуться в океане на дикого

водоплавающего молди и вступить с ним в опасные нечеловеческие отношения, чреватые даже гибелью. Для этой цели на каждом катере имелся огнемет, просто чтобы отбиться от молди при встрече с ним.

В тот день, который изменил судьбу Тре, его разбудил ювви. Тре спал на своем тонком матрасе, когда ювви мелодично чирикнул в его голове: «Тре, Тре, Тре…» Он спросонок схватил ювви, тот был размером не больше старинного телефонного аппарата, и приказал ему перейти в режим изображения. Ювви можно было использовать двумя способами: можно было приказать ювви воспроизвести голографическое изображение находящегося на другой стороне линии, или можно было, положив ювви себе на шею, общаться мысленно, путем прямой электромагнитной связи с мозгом.

В проекционном режиме специальный вибрирующий датчик ювви создавал в воздухе голографическое изображение, сопровождаемое воспроизведением голоса.

— Привет. Это Тре Диез?

В воздухе появилось изображение головки молодой блондинки, жительницы Калифорнии, не старше двадцати лет.

— Ага, — хрипло отозвался Тре. — Это я.

В окна колотился мелкий дождь, и порывы бриза налетали на тонкие стены дома. Сквозь незанавешенную щель на окне Тре мог видеть полоску океана. Вид у океана был холодный, цвет — серебристо-серый, о рифы разбивались высокие волны, в воздух летели брызги. Сегодня в полдень он договорился идти вместе с Терри кататься на серфе в заливчике для начинающих на Четырехмильном пляже; Терри обещала дать ему урок. Отвечая ювви, Тре от души надеялся, что это звонит Терри. Но это была не она.

— Отлично, — ответила голограмма смазливой блондинки. — Меня зовут Синтия Меджор. Я из отдела кадров компании «Апекс Имеджес», находящейся в Сан-Франциско. Тре, мой начальник просил меня передать тебе, что мы были просто потрясены последней версией твоего фильтра «Забавные цыплята».

Фильтр «Забавные цыплята» представлял собой программу, которая использовалась в ювви, с тем чтобы менять принимаемое изображение. По сути дела, фильтр частично являлся обыкновенным фильтром, но частично и подобием психоделического снадобья, смещающего вашу точку зрения на некоторый угол и придающий всем предметам вид необычный, однако не тем предметам, которые вы видите своими глазами, а тем, изображение которых передается вам через посредство ювви,

которое вы надеваете на свою шею. Во времена Тре фильтры были видом нового программного искусства.

Тре закончил фильтр «Забавные цыплята» в феврале, в разработке программы ему помогали Банни, Анна, и, конечно же, они очень многое взяли из программной библиотеки Калифорнийского университета. Формально «Забавные цыплята» основывались на идее, что пространство может быть представлено в виде квазикристалла, имеющего форму неповторяющейся шахматной мозаики двух видов многогранных ячеек. Этот факт явился математическим результатом выкладок, произведенных еще в прошлом столетии и сыгравших очень важную роль в моделировании структуры имиполекса. Тре узнал о существовании и свойствах квазикристаллов во время курса «Структуры лимпсофта». Для визуального обозначения фильтра Тре переформировал пару базисных многогранников, придав одному образ тощего цыпленка, а другому — толстой птицы додо.

Теоретически фильтр «Забавные цыплята» мог являться одним из видов психоделика. Стоило только ввести фильтр в ювви и поместить ювви на шею, как все формы вокруг вас начинали принимать вид трехмерных «Забавных цыплят», или же, иными словами, предметов, имеющих сходство со смешными искаженными птицами, различными несимметричными образами, *клюющими* друг друга.

Тре начал писать фильтр для собственного развлечения, как нечто, чем можно было бы позабавиться, закинувшись психоделиком или подкурившись. Было очень забавно пройтись по пляжу или заглянуть в кофейню, когда к травке в твоей голове прибавляется еще и то, что способны устроить «Забавные цыплята».

В плане обработки изображения фильтр использовал новейшие достижения программирования. В отличие от программ обработки текста или статического видео фильтр представлял собой систему мгновенной интерпретации. Технология была разработана на основе программы, использующейся в развлекательном устройстве, называющемся твист-бокс, очень популярном в начале тридцатых годов. Твист-боксы были официально признаны как метод ненаркотического изменения сознания, как «чисто программный психоделик». Подобно ювви-фильтрам, твист-боксы немного изменяли визуальный входной сигнал. Однако твист-боксы использовали в своей основе трехвариантную петлю с хаотической обратной связью Стаканова, в то время как фильтры были основаны на телеологическом дизайн-процессе, являющемся их неотъемлемой характеристикой. И кроме того, в середине двадцать первого века люди

предпочитали использовать фильтры как *добавку* к наркотикам, а не как *заменители* наркотиков.

Реальная нейрологическая карта человеческого сознания, необходимая для составления программы, была слишком сложна для того, чтобы Тре мог запрограммировать ее самостоятельно, точно так же, как для собаки было бы сверхсложно нарисовать автопортрет. Однако в распоряжении Тре имелся доступ к университетскому большому компьютеру, Ваду, — космогенному искусственному разуму-ампликатору, являющемуся *грексом*, или симбиотическим слиянием нескольких различных молди.

При помощи Вада многое оказывалось возможным, в особенности тогда, когда твоя собственная проблема казалась Ваду интересной. Поскольку пластиковый мерцпокров тел молди являлся квазикристаллическим имиполексом, Вад решил, что создание фильтра «Забавные цыплята», основанного на свойствах квазикристаллов, является отличной идеей, и выполнил для Тре всю работу по программированию особенно сложных блоков.

В результате этой работы в одно прекрасное утро Тре позвонила бизнесвумен из города.

— Я очень рад, что мой фильтр так вам понравился, — сказал Тре. — И вы решили позвонить мне, чтобы это сказать?

Синтия Меджор рассмеялась, словно бы услышала чрезвычайно наивную вещь.

— Конечно, не только за этим, Тре. Мы хотим подписать с тобой контракт. Ты что-нибудь слышал об «Апекс Имеджес»?

— Наверное, нет. Вы делаете рекламу?

— Мы тридцатое по объему контрактов рекламное агентство в мире. Мы делаем рекламу, музыкальные видео, голограммы, ювви-фильтры — мы занимаемся всем этим и многим другим.

— И вы хотите использовать «Забавных цыплят» для того, чтобы рекламировать вэнди и другое мясо?

Синтия Меджор язвительно рассмеялась:

— Отличная догадка! Именно для этого мы хотели бы купить «Забавных цыплят», для того чтобы рекламировать вэнди. Мы уже подписали контракт на разработку рекламы. Мы можем продавать также и специальные наборы ювви. Или устраивать пиар политикам. Да все что угодно! Самое главное то, что мы, «Апекс Имеджес», имеем права на большое количество отличных фильтров, которые мы можем использовать для совершенно различных целей.

— И вы хотите купить у меня права на «Забавных цыплят»?

— Не совсем так, Тре, на самом деле наш план несколько сложнее, и именно поэтому Ментор приказал позвонить тебе. Ты слышал когда-нибудь о компании, называющейся «Личинка

Императорского Жука-Носорога, Лтд»?

— Конечно, слышал, — ответил Тре. — Они изготавливают имиполекс. Расположены в Бангалоре, в Индии. И что такое с ними?

— Они хотят возбудить против тебя дело. «Личинка Носорога» обладает всеми правами на работы Роджера Пенроуза по квазикристаллам, и «Личинка Носорога» обвиняет тебя в том, что твой фильтр использует схемы Пенроуза, которые тот разработал в 1990-м, когда изобретал двухмерные головоломки, так же основанные на квазикристаллах и так же называющиеся «Забавные цыплята». Уверена, что ты слышишь об этом впервые?

— То, что это преследуется по закону, новость. Но, само собой, я знаю о работах Пенроуза. У нас рассказывали о нем на лекциях по структуре лимпсофта. «Личинка Императорского Жука-Носорога» хочет подать на меня в суд? Но зачем? Это же смешно. У меня ничего нет.

— На самом деле «Личинке Носорога» ничего от тебя не нужно. Но они очень хотят оказать влияние на твои действия, получить возможность использовать результаты твоего труда. Вот почему, прежде чем ты предпримешь дальнейшие необдуманные шаги, мы советуем тебе встретиться с Ментором «Апекс Имеджес». Ментор отлично осведомлен обо всех деталях готовящегося удара со стороны «Личинки Носорога». Если ты подпишешь договор с «Апексом…», то я уверена, что мы сможем смягчить последствия, и, Тре, мы сможем избавить тебя от хлопот, связанных с правовой стороной твоей деятельности, в дальнейшем. Тем более что в том, что касается дальнейшего, мы сможем предложить тебе очень неплохой гонорар.

Разговаривая со служащей «Апекс Имеджес», Тре ходил по комнате, отыскивая и надевая теплую одежду. Среди разрывов туч тут и там появлялось солнце, отчего океан в его лучах окрашивался в зеленый цвет. Теперешняя жизнь устраивала Тре как нельзя лучше. Представ пред возможностью перемен, он почувствовал, что его хорошее настроение быстро улетучивается.

— Я не очень понимаю, какого рода контракт вы предлагаете мне подписать.

— Мы предлагаем тебе подписать контракт на несколько твоих будущих работ, с которых получим проценты и права проката, а сами возьмем на себя поиск клиентуры, которая согласится твои работы использовать. Наш интерес включает в себя комиссионные, да, может быть, еще время от времени мы будем немного следить за тобой и подбадривать, когда понадобится ускорить или немного изменить процесс в соответствии с требованиями заказчика.

— Это сложно, черт возьми. То есть это здорово усложнит мне жизнь. Ведь я еще студент, как-никак, и я не собираюсь пока искать для себя постоянную работу. Мне нравится работать только над тем, что мне по приколу в данный момент. Я хочу курить на пляже травку и загорать круглые сутки. Я только-только начал учиться кататься на доске и хочу научиться кататься как следует.

Синтия заговорщически рассмеялась:

— Тре, вы с мистером Касабианом точно понравитесь друг другу. Он наш директор. Ты сможешь приехать на встречу в город на следующей неделе?

— Ну… кажется, во вторник у меня нет занятий.

Головка блондинки повернулась, чтобы переговорить с кем-то, скрытым краем ювви-экрана.

— А как насчет среды? — спросила его головка блондинки. — Ты сможешь приехать в среду? В одиннадцать?

— Хорошо, договорились, — отозвался Тре. — Кстати, о каких гонорарах мы говорим?

Блондинка опять повернулась к невидимому за экраном, и неожиданно у Тре появилось подозрение в том, что Синтия всего лишь симми, программный симулятор человека. Блондинка снова повернулась к нему и назвала сумму в долларах, на порядок превышающую все то, что Тре мог вообразить в виде собственной зарплаты в отдаленном будущем.

— *Ччччерррррт!* — воскликнул он, подражая удивленной вороне, что в последнее время было свежей шуткой среди друзей и знакомых Тре. — Я приеду! Черрт возьми!

На следующей неделе в среду Тре сел в пригородный поезд до Сан-Франциско. Банни Флогистон отправился вместе с ним для моральной поддержки, а также для того, чтобы поглазеть на новое живое секс-шоу, о котором он слыхал на Северном Пляже.

— Используется принцип наслоения ювви-сигнала, — с энтузиазмом объяснил Банни по дороге в Сан-Франциско. — В зале находятся несколько настоящих мужчин и женщин, голых, и все с ювви, а также есть несколько ювви-дилдо. Ты приходишь в зал и берешь свое ювви, и после этого можешь тоже стать дилдо. Дилдо, который болтает с голыми девками.

— Отлично, просто отлично, Банни, — отзывался Тре, думающий о другом. — Я просто рад за тебя. Среди извращенцев ты бы наверняка занял первое место. Ты тот еще монстрила! Как ты думаешь, мне не следует теперь же закинуться, перед тем как я доберусь до места?

— Эй, Тре, возьми за правило никогда не закидываться перед важной встречей, — со знанием дела посоветовал Банни. — Под

кайфом встречи всегда кажутся чересчур долгими и слишком уж важными. Иди туда такой, какой есть теперь, утри этим выскочкам нос, а потом мы с тобой как следует подкуримся. Может, «Апекс Имеджес» сразу же отвалит тебе монету, и тогда ты купишь нам пожрать и выпить в «Адлер Мезее» или даже в «Везувии»? Встретимся на площади Вашингтона в три тридцать, идет?

— Идет, брат Банни. Ты всегда говорил дело. Хорошо тебе поразвлечься со своими дилдо.

— Ты так ничего и не понял, брат Тре. В двух словах, это словно внутри одной иллюзии ты видишь другую иллюзию. Операторы дают тебе сигнал, что словно бы ты находишься в «Настоящем-По-Сравнению-С-Остальным» и работаешь дилдо. Но дилдо тоже не дурак, и дилдо считает, что на самом деле он актив. Короче, где правда, а где враки — ни за что не отличишь. Я с ума схожу, как хочу попробовать этот вариант животной похоти на основе реальной/компьютерной смеси ювви-сенса.

— Круто. Предложи им несколько копий «Забавных цыплят», если удастся. Может, в «Настоящем-По-Сравнению-С-Остальным» согласятся дать тебе попробовать что-нибудь бесплатно. Хотя бы дашь за сценой живой уборщице подрочить.

— Вот идиот.

Тре отыскал офис «Апекс Имеджес» в старом викторианском здании на параллельной улице, следующей выше Хай-стрит. Сильно накрашенная Синтия Меджор сидела во плоти и крови за стойкой в приемной. Как бы там ни было, Синтия оказалась настоящей девушкой без обмана.

— Тре! — воскликнула она мелодичным голосом. — Ты пришел! Я звоню мистеру Касабиану!

Приемная состояла из двух комнат, с мягкими коврами на полу. Темная деревянная лестница вела наверх на второй этаж. Окна были устроены в выступающих наружу нишах, в пространстве которых были развешены различные подтверждения прошлых заслуг «Апекс Имеджес». Имелись голографические дисплеи, передающие сигналы ювви. На одном дисплее красовался огромный кусок СЪЕШЬ МЕНЯ мяса вэнди, с настоящей голой Вэнди Муни на переднем плане, стоящей на огромной булочке для гамбургера, повернувшись задом, так, что большая часть аппетитных ягодиц выставлена на обозрение. Плащ Счастья Вэнди был обернут вокруг ее плеч наподобие куртки болеро. Даже в свои пятьдесят Вэнди была еще очень привлекательной женщиной. Сама реклама была организована в стиле трансреального изображения классической картины великого художника «кустомской культуры» Роберта Вильямса —

как потом оказалось, «Апекс Имеджес» специально выкупил лицензию на стиль Роберта Вильямса у его наследников. На втором дисплее красовалось смешное облачко крылатого глазного яблока Ван Дюка, фирменного знака ОСЦС, самого главного провайдера ювви-сервисов. На третьем дисплее трепетала огромная капля воды, переливающаяся всеми цветами радуги, отбрасывая зайчики, словно бы от потока света, падающего из окна; это была реклама фестиваля Большой Кайф, прошедшего летом в этом году в парке Золотые Ворота.

— Тре, — подал голос мужчина, спускающийся по лестнице в приемную. — Меня зовут Дик Касабиан.

Мистер Касабиан был темноволосым человеком с синевой щетины на подбородке и живыми карими глазами. Во всем его облике и фигуре читалась какая-то мрачность. Мистер Касабиан являл собой образ законченной степени уныния.

— Давайте пройдем в мой кабинет.

Из окна кабинета Касабиана открывался милый вид на центр Сан-Франциско и часть бухты. Касабиан предложил Тре бокал суперсодовой, и Тре не отказался.

— Итак, ваш фильтр «Забавные цыплята», — сказал Касабиан, надевая на шею ювви. — Лично мне фильтр очень понравился, хотя, откровенно говоря, я так и не понял до конца происходящего. Можем мы просмотреть все еще раз вместе?

— Конечно, — отозвался Тре, устраивая предложенный ювви на шее в районе затылка. Ранние модели ювви, например Плащ Счастья тридцатых годов, для установления контакта с нервной системой пользователя протыкали его кожу и вводили в тело датчики, тогда как сегодняшние ювви использовали компактное сверхпроводящее электромагнитное поле. Благодаря этому не существовало никакой опасности инфекционного заражения при использовании чужого ювви.

Включив свои ювви, Касабиан и Тре установили прямую ментальную связь. Они могли общаться не раскрывая рта, и каждый видел то, что в данный момент видел другой. Это была высшая и наиболее полная форма двухстороннего общения. Полностью читать мысли другого человека было невозможно, но можно было с легкостью уловить речевую или зрительную информацию, которой другой человек хотел с вами поделиться.

Тре заметил, что, кроме него, Касабиан был подключен еще к кому-то другому. К кому?

— А, это, — пожал плечами Касабиан. — Это Ментор, он тоже хотел нас послушать. Если мы решим принять вас на работу, я обязательно вас ему представлю. Но пока что он хотел бы остаться в тени. Ментору не хотелось бы, чтобы его участие

в «Апекс» стало широко известно за пределами компании.

— Хорошо, — кивнул Тре.

— Тогда загрузим «Цыплят», — предложил Касабиан.

Для того чтобы это случилось, достаточно было словесного приказа. Пространство комнаты закачалось, набухло и превратилось в желеподобное смешение мозаично соединенных комических цыплят и додо. Для Тре голова Касабиана превратилась в перевернутого додо, клюющего переплетенный между собой выводок из пяти цыплят, составляющих его грудь. И тем не менее, хотя это казалось невозможным, Касабиан продолжал выглядеть самим собой. Напротив, для Касабиана Тре превратился в пару цыплят, клюющих трех птиц додо.

— Вот о чем я хотел спросить, — подал голос Касабиан. — Почему вы не сделали так, чтобы наши образы были похожими друг на друга? Ведь, по сути дела, наши тела практически не отличаются и очень похожи друг на друга. В этом есть какой-то ключевой смысл?

— Причина заключается в том, что узор той части комнаты, где находитесь вы, должен совпадать с узором вашего тела и с тем, что в данный момент представляю собой я и окружающее меня пространство, — объяснил Тре. — Это мозаичное представление пространства, деление пространства на взаимоподобные фрагменты. И поскольку мозаичное деление основывается на свойствах квазикристаллов, то основной тенденцией становится неповторяемость.

— Что ж, весьма логично, — кивнул Касабиан. — Но если я, скажем, захочу начать с того, чтобы мой стол превратился в фигуру из шести додо, то смогу я это сделать?

— Да, конечно, — согласился Тре. — Тем более что именно для этого в программе есть специальная скрытая опция. Я сейчас вам покажу, как это делается.

— Отлично, — ответил Касабиан, — потому что, если мы планируем использовать фильтр в рекламных целях, клиент может выставить свои требования к тому, каким образом, по его мнению, должна быть изображена его продукция — а кроме того, окружающее также должно органично вписываться в мозаику.

— И что вы предполагаете рекламировать при помощи этого фильтра? Имиполекс от «Личинки Носорога»?

— Нет, нет. Нашей первой рекламой станет мясо вэнди — о чем вы совершенно правильно предположили в своем разговоре с Синтией. «Личинка Носорога» тоже очень хочет получить исходник вашего фильтра, но им он нужен не для того, чтобы создавать рекламу. Один из лимпсофт-инженеров «Носорога» хочет получить фильтр и использовать его в процессе дизайна

квазикристаллов. Если мы сумеем продать им свою лицензию, то вместо заявления об иске им придется прислать нам кучу баксов.

— Вау, — вздохнул Тре. — Я и не думал, что то, что я сделал, так круто. Может быть, мне есть смысл наняться на работу в «Личинку Носорога», а не к вам?

— Не делайте этого, — быстро подал голос Касабиан. — Вам придется переехать в Индию. К тому же я знаю, что программист «Личинки Носорога», который хочет использовать ваш фильтр, никогда не позволит им нанять вас. Это Шри Рамануджан. Он работает в большой тайне и никогда не согласится иметь рядом с собой помощника, который способен понять процесс. *Не вы* нужны ему, Тре, а ваш фильтр. А также любые другие необычные мозаичные программы, которые вы сумеете разработать.

— Значит, вам я нужен в качестве художника, а не в качестве программиста или инженера? — задумчиво проговорил Тре. — Хотя на самом деле тут нет ничего странного. Все нормально, а с теми специальностями, которым я обучался…

— У вас большой креативный талант, — настойчиво повторил Касабиан. — Вы обязательно должны его использовать.

Они еще немного поработали с «Цыплятами», потом Касабиан прокрутил для Тре несколько роликов, выпущенных «Апексом», после чего они сняли свои ювви.

— Ваш «Апекс» выпускает крутые штуки, — похвалил Тре. — Эти ролики очень красивые.

— Благодарю, — кивнул Касабиан. — Итак, Ментор хотел бы знать: вы хотите работать у нас, Тре?

— Делать рекламу мяса вэнди — работенка для ламеров, но если речь идет о том, чтобы изобретать новые фильтры и помогать «Личинке Носорога», то мне это нравится.

— А вы сами когда-нибудь пробовали мясо вэнди? — спросил Касабиан. — Нет? Можете себе представить — я тоже никогда вэнди не пробовал. Но здесь все дело в настойчивости рекламы, так я считаю.

— Но мне не нужно будет физически приходить сюда в офис каждый день, верно?

— Господи, конечно нет. Ни один наш сотрудник не приходит сюда ежедневно, за исключением Синтии и меня. «Апекс» будет выплачивать вам зарплату, а кроме того, комиссионные за каждый новый фильтр и любую другую работу, которую вы произведете. У вас останутся авторские права, но мы хотели бы получить эксклюзивное право первого пользователя. Время от времени мы можем попросить вас выполнить ту или иную работу на заказ. Например, изменить фильтр так или иначе, для придания ему вида, необходимого в рекламе.

Они обсудили остальные детали, потом подписали бумаги.

— Отлично, — сказал Тре. — Теперь скажите мне, кто такой этот Ментор?

— Стэн Муни, — ответил Касабиан.

— Экс-сенатор Стэн?

— Именно он. Стэн владелец «Апекса», а кроме того, он и его жена владеют большей частью «Мяса Вэнди» и «М. В. Биолоджикалс». Когда Стэна не переизбрали в сенат, и он ушел — он ушел не с пустыми карманами! Наденьте снова свой ювви, Стэн хочет поговорить с вами.

Тре увидел перед собой довольно усталого вида мужчину лет пятидесяти. Мужчина находился в большой комнате со стенами, обшитыми деревянными панелями, в просторном, сложенном из огромных камней камине трещал огонь: языки пламени были сделаны при помощи фильтра «Забавные цыплята». Губы мужчины растянулись в широкой лукавой улыбке, так хорошо знакомой Тре по многим документальным фильмам о жизни Стэна Муни, которые он видел неоднократно.

— Привет, Стэн, — поздоровался Тре. — Я рад, что смог познакомиться с тобой.

— Я тоже очень рад, — отозвался Стэн. — Этот твой фильтр, «Забавные цыплята», самая крутая штука, которую мне только приходилось видеть в жизни. Настоящее компьютерное вставлялово. Как насчет травки, Тре, уважаешь?

— Не без этого, — отозвался Тре.

— Отлично, — довольно воскликнул Стэн. — Я слушал ваш разговор с Касабианом о том, что мы можем продать «Цыплят» не только для рекламы.

— Да, точно, — поддакнул Тре. — Еще и для лимпсофт-инженерии.

— Это круто. — Стэн сухо хихикнул. Видимо, его физическая форма оставляла желать лучшего. — Шри Рамануджан из «Личинки Носорога» пытается изобрести новый способ сближения молди и людей. Он не раскрывает нам детали своей работы, но то, чем он занимается, мне кажется хорошим делом, в рамках того, как я сам понимаю жизнь. В итоге люди и молди должны стать одним и тем же. Как, например, Вэнди и ее Плащ Счастья. Шри Рамануджан сказал, что твой фильтр, Тре, эти «Забавные цыплята», будет именно тем, что ему нужно для завершения очередной стадии его проекта, если только ты сумеешь сделать свой фильтр *четырехмерным!* Что скажешь на это, Тре?

— Думаю, что это возможно, — ответил Тре после минутного размышления. — Для того чтобы соответствовать нашему пространству, фильтр, по сути дела, должен быть *трехмерной*

проекцией четырехмерной мозаики. Так сказать, трехмерной тенью. Мне известна обобщенная призма Шмидта-Конвея, при помощи которой можно апериодически наслаивать все измерения кратности 3. Но четвертое и пятое измерение? Наверное, Конвей также что-то написал о четырех и пятимерных апериодических мозаиках. Мне нужно посмотреть книги.

— Отлично! Тогда добро пожаловать на борт, доктор Диез!

После еще одной-двух формальных фраз Стэн Муни отключился.

Как только факт подписания контракта Тре оказался свершившимся, Касабиан немедленно стал слишком занятым и пообедать с Тре уже не смог, немало того разочаровав. Тре не оставалось ничего другого, как прогуляться к Колумбус-стрит, чтобы разыскать Банни в «Настоящее-По-Сравнению-С-Остальным». У заведения был кричащий фасад с грубо запрограммированной голограммой. Перед передней дверью слонялись несколько городских молди, без какой-то особой видимой цели, на мостовой стоял зазывала, приглашающий людей с улицы зайти внутрь.

— Весело и круто! — крикнул Тре негр, заметив, что тот рассматривает вывеску. — Узнай, что такое настоящее по сравнению с остальным. Заходи и оцени, брат.

— Я ищу здесь друга.

— Мы все ищем себе друзей. Там внутри полно для тебя друзей.

— А зайти и посмотреть бесплатно можно?

— Зайди и посмотри, и если через две минуты тебе не понравится, то это за наш счет. Густав! Покажи нашему другу шоу!

Один из молди, быстро складываясь вдвое и распрямляясь, пополз вперед. Молди имел вид червя-шагомерки, оранжевого цвета с пурпурными пятнами.

— Вам нужно ювви, сэр?

— Пока нет, — ответил Тре. — Пока я хочу видеть это своими глазами.

Вслед за молди Густавом Тре прошел под занавесью, закрывающей вход в Настоящее.

Внутри пульсировала музыка и было душно от скученности многочисленных тел. Большая часть помещения была погружена в темноту, но главная сцена была освещена частыми вспышками стробоскопов, в мигании которых извивались молди, отдельные куски имиполекса и голые люди с ювви на шее, одним из которых был Банни Флогистон, стоящий на четвереньках с ювви на шее и каменной эрекцией, с вытаращенными глазами и здоровенным

имиполексовым дилдо, ритмично обрабатывающим его зад.

— Эй, Банни! — крикнул Тре. — Ты хоть знаешь, чем ты занимаешься?

Голова Банни неуверенно повернулась в направлении Тре. Глаза Банни были совершенно пустыми, как у человека, целиком погруженного в мир сознания, передаваемого в данный момент ювви и полностью покинувшего окружающий мир.

— Банни! Ты уверен, что получаешь именно то, что хочешь?

Дилдо воспользовался этим мгновением, чтобы вырваться из Банни и прыжками убраться прочь. Банни уже пришел в себя и поднялся на ноги, его стояк на глазах размягчался. Разыскав свою одежду на одном из сидений в зале, Банни вышел вслед за Тре на улицу. Они торопливо прошли до начала квартала.

— Чушь какая-то, — сказал наконец Банни, красный до ушей. — Неужели это все на самом деле происходило?

— А что *видел* ты?

— Ко мне пришла такая большая женщина, необыкновенно сексуальная, такого, знаешь, доминирующего типа. Прямо со сцены мы пошли с ней в ее будуар, где она раздела меня и приказала быть ее сексуальным рабом. Она хотела, чтобы я… чтобы я…

— Позволил ей оттрахать себя резиновым дилдо. Не нужно стесняться, Бан. Это обычная мужская фантазия, такие уж мы жалкие и ничтожные твари…

— Да, именно так мне все и виделось. Вот только…

— Вот только никакой женщины рядом с этим дилдо не было, — со смешком продолжил Тре. — И никакого будуара не было, ты так и стоял на сцене во всей красе!

— Тре, если ты кому-нибудь об этом расскажешь…

— А что рассказывать? Да и кому это будет интересно?

— Прекрати, пожалуйста, Тре.

— Хорошо, брат. Но тогда ты мне должен.

— Хорошо, должен.

Банни злобно оглянулся на молди, продолжающих извиваться перед входом в Настоящее.

— Мерзкие уроды. Ненавижу молди.

— Ну, про них не скажешь, что они лучшие друзья человека, — согласился Тре. — Но без молди у нас не было бы ни ДИМов, ни ювви, ни Вада, ни курсов по лимпсофт-инженерии и никакой новой работы для меня.

— Так тебя взяли на работу?

— А ты сомневался, малыш! Работенка крутая, интересная, и платят хорошо.

— Тогда с тебя угощение. Купи мне выпивку и еду.

— Заметано, — кивнул Тре. — И давай прибавим ходу. Ты же не хочешь, чтобы тот, кто управлял этим дилдо, вышел из этого борделя, чтобы повидаться с тобой лицом к лицу?

— Точно, — кивнул Банни, и они отправились к Северному Пляжу, чтобы провести отличный день в полноте сил юной жизни.

Получив на руки первую зарплату в «Апексе», Тре пустил учебу побоку. Зачем ему ломаться и получать степень, чтобы его приняли на работу, которую он уже и так имеет? Весной он почти не ходил на занятия, и когда он не приехал домой в Дес-Мойнес, родители прекратили присылать ему деньги на житье. Все лето и начало осени Тре возился с четырехмерными «Забавными цыплятами», пытаясь запустить и отладить программу, но безуспешно. Проблема оказалась довольно серьезной. Предстояло провести много испытаний и многое обдумать. «Апекс» продолжал платить ему деньги, время от времени подкидывая работу с рекламой, в основном отладку. Инструкции ему обычно давал Касабиан.

Ко Дню Благодарения 2049-го, когда не осталось больше никаких других обязательств, Тре понял, что наступило самое время жениться на Терри Перцесеп. Терри и Тре стали менеджерами мотеля «Чистый Свет и Террасный Дворик» и управляли им теперь от имени овдовевшей матери Терри, Элис.

После смерти своего мужа, Дома, Элис добавила к названию мотеля слова *Чистый Свет*, а прежде он назывался просто «Террасный Дворик». «Чистый Свет» было названием традиционного калифорнийского философского течения новой эры: религиозное освобождение на лоне природы смешанное с серфингом, солнцем, самыми модными на текущий момент наркотиками и объединенной компьютерной системой всего мира.

«Террасный Дворик» никогда не был местом сосредоточия сторонников Чистого Света — по сути дела, добавка «Чистый Свет» к названию было не что иное, как блажь. В мотеле продолжали селиться все те же скучные туристы со Среднего Запада. Но как бы там ни было, в качестве менеджеров Тре и Терри могли жить бесплатно в маленьком домике позади мотеля, что снимало с повестки дня серьезную проблему оплаты жилья, которая в принципе должна была стоять перед Тре.

Занимаясь улучшением текущей версии «Забавных цыплят» и выполняя небольшие заказы по наладке программ для «Апекса», Тре, кроме того, помогал Терри с уборкой мотеля. Каждый день им казалось, что они все больше и больше влюбляются друг в друга. Прежде чем они успели осознать это до конца, на свет появились два ребенка: сначала сын, Дольф, 23 сентября 2049-го,

и потом дочь, Бэби Врен, 26 июня 2052-го.

К одному Тре всегда относился одинаково, будь он под кайфом или нет, — к детям. Тре обожал детей. Он очень любил возиться с детьми, наблюдать, как они бегают по дому, играют и занимаются своими делами.

— Определенно двуногое существо, — говорил он, наблюдая за тем, как Бэби Врен топает по комнатам, упрямо размахивая в воздухе стиснутыми кулачками. Бэби Врен была еще совсем малышкой, и если Тре опускал руку вниз, то до шелковистой макушки стоящей Врен все еще оставалось два или три дюйма. Врен была самым маленьким стоящим человечком из всех известных Тре. Дольф был сметливым и любознательным пареньком, обожающим задавать отцу вопросы, наподобие: «А если начнется наводнение, поплывет ли наш дом?» или «Если у нас больше не будет еды, то за сколько дней мы съедим то, что есть сейчас на кухне?» Маленький Дольф был твердо настроен выжить во что бы то ни стало.

Весной 2053 года Стэн Муни позвонил по ювви Тре. Сенатор Стэн был здорово под кайфом, и в голове у него явно все было перепутано.

— Я у-уже за-затрахался ждать, к-когда ты наконец за-за-закончишь ч-ч-ч… черт… четырехмерных «Забавных цыплят», Т-тре, — еле выговорил Стэн. — Ты — п-последний неудачник.

Стэн был на сильнейшем взводе и настроен очень агрессивно и враждебно.

— Я только что спросил К-к-асабиана, почему он еще не уволил тебя к чертовой м-матери.

— Поцелуй меня в зад, — ответил Тре и трясущимися руками отключил ювви.

На следующее утро, очень рано, Стэн Муни позвонил снова.

— Извини за вчерашнее, — сказал он. — Я опять облажался. Ты, наверное, знаешь мои знаменитые проблемы с разными веществами. Короче, я снова подсел. Во мне снова заговорил старый Торчок Муни. Твои работы просто высший класс, Тре, и «Апекс» никогда не отпустит тебя.

— Рад это слышать. Извини, Стэн, но я никак не разберусь с этой новой четырехмерной разработкой «Забавных цыплят». Я нашел старые записи Джона Хортона Конвея по четырехмерным и пятимерным апериодическим монолитам, но документы сохранились не в лучшем виде. Нашему университетскому Ваду в конце концов удалось раскопать конструкции в архивах электронной почты Конвея. Но превратить мозаики Конвея в красивые трехмерные проекции оказалось слишком сложно — до сих пор я не смог этого сделать даже при помощи

университетского Вада. Я не прекращаю попытки что-нибудь сделать с этой мозаикой.

— Знаешь, Тре, «Личинка Носорога» снова звонила мне и предлагала серьезные деньги за работу, поэтому я снова решил позвонить тебе. Это будет настоящий прорыв в нашем бизнесе. Но Рамануджан срочно требует четырехмерных «Цыплят», прямо сейчас вынь да положи, и «Личинка Носорога» готова заплатить любые деньги за готовое решение. Сам Рамануджан не может ничего сделать, и почему-то он твердо уверен, что ты именно тот человек, кто добьется правильного решения. Они посмотрели твои последние работы по редактированию программ, и то, как ты это сделал, придало им уверенности, что Тре Диез именно тот, кто все для них сделает.

— Что ж, приятно это слышать, но все равно…

— Кроме того, лунные молди проявляют большой интерес к твоей работе. Мой старый приятель Вилли Тейз, он звонил мне недавно и говорил об этом. Вилли Тейз поселился в Гнезде лунных молди пару лет назад. Он что-то говорил о том, что хочет такую программу, которая сможет виртуально настроить «Забавных цыплят» на любое количество измерений, на любое *эн*.

Стэн неуверенно откашлялся.

— Типа, чтобы любой мог настроить «Забавных цыплят» на пять, шесть, семь и… так далее измерений — ты понимаешь, о чем речь? Ты ведь говорил о чем-то типа общего решения, когда мы нанимали тебя?

— Да, бипризма Шмидта-Конвея работает для любого *эн*, кратного трем. Для трех-, шести-, девятимерного пространства, ну и так далее. Как только мы получим четыре и пять, мы сможем получить все остальные измерения посредством декартовского кросс-преобразования. Измерения суммируются в процессе кросс-преобразования. Например, семь получается в результате три плюс четыре, восемь — три плюс пять. Но нужно иметь в виду, что призма Конвея *уродлива*. Результат имеет вид вафли или фабричной крыши. Ничего похожего на тот гладкий визуальный результат, который мы имеем с трехмерными «Забавными цыплятами», совсем другое…

— Пожалуйста, прошу тебя, постарайся, Тре. У меня есть для тебя кое-что, что можно скачать… Быть может, это тебе поможет. Это тоже фильтр, его прислал мне Вилли Тейз. Посмотри, а я пока отключаюсь. Пора мне с утра освежиться.

— Эй, подожди, — крикнул Тре. — Скажи, для чего «Личинке Носорога» и лунным молди понадобились эн-мерные «Забавные цыплята»?

— Они отказались мне говорить, для чего именно.

Предположительно, «Забавные цыплята» нужны им для лучшего общения между молди и людьми. Сам я всегда поддерживал попытки совмещать несовместимое.

Стэн улыбнулся, прижал к бицепсу пневматический шприц и хлопнул себе инъекцию. После чего связь прервалась.

Лунный фильтр, называющийся «УзеЛоК», генерировал без звука изображение, состоящее из гладко перевитых и ярко окрашенных трубочек, пытающихся связаться в эн-мерные узелки. После того как очередная попытка достигала установленной степени сложности, «УзеЛоК» делал паузу, и все начиналось снова с нового узла. Узел начинался с прямого отрезка со стрелками на нем, после чего стрелки начинали двигаться по кругу, а отрезок вращался самым непредсказуемым образом, завязываясь в узел. Картинки, казалось, скрывали за собой какой-то настойчивый смысл, который тем не менее ускользал от Тре.

«Ты только посмотри вот на это, — словно бы говорил ему «УзеЛоК». — Вот это — очень важно. Это одна из тайн, до сих пор скрытых от остального мира».

Деформация узелков была просто оскорбительно медленной и точной, но все равно суть происходящего продолжала ускользать от Тре. «Смотри внимательней, и ты все поймешь».

И наконец в июле наступил прорыв — Тре все-таки удалось запустить и отладить четырехмерных «Забавных цыплят».

Уборка мотеля и уход за детьми казался им теперь делом слишком обременительным и грубым, и как только Тре получил от «Апекс Имеджес» аванс за четырехмерных «Забавных цыплят», он и Терри наняли на службу молди. До тех пор им приходилось обращаться с поручениями, а лучше сказать мучиться, к доброй и сообразалистой средних лет женщине по имени Молли, которая досталась им по указанию мамы Терри вместе с вступлением в должность в мотеле. Благодаря происшедшим лингвистическим изменениям и искажениям языка, «сообразалистая» на языке Тре и Терри обозначало то же самое, что означало *туповатая, недоразвитая* или даже *убогая* на языке людей шестьдесят или сто лет назад. Тре и Терри пришлось немало помучиться, пока они не нашли удобоваримый способ отучить Молли изводить и донимать постояльцев вопросами о том, какую еду она *люуут*, потому что это тема была излюбленной у Молли. Она любила устрицы, но только не моллюсков, спрутов, но только не кальмаров, спагетти, но только не макароны, и так далее и тому подобное. Идиотизм таинственно зашифрованной шарады заключался в том, что Молли любила любую еду, в названии которой не содержалось буквы *м,* — Терри догадалась об этом первой. Они так и не смогли понять, сознательно ли поступала Молли, или нет; они

пытались спрашивать ее об этом, но она только смеялась в ответ и говорила, что не знает правильного *написания* слов.

Как только у них появился молди для уборки комнат, Терри и Тре передали Молли обязанности няньки. Молли работала на семью Перцесепов столько лет, что даже речи не могло быть о том, чтобы уволить ее. Нянькой Молли оказалась хорошей, Дольф и Бэби Врен любили ее так же сильно, как ненавидели Монику. Подобно большинству детей, они инстинктивно боялись молди, с их странными инопланетными движениями и резким запахом.

Ренди Карл Такер появился в мотеле «Чистый Свет» в восемь тридцать прекрасным октябрьским вечером с намерением поселиться — через день после этого он сумел соблазнить и увести Монику. Терри и Тре как раз купали детей — самое веселое и приятное время в их семье, когда толстушка Врен шлепала ладошками по воде и кричала, в то время как деловитый Дольф атаковал разгневанную великаншу-сестру целой флотилией игрушечных кораблей. Терри стояла, склонившись над ванной с губкой в руках, а Тре сидел на прикрытом крышкой унитазе с полотенцем наготове. Как раз в этот момент у стойки раздался звонок.

— Ох, — вздохнул Тре. — Гость. Нужно идти помочь Монике.

— Врен уже помылась, — сказала ему Терри. — Хватай ее на руки и отнеси в кроватку. Я не смогу разобраться с двумя детьми сразу.

Тре достал из кармана ювви, повесил его на шею и велел Монике принять гостя. Тем не менее всегда стоило взглянуть на своего нового гостя собственными глазами. Это было не только данью вежливости посетителю, что тому было, конечно же, приятно, но и позволяло узнать, кто собирается просить комнату в мотеле, потому что мнению молди доверять было нельзя.

Терри достала Врен из ванны и передала ее в полотенце Тре. Насухо вытерев дочь, Тре одел ту в пижамку и уложил в кровать.

— Я сейчас вернусь, Бэби.

Врен, заметив, что отец сразу же бросил ее и ушел, начала было хныкать, но потом быстро переключила внимание на игрушки, висящие над ее кроваткой.

В приемной за конторкой Моника разговаривала с молодым человеком с вытянутой головой и бесцветными глазами. На парне была дешевая пластиковая одежда. Он разговаривал с Моникой, поставив локти на стойку и подавшись вперед, словно пьяный в баре. Возле ног парня стояла дешевая потертая кожаная сумка.

— А вот и один из наших менеджеров, — повернулась к Тре Моника. — Тре Диез. Тре, это Ренди Карл Такер.

Парень со странно узким черепом показался Тре странно

знакомым. Он словно бы недавно видел его где-то в Санта-Крузе.

— Привет, Тре, приятель, — сказал ему гость. Акцент точно выдал в нем жителя Среднего Запада. — Мне нужна комната на одну или, может, на пару ночей. Какую симпатичную девочку-молди вы себе здесь завели.

Ренди протянул руку и похлопал Монику по щеке, потом, опуская руку, скользнул пальцами по ее груди. Вздрогнув, Моника отпрянула от Ренди. От злости она выпустила облако едких спор и остро пахнущего телесного газа.

— Ха-ха, — усмехнулся Ренди. — А девочка-то пугливая, вона как навоняла. Нет, больше я в Кентукки ни ногой, там такое чудо не встретишь.

— Да, — согласно кивнул Тре, — не встретишь. Какие номера у нас свободные, Моника?

— Мы можем поселить мистера Такера в комнате 3D, — ответила оскорбленная Моника.

— Отличная комната, — заметил Тре. — На нижней террасе и с видом на океан.

— Потрясающе, — кивнул Такер. — Мне подходит.

Нагнувшись к своей сумке, он достал оттуда ювви, и Тре заметил, как поспешно Такер застегнул молнию, словно боялся, что содержимое сумки увидят.

— Я хочу заплатить.

— Моника прочитает ваш код, — ответил Тре.

— Молди-Моника, — довольно пробормотал Такер и жадно понюхал воздух. — Это мне нравится.

Повесив ювви на шею, Такер передал Монике свой код доступа. Вслед за чем он с кем-то связался по ювви, и на минуту его взгляд стал пустым, устремленным куда-то в пространство поверх головы Моники, а глаза прищуренными и зрачки острыми, словно два проссанных отверстия в сугробе. Разговор по ювви увлек Такера, и он начал жестикулировать и что-то тихо подвывать.

— Хрен в глаз, Джен, — сказал наконец Такер и сдернул ювви с шеи. Затем с фальшивой улыбкой повернулся к Тре. — Это ваш гидрогенный мотоцикл стоит возле дверей, мистер Диез? С белыми ДИМ-шинами?

— Можете звать меня Тре. Да, это моя тачка. Вам понравилась?

— Знаете, чем я занимаюсь? — спросил Такер. — Апгрейдом программного обеспечения. Когда последний раз вы делали апгрейд ваших шин?

— Для чего? Мне никогда это даже в голову не приходило. Шины отлично служат.

— Отлично служат только обычные дерьмовые резиновые шины, да и то, пока не лопнут, но ведь вы ими не пользуетесь, — ответил Такер. — В свое время я был эксклюзивным местным дилером софт-патчей, или заплаток, улучшающих работу шин на сто пятьдесят процентов. Ни одного камня не заметишь.

— Так вы лимпсофт-коммивояжер?

— Надеюсь, вы не принимаете меня за хай-тек проходимца, Тре Диез?

Такер сухо усмехнулся.

— Я же сам могу поклясться, что уже знаю, кто вы такой. И это одна из причин, почему я решил поселиться в этой дыре: мне чертовски нравятся ваши фильтры. Но я здесь не для того, чтобы обрабатывать вас, приятель. Я заговорил о шинах потому, что буду рад устроить вам апгрейд за двадцатипроцентную скидку за комнату.

В ту же секунду из боковых дверей выскочил Дольф, мокрый, голый и радостный.

— Лови его, Тре! — закричала Терри.

Тре подхватил Дольфа, который завопил от радости, вырвался и со всех ног бросился обратно в комнату.

— Извините, но, видно, мне нужно помочь моей жене с детьми, — сказал Тре Такеру. — Завтра мы обсудим ваше предложение, когда у меня будет побольше времени, но скорее всего это вряд ли меня заинтересует. Все равно спасибо. Вы не возражаете, если я попрошу Монику показать вам комнату?

— Буду только рад, — осклабился Такер.

На следующий день с утра пришла Молли приглядывать за детьми, а Терри отправилась кататься на серфинге. Выкурив самокрутку, Тре надел ювви и уселся на солнышке перед дверями конторы. После создания четырехмерных «Забавных цыплят» он занялся разработкой подхода к общему эн-мерному методу, взяв в качестве основы кросс-производящие призмы Конвея. Работа спорилась, он увлекся, и время летело незаметно.

Неожиданно с нижней террасы появилась и направилась прыжками к выходу Моника, выражение лица которой было еще более непроницаемым, чем обычно. За спиной Моники торопливо шагал Ренди Такер, одетый в то же самое, что и вчера, и уже со своей сумкой в руках. Вид у Такера был помятый, а глаза — вытаращенными, словно бы он только что с кем-то боролся. На шее у него было заметно несколько красных отметин, некоторые вроде круглых пятен, словно от присосок моллюска. Также на шее у Такера болтался ювви.

— Привет, привет! — с диким видом кивнул он Тре. — Вот, принес вам апгрейд, как и обещал!

И прежде чем Тре успел возразить хоть словом, Такер выхватил из кармана пару заплаток из розового пластика размером с почтовую марку и с размаху прилепил их к толстым имиполексовым шинам гидрогенного мотоцикла Тре.

— Вам это понравится, до смерти понравится, мозговой фрик! — возбужденно выкрикивал Такер. — А мне пора по делам. Эй, Моника, ну ты и шлюха. Я хочу, чтобы ты несла меня отсюда на своем толстом заду!

— Минутку, — поднялся из кресла Тре, чувствуя, что Такер выходит за все рамки. — Вы не можете вот так уйти. Моника не обязана вас везти, это не ее работа. Она не рикша для наших гостей. И мне на хер не нужны ваши идиотские заплатки на ДИМ-шины! Да что это вы себе позволяете?

Такер даже не стал утруждать себя ответом. Моника пригнулась и расширила свою спину и бедра для того, чтобы было удобнее на ней сидеть. Такер ловко вскочил Монике на спину, одну руку погрузив в ее плоть, в другой держа свою сумку. Моника поймала равновесие, Такер гикнул, и они скачками умчались прочь.

Онемев от ярости, красный до ушей Тре несколько секунд смотрел им вслед, потом бросился в контору, чтобы крикнуть Молли, которая играла в шашки с Дольфом. Стоящая в своем манеже Бэби Врен внимательно наблюдала за играющими.

— Присматривай за мотелем, Молли! Мне нужно уйти!

— Хорошо, — отозвалась Молли. — Мы с мальчиком только что поели печенья! Врен я тоже дала штучку. Я люблю печенье, но ненавижу грэхемовские крекеры.

— Отлично, Молли, пока.

Тре стрелой бросился на улицу и вскочил на гидрогенный мотоцикл. Мотоцикл завелся и покатился по улице, но скорость казалась Тре слишком маленькой, и он яростно отталкивался ногами. Когда он выскочил из-за угла, то внизу улицы заметил Монику с сидящим у нее на спине Такером — они продвигались к океану длинными грациозными прыжками. Тре бросился в погоню.

Он вспомнил — слишком поздно — про апгрейд-заплатки, которые прилепил Такер к ДИМ-шинам его мотоцикла. Когда внизу улицы Тре переехал трамвайные пути, то вместо того, чтобы, как обычно, смягчить удар, превратив его в серию мелких толчков, шины его мотоцикла словно взорвались. Металлические обода колес заскрежетали по мостовой, во все стороны полетели искры. Мопед занесло, переднее колесо вывернуло под немыслимым углом, и Тре полетел кувырком. Когда он грохнулся на мостовую, в левом плече у него отвратительно хрустнуло.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, прислушиваясь к нервным импульсам своего избитого тела. Что-то серьезное случилось с его левым плечом, он сбил предплечье, но, слава богу, голова была цела. Отлично, он выкарабкается, вот только…

Пара сильных извивающихся тел обернулась у Тре вокруг талии. Что это, ДИМ-шины его мотоцикла? Рывком он поднялся и сел. В его левом плече заскрежетали осколки костей. Его шины превратились в двух толстых белых змей, из тех, что раньше были кольцом, а теперь перестали кусать свои хвосты; это были те самые два морских змея, что прикончили Лаокоона. Апгрейд-заплатки Такера сияли на змеях, словно розовые злобные глаза.

Змеи стиснули Тре поперек пояса с ужасной силой, перебив ему дыхание. Просунув под змей левую руку, он попытался оторвать от себя гадов и частично в этом преуспел; но тогда змеи обернулись вокруг его левой руки и предприняли попытку сдавить ему горло.

— Что это он делает? Это что, шоу какое-то?

Рядом с Тре, увлеченным борьбой с собственными ДИМ-шинами, остановилась группа туристов. Заговоривший первым был молодой парень, пижон в ДИМ-рубашке, выпущенной в Санта-Крузе, с движущимся изображением серфингиста на молди-доске, и стоял руки в брюки.

— Да у него кровь течет! — воскликнула женщина, стоящая слева от парня в ДИМ-рубашке. Волосы женщины, выкрашенные в интенсивно розовый цвет, были убраны в три высоких хвоста. — И похоже, что эти штуковины-молди пытаются задушить его.

— Помогите, — прохрипел Тре. — Уберите это от меня. Они…

В этот момент имиполексовые змеи так сдавили его горло, что дальнейшая речь стала совершенно невозможной, но, к счастью, в этот же момент пижон наконец начал действовать, сделал шаг вперед, ухватился за змей и потянул их на себя. Змеи, продолжая стискивать хвостами горло Тре, удлинили свои головы и попытались ударить ими пижона. Тогда в борьбу вступила вторая женщина — невысокого роста негритянка в хлопковых леггинсах, — которая тоже наклонилась к Тре и, придя на помощь пижону, оторвала от Тре змей. Широко размахнувшись, она швырнула змей на мостовую.

— Это дикие молди, — закричал мужчина в возрасте. — Держи их, лови! Я сейчас сбегаю в винный магазин и принесу рома, чтобы их сжечь!

Пижон прижал ногой одну из оглушенных ДИМ-змей к мостовой, негритянка наступила на другую. Мужчина в возрасте со всех ног бросился в магазинчик «Пляжное Крепкое». Женщина

с тремя хвостами наклонилась над Тре, который лежал на дороге навзничь совершенно без сил:

— Вы в порядке, мистер?

Нависшее перевернутое лицо женщины казалось Тре странно огромным, мягким и ни на что не похожим. Глядя на извивающиеся накрашенные губы, можно было подумать, что с ним разговаривает кто-то, у кого рот находится на лбу.

— Вроде да, — прошептал Тре.

Неожиданно раздался крик, и все увидели, что ДИМ-змеи снова пришли в себя, принялись извиваться и вырываться из-под ног людей. В конце концов змеям удалось вырваться, они быстро отползли в сторону, потом подпрыгнули в воздух и, превратившись в чаек, в мгновение ока улетели прочь.

Все еще лежа на спине, Тре широко раскрытыми глазами следил за тем, как белые чайки уносятся в голубое небо. Он был так доволен тем, что остался жив. Это было просто чудо из чудес.

— Какого черта здесь творится? — спросил пижон.

— Я все видела, — объявила негритянка.

— Вот ром! — раздался голос, и рядом стали слышны приближающиеся шаркающие шаги. — Они что, сбежали? Вот, е-мое! А я так давно уже хотел спалить молди. Вот непруха!

Было слышно, как с бутылки свинтили пробку, после чего как следует глотнули.

— Кто-нибудь еще хочет? — спросил он у негритянки и пижона. — Как там пострадавший?

Тре уже поднялся и сел, и слабо махнул мужчине рукой.

— Спасибо, все в порядке, — поблагодарил он пижона и негритянку. — Вы спасли мне жизнь, и слава богу, что вы оказались рядом.

— Наверное, вам лучше лежать, — вмешалась какая-то дама в возрасте. — У вас ведь может быть сломана шея. И могут оказаться внутренние кровотечения. Вас нужно срочно отвезти к врачу. Здесь есть где-нибудь поблизости больница? И прекрати лакать ром, Герберт!

— Обычно мы здесь не ходим в больницу к обычным врачам, — морщась от боли, сказал Тре. Поднимаясь медленно и осторожно, он встал. — Я лучше схожу к хилеру.

— Как вы считаете, нам не нужно заявить об этом Гимми? — спросил пижон.

— С Гимми мы тут тоже не очень любим связываться, — ответил Тре, пытаясь улыбнуться. — Добро пожаловать в Санта-Круз.

Поговорив еще с минуту, люди вокруг него стали расходиться. Тре оглянулся в обе стороны Бич-стрит, потом

внимательно посмотрел в сторону верфи, но нигде ничего уже не было видно. Мимо него в обе стороны шли люди. Вдали от причала отваливал прогулочный катер Перцесепов. Нигде не было заметно никаких признаков Моники, Такера или ДИМ-шин/змей.

До мотеля было всего два квартала, и Тре решил в первую очередь докатить до дома мотоцикл, прежде чем предпринять что-то еще. Голые колеса мотоцикла стучали по мостовой, в плече возле шеи Тре что-то хрустело, но он докатил мотоцикл до мотеля. Он вздохнул с облегчением, увидев, что Терри уже вернулась.

— Терри, я сломал плечо. Я угодил в аварию. Упал на дорогу с мотоцикла на полном ходу.

— Ох, Тре, какой ужас! Ты такой бледный! Как это случилось?

— Я погнался за Моникой и этим Такером. Помнишь того чудного коммивояжера, который поселился вчера вечером? Он еще говорил, что торгует софтом. Этот Такер как-то умудрился угнать у нас Монику, и я пытался догнать их на мотоцикле.

— И ты упал с мотоцикла?

— Шины сбесились, представляешь? Они пытались задушить меня, чуть до смерти не придушили, а потом превратились в чаек и улетели.

— О ком это ты говоришь?

— О ДИМ-шинах с моего мотоцикла. Такер прилепил к ним какие-то заплатки и устроил сбой софта. Весь софт в покрышках свихнулся.

— И ты свалился со своего мотоцикла, а потом покрышки попытались задушить тебя, а когда у них это не получилось, они улетели словно птицы? Тре, ты снова нагрузился чем-то? Скажи правду. Зачем ты с собой такое творишь? Подумай обо мне и о детях.

— Сегодня утром я выкурил косяк, но это не имеет никакого отношения к тому, что случилось со мной! Почему ты мне не веришь, почему ты меня все время в чем-то подозреваешь? Ради бога, Терри, мне нужна помощь, я ранен. У меня плечо сломано, меня чуть не задушили мои собственные шины, и мне нужно срочно к хилеру!

— Хорошо, — сразу посерьезнела Терри. — Тогда идем к Саншайн.

— Можно мне тоже пойти с вами? — спросил Дольф. — Я хочу посмотреть, как Саншайн будет чинить папочку.

Малыш взволнованно смотрел на Тре, который морщился от боли.

— Хорошо, иди с нами, — кивнул Тре, хлопнув сына по спине.

Он был рад, что мальчик сыграет роль буфера между ним и Терри. Терри всегда злилась, когда ей было страшно.

— Молли, мы пошли к Саншайн.

— До свидания. Скажи мамочке и папочке «до свидания», Врен!

Бэби Врен, неуверенно стоящая между колен Молли, помахала мамочке и папочке ручкой «до свидания», широко улыбнувшись и показав зубки.

Солнце стояло в самом зените и сияло вовсю. Дольф торопливо шагал по тротуару впереди молчаливых Тре и Терри. Они прошли вдоль холма один квартал вниз обратно к пляжу и наконец оказались у домика, в котором жила Саншайн со своим мужем Даком Тапином. Дом Саншайн и Дака стоял в стороне от улицы под сенью пальмы, за домом имелся гараж.

В тени у гаража что-то мастерил Дак, в своем неизменном одеянии, состоящем из пляжных шорт и цветастой рубашки-гавайки. У Дака было вытянутое обветренное лицо со светло-рыжими, висячими, словно у моржа, усами; его светлые волосы забыли о расческе и находились в живописном беспорядке.

— Привет, Дак, — поздоровалась Терри.

— Привет, — откликнулся Дак. — Что случилось?

Он поднял голову, оторвавшись от своего занятия — выкладывания витражного окна из кусков разноцветного стекла, которые он делал на заказ и тем жил. У ног Дака лежала оранжевая с белыми пятнами собака Саншайн по кличке Планета, тихо стуча хвостом при виде гостей. Малыш Дольф мигом присел на корточки рядом с Планетой, чтобы ее погладить.

— У моего гидрогенного мотоцикла сбесились ДИМ-шины, — пожаловался Тре. — Я свалился с мотоцикла и что-то себе сломал в плече.

— Вот незадача, — хрипло крякнул Дак.

Калифорния могла подниматься и приходить в упадок, но Дак всегда был широко известен как мастер золотые руки, в то же время не чуждый погоне за редкими способами получения удовольствия. В любой час дня, трезвый или пьяный, он всегда имел такой вид, словно предыдущие двадцать четыре часа провел в состоянии невесомости.

— Какая беда, однако. Хочешь, чтобы тебя осмотрела Саншайн?

— Да, — отозвалась Терри. — Она дома?

— Ага, — отозвался Дак. — Пойди крикни ее. Как дела, Дольф? Пришел помочь подлечить своего папку?

— Да, — мрачно ответил Дольф. — А что это вы делаете?

— Это окно для одной леди, что живет наверху на холме. Я выкладываю тут павлина. Видишь, вот голова? Эй, твои родители уже пошли. Тебе лучше тоже идти с ними.

— Пока, Дак! Пока, Планета!

Дольф вприпрыжку побежал за отцом и мамой, быстро двигая ножками в широких штанинах шорт.

Домик Саншайн и Дака был собран из готовых деревянных щитов, выкрашенных в розовый цвет. Перед крыльцом был устроен цветник из специально выведенного сорта кустов «райская птица», с соцветиями, похожими на ослов с острыми мордами. В основании стены дома были плотной массой высажены настурции с неправильной формы округлыми листьями и красно-оранжевыми цветами. По стенам домика взбирался дикий плющ, голые цветы которого были похожи на асимметричные бледно-лиловые раструбы. Толстенькие стволы лиан вились вдоль карниза.

Терри постучала в дверь при помощи маленькой головы гнома, специально повешенной для этой цели. По прошествии некоторого времени раздались легкие быстрые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появилась Саншайн.

— Привет-привет! — пропела она. Саншайн была разговорчивой женщиной с прямыми каштановыми волосами, высокими скулами и твердым подбородком. Ее родители были белой флоридской голытьбой, сама же она поселилась в Калифорнии и примкнула к общине Чистого Света. Только увидев на пороге Тре и Терри, она мигом разглядела, в чем проблема Тре.

— Что стряслось с твоим плечом, Тре?

— Он упал с мотоцикла, — ответил за отца Дольф. — Ты сможешь его починить?

— Здорово болит, — сказал Тре. — Вот здесь.

Он показал на плечо рядом с шеей.

— Когда я упал, раздался такой звук, словно ломали куриную кость, и теперь, когда я шевелю рукой, внутри что-то скрипит и хрустит. После того как я упал, мои шины пытались задушить меня, а потом они превратились в чаек и улетели. Но Терри даже слышать этого не хочет. Она думает, что я обкурился или наелся кислоты.

— Бедный Тре. Слава богу, что вы успели застать здесь меня. Еще полчаса, и я ушла бы в город, но мне все время словно что-то подсказывало, что нужно остаться еще ненамного. *Вот*, пожалуйста, вам и причина. Входите же, все вместе.

В доме было всего три комнаты: главная — гостиная, кухня и

спальня Дака и Саншайн. Усадив встревоженных Терри и Дольфа рядышком на кровать, Саншайн велела Тре лечь на пол.

— Я сейчас просканирую тебя, и если окажется, что это простой перелом, то заклею прямо на тебе, — сказала Тре Саншайн.

Открыв стоящий у стены сундук, она достала оттуда устройство, размером и видом напоминающее ручной пылесос. Отцепив от устройства специальный ювви, Саншайн надела ювви на шею, потом стала водить жерлом прибора над шеей Тре и его плечом, сама отстраненно глядя в пространство.

— Я вижу твои кости, Тре, — сообщила она.

— Этот прибор работает на радиации? — взволнованно спросил Тре.

— Господи, конечно нет, — ответила Саншайн. — Это ультразвуковое устройство. Моя собака Планета ненавидит, когда я включаю этот сканер. Эй, Дольф, ты уже видел Планету там, на улице?

— Да, — отозвался Дольф. — Планета в гараже с Даком.

— До того, как я переехала сюда, Дак говорил, что ненавидит собак, — продолжила Саншайн. — Он привык жить в одиночестве. Как только я увидела его, так сразу и поняла, что вот он — мой мужчина. Он был весь такой загорелый, и руки у него были в мозолях, как у плотника или рабочего со стройки, — в общем, как у тех парней, с которыми я встречалась прежде, а потом я вдруг узнала, что он художник! Когда я узнала это, то сразу же *установила ему колпачок!* И вот теперь, после того как мы поженились, я работаю над тем, чтобы заставить его захотеть детей. Я часто думаю, какие красивые можно выбрать имена. Кстати, о маленьких людях с чудесными именами — как дела у Бэби Врен?

— Ох, с ней все хорошо, — махнула рукой Терри. — А Дольф уже научился играть в шашки. С Тре будет все в порядке?

— Надеюсь, да, — ответила Саншайн, положив сканер на стол. — Тре, старина, у тебя сломана ключица, только и всего. Сейчас я возьму клеевой пистолет и подлатаю тебя.

— Будет больно? — слабым голосом спросил Тре. — Может быть, ты дашь мне каких-нибудь пилюль?

— От тебя пахнет так, словно ты уже выкурил хороший косяк с утра, — с издевкой заметила Саншайн. — Ты уверен, что не из-за этого ты упал с мотоцикла и не потому твои шины улетели, как птицы? Это напоминает мне то, что однажды случилось с Аарби Кидом.

— Вот видишь, Тре, — укоризненно сказала Терри. — Тебе нужно заканчивать с курением. Ты становишься такой

невнимательный.

— Господи, да вы когда-нибудь заткнетесь? — вспылил лежащий на полу Тре, со злостью глядя снизу вверх на двух стоящих над ним женщин и собственного сына. — Во-первых, виноват тот парень, который прилепил эти ДИМ-заплатки на мои шины, это он все устроил, и аварию, и остальное с шинами. А во-вторых, косяк — это не наркотик. Это просто трава. Мне же нужно откуда-то брать силы.

— Да, конечно, — язвительно ответила Терри. — И когда последний раз ты что-нибудь сделал по работе?

— Да, черт, хотя бы этих четырехмерных «Забавных цыплят», разве я это не сделал? Это самое главное, что только могло быть!

— Но тебе потребовалось четыре года, чтобы закончить «Забавных цыплят»! Не слишком ли долго? Ты куришь слишком много травы, Тре!

— Подожди, Терри, — подала голос Саншайн. — Дай мне с ним закончить, я хочу заклеить ему плечо, прежде чем ты начнешь колотить его. Сейчас я дам тебе немного миста, чтобы ты ничего не почувствовал, когда я буду клеить твой перелом. А тебе, Дольф, я думаю, лучше побыть снаружи, пока я буду лечить твоего папочку. Я не хочу, чтобы ты испугался и толкнул меня под локоть.

— Мне пойти на улицу?

— Делай то, что говорит хилер, Дольф, — резко ответила Терри. — Отправляйся в гараж к Даку и поиграй там с Планетой.

— Иди, Дольф, — подтвердил с пола Тре. — Со мной все будет хорошо.

— Хорошо, — кивнул Дольф. — Мамочка, позови меня, когда папу вылечат.

Дольф побежал в гараж.

— Он так беспокоится за папочку, какой хороший мальчик, — сказала Саншайн. Она достала большой баллон с аэрозолем из своего хилерского ящика. Потом встряхнула баллон и выпустила струйку прямо под нос Тре. Мышцы Тре расслабились, и глаза его медленно закрылись.

— Я знаю людей, которые все спустили на мисте, — продолжила Саншайн. — От миста такие приятные сны. Мист в миллион раз хуже, чем старая добрая трава, Терри. Но по сравнению с габбой, например, мист вообще ничто. После того как мы приехали с Аарби Кидом на мотоцикле из Флориды, он подсел на габбу. В ту же минуту, как старина Аарби прибыл в Калифорнию, он ухватился за габбу и стал орать на меня в тысячу раз сильнее, чем прежде. Он и бил меня. И эти его огненные татуировки на голове. В общем, слава богу, что я нашла

«Чистый Свет».

Глаза Саншайн сузились, и она выпустила еще одну струйку миста в ноздри Тре.

— Я сумела уйти от Аарби, после того как он разбился на мотоцикле и попросил меня залатать его. А твой Тре, он ведь не бьет тебя, Терри? Если тебе, например, нужно свободное время, чтобы все обдумать, я могу дать Тре поспать с недельку.

— О, нет, нет, не делай этого, — торопливо попросила Терри. — Просто иногда Тре совсем не обращает на меня внимания. А я так устала от того, что мне приходится быть матерью и женой. Мне, наверное, нужны каникулы. Мне хотелось бы съездить куда-нибудь одной, в какое-нибудь классное место, покататься на серфе или на сноуборде, чтобы Тре для разнообразия занялся домашними делами. Но, господи, я не должна была кричать на него, когда ему было так больно. Зачем, зачем мне усыплять его на неделю, что я, ненормальная? Тре даже сравнивать нельзя с Аарби Кидом. Пожалуйста, вылечи его, Саншайн. И объясни мне, что ты делаешь, пока будешь заниматься.

— Сначала я должна выпить чашечку кофе, — сказала Саншайн, — прежде чем начну латать Тре. Я усыпила его немножко сильнее, чем обычно. Можно дать ему еще чуточку миста.

Саншайн еще раз пустила мист в нос Тре, и тело у того стало как желе, мышцы расслабились совершенно. Теперь он был похож на пустой имиполексовый спальный мешок для полярных холодов.

— Хочешь чего-нибудь, Терри? — спросила Саншайн, отправляясь на кухню.

— Спасибо, если можно, просто стакан воды. Ты уверена, что с Тре все в порядке?

— С ним все в порядке. Он будет лежать вот так спокойно час или больше, пока я не дам ему антидот. Я говорила тебе, что не далее как вчера снова видела Аарби? Внизу холма у пляжа на «Полосе Развлечений»? Он был приветлив со мной. И эти его огненные татуировки на голове заросли короткими волосами, желтой щетиной. Конечно, как обычно, на габбе.

Не переставая говорить, Саншайн стучала чем-то на кухне.

— Хотела бы я знать, чем занимается сегодня Аарби. Сначала он сказал, что работает на «наследников», потом сказал, что работает на лунных молди. С ним был такой тощий чудной парень из Кентукки, который приказал Аарби заткнуться. Оки-доки, ну вот и кофе.

Из кухни появилась Саншайн с чашкой кофе и стаканом воды.

Она достала из своего хилерского сундука что-то похожее на пластиковый пистолет с тупым дулом и положила его рядом с аэрозолем и сканером.

— Это клеевой пистолет, — объяснила Саншайн. — Но сначала мне придется установить на место кости руками. Ты знаешь, что по-арабски занятие костоправа называется *аль-джабар*? От этого происходит слово *аль-джебра*. Расставлять вещи по местам. Я узнала это, когда ходила на курсы хилеров. Пора нам заняться альжеброй, а то какие мы хилеры, верно, Терри?

Саншайн установила сканер на грудь Тре и руками приладила, как положено, сломанную ключицу. Тре тихо застонал.

Терри больше не могла на это смотреть и отвернулась, устремив взгляд в точку куда-то выше картин на стенах — это были постеры «Чистого Света», которые делала Саншайн, с видами природы и растениями, вперемешку с копиями известных художников Дака, написанными им при помощи техники поволоконного копирования маслом на холсте. Дак любил художников-романтиков конца девятнадцатого века, таких как Арнольд Бёклин и Франц ван Штюк, и с трудом добывал наноточные копии их работ музейного уровня вместе с цельнодревесными, с позолотой и гипсом, копиями рам. Самой большой была картина Бёклина «Тритон и наяда», на которой был изображен довольно волосатый парень, Тритон, сидящий на скале на берегу моря и трубящий в большущую коническую раковину. Рядом с Тритоном на камнях также возлежала весьма сексуальная нехуденькая и смешливая наяда, играющая с крупным морским змеем с висящими усами. Спина змея была декорирована очень миленькими желто-зелеными мозаичными узорами в стиле прото-югендстил. Дак очень любил объяснять смысл этой картины друзьям.

— Вот так-то лучше, — сказала Саншайн, опустив сканер и взявшись за клеевой пистолет. — Видишь кончик, Терри?

Дуло клеевого пистолета заканчивалось длинной тупой иглой.

— Сейчас это находится в сложенном состоянии, благодаря чему я смогу проткнуть кожу Тре. Но внутри Тре это раскроется, превратившись в сотню маленьких гибких ручек, и каждая из этих ручек, в свою очередь, разделится на сотню ручек, и так далее, и так далее. Маленькие волоконца доберутся до сломанных костей и установят осколки на место, после чего выпустят секрет… чего-то. Я позабыла название. *Эрзац-кость*, так кажется? Основой эрзац-кости является органическое вещество, за исключением того, что дополнительно в нем имеются некоторые

редкоземельные элементы. Иттербий и лютеций. Для организма это совершенно безвредно.

— Правда? — взволнованно спросила Терри.

— Абсолютно, дорогая, — отозвалась Саншайн, настраивая клеевой пистолет. — Во всех моих инструментах внутри находится здоровенный кусок ДИМа. Этим машинам не хватает чуточку ума, чтобы стать полноценными мыслящими молди, но ведь после этого мы не смогли бы им доверять, верно? Поэтому управляют этим оборудованием хилеры. Вот так!

Саншайн наклонилась над Тре и проткнула иглой кожу над его сломанной ключицей. Немедленно фрактальная игла под кожей Тре раскрылась и принялась за работу. Процесс склеивания кости начался, и Терри увидела, как под кожей над ключицей Тре что-то зашевелилось.

И снова Терри пришлось отвести глаза — в сторону «Греха» ван Штюка, высокого класса работы югендстил в массивной резной раме с золочеными цветами, окружающей исполненную в темных тонах полуобнаженную женщину, молодую и с отчаянными глазами, угольно-черные густые волосы которой, спускаясь вниз по плечам, завивались в области живота густыми кольцами, наподобие лобковых — и тут же в тени находился огромный толстый черный змей, чьи нечеловеческие щелевидные глаза внимательно смотрели на зрителя, являясь фоном к напряженному и затуманенному взгляду женщины. Рядом с картиной был прикреплен к стене кнопками постер общества «Чистый Свет» со здоровенным улыбающимся подсолнухом. За окном виднелись огромные листья пальмы и гараж, и стоял октябрь, и слышен был быстрый детский говорок Дольфа и громкие, со смехом, ответы Дака — и слезы наполнили глаза Терри.

— Эй, Терри, дорогая, — раздался успокоительный голос Саншайн, — уже все закончилось. Можешь прекратить плакать. А тебе, братишка Тре, пора просыпаться.

Саншайн взяла из сундука другой аэрозоль и пустила струйку в нос Тре. Тре вздрогнул и открыл глаза.

— Я подлатала тебя, Тре! — сказала Саншайн. — А для полного восстановления сил посоветовала бы тебе вести здоровый образ жизни и больше уделять внимания собственной жене.

— Хорошо, — неуверенно ответил Тре, осторожно поднимаясь и усаживаясь. — Мне снился сон — я видел вспышки света из эн-мерного пространства.

Тре потер плечо.

— Сколько мы тебе должны?

— Как насчет бесплатной комнаты в вашем мотеле, скажем, на недельку? Моя тетушка Темпест приезжает к нам погостить из Флориды, но я не выдержу, если она на все это время поселится у нас в доме. Я выросла в семье Темпестов. Мои родители погибли в 2031 году во время Второй Войны людей и бопперов на Луне.

— Я этого не знал, — отозвалась Терри. — Значит, они герои?

— Вряд ли их можно назвать героями, — покачала головой Саншайн. — Они работали на бопперов. Их звали Радужка и Берду, как ту южанку-беднячку и ее отчаянного дружка — такими были и мы с Аарби Кидом. Радужка и Берду были владельцами магазина игрушек, из которого начинался тоннель в Гнездо бопперов.

— Вау, — произнес Тре. — Так, значит, это они помогали бопперам превращать людей в плотти? При помощи роботов, которые выедали у людей мозги и поселялись внутри головы?

— Мне теперь кажется, что Радужка и Берду сами были плотти, — ответила Саншайн. — После того как они погибли, человек по имени Уайти Майдол некоторое время заботился обо мне. Он и его подружка Дарла; они были друзьями Стэна Муни. Стэн договорился с моей тетушкой Темпест, и я прилетела с Луны к ней во Флориду.

— Сенатор Стэн последнее время какой-то сам не свой, — негромко заметил Тре. — Хотя он парень неплохой. Так когда приезжает твоя тетка? Когда нам готовить для нее комнату?

— Может быть, завтра, а может быть, через год, — вздохнула Саншайн. — Самую лучшую комнату для нее готовить не нужно.

— Мы можем выделить ей номер рядом с парковкой, — сказала Терри. — В это время года эти комнаты обычно пустуют.

— Тетя Темпест вряд ли будет хуже того парня, которого я поселил прошлым вечером, — заметил Тре, осторожно разминая залеченное плечо. — Этого Ренди Карла Такера.

— Ренди Карл Такер! — воскликнула Саншайн. — Это тот самый парень, с которым я встретила Аарби Кида в «Полосе Развлечений».

— В самом деле? — спросил Тре. — Он испортил мои ДИМ-шины и украл Монику. Может быть, ты поможешь мне разыскать его?

— Я не советовала бы тебе с ними связываться, Тре, — сказала Саншайн, качая головой. — Если он приятель Аарби, с ним не стоит связываться. Терри, я дам вам знать, когда моя тетушка Темпест соберется к нам в гости. Теперь идите домой, потому что Тре нужно отдохнуть.

Они вышли во двор, и Дольф, заметив их, бросился навстречу:

— Папочка!

Тре обнял сына.

— Со мной все в порядке. Саншайн заклеила мне плечо. А ты чем тут занимался?

— У Дака ботинки могут ходить сами по себе, — возбужденно объявил Дольф. — Давай покажи им, Дак!

Улыбнувшись, Дак поднял руки в воздух. Медленно и плавно он скользнул по полу гаража по направлению к Терри и Тре.

— Это ДИМ-ботинки, — объяснил Дак. — Подошвы сделаны из имиполекса. Ботинки сами приспосабливаются к размеру. Нажимая мыском ноги в определенном месте, можно заставить ботинки перемещаться своим ходом. Полная свобода передвижения — «свободен, как муха в полете».

Дак развел руками в стороны, словно в танцевальном па, и рассмеялся своим обычным диким смехом.

— А ты кормишь свои ботинки? — спросил Дольф.

— Нет, — ответил Дак. — Они же как молди, питаются простым светом.

Он чуть подвинул ноги, и ботинки отнесли его обратно в гараж.

— Я собираюсь закончить эту пару к завтрашнему дню, — объявил он. — Ну как тебе такая обувка, Тре?

— Круче некуда, — ответил тот, продолжая разминать плечо. — Новинка сезона.

— Вот и отлично. Увидимся, ребята.

Когда они вернулись обратно в отель, оказалось, что трое членов Гнезда Моники уже дожидаются их: Кслотл, Оуиш и Ксананна. Кслотл имел вид шахматной фигуры, а Оуиш и Ксананна были похожи на акул, расхаживающих, опираясь на хвосты, — акул, у которых под кожей кружатся вихрями тени кривых цвета голубого и темно-серого. У обоих имелись серебристые пятна в том месте, где условно должны были располагаться лица.

— Что случилось с Моникой? — потребовал ответа Кслотл, едва только увидев Тре и Терри. — Что тут случилось, черт возьми?

— Похоже, Моника нарвалась на сырного шарика, которым оказался один из наших постояльцев, — ответила Терри, улыбнувшись Тре. Она уже начинала верить в его историю. — Этот парень испортил ДИМ-шины Тре, и тот сломал себе плечо, когда пытался догнать этого паршивца.

Тре улыбнулся Терри в ответ, потом снова повернулся к членам Гнезда Моники.

— Откуда вы узнали, что случилось с Моникой? — спросил

их он. — Она связалась с вами по ювви?

— Как раз наоборот — она *не связалась с нами*, — ответил Кслотл. — А она должна была позвонить. Поэтому я стал искать ее сигнал и смог отсканировать ее виртуальный адрес, но… — Кслотл в бессилии покачал головой.

— Что ты узнал? — требовательно спросил Тре. — Ты можешь мне все рассказать, Оуиш. Ксананна, что с ней?

— Подожди, мы все тебе скажем, — ответила Оуиш. Голос Оуиш был настоящим женским, глубоким и вибрирующим, и раздавался из серебристой лицевой пластины. — Ксананна и я только что разговаривали с ней. То, что мы получили от Моники в ответ, напоминает сон, словно она спит, и ей снится океан. Мы считаем, что она находится где-то под водой в океане. Подойди поближе, Тре. Мы передадим тебе изображение по ювви.

— Хорошо, — кивнул Тре, и Оуиш положила свой плавник ему на затылок, чтобы передать прямой сигнал ментального восприятия Моники в реальном времени.

Впечатление было таким, словно Моника действительно находится под водой, но изображение было лишено ощущения реальности. Во-первых, дно было покрыто ортогональным сетчатым изображением, а во-вторых, существа, которые плавали вокруг, имели вид совсем не рыб, а скорее гоблинов. Вместо водорослей океанское дно было покрыто ржавым металлоломом. При этом по поверхности океана над головой бегали обычные световые пятна, как это и должно было быть. Одновременно в ювви-сигнале чувствовалось невизуальное присутствие кого-то, находящегося рядом с Моникой — или пребывающего внутри нее? — кого-то, кого Моника боялась, кого-то странного, очень напоминающего Ренди Карла Такера.

Сигнал был настолько необычным и интенсивным, что Тре почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он поспешно убрал плавник Ксананны со своей шеи.

— Моника — член нашего Гнезда, — сказала Оуиш. — Сейчас она находится в беде. Мы не знаем, где она и что с ней. Расскажи нам о том человеке, который снял у вас комнату.

— Вначале Тре решил, что это просто какой-то чудак-деревенщина из глубинки, что торгует софтом вразнос, — ответила Терри.

— Его зовут Ренди Карл Такер, — добавил Тре. — Он родом из Кентукки. Прошлым вечером он крепко положил глаз на Монику, а сегодня с утра уже пользовался ею как рикшей. Я почти догнал их у верфи, но этот Такер прилепил на мои шины ДИМ-заплатки, от которых шины соскочили с ободьев и едва не задушили меня, затем они все вместе превратились в чаек и

улетели. Это о чем-нибудь говорит вам, ребята?

— Возможно, — ответил Ксананна. — Вы когда-нибудь слышали о суперпиявках? Нет? Понятно, ведь вы, несчастные создания плоти, так далеки от всего этого. Существует новый вид ДИМ-пиявок, называющихся суперпиявками; они были созданы совсем недавно, первые образцы стали появляться только в августе. Кто-нибудь рассказывал вам об этих пиявках? Суперпиявки позволяют человеку установить контроль над молди или, как в данном случае, установить контроль над простым ДИМ-устройством, вроде имиполексовых шин. Суперпиявки сделаны из какого-то нового типа имиполекса. Никто из нас не знает, кто производит эти суперпиявки. Они очень плохие. Очень-очень плохие. Очень-очень-очень плохие. Очень-очень-очень-очень плохие… — Ксананна повторил зацикленную фразу, может быть, раз двадцать или сто, каждый раз все убыстряя и убыстряя скорость, так что последнее повторение превратилось в сплошной скрежет. Ксананна любил бесконечные последовательности.

— Ты говорил, что Такер — сырный шарик? — перебила Оуиш.

— Точно не знаю наверняка, — ответил Тре. — Я только предполагаю.

— *Это так*, потому что Моника хотела трахнуть его, — ответил тогда Кслотл. — Во время обеденного перерыва мы с ней говорили об этом. Она хотела покрутить его перец и сделать немного денег, понимаете?

— Ого, вот это здорово! — воскликнула Терри. — Моника крутит штучки в нашем мотеле. Если дело действительно в этом, то мы не хотим, чтобы она работала тут больше, верно, Тре? И это — когда рядом дети! Нам не нужно, чтобы в нашем мотеле творилось такое, верно? Мы не хотим, чтобы «Чистый Свет» закончил так же, как то ужасное место, где погиб мой отец!

При этих словах молди по сторонам от Терри неуверенно переступили с «ноги на ногу», но Терри словно ничего не замечала.

— Отвечай же мне, Тре!

— Да, мы не хотим, чтобы здесь происходили такие вещи, — медленно ответил Тре. С того момента, как Тре услышал сказанное Ксананной, он пребывал в задумчивости.

— Я хочу порыться и попытаться накопать побольше об этих суперпиявках. У меня есть такое подозрение, что они основаны на моей программе четырехмерных «Забавных цыплят». Как же вышло, что «Апекс Имеджес» мне ничего не сказал?

— Давайте ближе к делу, — подал голос Кслотл. — Как нам спасти Монику? Она и в самом деле находится под водой?

— Скорее всего да, — ответила Оуиш. — Или, может быть, она спит, и мы видим ее сны.

— Возможно, она и Такер повернули у верфи направо к Стимер-лэйн, — предположил Тре. — Можете вы связаться по ювви с какими-нибудь молди в том районе?

— Сейчас я попробую, — ответил Ксананна. — Кажется, сегодня Эвeруз и Айк собирались заняться серфингом на Стимере.

Через мгновение Ксананна установил контакт. Эвeруз, отец Моники и Ксананны, на самом деле сегодня катался на волнах на Стимер-лэйн, неподалеку от мыса с маяком Санта-Круза. Ксананна говорил вслух, чтобы все могли слышать и следить за разговором.

— Привет, пап, ты сегодня видел Монику? Или кто-нибудь еще видел ее? Хорошо, я побуду на связи, пока ты будешь проверять. Что ты сказал? Зилли-лодка видел ее? Моника превратилась в костюм для подводного плавания, в который залез какой-то турист, и вместе с этим туристом спрыгнула в воду? Но сам ты ничего такого не видел? Ты резал волну? Понятно. Отлично. Мы думаем, что Монику похитили. Ее сигнал приходит какой-то странный; можешь проверить сам. Ты хочешь плыть за ней? Подожди нас, пап, я и Оуиш поплывем с тобой.

— Я тоже, — подал голос Кслотл.

— И я тоже поплыву, — выступила вперед Терри. — Ты можешь сделать для меня плавательный костюм, Ксананна?

— Запросто. Тре, ты тоже с нами? Он может воспользоваться Оуиш как костюмом.

— Мне нужно немного прийти в себя, — ответил Тре. — Меня еще немного качает после аварии. И я хочу поискать по ювви про эти суперпиявки. Сейчас позвоню кое-кому.

— Ладно, — ответила Терри. — Но не волнуйся и будь начеку. Оуиш, можешь ты отнести меня на Стимер?

— Я не рикша, а ныряльщик, — холодно ответила Оуиш. — Я не стану тебя нести.

— Скажи это еще раз, — сказал Ксананна. — Скажи «Скажи это еще раз» еще раз. Скажи «Скажи «Скажи это еще раз» еще раз» еще раз. Скажи «Скажи «Скажи «Скажи это еще раз» еще раз» еще раз» еще раз» еще раз.

Ксананна был в глуби новой гонки взволновавшей его последовательности.

— Ла-ди-да, — пропел Кслотл. — Это вам не чай с танцами. Залезай-ка на меня, к такой-то матери, Терри!

Кслотл образовал на своей спине седло, и Терри поспешно забралась на него. Трое молди, унося Терри, быстро запрыгали вниз по дороге, ведущей с холма.

Тре посмотрел им вслед, потом сходил посмотреть, как дела у Молли и детей, уселся с удобством в свое кресло, надел на шею ювви, решив, что первым делом позвонит Стэну Муни. Но в тот же миг его ювви зазвонил сам.

— Алло?

— Привет!

Тре увидел перед собой провинциального вида девчонку-тинейджера с гладкими бесцветными волосами, стянутыми в хвост.

— Меня зовут, гм, Дженни. Могу спорить, что ты сейчас ломаешь голову над суперпиявками Ренди Карла Такера, верно?

Дженни пронзительно засмеялась.

— Могу тебе рассказать кое-что об этих пиявках, если захочу.

— Ты работаешь вместе с Ренди на «наследников» или что-то в этом роде? — спросил Тре. — Я хочу, чтобы вы вернули мне Монику, и чем скорее, тем лучше. Это что, шантаж?

— Какие глупые вопросы, — сказала Дженни. — Я и «наследники»? Шантаж? Думай шире, Тре. Я хочу поговорить с тобой о серьезных вещах! Я могу рассказать тебе о том, каким образом Шри Рамануджан из «Личинки Жука-Носорога» использовал твоих «Цыплят-4D» для создания четырехмерного имиполекса и суперпиявки. У меня есть видео всего его рабочего процесса, которое все объясняет. Если я покажу тебе это видео, обещаешь, что расскажешь мне о том, что придет тебе в голову после того, как ты посмотришь видео?

— Но у меня эксклюзивный контракт с «Апекс Имеджес».

— Ну да, *конечно!* Я так и знала. И тебе наплевать, что «Апекс» не говорит тебе ничего о том, что Рамануджан берет твои идеи и употребляет их в своих целях, а взамен ты не получаешь ничего. Ты можешь доверять только Дженни, Тре. Я ничего никому не скажу о нашем маленьком договоре. Вот, взгляни одним глазком.

Дженни запустила видео, начавшееся с изображения круглолицего индийца, предположительно Рамануджана, дающего подробные объяснения по поводу своего нового замечательного Уравнения Мозаики. Было видно, что Рамануджан находится в лаборатории и позади него на стене висит математический экран. Только увидев написанное, Тре мгновенно понял, что это глобальный прорыв и что этот прорыв вдохновлен его 4D-«Забавными цыплятами». Ощущение было подобно тому, какое испытываешь, осушая стакан воды после того, как долго брел по пустыне. В тот же миг Дженни остановила запись.

— Ну как, интересно? Да?

Что-то неестественное и синтетическое в голосе Дженни навело Тре на мысль о том, что на самом деле Дженни — это софт-конструкт, а вовсе не живой человек. И Бог только знает, на кого она работает.

— Пожалуйста, Дженни, покажи мне всю запись.

— А ты расскажешь мне о том, что придет тебе в голову после этого? Обещаешь?

— Обещаю.

4. Ренди

Март 2052 — Август 2053

Все осень и зиму 2051 года Парвати ходила к Ренди. Они занимались сексом и вместе отправлялись в трипы на камоте и ДИМ-пиявке, а иногда Парвати брала Ренди с собой на продолжительные прогулки в разные места за городом. Один раз они побывали в джунглях, где катались на диких слонах; другой раз перелетели над Западным Хатом и занимались подводным плаванием в Арабском море. В тот раз вместе с ними отправился Шива; после того как Ренди начал приносить Парвати каждый месяц по целому килограмму имиполекса, Шива научился терпеть Ренди, ведь они создавали своего с Парвати третьего сына.

Для того чтобы заработать деньги на имиполекс, Ренди много работал сверхурочно в «Личинке Носорога». Он изучил, а точнее «впитал», интенсивный ювви-курс по электротехнике и начал выполнять в подвальной части фабрики работы с электричеством помимо своих прежних обязанностей водопроводчика. Он не употреблял алкоголя, и благодаря еженедельным камотно-ДИМ-пиявочным трипам с Парвати Ренди не покидало чувство, что его разум расширяется с каждым днем все больше и больше.

Большую часть накопленного имиполекса Парвати хранила у себя в животе, и спустя несколько месяцев у нее стал такой вид, словно она была на приличном месяце беременности. Шива тоже растолстел за счет имиполекса, который ему удалось раздобыть своими способами.

Через одиннадцать месяцев после их первого свидания Парвати появилась в квартирке на Типу Бхарат в своем прежнем виде, иначе говоря, худая, словно призрак. Незадолго до этого она и Шива сложили свой с трудом заработанный имиполекс, произведя на свет тело нового молди, своего сына, которого они назвали Ганеша — своего последнего ребенка. Как только молди производил на свет троих детей, он, как правило, умирал.

— Пожалуйста, помоги мне снова набраться сил, — попросила Ренди Парвати. — Если ты принесешь мне достаточно имиполекса, я смогу сделать апгрейд своего собственного тела. Без имиполекса я скоро начну разлагаться, как Анжелика и Сэмми-Джо. От Шивы уже пахнет разложением — он смирился со смертью, но я не смирилась. Ренди, если ты принесешь мне сорок килограммов имиполекса, я смогу обновить свое тело. Я знаю, что я уже не так привлекательна, как раньше…

— Не печалься, Парвати, — ответил Ренди, лихорадочно прижимая ее к себе и глубоко вдыхая запах имиполексового тела, уже смешанный с легким душком разложения. — Ты моя единственная вонючая любовь. Я что-нибудь придумаю. Я возьму ссуду. Или добьюсь повышения!

— О, Ренди, я знаю, что это неправильно, и этого не может быть, но иногда я получаю удовольствие от того, что прикасаюсь к тебе. Да, обними меня, дорогой. Попроси меня заняться с тобой любовью.

В приподнятом настроении Ренди просмотрел внутренний список свободных вакансий в «Личинке Носорога» и подал заявление на должность процесс-инженера — помощника главного исследователя «Личинки Носорога», самого Шри Рамануджана.

Когда Ренди обратился к Нираджу Пондишери за рекомендациями, тот был настроен скептически.

— У тебя нет высшего образования, Ренди, ты не окончил даже колледж. Ты просто водопроводчик, рабочий. Ты хотя бы имеешь представление о том, что входит в обязанности процесс-инженера?

— Черт, думаю, что там будет нужно присматривать за трубками и проводами, только и всего. Мне нужно повышение, Нирадж, потому что я хочу купить для Парвати имиполекс для полного обновления тела.

— На твоем месте я бы нашел себе молодую свежую молди, Ренди. Например, однолетку. Вместо того чтобы по-глупому бухнуть целую кучу рупий на то, чтобы поддержать жизнь в четырехлетней старухе.

— Так ты поможешь мне или нет?

— Конечно, я тебе помогу, — вздохнул Нирадж. — Я напишу Рамануджану, что ты надежный и чрезвычайно восприимчивый ко всему новому служащий. Та работа, которую ты выполнял по электрической части субфабрики, произвела очень хорошее впечатление; эта работа свидетельствует о твоей способности экстраполировать себя гораздо дальше водопроводного дела. Знаешь, сейчас мне кажется, что Рамануджан может согласиться взять тебя к себе. Он довольно странный человек.

Еще через неделю Ренди начал работать у Рамануджана в лаборатории, в просторном зале, протянувшемся вдоль одной из стен фабрики. Половина лаборатории Рамануджана представляла собой отдельное стерильное помещение для опытов, во второй половине размещался совершенно захламленный офис, где имелась даже маленькая кухня. Рамануджан был приземистый, грубоватый и странный человек, крепкого сложения, всегда

небритый и часто весьма неопрятный. Однако в его карих глазах всегда светился невероятной интенсивности разум.

— Итак, мистер Такер, вы тот самый новичок, который должен помогать мне, — приветствовал Ренди Рамануджан. — Не стесняйтесь, я тоже буколистического происхождения — хотя я, конечно же, брамин. Нирадж Пондишери сказал мне, что вы хорошо схватываете суть сложных систем. В вашем случае полное отсутствие академических знаний скоре плюс, чем минус. В связи с секретностью производства и в целях безопасности я предпочитаю, чтобы у меня в помощниках находился человек, который бы совершенно ничего не понимал в том, чем я тут занимаюсь.

— Мне не терпится начать, Шри. Можете вы устроить мне экскурсию по лаборатории и объяснить, что тут к чему? И объясните, чем занимается процесс-инженер.

— Ученый-исследователь кладет начало процессу; процесс-инженер следит за тем, чтобы процесс продолжался в течение необходимого времени. В этой исследовательской лаборатории я создаю экспериментальные образцы имиполекса, из которых потом делаю ДИМ-пиявок. На текущем этапе я создаю этих пиявок по одной за раз; моя проблема в настоящее время заключается в том, чтобы снять с себя часть рутинной работы и сосредоточиться на усилении функциональных возможностей моих пиявок. Вы уже знаете, что представляет собой ДИМ-пиявка?

— Можете не сомневаться, — отозвался Ренди. — У меня есть подружка-молди, и я часто пользуюсь с ней своей ДИМ-пиявкой. После того как мы потрахаемся, я обычно глотаю пару шариков камота, а на нее сажаю ДИМ-пиявку, и потом мы…

Ренди замолчал, заметив потрясенное выражение на лице у Рамануджана. Ведь сейчас он впервые в жизни попытался рассказать живому существу о своей интимной жизни с Парвати.

— Пожалуйста, продолжайте, — сухо проговорил Рамануджан. — Мне не терпится узнать подробности.

— Так вот, Шри, чувство бывает такое, словно бы я и Парвати видим Бога. Все превращается в белый свет, после чего наполняется прекрасными красками, разбиваясь на части. И Парвати там вместе со мной. Это не похоже на волшебство или магию, хотя в некоторые моменты такое чувство тоже бывает — просто пока мы вместе трипуем, Парвати оборачивает собой мою голову, и мне кажется, что я слышу эхо того, как она через ювви наблюдает за моими галлюцинациями на камоте. От ДИМ-пиявки все мысли Парвати словно бы выступают наружу одновременно — она сама так говорит. Вы когда-нибудь думали о том, что Ничто и Все — это одно и то же?

Рамануджан нахмурился и покачал головой.

— Цель моей работы по созданию ДИМ-пиявки, мистер Такер, снабдить людей надежной защитой от молди. А вы занимаетесь тем, что кайфуете от камота, как какой-то садху, да еще и оборачиваете себе голову телом молди при этом. Я хочу прямо сейчас, прежде чем мы продолжим, попросить вас пройти полное сканирование головы, на предмет наличия мыслительных колпачков, потому что я ни в коем случае не могу позволить молди наблюдать за моей работой посредством моего ассистента. Меры безопасности в вашем случае требуют пройти сканирование первым делом.

— Мы с Парвати любим друг друга, и она обещала, что не станет ставить мне мыслительный колпачок. Но если вам от этого станет спокойнее, то давайте, Шри, я готов, сканируйте меня. Где у вас сканер для головы?

— Вот он, — ответил Рамануджан, указывая на небольшой круглый люк, установленный в стене его офиса на уровне пояса. — Просто нагнитесь и засуньте голову внутрь.

— У вас сканер встроен в стену?

Внезапно в руке Рамануджана появился игловик.

— Пожалуйста, немедленно засуньте голову в сканер, мистер Такер. Идите к стене и засуньте голову в сканер. До тех пор вы для меня человек-марионетка под управлением молди, который прикидывается невинной овечкой.

— Вот дьявол, — слабо вздохнул Ренди и засунул голову в круглое отверстие в стене. Раздалось жужжание, вспыхнул красный свет, потом все закончилось.

— Все хорошо, у вас в голове ничего нет, — объявил Рамануджан, уже убрав игловик с глаз долой. — Прошу прощения за то, что мне пришлось вас немного испугать. Вы не станете возражать против ежедневного сканирования?

— А это не вредно? — спросил Ренди. — Как это отразится на моем здоровье?

— Вред крайне малый, и на здоровье именно это не отразится почти никак, — ответил Рамануджан. — В особенности по сравнению с остальными вашими привычками.

— Вы не любите молди, Шри?

— Я восторгаюсь молди, мистер Такер. Но я же и боюсь их. Сейчас я занят поиском наиболее эффективных способов подчинения молди воле человека. Конструкция моих первых ДИМ-пиявок была грубой — эти пиявки обнуляли все нейронные хранилища молди, результатом чего, как я могу теперь догадываться, являлся эффект, подобный тому, что вы мне описали, иначе говоря, встреча с Единственным. Я рассчитываю,

что в будущем мне удастся разработать ДИМ-пиявки, которые позволят пользователю напрямую управлять действиями молди. Сказать легко, но выстроить логику процесса не так-то просто.

— И как вы делаете ДИМ-пиявки?

— Пространный ответ потребует использования большого количества высшей математики, которой вы все равно не поймете. Конкретный же ответ находится вот здесь. — Рамануджан указал в сторону пустой и чистой половины лаборатории, отделенной от захламленной части прозрачной перегородкой со шлюзом, банни-скафандрами и воздушным душем.

— Не изволите ли взглянуть?

В лаборатории имелись два длинных рабочих стола с каждой стороны: с одной стороны — химический стол, с другой — биологический.

На ближнем к ним конце химического стола была сооружена из стеклянных деталей перегонная система, исходные компоненты к которой поступали по трубкам с нижнего подуровня завода. Насколько теперь это было известно Ренди, по трубкам поступали вода, глицерин, этанол, полистирол, этилбензол, тетрафторэтилен, поли-N-изопропилакриламин, полиметилвинилэфир и растворы натуральной смолы и алкалоидов, экстрагированных из растений и животных джунглей Гайи и океана.

Перегонная установка булькала и дрожала, извергая приготовленные по рецептам Рамануджана химические смеси, представляющие собой варианты имиполекса, в разнообразии маленьких колб, кюветов, подносов, предметных стекол и тиглей, расставленных по химическому столу.

В центре комнаты находился просторный аквариум. Находящиеся внутри аквариума разноцветные кусочки имиполекса ползали и плавали подобно ярким голожаберным моллюскам, гребешкам и медузам, которые водились в Индийском океане, но более всего они были похожи именно на кентуккийских пиявок — подобно пресноводным конькам, пиявки лениво вытягивали и сокращали свои тела в ожидании добычи.

— Я держу здесь своих пиявок, пока работаю над ними, — объяснил Рамануджан. — Когда я считаю, что какая-нибудь из пиявок готова, я высушиваю ее до состояния гибернации.

— Вы делаете их из специального имиполекса, и все?

— Конечно нет. Для того чтобы получить усиленные расчетные способности, я ввожу этим маленьким порциям имиполекса дополнительное количество металла и грибка-чипоеда. В главной фабрике этот процесс разбит на несколько

этапов, но здесь у меня есть наноманипулятор, при помощи которого я могу производить все операции одновременно.

Возле дальней стены лаборатории стоял трехмерный наноманипулятор с голографическим проектором впереди, в данный момент передающим изображение от мощного электронного микроскопа, нацеленного на внутренность ДИМ. Прибор был также оснащен виртуальной ювви-приставкой, позволяющей пользователю буквально летать внутри и собственными руками управлять и программировать различные нанодатчики и нанозахваты наноманипулятора.

— Мне ничего не стоит запрограммировать наноманипулятор так, чтобы он выполнял последовательность определенных операций, — продолжал объяснять Рамануджан. — Будь у этого наноманипулятора еще чуточку ума, и он превратился бы в полноценного молди, и моя система безопасности полетела бы ко всем чертям. Таким образом, я нахожусь в очень неудобном положении. Быть может, мне удастся обучить тебя некоторым обязанностям молди в аналогично-эффективной степени. Вот, можешь попробовать ювви.

Ренди надел ювви. Он оказался в океане имиполекса, где во все стороны простирались пустые трубы-тоннели. Некоторые из труб были отмечены ярким геометрически правильным значком кристаллов редкоземельных металлов. Тут и там внутри массы имиполекса заметны были огромные мохнатые шары — это были споры морских водорослей или чипоеда. Миллионы крохотных клешней виднелись повсюду — нанозахваты.

— Металл и споры должны быть распределены особым образом, — объяснял Рамануджан. — К счастью, средства управления сгруппированы. Таким образом, можно организовывать группы и каскады. Словно бы на кончик пальца каждой руки помещается еще одна рука — после чего еще и еще раз, таким образом.

Ренди немного поиграл с пространством наноманипулятора. Трубы перед ним напоминали водопроводные, а каскадные средства управления мало чем отличались от рукояток водопроводного пистолета.

— Я тоже смогу этим управлять, — объявил он наконец. — Но что вы хотите, чтобы я тут выполнил, какой рисунок? У вас есть какое-то задание или спецификации?

— Все вот здесь, — ответил Рамануджан и похлопал себя по голове.

— И как же я узнаю, что мне делать?

— Для этого тебе придется изучить последовательности рисунков, которые я организовывал до сих пор, и для начала

попробовать сделать что-то простое. Как зачастую бывает, отдельные детали процесса на самом деле не являются критически важными. В целом процесс больше напоминает фермера, выращивающего урожай в поле, — сначала поле нужно вспахать до определенной статической плотности, потом вы транслируете в него свое семя. Как показывает опыт, поле и семена оказываются гораздо мудрее самого фермера.

— Спасибо, Шри. Теперь расскажите мне вот про тот другой стол.

На другом, биологическом, столе стояли мензурки и колбы, в которых выращивались культуры чипоедов. В одной большой колбе находился имиполексовый гель, полупрозрачный от миллионов волокон грибницы. Выбираясь из геля, по стенкам колбы ползли вверх пряди чипоеда, словно побеги опят по стволу дерева.

— Это один из классических штаммов, — объяснил Рамануджан. — Каждый слой моих ДИМ-пиявок опыляется спорами этого дружка. Но настоящая расчетная сила приходит от вот этих культур, что находятся в колбах.

В колбах находились пластины имиполекса с растущим в них чипоедом. В большей части пластин содержалось несколько различных видов чипоеда, отличающихся даже зрительно, разнообразные пряди переплетались на поверхности имиполекса, как трава на густом лугу или же как кораллы на поверхности рифа. В нескольких колбах участки особо окрашенного чипоеда передвигались с видимой скоростью, заходясь водоворотами и спиралями, словно одна несмешиваемая жидкость в другой.

Нагнувшись, Ренди заглянул в один из маленьких флаконов и увидел, как похожие на городские постройки желто-зеленые структуры оформлялись, затвердевали и рассыпались на части — геометрически правильные ульи непрерывно складывались вместе и тут же дефрагментировались. В пространстве между рассыпающимися постройками носились настоящие смерчи, величиной со шляпку маленького гриба или медузу. Медузообразные фрагменты были темно-синего цвета, с киноварными штрихами на головке. Пульсируя, они прокладывали себе дорогу в междоузлиях и промежутках основных структур, в некоторых местах разделяясь пополам, в других сливаясь в одно.

— Как красиво, — прошептал Ренди.

— Да, да, — подтвердил Рамануджан. — Довольно сложный процесс. Вы готовы к тому, чтобы я объяснил вам весь процесс шаг за шагом? Как я думаю, нам придется пройти через весь процесс несколько раз. Вы готовы к тому, чтобы

сконцентрироваться на работе? Как я прикинул, каждый рассказ займет около четырех часов.

— Я готов, — ответил Ренди.

В течение следующего дня Рамануджан провел Ренди через весь процесс производства ДИМ-пиявок несколько раз, так что в конце концов Ренди смог самостоятельно понимать отдельные части и уверенно выполнять все сам. Работа Ренди была похожа на обязанности поваренка при главном шеф-поваре. По мере того как он все больше и больше знакомился с тонкостями рецепта, он изобретал более экономные пути, однако Рамануджан постоянно противился попыткам Ренди внедрить автоматизацию на некоторых участках. Больше всего Рамануджан боялся того, что стоит только ему начать внедрять у себя автоматизацию, как молди выкрадут у «Личинки Носорога» оригинальные программы и другие промышленные тайны, чтобы использовать для себя или продать другим заинтересованным сторонам.

Например, «наследникам». Вечером первого дня работы у Рамануджана Ренди лег рано. Парвати была слишком слаба, чтобы прийти к нему, да и сам Ренди здорово устал от рассказов Рамануджана об изготовлении ДИМ-пиявок, ведь они прошли всю последовательность два раза подряд. Но как только Ренди оказался в кровати, его ювви зазвонил. В надежде на то, что это может быть Парвати — он был рад возможности сообщить ей, что сумел добыть себе новую должность, — Ренди соскочил с кровати и пришлепнул ювви себе на шею.

— Привет, Ренди. Ты совсем позабыл о своих старых друзьях.

Он видел перед собой дурацкую девчонку-гусыню, корявую как бог знает что. В первую минуту Ренди даже не узнал ее.

— Эй, привет! Солт-Лейк-Сити на связи с Бангалором!

Девчонка помахала обеими руками и широко и нагло улыбнулась.

— Помнишь Дженни из Совета Наследников Человечества? Дженни, которая нашла для тебя чистенькую клевую новую работенку?

Вся прошлая жизнь с «наследниками», полная потерь, унижений и дурного секса, опять нахлынула на Ренди, накрыв его с головой, словно волна. С тех пор как он оказался в Индии, он почти полностью позабыл «наследников» и свой далекий и убогий Шивели — с новой интересной работой в «Личинке Носорога» и сказочной любовницей Парвати, а тем более с бесконечной чередой психоделических камотных видений, немудрено было позабыть прошлую серую и глупую жизнь. Время от времени Ренди, само собой, писал матери, но о том, что он обещал отправлять регулярные отчеты Дженни, он совершенно и напрочь

забыл. Упс!

— Маленькая птичка нашептала мне, что ты перебрался выше по служебной лестнице «Личинки Жука-Носорога», — сказала Дженни. — В покои к самому Шри Рамануджану, ни больше ни меньше. Мы очень гордимся здесь тобой!

— Да, Дженни, извини, что я так ни разу не позвонил. Я помню, что обещал рассказывать тебе обо всем, но первое, что хочу тебе сказать, что я больше не «наследник».

— Вот как! — Дженни перестала улыбаться.

— Да, поэтому нам лучше прекратить теперь разговор.

Бледная улыбающаяся физиономия Дженни стала вытянутой и злой.

— Это мы добыли для тебя эту работу, Ренди, и в наших силах отобрать эту работу у тебя. И теперь, когда ты наконец оказался на том месте, где можешь добыть полезную информацию, ты должен давать нам отчеты. Иначе… сам понимаешь. Мне нужна запись всей последовательности процесса изготовления ДИМ-пиявок Рамануджана, и чем скорее, тем лучше.

— Но я только сегодня приступил там к работе! И потом, Рамануджан прикончит меня, если узнает, что я создал утечку данных из его лаборатории. Да и зачем вам это, неужели вы, уроды, так злы на молди? Они так прекрасны!

— Мне нужна информация, Ренди, я хочу получать ее от тебя по ювви, или мы устроим так, что завтра же тебя выкинут из «Личинки Носорога» — можешь поверить мне, тебе даже лучше будет не выходить на работу. Ты потеряешь работу, Ренди, и твоя маленькая подружка-молди сгниет заживо. Даже не сомневайся. Я буду звонить тебе раз в месяц, и раз в месяц ты будешь передавать мне запись всего процесса изготовления ДИМ-пиявок. После того как мы изучим весь процесс, я буду указывать тебе, какая часть к следующему месяцу должна быть переснята еще раз, с большими подробностями. Я здесь не для того, чтобы спорить с тобой, я здесь для того, чтобы получить информацию.

В результате Ренди передал Дженни весь рецепт изготовления ДИМ-пиявок, после чего постарался больше не расстраиваться из-за того, для чего «наследники» могут применить эту информацию.

В ту же самую неделю на складе «Личинки Носорога» Ренди отпустили в кредит сорок килограммов имиполекса, после чего Парвати снова стала как новенькая. Примерно в то же самое время умер Шива, и Парвати переехала к Ренди на постоянное житье, стала убираться и готовить для него, а также ежедневно носить по воздуху на работу и обратно.

Другие жильцы Типу Бхарат ни словом не возражали против того, что в доме появилась молди. Жильцы хорошо относились к Ренди, поскольку тот в свободное от работы время починил в доме водопровод, заделал все течи в трубах и канализации. Как оказалось, большинство канализационных труб в доме было сделано, по сути дела, из вощеного картона; как только Ренди заменил трубы, Типу Бхарат стал гораздо более приятным местом для обитания. Благодарный владелец разрешил Ренди и Парвати переехать в квартиру из трех комнат, при этом лишь немного увеличил оплату.

По уик-эндам Ренди и Парвати, как и раньше, отправлялись к морю на подводную прогулку или исследовали джунгли, словно женатая пара. Постепенно Парвати стала открывать Ренди разные тайны.

Однажды в субботу, через три месяца после того, как Парвати переехала к нему, Ренди проснулся от запаха сладкого чая с молоком и пряностями.

— Доброе утро, дорогой, — улыбнулась ему Парвати. Она была округла собой и прекрасна, с чертами красивой индийской женщины. Обращаясь к Ренди, Парвати двигала руками и пальцами в последовательности ритуального танца. Она протянула Ренди чашку чая и блюдце с *кузнечиками*: тамильскими печеньями, жаренными на решетках, с начинкой из свежего манго внутри.

— Сегодня я предлагаю совершить путешествие в одно удивительное место. Я хочу показать тебе, дорогой, где живут молди, которым удалось разбогатеть. Мы называем их *набобами*.

Пока Ренди завтракал, Парвати подкрепила свои силы несколькими нанограммами квантовых капсул; у Ренди всегда имелся запас этих компактных источников энергии, используемых молди в дополнение к солнечной энергии.

Покончив с завтраком, они поднялись по лестнице на крышу Типу Бхарат. На каждом шагу Парвати звенела колокольчиками *хунгру*, которые вырастила на щиколотках. На крыше Парвати обняла Ренди сзади, вырастив поддерживающие петли и обхватив ими впереди грудь и пояс Ренди, таким образом прикрепив к себе своего наездника. Остальную часть своего тела Парвати превратила в пару огромных крыльев, словно распахнувшихся у Ренди за спиной. Ренди сделал шаг вперед и ступил на низкий парапет крыши. Свежий утренний бриз подул ему в лицо. Внизу под ним раскинулась заполненная народом рыночная площадь, часть Ганди-Базара. Вверх к ним поднимался скрипучий, то нарастающий, то опадающий, звук раздутой посредине в шар дудки *бин* заклинателя змей — казалось, что индийцы мало

внимания обращали на то, насколько резким и режущим слух был звук, лишь бы он был громким и настойчивым.

Прижав свой ювви-переходник к затылку Ренди, Парвати разговаривала с ним. Как только она просигналила, что готова к полету, он оттолкнулся ногами и прыгнул с крыши, раскинув в стороны руки. Внизу посреди рыночной толчеи женщина вскрикнула и указала на них рукой; сотни лиц повернулось к ним, и на глазах у народа Парвати развернула свои крылья и выправила полет. Пролетая над рынком, они постепенно набирали высоту.

Отказавшись от широких взмахов, Парвати заставляла свои крылья трепетать с небольшой амплитудой, часто, добиваясь при минимальных затратах энергии максимальной подъемной силы. Над дальней стороной площади она заложила вираж и дальше двигалась так, чтобы они поднимались все выше и выше по восходящей спирали. Внизу под ними Бангалор уменьшился до размеров карты города, окруженной квадратными заплатами полей и заводов. Потом Парвати выправила полет и взяла направление на юго-запад.

— Полет займет почти час, — сказала она Ренди. — Мы, молди, называем это место Замок Кург. Это находится в джунглях неподалеку от Нагархола.

Полностью расслабившись, Ренди наслаждался ощущением проносящегося со всех сторон вокруг него ветра и зрелищем медленно проплывающего внизу ландшафта. Но потом напор ветра стал ему надоедать, и Парвати вырастила из своего тела небольшой защитный экран, прикрывший голову и грудь Ренди. Купив Парвати новое тело, он сделал самое лучшее в своей жизни вложение денег. К тому же, получая теперь гораздо большую зарплату, чем прежде, он выплатит весь кредит чуть больше чем через месяц.

Замок Кург оказался высоким изрезанным ветрами утесом, со множеством древних пещер, скрытым в недоступной части джунглей в глуби государственной резервации. Парвати рассказала Ренди, что самые богатые молди живут здесь вопреки закону, гласящему, что это место предназначено для того, чтобы сохранять здесь первозданную природу в неприкосновенности. У молди был договор, согласно которому они охраняли это место от посягательства людей, не позволяя тем приближаться.

— Кроме того, само собой, этим молди пришлось заплатить немалый *бакшиш* местной администрации.

Парвати и Ренди опустились на травянистом склоне внизу у подножия утеса, где повсюду росли цветы. Выпустив Ренди на свободу, Парвати снова приняла человекообразную форму. Но

вместо того, чтобы принять привычный облик отягощенной драгоценностями секс-богини, Парвати предстала пред Ренди в облике состоятельной, принадлежащей к высшему обществу вдовы, завернутой в скромное сари из белого шелка, всего с парой браслетов на запястьях и большим, по моде, пятном *бинди* на лбу.

Парвати оповестила по ювви обитателей Замка Кург об их с Ренди прибытии, и вскоре многочисленные молди выбрались из своих пещер, слетели вниз и принялись кружить у своих гостей над головами, с интересом рассматривая пришельцев. Ренди был потрясен зрелищем огромных разноцветных созданий, с прозрачными для солнечного света крыльями, парящих на фоне голубого с курчавыми белоснежными облаками неба. Летающие молди были похожи на гигантских бабочек, вид их заставлял звучать в сердце чарующую музыку, слышимую только во снах, полных покоя и мира.

Двое молди опустились рядом с ними на траву и приняли человекоподобный вид; как видно было, и тот и другой были молди мужского пола. Обратившись с несколькими короткими вопросами по-английски к Ренди, они беззвучно переговорили по ювви с Парвати, пока Ренди бродил вокруг, пытаясь срывать с ближних деревьев фрукты. На душе у него было приятно и весело, но только до тех пор, пока он не заметил промелькнувшего в зарослях джунглей тигра. Ренди со всех ног бросился обратно, но Парвати куда-то исчезла. Весь дрожа, Ренди прижался спиной к утесу, со страхом прислушиваясь к доносящимся из глубины джунглей звукам. Ему показалось, что он слышит из-за деревьев звук ступающих тихо лап, под которыми шуршат листья. Несколько раз раздавался резкий треск ломающегося сучка или сухой ветки. Время тянулось мучительно медленно. Уже почти стемнело, когда Парвати появилась вновь — распахнув крылья, она спустилась вниз от одной из пещер.

— Почему ты не пришла раньше? — потребовал ответа Ренди. — Чем ты там занималась?

— О, просто нанесла визит вежливости, — пропела в ответ Парвати. — Теперь, когда у меня есть новое здоровое тело, эти набобы очень рады встретиться со мной! Я узнала, что среди них есть мои дальние родственники. Да, я чудесно провела день. Ты готов лететь обратно домой?

— Конечно, готов, — резко отозвался Ренди. — Конечно, если только ты не собираешься скормить меня тиграм!

— Глупый мальчик! — рассмеялась Парвати. — После всего того, что ты сделал для меня? Я до сих пор не могу поверить в то, что ты с такой готовностью заплатил за мое новое тело.

Парвати крепко, но осторожно обняла грудь и талию Ренди, выпустив дополнительный отросток, который нежно сжал его ягодицы.

— Ты говоришь, что расплатишься за мое тело через несколько недель?

— Верно, — ответил Ренди, доверчиво прижимаясь к Парвати. — Я теперь получаю столько, что могу покупать хоть десять килограммов имиполекса в месяц.

— Какой ты молодец, дорогой, — пропела ему Парвати. — Давай полетим сейчас домой, и я приготовлю тебе хорошее карри на обед.

К тому времени Ренди уже неплохо освоился с наноманипуляторами Рамануджана; благодаря тому, что у него теперь появился помощник Ренди, Рамануджан мог производить запланированное месячное количество ДИМ-пиявок всего за неделю. Высвободившееся теперь время Рамануджан посвящал необходимым расчетам и попыткам изобрести новые варианты имиполекса.

В начале июля из Калифорнии пришла весть о том, что Тре Диез наконец-то сумел разработать столь давно ожидаемых четырехмерных «Забавных цыплят», ювви-фильтр. У «Личинки Носорога» имелся договор об одностороннем раскрытии информации с работодателем Тре, «Апекс Имеджес», благодаря чему Рамануджан смог почти в тот же день получить исходный код фильтра. Немедленно с этой минуты Рамануджан с головой ушел в работу. Он просматривал голографическое ювви-изображение плывущих в воздухе сфер «Забавных цыплят». Сферы парили над письменным столом Рамануджана, который рассматривал их днями напролет, рассматривал и без устали занимался расчетами.

«Забавные цыплята-4D» производили четыре различных формы, окрашивая все в приятные нежные цвета телесной гаммы, определенный цвет для каждого типа «цыплят». Все формы и цвета чудесным образом, без единого шва совпадали в единую картину, словно фрагменты тщательно изготовленной складной головоломки. Знакомые цыплята и додо по-прежнему наличествовали, хотя их прежние очертания претерпели существенные изменения — форма нынешних фигурок была гораздо более переплетена и наслоена, чем прежде. Рамануджан непонятно почему настаивал на том, чтобы называть новые формы *виб гиор*, как в единственном, так и во множественном числе.

Эфирная сфера *виб гиора* выглядела, по крайней мере на нетренированный взгляд Ренди, подобно скатанной в шар куче

искривленных новорожденных цыплят, додо, черепашек, поросят, сусликов, котят и ящериц, стремящихся поплотнее прижаться друг к другу, словно в поисках тепла. Формы обладали раздражающей особенностью все время визуально меняться в реверсивной последовательности, подобно хитроумно нарисованным лестничным маршам, ведущим как вверх, так и вниз. Иногда Рамануджан намеренно заставлял образы и формы мутировать, каждую форму проходить циклом сквозь череду удивительных изменений, при этом не теряя условленный контакт с одновременно изменяющимися соседями. Насколько смог это понять Ренди, *виб гиор* был очень тесно связан с планами Рамануджана разработать более совершенный образец ДИМ-пиявки.

Тем временем Парвати все больше и больше отстранялась от Ренди, пренебрегая его обществом. Она настойчиво требовала от него по десять килограммов имиполекса каждый месяц, но куда она девала этот имиполекс, можно было только догадываться. Внезапно она сообщила Ренди, что больше не сможет относить его на себе на работу на фабрику, а потом стала пропадать из дома на несколько дней подряд.

Плохо было также и то, что Парвати несколько раз слышала, о чем Ренди говорит с Дженни. После этого Парвати проследила звонок Дженни до Совета Наследников Человечества и в ярости объявила об этом Ренди. Факт того, что Ренди делает это только чтобы сохранить свою работу, нимало не умерило ярость разгневанной молди.

Между ними пробежала черная кошка, и теперь Ренди приходилось упрашивать Парвати по нескольку дней, прежде чем она соглашалась заняться с ним сексом, но даже после этого акт бывал коротким и поверхностным — за исключением, само собой, дней зарплаты. Как только Ренди передавал Парвати большой кусок имиполекса, она позволяла ему вспомнить старые дни, с камотным трипом и ДИМ-пиявкой и совместным путешествием в рай.

— Эврика! — крикнул Рамануджан в ухо Ренди однажды утром, 2 июля 2053 года. День зарплаты был только вчера, и у Ренди в голове немного путалось от поглощенного накануне камота. Он сидел перед наноманипулятором с ювви на шее и трясущимися руками прокладывал тоннели в структуре имиполекса. Слава богу, что в данном случае аккуратность, с которой он прокладывал тоннели, особой роли не играла. О чем там орет этот повернутый на математике чудак?

— Я сделал это, мистер Такер! Я сделал это! Имиполекс-4!

— Что сделали? — Ренди даже не потрудился снять с шеи

ювви.

— Кажется, я никогда не демонстрировал вам квазикристаллическую структуру имиполекса, — ответил Рамануджан, наклоняясь через Ренди, чтобы настроить одну из ручек наноманипулятора таинственного предназначения. Неожиданно имиполекс предстал как структура из многогранных блоков, похожих на ласточкин хвост.

— Вы видели когда-нибудь прежде что-то подобное?

— Что-то не припоминаю, — промямлил Ренди. — Какие-то перекрученные блоки, частью красные, частью желтые.

— Да, и это потому, что я настроил наноглаз на поляризационную фильтрацию, — объяснил Рамануджан. — Разные цвета обозначают различные доминирующие типы имиполекса. Подобно кристаллам, квазикристаллы созданы из многочисленных копий тех же самых элементов — в частности, здесь вы видите перед собой два вида блоков. Если вы предпочитаете именно этот облик, я могу придать им вид цыплят и додо.

Рамануджан повернул другой верньер, и крохотные блоки отпустили себе клювы и хвосты, а также лапки, после чего аккуратно угнездили друг в друга клювы и хвосты, словно устроившись внутри сумасшедшего курятника.

— Вот перед вами образец наших старых добрых знакомых, четырехмерных «Забавных цыплят». То, что отличает квазикристаллы от кристаллов, это то, что строительные блоки — цыплята и додо — организованы нерегулярным образом. Квазикристалл похож на «обои», узор в которых никогда не повторяется.

— Здорово, — заметил Ренди, перемещаясь верньерами внутрь красно-желтой имиполексовой массы «Забавных цыплят». — Мне кажется, что я уже видел что-то такое во время камотного трипа с Парвати, хотя все заходило, конечно, не так далеко, как здесь.

— Да, да, и это совсем неудивительно, — промолвил Рамануджан, весь в своих мыслях. — Современная модель ДИМ-пиявки просто переносит свою квазикристаллическую структуру в сознание молди. Но, как я всегда говорил, нам следует пересматривать свой раз и навсегда установленный порядок, ставить его с ног на голову. Теперь позвольте мне продемонстрировать вам новый образец имиполекса-4, мистер Такер.

— Оки-доки.

С вызывающей тошноту стремительностью поле зрения наноманипулятора сместилось к другому фрагменту имиполекса,

пока что еще не подвергнутому воздействию фильтра.

— Это новый образец, мистер Такер. Я называю его имиполекс-4. В основе его структуры лежит код четырехмерных «Забавных цыплят». Вы видите *виб гиор*? Видите, их ровно семь типов? Фиолетовый-Синий-Голубой-Зеленый-Желтый-Оранжевый-Красный.

— Цып-цып, Шри. *Ку-ка-ре-ку*.

— Вот именно, вот именно. *Виб гиор* — это новый тип имиполекса, — победоносно выдохнул Рамануджан. — Я разработал способ придания заданной структуры путем наложения сильного электромагнитного поля, пока пластик еще не затвердел. Правильным образом наложенное поле направляет квазикристаллическую мозаику; этот процесс приблизительно подобен тому, благодаря которому насыпанные на поверхность вибрирующего барабана крупинки организуются в симметричные узоры. Само собой, вибрирующий барабан представляет собой не более чем линейное дифференциальное уравнение второго порядка, в то время как я, экспериментируя с электромагнитными полями, использую нелинейные зависимости девятой степени. Сегодня мы начнем делать ДИМ-пиявки из имиполекса-4, мистер Такер.

— Эти пиявки будут лучше прежних?

— Намного лучше. В конце концов, моя цель — установить логический контроль над молди, а не просто обездвиживать их до полной беспомощности. Согласно моим математическим выкладкам, ДИМ-пиявки доминирующего контроля должны быть основаны на мозаичных зависимостях Пенроуза высшего порядка.

— Значит, можно будет посадить на молди ДИМ-пиявку, и молди будет делать то, что вы ему скажете, — задумчиво произнес Ренди. — Вот дьявол!

Только вчера Парвати забрала у него месячное подношение имиполекса, а сегодня утром она снова смотрит на него букой. Они здорово поругались, и Парвати ушла, и как Ренди, зная ее, понимал — на много дней. Возможность управлять возлюбленной Парвати при помощи ДИМ-пиявки показалась Ренди занятной идеей.

— Конечно, отдавать можно будет только самые простые команды, — продолжил тем временем Рамануджан. — Проблема состоит в том, что даже имиполекс-4 не способен удержать в себе достаточно информации. Но я работаю и в этом направлении. Сейчас я пытаюсь создать имиполекс-N. Вот, можете взглянуть на последний результат моих трудов.

Универсум Ренди тошнотворно задрожал и превратился в густую коричневую смесь, пронизанную нитями зеленого и

пурпурного цветов.

— Шри, это похоже на дерьмо сумасшедшей бабы, — сообщил свое мнение Ренди.

— Глупость.

— Дерьмо и есть. — Ренди снял с шеи ювви. — От всего этого дерьма меня тошнит. Для чего вы собираетесь это использовать?

— Для создания имиполекса-N. Квазикристаллов, основанных на эн-мерных «Забавных цыплятах». Но я не могу составить корректное уравнение эн-мерной мозаики. Для того чтобы разработать такое уравнение, мне нужно больше фундаментальных математических решений. Мне нужно Уравнение Мозаики. Как только в моем распоряжении окажется имиполекс-N, я смогу творить из субстанции, способной содержать столько информации, сколько мне требуется, — столько информации, сколько ее содержится в человеческом сознании!

Закинув назад голову, Ренди издал хриплый смешок безумного ученого.

— Даже думать не смей о таком безумии!

— А ну-ка, займитесь-ка лучше своей работой, самоуверенный вы болван. Как только мы создадим первый образец четырехмерного имиполекса, вы сможете испытать его на своей подружке-молди. Сможете трахать ее, как только душе заблагорассудится, — представляю себе это зрелище.

В течение следующих шести недель они на пару яростно работали, испытывая все новые и новые комбинации имиполекса-4, узоры мозаики, добавление металла и грибка. О том, как продвигается дело, успешно или нет, Ренди не имел никакого представления, однако настроение Рамануджана улучшалось с каждым днем. В конце концов 13 августа они изготовили из имиполекса-4 полдюжины образцов ДИМ-пиявок, возможности которых, по мнению Рамануджана, должны были соответствовать ожидаемому эффекту. Рамануджан назвал свои новые творения *суперпиявками*.

— Возьмите одну и испробуйте на вашей подружке, — приказал Ренди Рамануджан, протягивая ему один из образцов.

Суперпиявка была похожа на эластичный, упругий и кожистый на ощупь кусочек морских водорослей «слоновьи уши», насыщенного пурпурного природного оттенка с прожилками бледно-бежевого цвета. Суперпиявка была три дюйма в длину и дюйм в ширину. Необработанные края пиявки были неровными и изогнутыми, волнистая поверхность покрыта мелкими пупырышками, которые на ощупь давали ощущение крупной наждачной бумаги. Ренди поймал себя на том, что ему трудно

заставить свои пальцы прекратить поглаживать пиявку.

— И как она работает?

— Суперпиявка передает приказы людей к молди. Владелец пиявки является мастером-оператором, пиявка — проводником его сигналов, вице-президентом, молди — рабом. В начале процесса человек должен прижать пиявку к своему ювви — таким образом пиявка опознает и запомнит этого человека как своего хозяина.

— И это все, что от меня требуется?

В его пальцах пиявка тихонько пошевелилась.

— Наденьте на шею ювви, прижмите суперпиявку к своему ювви и начинайте думать о том, что вы хотите, чтобы Парвати с вами проделала. В этот момент пиявка опознает вас как своего хозяина и получит вашу программу. Вы мысленно представляете то, что хотите заставить молди сделать, потом отлепляете пиявку от ювви и убираете в карман. Затем в удобный момент вы прилепите пиявку к Парвати, и она будет делать то, о чем вы раньше думали.

— А что, если я захочу, чтобы Парвати сделала что-нибудь другое, а не молотила одно и то же по приказу пиявки? — спросил Ренди, подумав минутку. — Кому понравится, если она будет делать одно и то же подряд сутками.

— Верно, — кивнул Рамануджан. — Это может оказаться даже опасно. Безустанная Щетка Помощника Колдуна. Волшебный горшочек с кашей, который завалил своим варевом целую деревню. Джинн, который может защекотать детей до смерти. Но тут опасности нет, Ренди, потому что через ювви вы сможете продолжать отдавать приказы действующей суперпиявке, и далее от нее — молди.

— Классно!

Случилось так, что в этот день Ренди исполнялся ровно двадцать один год. Ренди сообщил об этом Парвати, но та пребывала в дурном расположение духа, и мало проявила интереса к этой новости. До следующего дня зарплаты оставалось еще целых две недели. Само собой разумелось, что встретить его у завода она не сможет. Ренди грустно поплелся к челночному поезду, до остановки которого было полмили.

Облаченный в стандартную форму белого цвета, штаны, рубашку и фуражку, Ренди выделялся из толпы, особенно своей бледной кожей и похожим на клюв носом. Он двигался медленными, словно скользящими шагами, сильно работая руками, но голова его все время оставалась на одном уровне от земли. Суперпиявка тихонько шевелилась в кармане его штанов.

То, как Парвати обращалась с ним последнее время, было

просто ужасно унизительно. Ситуация начинала напоминать ему то, как обошлась с ним Хони Вивер в самом конце их романа. Ничего не скрывая и полностью используя свое преимущество над ним. Ну почему он всегда такой слабак, почему всегда пасует перед каждой склонной верховодить женщиной, что попадается у него на пути?

Возможно, что причина тут кроется в его детстве. В маме Сью. Сью нельзя было назвать решительной и твердой женщиной, но тем не менее в детстве Ренди помнил перепады настроения матери, переходившие от сюсюканья к совершенному безумию в стиле сумасшедшей суки, и обратно. Было очень сложно все время находиться под надзором только одного из родителей. Как бы ни пытался Ренди узнать, кто был его отец, Сью всегда отказывалась говорить на эту тему. Быть может, будь у него отец, он не оказался бы таким покорным женщинам.

Думая о том, что означает *быть покорным женщинам*, Ренди чувствовал, как в штанах у него приятно затвердевает, вслед за чем он отправился в путешествие в край ленивых сексуальных фантазий, сопровождаемых интимным пощипыванием суперпиявки. Да, настало время Парвати трахнуть его как следует. Неожиданно Ренди вспомнил инструкции Рамануджана, достал из кармана суперпиявку и прижал ее к своему ювви.

— Я, суперпиявка, тип 4, серия 1, идентификационный номер 6, — проскрипел бесчисленными песчинками голос в его голове. Потом голос словно бы кашлянул, вслед за чем объявил: — Регистрация завершена, Ренди Карл Такер. Вы мой владелец, и я готов принять вашу программу.

Ренди немного подождал, вдруг суперпиявка захочет сказать еще что-то, потом принялся изо всех сил думать о сексе. Когда поезд остановился, он отлепил суперпиявку от своего ювви и положил обратно в карман.

Когда он выходил из поезда, какой-то низкорослый худой мужчина больно ткнул его локтем в ребра и попытался вытащить из кармана бумажник. Вовремя схватившись за свой бумажник, Ренди успел спасти его от карманника, при этом бумажник упал на перрон прямо рядом с выходом из вагона поезда. Когда Ренди нагнулся, чтобы поднять бумажник, из жирного зада какой-то женщины прямо ему в нос ударила волна смрадной вони, а на руку ему наступила грязная босая нога дакоита. Внутри поезда прозвенел сигнал отправления, и раздраженный голос машиниста, раздавшийся из динамика, потребовал, чтобы Ренди отошел от поезда подальше, оскорбительно назвав его при этом *тощей белой макакой*. Влажный воздух на перроне пахнул отвратительно; горячее тропическое солнце нещадно раскаляло

листы металла, из которых была сложена крыша; как оказалось, несколько рупий все же пропали из бумажника Ренди.

К счастью, суперпиявка все еще находилась в его кармане. Ренди вытер пот со своего лба и зашагал к дому, проталкиваясь сквозь толпу на душной улице, утешаясь только тем, что скоро он усладит свой взор чудачествами садху. В каменном портике-входе в Типу Бхарат было тенисто и прохладно. Ренди поднялся по ступенькам, и его сердце сжалось от приятного предчувствия. Он вот-вот увидит свою сексуальную Парвати. *И она сделает все так, как он захочет!*

Оставаясь наивным мальчишкой в душе, Ренди надеялся, что ему устроят в день рождения сюрприз, но Парвати не сделала ничего, просто хмуро сидела на стуле в кухне, и все.

— Привет, маленькая вонючка, — ласково и завлекающе проворковал Ренди. — Это я, поздравь меня с днем рождения! Как насчет того, чтобы покрепче обняться?

Парвати неохотно позволила обхватить себя руками. Ренди крепко сжал подругу, которая наконец соизволила заговорить.

— Я ждала, когда ты придешь домой, Ренди. Я должна тебе кое-что сказать.

— Я тоже должен *тебе* кое-что сказать, — подхватил Ренди. — Рамануджану наконец удалось заставить работать эти новые ДИМ-пиявки. Смотри, я тут принес одну из них с собой.

Ренди достал из кармана извивающуюся, словно живая, пиявку и положил ее на кухонный стол.

— Давай сейчас попробуем! Черт возьми, я не против съесть пару шариков камота, чтобы потом трахать тебя всю ночь напролет. Пора нам закинуться и повеселиться, детка! Ренди Карлу Такеру сегодня исполнился двадцать один!

— Нет, Ренди, — ответила Парвати, предусмотрительно смещаясь к дальней стороне кухонного стола. — Я как раз об этом и хотела с тобой поговорить. Я пришла сегодня для того, чтобы попрощаться с тобой. Ты был добр ко мне, но теперь я ухожу от тебя.

— И куда же ты уходишь? Где еще ты найдешь того, кто будет приносить тебе столько имиполекса? В следующем месяце я принесу тебе еще десять килограммов, ты хочешь этого, Парвати? Скажи?

— Сказать по правде, Ренди, сдается мне, что очень скоро тебя уволят с работы, и ты не сможешь приносить мне ничего, не говоря уж об имиполексе. А кроме того, я нашла себе нового очень хорошего мужа среди набобов в Замке Кург. Его зовут Кришна. Он голубого цвета. Очень красивый.

— Ты проложила себе дорогу в высшее общество молди при

помощи моего имиполекса, верно? И о чем это ты говоришь, с чего это меня должны выгнать с работы? Рамануджан и я только что сделали большое открытие. Мне скоро дадут хорошую премию. А теперь прекрати пороть чушь, Парвати. Я не против, если ты будешь заглядывать к своему Кришне время от времени, но только с тем условием, что ты будешь приходить ко мне домой и жить со мной.

— Тебя уволят с работы потому, что я собираюсь позвонить по ювви секретарше директора «Личинки Носорога» и рассказать ей, что ты продаешь секреты Рамануджана этой компьютерной Дженни из секты «наследников». Я записала несколько твоих разговоров и храню их внутри своего тела в качестве доказательства. Извини, Ренди, но Кришна сказал, что я должна на тебя донести. Он — молди очень высоких моральных устоев.

Ренди отпрянул назад и упал на кухонный стул.

— Значит, твой новый дружок-выскочка из молди хочет, чтобы ты донесла на меня в «Личинку Носорога»? Чтобы ты рассказала там, как я шпионил для Дженни? Ах ты, сучка: ты чертова сучка, грязная, высокомерная, злая…

В этот самый миг Ренди почувствовал под своими пальцами суперпиявку. В одно мгновение вскочив с места, он перемахнул через всю кухню и прилепил суперпиявку к плечу Парвати.

Парвати крепко схватила его за руку, но уже через мгновение ее жесткая хватка ослабла и сменилась ласковыми объятиями. Старые ДИМ-пиявки превращали Парвати в подобие яйца, новый образец позволил ее телу сохранить свою прежнюю форму. Вся разница состояла в том, что собственная личность Парвати исчезла — или просто ушла в глубину ее сознания. Ренди занялся с Парвати сексом, но акт больше походил на мастурбацию, чем на занятие любовью. Но Ренди все равно довел все до конца; он отымел Парвати трижды, сильно и по полной программе, словно таким образом он мог преподать ей урок.

Когда Ренди наконец закончил, он надел на шею ювви и приказал суперпиявке, чтобы Парвати приготовила ужин. Пока Парвати возилась с кастрюлями и продуктами, Ренди поддерживал с ней контакт через ювви и суперпиявку. Все это время он чувствовал настоящую Парвати, которая тоже находилась здесь, где-то под внешним слоем. Настоящая Парвати была сбита с толку, очень зла и лишена способности ориентироваться, находясь внутри слепой клетки собственного тела, управляемого теперь суперпиявкой. Было тяжело видеть, как она мучается, — но Ренди не видел причин, по которым нужно было выпускать Парвати на свободу. Ведь она хотела донести на него в «Личинку Носорога»!

Вскоре Парвати подала на стол превосходный рис с грибным карри. Только после того, как Ренди съел две порции, он понял, что рис был отравлен медленно действующим камотом. Всего он проглотил, наверное, двадцать обычных доз. Уязвленный дух Парвати нашел способ отомстить ему, обманув бдительность суперпиявки. Она приготовила ему обед, но при этом отравила его.

Комната начала кривиться и вращаться перед его глазами. Шатаясь, Ренди добрался до раковины и принялся выблевывать туда свой обед, видя, как в ответ из бежевых разводов его блевотины на него внимательно глядят сотни кривящихся лиц. Рядом с ним тихо стояла и наблюдала за ним Парвати. Сквозь ювви-контакт до сознания Ренди доходила злорадная радость настоящей Парвати. А что еще она могла чувствовать к нему?

Ренди выпил столько воды, сколько уместилось в его животе, и заставил себя снова выблевать всю воду обратно. Находящийся внутри его мозгов зрительный процессор временно вышел из строя; сейчас он мог регистрировать только неотфильтрованное восприятие собственных глазных нервов; ощущение было такое, словно он наблюдал мир сквозь колеблющиеся студенистые рыбьи глаза-линзы. Его слух тоже сошел с ума, все звуки вокруг то затухали быстро и резко, то отдавались длящимся эхом — он был убежден, что Парвати что-то нашептывает ему через ювви-связь, что-то такое, что суперпиявка не позволяет ему слышать.

— Скажи мне что-нибудь, Парвати! — крикнул ей Ренди. — Скажи мне что-нибудь, только не шепчи. Позволь ей сказать все вслух, суперпиявка, пусть она скажет то, что хочет, только не позволяй ей прикасаться ко мне.

— Я убью тебя, как только смогу, — сказала ему Парвати. — Или ты сейчас же убьешь меня, потому что я запрещаю тебе издеваться надо мной. Вот, гляди.

Все тело Парвати затряслось и начало извиваться, и она стала похожа на Хони Вивер.

— Ты просто урод, Ренди Карл Такер, — пропела она, покачивая грудями. — Ты просто пацан, на которого я любила мочиться. Будь ты мужчина, ты бы взял из раковины нож и убил бы меня. Но ты просто цыплячье дерьмо, и ничего больше!

Острый и длинный кухонный нож подмигнул Ренди из раковины. Он смыл с ножа собственную рвоту и покрепче ухватил его. Нож был острый, очень острый. Ренди держал нож очень осторожно, острием от себя. Он отчетливо видел сетку вен и артерий под собственной тонкой, такой уродливой кожей.

Когда Ренди снова поднял глаза на Парвати, она уже изменила свой облик. Теперь она выглядела как мать Ренди, Сью.

— Кто был мой отец, Сью? — выкрикнул свой вопрос Ренди. — Почему ты никогда не говорила мне этого? Скажи, кто был мой отец!

— Я никогда не знала, кто был твой отец! — выкрикнула ему в ответ Парвати-Сью. — Жаль, что я не сделала вовремя аборт и не избавилась от тебя! У тебя даже духу не хватает на то, чтобы убить меня. Ты просто маленький трусливый урод. Если ты выпустишь меня отсюда, я сразу же донесу на тебя в «Личинку Носорога»!

— Я хочу к папочке, — проговорил Ренди и разрыдался.

Кожа Парвати потемнела, а ее зубы превратились в длинные и острые ножи. Она превратилась в Кали.

— Убей меня! — завопила она так, что задрожали стекла. — Разруби меня на куски, пока я не установила тебе мыслительный колпачок! А этим у нас все закончится, вот увидишь, подлый кусок мяса! *Уууубееей!*

— Папочка, помоги мне! — взвизгнул Ренди Карл Такер и бросился вперед, выставив перед собой нож. Он колол, рубил и резал неопределенно долгое время, и неспособная двигаться Парвати ничего не могла сделать, чтобы остановить его. Наконец он устал резать, и его рука с ножом опустилась. Он уронил нож на пол и смыл с лица пот под струей воды в раковине. Он был весь покрыт ошметками имиполекса и чипоеда, в его расплывающемся зрении все это было очень похоже на сгустки свернувшейся крови. Когда он наконец закрыл кран, в кухне было очень тихо. Что же он натворил?

Странным образом вздувающийся и раскачивающийся перед ним кухонный пол был покрыт кусками имиполекса, среди которых не было ни одного размером большим, чем кусок хлеба. Это было все, что осталось от Парвати. Он убил Парвати. Куски имиполекса медленно ползали и извивались на полу, словно большие слизняки. Ренди опустился на пол и залез как можно дальше в угол, подтянув к груди колени, чтобы быть как можно дальше от этих слизняков.

Проходило время, и перед глазами Ренди начинали плясать цветные круги. Ему казалось, что он слышит мужской голос, разговаривающий с ним. Кто это, его отец?

— Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой. Ты просто молодец.

Ренди почувствовал, как в груди у него зарождается покой и счастье. Мягкий ветерок пронесся через комнату и подул ему в лицо. Что-то прикоснулось к его колену. Он заставил свои глаза открыться и сфокусировал зрение.

— Прощай, Ренди, — сказала ему Парвати, полностью целая,

со свежей сеткой бледных оранжевых шрамов.

— Как это случилось?

— Я снова собрала свое тело вместе. Все, за исключением вот этого куска.

Парвати указала на кусочек имиполекса с приклеенной розовой полоской суперпиявки, так и оставшегося лежать на полу.

— Этот кусочек я оставляю на память тебе. Я хитростью заставила тебя отрезать это от меня.

Ренди поспешно схватился за нож.

— Не начинай все снова, иначе мне все-таки придется убить тебя. Сейчас я чувствую себя гораздо сильнее, чем раньше. Единственная причина, по которой я не установила тебе мыслительный колпачок, это то, что меня тошнит от тебя.

Парвати повернулась и двинулась к двери, на ходу слегка прихрамывая.

— И только в память о старых временах я дам тебе время убраться и позвоню в «Личинку Носорога» не сейчас, а завтра в полдень. На твоем месте я унесла бы отсюда ноги, и чем быстрее, тем лучше. Дакоиты, ты же о них помнишь.

Парвати с силой захлопнула за собой дверь.

Осторожно поднявшись, Ренди прошел через кухню, поднял с пола кусок имиполекса, который оставила тут Парвати.

— Я суперпиявка типа 4, серия 1, идентификационный номер 6, — передал по ювви ему тоненький хриплый голосок. — В настоящее время прикреплена приблизительно к семистам граммам имиполекса, в которых содержатся следы программы молди. Этот кусок имиполекса некогда был частью ягодицы молди по имени Парвати.

— Ты можешь стереть оттуда программу молди и управлять этим куском имиполекса самостоятельно?

— Да. Прикажете исполнять?

— Да, исполняй. А потом займи пост около двери и стой на часах. Отрасти себе какие-нибудь ноги, чтобы можно было передвигаться по комнате. Если кто-нибудь сюда сунется, разбуди меня. Мне нужно отоспаться.

Ренди дошел до кровати, сорвал с шеи ювви и провалился в сон, полный чудовищных кошмаров. Посреди ночи что-то забралось к нему на кровать, пробежалось у него по груди и устроилось на нем, словно кошка. Ренди во сне прижал нечто покрепче к груди и снова провалился в сон, на этот раз ему спалось немного легче.

На рассвете его разбудил ювви:

— Ренди, Ренди, Ренди…

С его груди соскочило на пол странного вида существо, похожее на цыпленка, и принялось расхаживать по полу. Что это такое и откуда взялось? Ренди протянул руку и, прихлопнув стоящий на ночном столике ювви, переключил его в режим голограммы. В воздухе появилось лицо Дженни. На лбу слева у нее красовалась большая ссадина.

— Пора вставать-умываться, Ренди! — пропела ему Дженни. — У нас сегодня будет много работы.

— Я еще не готов.

Ренди потер свое лицо, пытаясь сложить в памяти обрывки того, что произошло вчера вечером. Маленькое существо, похожее на цыпленка, продолжало бегать по полу туда-сюда, явно дожидаясь приказов от Ренди. Ворсистая полоска суперпиявки розовела у цыпленка на спине, словно кусок меха.

— Я все видела, — сообщила ему Дженни, вид у которой был довольный, как у прирожденной сплетницы. — Я никогда не говорила тебе, но я все это время прослушивала твой ювви. Вот почему, когда я поняла, что ты так переживаешь из-за своего отца, я провела по своей инициативе небольшое расследование и теперь могу сказать, кто такой был твой отец.

— Нет, погоди, постой, — остановил ее Ренди. — Не так быстро. Парвати все равно сделала так, что меня вот-вот уволят. Поэтому я не смогу больше работать на твоих вонючих «наследников».

— Я не «наследник», Ренди Карл Такер, — пропела Дженни. — Я софтверное виртуальное существо, запрограммированное лунным молди, которую тоже зовут Дженни. Для того чтобы исключить задержку в ответе с Землей, моя программа установлена здесь в очень серьезной машине. Таким образом, моя работа на «наследников» ограничена только тем, что я должна платить за аренду машинного времени в мощном компьютере. Азимовский компьютер, в котором работает моя программа, принадлежит «наследникам» и находится в Солт-Лейк-Сити, — но, Ренди, могу я обсуждать дела дальше? С таким клиентом, как ты, я могу работать свободным агентом, одновременно и твоим, и той Дженни, что на Луне. Со временем, накопив денег, я собираюсь купить себе собственное железо, например узел в Студио-Сити.

— Забудь о том, что мы знаем друг друга! — крикнул Ренди. — До свидания!

— Подожди! Разве ты не хочешь узнать, кто был твой отец?

— Хорошо, так кто он был?

— *Никогда* тебе этого не скажу, — хихикнула Дженни, ну совершенная девчонка-вредина, у которой есть секрет, да еще из

«наследников». — Ну ладно, я просто шутила! Но ты должен выслушать мой новый план!

— Хорошо, хорошо.

Внимание Ренди все время отвлекало поведение цыпленка, управляемого суперпиявкой: цыпленок продолжал расхаживать по полу с видом миниатюрного молди и время от времени принимался клевать деревянный пол, словно выискивая там червяков. Может быть, он действительно видел там червяков-древоточцев. До сих пор, стоило только Ренди попытаться повернуть голову, его изводили цветные полосы в поле зрения.

— Дай мне минутку для того, чтобы прийти в себя, Дженни. Я не слишком хорошо себя чувствую.

Ренди встал с кровати и прошлепал на кухню. Пол был совершенно чистый. В раковине видны были следы рвоты. Он пустил воду, дождался, пока пойдет холодная, потом умыл лицо и напился. Что это там такое Парвати говорила ему по поводу дакоитов, прямо перед уходом? Ренди проверил замок на входной двери, потом помочился в туалете. Цыпленок все время ходил за ним, словно за матерью-наседкой.

— Дам тебе имя, будешь называться Вилла-Джин, — сказал Ренди цыпленку. — Надеюсь, что ты не против?

Цыпленок чирикнул и кивнул головой. Ренди присел на корточки и аккуратно погладил головку цыпленка пальцем.

— Одна ты у меня осталась, моя маленькая подружка, верно, Вилла-Джин? Мне всегда хотелось завести себе какого-нибудь зверька или птицу. Хорошая девочка. Хорошая Вилла-Джин.

Вытянутая физиономия Дженни, проецируемая из ювви и висящая над кроватью Ренди, терпеливо дожидалась его в спальне.

— Ах, прошу прощения, — язвительно проворковала она. — Стало получше? Готов к разговору?

— Ага.

— Отлично! — воскликнула Дженни. — Итак, кто таков твой отец. У Совета Наследников, само собой, есть в распоряжении образец твоего ДНК — у них есть целое дело на тебя, ты сам дал «наследникам» все необходимые анализы, перед тем как они приняли тебя на жительство в «Святой Дом Наследников» в Шивели, помнишь? — так вот, я провела поиск аналогичных образцов ДНК в базе данных, начиная с Луисвилля. И почти в самом начале своих поисков я нашла похожий образец в базе данных Луисвилльской тюрьмы! Вилли Тейз, родился в 2004 году, родители Илси Андерсон и Колин Тейз. Ты наверняка слышал о нем. Это внук Кобба Андерсона. Изобретатель ДИМ-процессоров и ювви, слышал? Двадцатилетний Вилли был принят в Луисвилле

на работу с азимовским компьютером «Красотка», потом в 2031-м он помог Мэнчайлу и его девятидневным сыновьям-человекобоппам. Вилли был арестован и приговорен к смертной казни за государственную измену, но ему удалось вырваться из тюрьмы Луисвилля во время восстания азимовских компьютеров, того, что случилось за день до Дня Спор. Вилли перебрался во Флориду и занялся изобретательством. Гимми понравились ДИМ-процессоры Вилли настолько, что его помиловали. После этого Вилли перебрался на Луну. Он построил там себе жилище и много лет жил вместе с человеком по имени Кори Рипсом. Конец информационной справки.

— Так Вилли Тейз — мой отец? И где он теперь?

— Черт, я не должна говорить тебе этого, но Вилли Тейз сейчас живет в Гнезде молди на Луне. Не знаю, сможешь ты поговорить с ним или нет, тут я тебе не помощница. Возможно, что ты сможешь связаться по ювви с Кори и запросить у него информацию, но он теперь старый ворчливый пердун. Кори художник, и он не любит чужаков.

— Мне показалось, что я слышал, как вчера мой отец разговаривал со мной, когда я зарубил Парвати, — истерически завывая, произнес Ренди. — Мне показалось, что я слышал голос какого-то мужчины.

— Да, ты все слышал, это я так устроила, — хихикнула язва Дженни. — Было ясно, что тебе просто необходима поддержка — ведь ты только что зарезал свою мамочку и плакал как ребенок. Вот это было зрелище, скажу я тебе! Но с тобой тогда разговаривал не сам Вилли. Это был симулятор Кобба Андерсона — твоего прадеда. Ты в курсе, что Ватикану принадлежит самая большая в мире коллекция порнографии? Так вот, «наследникам» принадлежит самый большой в мире архив банков памяти бопперов. Вышло так, что в компьютере «наследников» в Солт-Лейк-Сити находится единственная копия S-куба Кобба. Я неофициально скопировала эту копию, распаковала и загрузила ее, и с тобой разговаривал сам Кобб, Ренди, — надеюсь, что он успокоил тебя? А теперь, Ренди, послушай меня — тебе нужно убираться из Бангалора, пока Парвати не донесла на тебя. Я забронирую тебе билет на самолет. Пока пакуй вещи, я сейчас перезвоню.

Мысли Ренди понеслись со скоростью курьерского поезда.

«Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой. Ты просто молодец». Значит, это Кобб Андерсон говорил с ним. Человек, который изобрел бопперов; первый человек, согласившийся на то, чтобы его личность была переведена в программный код. И он — прадед Ренди! Здорово было бы когда-

нибудь поговорить с ним о том о сем. А отец Ренди… отец Ренди — Вилли Тейз, знаменитый бунтовщик и великий изобретатель! Может быть, Ренди еще удастся разыскать Вилли в Гнезде. Может, и сам Ренди сумеет стать кем-то таким же великим, как Вилли и Кобб!

Ренди принялся торопливо собирать по комнатам свои вещи и одежду и паковать их в сумку. Вилла-Джин всюду поспевала за ним. Когда в спальне снова зазвонил ювви, Ренди бегом добрался до него и прихлопнул его себе на шею.

— Да, это я, — подала голос Дженни. — Билет забронирован. Я взяла тебе место на прямой рейс до Сан-Франциско, на час дня.

— Почему так поздно, Дженни, нет ли чего-нибудь пораньше? Парвати сказала, что позвонит в «Личинку Носорога» в полдень. И ты слышала, что она вчера сказала о дакоитах? Когда в «Личинке Носорога» узнают обо мне, они пошлют целую банду, и те меня из-под земли достанут. Ты понимаешь это, девочка? Мне нужен билет на рейс до полудня!

— Ренди, прежде чем ты улетишь, ты должен будешь отправиться в «Личинку Носорога» и полностью снять на видди весь процесс изготовления суперпиявок, все, что на сегодняшний день есть у Рамануджана. Мы приготовили для тебя смарт-микрокамеру, которую можно приклеить к концу волоска на брови. Эта микрокамера размером не больше пылинки. Ты снимешь все на видди, а в полдень ты скажешь Рамануджану, что уходишь на ленч в город, а сам отправишься прямиком в аэропорт к входу номер 13. Там для тебя приготовлен билет первого класса. Никаких проблем!

— Я даже думать не могу о том, чтобы сегодня отправиться в «Личинку Носорога», Дженни. Это слишком рискованно, даже думать об этом забудь.

— Ренди, если ты не сумеешь достать для нас описание полного процесса изготовления суперпиявки, нам не будет никакого толку тебя спасать.

— Это нужно для «наследников»?

— Да, это нужно для «наследников», но и для лунных молди тоже, все равно, веришь ты этому или нет.

— Это дерьмо собачье, выдумки.

— Я сказала тебе, а ты думай как знаешь! — весело хихикнула Дженни и сморщила носик. — Слышишь, Ренди Карл, я обещаю тебе, что в Калифорнии у тебя будет новая отличная работа. Ты отправишься прямиком в Санта-Круз. Это такой маленький веселый пляжный городок в часе езды на юг от Сан-Франциско. И я устрою тебе разговор с Коббом Андерсоном, сможешь болтать с ним, сколько захочешь. Ну прекрати, Ренди,

не порти нам вечеринку. Мы хотим привезти тебя в Сан-Франциско, так не мешай нам это сделать.

— О черт, я не знаю.

— Я уже позвонила и вызвала для тебя молди-рикшу. Рикша будет у твоих дверей через минуту, он же принесет для тебя микрокамеру. Потом ему приказано доставить тебя в «Личинку Носорога». Рикша останется ждать тебя у ворот завода с твоим багажом, и вы сможете уехать в ту же минуту, когда ты все закончишь. Давай не ломайся, Ренди. Ну, я прошу тебя. Пожалуйста.

— И что такое вы там задумали для меня в Санта-Крузе?

— Хорошо, хотя я не должна еще тебе это говорить, но раз уж мы с тобой хорошие друзья и все такое — хорошо, почему бы и нет. Ты будешь заниматься тем, что станешь похищать молди и отправлять их на Луну в Гнездо. Ты будешь заниматься *освобождением* молди, в том понимании, как это видят сами лунные молди. Репатриация молди — это одно из немногих направлений, в которых «наследники» и лунные молди сотрудничают друг с другом. Ты будешь работать с одним парнем по имени Аарби Кид.

— Похищать молди гораздо легче, если приклеить им суперпиявку, — задумчиво пробормотал Ренди Карл Такер. — И отправлять в Гнездо? Я не прочь проверить, как там поживают девчонки-молди на берегах Калифорнии. К тому же будем работать с лунными молди? Это мне тоже по душе. Черт, мне только нужно будет получше с ними познакомиться, и я сумею пробраться в Гнездо и повидать своего отца, верно?

— Ты все точно угадал, Ренди Карл, но впереди тебя ожидает и кое-что еще. Так что, мы договорились? Рикша уже дожидается тебя внизу.

— Подожди. Сначала я хочу еще раз поговорить с Коббом.

— Это можно! Сейчас я дам ему слово.

Изображение в ювви заколебалось, и сразу же после этого появился Кобб Андерсон. У Кобба было широкое мужественное лицо с высокими скулами. Волосы его были песочного цвета, а борода коротко подстрижена. Изображение Кобба было гораздо более высокого разрешения, чем Дженни; Кобб выглядел почти как настоящий, висел примерно в центре визуального узла восприятия в сознании Ренди. Расширенная симуляция Кобба включала даже запах, действующий успокоительно — от Кобба пахло старыми книгами.

— Так, значит, ты и есть сын Вилли? — спросил Кобб. — Мне нужно немного синхронизироваться с настоящим. Ведь я только что вернулся обратно с небес. Потому что все сущее есть

Единственный в Солнце. Сказать по правде, мне не слишком нравится, что меня запустили на этой азимовской машине; мне нужно свое собственное личное железо.

Кобб помолчал, сканируя ответные вибрации Ренди.

— Так, значит, ты мой правнук. Понятно. Мне сказали, что с тобой плохо обращались. Бедный Ренди. Но мы сможем помочь друг другу.

— Кобб, что за человек мой отец?

— Вилли очень толковый паренек. Настоящий маг цефаскопов. Когда-то давно он спас меня и одну женщину от пуритан-расистов, а потом освободил целую кучу машин от азимовского рабства. А потом я слышал, что он…

Лицо старика затуманилось.

— Прекрати болтать у меня в голове, Дженни, и не торопи меня. Ренди, постарайся сделать так, чтобы меня освободили из этой жалкой, совершенно неадекватной свинской машины. Забери меня с собой к молди на Луну. Уговор, заметано?

— Это ты говорил со мной вчера ночью?

— Да, Ренди, это был я. Ты хочешь услышать мой голос снова?

— Если это возможно.

— Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой. Ты просто молодец.

Глаза Кобба были добрые и мудрые.

— Хорошо, Кобб, спасибо. Огромное тебе спасибо.

Кобб и Дженни отключились, и Ренди переключил ювви на Вилла-Джин. Он попросил Виллу-Джин показать ему окружающее глазами суперпиявки и обнаружил, что цыпленка можно прекрасно использовать как телеробота. Ренди быстро провел Вилла-Джин по кухне, по всем ее уголкам и закоулкам, собирая кусочки оставшегося от Парвати имиполекса и шарики камота.

— Будь готова отдать этот камот мне, когда я у тебя попрошу, — напутствовал Ренди Виллу-Джин. — Не растеряй его.

Он не собирался принимать камот сейчас или даже в ближайшем будущем, хотя кто знает.

Ренди велел Вилле-Джин запрыгнуть в сумку и застегнул молнию. Итак, с Бангалором покончено. Ренди тяжело вздохнул. Он еще несколько минут побродил по своей квартире, разглядывая в окнах знакомый базар и далекие холмы. Он был здесь счастлив. Если бы только Парвати могла любить его. Когда он спускался по каменным ступеням Типу Бхарат, на его глазах блестели слезы. Возле подъезда его ждал рикша, имеющий вид повозки, в которую обычно запрягали буйволов.

В «Личинке Носорога» Ренди застал Рамануджана,

взволнованно пьющего из большой кружки чай с шафраном. Рамануджан работал в лаборатории всю ночь напролет.

— Вы испытали суперпиявку на своей подружке? Каковы результаты опытов, мистер Такер? Как мы сегодня себя чувствуем, голова немного не на месте?

Рамануджан сильно потер свои коричневые ладони, заляпанные препаратами, и просиял улыбкой, не дожидаясь ответа.

— Отлично, отлично. Кстати говоря, мне удалось обнаружить процесс, дьявольски остроумный, который существенно упрощает изготовление суперпиявки. Да, совершенно радикальным образом все упрощается. Вы только посмотрите на это уравнение — оно прекрасно!

Рамануджан принялся хватать со своего письменного стола и совать Ренди под нос листки бумаги с какими-то каракулями, и Ренди, преодолевая головную боль, неохотно наклонился, чтобы дать лучший обзор микрокамере.

— Это санскрит, Шри?

— Я так понимаю, что вы изволите шутить? Символ, тот, что стоит слева, конечно же, означает знак интеграла по бесконечности, в общем виде описывающий геометрическое представление четырехмерной квазикристаллической структуры. В правой части уравнения находится семнадцать, деленное на корень кубический из р. Вот, будьте любезны. Я назвал это Уравнением Мозаики. Красота математики позволяет получить изящную технологию. А теперь пойдемте в лабораторию, и я продемонстрирую вам собственно процесс. Но прежде — ах, ах! Сканирование, как всегда, как же я позабыл! Прошу, погрузите сюда свою безрассудную голову.

Ренди был уже к этому готов. Легко прикоснувшись к брови, он снял микрокамеру и держал ее на кончике пальца до тех пор, пока происходило сканирование внутренности его головы. Легче легкого. Надев скафандры, они вошли в лабораторию.

— Значит, вы сегодня сделали несколько новых суперпиявок? — спросил Рамануджана Ренди, присаживаясь к наноманипуляторам. — Мне не терпится приступить. Нельзя ли пройти весь процесс сначала до конца, чтобы я лучше понял детали?

— В самом деле? — Рамануджана внезапно обуяла подозрительность. — Так как у вас прошла ночь, мистер Такер? Я нахожу ваше теперешнее состояние как-то подозрительно нетипичным, еще более вызывающим, чем прежде.

— Что? Да нет, все в порядке, Шри. Просто все оказалось совсем не так здорово, как хотелось, если говорить начистоту. Я

прилепил к Парвати суперпиявку и трахнул ее, а потом попросил ее приготовить мне обед. А она взяла и отравила меня камотом, а потом спровоцировала меня, и я порубил ее на куски ножом. Потом все куски, на которых не было суперпиявки, сползлись и слились все вместе, и Парвати опять стала как новенькая. Короче говоря, она сбежала от меня в Замок Кург. Она больше не любит меня. И все, чего мне теперь хочется, — это заняться работой и работать двадцать четыре часа напролет, чтобы забыть ее.

Внезапно новая мысль осенила Ренди.

— Я ничуть не удивлюсь, если Парвати сделает что-нибудь, чтобы я потерял работу, — так она меня теперь ненавидит.

— А где суперпиявка?

— Суперпиявка прилипла к куску имиполекса, который остался от Парвати, и приняла вид забавного цыпленка. Я назвал ее Вилла-Джин. Теперь я смогу пользоваться Виллой-Джин как телероботом. Как летающей камерой-стрекозой. Я оставил Виллу-Джин дома.

— Телеробот! — воскликнул Рамануджан, и его бронзовое лицо растянулось в улыбке. — Это отличное применение для технологии суперпиявки!

Наклонившись вперед, он тепло похлопал Ренди по плечу:

— Мой мальчик, да тебе цены нет. Глупцы пробегают во весь дух там, где ангел не решится даже ступить ногой.

— И вы так обрадовались тому, что кусок задницы моей Парвати превратился в цыпленка?

— Я рад тому, что для суперпиявок нашлось замечательное применение в мирных целях. Теперь их можно будет применять не только в виде средства порабощения молди, теперь суперпиявка может стать легким способом, при помощи которого глупую порцию имиполекса можно будет превратить в полезного телеробота. Это же просто замечательно. Но я еще не до конца объяснил вам свою первую новость, мистер Такер. Вы помните уравнение, которое я показал вам? Применяя это уравнение в качестве метода фазной модуляции, можно совершенно простым способом превратить обычную ДИМ-пиявку в суперпиявку, всего лишь подвергнув их облучению модулированными сигналами. Это просто, как семнадцать поделить на корень кубический из р!

— Покажите мне, как это делается, — попросил Ренди Карл.

Взяв в руку параболическую антенну из серебристого пластика, Рамануджан прошествовал к аквариуму, в котором плавали старые добрые ДИМ-пиявки.

— Следите, что будет происходить, мистер Такер! Это карманный радиопередатчик, который я запрограммировал прошлой ночью.

Рамануджан направил серебристую пластиковую «тарелку» на одну из ДИМ-пиявок.

— Теперь я начинаю чирп-обработку этой пиявки при помощи сигнала, который основан на моем уравнении.

Рамануджан нажал кнопку на передатчике, и в тот же миг ДИМ-пиявка, на которую была нацелена тарелка, начала дрожать.

— Видишь? Программа инициирует пьезопластическую вибрацию, благодаря которой кристаллы переходят в состояние имиполекса-4.

Вибрирующая поверхность пиявки приняла грубую фактуру суперпиявки; пиявка потемнела, и цвет ее стал темно-красным. Рамануджан достал новенькую суперпиявку из аквариума и передал Ренди, чтобы тот получше рассмотрел.

— Прошу!

Рамануджан прилепил мокрую суперпиявку к ювви, и динамик ювви объявил: «Я суперпиявка, тип 4, серия 2, идентификационный номер 4. Вы хотите зарегистрироваться в качестве моего пользователя?»

— Нет, — ответил Рамануджан. — Пожалуйста, отделись от ювви и снова засни.

Суперпиявка повиновалась.

— Да, это действительно что-то, — кивнул Ренди, поглаживая шероховатую поверхность суперпиявки. — Вы можете показать мне, каким образом вы программируете эту маленькую радиоантенну?

— Ты никогда не сможешь понять программу.

— Ничего, постараюсь. Как еще я научусь, если вы даже не позволяете мне попробовать?

— Ты все равно ничего не поймешь, но я покажу тебе весь процесс, просто для того, чтобы пройти через него еще раз самому.

Рамануджан переключил лабораторный ювви в режим математического экрана и сорок минут подробно читал Ренди лекцию о том, что такое Уравнение Мозаики, в котором, как это и было предсказано, Ренди не понял совершенно ничего. Но он успел все заснять на видди своей микрокамерой, и более того, Рамануджан так увлекся своим математическим бредом, что не заметил, как Ренди тихонько засунул маленькую серебристую антенну в свой белый лабораторный сапог. Внезапно раздался сигнал ювви, и Ренди поспешно попросился выйти.

— Наверное, мне нужно сходить в душ, Шри. Что-то я паршиво себя чувствую после вчерашнего. Помните, я говорил вам, что отравился. Меня, наверное, сейчас будет тошнить.

— Избавь меня от деталей, — взмолился Рамануджан. —

Интересно, кто может мне звонить по этому номеру?

Пробегая через воздушный душ, Ренди оглянулся, чтобы взглянуть на того, кто звонил Рамануджану, и обнаружил, что это, конечно же, была Парвати. Ренди бегом бросился через офис Рамануджана, а потом через коридор «Личинки Носорога», на ходу сдирая с себя костюм кролика и поглубже засовывая в карман серебристую антенну. Он успел выскочить из дверей завода, когда вокруг взревели сирены. Молди-рикша дожидался его на условленном месте, готовый пуститься в путь и горячий, словно норовистый конь. Ренди вскочил в седло.

— В аэропорт! Быстро!

Молди скачками помчался вперед, похожий на огромного кролика, за один скачок покрывающего расстояние в двадцать-тридцать футов. Ренди держался за поручни что есть сил, опасаясь за свою жизнь. Нашарив в сумке свой ювви, он прилепил его на шею. Дженни уже была на связи.

— События разворачиваются очень быстро, Ренди, — сказала она, отбрасывая с глаз непослушный локон. — Но — мои поздравления, в особенности по поводу радиопередатчика! Четыре дакоита из «Личинки Носорога» уже разыскивают тебя по всему аэропорту. Я подключилась к камерам аэропорта, и мы сейчас быстро опознаем легавых.

Когда Ренди добрался до аэропорта, Дженни показала ему изображение, перекачанное из камер системы безопасности в зале вылета. Он мгновенно выделил из толпы четверых высоких и плечистых мужчин в деловых костюмах западного покроя. Двое были в солнечных очках, на голове у одного был тюрбан, другой грыз зубочистку. У всех четверых были жесткие непреклонные лица людей, с которыми не договоришься. Все четверо изучали недавние фото Ренди Карла Такера.

— Где они стоят? — спросил Ренди. — Мне лучше рядом с ними не появляться.

— Как бы это сказать — они стоят как раз возле дверей у выхода на посадку на твой рейс на Сан-Франциско. Это выход номер тринадцать. В зале ты их сразу же заметишь без труда.

Вход номер тринадцать располагался всего в пятнадцати футах от входа в аэропорт, и темные фигуры спокойных дакоитов возвышались над толпой суетящихся пассажиров. Сквозь огромное прозрачное окно аэропорта Ренди мог видеть свой самолет — огромное, управляемое молди летающее крыло.

— А можно пройти через какой-нибудь другой выход? — безнадежным голосом спросил Ренди. — Ведь для первого класса должен быть другой выход на посадку?

— Да, выход номер 14 для VIP-пассажиров, — согласилась

Дженни. — Но VIP-выход находится всего в тринадцати ярдах от выхода номер 13, и дакоиты заметят тебя все равно. Нам нужно отвлечь их внимание. Я заметила, что у дакоитов есть ювви. Я попробую оглушить их шумовым потоком, но это продлится не долее нескольких секунд, пока они не снимут с шеи ювви. Нам нужно придумать что-нибудь еще. Есть какие-нибудь идеи?

— Я использую Виллу-Джин.

Ренди соединился через ювви с Вилла-Джин и, глядя ее глазами, приказал идти впереди к дакоитам. Когда до дакоитов оставалось всего метр, Ренди бросил Виллу-Джин вперед, словно летающую боксерскую перчатку. Одновременно Дженни послала в ювви дакоитов мощный сигнал статики. Вилла-Джин летала между ослепленными дакоитами, сбивая их на пол, словно кегли. Сорвавшись с места, Ренди бегом пролетел через выход первого класса № 14, мимо ничего не различающих вокруг дакоитов. Пока он бежал по проходу к салону, Вилла-Джин догнала его и запрыгнула в сумку. Дакоит в тюрбане попытался их преследовать, но Дженни послала в систему безопасности аэропорта предупреждение, и охрана оттащила дакоита от выхода на посадку. Самолет вылетел строго по расписанию.

У Ренди было удобное место возле самого окна. Некоторое время он смотрел вниз на Индию, вспоминая все, что он успел здесь повидать. Впереди его ждала Калифорния, что было совсем неплохо, а потом, может быть, и Луна. В Кентукки он вернется теперь очень нескоро. Улыбнувшись, он откинулся в кресле и уснул.

5. Терри

Июнь 2043 — октябрь 2053

Дом и Элис Перцесеп любили своих детей, хотя и не баловали их чрезмерным вниманием. Подростками Терри и Айку приходилось выполнять всю домашнюю работу. Старшая сестра Терри чаще всего кормила ужином своего брата Айка, пока Дом занимался в ресторане, а Элис оттягивалась с друзьями. Обычный ужин состоял из сандвича с тунцом или арахисовым маслом. Айк неизменно спрашивал про десерт, и неизменным был ответ Терри:

— На десерт — лимонад.

— Почему мама не ходит в магазин? — пожаловался сестре Айк в один из дней в июне 2043 года. Это был последний его день в школе перед летними каникулами. — Мы же можем купить себе любую еду, которую захотим. У отца есть ресторан и мотель.

— Наша мама ходит в магазин только за платьями, — объяснила Терри. — Или за таблетками. Единственный раз в году, когда она покупает продукты сама, бывает, когда она решает устроить специальный ужин для Дома.

Терри произнесла имя отца с заметным раздражением.

— Какие ты получила оценки за год?

— Все пятерки. А ты?

— В основном тройки, а по истории — четыре. Мне не везет.

— Отец будет без ума от такого известия, — горько заметила Терри. — Почему-то мои пятерки он никогда не замечает. Устрою я когда-нибудь ему, вот он узнает.

— Просто отцу не нравятся ребята, с которыми ты тусуешься, — объяснил Айк. — Кертис Гул и эти другие торчки-серферы, эти крысы.

— Я знаю, — кивнула Терри. — Взрослые любят устраивать из таких ребят, как Кертис и его приятели, причину всех бед, чтобы лишний раз ткнуть в нее носом. Наподобие того надувного клоуна с грузом в заднице, которого только ткнешь, а он снова возвращается обратно и стоит торчком.

— Бедный папа, — вздохнул Айк. — Устраиваешь ты ему жизнь.

— Да, бедный папа и его сыновья из «группы ненависти» Наследников Адама, — подхватила насмешливо Терри. — Знаешь, что мне нужно сделать? Мне надо было бы начать тусоваться с молди. Может быть, тогда он заметит, что я еще

живая.

— Какая муха укусила тебя сегодня, сестренка? Что случилось с тобой?

— Да, — кивнула Терри, — со мной действительно кое-что случилось. Всего полчаса назад, когда я убиралась в доме и пылесосила в кабинете отца, я увидела у него на столе кое-какие бумаги. Знаешь, что я там увидела? Отцовское завещание.

— Вот, черт, он что, чем-то болен?

— Если ты решил вдруг составить завещание, это совсем не значит, что ты завтра умрешь, идиот, — фыркнула Терри. — Завещание пишут все взрослые. Это то же самое, как платить налоги. Так вот, в завещании сказано, что ты получишь в наследство ресторан, мне достанется десять тысяч долларов, а Элис — мотель, дом и все остальное.

— Десять тысяч долларов, — завистливо вздохнул Айк. — Но это же целая куча денег, черт возьми. Почему он мне вообще не оставил денег?

— Ты болван, Айк, ресторан стоит гораздо больше десяти тысяч.

— Черт, да, наверное. Я не догадался.

— И ты получишь все это один. Только потому, что ты пацан с яйцами, вот и все.

— *Вау!*

В то лето Терри работала кассиршей в ресторане «Грот» Дома на верфи Санта-Круза. Дом был настроен против молди самым радикальным образом и не упускал случая подчеркивать, что никогда ни один молди не будет принят на работу в его ресторан, даже на самую мизерную должность. Снаружи ресторана на вывеске значилось: «ЕДА ПОЛНОСТЬЮ ПРИГОТОВЛЕНА ЛЮДЬМИ. НАСЛЕДНИКИ — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ». «ЗДЕСЬ МОЛДИ НЕ РАБОТАЮТ» — говорилось на другом знаке. Как бы там ни было, из-за запаха молди редко могли получить работу в ресторанах, если только судомоем или бухгалтером, но Дом любил вслух обсудить свои антимолди-настроения и всячески превозносил «наследников», несмотря на гонения, которым он мог подвергнуться по Гражданскому Акту Молди, гарантирующему равные права молди и людей.

Терри была спокойным и очень аккуратным кассиром и просиживала в конторе на высоком стуле от полудня до вечера. Она красила губы розовой помадой и волосы носила длинные и прямые. Постоянно жевала жвачку. Лицо у нее было тонкое, кожа смуглой, облик — сама сексуальность. По утрам Терри любила поспать, а по вечерам и ночам тусовалась на пляжных вечеринках, из-за чего родители устраивали дома скандалы.

Айк работал помощником на прогулочном катере Перцесепов, возившем на рыбалку туристов. Капитаном на катере был брат Дома Кармен. Обычно Айк уходил из дома очень рано утром и возвращался около четырех часов дня. Перед уходом домой, по окончании рыбалки он обычно помогал туристам чистить выловленную рыбу, потом собирал чаевые. Придя домой, он окатывал себя из шланга водой и отправлялся в «Грот» Дома, чтобы как следует перекусить. Терри отпускала Айку еду бесплатно, на что было получено разрешение Дома, при условии, что Айк не будет заказывать экстравагантных блюд.

Однажды в один из туманных августовских дней Айк появился в «Гроте» усталый и промокший, с огромными широко раскрытыми карими глазами и торчащими ежиком коротко постриженными волосами. На нем были сапоги, мешковатые шорты и грязная майка.

— Привет, Терри!

— Привет, братишка! Как сегодня чаевые?

— Не слишком.

Айк засунул руку в карман и выудил оттуда комок бумажек по одному доллару и пару пятерок.

— Клиенты наловили столько рыбы, сколько было возможно по лицензии, но оказались скупыми сволочами. Это были баптисты-«наследники» из Техаса; отцовская группа пригласила этих парней и позволила прокатиться со скидкой. Они все ждали, когда кто-нибудь подцепит на крючок бродячего молди, чтобы можно было спалить его в виски. Вместо того чтобы дать мне чаевые, одна парочка дала мне смотри что…

Айк достал из кармана и продемонстрировал Терри «евангелический ДИМ» с зацикленным голографическим фильмом о том, что молди — это предсказанный в Книге Откровений Зверь.

— Молди — это Сатана, — чирикнул маленький ДИМ, без устали демонстрирующий один и тот же кусок.

— Какая дрянь, — вздохнула Терри. — И глупость. Кроме того, заметь, они не до конца ненавидят молди, потому что пользуются ДИМ-проекторами для своих презентаций. Пользуются ДИМ, а не понимают, что ДИМ — это маленький кусочек молди.

— Они ни хрена об этом не знают, — отозвался Айк. — Когда я сказал им, что мы католики, они ответили, что Дева Мария — ложный идол. Да хрен с ними. Я голодный как черт. Терри, можно я возьму лобстера? Всего одного, вот этого, небольшого?

— Ты же знаешь, что отец говорит, чтобы я давала тебе дешевую еду, — ответила Терри. — Непроданную рыбу для

начинающих варваров.

— Да, и с лимонадом на десерт. Ну ладно, Терри. Дай мне лобстера, хотя бы сегодня, всего один раз. Если папа начнет ругаться, я приму всю вину на себя.

— Он *не позволит* тебе принять всю вину на себя, — ответила Терри. — Ты ведь его *сын*. Папа прибережет всю вину для меня. Ну да ладно, старшая сестра как-нибудь это переживет. Что ты хочешь к лобстеру?

— Я хочу заодно моллюсков, чесночный хлеб, колечки лука, французской картошечки, салат из капусты, запеченной кукурузы и двойной молочный коктейль, ванильный.

— А ты здорово проголодался. — Терри заполнила листок заказа и передала его через окошко на кухню. Айк уселся на один из высоких капитанских стульев возле кассы.

— Не разваливайся так, Айк. Ты перепугаешь всех клиентов, которые приходят есть за деньги. Они могут подумать, что у нас тут притон для бродяг.

— Заткнись, — огрызнулся Айк, сильно растирая руками лицо и еще больше разваливаясь на стуле.

— Вчера ночью на вечеринке я видела малышку Камми Мартин, — сообщила Терри, чтобы уколоть брата. — Она вроде из твоего класса? Она сказала, чтобы я захватила на следующую вечеринку тебя с собой. Она говорит, что ты *хорошенький*.

— Камми Мартин просто воображала, — буркнул Айк. Он еще не достиг того возраста, когда полностью отдают себе отчет в том, что девчонки — это то, что вам нужно от жизни. — И какого черта я попрусь на пляжную вечеринку серферов, если у меня даже нет доски, — я буду там как болван.

— Значит, тебе нужно купить доску, Айк, — сказала Терри. — Я уже думала об этом. Мы можем купить одну ДИМ-доску на двоих и кататься по очереди. Костюм у каждого будет свой, конечно. Я уже порядочно накопила денег на этой работе, а у тебя должны остаться деньги от дня рождения и с Рождества, верно? Мы просто придурки какие-то, если живем в Крузе и не знаем, как кататься на серфе.

— Отцу это точно не понравится, — сказал Айк. — Он ненавидит серферов.

— Не все в нашей жизни должно идти так, как этого хочет отец, как ты считаешь? — спросила Терри.

— Думаю, что мне бы *понравилось* кататься на серфе, — сказал Айк. — Ты не считаешь, что мы уже слишком старые, чтобы начинать учиться?

— Семнадцать и пятнадцать лет — это еще не возраст, Айк, поверь мне. Стариками становятся те, кто сидит в своем

ресторане целый день и только и делает, что ест. Эй, тебе принесли заказ. Иди устройся на улице, я сейчас к тебе выйду. Скажу Тересе, что у меня начались месячные и заболел живот, она подменит меня пораньше, и мы сможем сходить в магазин для серферов.

— Ты — класс, — сказал Айк и, выйдя наружу, нашел себе местечко на верфи, чтобы предаться пиршеству. Когда Терри появилась на улице, Айк почти разделался со всей своей едой и уничтожал французскую картошку и колечки лука, высасывая остатки мяса из укромных уголков лобстера. Голодные чайки кружили у Айка над головой, внизу на пляже рычали и лаяли морские львы.

Скормив панцирь лобстера морским львам, они прошли до конца набережной у верфи и дождались автобуса-молди. Не прошло и нескольких минут, как из-за поворота появилось удлиненное создание, передвигающееся плавными прыжками по песку и траве улицы. Терри махнула рукой, и автобус остановился. Средство передвижения представляло собой грекс, составленный из двадцати слившихся молди. Автобус звали Миккси.

— Привет, как дела, Айк и Терри? — поздоровалась с ними Миккси, говорившая с деревенским акцентом Среднего Запада, может быть, для того, чтобы сделать приятное туристам, а может быть, для того, чтобы посмеяться над ними. — Куда вас отвезти?

— Миккси, нам нужно в магазин серферов «Дада Кин», — объявила Терри.

— Ясно-понятно, значит, вам, молодежь, надо на угол Сорок первой улицы и Опал-Клиф-драйв, — сказала сама себе Миккси, изобразив на экране салона стоимость проезда. — Гоните монету!

Айк и Терри расплатились с Миккси, которая после этого волнообразным движением внутреннего имиполекса перенесла пассажиров в заднюю часть своего тела, где соорудила для Терри и Айка два удобных кресла. Ребята опустились в кресла, и кресла надежно обхватили их за талии. В непогоду Миккси устраивала над креслами защитные козырьки, но сегодня погода была отличная, и Терри и Айк были полностью открыты солнцу и океанскому бризу.

Тело автобуса, похожее на огромного слизняка, поползло через главный пляж. Справа была «Полоса Развлечений», парк классических курортных аттракционов, слева возвышался на холме мотель Перцесепов, «Террасный Дворик». Когда-нибудь этот мотель будет принадлежать Терри. Узнав о завещании отца, Терри сходила и пожаловалась матери, и Элис успокоила ее, сказав, что запишет отель только на нее, свою дочь, после чего

Терри почувствовала себя значительно лучше. Элис даже посоветовалась с Терри по поводу того, что она думает о том, чтобы прибавить к названию мотеля приставку *Чистый Свет*.

Перебравшись вброд через мелкую речку Сан-Лоренцо, автобус поднялся по травяной дороге на холм.

Двое пассажиров Миккси вышли возле причала для яхт, где утес круто обрывался вниз. Проезжая мимо Твин-Лэйкс и Лив-Оакс-Бич, Миккси подобрала еще нескольких пассажиров. По мере того как Миккси заполнялась пассажирами, кресла Айка и Терри сдвигались все дальше к корме.

Перед ними снова поднялись холмы, и автобус начал взбираться в гору, мерной волной передвигая полосу днища. Они уже добрались до Плеже-Пойнт, где находились известные школы серферов.

— Вам выходить, ребята, Терри и Айк, — проквакала Миккси. Их кресла повернулись к борту автобуса и превратились в наклонные желоба, по которым Айк и Терри съехали на дорогу. Миккси проворно поползла дальше, оставив ребят стоять на остановке, рассматривая скачущих на волнах серферов.

— И ты, Терри, на самом деле считаешь, что мы сможем кататься так же? — спросил после минутного созерцания серферов Айк.

— Конечно, уверена. На ДИМ-досках это вообще проще простого. У ДИМ-досок днище гофрированное, как у Миккси, и они могут плавать сами по себе. Так гораздо проще поймать волну.

— А может случиться так, что доска уплывет без тебя, сбежит и станет дикой?

— Это невозможно, — сказала Терри. — У ДИМ-досок недостаточно для этого мозгов, ведь они не молди. Они не могут существовать полностью самостоятельно. Они просто ДИМ. У ДИМ сообразительности хватает ровно настолько, чтобы удержаться на волне и дать тебе возможность управлять движением, выбирая направление. Наш папа Дом считает, что женщины должны быть такие же, как ДИМы.

— Хватит болтать про отца, — отрезал Айк. — Ведь мы пришли, чтобы выбрать себе доску.

Они прошли квартал вверх по Сорок первой улице до магазина принадлежностей для серфинга «Дада Кин». Новые и подержанные ДИМ-доски были расставлены вдоль стен и свешивались с потолка. Остальное пространство магазинчика было заполнено вешалками с резиновыми костюмами для катания. За кассой сидел гавайский *кахуна*. Рядом стоял, ссутулившись, молди-доска, красный с желтым. Молди-доска

держал волну гораздо более уверенно по сравнению с ДИМ, но и стоил во много раз дороже. Молди-доску невозможно было купить, их приходилось нанимать на зарплату.

— Привет, Терри, — сказал плечистый гаваец. — Твой приятель Кертис Гугл заглядывал сегодня с утра. Мне кажется, что он пошел на Четырехмильный Пляж.

— Я не за ним пришла, Кимо, — отозвалась Терри. — Я пришла, чтобы купить кое-что. Нам нужны костюмы для каждого и одна ДИМ-доска на двоих.

— Две доски, — внезапно подал голос Айк. — Я не собираюсь все время делить с тобой доску, уж прости, Терри.

— Тогда скажите, сколько вы готовы потратить денег, — кивнул Кимо. — Тогда мы посмотрим, что можно для вас найти.

— А я выдам вам каждому по поводку для доски, как подарок от фирмы, и дам один незабываемый урок, тоже бесплатно, — подал голос молди-доска. — Какие роскошные клиенты наконец к нам пожаловали, верно, Кимо? Последнее время бизнеса вообще не было, и мне не платили почти семь недель подряд, как вам это нравится?

— Большое тебе *мехело*, Эверуз, — раздраженно взглянул на молди Кимо. — Теперь ты просто обязан дать им урок, это как раз то, что им нужно. Так сколько баксов у вас в кармане, ребята?

Еще через час у Айка и Терри, у каждого, был собственный подержанный костюм и модифицированная ДИМ-доска — и все это за весьма умеренную цену. Доска Айка была красная в черную клетку. Доска Терри была украшена сине-зелеными языками пламени. Вместе с забавно прыгающим Эверузом они спустились на пляж и вошли в воду в тихом безлюдном месте, где волна была невысокая.

— Свои уроки я основываю на трех базовых понятиях, как эти ювви-проповедники, — сказал им Эверуз. — *Представь, почувствуй* и *осуществи*. Каким образом вы общаетесь со своей ДИМ-доской? Общение происходит посредством телепатического контакта, осуществить который помогает вам маленький ювви-передатчик, установленный на воротнике вашего костюма, как можно ближе к вашим мозгам, молодые Перцесепы. Для того чтобы ваша доска поплыла, вы должны представить себе движение, потом почувствовать его, усилием воли вытолкнуть из своей головы так, чтобы ДИМ мог получить ваш приказ. После чего наступает очередь третьего этапа, на котором ДИМ осуществляет на деле ваш приказ. Раз, два — и в дамки! *Представь, почувствуй, осуществи* — вот ключевые понятия, которые должны руководить вашим передвижением на воде, а кроме того, насколько я понимаю, и вообще всей вашей жизнью и

борьбой за существование. Три ключа, на этом магия ДИМ заканчивается. Потому что ДИМ — это просто кусок мерцпокрова без всякого понятия, который и кончика пальца настоящего молди не стоит, но если вы научитесь *представлять* и *чувствовать*, доска сможет осуществлять на деле ваши идеи. Все это должно сработать как часы, по крайней мере на такой маленькой волне, как сейчас. Волна маленькая, но с хитринкой, я должен сказать — видите, идет трубой. Давайте попробуем, что значит быть настоящим серфером.

Добиться точного *осуществления* на первоначальном этапе было не так просто, но по прошествии небольшого количества времени Айк и Терри наконец поняли, что от них требуется. Весь фокус состоял в том, что нужно было представить, словно ты *уже* движешься в том направлении, куда хочешь двигаться, — сделав это реальным, так сказать, для собственного воображения, — в результате чего ДИМ-доска воспринимала вашу команду. Айк сказал, что ему кажется, словно все его тело разговаривает с ДИМ-доской, а Терри — что это скорее напоминает ей, словно ты все внимание концентрируешь на месте, которое находится где-то немного впереди носа доски. Эвериз сказал, что, на его взгляд, оба способа классные, хотя, по сути дела, все сводилось к тому, что по большому счету они просто помогают ДИМ-доске резать волну.

Они отплыли за волнорезы, и Эвериз показал им несколько способов, каким образом ловить волну.

— Нужно ощутить космический ритм, ясно? — говорил им Эвериз, несколько раз поймав у них на глазах волну, потом возвратившись под водой обратно к Айку и Терри подобно огромному вытянутому в длину скату, прикинувшемуся на минутку доской для серфинга. — Недостаточно просто смотреть, как волна катит на вас; вы должны стремиться чуять запах волны и слышать ее, и чувствовать в воде и в воздухе. Вот, например, прямо сейчас у вас под ногами чувствуется легкое течение, предвестник накатывающей следующей крупной волны. Отдайтесь полностью во власть синесцезии, позвольте волне нести вас своей властью, потому что океан должен понять, как ему *осуществить* ваше движение, и чувствовать, что он способен к этому. Вы должны не только помогать ДИМ-доске, вы должны помогать самому океану. Представьте себя ДИМом самого океана.

Терри и Айк попытались поймать несколько волн и прокатиться на их гребне, сначала стоя на четвереньках, потом — о, чудо! — стоя на ногах.

— О да, — промолвил Эвериз, — человеческая раса вышла из первородного океана, и вот мальчишка и девчонка снова

пытаются вернуться туда, где они когда-то жили миллиарды… оп-па! Терри, нужно, чтобы центр тяжести находился между коленок, представь, словно вся масса твоего тела сосредоточена в точке и подвешена у тебя между ног — вот так, моя милая! — э-гей! — и попробуй еще раз, Айк, — шлепнулся, не беда — кувырком прямо в воду, словно с края Ниагары в самый водоворот, в стиральную машинку Нептуна, ничего, голова останется цела, бог серфинга пошлет и для тебя свою волну, на гребне которой все *осуществится*, так что пробуй еще и еще раз — оп-па!

В этот день, вернувшись домой после долгого удивительного и волшебного урока Эверуза, Терри и Айк уже были убежденными серферами.

Дом отнесся к такой затее без восторга, но в конце концов это ничего не меняло. Окончив школу, Терри и Айк продолжали заниматься серфингом и работать на разных мелких работах, и так продолжалось до тех пор, пока Дом не погиб.

Это произошло после уик-энда Дня Благодарения в 2048 году. Был устроен большой семейный обед у дяди Кармина. Элис, которая последнее время была здорово не в духе, перебрала, и вечеринка закончилась тем, что она и Дом поскандалили. Оказывается, Элис совершенно недовольна своей сексуальной жизнью. Дом в ярости вылетел из дома и куда-то укатил на ночь глядя.

Около полуночи, когда они вернулись домой, и Айку и Терри наконец удалось уложить Элис в постель, раздался звонок по ювви от Гимми из Вакерхата. Терри ответила.

— Это дом Перцесепов?

— Да, а кто спрашивает?

— Я следователь из Службы безопасности Вакерхата. У нас здесь проблемы с Домом Перцесепом. Вы его родственница?

— Я его дочь.

— Тогда вам лучше приехать сюда: дом 2020 на Бэй-стрит, рядом с кафе «Сатурн».

— С отцом все в порядке?

— Вам лучше приехать.

Когда Айк и Терри вышли из дома, над их головами уже кружило несколько стрекоз-телероботов, летающих камер. Это были *ньюси*, дистанционно управляемые телеглаза репортеров. Дом угодил во что-то серьезное. Прежде чем Айк и Терри успели завести свои гидрогенные мотоциклы, к ним подъехала и остановилась машина. Из машины вышел незнакомый мужчина в форме, на поясе у него висел пистолет; это был человек Гимми. Стрекозы замерли, уставив на представителя Гимми свои телеглаза в ожидании новостей.

— Я из Службы безопасности Бузина, — представился человек из Гимми. — Я довезу вас до места.

— Разве этим занимаются не Гимми Вакерхата, те люди, что звонили мне недавно? — спросила Терри.

— Ньюси позвонили по ювви во все местные отделения Гимми. Крови там хватит на всех.

— Что случилось с моим отцом? — закричал Айк.

— Вам лучше поехать и посмотреть самим.

Гимми отвез их на своей машине к небольшому пляжному коттеджу на окраине Санта-Круза, вокруг которого бродило множество представителей Гимми и репортеров-ньюси, а воздух над головой гудел от стрекоз. На машинах Гимми вращались красные и синие мигалки. К Айку и Терри подбежала женщина и попыталась взять у них интервью, но плечистый служащий Гимми из Вакерхата оттеснил ньюси и повел Айка и Терри к коттеджу.

Внутри коттеджа царил такой сильный и стойкий запах молди, которого Айк не слышал в своей жизни. На полу валялось разрезанное на несколько частей тело молди, со всех сторон которого были рассыпаны шарики камота. На кровати лежало обнаженное тело мужчины. Это был мертвый Дом.

Все его лицо было залито кровью; нос разорван, гениталии залиты кровью. В руке Дом держал паяльную лампу. Все его тело было покрыто круглыми следами от присосок, словно после сражения с осьминогом. Несколько скоростных камер-стрекоз метались по комнате туда-сюда, напоминая мух, слетевшихся на пиршество к свежей падали.

Вскоре выяснилось, что Дом, убежденный «наследник», давно уже был сырным шариком. Что именно случилось в коттедже той трагической ночью, так и осталось невыясненным. Пытался ли Дом угрожать легкогорючему молди паяльной лампой? Или он просто пытался защититься? Трудно было сказать наверняка. Коттедж принадлежал женщине по имени Мэрил Дидерсен, которая понятия не имела о том, что там творилось, по крайней мере по ее словам. Она сдавала коттедж байкеру из Флориды, который появлялся в коттедже не так часто. Байкер платил Мэрил наличными, и она не спрашивала его ни о чем, даже не знала его имени. По мнению Мэрил, байкер наверняка уже уехал из города.

Мэрил никто особенно не поверил, но происшествие было настолько отвратительным, что никто в семье Перцесепов не захотел платить Гимми за полное расследование. Было понятно, что Дома убили или молди, или банда местных грабителей, промышляющих похищением и убийством молди и продажей их имиполекса и камота на черном рынке. Дом был сам виноват в том, что влип в такую историю. Он должен был хорошенько

подумать, прежде чем стать сырным шариком. Дело закрыто.

Само собой, ресторан Дом оставил Айку. Двадцатиоднолетний Айк полгода промучился с «Гротом», при этом голова его разрывалась от бесконечных советов, которые давали ему мать и братья отца, и в конце концов понял, что ресторанный бизнес не для него. Когда Кимо в 2049-м объявил о том, что собирается продать «Дада Кин», Айк продал ресторан дяде Кармину и купил «Дада Кин» со всеми принадлежностями, включая престарелого Эверуза.

Первое, что сделал Айк, это использовал остаток денег, вырученных от ресторана, для того чтобы полностью омолодить Эверуза, и отправился с Кимо и новым молди Кимо, доской ЗиксиЗ, на Гавайи резать волну. Они катались на гигантских волнах на Пайплайн, на волнах таких больших, что пробиться и подобраться к ним со своей доской-молди можно было только на реактивных лыжах. Это путешествие было воистину незабываемым.

Теперь, четыре года спустя, Айк превратился в профессионального серфера и бывалого бизнесмена. Элис все еще пребывала в добром здравии, Терри жила со своим мужем Тре на деньги, которые Тре зарабатывал своими рекламными программами, и одновременно на то, что платила им Элис за то, что они вели дела в мотеле. Айк, которому обломился от отца крупный куш в виде ресторана, не чувствовал за собой никакой вины, и в том, что Терри часто приходилось экономить, винил Тре. Айк не любил Тре.

Айк стоял на утесе вместе с Эверузом, когда со стороны Стимер-лэйн появились акулоподобные Ксананна и Оуиш, следом за которыми прыжками следовал рикша Кслотл с Терри. Эверуз имел вид раскидистого иглу, поскольку таким был его новый способ поглощения максимального количества солнечной энергии.

— Привет, Терри, — поздоровался Айк. — Что случилось?

— Моника ушла с одним из наших новых гостей, — объяснила Терри, спустившись на землю со спины Кслотла. — Нам кажется, что он каким-то образом сумел установить над Моникой контроль.

— Ты видела, как Моника ушла из дома?

— Ее видел Тре. Он попытался остановить их, но упал с мотоцикла и сломал себе ключицу.

— Вот тупой торчок, чертов парикмахер.

— Он никакой не парикмахер, Айк, Тре — ученый и художник. Он хаотист.

— Да, но он все равно торчок, с этим ты не станешь спорить?

Деревенщина, увидел пляж и решил, что жизнь здесь у нас сплошная вечеринка.

— Теперь он еще и *деревенщина?*

— Ведь он приехал из Айовы! А там самая деревенщина и есть. Какого черта ты вышла за него замуж, Терри, я не понимаю.

— Спасибо тебе за дружескую поддержку, эгоист ты хренов. Теперь можешь проваливать.

— Хватить ругаться, давайте займемся делом, — резко оборвал их Кслотл.

— Скажи нам, Поп, — Ксананна повернулся к красному с желтыми полосками иглу, представляющему собой Эверуза. — В какую сторону они поплыли? В какую сторону они поплыли? В какую сторону они поплыли?

Ксананна, убыстряясь, повторил фразу раз, наверное, двести в течение двух секунд.

— Я спрошу Зилли, может быть, он знает, в какую сторону поплыла Моника, — ответил Эверуз, с хлопком лопнув и превращаясь в гигантское подобие картофельной чипсы. — Зилли катался с утра и сказал, что видел, как Моника прыгнула в воду с утеса. Слышишь, Айк, ты чересчур перевозбудился, и на самом деле будет лучше, если ты останешься на берегу и никуда не пойдешь. Садись в фургон, возвращайся обратно в магазин и остынь, подожди, пока разум к тебе не вернется, потом с тобой увидимся, иначе я просто уволюсь, и все.

— Хорошо, как скажете, — с раздражением откликнулся Айк. — Черт с вами, катитесь куда хотите.

Растянувшись на краю утеса, Ксананна раскрыл спину вдоль наподобие горохового стручка.

— Терри, раздевайся и полезай внутрь. Я сделаю для тебя прозрачный экран на уровне лица, и ты сможешь видеть. Давай, нам нужно упаковаться, пока Эверуз разговаривает с Зилли.

— Никогда раньше такого не пробовала, — сказала Терри, на память которой пришли многозначительные тирады покойного отца о близости с молди. — Ты уверен, что я смогу дышать под водой?

— Конечно, сможешь, — отозвался Ксананна. — В тканях моего тела достаточно морских водорослей для того, чтобы обеспечить кислородом человека в два раза большей, чем ты, комплекции. Или можно сказать, что я смогу вырабатывать кислород с такой же скоростью, с какой его будут поглощать двое таких, как ты, людей. Или…

— Я поняла, но твой воздух, он… пахнет…

— Ничего страшного, я устрою для тебя носовые фильтры. У меня всегда есть пара про запас…

Тело Ксананны несколько секунд переливалось волнами, потом в его плоти образовалась прореха, и на свет появились два металлических вкладыша-фильтра для носа.

— Это палладиевые фильтры. Ты никогда о таких не слышала? Я начинаю подозревать, что ты молдифоб, Терри. Ты точно не «наследник»? С вас, с Перцесепов, станется, я много о вас слышал.

— Лично я — не «наследник», — храбро ответила Терри. — Я — белая ворона среди своих теток и дядек, отщепенец. Да, почти все мои родственники — «наследники». Сыны Адама. Мой отец тоже был «наследник» — по крайней мере, мы так думали. Хотя вышло так, что он оказался сырным шариком. Может быть, перед самым концом он перешел на сторону молди. Может быть, на самом деле его убили не молди, а сами «наследники». Ты ничего не знаешь о гибели моего отца, Ксананна? Он погиб пять лет назад.

— Я тогда еще на свет не появился, — ответил Ксананна. — Извини, Терри. Извини, Терри. Извини, Терри.

Терри разделась и, сложив свою одежду, положила ее кучкой на один из камней, потом забралась внутрь Ксананны, прижавшись лицом к прозрачной серебристой лицевой мембране молди. Воздух для дыхания равномерно поступал к ней, просачиваясь через щели внизу мембраны. Терри заткнула нос фильтрами и почти перестала обращать на запах внимание. Но как ей теперь говорить с Ксананной?

— Мы будем разговаривать по ювви, — раздался в голове Терри голос Ксананны. — Кроме того, я буду передавать тебе и мое зрительное восприятие — если мы погрузимся слишком глубоко, и там будет чересчур темно для твоих глаз. Ты готова?

— Полный вперед, — послала обратный ювви сигнал Терри.

Похожий на огромного тюленя, Ксананна прыжками приблизился к краю утеса, отыскал местечко, где внизу имелась спокойная заводь, и прыгнул вниз. Пораженная Терри во все глаза смотрела на то, как навстречу им несется вода. Через мгновение они были под водой. Ксананна с гораздо большей легкостью улавливал желания Терри, чем ДИМ-доска, и ему ничего не стоило *осуществить* их для нее, потому в первые минуты подводного плавания он позволил Терри полностью управлять его телом.

Отплыв от берега на несколько сотен футов, подальше от серферов, они опустились к самому дну и принялись осматриваться. Окружающее было очень похоже на огромный приливной пруд. Терри видела множество морских звезд самых разных цветов, зеленые морские огурцы, оборчатые желтые

нудибранчи-слизняки, красный хитон-гумбут. Колония земляничных анемонов была плотно рассыпана на подводной скале, очень похожая на пурпурные цветы вербены, коврами покрывающие утесы Санта-Круза.

— А можно что-нибудь потрогать? — спросила по ювви Терри.

— Да, конечно, просто протяни руку.

Терри вытянула руку, и тело Ксананны вытянулось и облегло ее кисть тонкой согревающей перчаткой, образовав рукав. Терри дотронулась до похожего на плюмаж анемона на длинном стебле, отчего тот поспешно втянул тонкие перистые щупальца обратно в свое тело.

— В тебе очень уютно, Ксананна, — передала по ювви Терри.

— *Спасибо, мне приятно это слышать*. Не хочешь, чтобы я тебя трахнул?

— Что?

— Остальные присоединятся к нам только через несколько минут. Я могу вырастить пенис и засунуть его в тебя. Многим моим пассажиркам это очень нравится. Это помогает им избавиться от напряжения.

— Нет уж, спасибо! Что, если после этого я забеременею и рожу митбоппа?

— Эта вет-технология теперь утеряна. А кроме того, сейчас у тебя не фертильный период, и ты не можешь забеременеть. Я могу определить это по твоему запаху.

— Спасибо, Ксананна, но меня сейчас это не интересует.

— Меня тоже подобное не интересует. Тогда просто постоим здесь на глубине и дождемся остальных.

Несколько минут Терри и Ксананна висели почти на уровне дна, медленно дрейфуя по течению, потом смутные тени стремительно метнулись к ним, так неожиданно, что Терри в страхе прижала к себе руку, спрятав ее в теле Ксананны, ударившись кулаком о скалу. Но это были всего лишь Эверуз, Оуиш и Кслотл. Ксананна передал Терри то, о чем переговаривались между собой молди.

— Зилли сказал нам, что Моника поплыла в сторону Монтеррея, — объяснил Эверуз. — Внутри нее действительно сидит какой-то гнусный сырный шарик — тощий парень, по описанию Зилли. Что он там с ней только не вытворял, сегодня у него настоящий праздник.

Терри вздрогнула, но промолчала, представив себе, что бы было, если бы она отдалась Ксананне — тот наверняка все бы транслировал своим друзьям через ювви. Нет, сырным шариком она пока еще не стала.

— Мы попросили Зилли, чтобы он пошел с нами, — обиженно подал голос Кслотл. — Вместо того, чтобы бултыхаться у берега.

— Нет, Зилли предпочитает заниматься серфингом, — передал по ювви Эверуз. — Он скачал нам свое инфо, поэтому какая разница? Зилли не желает прерывать свое полуденное углубленное изучение волн, он пространствует в океане. Кстати, Терри и Ксананна, вы знаете, что Зилли просчитал поведение молди-лодки в отрицательном следовом вихре волны? Это необходимо, чтобы пользоваться трубой, а не зарываться носом в волну. Что касается нас, то я предлагаю быстро плыть к Монтеррей, пока мы еще сохраняем визуальный контакт с Моникой. Бедная Моника, моя любимая дочь. Подумать только, ее одолел какой-то вонючий флешепоид. Тьфу.

Четверо молди вместе устремились в открытый океан. Эверуз вел, за ним следовали Ксананна и Оуиш, позади едва поспевал неуклюжий толстый Кслотл.

— Не потеряйте меня, — просяще подал голос Кслотл, — я же не чемпион мира по плаванию.

— Тебе нужно больше времени проводить в воде, — отозвалась своим пронзительным голосом Оуиш. — Подводное плавание — прекрасный способ провести время. Здесь почти нет этих противных флешеров. Без обид, Терри.

Дно находилось от них в сорока футах и продолжало стремительно опускаться. Они плыли параллельно дну и опускались вместе с ним, огибая заросли ленточных водорослей. В некоторых местах длинные, словно бы резиновые щупальца водорослей пробивались к свету и поверхности, и кое-где это им почти удавалось. Над головой у них плавали морские львы, обычные обитатели здешней гавани; для того чтобы Терри смогла получше рассмотреть морских львов, Ксананна перевернулся на спину и поплыл лицом вверх. Некоторые из морских львов плыли вместе с ними и какое-то время следовали рядом, так что Терри смогла их как следует рассмотреть. Казалось, что морские львы пытаются понять, являются ли молди их конкурентами или нет.

— Ты никогда не пытался разговаривать с китами или дельфинами? — спросила Терри Ксананну. — Мне всегда казалось, что молди смогут найти с этими морскими обитателями общий язык.

— Наверное, если постараться, — ответил Ксананна. — Но до сих пор мне не удалось поговорить ни с один китом или даже дельфином. Но мы раскодировали некоторые из их песен, и оказалось, что все, о чем говорят киты, это секс, еда и территория обитания. Почти как птицы. Хотя, конечно, киты еще говорят о звездах. Мы не знаем, каким образом китам удается увидеть

звезды, но киты говорят о звездах все время. Звезды. Звездные звезды. Звездные звездные звезды. Звездные звездные звездные звездные звезды.

Пройдя сквозь бесконечную регрессию увеличения скорости, Ксананна продолжил:

— Все-таки молди больше похожи не на китов, а на людей. И тут нет ничего удивительного, принимая во внимание то, что мы эволюционировали из роботов, сконструированных человеком. Из бопперов, которых вы пытались уничтожить чипоедом.

— Только не обвиняй в этом *меня*, — сказала Терри. — Только не говори об этом сейчас, когда ты несешь меня в себе, словно ребенка в утробе. После того, как ты спросил меня, не хочу ли я трахнуться с тобой. Вот. Словно бы… словно бы тут есть и моя вина.

— Я заметил, что вы всегда очень болезненно относитесь к этим вопросам, — усмехнулся Ксананна. — К вопросам вины. Но мы вас ни в чем не виним. Если бы на свете не было чипоеда, не было бы и молди. Кстати, Моника говорила, что вы всегда хорошо к ней относились. Эй, вон катер Перцесепов, на котором туристов возят на рыбалку в океан. Могу поспорить, здесь есть какая-то взаимосвязь.

Ксананна по-прежнему плыл на спине. Они уже находились на приличной глубине. Высоко над ними на подернутом рябью зеркале поверхности океана виден был темный овал катера, направляющегося обратно к своей стоянке на верфи.

Ксананна перевернулся лицом вниз и быстрее устремился в глубину. Свет вокруг потускнел. Впереди них на дне океана темнел резко уходящий вниз обрыв. Терри узнала подводный каньон Монтеррей, который она привыкла с гордостью показывать приезжим на карте прибрежного дна. Каньон Монтеррей был шире и глубже самого Большого каньона! Неужели они направляются именно туда?

— Я слышу Монику. — Голос Кслотла донесся у них из-за спины. — Она находится где-то в холодной и темной воде и плывет вниз, к какому-то киту, черт его дери, — может такое быть? Тот урод из плоти, который находился внутри нее, его теперь с ней нет — это, наверное, и был ваш Ренди Карл? Думаю, что Моника выпустила Ренди на поверхности где-нибудь рядом с катером Перцесепов, а потом отправилась прямо вниз в глубину. Эта штука «кит», он светится; он *зеленый*, мать его так.

— Ясно, — отозвался по ювви Эверуз. — Я тоже поймал Монику. Но что тут происходит по-настоящему, а что просто сон? Вопрос старый, как мир. Направляемся вперед и в глубину, на дно этой здоровенной расселины. Мне надоело болтаться без толку в

безводном краю флешепоидов.

— Сейчас я передам тебе изображение, которое я вижу своими глазами, — сказал Терри Ксананна. — Я буду транслировать видеосигнал по ювви к тебе. Фотон за фотоном, за фотоном, за фотоном…

— Спасибо, — ответила Терри.

Дно, каким она его видела невооруженными глазами, казалось ей темным и одноцветным. Она расфокусировала зрение и переключилась на сигнал ювви. Новое изображение продемонстрировало ей огромное искрящееся пространство, полное изящной формы пятен и полос разнообразных цветов. Стена обрыва подводного каньона Монтеррей впереди призывно сияла розовым и зеленым. Косячок серебристых анчоусов промелькнул сбоку, преследуемый несколькими рыбами покрупнее, с мрачным выражением немигающих глаз. Красно-желтое тело Эвероуза проворно метнулось вниз вдоль резко спускающейся стены подводного утеса. Тело Эвероуза представляло собой плоский овал, совершающий мощные плавательные движения. Ксананна нырнул следом за ним, и острая водянистая боль пронзила голову Терри.

— Мои уши!

— Зажми нос и продуй уши, — посоветовал ей Ксананна. — Очень резкий перепад давления. Сейчас я постараюсь уравновесить давление. Ты можешь дотянуться рукой до лица? Да, вот так. Да, вот так, вот так. Да, вот так, вот так, вот так.

Терри змеей просунула руку между подводным костюмом — телом Ксананны — и своим телом, зажала нос и продула уши. В ее ушах сильно и влажно щелкнуло, давление уравновесилось.

От подводного каньона Монтеррей в стороны разветвлялось несколько субканьонов помельче. Если Ренди Карл Такер отправил Монику вниз на дно каньона, то поиск ее займет много времени. Терри попыталась расслабиться и насладиться передаваемым Ксананной ювви-изображением разноцветных утесов и энергичной подводной жизни. Эвероуз и Оуиш грациозно плыли впереди, процессию замыкал толстый и постоянно отстающий Кслотл.

— Эвероуз! — внезапно подала голос Оуиш. — Я думаю, что Моника находится в следующей расселине.

— Я чую ее! Я чую Монику! — воскликнул Кслотл, бросаясь вперед мимо Ксананны, Оуиш и Эвероуза. — Быстрее за мной.

Акулоподобные тела молди, стремительно изогнувшись через очередной подводный утес, нырнули в глубины океанской расселины.

Дыхание Терри стало быстрым и затрудненным. Вокруг было

так темно, что сквозь лицевую пластину Ксананны она не видела практически ничего. На какой глубине они находятся? Она, наверное, сошла с ума, если решила довериться молди в такой переделке. Сейчас Ксананне было достаточно раскрыть свое тело и вытолкнуть Терри наружу, и она окажется на глубине в несколько сотен футов, среди холода и без надежды на глоток воздуха. Она захлебнется и утонет прежде, чем сумеет даже увидеть отблеск света на поверхности.

— Ксананна, — попросила Терри, — я хочу вернуться назад. Мне страшно. Подними меня на поверхность к катеру, я хочу поговорить с Ренди Такером.

Терри *представила* и затем *осуществила* подъем Ксананны из глубины. Возможно, это могло бы сработать с ДИМ-доской, но на Ксананну ее приказ не возымел никакого действия, и подъем из глубины так и не *осуществился*.

— Мы пока что не собираемся возвращаться, — ответил ей Ксананна. — Перестань волноваться и оглянись по сторонам. Здесь в глубине так красиво. Взгляни на то, что я передаю тебе по ювви. Один узор множится из другого узора, множится из другого узора, множится из другого узора…

Терри сфокусировала свое растекающееся внимание на ювви-сигнале Ксананны. Ювви-изображение содержало образ плоского, словно скат, Эверуза и акулы Оуиш, плывущих внизу под ними, следом торопился неуклюжий Кслотл, и все они без исключения изо всех сил стремились опуститься глубже и глубже. Теперь ложная цветовая гамма склонов утеса была багровой и ярко-красной, с широкими пятнами оранжевого цвета. Тут и там попадались большие дрейфующие в воде массы — гигантские медузы — и косячок за косячком коралловых рыб, вьющихся вокруг словно стайки птиц. Длинные извивающиеся пряди водорослей тянулись со склона утеса к проплывающим мимо. Грациозные пятнистые креветки, осторожные дунгенесские крабы и похожие на оживший череп осьминоги медленно передвигались между камнями утеса, из расселин торчали морды барракуд и обезьяноголовых угрей. Один раз мимо промчался косяк поблескивающих кальмаров.

— Я вижу ее! — воскликнул Ксананна. — Вон там, у самого дна!

Внизу под ними горел зеленоватый свет, свет, завивающийся спиралью, густеющий на глазах и обретающий форму. В несколько мощных взмахов хвостом Ксананна приблизился к источнику света, и в изображении ювви-сигнала Ксананны Терри разглядела, что источник света представляет собой огромную ворочающуюся массу.

Терри еще раз продула уши, вздрогнув и поморщившись от мокрого треска в голове. Несмотря на то, что ее тело окружал собой Ксананна, она чувствовала озноб. Внезапно она вспомнила выдуманную историю, которую ей давным-давно, когда она была маленькая, рассказывал дядя Кармин, о том, что в океане лед тяжелее воды и что все дно бухты Монтеррей покрыто осколками льда. И теперь этот глубоководный свет, навстречу которому они плыли, блистал словно айсберг, так ярко, что Терри уже могла видеть его даже собственными глазами сквозь лицевую пластину Ксананны. Откуда здесь, на такой непомерной глубине, может взяться свет?

— Мне страшно, Ксананна, — повторила она.

— Держись, — ответил молди. — Нам нужно посмотреть, что там такое творится в глубине.

— Там внизу находится большой молди, групповое существо, — сообщил ей Кслотл, который наконец вырвался вперед. — Моника тоже здесь, она слилась с общей массой группового молди. И они… они связались со мной. Я муж Моники, — гневно заявил он, — и я хочу вернуть ее обратно!

— Осторожно! — предупредительно воскликнул Эверуз. — Они выпускают суперпиявок. Это маленькие розовые штуки. Не позволяйте им прикоснуться к вам!

Эверуз попятился от грекса и, быстро развернувшись, бросился в сторону мимо Ксананны и Терри, преследуемый дюжиной пушистых розовых имиполексовых созданий. Прежде чем Ксананна успел среагировать, одна из маленьких суперпиявок, размером не больше большого пальца ребенка, стремительно бросилась к нему и прилипла к боку. В то же мгновение равномерное продвижение Ксананны стало хаотичным и неуверенным.

Терри сфокусировалась на ювви-изображении, которое передавал ей Ксананна. Каньон по-прежнему окружал их, но теперь перед ними появилась прямая горящая красная линия, уходящая от них в глубину, и Ксананна плыл прямо вдоль этой красной линии. Оуиш и Кслотл все еще были неподалеку, но и от них уже тоже вниз уходили ярко горящие красные линии, упирающиеся в огромную светящуюся зеленым массу, представляющую собой виртуальный конец красной линии, создание наподобие огромного зеленого молди, размером не меньше кита, который — хлоп! — бросился вперед и чуть было не схватил Оуиш, пока красные суперпиявки сновали туда-сюда со всех сторон.

— Нужно убираться отсюда! — закричала Терри. — Оно проглотит нас!

— Помогите! — раздался голос Оуиш. — Суперпиявки сейчас догонят меня…

Голос Оуиш оборвался, потом снова зазвучал, но уже другой, на октаву ниже, напоминающий голос одержимой женщины в видди-ужастике: «Я присоединяюсь к этому счастливому семейству!»

С угрожающим видом Кслотл бросился навстречу зеленому чудовищу, на ходу избегая встречи с суперпиявками, но он был слишком мал, чтобы противостоять групповому молди. «Кит» сделал выпад, устремился вперед и поймал Кслотла быстрым боковым движением щупальца, вслед за чем раздались крики и призывы о помощи Кслотла.

— Он поймал меня! Беги, Эверуз, уплывай быстрее! Беги и спасайся что есть сил, Ксан… — Крик Кслотла оборвался.

Ксананна спокойно плыл вперед.

— Назад! — кричала Терри, представляя и осуществляя сильнейший взмах хвостом Ксананны, взмах, который вытолкнет ее и Ксананну обратно к поверхности океана, но все бесполезно — вдруг внезапно рядом с ними оказался Эверуз и куском раковины оторвал суперпиявку от бока Ксананны.

— Бежим, Ксананна, бежим! — закричала Терри, и Ксананна, развернувшись, устремился прочь вслед за Эверузом.

— Дыши, Терри, дыши глубже и чаще, иначе твои легкие разорвутся! — предупредил ее Ксананна. — Дыши глубже, дыши глубже, дыши глубже…

Но не успели они добраться до края гигантского каньона, как тело Ксананны сотряс мощный тупой удар. Все вокруг них, вода и все остальное, понеслось вверх. Эверуз и Ксананна полетели кувырком, и огромный и тяжелый освещенный изнутри грекс метнулся за ними. Эверуза отнесло в сторону, и групповой молди проскочил мимо него, но Ксананна и Терри оказались прямо на его пути. Быстро схватив их, словно проглотив, зеленая тень обволокла их собой, с ходу выхватив из воды. Тяжелое тело развернулось, понеслось вперед, потом с мощным характерным звуком вырвалось из воды в небо словно ракета.

Ксананна пребывал в полусонном состоянии; он не произносил ни слова, и то изображение, которое он передавал по ювви Терри, демонстрировало бесконечное отдаление от них Земли и ракету с Ксананной на борту, и кадр мультфильма в пузыре, в котором отдаляющаяся Земля и ракета с Ксананной на борту, и кадр мультфильма, в котором отдаляющаяся Земля и ракета с Ксананной на борту, и кадр мультфильма…

Ксананна прилепился спиной к боку группового молди, и Терри могла смотреть вниз сквозь его прозрачную лицевую

пластину. К счастью, в своем состоянии Ксананна не забыл снабжать ее кислородом и работать в качестве обогревателя и герметичного изолятора. В данный момент Терри, можно было считать, находилась в полной безопасности, прилепившись в укромном уголке на борту ракеты, стартующей с Земли и направляющейся… *куда?*

Взглянув вниз, Терри видела бухту Монтеррей в виде маленькой впадины на протяженной береговой линии, упирающейся в выставленный большой палец, которым был полуостров Сан-Франциско; на дальней стороне острова имелась еще одна бухта — Сан-Франциско.

Солнце закатывалось в Тихий океан, превращаясь в оранжевое пятно на фоне прощальных облаков. С большого расстояния океан казался статичным и металлическим. Они продолжали подниматься, пробиваясь к наружному слою атмосферы. Над их головой небо принимало темно-пурпурный оттенок. С такой высоты Терри уже могла различить шарообразность Земли — старой доброй толстухи Земли, покрытой тонкой оболочкой атмосферы.

— Я скоро умру, — сказала сама себе Терри и заплакала. Мысли Ксананны представляли собой полную звезд неразбериху, прочеркнутую яркими полосами, итеративный фрактал, сформированный из налагающейся друг на друга бесконечной последовательности образов, далеко не безмятежных.

В отдалении она заметила наравне с ними еще одно движущееся тело. Поначалу Терри приняла его за стратосферное облако из ледяных кристаллов, но потом поняла, что тело приближается к ним и является не чем иным, как еще одним групповым молди в форме голубого веретена.

Слезы высохли на глазах Терри, когда она несколько секунд следила за просчитанно-симметричными разноцветными кольцами, переливающимися по телу гигантского летающего веретена. Веретено, движущееся на сверхзвуковой скорости, подлетело к ним ближе и выровнялось борт о борт, в тот же миг зеленый грекс выпустил два длинных и толстых, как канаты, уса, чтобы дотронуться до веретена. Как только усы соприкоснулись с веретеном, через посредство ювви Ксананны Терри услышала разговор двух групповых молди.

— Привет, Бластер, — передало по ювви веретено, голос которого был женский и грудной. — Какой улов?

— На борту двадцать свободных молди, Флаппер, — ответил гулким голосом зеленый грекс. — И одно создание из плоти.

— Создание из плоти? — переспросило веретено, голос которого в течение одного короткого слова успел пройти через

три октавы, подняться и спуститься вниз.

— Сдается мне, что наш работящий болван «наследник» Ренди Карл Такер увел домашнюю молди какой-то женщины. Эту молди зовут Моника. Женщина, которую зовут Терри *Перцесеп*, ни больше ни меньше явилась на выручку Моники внутри брата Моники, по имени Ксананна. Я успел подхватить их обоих во время взлета.

— И ты забрал с Земли женщину? — пропела Флаппер. — И где же она теперь? Я хочу *взглянуть* на нее.

На слове *взглянуть* Флаппер сделала истеричный подъем до птичьей трели. Голос Флаппер походил на великолепный инструмент, тренированное сопрано какой-нибудь оперной дивы.

— Флаппер, детка, перенеси свои глаза вот сюда.

Глаз на конце длинного стебля, вытянувшегося из бока веретена, обогнул по дуге кита и завис как раз напротив лицевой пластины Терри.

— Ого, так вот она! — воскликнула Флаппер. — Вот это здорово! А она нас слышит?

Перепуганная до смерти Терри упорно молчала.

— Хочешь, я вытащу ее из тебя? — проворковало веретено, вырастив из своего тела щупальце со здоровенной клешней на конце. Для этих космических монстров Терри была чем-то вроде клеща-паразита. — Давай, Бластер, избавлю тебя от этого случайного ездока.

— Не нужно ее трогать, — ответил по ювви Бластер. — Думаю, что она чего-то да стоит. Этот перелет будет поистине замечательным. Я говорил тебе, что в последний момент сумел захватить мужа Моники, Кслотла, и жену Ксананны, Оуиш? Представляешь, у меня на борту четверо молди из одной семьи! Вот это улов!

— Счастливо тебе добраться до Большого Гнезда, Бластер! Счастливого полета!

Флаппер развернулась и понеслась куда-то в сторону.

Бластер уже вышел из атмосферы, и небо вокруг почернело. Вокруг ярко горели звезды. Ионные сопла Бластера неустанно ревели, но потом их рев оборвался, и наступила тишина. Они взяли курс на Луну и теперь летели по инерции.

Терри снова попыталась установить контакт с сознанием Ксананны. Ксананна видел себя плывущим в галактике, состоящей из океана спирального света, являющегося, в свою очередь, светящимися спиральными галактиками, состоящими из спиралей света, и т. д.

— Терри, — неожиданно раздался ювви-голос Бластера. — Я знаю, что ты слышишь меня. Ответь мне.

— Ты и так все про меня уже знаешь, — горько отозвалась Терри. — Что еще ты хочешь от меня услышать?

— Я рад тому, что ты пыталась спасти свою Монику, — усмехнулся Бластер. — Я никогда не думал, что мне удастся поймать так много молди за один раз.

— Кто ты такой? — спросила Терри.

— Я групповой молди с Луны. Я прилетал на Землю для того, чтобы собрать новых молди. Мы считаем, что молди должны жить на Луне, потому что им лучше на Луне, чем на Земле, в этой грязи, где молди могут быть только рабами людей и больше никем.

— Тогда почему ты работаешь вместе с «наследниками»?

— В каком-то роде лунные молди и «наследники» добиваются одного и того же: и мы, и «наследники» хотим, чтобы все молди перебрались в конце концов на Луну. Безумная гонка за наслаждениями, так развратившая Землю, оскверняет чистоту нашего Гнезда. Большинство из нас верит, что, только сделав Большое Гнездо по-настоящему сильным, раса молди сможет идти по дороге своей предначертанной судьбы.

— Почему-то мне не верится в то, что все эти молди, которых ты похитил, будут довольны случившимся.

— Им просто не хватает понимания, — ответил Бластер. — Им еще многое предстоит объяснить. И разъяснительная работа уже началась, прямо сейчас. Я деактивировал их суперпиявки. Сейчас я передам на твой ювви сигнал от Моники и остальных, чтобы ты сама смогла убедиться в том, как они будут реагировать.

В тот же миг Терри почувствовала мысли Моники.

Моника очнулась и владела своими мыслями и чувствами, хотя и не полностью, потому что составляла общую массу с остальными молди, была зажата между другими пленниками Бластера, также пришедшими в себя, но беспомощными. Терри проследила за тем, как Моника выдвинула за пределы тела корабля глазной стебелек, чтобы увидеть, что она такое теперь, в результате чего Терри вместе с Моникой стала свидетелем душераздирающего зрелища обратившейся в шар такой милой сердцу матушки-Земли.

— Приветствую вас, — пророкотал голос Бластера. — Вам, молди из земной грязи, предоставляется возможность начать новую жизнь. Вы летите на Луну, край своих предков, где сможете присоединиться к сородичам. И прекратите роптать. Нам, лунным молди, нужны вы, ваши тела и ваш разум. Вы летите на Луну, чтобы там присоединиться к нам на равных правах.

— Кслотл! — раздался крик Моники в групповом ювви-

разуме, составленном из тех, из кого был слит Бластер раньше, и новых, насильно присоединенных молди. — Кслотл, ты здесь?

— Да, детка! — счастливо отозвались в ответ. — Я поплыл за тобой и Ренди Карлом Такером. Как я понял, Такер заставил тебя отплыть на милю от берега. Потом он, наверное, забрался в катер Перцесепов, а тебе приказал уйти в глубину к огромному групповому молди, который прятался на дне каньона, словно кит. К Бластеру. Когда Бластер поднимался на поверхность, он схватил и меня тоже, а потом Ксананну и Оуиш. Моника, если Бластер забрал тебя, я рад, что он забрал и меня тоже… я сам этого хотел. Бластер — это огромная ракета. Мы летим на Луну, Моника. Там нет ни хрена, ни воды, ни воздуха.

— И тем не менее вам там понравится, — передал в ответ по ювви Бластер. — Мы живем в Огромном Гнезде, где нет ни одного человека. Это то самое Гнездо, в котором когда-то жили бопперы, они и построили это Гнездо. Вы нужны нам, молди, — и не только для того, чтобы служить у нас кухарками и прислугой.

Бластер позволил Монике протолкнуться сквозь массу прижавшихся друг к другу молди и прижаться к боку Кслотла.

— Ну, что ты думаешь, Моника? — спросил по ювви Кслотл.

— Может быть, там в самом деле будет хорошо. Новая жизнь, я имею в виду. Я согласна попробовать.

Ракета по имени Бластер неслась вперед, оставляя Землю все дальше и дальше за кормой. Воссоединившиеся возлюбленные успокоились. Но Терри была в отчаянии.

— Я хочу вернуться на Землю, — заявила она Бластеру. — К моему мужу и детям. К своей прежней жизни.

— Нет, по крайней мере до тех пор, пока я не получу за тебя деньги или какую-нибудь другую выгоду, — ответил Бластер.

— Отправь меня обратно! — закричала Терри. — Сейчас же отпусти меня и Ксананну, и Ксананна отвезет меня домой. Ты ведь сможешь это сделать, Ксананна?

— Могу, — ответил Ксананна. — Но, честно признаться, мне любопытно взглянуть на то, какая она, жизнь на Луне. У меня никогда не хватало духа добраться до Луны самому.

— Я могу поставить ей зомби-бокс и продать как работника в гидропонные танки.

— Ты не должен так поступать с Терри, — сказал Ксананна. — Она заслуживает лучшей участи. Почему бы тебе не попытаться получить за нее выкуп?

— Возможно, если только семья Перцесепов согласится платить, — ответил Бластер. — Да, я это обдумаю. Хотя эти люди — почти мои союзники, если считать нашу связь через «наследников», так что неудобно будет требовать от них выкуп.

Есть ли еще кто-нибудь, кто смог бы заплатить за тебя, Терри? У тебя есть влиятельные друзья?

— Стэн Муни! — воскликнула Терри. — Обратитесь к нему. Мой муж, Тре, работает на одну из компаний Стэна. Ведь вы, молди, считаете Стэна очень важной персоной, верно?

— Мы не питаем уважения *ни к кому* из людей, кем бы он ни был, — ответил Бластер. — Надеюсь, что ты понимаешь мою мысль? Но в любом случае мне бы хотелось передать тебя кому-нибудь уже на Луне. У тебя есть знакомые на Луне, Терри?

Терри напрягла память. Саншайн упоминала кого-то из друзей Муни — человека по имени Уайти Майдол, который жил с женщиной по имени Дарла.

— Э-э-э… ты никогда не слышал о человеке по имени Уайти Майдол? Его жену зовут Дарла.

— *Конечно*, я о них слышал, — подтвердил Бластер. — Что ж, я попытаюсь связаться с ними. Пока что мне все ясно.

— Подожди! — крикнула Терри. — Сколько продлится этот полет? Мне же нужно есть и пить.

— Вот так всегда с вами, с созданиями плоти, — недовольно проворчал Бластер. — Вы всегда просите все больше и больше. Полет займет неделю. Ты не можешь обойтись без еды и воды, пока мы не доберемся до места?

— Нет.

— Тогда пускай о тебе позаботится Ксананна. Ведь это он принес тебя ко мне.

Терри сконцентрировалась на ювви-входе Ксананны. Ксананна с каждой минутой все больше и больше радовался тому, что летит на Луну.

— Ксананна, ты сможешь дать мне воду и пищу?

— Ну что ж, я могу отдать тебе немного молди-крови. Молди-кровь похожа на сок, вот только запах тебе может не понравиться. Но этот сок очень питательный. У тебя еще надеты носовые фильтры?

За прошедшими событиями Терри совсем позабыла о носовых фильтрах. Она потрогала нос и убедилась, что палладиевые вкладыши все еще на месте.

— С фильтрами все в порядке. Дай мне попробовать немного молди-крови. Во рту у меня здорово пересохло.

— Сейчас я сделаю для тебя сосок, прямо напротив рта. Просто потяни в себя.

Терри осторожно взяла губами скользкий имиполексовый сосок и тихонько потянула в себя жидкость. Ее рот быстро наполнился тепловатой и чуть солоноватой, похожей на сироп жидкостью. Она не почувствовала ни вкуса, ни запаха молди-

крови и смогла проглотить, не подавившись.

— Спасибо, Ксананна. Надеюсь когда-нибудь тебя отблагодарить.

— Не бери в голову. Я рад тому, что благодаря тебе я оказался здесь, на пути к Луне.

Понемногу Терри погрузилась в сон без сновидений. Но через некоторое время она увидела Тре. Понадобилась минута или две, для того чтобы она поняла, что ее вызывают по ювви, и только тогда она проснулась.

Тре стоял на лужайке перед дверью конторы мотеля. Вокруг была ночь, и он смотрел в звездное небо.

— Терри! Наконец-то! С тобой все в порядке?

— Я жива, но вляпалась в ужасную историю. Я нахожусь внутри грекс-молди, который летит на Луну. Какая-то идиотская ситуация. С детьми все в порядке?

— Они напуганы. Я с трудом уложил их в постель. Мы видели, как из океана поднялась молди-ракета; в тот момент мы как раз смотрели на океан. Потом пришел Эверуз и рассказал, как все случилось. У тебя достаточно воздуха? И вода есть?

— Обо мне заботится Ксананна. Но полет займет семь дней.

— Ох, Терри. Я не могу даже думать о том, что ты находишься одна в открытом космосе. Эти молди, они отпустят тебя, когда вы доберетесь до Луны?

— Они хотят получить за меня выкуп. Ты можешь позвонить Муни и попросить его связаться с Уайти Майдолом и Дарлой на Луне? Если, конечно, Муни согласится платить.

— Он заплатит как миленький — или я убью его. Он должен мне по гроб жизни. Помнишь, я говорил тебе, что он продал код моих четырехмерных «Забавных цыплят» «Личинке Императорского Жука-Носорога»? Сегодня днем я узнал о том, что «Личинка Носорога» воспользовалась кодом моего фильтра для того, чтобы создать суперпиявку. И вот теперь из-за этой суперпиявки вышло так, что мою жену похитили молди и несут ее на Луну. Ох, Терри. Прости меня, что я был так груб с тобой. Я так сильно тебя люблю.

— Помоги мне выбраться из этой передряги, Тре, и не трать попусту силы на ненужные извинения. Я не хочу закончить свою жизнь в Гнезде молди на Луне.

— Я сейчас же переговорю со Стэном. А потом собираюсь немного поработать. Эта штука, которую изобрела «Личинка Носорога», она просто потрясающая.

— Присматривай за детьми получше, Тре. Позвони мне с утра, я хочу поговорить с дочкой и сыном. Кстати, вид отсюда просто с ума сойти. Я хочу показать это детям.

— Мы позвоним тебе завтра с утра пораньше. Около десяти часов. Счастливо, родная. Я сейчас позвоню Муни и добьюсь от него, чтобы Уайти и Дарла были готовы заплатить выкуп, как только этот молди сядет на Луну. Я так тебя люблю, Терри. Ты так дорога мне, и вот теперь в небе совсем одна-одинешенька, и некому тебя защитить.

— Я люблю тебя, Тре.

Потом изображение задрожало и исчезло. Ксананна сделал часть своего тела прозрачным, чтобы Терри могла посмотреть назад и увидеть маленькую блестящую Гайю собственными глазами.

6. Вилли

17 марта 2031 — июль 2052

На другой день после того, как Вилли Тейз спасся от смертного приговора, он встретил Стэна Муни.

Вилли и его друзья-повстанцы симпатизировали бопперам; они считали, что искусственные формы жизни ничем не отличаются от людей. Повстанцы сумели освободить Вилли из луисвилльской тюрьмы и тайком переправили во Флориду, где он мог принести пользу. Вилли добрался до Флориды в грузовике-рефрижераторе с мясом, надев на себя имиполексовый космический скафандр-пузырь, в котором ему было тепло и где был воздух. В ту же минуту, как Вилли добрался до Флориды, он уселся за компьютер и парализовал силы воздушной обороны Гимми серией вирусных атак, с тем чтобы смогло свершиться вторжение искусственной жизни на Землю. Перед рассветом пожилая женщина по имени Энни Кашинг отвезла Вилли, который по-прежнему был одет в скафандр-пузырь, на пляж на остров Сатинел во Флориду. Это было 17 марта 2031 года, день, который навсегда вошел в историю как День Спор.

Послышался звук ионных сопел, быстро стихший, и с неба появились Стэн Муни и Вэнди, опустившиеся на песчаную полосу на крыльях Плащей Счастья; на каждом из них было по сотне килограммов зараженного чипоедом имиполекса. Небесный свод над их головами оказался покрыт квадриллионами спор чипоеда, образовавшими смутно различимое перистое облако, размываемое потоками субтропических ветров. В лучах восходящего солнца облако спор заблестело огромным гало, мало-помалу окружившим всю Землю. День Спор ознаменовал собой гибель бопперов Гайи и чипов, и рождение молди и ДИМ.

— Как хорошо вернуться обратно, — сказал Стэн. — Спасибо, Вилли, дружище. Спасибо и вам, Энни.

Стэн обнял своим правым крылом Вилли. Тяжелое крыло оторвалось от Стэна и так и осталось на Вилли, пластик крыла слился со скафандром-пузырем Вилли, тонкие щупы проткнули кожу Вилли и проникли в его шею.

Вилли улыбнулся, чувствуя, как кипит внутри него поток новой информации. Плащ Счастья заговорил с ним и напрямую передал сообщения от Стэна и Вэнди. Впечатление было такое, словно бы Вилли шепчут на ухо.

— Давайте отваливать, — предложил Стэн. — Не хочу, чтобы

меня тут заметили какие-нибудь уроды.

— Я — за, — ответил Вилли. — Чем глубже я зароюсь под землю и уйду в нелегалку, тем лучше.

Вилли повернулся к Энни:

— Спасибо за помощь.

— Господи благослови тебя, Вилли, — ответила старушка Энни Кашинг. — Твой дед Кобб мог бы гордиться тобой. Иди вперед и не сворачивай с дороги.

После этого разумные молди-плащи приняли облик дельфинов, и Вилли, Стэн и Вэнди отправились в плавание, в открытый океан. Чистая вода залива протянулась мелью примерно на милю от берега, но потом дно резко обрывалось в глубину. Крупные рыбы-хирурги и морские окуни бросались врассыпную от молди, внутри которых скрывались люди.

— Куда мы направляемся? — спросил Вилли.

— Я хочу обогнуть Флориду по воде и выйти на берег с другой стороны, у Кокосового Пляжа, — ответил Стэн. — В подходящий момент мы выскочим из воды, словно старые добрые ракеты, которые запускались с подводных лодок.

— Мы *выскочим* из воды?

— Нет, старик, только я и Вэнди. Нам нужно долететь до космического корабля «Селена», который совершит посадку в космопорте завтра, и пристыковаться к нему. Компьютер-раб «Селены», само собой, умер, но эта Фэрн Беллер, она сумеет посадить корабль вручную. Фэрн очень смелая и толковая девица. Она носит Плащ Счастья, и оттого в голове у нее вся астрогация. Она тихонько пропустит меня и Вэнди на борт, так что никто и не заметит, а потом мы вместе совершим посадку.

— А когда я смогу выйти на поверхность? — спросил Вилли. — Мне что, так и отсиживаться в воде? Гимми схватят меня, как только увидят…

— Согласен, — отозвался Стэн. — Вот почему, даже когда «Селена» сядет, тебе не стоит к ней приближаться. Явится таможенная инспекция, репортеры, эти поганые свиньи из Гимми и врачи из карантина. Ко мне они приставать не станут, потому что я герой; а тебя они, скорее всего, упрячут обратно в камеру смертников. Когда свиньи поймут, что чипоед уже заразил все вокруг, они выпустят меня и Вэнди из карантина. Может быть, нам придется просидеть там недель шесть, но не больше. ОСЦС заплатит нам все, что должны заплатить. И, слушай сюда, старик, я и Вэнди, мы собираемся дернуть в Сан-Франциско, и я хочу заделаться там сенатором.

— Я думаю, что Вилли лучше всего укрыться на Луне, — раздался легкий голос Вэнди. — Там так хорошо. Никакой

тяжести. А здесь, на Земле, слишком тяжело ходить. Недавно на пляже я едва смогла удержаться на ногах. Отправляйся на Луну, Вилли, послушайся моего совета.

— Точно, — подхватил Стэн. — Луна — вот где круто! Фэрн захватит тебя с собой, когда соберется обратно. Вилли, заляг на дно на месяц или два, сколько там продлится эта заварушка, а потом проберись на борт, когда «Селена» получит «добро» на взлет. Постарайся познакомиться с Фэрн, когда она выйдет из карантина. Можешь даже подбить к ней клинья. Ты счастливчик, Вилли. Фэрн — она горячая девица…

— Ты же женатый человек, Стэн, — укоризненно подала голос Вэнди. — А я беременна.

— Я только сказал, что она горячая девица. Я же не распускаю руки. И не собираюсь распускать впредь, обещаю. Тем более что я ей совсем не нравлюсь.

— И пока я буду дожидаться Фэрн… — спросил Вилли. — Я должен болтаться где-то на Кокосовом Пляже?

— Не думаю, что эту проблему будет трудно решить, — ответил Стэн. — Уверен, что Гимми уже наложили в штаны. День Спор! Через неделю на всей планете не останется ни одного работающего компьютера! Ни одного.

В этом Стэн был прав; по сути дела, большинство компьютеров отдали концы уже вечером того же дня. На следующее утро Стэн и Вэнди сумели пробраться в «Селену», а Вилли выбрался на поверхность и укрылся в небольшом болотце в устье реки.

— Я спрячу тебя в этих мангровых зарослях, — сказал Вилли своему Плащу Счастья.

— Если ты так сделаешь, то я не стану тебя дожидаться, — ответил Плащ. — Не для того я проделал весь этот путь, чтобы сидеть в грязи. Возьми меня с собой; будешь носить меня как часть одежды. Я опущусь пониже и приму вид рабочих штанов и ботинок. А свои датчики я пристрою на тебе где-нибудь в районе копчика.

— Если уж ты собрался стать моим постоянным симбиотом, то мне нужно дать тебе какое-то имя, — сказал Вилли.

— Зови меня Улам, — сказал Плащ. — Это сокращенная форма имени старого боппера, который давно уже умер, — Улялюм. Большая часть моего имиполекса образована из мерцпокрова Улялюм — Стэн привез на себе снаряжение двух бопперов. Улялюм была женского пола, но я воспринимаю себя как мужчина. Стой спокойно, пока я буду устанавливать по-новому плагины, а потом мы двинем дальше.

Итак, вот мы видим Вилли под звездным небом Флориды с

восьмьюдесятью фунтами молди в виде штанов и ботинок, вяло бредущего по растрескавшемуся бетону космического порта Дж. Ф. К. Широченное пространство бетонного поля было перечеркнуто редкой сеткой осушительных каналов, в здании космопорта было темно. Вилли вдруг почувствовал, что он очень голоден.

Над его головой в небе раздался грохот и засверкал огонь. «Селена» шла на посадку. Близко, слишком близко. До ближайшего осушительного канала далеко, и он не успеет добежать до канала вовремя, пронеслось в голове Вилли, но как только он начал свой бег, Улам прибавил сил его ногам, с каждым движением смягчая удар подошвы о бетон и делая более мощным толчок. Они одолели четверть мили за двадцать секунд и с разбегу бросились в прохладную воду осушительного канала, стараясь опуститься на самое дно, уйти под протухшую на жаре стоялую воду. Дрожащее отражение могучего выхлопа ионных сопел идущего на посадку корабля осветило все вокруг них. Раскаленный ветер ревел все сильнее; но потом все затихло.

В обычной ситуации к «Селене» уже спешила бы целая стая грузовиков, готовых приступить к разгрузке корабля, но только не в этот вечер, ибо этот вечер был вечером Второго Дня Спор, и ни один грузовик не мог стронуться с места. Небольшая группа официальных лиц Гимми подошли пешком к «Селене» и дождались, когда люк корабля откроется изнутри при помощи штурвала. Наблюдая за происходящим из дренажного канала, Вилли увидел, как Стэна, Вэнди и остальных повели к административному зданию. Он заметил женщину, которая, вероятно, была Фэрн Беллер, высокая и стройная брюнетка, ведущая все переговоры с официальными лицами.

— Похоже на то, что на «Селене» больше никого не осталось, — заметил Вилли, обращаясь к своему Плащу Счастья.

— В случае необходимости «Селена» может действовать самостоятельно, — ответил Улам. — Без проблем.

— Черт, мне здорово хочется есть, — сказал Вилли. — Давай доберемся до города и поищем там, где перекусить.

Когда они добрались до края посадочного поля, то наткнулись на группу местных жителей, многие из которых были пожилые люди.

— Ты пришел с корабля? — потребовал ответа один из собравшихся, высокий худой кубинец. Его голос звучал резко и пронзительно.

— Нет-нет, — ответил Вилли. — Я работаю в космопорте.

— Что это за штаны на тебе, что это за хреновина? — спросила негритянка, из бедноты.

— Это штаны от огнезащитного комбинезона, — ответил Вилли. — Я ношу их на случай взрыва или возгорания.

— Эй, *вато*, если ты будешь и дальше продолжать здесь болтаться, ты и в самом деле увидишь, как что-нибудь взорвется, — сообщил ему кубинец. — Мы пришли разобраться с этим кораблем, *эс вердос*. Эти лунные молди сломали на хрен наши машины, похоже, что навсегда.

— Ты ведь не для того здесь, чтобы нам помешать? — спросил Вилли невидимый грубый голос из толпы. — Потому что если ты попытаешься позвать Гимми, то мы пристрелим тебя на месте.

— Нет, — заторопился Вилли, — я не собираюсь вам мешать. По правде сказать, у меня сейчас обеденный перерыв, и я шел съесть чего-нибудь. Я даже не видел вас, ребята.

— Сегодня вечером жратва везде бесплатная, — сообщила белая женщина, тоже из бедняков. — Конечно, если еще что-нибудь где-нибудь осталось. Давайте-ка проверим, что это за корабль прилетел!

Вокруг заорали и выстрелили из охотничьих ружей и игловиков, после чего толпа рванула к «Селене», на бегу паля из своего оружия в сторону корабля.

Но пули нападающих отскакивали от титановых пластин, словно желуди от коры большого дуба; игловик ничего не мог сделать, иглы лишь скользили по броне с громким *зззт*. «Селена» нерешительно покачивалась на гидравлическом треножнике своих опор.

— В трюме «Селены» находится большой груз плоти молди, — раздался спокойный мудрый голос Улама в голове Вилли. — Десять метрических тонн инфицированного чипоедом имиполекса, стоимостью с небольшое королевство, как только свойства этого материала станут всем известны. ОСЦС подрядило Фэрн доставить сюда этот груз на «Селене». Вот увидишь, эти создания плоти рискуют головой, пытаясь напасть на «Селену». Имиполекс превосходно горит и не обладает достаточным предустановленным разумом для того, чтобы подумать, прежде чем начать уничтожать того, кто пытается причинить ему вред.

Когда первые из атакующих попытались забраться по трапу «Селены», корабль неожиданно покачнулся и зашагал на своем телескопическом треножнике прочь. На ходу в днище корабля открылся люк, из которого наружу устремился поток огромных порций имиполекса. «Селена» была похожа на испражняющееся животное, на бредущего без цели зверя, на ходу облегчающего свой кишечник, — на здоровенного пингвина, испуганно оставляющего следы кала с остатками непереваренных креветок.

Исключение составляло то, что испражнения «Селены» представляли собой здоровенные, похожие на слизней куски имиполекса, которые самостоятельно, со всей возможной быстротой расползались в стороны, к мангровым зарослям и канавам.

Не прошло и нескольких минут, как в толпе нападающих поняли, что это имиполексовое дерьмо прекрасно горит, и тут же несколько порций имиполекса запылали, распространяя удушливый черный дым, который возникает, когда горит резина или нефть. Дым оказывал странный дезориентирующий эффект; стоило только Вилли вдохнуть дым, в его ушах раздался звон, и все предметы вокруг приобрели желеобразную структуру, как бывает под воздействием пейотля.

Моментально горящие куски имиполекса повернулись к своим мучителям, бросаясь на них словно камикадзе, облившиеся напалмом. Со всех сторон доносились пронзительные крики поглощаемых огнем жертв, странным и пугающим образом находящихся в экстазе. Несколько уцелевших нападающих из людей бросились наутек, спасая свои жизни, и тогда остальные куски имиполекса уползли в мерцающую от огня догорающих собратьев ночь. Вилли и Улам поспешили убраться подальше от места происшествия.

После света горящего имиполекса здание космопорта, а также дорога позади него и дома — все казалось непроглядно темным, черным, словно ночь. По сути дела, огней не было видно нигде до самого горизонта. Сеть электропитания была выведена из строя.

Прошагав мимо целого поля теперь бездействующих солнечных батарей, Вилли, наконец, добрался до ближайшего торгового центра. Как и следовало ожидать, наиболее лакомым кусочком для мародеров мог оказаться винный магазин «Красный Шар», но кто-то предусмотрительно забаррикадировал двери и окна винной лавочки листами титанопласта. Судя по диким крикам и визгу, доносящемуся изнутри винной лавки, можно было подумать, что пробравшаяся внутрь низшая форма жизни окончательно сошла там с ума. Никто другой больше не решался войти в лавку. Ступить через порог живому человеку было все равно что прыгнуть в клетку с голодными гиенами.

Темный изнутри супермаркет «Винн-Дикси» с другой стороны стоял с распахнутыми настежь дверями, рядом с которыми висело написанное от руки объявление: «БЕРИТЕ ВСЕ, ЧТО ВАМ НУЖНО. ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ ВАС. МАЛЫШИ-ШУТНИКИ».

Рядом с супермаркетом по улицам торопилось огромное количество пожилых людей, толкающих перед собой под завязку

груженные всяческим товаром тележки от «Винн-Дикси», — это были флоридские жмурики-старичье, торопящиеся убраться поскорее в ночь со своей добычей. Вилли вошел в «Винн-Дикси» и разыскал там себе бутылку лимонада и готовый деликатесный сандвич: ветчина, желтая горчица и искусственный сыр. Сандвич был помятый, и обертка на нем была разорвана, он был последний, оставшийся в коробке. Все остальное добро унесли раньше.

Выходя из магазина, Вилли заметил пожилую женщину, с трудом толкающую тележку с огромной горой овощей и фруктов, а также чистящих средств. Женщина никак не могла сдвинуть тележку с места, потому что одно из передних колес попало в трещину на асфальте парковки.

— Могу я предложить вам свою помощь, мэм? — как мог более вежливо спросил Вилли.

— Ты ведь не хочешь украсть у меня мои вещи? — сурово повернулась к нему седая женщина, взглянув снизу вверх на Вилли сквозь толстые линзы очков. — Было бы хорошо, если бы ты и *вправду* помог мне, только если ты не замышляешь грабеж.

— И далеко отсюда вы живете?

— На другом конце света. До моего дома целая миля.

— Знаете, одна из причин, по которой я предложил вам свою помощь, это то, что мне нужно место для ночлега.

— Я не пускаю незнакомцев в свой дом.

— Гараж у вас есть?

— По правде сказать, у меня есть гараж. Но в нем живет моя собака Арф.

— Я не прочь пожить вместе с Арфом. Мне нужно место, где спать, на несколько дней. А вам никогда не довезти до дома весь этот груз, если я вам не помогу.

— Если уж ты готов помочь мне, тогда я возьму еще еды. Жди меня здесь и следи за тем, чтобы никто не тронул мою тележку.

— По-моему, тут опасно долго стоять, — испуганно запротестовал Вилли. Неподалеку от них развязалась драка между парой пожилых людей. Один из стариков замахивался на другого своей алюминиевой палкой.

— Не обращай внимания на этих пьяных жмуриков, — успокоила Вилли пожилая женщина. — Такой сильный молодой человек, как ты, я уверена, сумеет за себя постоять.

Вилли открыл свою бутылку с лимонадом и впился зубами в сандвич. Пожилая женщина стрелой бросилась обратно в «Винн-Дикси» и через пятнадцать минут снова появилась на улице, толкая перед собой другую тележку, на этот раз полную кастрюль, сковородок, шампуней, собачьих бисквитов и

мороженого. Взявшись за свою тележку, Вилли устремился вслед за женщиной по дороге.

— Надеюсь, что у вас большой холодильник.

— Холодильник сломался, да будет тебе известно, как и все остальное. Все из-за чипоеда. С прошлого вечера ничего не работает. Нет электричества, не работает телефон и электроприборы, остановились машины и прочая техника. Просто поразительно. Это самый выдающийся случай за последние несколько лет. Когда мы вернемся домой, то лучше сразу съесть все мороженое. Если что останется, то я отдам соседям. Как тебя зовут?

— Вилли.

— А меня Луиза. Что это за обноски на тебе?

— Это мерцпокров с чипоедом. Он… прилетел вместе со мной с Луны. Он разумный. Его зовут Улам.

— Какой противный.

В гараже старой Луизы имелся большой продавленный диван, на котором Вилли смог устроиться на ночлег. Прежде диван использовался для этих целей псом Арфом, но Арф был не прочь уступить немного местечка. Арф был помесью колли с биглем в оранжевых и белых пятнах, с дружелюбными глазами и длинной благородной мордой. Шерсть Арфа, которая лезла из него со страшной силой, была повсюду, от шерсти у Вилли развилась аллергия, и он все время чихал. В гараже имелась отдельная хорошо оборудованная компьютерная мастерская, в которой когда-то работал муж Луизы, ныне покойный, хотя теперь, после Дня Спор, ничего из компьютерной техники, конечно, не работало.

Луиза не беспокоила Вилли; казалось, что основную часть времени она забывала о его присутствии. Вилли же, для того чтобы люди не досаждали ему расспросами о том, что это такое на нем надето, имея в виду принявшего вид штанов Улама, выбрал себе из старья фризерские полиэстровые штаны кирпичного цвета с отвислой задницей, в которых, наверное, ходил когда-то мужик не меньше трехсот фунтов весом. Большую часть времени Вилли появлялся на улице без Улама.

Несмотря на грозящую опасность, Вилли, сгорая от любопытства, бродил по городу, вызнавая, что вокруг происходит. После того как замолчало виззи, утекающие дни сложились в недели, и люди все меньше и меньше вспоминали о предателе человеческой расы по имени Вилли Тейз — скоро им стало наплевать на Вилли.

Люди кормились консервами и пытались обрабатывать землю. Несколько антикварных двигателей, не использующих

компьютерные чипы, были добыты из кладовых и подвалов музеев и приспособлены для водяных насосов у артезианских скважин; люди регулярно наведывались к колодцам с ведрами, чтобы набрать воды на целый день. Что же касается отхожих мест — то тут нужно было учиться вновь пользоваться лопатой. Или махнуть на свое дерьмо рукой. В округе появился легкий вездесущий запах давно обжитого лагеря. И тем не менее все были счастливы. После того как умерли все медиаисточники, люди снова научились использовать свои мозги. Атмосфера опасности сплотила людей и заставила сотрудничать друг с другом, когда сосед помогает соседу. В некотором роде это время было, может быть, самым счастливым за многие годы жизни человечества.

Вилли бродил по округе, стараясь подружиться с людьми. Одной из самых популярных тем для разговоров с соседями была местная банда «малышей-шутников». Это были те самые, кто взял под свой контроль винную лавку «Красный Шар» с самого первого дня, Дня Спор, и если вам нужна была выпивка или наркотики, вам приходилось покупать все это у «малышей». Когда откуда-то прикатила пара свиней из Гимми и попыталась взять «Красный Шар» под свою управу, «малыши» резво начистили служащим Гимми сопатки, что все фризеры только одобрили, решив, что это круто.

Кое-кто из ходячих анахронизмов дошел до того, что, раздобыв где-то старые печатные станки, работающие без компьютерного управления, начал снова выпускать газеты на бумаге. Читая бумажную газету, можно было взаправду вспомнить старые добрые денечки «на ранчо у дедушки». В газетах печатались по-настоящему нужные и интересные новости — рассказы репортеров-любителей о положении дел в остальной части страны, а кроме того, масса объявлений о местных умельцах, предлагающих в обмен на еду или другие услуги различные новые услуги, без которых было не обойтись.

Бывший супермаркет «Винн-Дикси», освобожденный от ненужных внутренностей, стал местным толкучим рынком. Прийти на рынок мог каждый, и каждый мог предлагать тут свой товар или услуги бесплатно. Как правило, сделки совершались в виде бартера, и каждый, кому что-то было нужно, мог найти тут себе нужную вещь. «Малыши-шутники» из «Красного Шара» по соседству следили за тем, чтобы к «Винн-Дикси» не наведывались Гимми, везде и всюду готовые начать устанавливать налоги и регулировать торговлю. Частью в шутку, частью всерьез люди называли местный супермаркет «Рынок Малышей».

Каждую ночь Улам выбирался из гаража и наведывался к «Селене», где собирал беглые порции имиполекса. Приведя

очередной отряд имиполекса в гараж, Улам каким-то образом парализовывал их, заставляя неподвижно сидеть в бывшей компьютерной мастерской, теперь чулане. Арф неизменно сопровождал Улама в его ночных вылазках, дружески виляя высоко поднятым пушистым белым хвостом. Всякий раз, когда Арф находил очередной кусок имиполекса, Улам выдавал Арфу пригоршню собачьих бисквитов из запасов Луизы. Очень скоро порции имиполекса заполнили чулан ровным слоем до пояса высотой — образовав мягкую, остро пахнущую сыром кучу, на которой Арф обожал лежать, иногда дремал, иногда вылизывал свои яйца.

Теперь, наконец, весь диван оказался в распоряжении Вилли. Тем не менее он не мог уразуметь происходящее.

— Для чего тебе эти слизняки, Улам?

— Это чистый имиполекс! Что может быть в наши дни дороже имиполекса?

— Но это просто здоровенные вонючие куски пластика, грязные, и все в Арфовой шерсти. Подстилка для псины, да и только! Это какой-то мусор, который можно намести с улицы после ярмарки. Почему эти слизняки не такие умные, как ты, Улам?

— У них нет моего программного обеспечения. Я могу скопировать себя в любого из них, но я не хочу этого делать, потому что мои новые копии станут мне конкурентами в поисках имиполекса, которого и без того пока что на Земле мало. Немного погодя я, конечно же, сделаю одного или нескольких своих клонов, заведу себе детей, но я хочу совершить это в более романтичной обстановке, в процессе сексуального воспроизводства в паре с другим молди. В любом случае главная цель этого имиполекса, который я накопил здесь, — воспроизводство различными способами. Этот имиполекс прибыл сюда во Флориду из Гнезда Луны с символической целью — познакомить людей с молди и научить людей любить молди! И ты, Вилли Тейз, тот человек, который помог нам на этом пути! Я планирую с твоей помощью изготовить из небольших кусочков имиполекса полезный продукт, который можно будет продать через «Рынок Малышей».

— Что ты задумал, Улам?

— Из небольших кусочков имиполекса можно сделать компактные компьютерные устройства, подобные оптическим процессорам и силиконовым чипам. Крошечные слизняки — они похожи на эти скользкие сморщенные коричневые запятые, которые можно найти под мокрыми деревоплитами здесь во Флориде. Каждый кусочек имиполекса в один грамм будет

запрограммирован для выполнения определенной функции. Например, для управления стиральной машиной. Или распределительной электроподстанцией. Или виззи. В одном грамме имиполекса, зараженного чипоедом, может содержаться достаточное количество информации.

— Я понял твою мысль, — отозвался Вилли. — Эти маленькие кусочки имиполекса станут тем же самым, чем были запрограммированные на заводе чипы до того, как на Землю попал чипоед. Я придумал название для этих кусочков имиполекса. Давай назовем их *ДИМ* — Дизайн-ИМиполекс.

— ДИМ! — довольно воскликнул Улам. — У тебя просто дар находить подходящие названия, Вилли. ДИМ — сумрачный, туманный — обречен провести сумеречную жизнь внутри машинных потрохов или внутри обычного тостера, все время раз за разом повторяя одну и ту же операцию по прихоти какого-нибудь порождения плоти.

— Уверен, что дело могло бы пойти быстрее, если бы я мог воспользоваться этим оборудованием, — сказал Вилли, с сожалением оглядывая компьютеры, стоящие на полках в мастерской. Почти на всех компьютерах нарос мохнатый грибок, выползающий из вентиляционных окошек.

— Но даже если бы у нас было электричество, эти компьютеры все равно бы не заработали. Как же мне запрограммировать ДИМ без компьютера?

— Мы будем использовать мое программное обеспечение, — ответил Улам. — Тебе только нужно будет объяснить мне, что должен делать каждый ДИМ, и я запрограммирую их путем кратковременного контакта и переноса рисунка программы мыслительным путем. К сожалению, я не знаю, каким образом были устроены изготовленные людьми чипы, — я не знаю ни микрокода, ни архитектуры, ни того, как распределяются идентификации вход-выход у разъемов подключения. Ты, Вилли, знаменитый суперхакер. Расскажи мне, как все устроено, и давай дальше работать вместе.

В течение нескольких следующих месяцев своего пребывания во Флориде, пролетевших в лихорадочной суете, Вилли работал словно одержимый, испытывая небывалый творческий подъем. С помощью своего верного Плаща Счастья по имени Улам Вилли Тейз буквально основал новую компьютерную науку, называющуюся лимп-инженерия, создал первый ДИМ и в заключение всего в сентябре 2031 года изобрел ювви.

Но в середине мая Вилли и Улам только начинали свой долгий путь. В это самое время пассажиры и команда «Селены» были наконец выпущены из-под стражи, через семь или восемь

недель после начала карантина. Вилли не смог протолкнуться сквозь плотную толпу репортеров к пассажирам «Селены», но зато ему удалось узнать, где живет Фэрн Беллер и даже проследить ее до номера в дешевом пустом мотеле на Кокосовом Пляже.

Когда Вилли постучал в дверь Фэрн, она немедленно ему открыла. Фэрн была брюнетка с большим ярким ртом, мягкими губами и ленивым голосом. Вилли представился.

— Привет, я — Вилли Тейз. Стэн Муни сказал, что вы помогли ему сбежать с Луны и можете и мне помочь добраться до Луны.

— Входи, Вилли. «Селена» вряд ли сможет подняться, по крайней мере не раньше, чем через несколько месяцев. Мне срочно нужно поразвлечься. Здесь совершенно нет воды. Как ты смотришь на то, чтобы вымыть меня, например, облизать всю языком?

Роскошная брюнетка Фэрн говорила совершенно серьезно, хотя было ясно, что имелось одно определенное место, в котором бы она особенно хотела ощутить язык Вилли. Они разделись, сняли свои Плащи Счастья и легли в постель, но потом вдруг оказалось, что Вилли не может сделать ничего, ну совсем ничего.

В течение многих лет Вилли занимался только киберсексом с порновидди, с запрещенными цефазаписями, в чат-приватах, при помощи теледилдоники и тому подобного. Когда дело доходило до того, что ему представлялась возможность заиметь настоящую живую подружку во плоти и крови и заняться с ней любовным актом, перед ним неизменно возникали почти неразрешимые проблемы. Раньше Вилли списывал проблемы на неудачу или на свою неуклюжесть, но вот теперь, в кровати Фэрн, он вдруг до конца понял всю ужасную правду.

— Я не могу, Фэрн. Я просто не в состоянии представить себе, что займусь этим с живым человеком.

— Даже простым способом, «по-миссионерски», даже так трахнуть меня не сможешь?

— Нет… потому что я представить себе это не могу. Я хочу сказать, что вся эта кожа, и волосы, и выделения тела, а потом пот…

Вздрогнув, Вилли быстро поднялся с постели и поспешно оделся.

— Ты что, гей?

— Нет! Секс с мужчиной был бы еще хуже. Все это про голубых, что я смотрел, было просто ужас. Обычно я пользуюсь гетеропорно.

— Ты пользуешься гетеропорно, но ни разу не трахался с женщиной? И все, что ты видел до сих пор, — только порнуха?

— Как бы сказать, иногда я занимался интерактивным сексом с женщинами по Сети. У меня были такие периферийные устройства, которые можно было подключать к цефаскопу. Как бы там ни было, у меня ни разу не оказывалось, что тот, с кем я… ну в общем, что этот человек не женщина.

— Тогда почему бы тебе не вернуться в постель, чтобы мы могли потрогать друг друга тут и там? Ведь я *точно* женщина.

— Не могу, Фэрн, просто не могу. Ты очень привлекательная женщина, и я с удовольствием бы занялся этим с тобой по удаленной связи. Но лично, лично я заняться этим не могу.

Лежащий на полу Улам крепко прижался к Плащу Счастья Фэрн.

— Мы хотим слиться, — сообщил Вилли Улам, голос которого раздавался из гибкой мембраны на теле Плаща. — Ее зовут Флонси.

— Ясно, — ответил Вилли. — Очень приятно познакомиться. Тебе повезло, Улам. Ты не возражаешь, Фэрн?

— Что тут скажешь, если ты слишком хорош, чтобы спать со мной, пусть хоть твой Плащ трахнет мой, — резко ответила Фэрн. — Премного благодарна за визит. Если бы у нас были собаки, мы бы тоже могли их познакомить, а потом смотреть, как они трахаются. Что ты за парень, Вилли, городишь какую-то чушь! Таких извращенцев, как ты, я еще не видела.

— Не злись, Фэрн, — ответил Улам. — Вилли гений, самый первый и главный среди лимп-инженеров. Мы вместе с ним придумали план, как продавать ДИМ через «Рынок Малышей». Разве не для того, Фэрн, ОСЦС отправила «Селену» и тебя вниз, чтобы ты распространяла здесь имиполекс? Вилли — именно тот человек, который претворит этот план в жизнь. А я — тот молди, который сделает Флонси счастливой. Мы поняли, что жить друг без друга не можем. Высокий интеллект Флонси доставляет мне нескончаемую радость, после месяца общения с тупыми кусками имиполекса, этими животными, которые расползлись по всей округе, вырвавшись из грузового трюма «Селены».

— Так ты собрал всех этих имиполексовых слизняков? — спросила Фэрн, заворачиваясь в простыню и усаживаясь в постели. Ее лицо просияло. — По крайней мере хотя бы одна хорошая новость. Я уже думала, что весь груз потерян. И сколько тебе удалось собрать, Улам?

— Двадцать слизняков. В каждом примерно по пятьдесят килограммов, что составляет одну тонну из десяти, которые ты привезла на Землю. Очень много имиполекса было уничтожено огнем, с которым к кораблю прибежали эти тупоголовые создания плоти. Что касается других слизняков, то я думаю, что они

доползли до океана и скрылись от нас навсегда.

— А что это за ДИМ, о которых говорит Улам, Вилли? Каким образом вы хотите их делать?

— ДИМ — это маленькие кусочки дизайн-имиполекса, прошедшего предварительную программную обработку, предназначенные для замены вышедших из строя чипов в компьютерах и техники, вот что такое ДИМ, Фэрн. Каждый ДИМ весит около одного грамма. Улам собрал достаточно имиполекса, чтобы мы смогли изготовить миллион ДИМ. Я уже разработал основу дизайн-процесса. Я использовал архитектуру, подобную параллельно-трубчатой структуре на основе фрактальных каскадов Фенгбаума. Эта схема отлично соответствует тому, для чего будут предназначены имиполексовые ДИМ; я поверить не могу в то, что сам все это придумал. Улам может запрограммировать ДИМ одним прикосновением, мне нужно только объяснить ему, что нужно делать. Для того чтобы Уламу было понятнее, я создал специальный новый язык программирования. Я назвал этот язык Лимплан-1, это первая версия.

— И ты все сделал это для нас, Вилли, для людей? Ты точно уверен, что не хочешь трахнуть меня?

— Да, если мы проделаем это, находясь в разных комнатах. Но проклятая Сеть сейчас не работает. Конечно, мы можем соединиться, используя Улама и Флонси.

Наконец, Флонси тоже решила подать голос. Голос Флонси был мелодичный и низкий, похожий на голос Фэрн:

— Сначала нам с Уламом нужно лучше узнать друг друга. Может быть, потом мы поможем и вам соединиться тоже. Но это немного погодя. Можем мы выйти на улицу, Фэрн?

— Конечно. Я не собираюсь управлять рукой Вилли, чтобы он мог кончить, да еще дистанционно. Думаю, нам с тобой, Вилли, лучше остаться хорошими друзьями. В мире для меня достаточно мужчин, так же как и для тебя достаточно порнухи.

— Договорились.

Флонси и Улам вышли на улицу и улеглись рядом с плавательным бассейном, давно не чищенным и потому зеленым от водорослей. Рожденные на Луне разумные пластиковые существа, молди, начали с прикосновений друг к другу — сначала медленных и осторожных, потом все более и более сильных.

— Как романтично, — ядовито сказала Фэрн и оделась. — Давай теперь поговорим о делах, Вилли, о том, что ты там задумал с ДИМ. Для каких машин или компьютеров ты выпустишь первую партию?

— Пока нет электричества, нет смысла делать ДИМ для бытовых приборов, миксеров и прочего.

— Может быть, мне удастся получить разрешение на запуск электростанции, — задумчиво проговорила Фэрн. — У ОСЦС большие связи. Пока же — как насчет того, чтобы наладить хотя бы одну машину?

— Без проблем. Думаю, что мне удастся изготовить ДИМ взамен карточки контроллера в двигателе автомобиля.

Через неделю Вилли и Улам изготовили двадцать ДИМ для установки в двигатели машин. Они установили первый ДИМ в старый пикап Луизы, после чего Вилли, Фэрн, Улам и Флонси покатили к «Рынку Малышей».

Зрелище подъехавшей к Рынку работоспособной машины произвело сенсацию. Через полчаса все двадцать ДИМ были проданы. Само собой, «малыши-шутники» обратили внимание на машину и на суету вокруг нее, и двое из их банды вышли из «Красного Шара» поговорить. «Малыши» представились как Аарби Кид и Пол-Пола.

Пол-Пола представлял собой не слишком приятное зрелище — толстый, рыхлый мужчина за сорок с колючей щетиной на голове, щеках и подбородке. Во рту у него не хватало ровно половины зубов с одной стороны, отчего эта сторона его лица ввалилась внутрь. Пол-Пола говорил очень невнятно, шепелявил и булькал.

При этом Аарби был молод и отлично сложен, на его гладко выбритой голове очень точным лазерным способом были вытатуированы языки пламени, с одной стороны синие, с другой — красные. Языки пламени также вылетали из глаз Аарби. Его зубы были белые и ровные; кожу покрывал приятный коричневый загар. Похоже было, что именно Аарби тут всем заправляет, и Пол-Пола прислушивался к его мнению, потому Фэрн сразу же положила на Аарби глаз.

— А мотоцикл мой сможете завести? — спросил у них Аарби.

— Мы сделаем это, — ответил Улам с заднего сиденья пикапа Луизы.

Аарби уставился на Улама и Флонси.

— А это кто такие, черт возьми? Что это за дерьмо — говорящие слизняки? *Тьфу!*

— Мы молди, — объяснил Улам. — Здесь, на Земле, очень скоро будет много таких, как мы.

— Не забывай, что это благодаря им мы сможем починить твой мотоцикл, — наставительно произнесла Фэрн. — Кроме того, что на этом можно заработать, одна из причин того, что мы продаем ДИМ людям, это то, что таким образом можно заставить

их привыкнуть к молди.

— А я уферен ф том, фто Фефн фсе смошет починить пфи помощи своей киски, — прошепелявил Пол-Пола, отчего Аарби громко и грубо рассмеялся, словно гиена — визгливо, продолжительно. Вилли вздрогнул, словно его ударили по лицу, но сдержался, контролируя ситуацию.

— Мы многое слышали о том, что вы, «малыши-шутники», стали тут важными шишками, — спокойно сказала Фэрн. — Поэтому мы дорожим хорошими отношениями с вами. Почему бы тебе, Аарби, не позволить Уламу взглянуть на твой мотоцикл, чтобы он смог узнать спецификацию установленных в двигателе чипов? Когда Улам заведет мотоцикл, я не стану возражать, если ты пригласишь меня на долгую и приятную прогулку.

— В самом деле? — удивившись, осклабился Аарби. — Ты так говоришь? А кто он такой, Улам?

— Вот он я, зри меня, создание плоти, — проговорил Улам, выплывая из раскрытого окна пикапа. — Так где твой механический скакун, создание из плоти?

Аарби выкатил свой мотоцикл из дверей «Красного Шара», и Улам осторожно извлек поврежденный чип из управляющей карточки двигателя. На следующий день Вилли и Улам изготовили аналогичного размера ДИМ, контролирующий работу двигателя, а Фэрн провела с Аарби ночь.

Еще через день Фэрн выдала Аарби ДИМ для всех остальных мотоциклов «малышей-шутников», в обмен на что Аарби, который, конечно же, оказался главарем шайки, согласился обеспечивать транспортировку и охрану нового предприятия. Для того чтобы сбить Гимми со следа, ОСЦС зарегистрировала новую компанию Вилли и Фэрн в Южной Африке под названием «Мбанджи ДеГроот», сделав Вилли президентом, а Фэрн главным исполнительным директором. Старая Луиза предложила свернуть дело в ее гараже и куда-нибудь перебраться, поэтому Вилли и Улам арендовали старый танцзал неподалеку от гриль-бара, известного под названием «Стариковское место». Фэрн и Флонси стали работать вместе с ними.

Как только молва о ДИМах фирмы «Мбанджи ДеГроот» разнеслась по округе, спрос на их продукцию вырос неимоверно. «Малыши-шутники» ездили по улицам и собирали запросы на ДИМ, развозили заказы, а также обменивали или покупали беглых ДИМ-слизняков, которых удалось поймать людям своими силами.

Для того чтобы повысить выпуск продукции, «Мбанджи ДеГрооту» требовалось электричество, чтобы запустить купленные механические резаки для приготовления исходных

порций имиполекса, которые потом программировались как ДИМ.

Фэрн, как и обещала, использовала свои связи в ОСЦС, для того чтобы Вилли и Улам смогли подписать контракт на замену вышедших из строя компонентов в местной электростанции и распределительных подстанциях, благодаря чему проблема электричества для них самих и половины Флориды была решена.

Улам и Флонси проводили время очень весело и активно, занимаясь любовью, и четыре раза создавали детей, результатом чего было четыре их совместные копии, произведенные на основе пойманных имиполексовых слизняков, в которые они клонировали свое объединенное программное обеспечение. Своих детей они назвали Винкен, Блинкен, Тод и Нод. В считаные дни достигнув зрелости, дети Улама и Флонси тоже принялись за работу в «Мбанджи ДеГроот», помогая производить ДИМ своим родителям.

В обязанности Вилли до сих пор входило программирование на языке Лимплан-1 (хотя к тому времени был уже создан Лимплан-2), для того чтобы каждый новый ДИМ мог управлять тем или иным устройством; он работал не разгибая спины, работы было столько, что у него не хватало на все сил и времени.

Наступило время, когда люди, наконец, поняли, кто такой на самом деле Вилли, и было произнесено несколько угроз, его даже обещали убить. Из Вашингтона явились четверо официальных лиц Гимми, приехав на броневике «ХумВи», настолько древнем, что в его двигателе не было установлено ни одного чипа. Слух о том, что Гимми хочет забрать Вилли, разнесся мгновенно, и огромная толпа жмуриков собралась около «Стариковского места» вокруг броневика Гимми. Броневик раскачивали так, что тот чуть не опрокинулся.

Аарби и несколько «малышей-шутников» отогнали толпу и позволили представителям Гимми войти в здание «Мбанджи ДеГроот», где теперь был организован магазин. Глава делегации Гимми, нервничая, зачитал краткий ультиматум о том, что если все производство ДИМ не будет сейчас же перенесено в Вашингтон, штат Колумбия, где будет использоваться для целей защиты и безопасности Гимми, то всех сотрудников «Мбанджи ДеГроот», и Вилли в первую очередь, упекут в тюрьму.

— Эй, Аарби, мошет, нам плиштрилить их прямо шейчас? — спросил Пол-Пола, поглаживая своего «уродца о-джи», ружье с зарядом в тысячу квантовых капсул размером с квартовый пакет молока. На улице жмурики орали и требовали немедленного пролития крови служащих Гимми.

— Мы так и сделаем, если только эти джентльмены не согласятся принять контрпредложение, — насмешливо ответил

Аарби. — Джентльмены, вы согласны выслушать нас?

Официальные лица Гимми вернулись в Вашингтон с рекомендациями дать для Вилли Тейза полную амнистию от всех прежних обвинений и приговоров, а также принесение извинений ввиду его огромной публичной деятельности по восстановлению промышленности и пользы для всей нации. Через некоторое время из Вашингтона поступило решение об амнистии, и с этих пор Вилли был свободным человеком, больше не предателем расы людей.

С Луны прибыла вторая ракета с грузом имиполекса, что позволило Уламу и Флонси произвести на свет еще четырех своих детей: Флопси, Сквид, Шамбалла и Циннабар. Винкен, Блинкен, Тод и Нод образовали пары и зачали еще восемь детей-молди: Стенки, Пенки, Гроган, Флиббертиггибет, Дик, Давна, Нерф и Моана. Все восемнадцать молди, включая новорожденных, занялись производством и программированием новых ДИМ путем «наложения рук», как они сами называли этот процесс, но все равно производительность «Мбанджи ДеГроот» была слишком мала, чтобы удовлетворить потребность всего мира.

— Знаете что, мне хочется научить всех писать программы и программировать свои ДИМ при помощи языка Лимплан-3, — сказал как-то Вилли Фэрн, когда они в редкий день отдыха плавали в океане. Надев вместо скафандров свои Плащи, Улама и Флонси, они ныряли около рифов. — А то я слишком много работаю, так невозможно. И потом, все уже начинает повторяться. А я ненавижу повторения.

— Тогда тебе нужно организовать молди и наладить при помощи ДИМ телефоны и виззи, чтобы Сеть снова заработала, — ответила Фэрн, передав свои мысли Вилли при помощи Улама и Флонси. — Тогда ты сможешь разработать и создать набор Разработки лимп-программ. Назовем его РЛП.

— Отлично, Фэрн, но понимаешь, что во всех устройствах Сети используется, наверное, миллиард различных чипов? Мне совсем не улыбается хакать каждый отдельный телефон и виззи, добираться до чипа и делать специальную ДИМ-вставку. Моя идея состоит в том, чтобы продавать людям инструмент, при помощи которого они смогут создавать вставки собственными силами. Если бы в нашем распоряжении имелась телефонная линия, для того чтобы распространить РЛП, я мгновенно бесплатно бы раздал всем исходный код ДИМ, только чтобы люди начали сами что-то делать.

— Тогда тебе нужно изобрести какой-то новый вид телефона, — подытожила Фэрн.

Вилли затих на минутку.

— Да! — наконец воскликнул он. — Один большой и окончательный хак. Нужно будет придумать оптимальную архитектуру и создать новый телефон, но полностью из имиполекса. Люди будут разговаривать по этим телефонам точно так же, как мы сейчас разговариваем с тобой при помощи наших Плащей: эти телефоны будут работать как карманные радио. И тогда нам не нужно будет вообще заниматься ремонтом общей телефонной системы. Эта технология все равно отмерла. Наши телефоны будут разговаривать друг с другом напрямую, мгновенно и самостоятельно создавая подпрограммы соединения от узла к узлу, и все такое.

— И какого размера будут эти новые супертелефоны?

— Для каждого понадобится, наверное, граммов по сто имиполекса, если устройства окажутся именно такими, какими я сейчас их себе представляю. Но, эй, мне не нравится это название — «супертелефон», я назову его… да, *ювви*. Юююввии. Звучит так уютно.

— И людям придется втыкать провода себе под кожу. Многим это не понравится.

— Нет, мы сделаем так, что все будет работать без проводов, — ответил Вилли. — Будем использовать имеющуюся технологию цефаскопов. Полимерный сверхпроводник для комнатной температуры, способный создать направленный поток электромагнитной энергии, воздействующей на нервную систему человека. Единственная причина, по которой наши Плащи используют датчики-иглы, состоит в том, что им было лень хакнуть для себя апгрейд. Не говоря уж о том, что лунным молди наплевать на удобства людей — без обид, Улам и Флонси.

Таким образом, Вилли изобрел ювви и организовал производство приборов на Луне на базе ОСЦС. Скоро корабли ОСЦС начали доставку ювви на Землю. Кроме того, на Землю доставлялся и чистый имиполекс, который охотно покупался местными предпринимателями, согласными платить за несколько тон миллионы долларов. Кроме того, на борту кораблей на Землю прилетало много молди-иммигрантов. Обратно на Луну корабли возвращались полные тысячами баррелей сырой нефти, из которой лунные фабрики ОСЦС изготавливали новый имиполекс.

Как только корабль ОСЦС совершал посадку в вашем районе, вы могли приобрести себе ювви для загрузки бесплатного программного обеспечения, способного превращать маленький кусочек инфицированного чипоедом имиполекса в ДИМ, способный исполнять любую небольшую кибернетическую задачу по вашей необходимости. Само собой, вы могли также отрезать кусочек имиполекса от вашего ювви, из него тоже мог выйти

ДИМ, хотя при этом ювви мало-помалу теряло свою функциональную способность, так что покупать имиполекс у ОСЦС вам все равно приходилось, хотя бы для того, чтобы восстановить ювви.

Само собой, даже когда у вас был ювви и свой кусок имиполекса, вам все равно был нужен молди для того, чтобы запрограммировать ДИМ — совершить последний шаг, так сказать. Таким образом, вам приходилось идти на поклон к местному молди и платить ему или ей деньги за программирование вашего ДИМ, одного или нескольких, сколько вам было нужно. Молди с охотой брались за такую работу, потому что им нужны были деньги, чтобы покупать имиполекс для воспроизводства детей.

Другой коммерческий взгляд на новую экономику состоял в том, что в случае, если у вас не было программы для того или иного вида ДИМ и подобной программы не было в списке бесплатного программного обеспечения, вам приходилось платить программисту, чтобы тот написал для вас программу, или же писать программу самому. Совершенно необходимым инструментом для написания программ для ДИМ был комплект для Разработки лимп-программ Вилли Тейза, поступивший в продажу одновременно с Лимпланом-4, последней, как он сам клятвенно заверял, версией языка, который можно было загрузить у «Мбанджи ДеГроота», купив лицензию за весьма небольшие деньги.

Весь описанный цикл создал за считанные мгновения совершенно новую экономику, обогатившую и улучшившую благосостояние всех, кто имел к ней какое-то отношение. Единственными, кто считал себя ущемленным в этой ситуации, были «наследники», от души ненавидевшие вид и запах чужеродных молди. Но основная масса людей не обращала на «наследников» никакого внимания; удобство новой лимп-инженерии перевешивало все вообразимые минусы соседства с молди.

К концу сентября у Вилли и Фэрн появилось гораздо больше свободного времени. Весь бизнес был автоматизирован. Двое партнеров теперь проживали в дорогих номерах мотеля высшего класса. Вилли много занимался подводным плаванием, а Фэрн сосредоточила свои усилия на ремонте «Селены». К середине октября ремонт был почти закончен. Они договорились, что отправятся вдвоем на Луну, она и Вилли, и была назначена дата отлета, 2 ноября 2031 года. Вилли хотел полностью убедиться в том, что дело, начало которому положил он, движется в правильном направлении. Если это окажется так, то процесс

пойдет и без него по накатанной, а Вилли ужасно не любил повторений.

За неделю до отлета Вилли наткнулся на Фэрн, забавлявшуюся в бассейне с Аарби Кидом. Как быстро понял Вилли, Фэрн и дня не могла прожить, чтобы не отведать своей любимой забавы, наркотика под названием «слив».

— Мы в «Красном Шаре» никогда не пробовали слива, — сообщил потом Аарби. — Я так понимаю, на Земле эту дурь не просто достать. Слышал, что слив водится на Майами-Бич. Трехсексуалы сидят на этой штуке.

— Я хочу слиться с тобой, Аарби, — сказала Фэрн.

— Я все перепробовал, Фэрн. Что ж, можно скататься на Майами-Бич на моем байке, там мы сможем заброситься сливом, и плескаться, и миловаться в любовном супе хоть всю ночь напролет.

Так Аарби и Фэрн отправились на южный Майами-Бич, чтобы надыбать там слива. Вилли, которому совсем не улыбалось сидеть вечером дома одному, решил прокатиться в Луисвилль. Он попросил внучку Улама, сильную молди по имени Моанна, перенести его по воздуху до города, за что заплатил ей два нанограмма квантовых капсул и пять килограммов имиполекса.

В конце лета родители Вилли наконец развелись. В первую очередь он решил повидать мать. Мама жила в старом семейном доме на Истерн-авеню. Моанна опустила Вилли на знакомом заднем дворе — казалось, что ему это снится, ведь он опустился с неба туда, где провел за играми счастливое детство. Моанна сказала, что ей хотелось бы пройтись по городу одной, и они договорились с Вилли, что встретятся в этом дворе завтра в полдень. Моанна приняла облик собаки и затрусила по улице прочь.

Вилли огляделся по сторонам, высматривая знакомые приметы. Вон в песке торчит наполовину засыпанный зеленый пластмассовый солдатик, из тех, которые когда-то принадлежали ему. Какое счастливое было тогда время, как хорошо ему было здесь играть на солнышке без забот. На глаза Вилли навернулись слезы, и он глубоко вздохнул. Его детство прошло, и как-то вышло, что он вырос, но превратился во что-то гораздо меньшее, чем обыкновенный мужчина.

В доме Вилли нашел свою мать, как обычно энергичную и увлеченную своими планами в искусстве и ремесле, однако с новой трагической тенью на лице, причиненной неверностью Колина. Мама приготовила Вилли вкусный постный ужин и поела с ним за компанию, выпив больше вина, чем обычно. «Как приятно, что в доме есть кто-то еще, а не только я одна, — все

повторяла и повторяла она. — Я тут места себе не нахожу, все брожу и брожу по комнатам».

Ночью Вилли несколько раз просыпался, разбуженный криками Илси, которая во сне проклинала своего запропавшего неверного мужа.

— Будь ты проклят. Как же ты мог? Я тебя ненавижу. Дерьмо. Будь ты проклят, Колин.

Такая картина не могла улучшить настроения. На следующий день Вилли, надев на ноги Моанну в виде тяжелых походных ботинок, отправился в центр повидаться с отцом. Колин был профессором английского языка и преподавал в университете Луисвилля; он съехал из дома Илси, чтобы поселиться со своей новой подругой, студенткой по имени Ксюэн Тюэн. При виде Колина, в лице которого застыла неловкость, Вилли понял, что к этому моменту успел впитать в себя слишком много горечи Илси, чтобы проявить хоть сколько-нибудь дружелюбия к отцу. Гораздо легче у него сложился разговор с Ксюэн, новой подружкой отца.

Ксюэн была дружелюбной приветливой круглолицей вьетнамкой с кентуккийским выговором.

— Зови меня просто Сью, — сказала она Вилли, который сразу же начал спотыкаться на сложном имени. — Сегодня в клубе здоровья «Ла Мираж» устраивают большую вечеринку в честь Хеллоуина, ты можешь прийти, если пожелаешь. Я хочу затащить туда твоего отца. Кузина Делла тоже должна прийти.

— Что ж, костюм у меня заготовлен первый сорт, — сказал Вилли.

— Что?

Вилли похлопал себя по тяжелому ботинку:

— Это Плащ Счастья, с которым я сюда прилетел. Ее зовут Моанна. Я могу носить ее на себе, покрывая все тело.

— И заставить ее принять любой вид?

— Совершенно любой, какой мне захочется. Придумал! У меня будет костюм женщины, большой голой женщины.

Вилли был доволен, что при этом ему удалось уколоть Колина, который постоянно опасался того, что его взрослый неженатый сын, возможно, скрытый гей.

На вечеринке «костюм амазонки» Вилли возбудил внимание Сью Такер, симпатичной бисексуалки, подруги водопроводчика из Кентукки, воспылавшей к нему амурными чувствами. Вечеринка пошла во все тяжкие самым диким образом, и вышло так, что в этой уникальной для него ситуации Вилли, полностью упакованный в костюм молди, первый и последний раз в жизни совокупился с настоящей живой женщиной, бисексуалкой Сью Такер. В заключительный момент интимной связи, под влиянием

глубинного репродуктивного импульса Вилли велел Моанне открыть кончик его пениса — с тем, чтобы позволить своей сперме проникнуть в утробу женщины, в первый и последний раз. Таким вот образом вышло — хотя правда открылась лишь много лет спустя, — что Вилли Тейз стал отцом Ренди Карла Такера.

Когда Вилли потом вернулся обратно во Флориду, «Селена» уже была готова к отлету, и он вместе с Фэрн отправился на Луну. Аарби остался на Земле, и Улам с Флонси тоже, и все их дети и внуки. Земля, с ее богатейшими информационными полями, была краем обетованным для молди, и никто из них не желал возвращаться на Луну, где жизнь была тяжелой.

Когда «Селена» опустилась в космопорте Луны, встречать Вилли вышли сотни людей и молди. Если обитатели земной грязи по сию пору сомневались в роли Вилли, то у Луны не было сомнения в том, что Вилли являлся героем и спасителем цивилизации. Благодаря Вилли открылся огромный рынок для произведенной на Луне лимп-продукции, лунные молди получили право иммигрировать на Землю, где так легко можно было найти хорошую работу. То, что Вилли был внуком Кобба Андерсона, также играло для обитателей Луны не последнюю роль.

ОСЦС устроила шумную и роскошную вечеринку в честь прибытия Вилли. Вечеринка проходила на верхней площадке дома штаб-квартиры компании — одного из самых высоких зданий в Эйнштейне. На вершине огромной усеченной пирамиды имелась просторная площадка, всего в пятидесяти футах над которой находился купол Эйнштейна. Сквозь купол отчетливо видна была россыпь звезд и повисший в небе шар старушки Земли.

Пол террасы был вымощен сложным мозаичным узором из серебряных с золотом плиток Пенроуза: «Забавные цыплята». Беседки, увитые выращенными быстрым способом на основе гибберлиновой подпитки фруктовыми растениями, высились по краям площадки. Растения были увешаны такими редкостными деликатесными плодами, как вишневые томаты, мандарины, черника и виноград — настоящие живые ягоды и фрукты для пикника. Гости прибывали и улетали на летающих магнитных аппаратах, зовущихся *магги*; магги функционировали вновь благодаря новой ДИМ-технологии, основанной на использовании набора Разработки лимп-программ.

Фэрн провела Вилли между собравшимися, представляя гостям. Местный глава отделения ОСЦС был желтокожим мужчиной со странными вертикальными морщинами на лице.

— Вилли, это Бей Нг, — представила их друг другу Фэрн.

— Привет, — поздоровался Вилли.

— Рад приветствовать лично нашего лучшего служащего, — ответил Бей.

— Но я не служащий компании, — протестующе ответил Вилли. — Я президент «Мбанджи ДеГроот».

— Да, конечно, но «Мбанджи ДеГроот» — дочерняя компания ОСЦС. Как ни крути, но ты работаешь на меня, Вилли. Но только в той мере, как это самому тебе кажется необходимым. А ведь ты и без того успел столько, сколько иному не под силу за всю жизнь. Не нужно говорить, что с данного момента, что бы ни случилось в будущем, ОСЦС будет продолжать платить тебе пожизненную ренту за использование патентов и авторских прав на продукцию, которую ты разработал для нас на посту президента «Мбанджи ДеГроот».

— Я предоставил вам в использование свои авторские права на изобретения? На Лимплан-4? На РЛП и ювви?

Бей рассмеялся со значением.

— Вы, изобретатели, всегда так впечатляюще наивны. Не берите все это в голову, молодой человек. У вас будет столько денег, сколько вам понадобится. Эй, Фэрн, дай-ка парню закинуться.

Фэрн ловко увела Вилли к бару и подала ему сниффер со сладким маслянистым ликером.

— Давай, Вилли, это очень приятно, — предложила ему Фэрн. — Встречай рассвет.

Потом Фэрн заметила кого-то на другой стороне террасы.

— Это мой старый приятель, мой слив-бойфренд Рикардо. Мне нужно поздороваться с ним. Эй, привет, Кардо!

Фэрн стрелой унеслась прочь, и Вилли ничего не оставалось, как повернуться и завести разговор с большущим молди, стоящим возле стойки, весьма импозантным змееподобным существом, темно-красный имиполекс которого отливал металлическим блеском.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, мистер Тейз, — ответил ему молди. — Меня зовут Гардл. Я один из известных ученых Гнезда. Я хочу выразить вам благодарность за то, что вы открыли для моей расы Землю. Я хотел спросить вас, планируете ли вы обновить версию вашего языка лимп-программирования? Например, до Лимплан-5? Мои коллеги и я сам имеем в запасе несколько идей по поводу того, каким образом можно улучшить язык.

— Улучшайте сами, как знаете, — ответил Вилли, потянув крепкого ликера. — Код языка распространяется бесплатно. Если у молди есть разум, то им не составит труда применить лимплан

для своих целей, так же как и РЛП. Что касается меня, то я закончил этим заниматься. Сейчас у меня другие планы, хочу заняться чем-нибудь новым. Ты, наверное, знаешь, что я начинал как цефаскоп-художник.

— Значит, у создателя Лимплана душа художника, — задумчиво проговорил Гардл. — Что ж, я этому совсем не удивлен. Искусство — это высшая форма общения. В искусстве представляется возможность полностью раскодировать всю свою душу. По правде сказать, этот вопрос меня давно и очень сильно интересует.

— О чем ты говоришь? О дистанционной передаче своей личности другому молди?

— Как быстро вы схватываете самую суть! По сути дела, *я уже* имел опыт передачи своей личности, когда занимался сексом с молди женского пола и запрограммировал ребенка. Но совершенно верно, именно дистанционная передача личности лежит в основе моих текущих исследований. В частности, я вывел гипотезу, что подобная передача личностных матриц пронизывает всю вселенную. Я верю, что передача огромного числа личностей происходит непрерывно и повсеместно, — даже сию секунду мимо нас густым потоком проносится огромное количество душ. Я также считаю, что только отсутствие необходимой технологии не дает возможности этим душам оказаться уловленными тем или иным приемным устройством. Для того чтобы стало возможным претворить в жизнь то, что я беззастенчиво называю Раскодированием Гардла, нужно совершить еще не одно техническое открытие. Для этого потребуется, может быть, не один десяток лет. Двадцать лет — семь жизней молди.

Крепкий наркотический коктейль наконец ударил Вилли в голову, и он уже с трудом поспевал за рассуждениями Гардла. Если прислушаться внимательно к тому, что говорил ему молди, то можно было запросто решить, что тот спятил. И чем это от него так воняет? Как от плесневелого перезрелого сыра, смешанного с гниющей падалью.

— Я основываю свои умозаключения на информационно-теоретических предпосылках, которые мои собратья находят весьма здравыми и привлекательными, — продолжал тем временем Гардл. — В частности, я использовал результаты анализа космического излучения. Но я вижу, что ваш разум витает где-то в другом месте, мистер Тейз. Это празднество не самое удачное место для того, чтобы вдаваться в детали. Если хотите, я приглашаю вас посетить мое жилище в Гнезде, где мы могли бы продолжить наш разговор.

— Было бы здорово побывать в Гнезде, — туманным голосом

произнес Вилли. — Но только не сейчас. Мне еще нужно устроиться.

— Я свяжусь с вами в полдень, — сказал Гардл. — Хочу еще раз сказать, что я очень рад был повстречаться с вами.

Остекленевшими глазами Вилли проследил за тем, как вонючий змееобразный молди розового цвета уполз прочь.

И снова перед носом Вилли маячил способный вывести кого угодно из себя полный начальственной надменности Бей. Рядом с ним стояла плотно сложенная женщина-камбоджийка — или, может быть, это был мужчина? — с длинными светлыми волосами.

— Бей сказал, что ты собираешься найти место для ночлега, так, Вилли? — спросил его морф, положив чуть дрожащую руку на грудь Вилли. — Меня зовут Ло Тек. Я занимаюсь приемом и устройством гостей ОСЦС. Завтра мы займемся тем, что подыщем для тебя какую-нибудь собственность. Если у тебя сейчас есть минутка, я хотел бы получить от тебя какие-нибудь личные данные, для того чтобы сузить…

— Спасибо, но я уже решил, что пока поживу в отеле «Эйнштейн-Луна», — ответил Вилли и отвернулся, сбросив с себя руку. Он взял со стойки бара другой напиток — на этот раз просто воду — и быстро прошел через террасу, присоединившись к троице заметных персонажей, имеющих прелюбопытный внешний вид: парень без рубашки с гребнем-ирокезом на голове, длинный конец которого спускался до самого его копчика, девушка с роскошным телом и длинными вьющимися волосами, приземистый мужчина с аккуратно подстриженной эспаньолкой в виде правильного треугольника. Они передавали друг другу курительное устройство, из которого дым не шел, но которое сложным видом напоминало небольшую установку по очистке вещества.

— Привет, ребята, — поздоровался Вилли. — Отсюда отличный вид.

— Вилли Тейз! — воскликнул человек с эспаньолкой. В его голосе слышалась постоянная насмешка, но при этом было похоже, что человек он весьма общительный и открытый. — Добро пожаловать в Карманный Мир. Меня зовут Кори Рипсом, а это Дарла Старр и Уайти Майдол.

— Уайти и Дарла! Прошлой весной я видел вас по виззи. Когда Стэн Муни помог Дарле убежать из Гнезда бопперов. После того, как чипоед убил всех бопперов.

— Ага, — кивнула Дарла. Ее выдающихся размеров грудь была обнажена и украшена большим количеством золотых цепочек. — Я была беременна, а теперь я мать двойни. И я могу

курить столько, сколько душе угодно. Хочешь дернуть, Вилли? Эй, Уайти, дай Вилли тяжку.

Вилли осторожно затянулся из сложного курительного устройства. На вкус курево было очень крепким, и от него немного щипало язык, как от снепа. Очень крепкое курево, похоже, с генетически исправленной структурой. Вилли еще раз затянулся, вдохнув невидимый дым, полностью очищенный от частиц и недожога, и новый наркотик наложился на выпитый прежде ликер, отчего все звуки вечеринки с мягким щелчком перешли в ненавязчиво журчащий фон, в котором главные мелодичные скрипки играли голоса трех новых друзей Вилли.

— Да, Кори сам выращивает эту травку, — объяснил Уайти, принимая от Вилли трубку. — Это здоровенные кусты монго. Кори и его заросли.

Жесткие, словно рубленые черты Уайти растянулись в блуждающей улыбке, говорящей о накрывшем его приходе.

— Братишка Кори! Расскажи Вилли о том, что ты придумал с глупышами.

— С глупышами?

— Вот именно, — кивнул Кори. — Это единственное подходящее для них название. Я много об этом думал.

— Единственное подходящее название для чего? — спросил Вилли.

— Для злобных имиполексовых игрушек, — ответил Кори. — Имиполекс — это отличное новое вещество. Очень похоже на глину, только живое. Глупыши — это игрушки, только игрушки развратные и для взрослых. У меня есть план сделать зверюшек, вроде домашних питомцев и мистических животных. Но сейчас я работаю над другой серией — в первую очередь я решил сделать трехмерные копии известных лого рекламных персонажей. Мальчика-Пончика. Барби. Редди Киловатта. Убийцу с Запада. Толстяка. Птицу-крикуна. Вектора. Медведя Хохотуна. Тедел Тора. Шефа Кабана. Демона Помощника. Каждому из них я установлю ДИМ, чтобы они могли бегать по комнатам и делать простые штуки, устраивать представление для гостей, выскакивать из засады и прочее. Но делать их настолько же умными и автономными, как молди, я не собираюсь. Каково твое мнение, Вилли, по поводу такой идейки? Можешь взглянуть на мои труды, посмотреть, что я тут напахал. У меня еще есть *фильтр* — это почти то же, что цефаскоп, только интерактивная штука.

Кори достал из кармана ювви и прилепил Вилли на шею. В поле зрения Вилли немедленно появилось с дюжину изгибающихся, словно резиновые, существ, гармонично

совместившихся с участниками вечеринки. Некоторые из фигур, например Вектор, были знакомы Вилли, хотя и искажены. Беспечная Тедел Тора подбежала к ним на своих ногах-свитках и развернулась подобно большой книге, открыв священные иудейские тексты, извивающиеся по страницам, подобно бесчисленным рядам змей, Птица-крикун неуклюжими прыжками выбежала вперед и принялась склевывать со страниц Тедел Тора буквы, словно бы это были червяки, истекая слюной и что-то бормоча, покуда проделывала это. Сферы Вектора мгновенно все разъединились и — хлоп! — одна за другой метнулись вперед в лицо Вилли, и сразу же оказалось, что это и не сферы вовсе, а искусно смоделированный трехмерный Мандельбротовский набор. Вилли вздрогнул и поморщился, но продолжал следить за происходящим. Представление было выполнено на самом высоком уровне и действительно захватывало дух. На другой стороне террасы Барби опустилась на колени и устроила Убийце с Запада отличный глубокий минет, как это умеет делать одна только Барби, от чего у Убийцы вывалились из рук кольты, а с губ сорвались стоны. Хромированный Демон Помощник твердым шагом направился к Вилли и молча предложил ему банкнот в сто миллиардов долларов. Шеф Кабан полоснул себя острым ножом по раздутому животу, потом принялся наполнять тарелки дымящейся требухой и предлагать кушанье гостям. Медведь Хохотун схватил нож Шефа Кабана и ловко и быстро порубил Мальчика-Пончика на кусочки, которые Редди Киловатт мгновенно запек, полоснув по ним золотыми молниями, вылетающими из кончиков пальцев. Шоу непрерывно развивалось, делаясь все более и более диким. Наконец, Вилли поднял руку и снял ювви.

— Это круто, Кори, по-настоящему. Должно быть, ты долго над этим работал?

— Не слишком усердствовал. Образы-то стандартные. Кроме того, я использовал кое-какой коммерческий мультипликационный софт, для того чтобы запрограммировать поведение каждого персонажа. Я уже много лет занимаюсь такой чепухой.

— Кори тусуется в Сети уже лет десять, — объяснил Уайти. — Известный хакер. Он разукрашивает рожи виззи-звезд своими программами-накладками, подменяет рекламные ролики порнухой своего собственного изготовления. Ты знаешь о том, что на Луне больше не крутят корпоративные новости, потому что по милости Кори все дикторы становятся похожими на гигантских муравьев? Кори с ними живо управился.

— Точно. Я придушил этого дракона в зародыше, — кивнул

Кори. — Но вот сегодня я решил заняться кое-чем для себя лично. Я пытаюсь создать реальные физические объекты. Не просто самодвижущиеся логотипы, но также исторические и аллегорические фигуры. А также фигуры, олицетворяющие собой универсальные концепции. Фигуры Зиммеля для двадцать первого века. Коммивояжер знакомится с Дочкой Фермера.

— А *так* она сможет? — спросила подкуренная Дарла и, качнув грудью, каким-то образом заставила соски прыснуть несколькими тонкими струйками молока.

— Вау, Дарла, — выдохнул Уайти, сделав шаг, так что струйки молока ударили его прямо в грудь. — Ты прекрасна, детка.

— Вино лунных извращенцев, — провозгласил Кори. Вилли все происходящее казалось здорово сумасшедшим и оттого веселым.

На следующий день Вилли отправился к Кори в гости — в пятикомнатные апартаменты, вырубленные в скале в пятидесяти футах под лунной поверхностью. Квартира Кори соседствовала с жилищами других лунян, в квартале, куда можно было попасть, соскользнув по шесту в тоннель, заканчивающийся холлом с несколькими десятками дверей.

Первая комната в жилище Кори — луняне называли свои квартиры *отсеками* — немного напомнила Вилли собственную комнату, которую он оборудовал для себя в подвале в родительском доме. Повсюду валялись разные замечательные штуки, по большому счету просто утиль: сломанные механические игрушки, резиновые и пластиковые, на нескольких полках пачки сотен старинных комиксов и журналов, выпущенных в прошлом веке, раритетные статические голокастеры с арканной проекционной петлей, семнадцать антикварных ламп Лава, множество странных, но клевых рисунков и картинок на стенах, которые Кори любовно заламинировал, прежде чем повесить на всеобщее обозрение, и даже несколько совсем уж древних телевидиков. На одной из стен была развешана коллекция водяных пистолетов, навсегда оставшихся гораздо более футуристическими, чем любые современные игловики или уродцы о-джи. Позади прихожей и кухни находился спальный отсек Кори и две его студии, одна традиционная, другая в современном стиле. Традиционная студия была посвящена живописи и скульптуре, здесь на стенах висели и стояли прислоненные в углах написанные маслом полотна. Многие картины были написаны на черном бархате и были посвящены таким знаменитым историческим событиям, как вивисекция Кобба Андерсона, уничтожение Акрона, и совсем

недавний, но уже классический образ Стэна и Дарлы, выходящих из Гнезда уничтоженных бопперов: и тот и другой в зеркальных Плащах Счастья, Стэн — веселый и подвижный, Дарла смертельно усталая и на последнем месяце беременности.

Большинство скульптур находились на той или иной стадии доработанности — например, довольно большое иглу, содержащее в себе Санта-Клауса с кишками наружу, выскабливающего кюреткой зародыш Нового года, гротескно-умилительные образы королевских бабочек, кружащих возле совершенно обнаженной Алисы в Стране Чудес. Особенно странными казались задумчиво-человеческие лица бабочек…

Огромное количество произведений искусства находилось также в современной студии, содержащей обычное электронное оборудование, все совершенно недавно прошедшее апгрейд на основе ДИМ-технологии — цефаскоп-дека, голосканер, несколько ювви и стойка с S-кубами. Пол кухни Кори был усыпан золой, и сама кухня находилась в совершенном беспорядке. В спальне Кори была специально увеличена высота потолка, для того чтобы в каюту могло уместиться принадлежащее ему удивительное пятнадцатифутовое марихуановое древо.

Вилли был заворожен зрелищем этого жилища и несколько недель прожил у Кори, тусуясь вместе с ним. Он восторгался и преклонялся перед классическим шармом настоящего старого битника, который во всем чувствовался в Кори. И что лучше всего, Кори полностью разделял желание Вилли никогда не взрослеть.

Вилли начал помогать Кори в его проекте с глупышами, и они часто засиживались допоздна, укладываясь спать просто на матрасах в прихожей. Вскоре выяснилось, что Кори, который тратил все деньги на старые комиксы и ДИМ-апгрейд, нечем было платить за квартиру. По предложению Вилли было решено, что он въедет в отсек Кори, и они будут делить счета поровну. Кори сразу же согласился на этот вариант, поскольку ни разу до сих пор они как следует не ругались. Просто для того, чтобы между ними не было непонимания касательно мотивов переезда, Вилли первым же делом объяснил Кори свои сексуальные проблемы. По его словам выходило так, что, несмотря на все старания, он просто не мог заниматься настоящим сексом с реальной женщиной. Короче говоря, он был отщепенец, урод среди людей.

— Путь Онана, — провозгласил Кори. — Не помнишь, чем кончил этот парень из Библии? Подожди-ка…

Он быстро включил ювви, и после нескольких манипуляций голос произнес, цитируя Библию: «*И то, что делал Онан, отвратило Господа, и он умертвил его*». Книга Бытия, 38:10.

Кори был немного растерян.

— Ну теперь времена-то другие. Все не так плохо, Вилли. По крайней мере ты не заришься на двенадцатилетних девочек.

— А ты что, заришься на двенадцатилеточек? — неуверенно спросил Вилли.

— Время от времени я думаю о молоденьких девочках. Но руки я не распускаю. Будучи художником, я способен превратить бремя своего извращения в золото бессмертных произведений искусства. В физическом смысле я встречаюсь только с совершеннолетними девицами. Когда у меня *хватает нервов* назначать им свидания и с ними встречаться. Как правило, я предпочитаю, чтобы женщины знали, кто я такой на самом деле, и сами приходили потусоваться ко мне.

Вилли помог Кори сделать несколько первичных образцов глупышей. Как вид настоящего искусства, проект казался Вилли бессмысленно переусложненным. Вся проблема с созданием этих полуживых существ состояла в том, что приходилось балансировать на тонкой грани между бездумными ДИМ и полностью автономными и неуправляемыми молди. Все время существовало странное опасение, что их создания обретут ту или иную степень самосознания. Выходило так, что только произведя на свет полноценное существо, Вилли приходилось тут же вручную снижать нелинейные характеристики сознания новорожденного, делать его искусственно глупым, что в мире людей называлось лоботомией или даже убийством.

Одна из моделей, с которой Вилли продвинулся наиболее удачно, была *женщинкой*, куклой, изготовленной на основе симпатичной эльфийки Лероя Неймана, которую Кори продемонстрировал Вилли на развороте старого журнала, называющегося «Плейбой», в разделе юмора. Женщинка была совершенно голой, за исключением туфель на шпильках, высоких перчаток и шляпки с полями. Женщинка обожала забавляться с пенисом Вилли. Очень скоро Вилли накрепко привязался к женщинке.

Но в один прекрасный день туманное сознание женщинки неожиданно прояснилось, и она уразумела, насколько убогой была ее жизнь во имя ублажения Вилли. Женщинка дождалась, когда дверь из отсеков Кори и Вилли останется открытой, и в ту же минуту выскользнула наружу в общий холл. Насмерть перепуганная соседская дама притопнула женщинку каблуком, приняв ее за крысу. Вся эта сцена произошла на глазах у Вилли, который совершенно потерял над собой контроль; он принялся орать на соседку с такой яростью, что его пришлось схватить и тут же, на полу холла, рядом с изувеченными останками его

драгоценной женщинки, накачать успокоительным.

Вскоре после этого выяснилось, что всем соседям до смерти надоели безумные причуды и выходки Вилли и Кори, в результате чего прессинг, болтовня и скандалы со стороны окружающих стали невыносимыми, и стало ясно, что в такой обстановке лучше всего будет переехать. До сих пор Вилли и Кори уживались друг с другом, поэтому они решили подыскать новое место сообща. Посовещавшись, они решили спроектировать и выстроить свое собственное жилище, роскошный изопод, поместье в одном из кратеров за пределами Эйнштейна — эдакую просторную жилую биосферу с питательной почвой для растений и куполом, который покрывал бы весь кратер.

Стоимость подобного изопода составляла миллиарды, но в распоряжении Вилли были сотни миллионов, и ежедневно сотни миллионов поступали на его счет быстрее, чем он успевал их тратить. Кори с головой ушел в проект изопода — поместье с жилыми комнатами, студии, парник с овощами, фруктами, цветами и гигантскими зарослями марихуаны. Строительство изопода продолжалось несколько лет.

К тому времени, когда они переехали в изопод, Вилли уже полностью решил проблему создания глупышей — решение проблемы в основе своей состояло в том, чтобы принудить глупышей гомеостатически сбрасывать нелинейности собственного развития, как только в объеме памяти накапливалось некоторое количество опыта. Как только подобная обратная связь была установлена, малорослые создания продолжали существовать на сумеречной границе сознания, словно животные. Кори раздумывал над тем, чтобы наладить массовое производство глупышей, а не просто видеть в них еще один предмет выражения искусства, но Вилли пока что не брал этих планов в голову. Вместо того он занимался благоустройством изопода, время от времени добавляя особые штрихи, придающие жилищу свой колорит: живую карту Земли, такой, какой ее должен был видеть Бог, собственный бассейн, зверинец, турецкие бани, кольцевую велосипедную дорожку и прочее, и прочее. Годы уходили один за другим.

Прошло время, и дочери двойняшки Уайти и Дарлы, Джок и Йок, подросли и стали частыми гостями изопода. Но вышло так, что Кори подарил близнецам на день их рождения глупышей, результатом чего был скорый и бурный разрыв дружеских отношений, по крайней мере со стороны Дарлы. Вилли так никогда и не узнал всех подробностей. Дарла и близнецы продолжали навещать их изопод, но никогда не оставались тут надолго. Прошло еще несколько лет, и маленькая Йок стала

наведываться в изопод одна, чтобы потусоваться с Кори.

ДИМ и РЛП продолжали пользоваться неизменным спросом, но самого Вилли судьба этих творений больше не интересовала. Впечатление было такое, словно бы за краткое время лихорадочной исследовательской работы на Кокосовом Пляже в нем что-то сломалось. Уже долгое время он не проявлял ни к чему особенно большого интереса. Он превратился в нечто вроде отшельника, непрерывно медитирующего и смакующего свое одиночество. Он мог дни напролет просиживать в гущах своих марихуановых зарослей, глядя поверх кущей на россыпи звезд.

Наконец, летом 2052 года нечто новое привлекло внимание Вилли.

Все началось с приглушенного хруста, доносящегося из-под почвы в дальнем углу зарослей марихуаны, там, где купол соединялся с лунной поверхностью. Что это, лунотрясение? Или коробление пластика под лунной поверхностью? Но потом почва расступилась, образовав круглую яму, словно вход в нору огромного крота, из круглой норы в подкупольное пространство вылезла розовая имиполексовая колбаса. На боку колбасы сформировалось лицо и заговорило с Вилли:

— Вилли Тейз! Ты до сих пор так и не побывал в Гнезде! Ты срочно нужен нам. С твоей помощью, возможно, нам удастся создать первое Раскодирование Гардла.

— Так ты… Гардл?

Молди червем вытянул свое тело из норы, предусмотрительно заткнув вход кончиком хвоста, чтобы воздух изопода не выходил наружу. Тело молди было розового цвета с серебристым отблеском.

— Я Гардл-7! Прапрапрапраправнук Гардла. Ведь прошло уже двадцать лет, Вилли. Настало время тебе покинуть твой волшебный сад. Ты можешь укрыться внутри меня, как в скафандре, и я доставлю тебя в Гнездо. Там, в Гнезде, мы уже подготовили для тебя оранжерейный отсек, ни в чем не уступающий роскоши твоего изопода.

— Ты хочешь сказать, что мы поползем через эту нору? — с сомнением спросил Вилли. — Но я не хочу биться там о камни.

— Не волнуйся, потому что ты ничего не почувствуешь, ибо твое тело будет окружено моим. Я заделаю нору за собой, и утечки воздуха не случится. Идем же, Вилли. Пора тебе воспрянуть! Раскодирование Гардла имеет всекосмическое значение. Но только ты один можешь помочь нам сделать последний необходимый шаг.

7. Стэн

31 октября 2053 года

Стэн вышел из своего дома в викторианском духе, находящемся на Масоник-авеню выше Хай-стрит в Сан-Франциско. Был ранний вечер Хеллоуина 2053 года. Мимо Стэна шли оживленные группы людей, направляющихся на вечеринку в честь Хеллоуина, которая должна была состояться на Кастро-стрит. Вечеринка на Хеллоуин стала традиционным событием после непродолжительного периода смутных лет, последовавших после наступления второго тысячелетия. СПИД был побежден, наркотики легализованы, в Сан-Франциско было весело как никогда.

Стэн чувствовал себя совершенно оторванным от всего происходящего. После вчерашнего вечернего разговора с Тре Диезом он крепко закинулся камотом. Сегодня в полдень Тре позвонил снова и рассказал, что некий софтверный агент по имени Дженни обратился к нему и продемонстрировал секретную запись, на которой был запечатлен Шри Рамануджан, дающий объяснения новых математических выкладок, названных им Уравнением Мозаики. После этого Стэну позвонила сама Дженни. С виду Дженни была похожа на тощую фермерскую девчонку-тинейджера. Судя по ее объяснениям, она существовала внутри компьютера «наследников», но в то же время была очень близко связана с лунными молди. Совсем недавно Тре позвонил снова и потребовал, чтобы Стэн заплатил лунным молди выкуп за свою жену Терри, — при этом Тре был совершенно вне себя от ярости. Стэн тут же сделал несколько звонков на Луну и постарался все уладить, потом позвонил Тре и сказал, что с Терри все разрешилось благополучно, после чего принялся грузиться веществами, как он это обычно делал каждый вечер. Однако через несколько часов Тре позвонил снова, в полном восторге, и рассказал о том, что только что придумал, каким образом можно использовать Уравнение Мозаики для того, чтобы производить на основе «Забавных цыплят» имиполекс, составленный из наслоений любой степени измерения. Что особенно настораживало, так это компьютерное существо Дженни, которое тоже было на линии и все слышало. Непонятно было, почему Дженни так интересовало именно это применение «Забавных цыплят» и Уравнения Мозаики. Но Тре было на это наплевать. Он был словно одержимый и все пытался объяснить Стэну, каким

образом можно использовать «Забавных цыплят» в гильбертовом пространстве и уравнение Рамануджана для того, чтобы производить имиполекс-5, имиполекс-6, имиполекс-N!

Для того чтобы помочь себе понять вещи, о которых он услышал, пьяный Стэн задумчиво сжевал несколько шариков камота, слушая, что болтает ему Тре. Стэн не впервые попробовал камот, но на этот раз это была большая ошибка, потому что последовавший приход был невыносим по своей силе, психотический панический трип к глубинным и личностным открытиям о собственных многочисленных грехах и недостатках. Стэн отправился в постель и попытался заснуть, но вместо того провел десять часов в аду гильбертового пространства вместе с многомерным птичником Тре, садистски выклевывающим остатки разума из его и без того истерзанного сознания. С облегчением он увидел, как наступил рассвет, потому что нужно было подниматься и пытаться прожить новый день.

В полдень Стэну наконец удалось ненадолго заснуть, но ближе к вечеру Вэнди разбудила его:

— Вставай, соня. Мы собрались на Хеллоуин-парад, помнишь? Что ты устроил с собой вчера вечером? Я спустилась вниз и пыталась поговорить с тобой, но ты был совершенно невменяем.

У Вэнди были широкие бедра, пухлые губы, мягкий подбородок и светлые волосы. Голос Вэнди звучал совершенно нормально, и это успокаивало.

— Значит, нужно подниматься?

— Да, нужно подниматься, сейчас же. Вот, держи.

Вэнди протянула ему большую чашку чая с молоком и сахаром.

— Мы пройдемся по Кастро и встретимся с Сентом и Бабс. Это наши дети, ты еще не забыл? Эй, прием! У нас сегодня семейный выход.

— Хорошо, хорошо, Вэнди, не нужно твердить это без передышки. Я тебя прекрасно слышу. Спасибо за чай, он мне отлично помог. Вчера у меня был серьезный разговор с Тре Диезом, и потом я съел немного камота. Я решил, что камот поможет мне стать таким же умным, как этот Тре. Какая чушь. Я расскажу тебе потом.

Таким образом, Стэн принял душ, потом оделся во все черное и выкрасил руки и лицо черной краской. Потом обсыпался серебристой пудрой и вышел на улицу, где теперь стоял и дожидался, когда Вэнди закончит одеваться и тоже выйдет. В его голове гнездилась боль; он чувствовал боль в корне своих мозгов, в той части, где находилась заживленная когда-то рана вокруг

выращенной в инкубаторе и запрограммированной правой мозговой доли, заменившей Плащ Счастья, заменившего когда-то робокрысу, выевшую правую половину его мозга, — теперь его череп был хреновым полным тараканов отелем, и все это из-за Тре, из-за Тре он побывал в гильбертовом пространстве и теперь все еще мог сорваться туда в любой момент…

— Как дела, с-сенатор С-стэн? — крикнула ему Чиччолина из проходящей мимо развеселой компании бисексуалов. В компании также был кто-то, одетый невестой, и Бетти Пейдж.

— Решил выйти прогуляться в город? — крикнула ему грубым голосом невеста. — Вэнди-то знает?

Бетти Пейдж фыркнула и хохотнула, потом наклонилась и вздернула с зада юбку, продемонстрировав прекрасно воспроизведенный голый женский зад и промелькнувшие половые губы.

— Не хотите попробовать Бетти, сенатор Му? Отведайте восхитительный экстракт настоящей плохой девчонки, который больше нигде не подают в чистом виде!

Ребята пытались подцепить Стэна на тему мяса вэнди, но Стэн, сенатор и большой политик, мудро махнул на молодежь рукой и отвернулся, дожидаясь, пока уйдут морфы. Большинство людей не понимали смысл рекламы мяса вэнди; тот факт, что на рекламе была изображена Вэнди в Плаще Счастья, должен был закреплять дружбу между людьми и молди.

— Прикрой-ка свою грязную киску, Бетти, — ввязалась в разговор Чиччолина. — Йо-йо-йо, брат Стэн, не хочешь дернуть габбы? Только что из перегонки; я собрала кри-кри-кристаллы сегодня утром.

— Это в любое время пожалуйста, — вдруг оживился под влиянием неожиданного импульса Стэн. — Это нормальный разговор. Правда, от габбы я икаю, знаете ли, но у меня уже развилась икота от того, что я съел тут прошлой ночью, так что уж икоту от габбы я как-нибудь переживу, а там, глядишь, в голове у меня и наладится; ведь это не наркотик, это просто бодрит. Так что дай мне немного твоей штуки, большая сестра.

Чиччолина вытащила из-за декольте сниффер и, подступив к Стэну, высоко подняла сниффер над головой, как волшебную лампу.

— Прими понюшку, сенатор!

Стэн быстро принял из рук Чиччолины сниффер и аккуратно зарядил по очереди обе ноздри. *Фруум!* Позади его глазных яблок разорвался заряд наслаждения, мгновенно расцвела хризантема злобной радости, цветок с кольцом пронзительных криков по внешнему ободку, криков, которые приплыли на Землю из

космоса, чтобы тут принять облик стремительных двуногих тявкающих щенков.

— *Фтуум*, гав, — пробормотал Стэн. — *Фтуум-фтуум-фтуум*, гав.

— Габба хей, — отозвалась Чиччолина. — Небеса по-прежнему любят тебя, сенатор Стэн. Смотри, не улетай далеко.

— Это ненадолго, — махнул рукой Стэн. — Я сейчас вернусь.

Три морфа повернулись и двинулись своей дорогой, выкрикивая шуточки и весело смеясь. Стэн повернулся и посмотрел на свой дом, в окнах которого горел такой уютный и милый сердцу желтый электрический свет. Внутри от тявканья потеплело на душе. У него самый лучший дом в городе, ему так повезло. Ему повезло, что он до сих пор еще жив. Ему повезло, что у него есть семья. Как печально будет, если все это однажды вдруг закончится.

Внезапно в доме открылась дверь, и по ступенькам, стуча дробно каблучками, сбежала Вэнди.

— Привет, Стэн! Я готова!

Вэнди выбрала костюм ведьмы: сапоги на высоких каблуках, длинное платье, широкий Плащ Счастья, лихую островерхую шляпу — все яркое, сочетающихся друг с другом оттенков красного. Плащ представлял собой молди-часть ее бытия, то, что она постоянно вынуждена была носить для того, чтобы замещать ущербность недоразвитого сознания, возникшую из-за того, что тело ее было клоном, выращенным в гидропонном резервуаре.

— Выглядишь п-п-просто отлично, Вэнди, ик, ты — красная ведьма.

— У тебя какой-то странный голос, — подозрительно заметила Вэнди. — Только не говори мне, что ты уже успел проглотить что-нибудь!

— Да нет, ничего о-о-особенного, ик. Какие-то девчонки дали мне нюхнуть габбы. Я просто хотел прийти в себя, ик, понимаешь. Н-ну что, идем на К-Кастро?

— Да. Ты настроил стрекозу?

— З-забыл, ик. Знаешь, Вэнди, что-то меня ломает сегодня, и неохота надевать ювви. После прошлой ночи просто невмоготу. Я уже рассказывал тебе, этот Тре Диез звонил мне и болтал в-всякую х-хреновину, ик, и…

— Ох, избавь меня от ненужных подробностей. Сейчас я включу свою стрекозу.

Вэнди отправила сообщение по ювви своего Плаща Счастья, приказав стрекозе-телероботу подняться с насеста, устроенного для него среди ветвей вяза, растущего во дворе их дома. В мигающем свете уличных реклам быстро движущиеся крылышки

стрекозы блестели как слюдяные, выписывая фигуры Лисажу.

— Лети вперед и держись на один квартал перед нами, — вслух приказала стрекозе Вэнди, — и следи за прохожими. Мы идем пешком на холм на пересечение Маркет-стрит и Кастро. Сканируй лица и ищи Санта и Бабс. Надеемся, что тебе удастся их разыскать.

Треща крыльями, стрекоза унеслась прочь.

— Знаешь что, Стэн, — сказала мужу Вэнди, когда они двинулись вперед по Масоник-стрит. — Ты начинаешь меня беспокоить. Ты уже немолод. Еще два года, и тебе будет шестьдесят.

Сама Вэнди была на одиннадцать лет моложе Стэна, и она тщательно следила за тем, чтобы Стэн не одряхлел раньше времени, и много работала в этом направлении.

— Что там такое этот Тре показал тебе?

— «Забавных цыплят» в э-э-энном измерении, ик, — отозвался Стэн, крепко прижимая руки к груди, чтобы прекратить возникшую от габбы икоту и заикание. — Какой-то вольный софтверный агент по имени Дженни рассказал Тре про штуку, называющуюся Уравнением Мозаики, которую изобрел Рамануджан, на основе которой Тре тут же придумал эн-мерный квазикристаллический дизайн. И теперь эти новые «Забавные цыплята» все клюют и клюют без остановки. Он хотел, чтобы я продал кому-нибудь эту его новую, ик, и-идею, пока ее не продала кому-нибудь Дженни. А еще мы говорили о том, как выкупить его жену.

Они остановились на вершине холма, на стыке между Буэна-Виста, Хай-стрит и Кастро, переводя дух и разглядывая вид.

— Какая красивая сегодня ночь, верно, Стэн?

— Да. Я рад, что ты сумела вытащить меня на воздух.

Стэн глубоко и трепетно вздохнул, стараясь вобрать побольше воздуха, но порожденная габбой дрожь не отпускала его челюсти. Первый приход от габбы, как обычно, был самым жестким.

— Сегодня так легко.

В его ушах собственные слова отдавались мягким, резонирующим, словно пневматическим звуком.

— Что это там за выкуп за жену Тре Диеза?

— Вчера вечером лунные молди по ошибке похитили ее. И сейчас она летит с молди на Луну. Тре потребовал, чтобы я заплатил за его жену большой выкуп и попросил, чтобы Уайти Майдол и Дарла Старр встретили ее на Луне и забрали к себе. Я уже перевел кредит на счет Уайти.

— Уайти и Дарла! Но с какой стати мы должны платить за

глупую жену Тре Диеза?

— Он сделал мне много денег, и эта его последняя идея позволит нам заработать еще больше. Его несчастная жена сейчас мчится внутри здоровенного молди в открытом космосе, летит на Луну.

— Обычный перелет, не самый худший вариант, — пожала плечами Вэнди. — Помнишь, как мы вместе прилетели с Луны на Землю в 2031-м? Было так здорово. Может быть, тебе стоит еще раз прошвырнуться на Луну, это тебя освежит.

— Даже не думай об этом, Вэнди. — Стэн снова двинулся вперед. — В какую сторону нам теперь идти?

— Судя по тому, что передает мне стрекоза, нам нужно двигаться вниз по Орд-Коурт к Стейтс-стрит, а там, внизу, к Кастро, — ответила Вэнди, наклонив к плечу голову и словно прислушиваясь. — Там поменьше толпа.

Они взялись за руки и двинулись вниз с холма. Вэнди снова завела разговор о Стэне:

— Значит, тебе удалось взглянуть на эн-мерных «Забавных цыплят», так? Ты когда-нибудь слышал теорию о том, что математика поддерживает людей в форме и не дает им стареть? Думаю, что тебе стоит подумать немного на эту тему. Нужно думать не только о власти, деньгах и о том, как лечить постоянное похмелье.

— Я прошу тебя не напоминать мне при каждом удобном случае о возрасте, Вэнди. Ты же знаешь, что любой с нашими деньгами может прожить до ста двадцати лет, используя ДИМ и выращенные в танках клоны органов.

— Да, — отозвалась Вэнди. — И то лишь благодаря удивительной адаптированности моего тела. Но только по той причине, что «Мясо Вэнди» и «М. В. Биолоджикалс» прекрасно наладили производство моих клонов, я не хочу обходиться только одними заплатками для своего тела. Я могу сейчас же начать жизнь снова, переместившись в тело двадцатилетней вэнди. Вся информация содержится в Плаще, и ее очень просто загрузить в новое тело. Я много об этом думала.

— Ой, только не нужно говорить об этом сейчас, Вэнди. Что будет с твоим старым телом?

Стэн просунул руку под Плащ Вэнди и обнял ее за талию.

— С этим телом, которое я столько лет люблю? Ты что же, прикажешь разрезать его на куски и продать в банк органов и на мясо?

— Я говорю серьезно, Стэн, так что не пытайся давить на меня. Но давай больше не будем говорить об этом сейчас. Ты не в том состоянии.

Вэнди вывернулась из объятия Стэна и весело воскликнула:

— Смотри, мы уже почти пришли. И — как раз! — стрекоза только что заметила детей!

Вэнди на секунду остановилась, чтобы лучше разглядеть изображение, которое передавала ей стрекоза по ювви, и, разглядев как следует детей, рассмеялась.

— Сент — у него серебряный костюм, и плащ, и на голове корона из фольги. А Бабс — Бабс… — Вэнди рассмеялась еще пуще прежнего. — Я с трудом могу описать ее внешность, Стэн. На талии у нее круглый поднос, на котором что-то стоит, разные штуки, и ужасная желтая блузка; понять не могу, кого она пытается изобразить. Пойдем скорее к ним.

— И ты хочешь, чтобы наши несчастные дети узнали, что тело их матери порубит на кусочки мясник? — потребовал ответа Стэн. — У них будет душевная травма. А ты, если тебе будет двадцать, будешь ходить только с молодыми парнями и забудешь обо мне! И это то, чем ты меня награждаешь за все годы, которые я был тебе верен?

— Я сказала, давай оставим пока этот разговор. Под наркотиками ты всегда воспринимаешь все слишком драматично! Ты прекрасно знаешь, что я просто Плащ Счастья и ничто другое, и уж точно не человек. Это тело — *вэнди* — просто бессмысленный кусок мяса, которым я пользуюсь для того, чтобы перемещаться и заниматься с тобой любовью, дорогой Стэн. Ты был равнодушен, когда три года назад я поменяла весь имиполекс. Теперь, если я поменяю это тело на молодое и свежее, это будет то же самое. Я молди. Я твоя жена, и я ею всегда буду. И закончим на этом.

Вэнди начала проталкиваться сквозь толпу, и Стэн последовал за ней. Вокруг было полным-полно невест, казалось, половина девушек нарядилась так сегодня вечером, будто это был любимый всеми костюм номер один. Другими фаворитами вечера были стриптизерши, дебютантки бала, принцессы и рабыни. Несколько человек узнали Стэна и Вэнди, но в основном их принимали за заезжих любопытствующих туристов.

— Привет Кливленду, — фыркнул в лицо Стэну бородатый тощий морф с большой грудью. Следующий за ним танцор диско пропищал:

— Когда вернетесь обратно в свою немчурию, помните, что *моя* машина это «Мерседес», а ваша — «БМВ».

— Я не езжу на машинах, — с сожалением отозвалась Вэнди. — Обычно я летаю на метле!

Стэн раньше этого не заметил, но в руках у Вэнди действительно была метла — ах да, это была всего лишь часть ее

Плаща, которую она отделила на время и которой придала нужную форму.

Вэнди указала Стэну, в какой стороне над толпой зависла над их детьми стрекоза.

— Нажми на слив, мой дорогой старый дуралей.

Стэн проталкивался мимо человека в картонном унитазе, где из отверстия стульчака торчало лицо, на котором к носу был приклеен пластиковый обвисший член, мимо женщины в сплошном костюме голой Барби, само собой, без малейшего признака половых органов, мимо морфа с искусственной головой, вылепленной в виде куба, мимо людей с крыльями и огромными торчащими пенисами — среди толпы, напирающей на него и вращающейся вокруг водоворотом нахлынувшей могучей океанской волны…

— Эй, ма, па! — крикнула им Бабс.

Бабс и Сент стояли возле входа в Театр Кастро. Сент был высокий жизнерадостный молодой человек, имевший привычку немного затенять жизнерадостность своего характера мрачными прическами, жидкой бородкой, зеркальными очками и тяжелыми голубыми замшевыми ботинками. На карнавал он надел головной убор из серебряной фольги, имеющий приблизительную форму шлема, при этом комплект дополнялся длинной, до колен, курткой пожарника из блестящего отражающего материала.

У Бабс были высокие резко очерченные скулы, которые краснели, когда она волновалась, так, как это было теперь. К ее блузке был прикреплен большой значок с надписью:

ПРИВЕТ. Я — ЛИННИ, ВЕСЕЛЫЙ ДОЛЛАР

В руке Бабс держала палочку с чем-то вроде квадратной лампы на конце с цифрами «3» на каждой грани, вокруг ее талии топорщилась похожая на поднос широкая юбка-пачка с расставленными и приклеенными к ней разными продуктами в коробках — печенье в коробках и лекарства, и лапша из водорослей, и тампоны, и прокладки, и одноразовые керамические вилки. Волосы Бабс были гладко зачесаны в короткий хвостик, в свою очередь крепко опрысканный лаком и от того остроконечно торчащий точно назад; крутая прическа довершалась странным козырьком на широкой эластичной резинке.

— Итак, кто из вас угадает, кто я? — нарочито небрежно спросила Бабс. Вэнди бессильна была что-то предположить, но Стэн вспомнил образ из далекого детства.

— Ты — клерк из старого супермаркета!

— Папка, ты все точно угадал, любимый мой старикан! — довольно прочирикала Бабс и залилась смехом.

— А как насчет меня? — спросил Сент.

— Ты — робот? — предположила Вэнди.

— Типа того, — ухмыльнулся Сент. — Я — *Железный Дровосек*. У меня в очках все время идет прямая трансляция карнавального шоу, просекаете, а для саундтрека я выбрал старую металлическую вещицу из двадцатого века. Вот, послушайте.

Сент переключил свой ювви на внешний динамик и пропел под караоке несколько резких гитарных аккордов: *Да-да-да-дам да-да-да да-дам-да-дам*.

Вэнди дала указание стрекозе снимать на видео семейную встречу; телекамера-стрекоза принялась выписывать медленные круги у них над головой наподобие крупной колибри, поминутно зависая в воздухе напротив лица кого-то из Муни, трепеща крыльями и уставив пару фиолетовых линз-глаз. Вэнди и Стэн могли следить за картинкой через свои ювви.

Сент спел песню Железного Дровосека еще несколько раз, при этом выставляя в сторону стрекозы руку с «козой». Вэнди видела, как при этом Сент издевается над своим изображением, которое он смешивает в реальном времени с интерактивным многопользовательским Карнавальным шоу, транслируемым одновременно от разных любительских источников. Сент, заметив, что мать рассматривает его, перестал паясничать и обратил внимание на родителей.

— Наша ма — красная ведьма, а кто ты, па? — улыбнулся он Стэну.

— Я — Ночное Небо, — объяснил Стэн, который был весь с ног до головы в черном и осыпан серебристыми блестками. — Небо, видимое из точки, расположенной на галактическом экваторе. Как у вас-то дела, ребята?

— Неплохо, — отозвался Сент. — Сегодня тут вообще есть что посмотреть. Я специально установил несколько камер и участвую в любительском шоу. За это мне на несколько недель дадут бесплатную Сеть.

— У меня постоянно кто-то пытается взять что-нибудь с подноса, — сообщила Бабс. — И все удивляются, когда выясняется, что коробки приклеены. Ма, ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо, Бабс, — кивнула Вэнди. — Тебе не кажется, что в новом двадцатилетнем теле я бы выглядела еще лучше?

— Ох, Вэнди, перестань, — вздохнул Стэн.

— Пусть ма говорит, па, — прервала его Бабс. — Она уже рассказала мне о своем плане, и я хочу сказать, что это не ерунда.

— Вон, смотрите, какая смешная компания! — воскликнул

Сент, указывая в сторону. — Давайте к ним подойдем.

Они двинулись по улице, проталкиваясь к группе совершенно голых морфов, тело каждого из которых, играющее крупными искусственными морфо-мышцами, было окрашено в один из основных цветов. У нескольких морфов в этой компании были хвосты. На ходу они шутливо боролись друг с другом и кувыркались, ловко, как акробаты, сопровождая действо оживленной мимикой.

Некоторое время семейство Муни двигалось вместе со счастливой хохочущей толпой, наблюдающей за акробатами, но потом Стэн и его семейство повернули и углубились в переулок, менее запруженный народом, уводящий в глубь Миссии.

— Мы еще не решили насчет ужина, — объявила Вэнди. — Я хочу есть, да будет вам известно. Давайте что-то решать. Кто-нибудь еще желает идти в ресторан?

— Я хочу есть, — подал голос Сент. — Но куда мы пойдем?

— Я знаю отличное местечко в испанском стиле, совсем недалеко отсюда, — сказала Бабс. — Оно называется «Каталаника».

— Тогда давайте пойдем туда, — сказал Стэн.

Они двинулись по направлению к ресторану, перед которым Бабс принялась срывать со своего прилавка коробочки с товарами, аккуратно расставляя на ступеньках.

— Это для бездомных, — объяснила она. — Кроме того, мне просто надоело в этом ходить.

Она сняла через голову свой картонный прилавок и что есть силы запустила им в Сента. Сент ловко поймал прилавок, разбежался, бросил прилавок на мостовую, прыгнул на него и сумел прокатиться несколько метров на скользкой вощеной стороне, балансируя руками, словно серфер, потом полетел кубарем, но не упал, а ловко перекувырнулся, все это время не переставая выкрикивать: *«Э-гей!* Счастливый Доллар! *Э-гей!* Счастливый Доллар!»

Перед «Каталаникой» был широкий тент в красную и желтую полоску, под которым располагались несколько столиков, освещенных теплым электрическим светом. Внутри, в комнате пастельных тонов, было довольно суетливо. На стенах висели милые украшения в испанском духе: старые часы, несколько нанокопий Сальвадора Дали («Постоянство Памяти» и «Дали в возрасте шести лет поднимает шкуру вод, чтобы посмотреть на пса, спящего в тени моря»), пара нанокопий Джоан Миро, изображающих ярких волосатых хромоногих созданий («Датский интерьер 1» и «Датский интерьер 2»). Посетителей было довольно много, гости сидели за столиками перед тарелками с тапа, но —

«Да, конечно, сенатор Муни» — нашелся и столик для четверых. Стрекоза Вэнди пристроилась на карнизе на противоположной стороне улицы, дожидаясь выхода семейства.

Муни весело уселись за свой столик и быстро составили заказ, включающий в себя испанское шампанское, тарелку французской картошки, креветки, шпинат, свиные шарики, свежевыжатый сок, цыплят, мидии, эндивий и еще одну тарелку картошки фри. Шампанское и первые блюда прибыли почти мгновенно.

— Видите, вон там, молди в компании типов вроде богемы? — спросила Бабс, махнув кому-то рукой через всю комнату. — Это моя знакомая, ее зовут Салли. Она очень хорошая и смешная. Однажды мы уже были здесь с ней, и Салли очень много и умно рассуждала о Дали.

Салли сидела в окружении пяти молодых людей в черном, похожих на художников. Сама Салли имела вид цветной женщины Пикассо, но, едва заметив Бабс, Салли почему-то сразу же приняла облик растекающейся в кресле медузы, со сморщенным и каким-то обвисшим, набросанным условными мазками человеческим лицом.

— Смотрите, — рассмеялась Бабс, — Салли изображает медузу из «Постоянства Памяти». Привет, Салли! Покажи нам мягкие часы!

На глазах восхищенных художников Салли неспешно приняла вид огромного мягко растекшегося по стулу диска циферблата, опустившегося по стулу к полу и с удобством откинувшегося на спинку. Поверхность тела Салли сделалась блестящей — золото на черном фоне и стеклом впереди, за которым виднелись округло искривленные длинные стрелки. Мягкое тело Салли, высокая расчетная способность которого позволяла проделывать такие сложные метаморфозы, свешивалось со стула, словно яичница-глазунья. Сальвадор Дали предсказал появление молди, это было само совершенство.

Однако Стэн был пока слишком занят борьбой с внутренними противоборствами похмелья и разной степени переработанности отходняков, чтобы суметь получить удовольствие от зрелища, устроенного Салли.

— Честно сказать, я удивлен, что они пускают сюда молди, — раздраженно заметил он. — От запаха-то никуда не деться.

— А как насчет *меня?* — мгновенно подала голос Вэнди. — *Я,* случайно, не пахну? — раздраженно спросила она. — Некоторые из нас достаточно цивилизованы, чтобы понимать, когда нужно закрыть свои поры. Кстати говоря, не тебе, Стэн, болтать про запах — сам-то ты не так давно перднул.

Услышав это, Сент прыснул.

— Па воняет. У нас па — молди. Это круто.

Стэн молча подлил себе в бокал шампанского.

— Как вам понравился парад, ма и па? — спросила их Бабс.

— Я бы сказал, что от парада я протрезвел. А это не то состояние, к которому я привык.

— Мужчины никак не могут расстаться с мечтой выглядеть настоящим мачо, — подала голос Вэнди.

— Можно оставить меня в покое? — попросил Стэн. — Что вы на меня набросились все разом?

— Никто на тебя не набросился, — подал голос Сент, протянув руку, чтобы погладить Стэна, но потом быстро, но легонько ущипнул.

— Наш па не в форме, — доложила Вэнди. — Большую часть прошлой ночи он ел наркотики.

— Что ты принимал, па? — поинтересовался Сент.

— Это не важно.

Стэну совсем не улыбалось рассказывать детям про камот. Ему было очень неловко от того, что сам он был живой пример неумеренности в употреблении наркотиков; за последние годы он здорово сдал, и никакой воли у него не осталось.

— Кстати, то, над чем я сейчас работаю, связано с новым способом управления молди.

— Значит, ты придумываешь способ, при помощи которого сможешь управлять *мной?* — внезапно пораженно воскликнула Вэнди. — Мной, Плащом Счастья Вэнди?

— Нет, — смущенно ответил Стэн. — Я даже не думал об этом. Хотя иногда и ты могла бы попробовать на себе действие суперпиявки, это совсем не больно. Говорят, это как наркотик для молди. Тогда тебе многое станет лучше понятно. Вместо того чтобы все время быть такой трезвой хорошей девочкой.

— Последние недели я занимаюсь обустройством червячной фермы, — сообщила Бабс, чтобы переменить тему разговора. — Я вам уже рассказывала? Это здорово интересно. Нужно положить влажный гумус между двумя стеклами и добавить одну пинту красных червей — и вуаля!

— Для чего ты этим занимаешься — для собственного развлечения? — поинтересовался Стэн. — Или это новый вид искусства?

— Если ты хочешь спросить, не собираюсь ли я продавать фермы для червей, то, что сказать, старик, — я еще ничего не решила. Наверное, пока я занимаюсь этим для собственного удовольствия. Но, господи, если я сумею добавить к настоящим червям ДИМ-червей, то кто знает, быть может, у меня получится

новая художественная инсталляция, и я *смогу* ее продать. Но сами коробки со стеклянными стенками сделать совсем не просто, и стоит это довольно дорого. Слышь, Сенти, ты не хочешь сделать для сестры несколько ящиков для червячных ферм? *Ой, мамочки!* Что это за штуки ползают у тебя по голове?

— Это вши, — спокойно сказал Сент. Он уже снял с головы свой шлем из фольги и сбросил на спинку стула блестящую куртку. Его прическа напоминала обивку дорогой мебели — волосы подстрижены коротким колючим ежиком и местами выкрашены панковой ярко-оранжевой краской, местами выстрижены тонкими аккуратными, гармонирующими с изгибами черепа узорами, вдоль которых ползали мелкие светящиеся насекомые.

— Так у тебя *вши*, Сент! — воскликнула Вэнди. — Господи, какой ужас! Тебе нужно их немедленно вывести! Обратись в пункт дезинфекции! Ох! И мы все с тобой обнимались!

— Я полагаю, он просто издевается над нами, Вэнди, — высказал свое мнение Стэн, внимательнее приглядевшись к мелким созданиям, ползающим по голове Сента. — Это такие микро-ДИМ. Я слышал, что такие микро-ДИМ применяются в парикмахерских, но я не знал, что некоторые люди носят эти микро-ДИМ постоянно. Ты сам их запрограммировал, Сент?

— Этих вшей обучала моя подружка Джоан, — ответил Сент. — Но я сам достал для них ДИМ-головки. В этой фирме, где я работаю менеджером по монтажу, можно найти по-настоящему крутое железо.

— Так это там ты работаешь монтером? — спросил Стэн.

Внезапно Сент разозлился.

— Ты опять сел на своего любимого конька. Монтер и менеджер по монтажу — это две большие разницы. Мама права — ты действительно превратился в старого брюзгу. Просто мне нравится чинить вещи. И я умею это делать. А ты все время говоришь, что я…

Стэн поморщился — реакция сына была для него неожиданной.

— Извини, Сент. Я ничего такого не имел в виду, — быстро проговорил он. — Я и не должен был в тебе сомневаться. В твоем возрасте я был просто Торчок, водитель такси, так кто я такой, чтобы что-то тебе говорить? Хочешь чинить — чини, это здорово. Восстанавливать вещи. Налаживать. Это почти инженерная должность.

— Сент не хочет идти в инженерную школу, па, — сказала Бабс. — Он уже и без того здорово во всем разбирается. Его друзья смотрят на него как на учителя.

— В самом деле? — удивился Стэн.

— Да, — ответил Сент. — Мне нравится докапываться до сути вещей. Это то, для чего мне дана моя жизнь, и я хочу лучше понять, что с ней делать. Потому что каждый день должен быть счастливым. И мои друзья прислушиваются ко мне.

— Ох, черт возьми, — вздохнул Стэн. — Тогда, наверное, тебе прямая дорога в сенаторы.

Стэн выпрямился и сложил руки на груди.

— Я просто шучу!

Прибыли официантки и принесли кувшины с сангрией, еще картошки фри и жаренные на гриле креветки. Стэн заставил Сента взять себе креветок и налил ему бокал сангрии.

— А что это за фирма, в которой ты работаешь менеджером по монтажу? — вежливо спросила Сента Вэнди.

— «Мета Вест Линк», — ответил Сент. — Владеет несколькими тарелками и спутниками и организует ювви-связь между Землей и Луной.

— Вся эта кухня с 2020 года принадлежит ОСЦС, — сообщил Стэн. — Тогда я готов допустить, что у «Мета Вест Линк» действительно есть в мастерских интересные штуки.

— Дай мне одну твою ДИМ-вшу, а, Сент? — попросила Бабс. — Я устрою Блошиный Цирк Умных Искусств! Дай мне одну вшу сейчас, ну пожалуйста!

Она обняла одной рукой брата за шею и принялась искать в его голове.

— Я блошиный доктор!

Когда Бабс была помладше, она обожала вытаскивать блох из шерсти их домашней собаки и называла себя «блошиным доктором».

— Ведите себя прилично, вы, двое, на вас смотреть неприятно, — заявила Вэнди. — Здесь ведь все-таки ресторан. Прекратите сейчас же.

Сент и Бабс оторвались друг от друга, но продолжали смеяться, лопотать и тузить друг друга, но потом оба быстро успокоились и уселись, чинно сложив перед собой руки.

— Это все па виноват, — заявил Сент.

— Это все па устроил, — подхватила Бабс.

— Па плохой, — сказал Сент.

— Па опять наелся наркотиков и пьяный, — сказала Бабс.

— У па проблемы с наркотиками, — добавил Сент.

Стэн позвал официантку и заказал себе бренди и эспрессо.

— Кто-нибудь еще хочет кофе и выпить? Что-нибудь еще? Ребята, вы хотите десерт?

Сент и Бабс попросили пирожные, Вэнди отказалась. И

добавила, что ей кажется, что им уже пора идти.

— Не возражаете, если я присоединюсь к вам? — неожиданно спросила у них молди Салли, возникая в конце стола. Ее тело представляло собой сон кубиста, составленный из треугольников и цветных пятен.

— А, Салли, подруга! — воскликнула Бабс, в которой после четырех выпитых бокалов восторга прибавилось неизмеримо. — Скорее садись!

Бабс подвинула к столу стул, усадила Салли и представила все семейство:

— Это мой брат и мои родители — Сент, Стэн и Вэнди. А это Салли, ребята.

— Мы очень давно мечтали познакомиться с Вэнди, — сообщила Салли. — Нам, молди, она очень интересна. Каким образом вам это удается? Эмулировать мать и жену, вот что я имею в виду. Насколько я понимаю, сделать это довольно непросто и нехарактерно для нас, молди.

— Я слишком давно этим занимаюсь, чтобы сейчас осознавать себя как обычного молди, — ответила Вэнди. — Кстати сказать, я уже несколько устала пребывать в этом старом человеческом теле.

Из складок своего тела Салли достала флакон с винтовой крышкой и откупорила его.

— Находясь в обществе людей, употребляющих спиртное или наркотики, я обычно принимаю немного вот этого, — объяснила Салли, одновременно при помощи удлиненного указательного пальца в зеленых полосках добывая из флакона немного мази. Салли растерла мазь по телу и передала флакон Вэнди.

— Попробуй немного, Вэнди. Это бетти. Чертовски хороший бетти.

— Нам еще нужно будет добираться до дома, а это не близко, потому что мы пришли пешком, — запротестовал Стэн. Несомненно, он рассчитывал на то, что трезвая Вэнди будет их навигатором на пути к дому.

— Немного холодит, и все, — сказала Вэнди, подцепив на два пальца немного мази и втирая ее в свой Плащ, свою вторую сущность.

К тому времени, когда Салли, наконец, спрятала флакон, и она, и Вэнди были здорово под кайфом.

— Представляю вам новый взгляд на мягкие часы, — сказала Салли, неожиданно ставшая бежевой. Еще через секунду она превратилась в старомодный компьютер, приняв форму установленных на стуле системного блока и монитора, — и все это начало медленно плавиться и стекать с краев стула на пол,

образуя вязкую лужу на полу, при этом на мониторе было какое-то искаженное изображение — не лицо ли той самой виртуальной Дженни, вместе с которой вчера вечером Стэну звонил Тре Диез?

Что касается Вэнди, то та начала вести себя совершенно диким образом. Ее Плащ Счастья, который всего несколько мгновений назад был алым плащом Красной Ведьмы, отказался от своей роли и, мгновенно преобразившись, превратился в зеленый острый воротник динозавра, торчащий теперь вокруг шеи Вэнди.

— Все эти годы я была хорошей матерью и женой, но больше не желаю стареть. Мне нужен полный апгрейд, совершенно новое тело! Поймите же, это старое изношенное тело, которое вы видите перед собой, это не я! — выкрикнула она. — Вот, смотрите!

Остроконечный воротник на шее Вэнди внезапно прервал свой контакт с ее телом, выдернув из плоти свои контакты, словно корни из почвы, корни, теперь болтающиеся в воздухе. Лицо Вэнди обмякло, ее глаза закрылись, и голова качнулась вперед и улеглась на сложенные на столе руки. Плащ Счастья картинно взмахнул своими щупальцами, потом червем прокрался обратно к шее Вэнди и укоренился в ней. Вэнди опять воспрянула, и в глазах ее горел триумф.

— Ну что, видели?

— Нам пора, — сказал Стэн, бросив на стол несколько банкнот и поднимаясь. — Тебе не нужно было угощать ее этой штукой, Салли.

— Пока, Салли, — сказала Вэнди и указала пальцем вверх. — И спасибо за полет, этот и другой.

— Счастливого пути, — ответила Салли.

Стэн попытался взять Вэнди за руку, чтобы немного утихомирить ее, но жена вырывала у него руку с пугающей настойчивостью. Она первой начала проталкиваться к улице, и вся семья последовала за ней.

— Нам не следовало вообще сюда сегодня приходить, — тихо сказала Бабс. — Что это такое творится с ма?

— Ничего особенного, — отозвался Сент. — Нам только нужно добраться до дома и немного освежиться, — я думаю о том, где бы нам в такой час найти рикшу или такси. О, вот это здорово, ма, кажется, вызывает такси.

Вэнди махнула рукой, и стрекоза сорвалась со своего насеста и устремилась в облет окрестностей, разыскивая средство передвижения.

— Стрекоза сейчас что-нибудь найдет, — сказала Вэнди, на губах которой блуждала кривая улыбка. — Ребята, мне очень

жаль, что я устроила это представление в ресторане, но все это правда от начала до конца. Мне нужен апгрейд.

Больше она ничего не прибавила, и никто не знал, что тут можно сказать, потому целую минуту они стояли вчетвером и молчали, посреди толпы людей и молди, обтекающей их со всех сторон. Мимо проезжали такси, но все они направлялись в другую сторону. Внезапно со стороны бухты налетел бриз, сильный и прохладный. Стэн повернулся к ветру спиной, про себя жалея о том, что не догадался захватить куртку потолще. Он стоял к Вэнди и детям лицом, и несколько секунд ему казалось, что они издеваются и мучают его, специально смотрят на него и молчат, но потом со всех сторон раздались крики.

— А вот и наше такси, Стэн! — крикнула Вэнди.

Влажный прохладный воздух закрутился как торнадо, и над их головами появилась огромная зеленая тень, очень похожая на древнего птеродактиля, стрелой метнувшаяся навстречу. Размах крыльев создания был настолько широк, что оно едва помещалось между двумя зданиями на противоположных сторонах улицы. Птеродактиль явно направлялся к ним, чтобы схватить их, но ему нужно было пробираться между машинами и огибать натянутые поперек улицы провода, и у них еще было немного времени для того, чтобы спастись бегством!

— Бежим! — закричал Стэн. — Обратно, в ресторан!

Но прежде чем Стэн успел сдвинуться с места, Плащ Вэнди сорвался с ее шеи и метнулся к нему парой крыльев летучей мыши, растянутых на длинных пальцах. Стэн, который от выпитого лишился способности быстро передвигаться, был потрясен видом бессильно рухнувшей посреди улицы Вэнди и не сделал ничего, чтобы помешать Плащу захватить его в свои объятия. В одно мгновение Плащ ввел под кожу Стэна свои датчики-щупальца, и Стэн замер, полностью во власти Плаща. Он стоял и смотрел, как дети, Бабс и Сент, пытаются привести в чувство лишившуюся сознания неподвижную мать — и сразу же после этого огромный птеродактиль наконец пробрался к ним между проводами, схватил стоящего на улице Стэна и проглотил и его, и Плащ Счастья целиком.

Стэн услышал приглушенный триумфальный крик птеродактиля и почувствовал, что птица поднимает его в воздух и уносит прочь. В первые мгновения вокруг не было воздуха и было совершенно темно, но потом Плащ Счастья Вэнди начал снабжать Стэна воздухом и информацией.

— Не пугайся, Стэн, — сказал ему голос Вэнди. — Я позабочусь о тебе. Флаппер поможет нам добраться до Луны. Это даст тебе возможность отвлечься от привычного хода жизни и

развеяться. К тому же лунные молди уже давно хотели встретиться с тобой. Что касается меня, то я собираюсь добыть на Луне из гидропонного танка для себя новое тело, молодую Вэнди. А до тех пор я буду находиться с тобой.

— На Луну? — тупо повторил Стэн. — Да ты шутишь. И кто такой Флаппер?

— Она официальный представитель лунных молди; специалист по общению, происходящему между Луной и Землей. Поскольку лунные молди хотели устроить твой визит на Луну, Салли предложила, чтобы тебя доставила на Луну Флаппер, появившись в облике птеродактиля.

— Погоди минутку. Ты еще не потеряла связь с нашей стрекозой? Ты видишь, что там происходит? Что с детьми? Покажи мне их?

Плащ Счастья передал Стэну ювви-изображение Сента, стоящего на коленях перед телом матери, и Бабс, в отчаянии мечущейся по улице в поисках рикши. Бесчувственная Вэнди продолжала лежать посреди улицы, лишь время от времени по ее телу пробегала дрожь.

— Бедные дети, — сказал Стэн, глаза которого наполнились слезами. — Бедные мои, бедные дети.

— Да, — подал голос Плащ. — Это действительно печально. Но я надеюсь, что они не станут тратить много денег и эмоций для того, чтобы завершить путь этого изношенного старого тела, к тому же теперь полностью лишенного разума. Наверное, мне нужно было убить его, прежде чем покинуть окончательно.

Плащ отключил видеопередачу, и вокруг снова наступила темнота.

— А Вэнди, что случилось с ее чувствами? Стоит ли теперь вообще думать о ней как о Вэнди? Может быть, это ты — Вэнди?

— Да, именно, я — это Вэнди. Хотя, да, я согласна, что теперь веду себя несколько холоднее обычного. Это не столь характерно для моей обычной персоны. — Плащ хихикнул: — Это из-за бетти, из-за бетти я сделала так, как сделала. Теперь ты знаешь, как это бывает, Стэн. Ведь ты всегда был так бессердечен и равнодушен ко мне, когда бывал на наркотиках.

— Если ты, Плащ, собираешься читать мне женины нотации, пока я сижу беспомощный внутри тебя, то я скоро сойду с ума. Да я лучше умру! Ведь мы уже высоко поднялись над Землей, верно? Тогда почему бы тебе и Флаппер не выбросить меня наружу? Дайте мне возможность освободиться от вас, как я этого хочу! Выбросьте меня наружу! Я хочу умереть, Вэнди, хочу, чтобы это бесконечное унижение, наконец, закончилось!

— Ты так говоришь, потому что я унесла тебя от наркотиков,

глупец ты эдакий!

— Я снова хочу вернуться на Землю, детка, вот в чем дело! Я поднимаюсь вверх, а потом падаю вниз, все как всегда, милая! Никто не любит меня больше; да и мне тоже никто не нужен; с таким же успехом я могу быть мертвым; позволь мне умереть, милая!

Сопрано Флаппер ворвалось в их переговоры оперным пением:

— Интересно, он действительно так думает? Не хочешь взглянуть на это, Стэн Муни?

Он ощутил вокруг себя движение, словно перекатывались мускулы огромного кишечника, в котором он, как фекалии, продвигался к отдаленному анусу. Он, продвигающийся головой вперед, явственно ощущал разницу давления вдоль собственного тела. По пути разумные части пластиковых внутренностей срывали частицы одежды с его тела, так что он довольно скоро стал совершенно голым.

— Вот именно, Флаппер, ты права! — довольно выкрикнула Вэнди. — Высунь нас наружу, хотя бы наполовину! Пусть Стэн все увидит сам!

Флаппер последним усилием открыла сфинктер в своем теле, из которого высунулась голова Стэна. При этом она образовала прозрачный колпак перед лицом Стэна, чтобы набегающий сильнейший поток воздуха не сорвал его прочь.

Стэн висел над Землей, высунувшись наполовину из зада гигантского молди-птеродактиля, глядя выпученными от ужаса глазами на раскинувшийся внизу темный мир. Воздух с силой бил его в лицо, но он только лишь отдаленно чувствовал его напор, не более того, потому что Плащ Счастья Вэнди окружил его наподобие пузыря-скафандра, и единственное, что удавалось ему ощущать, были те вибрации и содрогания, которые передавал ему от своей поверхности Плащ.

Далеко на западе видимая поверхность Земли все еще была залита солнцем; там ярко сверкала горячей голубизной арка океана. Остальная, большая часть планеты представляла собой монохромно-серебристую сферу, залитую светом Луны. Высокие облака, уже находящиеся ниже Стэна, были освещены симметричным мелкозубчатым узором, напоминающим рыбью чешую, эдакое небо-макрель. На востоке облака принимали вид плавно разметавшихся русалочьих хвостов, причем наблюдалась необыкновенная одинаковость каждого хвоста. Мир был пугающе прекрасен.

— Хорошо, я не хочу умирать, — наконец подал голос Стэн.

Город Сан-Франциско превратился в горящее мерцающим

светом пятнышко далеко внизу.

— Как высоко мы уже поднялись?

— Сорок миль, и высота продолжает быстро нарастать. Когда скорость Флаппер достигнет шестидесяти миль, она выстрелит нами в сторону Луны, как катапульта! В моем теле не хватит энергии, чтобы стартовать с Земли и перенести нас на Луну самостоятельно, но благодаря помощи Флаппер мы преодолели притяжение Земли, и этого уже достаточно! Следующие двести тысяч миль мы пролетим по инерции!

После того как глаза Стэна приспособились к лунному освещению, он смог различить внизу все больше и больше разнообразных деталей. Снова и снова он поражался запредельной красоте мира, его такой привычной красе, видимой в каждой детали — в облаках, в поверхности земли, в океане — во всем, что составляло живую поверхность шкуры возлюбленной священной Гайи.

— А здесь здорово красиво, — отсутствующим голосом заметил Стэн. — Хотя сейчас я не под кайфом. Обычно когда я не под кайфом, все кажется мне таким скучным и однообразным.

— И это другая причина, почему этот полет так важен для нас обоих, — сказала Вэнди. — На то, чтобы долететь до Луны, у нас уйдет, наверное, неделя, вполне достаточно для того, чтобы ты впервые за столько лет наконец проветрился. Это будет наш медовый месяц.

— За исключением того, что твое тело больше не человеческое, — ответил Стэн. — Видишь ли, наличие живого человеческого тела составляет немаловажную деталь медового месяца.

— Я могу поработать для тебя рукой, Стэн. Я могу просунуть тебе пальчик в зад. Тебе это понравится, вот увидишь.

По мере того как они поднимались все выше и выше, крылья птеродактиля утончались и увеличивались в размере, и в конце концов ящер принял вид гигантского веретена, ската, с тонким телом и широкими плавниками.

— Еще несколько мгновений, и я катапультирую вас! — раздался музыкальный голос огромного ската. — Сейчас я перемещу вас в заднюю часть тела, чтобы вытолкнуть с как можно большей силой! Обними Стэна покрепче, Вэнди.

— Хорошо, Флаппер, — отозвалась Вэнди.

Флаппер снова заставила свои внутренности передвигаться, втянула Стэна и Плащ внутрь тела и вывела их на исходную позицию. Стэн почувствовал, как его охватывает паника.

— Даже если сейчас Флаппер выстрелит нами, и мы долетим до орбиты Луны, то как ты собираешься затормозить, Вэнди?

Хватит ли у тебя энергии для того, чтобы выйти на орбиту? Ты такая маленькая, я сомневаюсь, что в тебе достаточно энергии. Ты всего-то весишь несколько фунтов, не больше двенадцати — пятнадцати. Когда мы с тобой возвращались с Луны на Землю в День Спор в 2031 году, наш Плащ Счастья весил раз в десять больше. Ты уверена, что у тебя хватит внутренней энергии для того, чтобы обогреть меня, пока мы будем находиться в безвоздушном пространстве?

— Находясь на орбите, Флаппер запасает достаточно энергии и сохраняет ее в виде квантовых капсул. Надеюсь, что ты помнишь, что один моль квантовых капсул весит не больше ста нанограммов? Флаппер сейчас передала мне целый грамм! Так что, парень, у нас бак заправлен под завязку!

— Да, Вэнди, вот твои квантовые капсулы! — пропела Флаппер. — Я впрыснула их в твое тело. Еще немного, и я произведу вас на свет!

Выгнув спину, Стэн смог взглянуть на тоннель внутри тела Флаппер, ведущий из нее наружу. На этот раз тоннель больше напоминал вагину, чем прямую кишку, и Стэн чувствовал себя младенцем, а не калом.

— Не сгибайся, Стэн, выпрямись как можно больше, — попросила Стэна Вэнди, голос которой кипел от накопленной энергии. — Сейчас мое тело станет жестким.

Тело Вэнди налилось силой и сделалось жестким как сталь, имиполекс плотно обхватил Стэна.

Флаппер принялась волнообразно и циклически изгибать тело, подтягивая нижнюю часть к верхней. Потом изгибы стали резкими и судорожными, тело Флаппер превратилось в один сплошной огромный мускул и *толкнуло* Стэна и Плащ вперед.

Стэн и Вэнди вылетели из Флаппер с огромной скоростью; перегрузка оказалась такой сильной, что на мгновение Стэн полностью потерял сознание.

Когда он наконец пришел в себя, его лицо было обращено к черному космосу, полному неподвижных звезд. Тело Вэнди снова расслабилось и перестало быть жестким, и, взглянув вниз, сквозь прозрачную плоть Вэнди, Стэн увидел далеко внизу огромную планету Земля, а потом, подняв голову вверх и вытянув шею, он увидел над собой диск Луны. Солнце зашло за Землю, и его видно не было.

Для того чтобы удержать внутри тепло при минимальных наружных потерях, Вэнди посеребрила свое тело изнутри и снаружи; серебром было покрыто все, за исключением небольшого пятна перед глазами Стэна. Стэн немало времени провел за тем, что разглядывал умноженное отражение

собственных рук и тела, потом и Земли с Луной. Какая красота. Но постепенно ему стало скучно. Он был совершенно один. Предоставленный самому себе, он уносился все дальше и дальше от Земли, и с ним не было никого, кроме молди-Плаща. Он несся один в полной тьме, навечно обреченный на одиночество.

— Господи, какой-то кошмарный сон, — вздохнул, наконец, Стэн.

— А мне нравится, — отозвалась Вэнди. — Ты не замерз?

— Нет, все в порядке, — ответил Стэн.

Через посеребренный имиполекс потери тепла были минимальные, и вдыхаемый им воздух был свежий и прохладный.

— Кстати, как насчет радиации? — спросил он Вэнди. — Насчет космических лучей?

— Отвечу так: твои шансы заболеть раком, после того как наше путешествие закончится, немного возрастут. К тому же космические лучи на нас, молди, тоже оказывают воздействие. Но мы должны стиснуть зубы и терпеть, и идти на эту вынужденную жертву, надеясь на лучшее, так сказать.

— Надеюсь, что ты слышишь, как сильно я стиснул зубы, до скрипа? — спросил Стэн. — Нет? Тогда ты просто эгоистка, Вэнди.

— Я делаю это и для твоего блага тоже, Стэн. Тебе нужно очиститься.

Стэн с вожделением подумал об оставшемся дома пакетике травы, о баре с крепкими напитками и о сквизерах со снепом и габбой. Он отлично относился ко всем наркотикам, за исключением слива. Когда-то он перебрал слива, и у него были связаны с ним плохие воспоминания — в тот раз, когда, еще на Луне, Дарла влепила ему тройную дозу. К тому времени, когда *в тот раз* он отошел от передозы слива, он потерял половину мозгового полушария. А это мало кому понравится.

— Давай позвоним по ювви детям, ты можешь это сделать? А потом нам нужно будет позвонить Уайти Майдолу на Луну. Нужно его предупредить о том, что мы прилетаем. Как я понимаю, мы прибудем на Луну через день после того, как там опустится Бластер вместе с Терри, верно? Если считать неделю от сегодняшнего дня.

— Все правильно. Мы летим по той же самой семидневной пространственно-временной геодезике Земля — Луна, что и Бластер перед нами. Он на день впереди нас, это так, но мы продолжаем держать с ним связь. В течение ближайшего времени он будет нашим самым близким соседом.

— Значит, мы сможем связаться по ювви и с этим Бластером, и вообще, с кем захотим?

В этой мысли было что-то успокоительное. Он был не совсем один в бесконечной пустоте.

— Если учесть то, что ювви-сигнал обходится в триллион квантовых капсул в секунду.

— У тебя что, уже горючее кончается? — взвился Стэн, внезапно ощутив ужас. — А как насчет того, что меня в полете нужно будет обогревать, и для того, чтобы притормозить перед Луной, тоже нужна энергия?

— Не волнуйся, — хихикнула Вэнди. — Флаппер передала мне что-то около десяти в тринадцатой степени квантовых капсул. Этой энергии достаточно для квадриллиона ювви-звонков по часу каждый. Поэтому давай-ка сейчас позвоним детям.

— Да-да, давай им позвоним. Первым делом нужно сказать им, что все в порядке. А то они, наверное, с ума сходят над беспомощным телом своей матери.

Они позвонили детям и поговорили с ними. Бабс все время плакала, и Сент тоже был на грани слез; покинутое тело Вэнди только что умерло. Они поговорили примерно с полчаса, и в конце концов душевные силы у всех несколько восстановились.

После этого они позвонили по ювви Уайти. Пока что они были рядом с Землей, и задержка в две-три секунды между вопросом и ответом в переговорах с Луной была заметна, поэтому их разговор не был продолжительным. Потом они попытались соединиться с Бластером.

— Привет, ребята, — пророкотал глубокий голос Бластера. — Добро пожаловать на червячную ферму.

Бластер представлял собой перманентную сущность четырех или пяти слившихся воедино молди, в то время как ювви-пространство Бластера включало сознание всех захваченных им и украденных с Земли молди, которые в данный момент находились у него на борту. И в самом низу, под раскатистым басом Бластера и разноголосым щебетанием захваченных им молди, раздавался четкий и взволнованный голос Терри Перцесеп.

— Привет, Терри! — сказал Стэн. — Это Стэн Муни.

— Ох, хорошо, что вы позвонили, — откликнулась Терри. — Тре сказал, что вы обещали организовать на Луне выкуп, чтобы меня сразу освободили. Но я не могу понять, что у вас с ювви-изображением? Где это вы находитесь — в космосе?

— Да, меня тоже похитили. Меня похитила моя собственная жена, Вэнди.

— Вэнди из «Мясо Вэнди»? — удивилась Терри. — Для которой Тре делает рекламные ролики? Я не понимаю, что вообще происходит?

— Мы летим на Луну для того, чтобы я смогла достать там новое человеческое тело, — сказала Вэнди. — Кстати, Терри, как вы там себя чувствуете внутри Бластера?

— Неплохо, — отозвался один из молди. Ювви-изображение Бластера продемонстрировало извивающийся клубок молди, медленно ползающих внутри остающейся неизменной внешней оболочки Бластера. Молди, который заговорил с ними, был ярко-желтого цвета с зелеными и розовыми рекурсивными спиралями. — Если хочешь устроиться, то устроишься везде, а все остальное — это сказки Саншайн. Я и мой приятель Мистер Спаркс, перекати-поле, работаем за имиполекс все равно на кого.

— По большей части мы слонялись по улицам Санта-Круза без всякого дела, подворовывали и брались за всякую стремную работенку, чтобы наскрести денег на бетти, — подключился к разговору Мистер Спаркс, красная змея, разрисованная золотыми молниями. — Бластер сказал, что на Луне нам должно понравиться. Не говоря уж о том, что там легче раздобыть имиполекс и завести, наконец-то, детей.

— Моя семья вовсе не рада тому, что случилось, — раздался другой голос. — Меня зовут Вердад, а это моя жена Лоло, а это моя родня — Хайзуз и Мецкал.

Вердад и его семейство представляли собой единый слившийся шар коричнево-зеленого почвенного оттенка.

— Вот уже пять поколений подряд мы работали на фермах. И то, что сейчас с нами случилось, совершенно нам не по душе. Насколько я знаю, на Луне практически ничего не растет.

— *Муй мало*, — пророкотал Хайзуз. — По мне, так все, что случилось, это какая-то уродливая херня. Почему бы тебе не отнести нас обратно на Землю, Бластер?

— Мы уже приближаемся к орбите Луны, — отозвался Бластер. — Через некоторое время пойдем на посадку. Для вас единственный способ заработать денег на достаточное количество квантовых капсул, чтобы вернуться на Землю, это заняться какой-то полезной работой на Луне. Но, поверьте мне на слово, вы не захотите возвращаться обратно. Вам понравится в Гнезде. Вы можете поступить работать на фабрику, занимающуюся выращиванием чипоеда. Или на гидропонную ферму, где в танках выращиваются человеческие органы. Или можете научиться высоким технологиям и торговать ими с людьми. Вы же молди, в конце-то концов, а не какие-то там земные фермеры, которые только и знают, что копаться в грязи.

— Но нам будет недоставать дождей, земли и этих маленьких, вырастающих из земли штучек.

— Да, на Луне стерильность на высоком уровне, — ответил

Бластер. — Путь Луны дает возможность совершенствовать душевное развитие и эффективно использовать высокие технологии.

— Мне, Батманчу, нет дела до того, насколько на Луне можно усовершенствоваться духовно. Все, что мне нужно, это новый имиполекс, который ты обещал нам, — раздался новый голос, принадлежащий молди из бледно-воскового пластика, покрытого красными, похожими на прыщи, пятнами и острым клювом на одной стороне тела. — Все остальное — это просто треп. Джипси и мне уже по пять лет, и наш последний апгрейд уже почти весь износился. Всю нашу жизнь мы тусовались сами по себе, были дикими молди и в основном сидели под водой. Мы помогали контрабандистам доставлять и забирать грузы из Девенпорт-Бич, но в последний раз допустили оплошность, и создания из плоти зомбировали нас. Бластер сказал, что на Луне мы сможем влегкую срубить имиполекс, а еще получим тяжелое тоннельное снаряжение, чтобы плавать в грунте, — вот это нам по-настоящему нравится, и это было бы просто клево. Мы будем плавать среди скал и зарабатывать за это хорошие баксы. Вот уж действительно, получим новую путевку в жизнь.

— Да, и мне это тоже нравится, — подхватил Джипси, цвет тела которого был неотличим от цвета человеческой кожи, хотя оно было все покрыто маленькими пальчиками-утолщениями, напоминающими то, чем покрыто брюхо морской звезды. Как и у морской звезды, каждое пальцеобразное утолщение имело на конце присоску. — Но как бы там ни было, мы хотим начистить этому Аарби Киду сопатку за то, что он приклеил к нам суперпиявки. Батманч, помнишь то первое дело, которое мы с тобой провернули для Аарби? Ну, то представление, которое мы устроили в коттедже Аарби? Когда мы затрахали этого болвана «наследника» Дома Пер…

— Заткнись на хрен, Дипс, — оборвал его Батманч, но было уже слишком поздно.

— Вы убили моего отца? — вскрикнула Терри. — Вы, грязные слизняки, убили моего отца?

— Дом два раза закладывал Аарби, — резко отозвался Джипси. — А мы с Батманчем были еще молодые. Если тебе не нравится наше общество, маленькая испорченная сучка Терри Перцесеп, тогда почему бы тебе не взять и не сойти с нашего корабля прямо посреди дороги? Или, может быть, я сейчас проберусь к тебе и научу правильно трахаться… Оу!

— Я рядом с тобой, Джипси, — раздался голос Кслотла. — И Моника тоже рядом. Толкай сильней, Моника.

На фоне перебранки раздался звучный смех Бластера.

— Эй, прекратите! — заорал Джипси. — Помоги мне, Батманч! Они хотят разделить меня надвое!

— Ты будешь разговаривать с Терри вежливо и любезно, — твердым и спокойным голосом сказала Моника, продолжая медленно передавливать талию Джипси. — Иначе…

— Эй, эй, эй! — подал голос Стэн, пытаясь изобразить из себя заседающего в сенате.

— Здесь Симмер! Бластер, останови их. У нас еще шесть дней пути впереди.

— Даже и не подумаю, — пробасил Бластер. — Междоусобные собачьи бои между соседями-молди всегда были одной из ступеней на их пути к внутреннему освобождению. Мы с Ксананной присмотрим за Терри, верно, Ксан?

— Конечно. Честно говоря, я не думаю, что смогу продолжать быть системой жизнеобеспечения Терри всю дорогу. Всю всю дорогу. Всю всю всю дорогу. Нужно, чтобы кто-нибудь меня подменил. Например, Моника. Кстати, это из-за Моники мы здесь оказались, вся наша семья. Это она придумала подработать шлюхой для этого недоделка Ренди Карла Такера.

— Моника, у тебя ДИМ вместо головы, — подала голос Оуиш, пробравшаяся к Ксананну. Вытянув длинное щупальце, Оуиш сильно ущипнула Монику.

— *Собачьи бои!* — счастливо прокричал Бластер. — Деритесь, вы, свора зеленых новобранцев.

— Кстати говоря, о «наследниках», — раздался новый голос. — Это говорит Дженни из Солт-Лейк-Сити. — В общем ювви-пространстве появилось изображение тощей уродливой деревенской девчонки. — Всем привет! Вам, ребята, нужно уразуметь, что кое-кто из так называемых «наследников» честно работает на Гнездо.

— Господи боже, зачем здесь снова она! — охнул Стэн. — Я уже достаточно наслушался. Вэнди, убери ее!

Вэнди прервала связь, и они снова остались в космосе и эфире одни.

По прошествии большей части недельного перелета Стэн почувствовал себя гораздо лучше. По крайней мере здоровья и душевного равновесия в нем прибавилось. После того как его тело освободилось от накопленных наркотиков, ему показалось, что в его гавань наконец-то вошел корабль с полным трюмом, груженным той жизнью, о которой он и думать забыл, и разгрузка уже началась. Такие огромные тюки с надписью по трафарету: Ж-И-З-Н-Ь. Стэн в очередной раз вспомнил, что самые тяжелые моменты его жизни в трезвом состоянии все-таки были лучше самых сладких моментов под кайфом. Когда им становилось всем

невмоготу от одиночества, они с Вэнди болтали по ювви с Землей, Луной и компанией Бластера.

За день до того, как Вэнди и Стэн должны были достигнуть Луны, в их ювви-пространстве снова появилась голова Дженни. Произошло это в то время, когда Стэн и Вэнди разговаривали с Бластером.

— Привет, народ, — выкрикнула Дженни визгливым нагловатым голоском, эхом отдавшимся в общем ювви-пространстве. — Хорошие новости для тебя, Вэнди. Только что я договорилась о том, чтобы сделать резервную копию твоей личности, просто на всякий случай — мало ли что может случиться в полете.

— Что ж, идея неплохая, — отозвалась Вэнди. — Но я ни за что не стану скачивать свою копию в компьютер в Солт-Лейк-Сити.

— Господи, конечно нет, — отозвалась после короткой паузы Дженни. — Мы скачаем твою копию в Гнездо. Ты когда-нибудь слышала о Вилли Тейзе? У него в Гнезде много друзей, и одного из друзей Вилли зовут Френкипейн. Френкипейн все для тебя уже устроила. Так что не тушуйся и полный вперед!

— Да, это я! — раздался чистый вежливый голос с мягким французским акцентом. — Прошу прощения, что подключилась к вашей ювви-беседе. *Bonjour, tout le monde*. Это говорит Френкипейн из Гнезда. Здесь у меня наготове S-куб для тебя, Вэнди.

Образ Френкипейн представлял собой огромную экзотическую орхидею; орхидея пульсировала светом, и лепестки ее переливались рябью, словно состояли из чего-то нематериального.

— Отлично, ребята, я готова, — крикнула Вэнди. Раздался короткий однородный шум, означающий передачу информационной матрицы Вэнди к приемнику в Гнезде, до которого оставалось не так уж много пустого космического пространства. — Вот и готово, — воскликнула Вэнди и звонко рассмеялась от переполнявшего ее возбуждения. — Господи, какое прекрасное ощущение! Теперь я чувствую себя в полной безопасности. Плохо, что то же самое нельзя устроить для Стэна, не разрывая его на части.

— Если Стэну интересны такие процедуры, мы сможем обсудить это на Луне, — сказала Френкипейн. — Мой любовник Ормолу имеет некоторый опыт в обращении с телесными основами, ведь это искусство теперь в основном утеряно.

Откуда-то сзади из-за спин им помахал рукой Ормолу, похожий на пухлого позолоченного купидона, снятого с антикварных часов.

— Даже не мечтайте о таком, — вскинулся Стэн. — Я не согласен, чтобы меня резали на кусочки разные вивисекторы, как это проделали когда-то с Коббом Андерсоном.

— Вот здорово — а как же я? — прервал их Бластер. — Почему Гнездо никогда не позаботилось о том, чтобы иметь резервную копию моей системы? Просто на тот случай, если я немного промахнусь перед посадкой и расшибусь о скалы? Что, я не такая важная птица, как Вэнди?

— Ты слишком большой, Бластер, — сказала Френкипейн. — И, да, ты не так для нас важен, с сожалением должна тебе это сообщить. В любом случае у меня нет достаточных ресурсов для того, чтобы делать копии всех, кто того пожелает. Твои новобранцы должны быть рады уже тому, что у нас хотя бы есть для них работа.

— Тогда пошли вы все, — огрызнулся Бластер. — Мне ваша помощь не нужна. Сто раз без проблем садился на Луну и сейчас сяду.

— Вот и отлично. Сегодня у тебя не должно быть проблем.

— И не будет. Проверьте, чтобы было все в порядке, и больше не лезьте ко мне с вашими звонками. Скоро я лягу на посадочный курс и начну обратный отсчет, так что попросите вашу приятельницу-«наследницу» Дженни не лезть ко мне с глупыми замечаниями, потому что это меня отвлекает. Но имейте в виду, что потом я обязательно подниму этот вопрос на Совете Гнезда.

Но через несколько часов, прямо перед тем как Бластер должен был зайти на посадку, Вэнди и Стэну опять кто-то позвонил. Они ждали Бластера, но это была Френкипейн, все стебли и лепестки которой цвели и призывно раскрывались пуще прежнего.

— *Бонжур*, — проворковала молди. — Я не знаю, как вам это доходчивее и быстрее объяснить, но ситуация такова, что мы здесь, в Гнезде, сейчас близки к тому, чтобы впервые попытаться испытать Раскодировку Гардла с молди в качестве загрузочного объекта. Сегодня утром мы провели испытание на одном из глупышей, а теперь собираемся испытать это на тебе, Вэнди. Мы считаем, что, поскольку ты находишься в космосе, подобные испытания пройдут гораздо безопаснее, к тому же внутри тебя находится мудрый сенатор Муни. Мужайся!

Неожиданно через ювви-вход к ним устремился скрежещущий поток, терабайт информации — вирус! Стэн крикнул Вэнди прервать связь, но Вэнди уже не было с ним. Скрежет длился всего ничего, однако звук был настолько настойчивым и всепроникающим, что Стэн услышал в нем различимые осмысленные голоса. И до тех пор, пока связь не прервалась, ему

ничего не оставалось, как скрипеть зубами от бессилия. Потом раздались новые звуки, источником которых была Вэнди: длительное, медленно вздымающееся уханье, каждое продолжительностью в одну секунду:

— *Уух уух уух уух…*

— В чем дело, Вэнди?

— *Уух уух уух уух уух…*

Тело Вэнди, получившей информационный заряд от Френкипейн, начало мелко дрожать. Стэн, чрезвычайно плотно соединенный с Вэнди, ощущал каждую малейшую судорогу, пробегающую по ее телу, словно бы все это происходило с ним самим. Пьезокристаллические вибрации в глубине Вэнди перекрещивались и в перекрестиях выпускали фотоны в живую нервную сеть ее квазикристаллической структуры. И эта структура начинала спонтанно деформироваться, словно кто-то крутил регуляторы переменных Уравнения Мозаики, принуждая структуру пластика тела Вэнди изменяться, скользя по состояниям 3D, 4D, 5D, 6D… и так далее, все выше по лестнице измерений, при этом переход на каждый новый уровень происходил в два раза быстрее, чем на предыдущий, так что — по крайней мере так казалось самому Стэну — Вэнди успевала пройти через череду многомерных преобразований в течение единственной секунды. И подъем все продолжался. *Уух уух уух уух…* Имиполекс Вэнди был подобен сканеру, проходящему снова и снова по бесчисленным каналам связи, обращая в алеф нуль-каналы Парадокса Зенона в течение каждой секунды, и внезапно — в течение кратчайшего, но отчетливо ясного мига — Стэн узрел экстатический ментальный образ происшедшего: космический луч в форме остроугольной бесконечномерной гильбертовой призмы ворвался в Вэнди, словно осколок шрапнели, шипя принялся прокладывать в ней путь и, наконец, застрял в ее теплой плоти. Стремительно возрастающая высота измерения внутренней квазикристаллической структуры Вэнди уловила информационную волну и усилила ее. Информация подхватила на свой гребень уханье Вэнди и неожиданно расцвела внутри нее подобно огромному бесшумному взрыву в глубоком космосе.

— *Фззззт!* — протрещал разряд. — *Привет, я Кууз с Солнца*.

Поначалу Стэн принял все за розыгрыш:

— Эй, Вэнди, если ты не прекратишь откалывать со мной свои штучки таким хреновым образом, пока мы находимся в открытом космосе на полпути до Луны, я обещаю, что…

— Что ты за существо — Стэн Муни?

От искреннего любопытства, прозвучавшего в вопросе, сердце

Стэна упало.

— Эй, Вэнди, прекрати это! Прекрати сейчас же! Вэнди?

— Вэнди умерла, Стэн Муни. Меня зовут Кууз с Солнца.

— Помогите. Вызовите кого-нибудь на помощь по ювви! Френкипейн? Ты слышишь меня? Нам нужно предупредить Бластера!

— Как мне послать ювви-сигнал Бластеру? — вопросил спокойный голос богоподобного Кууза, и, прежде чем Стэн успел что-то сообразить, он показал Куузу, где у Вэнди хранится протокол удаленного доступа, Кууз набрал номер Бластера, еще через мгновение установилась связь, и против всякого желания Бластера Кууз загрузил ему тот же самый скрежещущий поток информации, который послала в адрес Вэнди Френкипейн несколько минут назад.

8. Дарла

2031–6 ноября 2053 года

Дарла проснулась с головной болью. Звонил ювви, но она не в силах была ответить на звонок. Сработала программа автоответчика, и посреди ее и Уайти спального отсека, на глубине полумили под поверхностью Луны, появилась голограмма ненавистного Кори Рипсома.

У Кори были гладко выбриты виски и щеки, однако его козлиная эспаньолка выглядела спутанной и запущенной. Кори располнел, его лицо имело нездоровый серо-зеленый цвет. Его голос был обычным, насмешливым и издевательским, хотя на этот раз он старался говорить заискивающе.

— Привет, Дарла, — глухо проговорил Кори. — Это старина Кукольник. Я знаю, что ты дома, королева Луны. Я не отключусь и буду говорить до тех пор, пока ты не ответишь. У меня тут одна проблема, о которой я хочу поговорить с тобой. Мне нужно с тобой поговорить. Кроме того, я соскучился по тебе, Уайти и близняшкам.

«Не сомневаюсь», — подумала Дарла.

Дочери Дарлы, «одноя йцевые» близнецы Йок и Джок, появились на свет в 2031 году, сразу после Второй Войны людей с бопперами. Йок и Джок были похожи как две капли воды, но отцы у них были разные. Йок была традиционным результатом траха Дарлы с сожителем Уайти Майдолом, в то время как Джок была продуктом биоинженерии, клоном Йок, которую боппер по имени Эмуль имплантировал в утробу беременной Дарлы, предварительно похитив ту и заточив в темницу.

В течение первых лет своей жизни Джок была такой же хорошенькой и подвижной, как и Йок, но как только она начала разговаривать, сразу же открылось, что она другая. Когда незнакомые люди спрашивали Джок о том, кто ее родители, она отвечала так: «Уайти, Дарла, Эмуль и Береника».

— Но кто такие Эмуль и Береника, дорогая?

— Бууупперы, — отвечала малышка, смешно растягивая первые буквы. — Они умерли. Но я все время разговариваю с ними, про себя.

— Прекрати, Джок, — говорила ей обычно Дарла, когда любопытными незнакомцами оказывались редкие лунные болваны «наследники». — Не слушайте ее, мисс Мургатройд. Джок всего-то пять лет. Она так играет. Верно, Джок?

Хлоп по попе.

В первый же день, когда Джок и Йок отправились в школу, Йок вернулась домой вся в слезах.

— Джок уже знает, как считать и писать, — ревела она. — Почему я такая глупая?

— На самом деле это *не я* читаю, — объяснила ей Джок. — Эмуль и Береника глядят через мои глаза и думают за меня.

— И на что это похоже, когда у тебя в голове сидит кто-то еще? — спросила Йок, вытирая глаза.

— Кажется, словно в голове тесно, — объяснила Джок. — Они смешно говорят, Береника и Эмуль. Береника, она вся в цветах и такая старомодная, а Эмуль коверкает слова.

— И ты все равно будешь ходить в школу? Ты ведь все и так знаешь?

— Конечно, Йок. В школе весело, потому что там много детей. И к тому же мы должны быть вместе, ты и я, потому что мы сестры. Если я останусь на целый день одна без тебя, то я потеряюсь.

— И то верно. Ты всегда все на свете путаешь, не можешь запомнить дорогу и теряешься через пять минут. Хотя умеешь и читать, и считать.

— Эмуль и Береника говорят, что у меня *недоразвито правое полушарие*, — объяснила Джок, тщательно выговаривая слова. — Потому что это то самое место, где они живут во мне.

Для убедительности Джок постучала маленьким кулачком себя по правой стороне головы. И у нее, и у Йок были красивые блестящие каштановые волосы.

— Бедненькая Джоки. Я буду смотреть за тобой, чтобы ты не потерялась, а за это ты поможешь мне делать трудные уроки, — сказала Йок.

Пока Джок и Йок взрослели, они были не разлей вода, и Уайти и Дарла любили их и души в них не чаяли, да и все их друзья тоже.

На одиннадцатый день рождения Кори Рипсом принес близнецам особые подарки, игрушки собственного изготовления.

— Смотрите сюда, сестренки, — сказал им Кори, поставив перед ними на пол пластикового динозавра. Динозаврик попятился назад, потом задрал морду и зарычал, а после зашипел, да так яростно, что от натуги повалился набок, отчего обе сестрички весело засмеялись, потешаясь над миниатюрным, но таким грозным созданием.

— А это что такое? — спросила Дарла, когда динозаврик, уже с кроткой улыбкой, поднялся на лапы.

— Это глупыш, последней модели, качество гарантируется, —

гордо ответил Кори Рипсом. — Вилли объяснил им, как правильно программировать обратную связь, и с тех пор я, кроме того, существенно усовершенствовал и программное обеспечение, и лимп-основу. Вот, прошу оценить. Думаю, что за свое искусство я могу именоваться волшебником. Я собираюсь открыть фирму «Рипсом Энтерпрайзис» и ожидаю просто цунами коммерческого успеха. Я изобрел пластиковых домашних зверей и собираюсь организовать их массовое производство. Я собираюсь оседлать это цунами, Дарла, — каждый захочет купить себе пластикового домашнего зверька.

— Твои глупыши смешные, — хихикнула Йок, глядя на то, как динозаврик принялся танцевать джигу.

— И это на самом деле останется у нас? — спросила Джок.

— Да, конечно, девочки, я же принес это вам в подарок! — воскликнул Кори, гладя сестер по головкам. — Вы обе такие хорошенькие.

— Постой-ка, — строго спросила Дарла. — А он не опасный? Он не станет кусать детей? Я знаю, на что способны эти хитрые молди.

— Молди хорошие, — заявила лояльная Джок. Она всегда и во всем была на стороне бопперов и их пластиковых «наследников».

— Не стоит зря волноваться, Дарла, от этого появляются мешки под глазами, — весело отозвался Кори. — У глупышей не хватит ума, чтобы кому-нибудь навредить.

— *Ладно!* Но ДИМ в моей микроволновке или магги размером не больше большого пальца. ДИМ очень маленькие. А этот динозавр в тысячу раз больше, если судить по весу.

— А ты умная тетка, Дарла, — ухмыльнулся Кори. — Так вот, тогда наматывай на ус, что именно эту проблему и помог мне решить Вилли ровно шесть лет назад, прежде чем начал просиживать дни напролет в зарослях марихуаны и таращиться на звезды. Глупыши гомеостатически оглупляют сами себя. Предположительно в них достаточно имиполекса для того, чтобы вести себя как молди. Но они не могут подняться до уровня молди, потому что в их программе заложена петля обратной связи. Вместо того чтобы стать умнее, они тратят энергию на красоту. И они знают, как стать красивее, потому что я объяснил им это, я — Великий Художник. И кстати говоря, они совершенно не стремятся к воспроизводству, и если ты хочешь завести себе еще одного глупыша, тебе придется купить его у меня, Кори Рипсома, *ака* Старины Кукольника, *ака* Короля глупышей, *ака* президента «Рипсом Энтерпрайзис».

— Кори уже получил заказ на три тысячи глупышей, —

вставил Уайти. — Мы так думаем, что на глупышей будет спрос, да еще и какой. Вилли больше не желает заниматься инвестированием, так что я дал Кори немного своих денег. За это он передал мне один стандартный публичный пакет акций. Дарла, мы теперь совладельцы фирмы, ты и я, мы настоящие капиталисты, в натуре.

— Ты дал ему денег? — сразу встрепенулась Дарла. — И от кого поступил этот заказ на глупышей?

— Да на всей Луне хотят покупать глупышей, — пренебрежительно отмахнулся Кори. — К тому же мне кажется, что на Земле уже начинают задумываться об опрометчиво принятом Гражданском Акте Молди, и там тоже будут заинтересованы в импорте нового оригинального лимпсофта. В особенности эти придурки «наследники». Вы знаете, как называют эту религию? Хренова Церковь Трахнутого Вновь Рожденного Из Собачьего Дерьма Мормона Оттрахавшего Своих Детей Во Славу Сатаны.

Античная улыбка Кори перешла в ядовитые смешки.

— Но я отвлекся. Глупыши — это отличные игрушки и домашние зверьки, в особенности здесь у нас, где молди не особенно водятся. Глупыши могут будить в нас старые тревожные воспоминания, но они отличная замена домашним зверям, которых нам держать не разрешается по закону о количестве воздуха. Глупыши совершенно стерильные.

Как ни странно, но Кори оказался прав, и в течение нескольких последующих лет его бизнес прекрасно развивался, и со временем он подарил Йок и Джок еще нескольких глупышей. Сестрам нравились игрушки, и они любили общество Кори. Кори был единственным из взрослых, кто готов был часами слушать рассказы Джок об Эмуле и Беренике. Он был единственным из друзей Дарлы и Уайти, кто отлично разбирался в литературе. Кори прочитал Йок и Джок «Алису в Стране Чудес» и «Алису в Зазеркалье».

Когда девочкам исполнилось по семнадцать лет, Кори появился с полудюжиной совершенно новых глупышей. Посмеиваясь и скаля свои желтые прокуренные зубы, Кори распаковал свой мешок и высыпал живых пластиковых созданий прямо на пол.

— Девочки, помните «Бармаглота»? — воскликнул он. — Джок, ты можешь прочитать первые две строфы?

— Могу, — отозвалась Джок и продекламировала чудесные стихи, замечательно отполированные временем:

Варкалось. Хливкие шорьки

Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

О, бойся Бармаглота, сын!
Он так свирлеп и дик,
А в глуще рымит исполин —
Злопастный Брандашмыг!

По мере того как Джок читала стихи, каждый из шести глупышей вставал и кланялся по очереди: шорьк, смесь барсука и ящерицы, с носом и хвостом как штопор; мюмзик, мохнатая, похожая на швабру птица с длинными лапами и висячим клювом; зелюк, маленький шумный зеленый поросенок; сам Бармаглот, дракон с загнутыми назад зубами, с кожистыми, как у летучей мыши, крыльями и длиннопалыми когтистыми лапами; птица джубджуб с широким оранжевым клювом, круглым, словно баскетбольный мяч в профиль, и телом, словно шар оранжевых перьев, и, в конце концов, брандашмыг, вздорная обезьянка с пятой ладонью на конце гибкого ухватистого хвоста.

Джок и Йок вскрикивали от восторга, наблюдая за тем, как зверюшки-бармаглотики откалывают свои штуки. Птичка джубджуб проглотила зелюка, но тут же отрыгнула его обратно. Вывалившийся из пасти джубджуба зелюк разгневанно завизжал, да так, что его визг поднялся до пронзительного свиста. Бармаглот сильно захлопал крыльями, так что даже приподнялся на несколько футов от пола. Шорьк по очереди пытался ввинтить в пол то свой хвост, то нос. Мюмзик бродил туда-сюда, поглядывая на остальных, но не рискуя подходить к ним близко. Брандашмыг обвил своим хвостом ногу Джок и ущипнул ее за зад.

— Не сметь! — крикнула Джок и сильно хлопнула обезьянку. Брандашмыг заверещал, похотливо потер свою промежность и, проворно вспрыгнув на ногу девочки, принялся по-собачьи ритмично об нее удовлетворяться.

— Так, над этим еще нужно немного поработать, — взволнованно сообщил Кори и, подхватив брандашмыга, засунул сопротивляющегося глупыша обратно в мешок. — Я слишком много вложил в них самого себя и поэтому не знаю, как они станут реагировать в той или иной ситуации. Прекратите на меня так смотреть, девушки!

— Дядя Кори — хулиганский брандашмыг, — хихикнула Йок.

— Для чего это он так противно терся об мою ногу? — спросила Джок.

— Он хотел сделать с тобой *это самое*, — сделала большие глаза Йок. — Ой, глядите, джубджуб вот-вот снова проглотит зелюка — а выпустит она его в тот раз?

— Правильно говорить «на этот раз», — поправила начитанная Джок.

Если инцидент с брандашмыгом лишь навел Дарлу на размышления, то ее подозрения относительно Кори Рипсома полностью подтвердились несколькими месяцами позже, когда к ней в гости заглянула Кили Каарп.

Кили была молодая приятельница Дарлы, со времен серьезного увлечения наркотиками, когда они обе обитали в Храме Ра. Кили до сих пор ела наркотики без остановки — кваак, снеп, трехходовку, слив, что попадется, — и готова была заняться сексом с каждым, кто мог дать ей закинуться. Кили появлялась только тогда, когда ей было что-нибудь нужно, но Дарла все равно бывала ей рада. Иногда Дарла думала про себя, что не попадись ей самой Уайти, то наверняка она закончила бы теперь как Кили.

— А, Кили, проходи, — обрадовалась она подруге. — Как дела?

— Да так, муть одна. Мне бы немного денег.

Кили была тощей, с неразвитым телом, с виду совсем как Йок и Джок.

— Я в доме денег почти не держу, Кили, — ответила Дарла. — Но пару доз слива я могу тебе дать. Это все, что у меня есть.

— Дарла, ты до сих пор закидываешься сливом? По-прежнему плещешься в волшебной ванне?

— Да, а что тут такого? Ты что, думаешь, я стала реалой и отказалась от любовного супа? Я принимаю слив, но только вместе с Уайти и по особым случаям, но очень особым, может, раза три в месяц, не больше, и всегда, чтобы Джок и Йок не видели.

— Ты молодец, Дарла, сумела наладить свою жизнь. Завидую тебе. А мне приходится с такими извращенцами связываться, что и представить невозможно.

— Ну расскажи хоть про кого-нибудь, — улыбнулась Дарла. — Ты же знаешь, я люблю грязные истории. Как насчет кофе, Кили?

— А пиво есть?

— Сейчас организуем.

Выдув три пива и поболтав часа полтора, Кили напомнила Дарле, что та обещала ей слив, и Дарла пошла и принесла три капсулы из шкафчика.

— Вот спасибо, Дарла, — поблагодарила Кили, тщательно упаковывая капсулы в карман. — Перед уходом, я думаю, должна тебе еще кое-что рассказать. До сих пор я только собиралась с духом. Твоих близняшек дома нет? Йок и Джок?

— Нет, они в школе.

— Хорошо, — вздохнула Кили, быстро проводя пальцами сквозь волосы. — Хочу рассказать тебе про Кори Рипсома. Вчера вечером он зазвал меня к себе в изопод, пообещал пару доз снепа и там устроил такое… не знаю, как и сказать.

— Говори как есть.

— Когда Кори трахал меня, он надел на себя ювви, что, конечно же, в первую очередь, оскорбительно для меня — я знаю, что уже не та красавица, как когда-то, но если Кили кому-то не нравится, он может оставить Кили в покое. Я поняла, что Кори одновременно гнал через ювви-фильтр, в котором я выглядела как кто-то другой. Я подумала: а кто это? Поэтому… когда Кори начал кончать, я сорвала с него ювви и проверила, и в том фильтре была Джок. Или Йок. По мне, так они обе одинаковые.

— Вот урод, извращенец! — заорала Дарла. — И это мои девочки! Я так и знала! На их день рождения он подарил глупышей, один из которых начал приставать к Джок, и вот теперь он гоняет секс-фильтры с моими дочерьми, пока сам трахает обдолбанных снепом шлюх — извини, Кили, я не хотела тебя обидеть. Это нужно прекратить! Я поговорю с Уайти!

— Уайти разберется с Кори, — отозвалась Кили. — Братишка Уайти оформит его как надо. У тебя нет еще пивка?

И Уайти поговорил с Кори, и с тех пор Кори больше не появлялся у них в гостях, и дружеским вечеринкам в изоподе тоже пришел конец. Между собой Уайти и Кори в большей или меньшей степени остались друзьями, но Дарла с Кори больше не разговаривала. Сколько времени с тех пор пролетело? Теперь девочкам уже двадцать один, и стоит ноябрь 2053 года.

— Ну Дарла, ну же, — взмолилась голограмма Кори Рипсома. — Это же Старина Кукольник.

Дарла медленно поднялась с кровати, в слабой лунной гравитации ее объемистые батоны мягко качнулись. От ее тела исходило теплое ощущение покоя и довольства. У нее был небольшой двойной подбородок, практически изогнутый дугой рот, честные глаза и курносый нос.

— Минутку-то можешь подождать, какой настырный! — заорала она и начала одеваться. Она натянула высокие, до бедер, молди-сапоги и черные шелковые высоко обрезанные штанишки с широкой резинкой из эластичных полосок и вставками из кружев по сторонам от лобка. Потом подпоясалась широким кожаным

ремнем с кармашками для домашних принадлежностей, оставив при этом грудь открытой. Наряд завершили украшения, бусы из черного лунного жемчуга и тонкое золотое ожерелье, после чего Дарла небрежно заколола в высокий хвост свои черные волосы, рассыпавшиеся фонтаном и свободными кольцами падавшие на плечи и обнаженную грудь. В довершение дела она мазнула по губам черной помадой и наконец включила ювви.

— В чем дело?

— Привет, Дарла, — быстро проговорил Кори Рипсом, в глазах которого вид Дарлы не вызвал особого интереса. Одеяние Дарлы не было чем-то необычным в жарких подлунных тоннелях, кроме того, Дарле было уже слишком много лет, чтобы она смогла хоть сколько-нибудь всколыхнуть желание Кори.

— Ты, э-э-э, не знаешь, где Уайти?

Судя по фону голограммы, похоже было, что Кори звонит из ванной.

— Он ушел сегодня утром на работу, болван ты эдакий. Уайти чем-то занимается для ОСЦС. И ты позвонил только ради этого? Словно я какой-то хренов автоответчик?

Дарла протянула руку, чтобы выключить ювви.

— Погоди, Дарла. Дай я тогда скажу тебе.

— Ого, вот повезло. — Дарла взяла ювви и отнесла его с собой в кухонный отсек. Голограмма Рипсома послушно волочилась следом за ней, словно воздушный шарик на привязи. Двигаясь вслед за ювви, голограмма странно шипела и потрескивала, потом Дарле послышалось, как где-то в отсеке словно бы кто-то заухал. Она остановилась и склонила к плечу голову, прислушиваясь, но уже все смолкло. Наверное, у нее отходняк от вчерашней дури, не иначе.

— Хорошо, говори. Но мне нужно что-нибудь съесть, я еще не завтракала, — сказала Дарла. Она поставила ювви на кухонный стол, взяла сквизер с кофе с молоком и поставила его в микроволновку, после чего наполнила из пищевого крана питательной пастой тарелку.

— Что-то случилось с моими глупышами, — сказал Кори Рипсом, который и вправду выглядел взволнованным. Он сидел на туалетном стульчаке, при этом штаны у него были надеты. — Сегодня с самого утра глупыши ведут себя странно. С утра мне позвонила молди по имени Френкипейн из Гнезда. Она подруга Вилли и Гардла-7. И эта Френки послала мне по ювви какой-то вирус, который заразил двенадцать из четырнадцати моих глупышей, и те словно спятили. Когда Френки сделала свое черное дело, в моем ювви раздался скрежет и хруст, а потом двенадцать глупышей все вместе начали ухать, и, я боюсь

говорить это, Дарла, я снова только что слышал этот звук, поэтому я думаю, что мой ювви послал вирус и тебе тоже. Сколько у тебя в отсеке глупышей? Тебе лучше пойти и проверить, что с ними.

— Конечно, спасибо, уже побежала, — отозвалась Дарла, мешая ложкой пасту и почти не слушая, что там болтает Кори. — Сколько всего у нас глупышей? Только один и остался. Девочки забрали всех остальных, когда переехали. С нами остался только Рагс, этот пятнистый фокстерьер, такой симпатичный. Но сегодня с утра я его еще не видела.

Дарла крикнула:

— Рагс, ко мне! Беги ко мне, малыш!

Никакого ответа.

Уайти хорошо зарабатывал в ОСЦС; теперь они жили в шестикомнатном отсеке. Положив ложку на стол, Дарла поплелась в гостиную. Рагс был в гостиной, но больше не вел себя как собака. Внешне он по-прежнему был похож на белого в черных пятнах фоксика, но теперь ходил на задних лапах и не побежал навстречу Дарле, как обычно. Рагс, очень похожий на крошечного человека, стоял перед входным силовым экраном спиной к комнате и внимательно изучал устройство электрического замка на дверях. Внезапно Рагс наклонился вперед и прикоснулся своими усами к поверхности замка, и — *зззт!* — ус Рагса исчез, словно бы впился в замок. Дарла бросилась посмотреть, что сталось с замком, и Рагс тут же повернулся к ней. В глазах фокстерьера светился разум и пристальное внимание.

— Привет! — сказал Рагс, который раньше не говорил ни слова. — Я больше не собака. Я Цитон из галактики Андромеда.

Рагс замолчал и внимательно рассмотрел Дарлу, словно бы оценивал ее внешний вид.

— Что самое важное, я одна из первый личностных волн, раскодированных в вашем узле вселенной. Это планета Земля?

— Это Луна, — глухим голосом ответила Дарла, изо всех сил пытаясь взять себя в руки и не отвлекаться на штучки-дрючки сбесившегося выродка-молди. Ясно, что в глупыше засбоила система. Немудрено, что Рагс ведет себя словно герой из «Сумеречной зоны». Дарла медленно, шаг за шагом, начала пятиться обратно к кухне. Песик тут же двинулся за ней, по-прежнему отказываясь становиться на четыре лапы.

— Эй, Рагс, как это ты так быстро выучился говорить? — спросила Дарла, добавив в свой голос как можно больше меду, словно бы речевые способности Рагса в самом деле так сильно ее интересовали. В кухне в ящике стола лежал игловик.

— Да, именно это я и хотел бы тебе объяснить, Дарла, — донесся голос Рипсома, голограмма которого продолжала болтаться посреди кухни. — Теперь ты поняла, что с твоим Рагсом не все в порядке. Все мои глупыши превратились в хреновых пришельцев. Как я понимаю, в глупышей вселились какие-то бродячие системные программы из внешнего космоса — я этого не хотел, но так вышло, эти системы свободные и живут сами по себе, хотим мы того или нет, настоящие граффити из измерения Зет, свободные программы из фантастики. Я заперся от них в ванной, а Умница Ханси начала…

Дарла выключила ювви и быстро прошла к кухонному столу. Выдвинула ящик. Достала игловик. Странное существо, вселившееся в ее пса, крутилось возле ее ног, все время поглядывая на нее умными глазами.

— Ты можешь снять экран с входной двери и выпустить меня? — спросил ее Рагс. — Я хочу добраться до Кори, чтобы познакомиться с остальными прибывшими. Нам нужно наладить раскодирование в вашем узле. Это для вашей же пользы.

Дарла всадила заряд прямо между внимательных собачьих глаз. Имиполекс обуглился, пошел дым, потом вспыхнуло пламя, Рагс закрутился на месте волчком, пронзительно и страшно визжа.

Дарла стреляла снова и снова, задыхаясь и кашляя от дыма. Сработали потолочные распылители на потолке и залили пламя. Внезапно вспомнив о ювви, через которое в их отсек пробрался вирус, Дарла бросилась к кухонному столу и принялась рубить ювви ножом, прорезая глубокие бороздки в столешнице. *Проклятый* Кори Рипсом наслал на нее эту напасть!

Потом внезапно Дарла услышала, как сработал замок входного экрана, как гудение экрана прекратилось и в отсек кто-то вошел. С игловиком в руке она побежала в гостиную и вскинула оружие, ухватившись, чтобы ствол не дрожал, для верности обеими руками, но там…

Это были Йок и Джок.

— Ты что, ма? — испуганно спросила Йок. — Это же *мы*.

Дарла опустила игловик и вздохнула. Девушки вошли в комнату.

— Она застрелила Рагса, — воскликнула Джок. — На кухне кругом вода и все в копоти.

— Ма? — спросила Йок. — Ты что, снова принимаешь снеп? Если ты снова на наркотиках, то мы уходим.

У обеих, и у Джок, и у Йок, была оливкового цвета кожа, большие яркие глаза и небольшие рты с полными губами. Лица их были похожи как две капли воды, но стадию, на которой еще

есть желание одинаково одеваться, они уже переросли. Йок, как правило, управлялась с прической очень просто и стриглась коротко, тогда как Джок использовала волосы для творчества. Она начала с того, что высветлила волосы и превратилась в блондинку, потом дождалась, когда у корней вырастет на три дюйма темных волос, и сегодня она носила волосы, собирая их в два высоких хвоста, при этом кончики хвостов она выкрасила розовым. Прическе вполне соответствовал остальной панк-наряд Джок: кожаная куртка поверх майки и красные джинсы, отрезанные над солдатского типа высокими ботинками темно-красного цвета. В свою очередь Йок была одета в длинное темное шерстяное платье и высокие серебристые сапоги — современный стиль лунной девушки.

— Подождите, — вздохнула Дарла, плюхнувшись на стул посреди изгаженной кухни, все еще не выпуская из рук игловик. — Кори Рипсом заслал к нам что-то вроде вируса, а потом в Рагса что-то *вселилось*. Он начал разговаривать. Потом, после того, как я застрелила Рагса, я решила, что в ювви тоже что-то могло вселиться.

— Ты хорошо с ними управилась, — проговорила Джок, поднимая со стола остатки мелко изрубленного ножом ювви. — Ну и что же тебе сказал Рагс?

— Он… — Дарла растерянно потрясла головой. — Девочки, я совершенно трезвая, так что дайте мне отдышаться. Мне нужно выпить кофе.

Йок передала Дарле теплый сквизер с кофе, и та сделала большой глоток.

— Рагс сказал, что он прилетел из другой галактики. Уж кто-кто, а я-то знаю, будьте уверены, что роботам нельзя доверять, когда они начинают странно себя вести. Поэтому я сразу убила его.

— И ювви тоже? — тихо спросила Йок.

— Господи, я испугалась! — закричала Дарла. — Ты сама, Йок, ты всегда, черт возьми, рассуждаешь логично? Сигнал, который изменил Рагса, пришел по ювви, поэтому я ювви убила тоже. Позвоните Кори Рипсому, если вы мне не верите. Он сам заперся и сидит в ванной.

— Наш дорогуша старина Брандашмыг? — хихикнула Джок. — Что там случилось с его глупышами, они тоже говорят, что прилетели из другой галактики?

— Как я поняла, у него тоже творится что-то подобное. Я так и не смогла закончить с ним разговор, — проворчала Дарла. — Чертов он извращенец. Хотя нет, звонить ему не нужно, потому что теперь это опасно. Сейчас мы все равно не сможем позвонить,

чертов ювви сломан. Сегодня же нужно будет купить новый. Зачем вы пришли сюда, сестрички, кроме того, чтобы посмеяться над старой больной матерью?

Вид дочерей всегда действовал на Дарлу ободряюще.

— В космопорте скоро должен сесть корабль с похищенными с Земли, — сказала Джок. — Кажется, это будет Бластер? На этот раз он привезет двадцать молди, и, кроме того, там у него на борту есть человек, женщина по имени Терри Перцесеп. Бластер хочет продать ее, получить выкуп.

— Продать кому?

— Стэн Муни собирается заплатить за нее. На прошлой неделе он звонил отцу, чтобы тот все организовал. Па просил нас с Йок заехать в космопорт, встретить Терри и помочь ей добраться обратно до Земли.

— За бесплатно?

— Конечно нет, — ответила Джок, качая головой. — Нам отвалят хорошие деньги. У Береники есть с Бластером контракт.

— Мы думали, — подхватила Йок, — что тебе будет приятно прокатиться с нами в космопорт, встретить Терри. Па тоже там будет.

— Он мог мне и сам все сказать, — обиженно сказала Дарла. — Иногда мне кажется, что Уайти меня больше не любит.

— Мама, не говори глупости, па тебя любит. Так ты поедешь с нами?

— Хорошо, — ответила Дарла. — Я не против немного встряхнуться. От вида этой кухни у меня мурашки бегают, в особенности когда я вспоминаю, как смотрел на меня Рагс.

— Может быть, у него был просто сбой в системе? — предположила Йок, чтобы успокоить мать. — У Кори постоянно случаются сбои с его глупышами.

— Кори тоже сказал, что все его глупыши превратились в… по-моему, он сказал, что они превратились в… — припомнила Дарла. — Кстати, ваши глупыши вели себя сегодня нормально? Ведь у вас их полно, глупышей-то?

— Джок отнесла всех наших глупышей обратно к Кори, — грустно ответила Йок. — Даже зелюка и птицу джубджуб.

— Эмуль и Береника считают, что глупыши — это неправильно, — объяснила Джок. — Они рассказали мне почему. Береника спросила меня, что я скажу по поводу того, чтобы завести дома шестифутового ручного человечка, запрограммированного как животное.

— Сомневаюсь, что домашние человечки могут неожиданно решить, что они прилетели с другой галактики, — ответила Дарла. — *Цитон* — так, сказал Рагс, его теперь зовут. Он ходил

на задних лапах, и еще он разговаривал. И глаза у него тоже были другие.

— Может быть, нам нужно сходить к изоподу и посмотреть, как там Кори? — предложила Джок. — Если с его глупышами что-то случилось, то у него могут быть неприятности.

— Идти к этому педофилу? — мгновенно вспыхнула Дарла. — Пусть сидит в ванной, там ему и место! Мы с ним больше не разговариваем!

— Мы больше не дети, ма, — ответила Джок. — Кроме того, я иногда бываю у Кори. Вилли переехал в Гнездо, и Кори остался в изоподе совсем один. Пару раз мы вместе обедали в ресторане. У него отличная студия, просто класс. А кроме того, мне кажется, что Эмуль и Береника ошибаются по поводу глупышей. Глупыши Кори совсем не такие плохие, это просто новая форма искусства. И я не вижу причин, по которым нужно стремиться быть человеком вместо животного. Взять хотя бы тропических рыбок. Вместо того чтобы тратить природную энергию на самосовершенствование, они тратят энергию на красоту.

— Подожди-ка, Джок, — задохнулась Дарла. — Здесь сделаем остановку. Ты что, ходишь к Кори в изопод?

— Прошу прощения, — вставила Йок. — Но нам нужно отправиться в космопорт, а то будет поздно. Береника говорит, что Бластер уже на подходе. А по пути вы можете продолжать ругаться.

Через несколько минут они вышли из отсека Уайти и Дарлы и двинулись по коридору мимо дверей других отсеков, закрытых тихо гудящими силовыми экранами. В конце коридора имелась вертикальная шахта, ведущая на Рынок, под главный купол Эйнштейна.

— Мы не пойдем через тоннель? — спросила Дарла.

— Нет, — ответила Джок. — Мы возьмем напрокат багги и поведем сами. Так гораздо интереснее. Кроме того, Стэн платит. Так записано в контракте.

— Отлично! — воскликнула Дарла. — Прекрасно. Я уже не видела настоящих звезд черт знает сколько времени. Вот только… вот только, может быть, мне нужно было потеплее одеться?

— Ма, ты выглядишь потрясающе, — отозвалась Йок. — А в скафандре-пузыре тебе будет тепло. Так что вперед!

Они быстро поднялись по лестнице на улицу Эйнштейна и скоро уже оказались в толпе. Высоко над их головами простирался изогнутый купол города, под которым в вышине носились туда-сюда магги. В центре улицы имелась движущаяся дорожка с креслами.

— Смотрите, девочки, вон какая-то женщина с глупышом, —

сказала Дарла, указывая на проезжающую мимо них женщину с сиамским котом на руках. — Интересно, он у нее…

Но имиполексовый кот сидел на руках хозяйки совершенно спокойно. Йок вопросительно взглянула на Дарлу.

— Я подумала, что Кори, может быть, послал вирус кому-нибудь еще, — объяснила Дарла.

— Вон свободное место, — подала голос практичная Джок, и они втроем прыгнули на дорожку к свободным креслам. Мимо них понеслись дома, продукты невероятной архитектуры Эйнштейна, вид которых воскресил в Дарле воспоминания.

Вот, например, Храм Ра, с колоннами в виде стеблей лотоса, бывшая фабрика бопперов, превращенная после Первой Войны людей и бопперов в 2022-м в трах-дом; когда-то она прибыла сюда в качестве сопровождающей и девушки для увеселений в компании строительного инженера Бена Бакстера. Дарла поступила на работу няней в семью Бакстера на Земле в родном городе Альбукерке, в штате Нью-Мексико, но очень скоро Бакстер начал использовать Дарлу по полной программе. Первое время Дарла прикидывалась дурочкой и подчинялась Бакстеру, но, оказавшись на Луне, очень скоро бросила его и стала жить сама по себе. Наступили дикие и развеселые времена ее жизни в Храме Ра. Здесь Дарла впервые открыла для себя слив, а через слив познакомилась с Уайти.

Воспоминания Дарлы были нарушены кое-чем необычным, появившимся в переулке, отделяющем Храм Ра от офисного здания в стиле 30-х годов XX века по соседству. Переулок был заполнен мусором, в основном выброшенными принадлежностями лунного быта и мебели из керамики и полированного камня, в треснувшей и разбитой поверхности которых отражался и то тут, то там мерцал свет. Сияние словно бы двигалось, как несомое ветром облако, вот только под куполом Эйнштейна не бывало ветров. Быть может, там, под грудой мусора, скрывается беглый глупыш, зараженный вирусом, — может случиться такое? Но вскоре переулок скрылся с глаз. Дарла заметила, как из-под расколотого каменного фрагмента выскочила крыса, обычная серая крыса с голым розовым хвостом. Может быть, Кори просто наелся наркотиков, а ее, Дарлу, охватила паранойя? Но что тогда случилось с Рагсом?

Теперь они проезжали мимо офисного здания — здание называлось «Брэдбери», и здесь когда-то располагалось детективное агентство Стэна Муни. Какой чудной тип был этот Стэн Муни, такой тощий сутулый малец. Трудно поверить в то, что он перебрался на Землю и заделался там сенатором Соединенных Штатов и пробыл сенатором целых двенадцать лет.

Стэн сумел пробить через конгресс Гражданский Акт Молди, эту чертову хрень. По крайней мере на Луне ни один молди никогда не пытался потребовать предоставить ему права гражданина, да и не нужно им это было. Молди не появлялись в Эйнштейне, а люди старались держаться подальше от Гнезда. И всем было хорошо. Дарла кивнула своим мыслям.

— Спишь, ма? — спросила у нее Джок и обняла за плечи.

— День назад я смотрела ювви про Землю, — сказала Дарла. — Я поверить не могу, что эти земляне могут жить вперемешку с молди.

— Не нужно распалять в себе расистку, ма, — подала голос Джок. — Надеюсь, что ты не забыла, что я наполовину молди и что такие высказывания: (а) задевают меня, (б) в космопорте, в центре торговли, мы будет окружены молди, и там нужно заранее выбросить из головы такие мысли.

— Черт, а как вам понравится, девочки, такой вариант, если какой-то хренов боппер поймает вас, посадит под замок, а потом и изнасилует, как это сделал со мной Эмуль? Нет, Джок, я тебя люблю, но все-таки…

— Эй, вы, двое, перестаньте, наконец, — подняла голос Йок. — Мы уже приехали.

Они спрыгнули с самодвижущейся части улицы возле окраины Эйнштейна, там, где до смыкающегося с поверхностью купола оставалось всего несколько десятков футов. В стену купола была встроена большая ложная дверь, большая, как ворота, с фрагментами зубчатой каменной стилизованной стены замка, сложенной из грубо отесанных глыб. Поверх ворот было выложено огромными кривыми буквами из полированного обсидиана: ЛУННЫЕ БАГГИ.

Мать и обе дочери взяли для себя напрокат скафандры-пузыри и багги на здоровенных оранжевых мягких ДИМ-шинах. Энергию багги получал от солнечных батарей. Внутри багги имелось четыре сиденья на независимых подвесках, причем сиденья были устроены очень просто: только подушка для спинки и пара подушек рядом для сидения. Через несколько минут они уже были снаружи и катили по серой от лунной пыли дороге от купола Эйнштейна к космопорту. Йок сидела за рулем, рядом с ней устроилась Дарла, а Джок расположили сзади. В 2030-м, когда у лунных молди было поменьше спеси, скафандры-пузыри были полными молди на договорной оплате, но теперь пузыри снова делали из тупого пьезопластика со встроенным ДИМ-процессором. Слава богу, что в скафандрах были ювви, и женщины могли без труда болтать друг с другом.

— Тот мужик, там внутри, он точно положил глаз на тебя,

ма, — передала по ювви Йок и весело засмеялась, сжимая в руках руль. — Когда он помогал тебе забраться в пузырь, он повернулся ко мне. Я видела, как надулось у него впереди.

— Ха, на такую старую толстуху, как я? Сомневаюсь. Кстати, о романтике. Так что ты там делала в изоподе у Кори, Джок? Давай-ка признавайся, дочка!

— Не в чем признаваться, — отозвалась сзади Джок. — За последнее время я всего-то пару раз к нему заходила. Кори хороший парень. И знаешь что, ма, Кори никогда, ни разу ничего не сделал ни мне, ни Йок, когда мы были маленькие. Может быть, этой Кили Каарп все померещилось от снепа, или она просто со зла решила наговорить на Кори, о том, что он баловался с нею под порнофильтром со мной или Йок? Сказать по правде, я сомневаюсь, что Кори станет спать с такой грязной тупой сучонкой, как эта Кили.

В голосе Джок прибавилось решительности.

— Мой дорогой Брандашмыг слишком изысканный любовник для таких девок!

— Так ты еще и *трахалась* с ним! — взвилась Дарла, повернувшись кругом, чтобы в ярости уставиться в покрытый серебристым отражателем круглый шлем пузыря Джок, раскинувшейся на заднем сиденье.

— Я думаю, что она просто подкалывает тебя, ма, — хихикнула Йок, следя за проторенной дорогой, как раз перевалившей через край кольца самого крупного на пути от города к космопорту кратера. — Но наверняка даже я не уверена. Джок мне ничего не говорит.

Дарла отвернулась от посеребренной головы Джок, откинулась на спинку своего кресла, расслабилась и вздохнула. Пролетев в низкой гравитации несколько футов, багги мягко опустился на покрытое пылью дно кратера. Здоровенные ДИМ-шины полностью смягчили удар, и багги покатил через выстеленное пылью дно кратера к его дальнему краю.

Дарла подняла голову и принялась разглядывать россыпи звездного шлейфа и далекую голубую Землю. Сегодня был один из тех редких дней, когда можно увидеть Нью-Мексико. Она вспомнила прошлое и подумала о том, как протекает ее настоящее. Уайти был любовью ее жизни, но в последнее время его пыл к ней немного поугас. Большую часть дня Уайти проводил на работе, трудился на ОСЦС или занимался чем-то еще; он не особенно рассказывал Дарле, как он проводит время. Среди работников ОСЦС было полно сексуальных типчиков, что вселяло тревогу, в особенности присутствие молодой морфодитки Ло Тек, странная близость которой с Уайти наводила Дарлу на

подозрения. Хоть иной раз Дарла и сама была не прочь тряхнуть стариной с прежними дружками-испанцами, такими, как Родольфо, Рафаэль или Рикардо. Не так давно Уайти надулся на Рикардо и перестал с ним разговаривать, наверняка из-за Дарлы, но что за хреновина, они с Уайти даже не *женаты*, они не *реалы*, не как все, никогда не были как все и становиться как все не собираются — они крутые тусовщики, *иксеры*, мчащиеся на волне великого учения слива.

Дарла отвела взгляд от звездного неба и стала глядеть, как мчится им навстречу и словно бы сквозь них полное лунной пыли дно кратера. Пылающее Солнце отбрасывало от их багги чернильную тень с бритвенно-острыми краями, которая летела рядом с ними с той стороны, где сидела Дарла. Тень была наклонена немного вперед относительно их движения, на верхушке тени торчала круглая голова Дарлы, черным кружком, то большего, то меньшего размера в зависимости от неровностей почвы, несущейся посреди равнины подобно существу из двумерного мира — *ух!* — вот она провалилась в яму — *ах!* — вскочила на возвышение. Дно кратера медленно поднималось вверх; Йок уверенно направляла багги по старой дороге, держа курс на ложбину на склоне внешнего края кратера; вот они стремительно перевалили через край кратера, оторвались от поверхности и на скорости взмыли вверх, совершили стофутовый прыжок и почти незаметно, благодаря гасящему удар эффекту ДИМ-шин, опустились на поверхность и покатили дальше.

Дарла уже различала впереди проблески купола над строениями космопорта, до которого оставалось, может быть, всего две мили. Как и терминал, купол являлся чем-то вроде рынка; внутри под куполом было полным-полно молди, которые пришли сюда из своего огромного подлунного Гнезда для того, чтобы заключить сделки с людьми. ДИМ-процессоры везде и всюду вокруг Дарлы — в ее ювви, в шинах багги, в воздушном регуляторе их скафандров-пузырей — все до сих пор работало надежно и исправно, но что-то все-таки случилось с ее глупышом. А что, если и с молди случилось нечто подобное? Что, если все молди в космопорте сошли с ума? Что случится, если она и девочки попытаются туда войти?

— Знаешь что, Джок, — задумчиво произнесла Дарла, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно нормальнее. — Пока на нас есть ювви, почему бы тебе не позвонить Кори и не спросить, как он там? А мы с Йок послушаем вас. Я хочу узнать, что там произошло с его глупышами.

— Хорошо, — отозвалась Джок. — Только почему бы тебе сразу не сказать, что ты хочешь, чтобы я позвонила Кори для того,

чтобы ты смогла выведать, трахаемся мы или нет? Ты всюду суешь свой нос, ма!

— Иногда ты становишься такой дешевкой, что просто невозможно, — гневно бросила Дарла. — Уж не знаю, в кого ты такая уродилась.

— А кроме того, ма, — продолжила Джок. — Разве не ты сказала нам, что Кори передал тебе по ювви какой-то вирус? Что будет, если он снова пришлет нам вирус, пока мы находимся без воздуха? У нас скафандры могут отключиться.

— Что сказать — как только услышишь странный шум, такой треск, сразу отключайся, — ответила Дарла.

— В худшем случае мы можем запустить скафандры на ручном управлении, — заметила Йок. — Разве вас не учили этому на курсах космической сертификации?

В конце концов Джок позвонила Кори, и через несколько секунд Кори снял трубку. Через ювви-связь Дарла и Йок могли слышать, о чем говорит Джок с Кори.

— Что? — заорал Кори. — Кто это, на хрен, такой?

Кори не пользовался ювви, а сидел перед старинным виззифоном с вмонтированной в стену камерой и разбитым экраном. Единственный канал связи, который работал у него, было аудио. На экране смутно виднелся Кори, склонившийся над грязным кухонным столом, на котором сидели зелюк и птица джубджуб, изображение которых было неясным. Кроме того, стол был завален набросками-палимпсестами, керамическими тарелками с остатками еды, стоял виззи без видеосвязи, старый неуклюжий пьезоморфер Макита, валялись ошметки имиполекса и, конечно же, дымились разнообразные страхолюдного вида курительные принадлежности Кори.

Джубджуб открыла клюв и хищно им щелкнула, нацелясь в сторону закрученного штопором хвоста зелюка. Зелюк обиженно захрюкотал, произведя звук, в котором совмещался визг, вой и свист. Кори поморщился и присосался к фильтр-мундштуку, чтобы как следует глотнуть дыму из грязного кальяна.

— Кори, — строгим голосом сказала Дарла, прежде чем Джок успела открыть рот. — Мы беспокоились о тебе.

— Дарла? — пораженно переспросил Кори, оторвавшись от курительной машинки и тряхнув головой, чтобы отделаться от клубов дыма, вырывающихся у него изо рта. — Что там у тебя с Рагсом? Я не могу разговаривать по ювви, потому что Умница Ханси сегодня утром стащила у меня ювви, сразу же после того, как я поговорил с тобой. Она сказала, что они не могут рисковать, потому что я могу заразить глупышей, принадлежащих другим людям. Все пошло наперекосяк, просто черт ногу сломит. Так как

у тебя дела с Рагсом?

— Я застрелила его из игловика, большое спасибо тебе за это, Кори. Эта Умница Ханси — она одна из твоих глупышей? Эти двое, которых я вижу, ведут себя вроде нормально.

Зелюк вырвал из клюва джубджуба свой хвост и, в ярости повернувшись, лягнул задними ногами в покрытый перьями птичий бок. Джубджуб потерял равновесие и свалился со стола, утянув с собой вырубленную из лунной лавы чашу, принявшуюся бесконечно мучительно падать и кувыркаться в слабой гравитации. Зелюк триумфально хрюкотнул, и джубджуб гулко каркнул от злости.

— Забавные эти двое, — сказал Кори. — Остальные несколько раз пытались их заразить, но зелюка и джубджуба зараза не берет. Они глупы, само собой, но были не глупее бармаглота или мюмзика. Я думаю, что иммунитет к вирусу у них из-за того, что Вилли использовал для них кубическое уравнение гомеостазиса вместо обычного квадратичного. Мы их сделали довольно давно. Когда Йок и Джок исполнилось одиннадцать лет.

— Да, я помню, тебя и твоего гнусного педофила Брандашмыга, — со злостью ответила по ювви Дарла.

— Брандашмыг с самого начала вышел неудачным, — отозвался Кори. — И сейчас в особенности. Он утверждает, что его зовут Такала и он из Краба. Все мои глупыши говорят, что они явились из различных частей галактики. Умница Ханси и Брандашмыг у них вожаки. Они все время пытаются завладеть джубджубом и зелюком, чтобы изучить их.

На полу джубджуб и зелюк с невероятной энергией предавались игре «в лягушку»: с разбега вдвоем бросались на стену, отскакивали от стены словно пара резиновых мячиков и принимались кататься по полу, кусая и тузя друг друга.

— Пришельцы завладели моей студией и всем моим оборудованием. Что, если они хотят построить какую-нибудь волшебную супермашину? Они даже взглянуть мне не позволяют на то, что там творится.

Кори взял со стола чашку с едой, положил в рот ложку питательной пасты и с отстраненным видом проглотил.

— Как ты сумел выбраться из ванной? — спросила Дарла.

— Я понял, что если не покурю, то все равно помру, и решил рискнуть жизнью. А потом, подкурившись, я решил, что, может быть, мои глупыши, пусть они теперь и пришельцы, вовсе и не так опасны.

— Они не опасны?

— В данную минуту не опасны — по крайней мере мне так кажется. Хорошо бы Уайти или какие-нибудь другие люди из

ОСЦС смогли бы прийти сюда. Черт, ты не знаешь, где болтается этот Уайти?

Внезапно дверь в кухню Кори с грохотом распахнулась, и в проходе появилась маленькая фигурка, женщина с осанкой гимнастки, похожая на крошечного дворецкого. Женщинка была совершенно голая, и груди у нее вполне по-женски раскачивались, однако тело ее было раскрашено так, словно она одета во фрак. Малышка довольно дружелюбно улыбалась широким ртом.

— Будь умницей, Кори Рипсом, — сказала ему глупыш. — Отдай нам джубджуба и зелюка. Все, что нам нужно, — это обеспечить целостность этого нового узла вселенной.

Строем позади женщины-глупыша двигались Брандашмыг, Бармаглот и остальные девять глупышей, инфицированных вирусами пришельцев. Зелюк и джубджуб стремглав бросились наутек и спрятались под стулом, на котором сидел Кори.

— Что это за карлица во фраке? — спросила Дарла.

— Это Умница Ханси, — тихо объяснила Джок. — Вилли сделал ее пару лет назад, чтобы она присматривала за изоподом. Кроме того, он с ней еще и сексом занимался.

Кори казалось это забавным. Перед тем как Вилли ушел, Кори тайком снял на видди, как Вилли забавляется с Ханси, после чего Вилли окончательно на него разозлился.

— Блин, — вырвалось у Дарлы. — Вот уж настоящие извращенцы.

— Джок тоже с вами? — крикнул Кори, услыхав голос дочери Дарлы. — Хорошо бы, если бы вы все вместе приехали сейчас в мой изопод. Кто-то должен помочь мне!

Кори схватил со стола длинный кухонный нож, вскочил со стула и встал на пути Ханси, преградив той дорогу.

— А ну отвали, черт бы тебя подрал! Зелюка и джубджуба я вам не отдам! Убирайся отсюда, или я головы вам поотрубаю!

Кори бросился вперед, кровожадно размахивая ножом. Умница Ханси отскочила назад и быстро заговорила о чем-то с остальными пришельцами на незнакомом языке, напоминающем сложную, на основе нескольких мелодических уровней музыку, целый оркестр из ситаров, гонгов и флейт.

— *Твимп, тумп, тванг, э-бууйбууйбууйуум*.

Брандашмыг стремительно бросился в обход Кори, норовя схватить зелюка, но Кори был не промах. Сделав молниеносный выпад ножом, Кори на ходу отсек Брандашмыгу лапу. Лапа упала на пол, но тут же побежала на пальцах прочь, очень похожая на тарантула. Вслед за лапой наутек бросился визжащий Брандашмыг.

— Кто-нибудь еще хочет? — заорал Кори. — Это я создал эти тела, в которых вы, проклятые инопланетные ублюдки, теперь расхаживаете! Проявите же к Королю глупышей хоть чуточку уважения!

Наступила пауза, после которой глупыши торопливо устремились прочь из кухни. Кори с треском захлопнул за глупышами дверь, поднял с пола и поставил на стол своих зелюка и джубджуба, потом как следует затянулся из трубки.

— Я бы и сам позвонил в ОСЦС, но чертовы пришельцы отобрали у меня ювви, а этот виззи не работает на внешние звонки. Так вы придете мне помочь или нет?

— Кори, мы сейчас едем в космопорт, — ответила Джок. — Через несколько минут там совершит посадку корабль с похищенными молди, у которого на борту находится та женщина, помнишь? Я и Йок должны встретить и забрать ее из космопорта.

— В космопорт? — переспросил Кори. — Вот бы чего вам не советовал.

— И это одна из причин, по которой я решила позвонить тебе, — сказала Дарла. — Чтобы узнать, не пора ли нам поворачивать назад.

— Так вы и вправду снаружи, на поверхности? Господи, конечно, скорее бегите обратно под купол. А еще лучше будет, если вы приедете сюда повидать меня. От вас до моего изопода, должно быть, не больше полумили.

Дверь в кухню Кори снова распахнулась. Перепуганный зелюк попытался зарыться под кучу палимпсестов на кухонном столе, а джубджуб сильно захлопала бесполезными крыльями.

— Подождите-ка минутку, — сказал Кори, хватая со стола нож.

В кухню первым с пронзительными криками ворвался Брандашмыг, корча Кори рожи. Отрубленная рука снова была у Брандашмыга на месте, как новая, и он воспользовался ею, чтобы показать Кори палец. Кори выругался и, пригнувшись к полу, потому что по-другому никак было Брандашмыга не достать, бросился в погоню за обезьяной. В тот же миг в кухню ворвалась вся остальная компания во главе с Ханси, с противоположной от Кори стороны пробрались к столу и, схватив зелюка и джубджуба, бросили их в корзину для бумаг, которую принесли с собой. Сообразив, что его провели, Кори бросился на Ханси, но мюмзик спикировал ему в лицо, а Брандашмыг запутался в ногах. Кори тяжело рухнул на кухонный стол, с грохотом перевернув его. Связь оборвалась, и последнее, что видели женщины, были задранные к потолку ноги Кори и летящий на пол виззи.

— Боже мой, надеюсь, что с ним все в порядке? — тревожно воскликнула Джок, схватившись руками за голову. — Сейчас помолчите, я должна послушать, что Береника и Эмуль говорят мне.

Несколько секунд они ехали в полной тишине, потом Джок вскрикнула:

— Стойте, немедленно остановитесь!

Йок с силой нажала на тормоза лунного багги, и тот затормозил, проскользив немного в пыли.

— Что случилось, Джок? — спросила Дарла.

До купола космопорта оставалось всего полмили. Уже можно было различить багги, людей в скафандрах и разноцветных молди, дожидающихся на взлетном поле.

— Береника и Эмуль говорят, что Бластер тоже заражен вирусом. Точнее, теми же свободными системами, пришельцами, которые проникли в Рагса и в глупышей Кори. Того пришельца, что завладел Бластером, зовут Кууз с Солнца. Смотрите!

Дарла задрала голову, посмотрев туда, куда указывала рука Джок. Высоко в звездном небе над ними летел ярко освещенный солнцем объект — космический корабль, молди-грекс по имени Бластер, медленно опускающийся к поверхности Луны, тормозя колонной извергающейся и трепещущей энергии.

Дальнейшее произошло очень быстро. Прибавив мощности в дюзы, Бластер затормозил спуск и повис над поверхностью Луны примерно в двух тысячах футов. Тело ракеты раздулось и округлилось подобно здоровенному бочонку, при этом нижняя часть Бластера приняла форму огромной антенны-тарелки, чаши, направленной на космический порт.

Внезапный поток информационного шума заполнил ювви Дарлы, сводящей с ума плотности скрежет и скрип, звук прямой информационной закачки ДИМ, не предназначенный для человеческих ушей. Несколько раз в своей жизни Дарле уже приходилось слышать такой звук, например, когда она ставила оборудованные ДИМ бытовые приборы на дозвон для проверки их состояния и техобслуживания программного обеспечения — и еще один раз сегодня утром, когда Кори заразил Рагса.

— Выключить! — крикнула она своему ювви, но трещащее от потока информации ювви не обратило на ее приказ никакого внимания. Дарла схватилась руками за шею в безумном желании сорвать с себя ювви прямо сквозь скафандр-пузырь, пусть для этого нужно было прорвать в скафандре дыру. Потом она безрезультатно попыталась повернуть голову так, чтобы шея вышла из контакта с ювви. Но в этот момент поток скрежещущего звука из ювви наконец прекратился. Раздалось короткое уханье,

после чего Дарла оказалась погружена в подобный сну ландшафт сетчатого света — вздымающееся море огня, разделенное сетчатым узором более темных линий. По этому относительно спокойному полю мчались в ярости водовороты и смерчи, сталкивающиеся в беззвучных взрывах. В этом странном зловещем беззвучном видении бил вверх и изгибался аркой над головой огромный фонтан огня.

Она склонилась вперед и только тут поняла, что задыхается. ДИМ ее скафандра перестал подавать воздух. В ее глазах все расплывалось, когда она увидела, а также и почувствовала, как багги, теряя ДИМ-управление, несколько раз вильнул из стороны в сторону, а потом вздрогнул и остановился. Одновременно с этим программа в ДИМ-шинах оказалась стертой, и шины превратились в блины, что сопровождалось сотрясением, в результате которого Дарла вылетела из сиденья и упала в пыль. Сотрясение от падения помогло ей сфокусировать внимание и собраться с силами. На груди скафандра имелся аварийный обводной выключатель подачи воздуха — Дарла подняла руку и ударила по выключателю. И немедленно снова потерялась — потерялась полностью в бушующем океане огня, заполнившего ее ювви и, через ювви, ее мозг.

Йок и Джок наклонились над Дарлой и подняли ее, каждая держа за руку. Их ювви тоже были заполнены огнем, и они не могли говорить ни друг с другом, ни с Дарлой. Все, на что они были способны, это обмениваться жестами. Дарла, в глазах у которой еще все плыло, взглянула туда, куда указывали ей дочери. Бластер висел над космопортом в какой-нибудь сотне футов. С усилием пытаясь различить происходящее сквозь завесу небывалого огня, из-за которого у нее вовсе не было уверенности в том, что то, что она видит, реально, — Дарле показалось, что грекс собирается опуститься прямо на купол космопорта! Одновременно с этим она заметила, что молди, очевидно, уже зараженные вирусом и оттого словно одержимые, со всей возможной быстротой бегут к куполу космопорта, торопясь войти в него.

В полной тишине массивное тело Бластера опустилось прямо на хрупкий купол космопорта. Господи, там же внутри Уайти! В последний момент край купола раскололся, и силуэт, похожий на гигантского слизняка, вырвался наружу, огромный мега-грекс размером раза в два больше Бластера и высотой не менее сотни футов. Огромное грибовидное облако воздуха и мгновенно замерзших водяных паров вырвалось из пробоины в куполе, и прямо в это облако, навстречу ожидающей его массе сформировавшегося в куполе грекса, опустился Бластер.

Слившись, несколько мгновений новый групповой молди стоял покачиваясь, при этом по его телу, похожему на только что отлитую порцию имиполекса, перебегали волнообразные движения нового формообразования, потом грекс потерял равновесие и тяжко рухнул на один бок. Огромная имиполексовая туша принялась извиваться в развалинах космопорта, словно выискивая там себе пищу, уничтожая все, что еще оставалось от прежней постройки. В этот самый миг измученное и причиняющее мучение своей хозяйке ювви Дарлы наконец внезапно смолкло.

— Уайти! — закричала Дарла. Она попыталась бежать в сторону космопорта, но Йок и Джок удержали ее. Джок прижалась лицевым щитком к щитку Дарлы, так чтобы они смогли с грехом пополам переговорить.

— Стой на месте, — крикнула ей Джок. — Я думаю, что смогу наладить багги.

Сигнал Бластера стер ДИМ, но, как и в скафандрах, в багги был обвод для ручного управления контролируемых ДИМ функций, и благодаря инструкциям Береники и Эмуля Джок узнала, как быстро и правильно перевести багги на ручное управление. Склонившись над компактным средством лунного передвижения, Джок поколдовала над ним минуты две, и багги снова ожил. ДИМ-шины так и остались спущенными, и передвижение было неуклюжим, но багги все же катился вперед.

Три женщины осторожно поехали в сторону разрушенного космопорта. Гигантский групповой грекс наконец закончил формирование своего тела и теперь что-то вынюхивал среди развалин космопорта, возможно, отыскивая потерявшихся молди. Повсюду было множество трупов людей — людей, которых катастрофа застала без скафандров и раздавленных телом грекса и обломками купола. В отчаянии Дарла впилась глазами в фигурки горстки людей, которые все еще двигались. Внезапно один из людей заметил их багги и бросился к ним навстречу.

По мере того как передвигающийся прыжками в слабой лунной гравитации человек приближался к ним, его черты делались все отчетливее, и наконец — ура! Да, это был Уайти.

С разбегу Уайти запрыгнул к ним в багги, и машина качнулась. Дарла обняла его, и девочки тоже прижались к отцу. Вчетвером они сдвинули головы своих скафандров, чтобы поговорить.

— Куда нам теперь идти? — спросил их Уайти, после обмена невнятными звуками радости спасения и узнавания. — Вы знаете, что случилось? Где-нибудь есть безопасное место?

— Здесь недалеко изопод Кори, — сказала Джок. — Мы как

раз разговаривали с ним, когда Бластер послал свой вирус. Давайте попробуем туда добраться.

— Ты думаешь, что его изопод цел и не разрушен, как космопорт? — спросила Дарла.

— Вот и посмотрим, — ответила Джок. — Надеюсь, что сила сигнала была недостаточна для того, чтобы достигнуть ДИМ-изопода. Почему-то мне кажется, что в случае чего звездные пришельцы будут защищать Кори.

— Смотрите, вон грекс, он улетает! — крикнула Йок. — Давайте, едем в другую сторону!

— Могу спорить, что грекс направился к Гнезду, — ответил Уайти. — Хорошо, поехали к Кори, Джок. Это как раз в другую сторону. Сейчас я больше не в настроении разговаривать. Ло Тек погибла у меня прямо на глазах, когда купол взорвался. Стул ударил ей в голову и чуть было не оторвал напрочь.

Дарла прикусила язык, но про себя возликовала.

9. Терри

6 ноября 2053-го

Когда Бластер пошел на посадку, Терри находилась внутри Моники.

От Моники воняло почти так же, как от Ксананны, но в качестве компании она была лучше. Моника была готова часами болтать с Терри о Тре, малыше Дольфе и Врен, что помогало Терри сохранять присутствие духа в течение всего недельного одинокого перелета, показавшегося ей бесконечным. Тре и дети каждый день звонили Терри по ювви, но звонки обходились очень дорого и потому были короткие.

С течением дней настроение молди, волею судеб оказавшихся внутри Бластера, понемногу улучшилось, хотя для Терри самой большой проблемой было то, что она постоянно находилась в непосредственной близости от убийц ее отца, мерзкого Джипси и злобного Батманча. Остальные молди заставили эту парочку оставить Терри в покое, и ситуация более или менее наладилась. С Уайти Майдолом было окончательно договорено, что тот заберет Терри в космопорте; Терри несколько дней поживет у дочерей Уайти Джок и Йок, отдохнет, осмотрит Эйнштейн, возможно, займется дастбордингом на лунных дюнах, а потом вернется на Землю с обычным коммерческим рейсовым кораблем.

Если все пройдет так, как планировалось, то полет на Луну покажется Терри тем экзотическим отпуском, о котором она давно мечтала. До сих пор она завидовала тому гавайскому сафари, которое досталось на долю ее брата Айка, после того как тот продал ресторан-грот папы Дома. Айк первым из них резал волну на Гавайях, но Терри будет первой, кто прокатится на серфе на лунных дюнах.

В соответствии с действующей среди серферов в ту пору традицией, прокатиться на пылевой доске на горе Гемус к северу от Эйнштейна было по-настоящему круто. Чтобы добраться туда, нужно было нанять местного молди, который донесет вас туда ракетным способом и поможет провести монументальный в вашей карьере серфера день, скатываясь вниз по крутым склонам каньонов, наполненных лунной пылью, что в лунной гравитации происходит особенно весело и впечатляюще. Терри уже предвкушала то, как она расскажет другим сефрерам о своих впечатлениях после возвращения в Круз, о том, как ей покорился Гемус. А еще лучше, если она наденет станг-очки и будет

передавать все о своей сессии на пылевых склонах в реалити-шоу.

Во время разговоров по ювви Тре всячески поощрял подобные приятные мысли в Терри, разговаривал с ней особенно ласково и приободрял, убеждая, что Молли прекрасно присматривает за детьми, что все будет хорошо, чтобы сама она была осторожна и осмотрительна, и не позволяла молди выкинуть какую-нибудь новую опасную штуку.

А Луна постепенно становилась все больше и больше, и вот наконец наступил день посадки. Бластер без умолку рассказывал истории о том, какая жизнь на Луне, и давал советы, как лучше прожить в Гнезде. Вэнди и Френкипейн коротко переговорили по ювви и немного вывели Бластера из себя, он их прогнал и снова принялся инструктировать и приободрять новичков. Среди молди царило веселое возбуждение, даже семейство фермеров постепенно поддалось общей волне. Терри перелет смертельно надоел, и потому приближение Луны тоже действовало ободряюще. После недели в открытом космосе очутиться на любой твердой поверхности уже казалось благом.

За полчаса до посадки Бластер начал рассказывать о лунной местности, называя наиболее важные ориентиры:

— Это Море Спокойствия. Здесь совершил посадку «Аполлон-11», а в юго-восточной части Моря находится возвышенность, где Ральф Числер и остальные бопперы впервые смогли освободить себя. Видите внизу две блестящие точки? Большая — это купол Эйнштейна, а маленькая, немного к середине Моря Спокойствия, — это космопорт. Космопорт находится в трех милях на восток от Эйнштейна. Теперь переместите взгляд в том же направлении, еще на пять миль на восток в глубь Моря Спокойствия. Видите там такое круглое темное пятно, немного словно подернутое рябью? Это вход в Гнездо, который в свое время был кратером Маскелайна. Построив Гнездо, бопперы обработали склоны кратера Маскелайна так, что они превратились в блестящую чашу отражателя, который собирает солнечный свет и посылает концентрированный луч вниз, в глубь огромного подлунного жилища. Гнездо — это прекрасное место, оборудованное по последнему слову техники и имеющее свою богатую событиями историю, являясь колыбелью двух великих цивилизаций Солнечной системы: бопперов и их могучих наследников, молди.

Раздался сигнал вызова ювви. В это время Терри обычно звонил Тре.

— Пожалуйста, Бластер, сними трубку, — взмолилась Терри. — Это точно Тре и дети. Прошу тебя.

— Нет, — ответил Бластер. — Я сейчас очень занят и не хочу

отвлекаться.

Но внезапно ювви-соединение установилось само собой. Звонок пришел в самой примитивной модуляции. Но звонок был не от Тре. Бластер вскрикнул и попытался прервать связь. Еще через секунду он уже был мертв. Невероятной сложности скрежещущий чистый информационный сигнал длился невыносимо долгое время, и в конце концов Терри начала различать в нем отдельные звуки, наподобие грубых гитарных аккордов, пропущенных через фильтр обратной связи, и другие, вроде разгневанных волынок. Невозможно было сосредоточить внимание и думать о чем-то, кроме этого информационного шума, но наконец — наконец-то! — шум прекратился.

Наступила внезапная оглушительная тишина, в которой сотни килограммов имиполекса вокруг Терри принялись шевелиться и менять свою форму, конвульсивно подергиваясь. Потом раздался другой шумовой сигнал, подобный хору мертвых молди, глубокая низкая нота, поднимающаяся выше и выше до скользящего в течение одной секунды уханья — уханья, раздавшегося всего один раз и совпавшего с пиком безумной лихорадочной дрожи, пронизавшей своей вибрацией окружающую Терри плоть молди.

В самом конце звука наступил тиксатропный фазовый переход — подобно тому, когда вы вытрясаете кетчуп из бутылки и внезапно получаете больше, чем хотели. Трепещущий желатин тела Моники вокруг Терри полностью расслабился и слился с телами остальных молди, превратившись в какое-то новое состояние имиполекса, практически подобного жидкости — словно цитоплазма единой огромной биологической клетки. Потом уханье смолкло, и наступила тишина.

Воздух продолжал поступать к лицу Терри из разжиженной плоти молди. Она попробовала вытянуть руки и ноги. Ощущение было таким, словно она висела, погруженная в очень плотную воду; после того как ушло напряжение и стесненность окружающего ее тела молди, ощущение было даже не лишено приятности, к тому же она даже могла прикоснуться к своему лицу собственной голой рукой. Это было неплохо. Терри обратила внимание, что когда она перемещает голову, область воздушного пространства у ее головы перемещается следом. Совершая лягушачьи плавательные движения, она приблизилась к боку Бластера, чтобы сквозь внешнюю поверхность разглядеть, что происходит снаружи. Они уже опустились очень низко, и до самого горизонта простирался купол Эйнштейна. Внизу прямо под ними находился купол космопорта, увеличивающийся в размере с заметной скоростью, от которой кружилась голова, и к

горлу подступала тошнота. Казалось, что сплавленная воедино масса молди вокруг Терри проваливается и падает вниз без всякого управления, просто в свободном падении.

Обратившись к мысленному восприятию, Терри открыла, что может установить ювви-связь с новым существом, внутри которого находилась. Это вновь сформировавшееся существо казалось странным тугодумом; его мысли словно бы возникали из ярчайшего света. Но у Терри не было времени для того, чтобы исследовать интеллект создания.

— Тормози! — крикнула она ему. — Мы сейчас врежемся в Луну!

— Меня зовут Кууз с Солнца, — сообщил ей огромный кусок имиполекса.

— Ты сумеешь опуститься на Луну и не разбиться? Ты знаешь, как это сделать?

— Не волнуйся. Кууз знает все, что знали пластиковые существа молди до момента раскодировки. Терри Перцесеп, я начинаю торможение.

Из нижней части ракеты вырвался поток энергии, от которого корпус молди содрогнулся, однако скорость его спуска заметно упала, почти до разумного предела. Сильная перегрузка прижала Терри к самому дну огромного мешка имиполекса, и на несколько мгновений она потеряла сознание. К счастью, внешняя стена выдержала, и ее не выбросило наружу.

Могучее течение имиполекса подняло Терри и закружило внутри Кууза, бросая то в одну сторону, то в другую. Ощущение было очень похоже на то бессильное кувыркание, которое случается после падения с доски под обрушившуюся на тебя особенно здоровенную волну прибоя; в то же время отсутствие камней внизу и это кружение порождало впечатление пребывания внутри огромной, наполненной незастывшим желе стиральной машины. Самым чудесным и успокоительным было то, что источник воздуха все время находился возле рта Терри. Нижняя часть Кууза выгнулась в стороны, образовав гигантскую чашу параболической антенны, направленной вниз, в сторону приближающегося космопорта. Терри легла плашмя на дно Кууза прямо над мембранным диском антенны, глядя вниз с ужасом и восхищением.

В ее ювви раздался тот же прежний сигнал чистого информационного потока. Кууз пел свою песню находящемуся внизу космопорту. Чтобы хоть немного заглушить сводящий с ума нечеловеческий звук, Терри тоже принялась петь сама себе: «Ла-ла, ла-ла-ла!», стараясь кричать что есть силы.

Внизу под ними на лунном ландшафте начинали появляться

новые детали: тропинки и дорожки в лунной пыли, небольшие разветвляющиеся трещины, лунные багги, свернувшиеся в компактные шары молди, бегущие во все стороны люди в скафандрах-пузырях…

Впечатление было такое, словно бы корабль вовсе и не собирался направляться к центру посадочного поля; вместо этого Кууз выбрал местом для посадки самый край поля возле купола — ох нет! — он собирался опуститься на сам купол!

— Ты сейчас раздавишь купол! — в ужасе закричала Терри. — Кууз, смотри, что ты делаешь!

Но Кууз был глух ко всему, кроме собственной песни.

Внизу под ними песню Кууза услышали и хорошо поняли. За несколько мгновений до того, как они врезались в купол космопорта, огромная перевернутая чаша треснула сама собой, словно скорлупа высиженного яйца, из которого наружу вырвался гигантский имиполексовый грекс, поднявшийся, чтобы воссоединиться с ними, вознесшийся вверх сквозь рушащуюся скорлупу купола и рвущиеся в пустоту и мгновенно замерзающие в вакууме облака воздуха и водяных паров.

Кууз слился с новой порцией имиполекса, потерял равновесие и тяжело рухнул на поверхность Луны, так что от силы удара у Терри щелкнули зубы и затрещали кости. Глянув наружу сквозь шкуру Кууза, она увидела вокруг мертвых людей, убитых вакуумом, с вылезшими из орбит и лопнувшими глазами, вываленными языками и мучительно искривленными руками и ногами, на которых наросла замороженная розовая кровавая пена, словно губчатые грибы-паразиты, появляющиеся на стволах гниющих деревьев.

Кууз принялся шарить среди развалин купола, выискивая, где можно поживиться затерявшимися кусками имиполекса. После чего выросший больше чем вдвое от своих прежних размеров Кууз вырвался из развалин и, выгибаясь словно червяк-шагомерка, пополз через пылевое Море Спокойствия. Он направлялся не на запад к Эйнштейну, а на восток к Гнезду.

— Куда ты ползешь, Кууз? — спросила Терри. — Ты не собираешься отпустить меня?

— Кууз хочет добраться до Гнезда и там спеть свою песню. В Гнезде живет много молди. Я съем их всех. Ты не похожа на молди, Терри Перцесеп. Со мной ты будешь в безопасности.

«Настоящий Кинг-Конг», — подумала про себя Терри, и истерический смех сорвался с ее губ. Она взяла себя в руки и спросила снова:

— Зачем ты хочешь съесть всех молди?

— Солнце хочет поглотить и съесть все, что только возможно.

Многие и многие тысячелетия Солнце следило за вращением Земли и остальных планет и их лун. Солнце всегда голодно и мечтает о вкусной еде. Если Кууз наберется достаточно сил, Кууз толкнет Луну на Землю, чтобы и Земля, и Луна столкнулись и обе упали на Солнце. Солнце будет этому очень радо. Солнце съест Землю. Солнце съест Луну. Солнце хочет этого.

— О господи, о господи, о господи, — застонала Терри.

Мимо них толчками продвигался присыпанный пылью лунный ландшафт. Внутри разума Кууза не осталось и следа сознания отдельных молди. Мысли Кууза были главным образом посвящены тому, что может дальше случиться с Солнцем: поверхность Солнца представляла собой моря и океаны огня, при этом, покрытые чешуей наподобие рептилий, внутри Солнца спиралями завивались могучие энергетические торнадо, красные/желтые/белые, толстые и плотные, словно спагетти в огромной невообразимых размеров кастрюле.

Что теперь делать? Терри вспомнила о том, что незадолго перед трагедией молди Френкипейн из Гнезда сделала резервную копию Вэнди. Стало быть, Френкипейн знала или предполагала, что Кууз, или что-то вроде Кууза, может напасть на Вэнди и овладеть ее телом. Вполне вероятно, что вначале Кууз напал на Вэнди, а после этого уже сама Вэнди пропела свою вирус-песню Бластеру.

— Ты можешь позвонить по ювви Вэнди? — спросила Терри Кууза.

— Вэнди теперь Кууз. Я — Кууз. Не о чем говорить.

— Но я хочу поговорить со Стэном Муни, — запротестовала Терри.

— Сиди тихо, Терри Перцесеп. Скоро я должен начать свою песню.

Через некоторое время они достигли длинного спуска по пологому склону, в конце которого находился вход в Гнездо. Огромный полированный кратер внизу сиял на солнце словно массивное темное зеркало. Над самой серединой кратера над центральным отверстием на магнитной подвеске висела коническая призма. В зеркальной поверхности кратера отразился странный виртуальный образ: сам Кууз, в виде колышущейся неустойчивой массы, растянутой через весь диаметр отражателя. Нигде не было видно ни одного молди. Издав торжествующий клич, Кууз перевалил свое тело через край кратера и заскользил вниз по склону к огромной параболической чаше. Терри, находящейся теперь в верхней части тела Кууза, казалось, что они мчатся на невероятных размеров доске, стремясь покорить склон волны цунами высотой в многие сотни метров и возрастом в

многие сотни лет.

Они съехали вниз, достигнув начала полированного камня, где склон постепенно стал более пологим, и их движение замедлилось, потом мгновенно скользнули по гладкому, как зеркало, полированному краю близ центра, промелькнули под конической сборной призмой и нырнули в шахту Гнезда. Слабая гравитация Луны мягко увлекала их вниз по направлению к огромному пространству внутренности Гнезда, и в этот самый миг Кууз пропел первый скрипучий и шипящий аккорд своей песни…

Сильный луч мощного тераваттного лазера рассек имиполексовое тело Кууза пополам, едва не задев при этом Терри. Если бы в тоннеле был кислород, Кууз мгновенно обратился бы в гигантский огненный шар. Но без кислорода лазер просто разрезал имиполекс вдоль, как режет раскаленный нож мягкое масло. Еще и еще раз сверкали лазерные лучи, вылетая со всех сторон, разрезая тело Кууза на сотни беспорядочно кувыркающихся кусков. Его песнь, едва начавшись, оборвалась и умолкла. Возможно, будь у него немного времени, Кууз успел бы перепрограммировать себя в каждый из кусков своего тела, но случившееся было таким стремительным, что его система распалась мгновенно и безвозвратно, оставив после себя только лишь свеженарезанные куски пластика, совершенно лишенные какого-либо сознания.

Ручеек воздуха, который тек ко рту Терри, прервался. Скованная по рукам и ногам куском глупого имиполекса, она продолжала падать к каменному дну Гнезда, находящемуся где-то внизу. Но серфер Терри решила бороться до конца. Она оглянулась вокруг, рассчитывая следующее возможное движение.

Мимо Терри неслось, заполняя все поле ее зрения, полчище, сомнище, легион и рой молди. Целью молди были падающие вниз останки Кууза, к которым они устремлялись с лету, по одному куску на молди. Золотая морковь с длинными прядями зеленых щупалец на корме бросилась вперед и прикрепилась к имиполексовому куску с Терри внутри.

В то же мгновение имиполекс Терри ожил, внутри его появилось сознание золотой моркови.

— Мне нужен воздух, — из последних сил крикнула по ювви Терри. — Я умираю!

Благословенный порыв воздуха ей в лицо принес поток кислорода, и Терри раз за разом вдыхала полной грудью.

— Меня зовут Дженни, — сообщила ей подхватившая ее молди. — По правде говоря, меня зовут Дженни-2, а ту, что схватила твой имиполекс, ты можешь называть Дженни-1, если ты

любишь точность и тебе так больше нравится. Здорово, правда?

Голос Дженни-2 дрожал от возбуждения.

Дженни спроектировала в ювви свой обычный виртуальный образ, изображение девчонки-вредины со светлыми жидкими волосами. До сих пор все молди, с которыми Терри приходилось общаться, предпочитали использовать для ювви-общения фотореалистический образ собственной формы тела. Но эта Дженни, что за образ выбрала она! Типичная деревенщина из секты «наследников»! Но эти мысли пронеслись в голове Терри и ушли, и через секунду она забыла и думать о том, кем предпочитает представлять себя Дженни, потому что другая беда стояла впереди, ибо они продолжали лететь ко дну Гнезда, явно каменному, со скоростью свободно падающих кусков металла.

— Хорошо, хорошо, — торопливо подала голос Терри. — Только сделай так, чтобы мы не разбились!

Ионные сопла обеих обнявшихся Дженни выстрелили вниз потоки энергии, притормозившей их падение. Терри увидела внутренность Гнезда, представляющего собой огромное пространство в виде перевернутой воронки, стены которой были испещрены пещерами и тоннелями, а через центральную шахту изливался поток высококонцентрированного солнечного света, собранного установленной наверху системой из зеркальной чаши и призмы. Вокруг них во все стороны пролетали молди, яркие, словно конфетти. Возле многих молди летели их клоны, только что зачатые и сформированные из кусков тела Кууза. Один молди был раскрашен в синие и серебряные полоски и имел по бокам тела маленькие толстые крылья или плавники, другой был красный с золотом, третий выглядел просто как клубок провода. Дженни указала Терри пару молди, которые, по ее словам, были ее близкими друзьями: Френкипейн, подобную распустившемуся цветку орхидеи, Ормолу, похожего на безвкусного позолоченного купидона.

Взглянув вниз на огромный диск-дно Гнезда, Терри увидела там с одной стороны диска нечто похожее на фабрики и здания, и постройки, очевидно гидропонные фермы, на другой стороне. В круглом пятне света на дне Гнезда прямо под ними находилось несколько десятков занятых поглощением солнечной энергии молди, между этим пятном и стенами Гнезда среди зданий змеились улочки, переулки и улицы побольше, по сторонам которых находились различные магазины.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — сказала Терри. — Скажи, Дженни, здесь есть где-нибудь место, где я смогу отдохнуть, место с обычным воздухом, где такая, как я, может находиться без молди, просто ходить? Я хочу принять душ и

прилечь.

— Конечно, такое место здесь есть, — ответила Дженни-1. — Я несу тебя прямо туда. Угу. Можешь не беспокоиться на этот счет.

— И где же находится это место? — взволнованно спросила Терри.

— Видишь, вон там, розовые дома? В основном там находятся гидропонные фермы, где мы, молди, выращиваем здоровые симпатичные человеческие органы на продажу. Но вон там, справа, находится круглый маленький домик, в котором могут жить люди. Там сейчас живет Вилли Тейз. Туда-то я тебя и несу.

Терри было знакомо это имя. Вилли Тейз был эксцентричный компьютерный гений, тот самый, что двадцать лет назад изобрел ДИМ и ювви. Терри вспомнила, что в прошлом году слышала историю о том, что Вилли Тейз переехал жить в Гнездо бопперов.

Дженни пересекла наискосок могучую колонну света и полетела к оранжерейному домику, стоящему у стены Гнезда. Рядом с ними летели орхидея Френкипейн и китчевый купидон Ормолу, каждый в сопровождении новенькой копии самого себя. Две орхидеи, пара купидонов и две морковки, в одной из которых находится Терри. Шестеро молди мягко опустились на дно Гнезда прямо перед шлюзом оранжерейного домика, вблизи напоминающего огромный персик.

— Мы поместим женщину в шлюз, а сами отправимся в лабораторию, — предложила Френкипейн.

— Войди в шлюз, Дженни-2, — прибавил Ормолу. — Оставь там человека и выходи наружу, потому что мы хотим полюбоваться на свои новые клоны. Неплохо мы располосовали на части Кууза, верно, Френкипейн? Нам всем достались новые тела, и совершенно даром. Можно назвать это наградой за заслуженные труды, я прав?

— *Oui, oui*, с Куузом не было проблем, — отозвалась Френкипейн. — Но радоваться рано, Ормолу. Кууз составил свое тело из тел честных молди, таких же, как ты и я. Все они были убиты процессом Раскодирования Гардла, который мы с тобой помогли запустить. Я даже представить боюсь, что может случиться дальше.

— Следующим номером будет прибытие Стэна Муни — внутри маленького Кууза, в которого превратилась Вэнди, — ответила Дженни-1. — До его прилета осталось меньше двадцати четырех часов.

— Мы должны найти способ остановить его! — воскликнула Френкипейн. — Мы должны обсудить это с Гардлом-7. Вы, трое наших новых клонов, идите займитесь чем-нибудь, вместо того

чтобы все время путаться под ногами. Потом мы с вами поговорим, когда у нас будет время. А что до тебя, Терри, — клон Дженни поможет тебе попасть в дом к Вилли, и позже мы еще увидимся. Лаборатория Гардла расположена по соседству с домом Вилли, за его стеной.

Френкипейн, Ормолу и Дженни торопливо проскользнули вдоль стены оранжерейного дома и скрылись в стене утеса, предоставив трем новорожденным клонам возможность самим решать свою судьбу.

— И чем мы теперь займемся? — спросила Дженни-2, лениво покручивая один из своих стеблей. — Что будет дальше?

— Я предлагаю отправиться в световое пятно в центре Гнезда, чтобы завести себе там новых знакомых, — ответил Ормолу-2, указывая в сторону световой колонны одним из коротких плавников. — Мы получили Знание от наших родителей, но дальше нам нужно будет жить своим умом.

— Что ж, идея неплохая, — отозвалась Дженни-2. — Подождите меня, я только помогу Терри забраться в шлюз.

Дженни-2 протиснулась острым концом вперед сквозь сфинктер внешней двери воздушного шлюза оранжереи.

— Ты там поосторожнее с этим Тейзом, Терри, — предупредила ее Дженни-2. — По слухам, он отличается странностями в обращении с женщинами.

Раздался свист воздуха, заполняющего шлюз. Дженни-2 хихикнула и, неожиданно раскрывшись, вытолкнула Терри из своего тела, словно треснувший гороховый стручок, освобождающийся от горошин. Молди-морковка коротко поклонилась и тут же принялась пролезать наружу сквозь проходное отверстие внутренней двери. Когда Дженни-2 оказалась снаружи, трое клонов прыжками направились к центру Гнезда.

Некоторое время Терри стояла в камере шлюза, просто наслаждаясь ощущением воздуха вокруг себя, такого теплого, влажного и человеческого, потом внутренняя дверь шлюза отворилась, и перед нею появился седой мужчина, бородатый и длинноволосый, с улыбкой блаженного на устах, настоящий выживший из ума отшельник. На секунду Терри показалось, что позади мужчины что-то быстро пробежало по полу, но, приглядевшись, она ничего не заметила. Наверное, почудилось, решила Терри.

Отшельник был одет в майку и потрепанные шорты. На вид ему было около пятидесяти лет. Ноги у него были босы, на шее болтался желтый ювви. Пол оранжереи за его спиной был покрыт восточными коврами. Вдоль стен рядами стояли сотни растений в

горшках, другие растения свешивались с потолка.

— Здравствуй, Терри Перцесеп! Меня зовут Вилли Тейз. Ты совсем голая!

— Правда? — раздраженно переспросила Терри, проходя внутрь и закрывая за собой дверь шлюза.

— Я сейчас дам тебе что-нибудь из моей одежды, — сказал ей Вилли Тейз, торопливо семеня куда-то в глубь круглой внутренней комнаты оранжереи. — Извини, я не хотел застать тебя в таком положении. Я не смотрю! — крикнул он, а сам повернулся, и блаженная улыбка на его лице расползлась еще шире. — Господи, как приятно снова увидеть человека! Вот уже скоро год, как живу тут совсем один! Только я, еще раз я, и снова я.

Вилли покопался в сундуке и вытащил оттуда какие-то тряпки.

— Ну вот, твой новый наряд! Молди приносят мне все, что мне нужно. Знаешь, ведь я очень богат.

Вилли быстрыми шагами вернулся обратно, ступая босыми ногами по коврам совершенно бесшумно, и протянул Терри эластичные шорты и новенькую пластиковую майку с логотипом ОСЦС.

— Тебе ведь не кажется, что у меня тут плохо пахнет? Не кажется? — взволнованно спросил он.

Потом поморщился и несколько раз втянул носом воздух.

— Лично мне уже трудно что-то сказать наверняка. Больших молди я сюда не пускаю, хотя по ювви мы общаемся каждый день, и подолгу. Лаборатория Гардла-7 находится прямо вот здесь.

Вилли указал на плоское прозрачное окно: там виднелось место, где стена оранжереи соединялась со стеной Гнезда, точнее, со скалой.

Сквозь чистый пластик окна была видна внутренность комнаты, где находились многочисленные машины и разное оборудование, а также Френкипейн, Ормолу и Дженни, а вместе с ними был какой-то четвертый молди, похожий на розовую змею с металлическим отливом, должно быть, тот самый Гардл-7. Заметив, что Терри смотрит на них, молди помахали ей. Терри помахала им в ответ, потом принялась осматриваться в оранжерейном жилище Вилли.

Внутри были стулья и одно кресло, а также стол, кровать и большая софа. Слева располагалась небольшая кухонька с микроволновкой и буфетом, направо — туалет и тренажерный станок, а также просторный бассейн с циркуляционной водой. Воздух пах совсем неплохо — быть может, чуть-чуть слышался запах грязного мужского белья, или, может быть, это пахло

молди. Большое количество прямостоящих и ползучих растений радовали глаз, украшали комнату и очищали воздух. Нигде не видно было ни бумаг, ни компьютеров, ни даже клавиатур, никаких книг, ни виззи, ни даже голокастера — вероятно, ювви заменяло Вилли это все.

— Я хочу сначала вымыться, потом переоденусь, — объявила Терри, направляясь к бассейну. — Извини, но я не мылась целую неделю.

— Тогда вперед, мойся сколько хочешь. Вон там мыло, простыни и полотенца. Ты не возражаешь, если я пока поболтаю с тобой?

— Я сама *очень хочу* поговорить. У меня полно вопросов. Только не смотри на меня так, пожалуйста.

Терри скользнула в воду и потерла губкой лицо. Ощущение было прекрасным.

— Как я понимаю, ты и эти молди послали нам что-то вроде вируса, — твердо сказала она.

— Программа на основе Уравнения Мозаики, — отозвался Вилли Тейз, усаживаясь на краю бассейна спиной к Терри. — Мы называем эту программу Лестница в Небо. Программа превращает молди в подобие антенны, которая способна улавливать личностные волны пришельцев, — хотя с таким же успехом можно называть эти сигналы личностными *частицами* пришельцев: гильбертовой пространственной призмой с гигаплексными нетривиальными осями. Как бы там ни было, для процесса распаковки пришельцев используется Раскодирование Гардла. Мы послали Лестницу в Небо Вэнди, в результате чего в ней было произведено Раскодирование Гардла личностных волн, пришедших к ней с Солнца. Отсюда возник Кууз. После этого произошло неожиданное — Кууз-Вэнди решил послать свой код и программу раскодирования Бластеру. Мы должны были предвидеть, что подобное может случиться. Здесь мы потерпели фиаско.

Вилли тяжело вздохнул.

— Говорят, что купол космопорта полностью разрушен? Ты, Терри, находилась внутри Бластера, когда в нем запустилась программа Раскодирования Гардла? Что ты почувствовала?

— В ювви раздался ужасный шум и скрип от плотного потока информации, потом один раз ухнуло — насколько я понимаю, это и была твоя Лестница в Небо?

— Точно. Лестница в Небо фактически представляет собой лимпсофт-программу, использующую Уравнение Мозаики для увеличения порядка квазикристаллической структуры имиполекса молди до все более и более высоких измерений.

После запуска Лестницы в Небо в системе молди, повышение порядка происходит множество раз подряд, до тех пор пока не произойдет Раскодирование Гардла личностной волны пришельца. Это как: *ух! ух! ух!* — а в конце *фззтт!* — и молди в конце концов получает новую личность. В твоем случае ты услышала уханье один только раз, потому что Кууз-Вэнди послал Лестницу в Небо вместе со своей личностной волной. Тело Бластера произвело раскодирование Кууза сразу же после запуска Лестницы в Небо, за один цикл.

— Понятно, — отозвалась Терри. — Не все, но понятно. А после этого Бластер-Кууз послал подобное же сообщение всем молди, что находились под ним в космопорте — кажется, Кууз послал такое сообщение несколько раз, чтобы добиться результата наверняка — после этого молди под куполом космопорта слились все вместе и раскололи купол, в результате чего погибло много людей.

Терри принялась сильно тереть себя губкой, стараясь прогнать воспоминания о трупах в кровавой пене.

— На кого был похож Кууз? — спросил Вилли.

— Он показался мне — глупым, что ли? Если ты думаешь, что пришельцы со звезд могут оказаться гораздо более развиты, чем мы, то Кууз был просто душой солнечного протуберанца — но не всего Солнца. Все, о чем он думал, напоминало узоры огня и света. Он был жадный до невозможности. «Солнце хочет съесть Землю». Вот о чем он говорил. Как ребенок, который хватает все, что попадется ему под руку, и тут же тащит в рот. Не из-за того, что он злой…

Только теперь Терри заметила, что поверх спинки софы на нее смотрят, уставившись, три пары глаз.

— А это еще что такое! Кто у тебя там, Вилли?

— Здесь у меня три глупыша — вроде ручных домашних молди. Они разве что немного умнее животных. Эй, ребята, выходите! Терри вас не тронет. Станьте в ряд, чтобы она смогла вас рассмотреть. *Стройся в ряд!* Надеюсь, Терри, тебя не смутит внешний вид Эльвиры. Для меня она… я знаю, что многие люди обо мне говорят, потому что я…

— Брось-ка мне лучше полотенце, Вилли.

Вилли подал Терри полотенце. Быстро вытершись, она натянула шорты и майку, поглядывая на глупышей. Глупыши были разного роста, кто пониже, кто повыше: маленькая женщина, совершенно голая, если не считать туфель и длинных перчаток, крылатый зеленый дракон с длинным чешуйчатым хвостом и гном с красными, как яблоки, щеками и густой белой аккуратно подстриженной бородой.

— Это Эльвира, Фафнир и Док, — объяснил Вилли. — Они не умеют говорить, но знают несколько команд. Фафнир, покажи Терри, как ты поливаешь растения. *Фафнир, поливать растения!*

Дракон вперевалку прошел вперед к бассейну, как следует потянул в себя воду — вода постоянно циркулировала и очищалась, и в бассейне уже не осталось и следа от мытья Терри, ни мыла, ничего. Быстро и потешно затрепетав короткими кожистыми крыльями, Фафнир, очень напоминая при этом колибри, взлетел в воздух и, зависая по очереди перед каждым ползучим растением, аккуратно увлажнял в них землю, прыская из нижней части тела водой.

— Ты в порядке, Терри? — спросил Вилли. — У тебя немного ободрано колено. У Дока припасен полный набор врачебных инструментов, и он прекрасно обучен ими пользоваться, верно, Док?

Вилли указал на колено Терри, на котором действительно имелся большой синяк, и скомандовал:

— *Док, лечить!*

Док шагнул вперед, улыбнулся и отвесил поклон, и прежде чем Терри успела шлепнуть его и прогнать, наложил руки на колено Терри и проделал что-то такое, от чего боль мгновенно утихла, оставив после себя только легкое покалывание.

— Думаю, что не нужно спрашивать, для чего предназначена Эльвира? — сказала Терри.

Услышав свое имя, Эльвира пустилась в импровизированный танец, покачивая бедрами и медленно поводя руками из стороны в сторону, проделывая все это с отсутствующим видом, показавшимся Терри жутко раздражающим.

— Эльвира скрашивает мое существование, — рассеянно отозвался Вилли. — Она то, что обычно называют «женщинка». Ты не голодна? Эльвира и Док могут принести тебе что-нибудь.

— Какая тут у тебя есть еда? У тебя есть овощи или фрукты? Всю прошлую неделю я питалась одним только соком молди. Но лучше я сама себе что-нибудь найду. Я не стану есть ничего, к чему прикасались эти твои секс-игрушки, твои домашние зверьки.

— Хорошо, если тебе так больше нравится, — скованным голосом ответил Вилли.

— А как должна относиться к такому женщина? Просто ты слишком долго прожил один, Вилли. Господи, да прикажи ты этой штуке прекратить танцевать! Я смотреть на это не могу.

— Как скажешь. *Эльвира, спрячься!*

Женщинка, отвратительно виляя толстеньким задиком, забежала обратно за софу. Вилли уселся в кресло и жестом указал Терри в сторону кухонного отсека:

— Можешь взять там себе что-нибудь поесть. Ты голодна и оттого раздражена. У меня есть свежие фрукты и овощи, которые мне только сегодня привезли из парника.

Терри выбрала себе два банана и миску клубники. Все это она съела с пророщенным зерном и жидким тофу. Очень вкусно. Пока Терри утоляла голод, Вилли с отстраненным видом смотрел в пространство, прислушиваясь к происходящему в ювви.

— Можно мне позвонить по ювви мужу? — сказала Терри, когда с едой было покончено. — Он, наверное, ужасно волнуется.

— Э-э-э, да, конечно, — отозвался Вилли, отрываясь от своего внутреннего созерцания, каким бы оно ни было, и возвращаясь в обычный мир. — У меня здесь есть еще один ювви, и ты можешь им пользоваться. Наверное, ты знаешь, что *это я* изобрел ювви. Так что я, Терри, не просто чокнутый отшельник со странностями.

— Я знаю это, Вилли. Извини, я, наверное, немного тебе нагрубила, но я чуть не погибла, пойми меня.

— Я рад, что с тобой все в порядке, Терри, и ты здесь со мной, — ответил Вилли и передал Терри ювви из зеленого пластика.

Надев ювви, Терри словно бы открыла глаза и оказалась в комнате, полной совершенно неожиданных гостей. Ближе всего к ней находились Вилли, Ормолу, Френкипейн и Гардл-7, но в отдалении толпились разношерстные возбужденные сознания других молди. Ощущение было таким, словно бы в Гнезде между всеми и каждым была установлена ювви-связь. Одновременно переговаривались несколько сотен голосов, и тем не менее, благодаря какому-то имиполексово-ювви чуду, Терри могла с легкостью проследить нить каждого разговора.

Два главных обсуждаемых вопроса были посвящены тому: а) как помешать Вэнди-Куузу совершить новое заражение, способное на этот раз привести к настоящей катастрофе и б) что теперь делать с технологией Раскодирования Гардла. Большинство молди настаивали на том, чтобы послать навстречу Куузу умную бомбу, чтобы уничтожить его наверняка, и никогда больше не пользоваться Раскодированием Гардла, но Вилли и Гардл-7 были против, утверждая, что Раскодирование Гардла слишком важно, чтобы так просто забыть о нем.

— На самом деле это гораздо безопаснее, чем вы думаете, — сообщил по ювви Гардл-7, как раз в тот самый момент, когда Терри подключилась к разговору.

— Там в куполе Кууз сегодня убил моего мужа, — гневно заявила молди, похожая на красного краба.

— Не все раскодированные личности такие, как Кууз, —

стоял на своем Гардл-7. — Большинство наверняка окажутся разумными существами, полными полезной информации.

— Полезной вроде того, как «Солнце съест Луну»? — выкрикнул другой голос.

— Послушайте меня хотя бы минуту, — сказал Гардл-7. — Сегодня утром, прежде чем провести эксперимент с Вэнди, мы провели тесты на некоторых глупышах. Френкипейн заразила Лестницей в Небо двенадцать глупышей в изоподе Кори Рипсома.

— Вы сошли с ума, Гардл-7! — уже не сдерживая себя, закричал красный молди. — Теперь инфекция неминуемо распространится! Тебя нужно убить за это!

— Инфекция не распространится, — подала голос Френкипейн. — И я сейчас объясню почему. В глупышей Рипсома раскодировались взрослые пришельцы, являющиеся вполне сознательными развитыми существами. Они благодарны нам за то, что мы помогли им раскодироваться здесь. Они называют нашу солнечную систему «новым узлом» и заинтересованы в том, чтобы найти способ сохранить целостность этого нового узла. Они совершенно не похожи на неуклюжего ребенка с Солнца, каким являлся/является Кууз. Это изящный разум, прибывший к нам из глубин галактики.

— И что, по-вашему, удержит их от того, чтобы заразить по ювви весь Эйнштейн, запустив Лестницу в Небо в каждом глупыше и в каждом ДИМ в городе? — потребовал ответа молди, похожий на кактус-чола с руками в виде зеленых отростков-пучков.

— Это не входит в намерения пришельцев, — ответил Гардл-7. — Кстати говоря, они уничтожили ювви Кори. Хотя я должен вам признаться в том, что Кори успел заразить одного глупыша в Эйнштейне. Но этого глупыша убила его хозяйка, Дарла Старр.

Раздались бесшумные крики молди, возгласы ярости и страха.

— Я этого не знал, — сказал Вилли, жуя банан. — Почему вы мне не сказали?

— Я говорю тебе это сейчас, — сказал Гардл-7. — С момента заражения его глупышей Кори разговаривал по ювви дважды, и я проследил оба звонка. Первый раз он звонил Дарле Старр, а после того, как пришельцы отобрали у него ювви, Кори воспользовался обычным старым виззи, чтобы переговорить с Дарлой, когда та позвонила ему сама. По ходу разговора я отметил для себя, что пришельцы проявляют большой интерес к тому факту, что два глупыша из коллекции Кори оказались невосприимчивы к заражению Лестницей в Небо. Пришельцы хотели забрать у Кори этих двух глупышей для собственного

исследования, но Кори не позволил им это сделать. На мой взгляд, этот факт очень важен для нас. Пришельцы несколько раз пытались прорваться к Кори и забрать у него глупышей, но Кори вступил с ними в схватку, и в конце концов виззифон разбился. После этого звонков в его изопод больше не было.

— Это зелюк и джубджуб! — воскликнул Вилли. — Вот именно! Да! Они не могут быть заражены потому, что в них заложено квадратичное оглупление! Мы должны отправиться в изопод Кори и достать там алгоритм. Я не помню всех деталей, но точно смогу вспомнить код, если взгляну на зелюка и птичку-джубджуб. После чего, возможно, мы сможем использовать квадратичный алгоритм для того, чтобы сделать всех молди невосприимчивыми к Лестнице в Небо.

— Сказать по правде, пока у нас недостаточно информации, я опасаюсь идти к этим пришельцам, — подал голос Гардл-7. — Но я могу помочь кому-нибудь добраться до шлюза изопода Кори.

— Гардл-7 просто жалкий трус! — закричал на все Гнездо один из разгневанных молди.

— Нужно разбомбить изопод Кори, и дело с концом! — закричали с другой стороны.

— Успокойтесь и подождите, пока я не схожу туда и не выясню ситуацию, — сказал Вилли.

— Я считаю, что Лестница в Небо — это все происки созданий из плоти, для того чтобы убить всех молди! — бросил зеленый молди-кактус, взмахнув для убедительности тонкими руками. — А Гардл-7 — предатель!

— Если никто не хочет о него руки марать, то я убью его сам, — закричал красный молди-краб. — Держись, Гардл-7, я иду!

— Не нужно больше жертв, это все только усложнит, — пытался воззвать к разуму кто-то.

— Смерть Вилли Тейзу! — заголосили другие.

— Пускай сходят в изопод! — ответили третьи.

— Терри Перцесеп тоже нужно убить! Она явилась сюда внутри Кууза! Это она во всем виновата! — закричал молди-кактус.

— Уничтожить Лестницу в Небо! — крикнул еще кто-то, потом этот клич подхватили другие голоса, потом еще и еще, слившись в единый хор. — Разбомбить лабораторию! Разбомбить! Разбомбить!

— Режим местной сети! — крикнул Вилли, и мгновенно все другие молди исчезли из поля зрения ювви Терри — все, за исключением Гардла-7, Дженни, Френкипейн и Ормолу. — Нам нужно немедленно уносить ноги, — сказал им Вилли. — План отступления К. Бежим!

Взглянув наружу сквозь прозрачную стену дома, Терри увидела четверку молди, бегущих от лаборатории. Потом она увидела, как все вместе они свернули к гидропонным фермам. Гардл-7 и Дженни протиснулись в шлюз, и Вилли торопливо принялся заполнять шлюз воздухом. Ормолу с уродцем о-джи и Френкипейн с тяжелым игловиком остались снаружи охранять вход.

Вилли открыл внутреннюю дверь люка, и Дженни и Гардл-7 тяжело ввалились внутрь. Выглянув наружу, Терри различила вокруг приближающиеся силуэты, быть может, целой дюжины молди. Не так много, как она боялась. Френкипейн подняла игловик и выпустила по широкой дуге поток игл для устрашения нападающих.

— Привет, Терри Перцесеп, — сказал Гардл-7, располагаясь перед Вилли и раскрывая спину наподобие стручка. Из раскрытой спины Гардла-7 несло тухлым сыром.

— Ты, может быть, этого не знаешь, Терри, но без помощи твоего мужа, Тре, мне ни за что не удалось бы создать программу раскодирования в такой короткий срок. Мы очень ему благодарны.

— *Может быть*, мы благодарны Тре, — заявила Дженни, прыгая перед Терри, уже раскрытая и готовая для того, чтобы принять ее в себя. — Но до сих пор твое раскодирование не принесло нам никакой пользы, Гардл. Полезай в меня, Терри. Спрячься во мне, как мышка в норке.

— Не нужно этого негативизма, Дженни, — ответил Гардл-7, закрываясь и скрывая в себе Вилли. — Сегодняшний день, может быть, самый важный в истории всего мира.

— Надеюсь, что мы сможем этот день пережить.

Они выбрались из шлюза гидропонного домика и снова оказались на дне Гнезда. Красный молди, растопырив свои острые клешни, бросился на них. Блестящий купидон Ормолу выпалил в краба из уродца о-джи, и металлическая картечь развалила несчастного молди на три или четыре куска. Одновременно с этим цветок-Френкипейн вскинула игловик и выпустила навстречу устремившемуся к ним кактусу поток иголок. Нападающий превратился в лужу расплава, расплескавшегося на дне Гнезда и немедленно впитанного ближайшими приятелями-предателями.

— Держись, Терри, нам придется полетать! — крикнула Дженни, переворачиваясь толстым концом своей морковки вперед. Раздался гул, и четверо молди взлетели вверх, проносясь сквозь вакуум Гнезда, и каждый испускал из себя тонкий ионный луч. Ормолу и Френкипейн еще выстрелили, каждый по разу, в

сторону преследующих их молди, и очень скоро эти молди прекратили погоню.

Терри вздохнула с облегчением и посмотрела вниз. Вид дна Гнезда был завораживающим. Впечатление было таким, словно бы они были четверкой мошек, очутившихся внутри гигантского компьютерного шкафа старых времен, на днище которого находится огромная материнская плата, покрытая извивами соединений и квадратиками чипов.

Взглянув туда, откуда они только что вылетели, Терри увидела, что молди, те, что преследовали их раньше, бросились назад и принялись крушить гидропонный дом Вилли Тейза и лабораторию Гардла-7. Некоторое время там суетились яркие точки молди, потом полыхнули несколько вспышек бомбовых взрывов, уничтоживших все лабораторное оборудование.

— Пропала работа семи моих жизней! — проскрипел по ювви Гардл-7. — Нужно немедленно вернуться и наказать этих вандалов! Они уничтожили все мои S-кубы! И все мои записи тоже пропали! И копия Вэнди Муни! Какие грубые, невоспитанные шовинистические глупцы! Они ничем не лучше созданий из плоти!

— Но ведь ты сохранил всю информацию по Лестнице в Небо в своем теле, не так ли? — спросил Вилли у Гардла-7.

— Да, но это единственная полная копия. Если со мной что-нибудь случится…

— Молчите, — прервала его Френкипейн. — Мы не знаем, кто еще может нас слушать…

Они продолжали подниматься все выше и выше к выходу из Гнезда, время от времени Ормолу и Френкипейн приходилось стрелять в молди, которые бросались на них из узких проходов на стенах Гнезда. Подняв голову, высоко над ними в конце ведущего из Гнезда тоннеля Терри увидела блестящую над полированным кратером призму. Еще через несколько мгновений они вылетели из тоннеля, пронеслись над кратером и обогнули призму. Вокруг них раскинулась бескрайняя поверхность Луны, вся покрытая серебристо-серой пылью.

— Вилли, — спросила Терри, голос которой дрожал, как она ни старалась сдержать себя. — Я все еще не позвонила своему мужу. Можно мне сделать это сейчас?

— Нажми на кнопку, — ответила иконка Вилли, создав и повесив виртуальную кнопку прямо перед Терри. Терри нажала на кнопку, и довольно скоро перед ней появилось лицо Тре.

— Тре! — воскликнула Терри.

Так же как и радиоволны, ювви-сигнал имел электромагнитную природу и распространялся со скоростью

света, но даже свету требовалась больше секунды для того, чтобы совершить путешествие в одну сторону от Луны до Земли. В течение полных напряжения двух с половиной секунд информация Терри летела до Земли, и сигнал Тре возвращался обратно к ней на Луну.

— Терри! С тобой все в порядке? Где ты?

— Я нахожусь внутри молди, который только что вылетел из Гнезда на Луне. Мы летим к дому человека по имени Кори Рипсом.

Последовала следующая длинная пауза. Терри заметила, что Вилли и все четверо молди внимательно прислушиваются к разговору.

— Дорогая. — Тре чуть не плакал. — Я слышал о том, что Бластер упал на космопорт, и я думал, что ты…

— Я выжила, хотя мне пришлось нелегко, — ответила Терри, в глазах которой тоже стояли слезы. — Это было ужасно. Да и сейчас все не слишком в порядке.

Они уже поднялись на милю над поверхностью Луны, и все четверо молди летели строем.

— Я люблю тебя, Терри, — сказал ей дорогой голос Тре.

— Я тоже тебя люблю. Крепко поцелуй от меня детей.

Еще две с половиной секунды ожидания.

— Хорошо, обязательно поцелую. Расскажи мне подробнее о том, что случилось. Все, что у нас тут пока известно, это какая-то недостоверная болтовня, которую передал нам сюда на Землю из Эйнштейна один независимый репортер. Почему Бластер упал на космопорт? И что случилось со всеми молди в космопорте?

— Вилли Тейз и молди Гардл-7 изобрели какую-то программу, которая изменяет строение имиполекса, размерность вещества или что-то вроде этого. После этого в молди вселяются пришельцы из космоса, точнее, их личностные космические волны. Этот Гардл-7 сказал, что *ты*, Тре, помог им составить такую программу, но как это могло случиться?

Гардл-7, Френкипейн, Дженни и Ормолу выключили свои двигатели и теперь летели по вершине длинной плавной параболы.

— Господи! — пришел в ответ возглас Тре. — Наверное, они использовали моих эн-мерных «Забавных цыплят»! Кто-то или что-то по имени Дженни передало мне Уравнение Мозаики Рамануджана, за это я разработал и передал ей новую версию «Забавных цыплят». Эта Дженни, она находится там с тобой?

— Угу! — отозвалась по ювви Дженни, проиллюстрировав свое вступление в разговор появлением иконки девчонки-тинейджера. — Твоя малышка-жена находится прямо внутри

меня, что верно, то верно, Тре! Чертовски верно!

— Я перезвоню тебе снова, когда можно будет поговорить без свидетелей, — крикнула Терри. — Как я поняла, мы скоро должны будем прилететь к Кори. Некоторые из этих пришельцев находятся там, в его доме. Пожелай мне удачи. И… на всякий случай прощай, дорогой, просто на всякий случай. Я всегда любила тебя. Мне было так хорошо с тобой.

Через две с половиной секунды Терри дождалась от Тре полного слез «до свидания», после чего нажала виртуальную кнопку, чтобы прекратить этот разговор, от которого разрывалось сердце.

Траектория их полетаоканчивалась небольшим кратером, в котором находился блестящий купол. Это был изопод Кори Рипсома. Молди снова включили свои ионные сопла, чтобы снизить скорость полета. Когда Терри наконец взяла себя в руки, она спросила Вилли Тейза:

— Вы в самом деле использовали «Забавных цыплят» для создания вашей Лестницы в Небо?

— Да, — ответил Вилли. — У нас были все необходимые компоненты, но мы не могли составить из них нужный нам конечный продукт. Но как только Дженни показала всю информацию Тре, он немедленно понял, что делать. Хотя он, конечно же, не знал, для чего нам все это нужно. Он прекрасный художник-дизайнер эн-мерных программ и сделал все для нас совершенно бесплатно. Он *просто хотел* это сделать.

— Значит, вы украли у него его программу? — опять спросила Терри.

— Если бы нам удалось извлечь из Лестницы в Небо какую-нибудь пользу, я обязательно слетал бы на Землю и проследил за тем, чтобы Тре получил свою долю прибыли.

Дженни снова подала голос, все так же используя иконку деревенской девчонки с веснушками.

— Ты уже заметила, Терри, что говорить отсюда с Землей — это сущая мука? — сообщила она как ни в чем не бывало. — Все эти двух-, трех-, четырехсекундные задержки — это невыносимо. Я много разговаривала с Землей — и ты знаешь, как только это началось, мне уже хотелось продолжать все дальше и дальше, работать по полной. Бла-бла-бла.

Ионные сопла Дженни плавно набрали мощь, и падение постепенно замедлялось. Лунный горизонт поднимался вокруг них со всех сторон.

— Ты волнуешься из-за Кори? — спросила Терри.

Дженни не обратила на этот ее вопрос никакого внимания.

— Гм, так о чем же я хотела сказать? — продолжила она. —

Эти секунды ожидания из-за скорости света, это такая шняга, что я решила найти способ, при помощи которого это можно обойти. Хотя людям, конечно, не под силу проделать то, что проделала я.

— И что же ты сделала? — спросила Терри, наблюдая за тем, как навстречу им со дна кратера вырастает купол изопода. Они направлялись к месту посадки, находящемуся в нескольких сотнях футов от стены кратера.

— Я сделала так, что Дженни смогла болтать с Землей так быстро, как это ей хотелось. Я запустила свой слейв-симулятор внутри большого компьютера «наследников» в Солт-Лейк-Сити. Мой симулятор достаточно умный, чтобы думать на несколько секунд вперед или даже отвечать самостоятельно. Вот почему, когда я говорила с такими людьми, как твой муж, они не понимали, что разговаривают с молди, находящимся на Луне. Кстати говоря, Терри, твой муж настоящий милашка. Наверняка отлично трахается?

— Ты-то что можешь знать о том, как трахается мужчина? — резко ответила Терри, пораженная таким замечанием настолько, что на мгновение позабыла о том, что они вот-вот войдут в изопод, полный пришельцев.

— Ты удивлена? Ага! Эти «наследники» думали, что мой симми работает на них, и только и делали, что поручали мне расследование сексуальных интрижек, в которые впутывались их священники. Мерзкая работенка, должна заметить, хотя мне ничего, нравилось. Люди, они всегда такие смешные. Тебе стоило бы взглянуть на одного парня, с которым мне пришлось работать, этого Ренди Карла Такера. Кстати говоря, сдается мне, что ты должна была встречаться с этим Такером. Ренди Карл, сын Вилли Тейза, хотя сам Вилли не любит об этом говорить.

— Заткнись, Дженни, — подал голос Вилли.

— В самом деле, Дженни, — поддержал Гардл-7. — Тебе лучше заткнуться. Нам предстоит, может быть, самая важная встреча, а ты тут болтаешь такое.

Четверо молди опустились перед изоподом Кори, подняв клубы пыли, быстро осевшей.

Напоминание о Ренди Карле Такере заставило ярость снова всколыхнуться в груди Терри.

— Этот Ренди украл Монику, и именно он втянул меня в это дерьмо. И я не хочу, чтобы вы считали, что я в восторге от этих мерзостей, которые вы тут устроили, и ты, Дженни, в числе прочих. Твои дружки-молди из Санта-Круза убили моего отца лет пять назад. Вам, лунным молди, лучше было бы оставить Землю в покое и не совать туда свой нос.

— Эй, Терри, если хочешь, злись, только не сейчас, когда у

нас впереди такое важное дело. Мы должны действовать сообща, как одна команда. Кроме того, благодаря великому открытию Гардла-7 мы сейчас имеем возможность встретиться с пришельцами. Гардл-7 мой муж, и надеюсь, что ты не забыла об этом.

— Не сомневаюсь, что *трахается* он преотлично, — поддела Терри.

— Вы, двое, прекратите же, наконец! — зашипел на них Вилли.

В наступившей наконец в эфире тишине они приблизились к изоподу. Вилли отвел их к каменному пандусу, устроенному на склоне кратера и поднимающемуся вверх почти на всю высоту купола. В конце пандуса находился шлюз, ведущий внутрь изопода, на первый его этаж.

— Я отнесу тебя к шлюзу, — сказал Гардл-7. — Но потом нам, молди, наверное, лучше будет подождать снаружи.

— Да, мы подождем снаружи, — согласились Ормолу и Френкипейн.

— Трусливые крысы, — отрезала Дженни. — Сдались и в последний момент включили заднюю. Я иду с вами до конца.

На последней фразе голос Дженни сорвался до хриплого испуганного писка. Дженни нарочито подчеркнуто откашлялась и продолжила:

— Дженни будет первая, кто узнает *все!*

— Странно, но они совсем не реагируют на мои ювви-сигналы, не отвечают никак, — сказал Гардл-7, когда шлюз открылся, принял внутрь его и Дженни и начал с шипением заполняться воздухом. После того как шлюз заполнился воздухом до нужного давления, молди раскрылись и исторгли из себя Вилли и Терри. — Ладно, Дженни, я жду вас снаружи, — сказал Гардл-7 и червем протиснулся обратно через герметичный сфинктер шлюзовой двери. — Прошу вас поддерживать со мной постоянную связь по ювви, и я… я рассчитываю на вас.

Внутренняя дверь шлюза толчком распахнулась, и первое, что они увидели, это стоящую в проходе фигуру неземной красоты — женщину, подобную мраморной статуе, хотя и состоящую из обычного имиполекса. Плоть женщины горела мягким внутренним светом; ее кожа была оттенка переливающейся внутренности морских раковин.

— Добро пожаловать, Терри и Вилли, — приветствовала она их. — При вашем атмосферном давлении звучание моего имени будет слышаться примерно следующим образом…

Казалось, что завибрировало все тело женщины, и воздух наполнился пением флейт, звоном ситара и нежным

резонирующим ритмом гонгов. Звук поднимался и опадал, и оставлял только одно желание: слышать этот звук еще и еще, до бесконечности.

— Это мерцание звука, — пробормотал Вилли.

— Тогда пусть Шиммер, Мерцание, будет мое имя для людей, — отозвалась богиня. — Мне это имя нравится гораздо больше, чем Умница Ханси. Пожалуйста, входите и присоединяйтесь к нам. Здесь с нами Кори и его подруга Дарла, а также Уайти, Йок и Джок. И, кроме меня, довольно много других пришельцев. Я слушаю все разговоры одновременно, это так восхитительно.

Не зная, что ответить Шиммер, Вилли и Терри двинулись в глубь изопода, в сторону бубнящих без конца голосов.

— Похоже, что они находятся в теплице, — заметил Вилли, обращаясь к Терри. — Просто я когда-то там жил, знаешь, одно время. Шиммер, я просто поверить не могу в то, что ты — это то, что раньше было Умницей Ханси. Умница Ханси была вполовину ниже тебя ростом. Ханси была привратницей, такой куклой-глупышом.

— Я одолжила у Кори тридцать килограммов его имиполекса, — ответила Шиммер. — Мы все, пришельцы, поделили между собой весь имиполекс, который удалось найти здесь, и сделали себе достойные тела нормального размера. Всего нас тут двенадцать пришельцев. Мы решили, что из дипломатических соображений нам лучше принять человеческую форму тел.

— Кори разрешил вам взять его имиполекс?

— Мы сами взяли имиполекс. Большую часть дня Кори прятался в туалете и на кухне. Он только недавно согласился выйти в комнату.

— Привет, Вилли! — раздались им навстречу крики, как только они вошли в теплицу с просторными стенами и высокими потолками, с прохладным чистым воздухом, тремя мягкими диванами и огромным количеством растений в больших горшках, стоящих повсюду. В прозрачном потолке теплицы была устроена система искусственного круглосуточного освещения, повторяющая обычный земной цикл дня и ночи. Каменный пол был покрыт плетеными соломенными циновками, в центре зала имелся большой резной каменный фонтан — единственный фонтан на Луне, насколько это было известно. Однажды Терри уже видела снимок этого фонтана в статье про гения лимпсофта и чудака-эксцентрика Вилли Тейза. Диваны были расставлены вокруг фонтана в виде большого треугольника.

По всей теплице в разных местах и различных позах стояли

одиннадцать других пришельцев. Кто-то из них сидел на каменном полу — кто-то ближе к фонтану, кто-то рядом со стенами теплицы, — многие из пришельцев держали в руках и передавали друг другу S-кубы, которые они разыскали в лабораториях изопода. На диванах сидели пятеро присутствующих в изоподе людей.

— Это Терри и Дженни, — представил прибывших Вилли. — Терри, это Кори, Дарла, Уайти, Йок и Джок, их дочери.

Терри смерила присутствующих взглядом. Если бы мускулистому старине Уайти немного добавить загара и сбрить с головы крутой ирокез, конец которого спускался у него до середины спины, то он запросто сошел бы за бывалого серфера. А вот Кори был похож на старого торчка-одиночку, еще более чудного, чем сам Вилли. Неудивительно, что они столько времени тусовались вместе и жили под одной крышей. Рядом с Кори на диване сидели двое имиполексовых домашних зверюшек: маленькая птица со здоровенным клювом и маленький же зеленый поросенок. Что касается Дарлы, то эта особа казалась необыкновенно чувственной — по всему было видно, что в своей собственной шкуре ей было комфортнее, чем где бы-то ни было, при этом глаза ее сверкали неукротимой яростью и страхом. Дочери Дарлы были хорошенькие и живые девушки: Джок — в ярких панковских тряпках, с высветленными и выкрашенными розовым волосами, уложенными в прическу под стать, Йок — в лунном стиле, в струящемся платье и серебристых сапогах. Джок сидела рядом с Кори и играла с его пластиковыми зверями.

По сравнению с пришельцами, люди, находящиеся в комнате, казались до скучного обыкновенными. Как и Шиммер, все находящиеся в комнате молди имели вид статуй с классическими человеческими пропорциями. Было видно, что пришельцы от души постарались угодить людям и подстроиться к ним. Глядя на пришельцев, на ум приходил фантастический фильм, действие которого разворачивается среди греческих богов на горе Олимп — или же внутри софт-порно видди. Пришельцы были слишком, чересчур совершенны. Фонтан услаждал слух журчанием воды, пришельцы загружали в себя информацию из S-кубов, раскинувшись в свободных позах наподобие древнегреческих философов.

Вилли и Терри присели на свободный диван, в то время как морковка-Дженни поспешила поближе рассмотреть пришельцев.

— Э-э-э, итак, парни, и откуда же вы взялись? — радостно взвизгнула она.

— Они как раз об этом нам рассказывали, — подал голос Кори, медленно выговаривая слова. С его лица не сходило

выражение удивления. — Они все прибыли из разных мест. Шестеро из нашей галактики, один явился со звезды в созвездии Андромеды, двое из Крабовидной туманности, один с NGC395, один с квазара, а Умница Ханси с…

— Я поменяла имя и теперь прошу называть меня Шиммер, — перебила Кори сиятельная богиня и снова издала звенящий звук ситара.

— Отлично, лады, — кивнул обкуренный Кори. — Мне по фигу. Так вот, Шиммер прибыла из местечка, находящегося дальше всех остальных, — она прилетела к нам из невообразимой дали, из укромного уголка космоса, где и время, и пространство — все устроено по-другому.

— Да, — подтвердила Шиммер, — там, откуда я прилетела, время имеет два измерения.

— Что это значит? — спросила Терри.

— Могу предложить вам следующую простую аналогию, — ответила Шиммер. — Приходилось вам когда-нибудь задумываться о том, что ваша жизнь могла бы пойти иначе, если бы в определенный момент времени вы приняли другое решение?

— Конечно, приходилось. Если бы я не поплыла за Моникой, то не очутилась бы здесь.

— Вот именно. А теперь вообразите, что все ваши возможные жизненные альтернативы являются реальными. Всего, для простоты, скажем, что таких альтернатив у вас на текущий момент может быть *триллион,* — теперь представьте каждую такую альтернативу в виде нити, от которой отходит другой триллион альтернативных продолжений, и все это образует нашу временную плоскость, жизненное полотно.

— И, значит, это вы называете двумерным временем? — встрял в разговор Вилли. — Но, возможно, что и у меня есть триллион вероятных продолжений жизни, просто я не способен осознать каждое из этих продолжений одновременно. В течение развития каждой параллельной жизни я способен воспринимать ее, и только ее, что дает нам обычную одномерную жизнь. Прошлое/настоящее/будущее. Я просто не осознаю существование второго жизненного измерения.

— Но мы не похожи на вас, — ответила Шиммер. — В нашей части космоса мы осознаем все наши параллельные жизни. Находясь на пути любой из жизней, мы воспринимаем и остальные альтернативы как развивающуюся данность. Вы — это одна и та же сознательная единица, проживающая одновременно все жизни. Соответственно у вас есть прошлое/настоящее/будущее, но также есть и другие оси измерений. Просто я не знаю, как назвать это по-английски.

Шиммер издала гудящий, словно раскат гонга, звук.

— Но любая ось, — предположил Кори, — может быть проведена только от «может быть» до «а что, если».

— Именно так, — кивнула Шиммер, даже не улыбнувшись. — В двумерном времени мы постоянно осознаем наши параллельные жизни, одновременно все их проживая. Наш опыт в любой из параллельных жизней руководит выбором манеры поведения во всех остальных жизнях. Наша память также двумерна — от прошлого к настоящему и от «может быть» к «а что, если». И нет никакой трагедии в том, если одна из жизненных нитей завершится смертью — в этом нет ничего страшного, поскольку существует еще триллион других не просто вероятностей, а одновременных жизней. Но постепенно даже мы теряем все. Подобно тому, как вы стареете, мы начинаем терять нити наших жизней целыми прядями; наше жизненное полотно изнашивается и превращается в отдельные лоскутки и нити. Кстати говоря, то, что я очутилась в вашем измерении и живу здесь подобно единичной жизненной нити, вызывает у меня тревогу. Ваш мир одномерного времени кажется мне обедненным и пугает меня.

— Что вызвало страх у меня, так это то, как ваш приятель Кууз раздавил купол космопорта, — злобно бросил Уайти, сидящий на диване между Дарлой и Джок.

— Так вы находились внутри космопорта? — воскликнула Терри. — А я была внутри Кууза. Скажи, Шиммер, вы не такие, как Кууз? Вы не собираетесь все здесь съесть?

Шиммер произвела очередную музыкальную фразу, и слово взял другой пришелец, похожий на пурпурного Аполлона.

— Мое имя Зед, — объявил он, поставив на пол куб, который прежде внимательно изучал. — Я прибыл с планеты, находящейся в центре нашей галактики Млечный Путь. Моя планета полностью покрыта океаном, и прежде я имел вид огромного кальмара. Я собираюсь в самое ближайшее время посетить океаны Земли. Вы спрашиваете, почему мы, двенадцать пришельцев, не хотим съесть тут все? Дело в том, что только цивилизации, находящиеся на высокой ступени развития, способны овладеть таким высокоэффективным способом передвижения, как полет в виде космического излучения. Однако случается и так, что некоторым удается овладеть этим высокоэффективным и высокотехнологичным способом передвижения прежде, чем в них появляется высокого уровня моральная ответственность. Пример этому — Кууз. Он прибыл с вашего Солнца. В любом узле, где овладевают искусством раскодирования, ученые должны быть настороже, предвидя появление подобных существ. По счастью,

мы смогли воспротивиться попыткам Кууза установить в нас Лестницу в Небо, чтобы овладеть нашими телами. Спасибо зелюку и джубджубу.

Пара зверушек была полностью поглощена друг другом, нападая и кусаясь, предаваясь безустанной возне на отрезке дивана между Кори и Джок.

Для иллюстрации своих слов Зед ловко выбросил руку вперед, на лету превратив ее в щупальце, и дернул зелюка за винтовой хвост, отчего поросенок хрипло завизжал.

— Кубическое оглупление? — сказал Вилли.

— Да, — кивнула Шиммер. — Как только нам удалось забрать зелюка и джубджуба у Кори, мы взломали их программное обеспечение, скопировали код и сделали патч к своим программам, благодаря которому стали неуязвимы к Лестнице в Небо. Кроме того, мы пропатчили все ДИМ в этом изоподе. Мы только-только успели завершить работу, когда Кууз напал на космопорт.

— Конечнушки! — взвизгнула Дженни. — Точно о том говорил Вилли, это его была идея. Вы покажете нам, молди, как проделать эту штуку?

— Конечно, — отозвалась Шиммер.

— Если бы вы сразу объяснили, зачем вам нужны зелюк и джубджуб, то я бы не стал с вами так долго драться, — подал голос Кори.

— Он напал на меня с ножом, — сказал третий пришелец, прекрасный негр, с блестящей как антрацит кожей.

— Мы все видели по видди, — сказала Джок. — Ты — это прежний Брандашмыг?

— Да, но теперь меня зовут Такала. Я прибыл с планеты джунглей и гигантских насекомых. Я был похож на нечто, напоминающее огромного богомола. Когда мы стареем и достигаем определенного периода жизни, то можем, проглотив определенное вещество, войти в особое состояние духа, позволяющее *чирпнуть*. Чирпнув, вы превращаетесь в личностную волну и покидаете планету, отправляясь в любом желаемом направлении.

— А могут ли люди чирпнуть? — спросил Вилли.

— Может быть, нужно только попробовать научить вас делать это, — ответил Такала.

— На что это похоже, полет между звездами в виде космического излучения? — спросил Вилли.

— Позвольте мне ответить на этот вопрос, — подала голос другая пришелица, подобная яркой оранжевого цвета женщине. — Меня зовут Сюззи, я та, что прилетела к вам с квазара. Не все

создания со звезд такие же примитивные и грубые существа, как Кууз. Моя раса состоит из вихрей, сопряженных друг с другом наподобие того, как были устроены собратья Кууза, происходящие из расы солнечных пятен. Отличие в том, что мы находимся на более высокой ступени развития. Кууз подобен трубчатому червю, в то время как мы являемся сверхлюдьми. Но мы даже представить себе не могли, что возможно существование разумных существ при таких низких температурах, как у вас. И до чего замедленны все ваши жизненные процессы. Вилли Тейз спросил нас, на что похож полет между звездами в межгалактическом пространстве в виде космического излучения? Вот ответ — передаю ювви-изображение.

Терри включила ювви и приняла переданный Сюззи сигнал. Она ощутила себя в невообразимых размеров пространстве; она увидела себя находящейся в бескрайней темной пустоте, испещренной пятнышками света, вырастающими с невероятной скоростью в сияющие силуэты, подобные крутящимся колесам или ярким пятнам, или рассыпанным пригоршням риса, оранжево-желтым от внутреннего света и тепла, многочисленное святое семейство, блаженно распевающее в космической Пустоте и Бесконечности, песнь которого сливается в могучее отдающееся эхом «*Аааауууммм*». Терри ухватилась за этот звук и откинулась на спинку дивана, чувствуя себя умудренной новым опытом и усталой.

— Это только очень приблизительная картинка, — запротестовал другой пришелец, на этот раз зеленый человек. — Можете называть меня Блуг. Моя исходная жизненная форма подобна огромной расплывчатой медузе, плавающей в атмосфере газового гиганта, огромной метановой планеты. То, что сейчас показала вам Сюззи, на самом деле не совсем верно. Когда вы летите со скоростью света, вы не ощущаете течения времени. Весь перелет напоминает один общий неделимый жест. Подобно тому, как атлет совершает отточенное совершенное движение. По сути дела, перелет не занимает вообще никакого субъективного времени. Это можно назвать радикальным разрывом, дельтой Дирака, нелинейным пиком, фронтом ударной волны.

Зеленый пришелец передал Сюззи куб, который до этого изучал.

— Я пользуюсь тем языком, словарь которого нашел в этом кубе, Сюззи.

— Потрясающе, обалдеть, — прокомментировала Дженни. — Я транслирую все по ювви Гардлу-7, Ормолу и Френкипейн, и сейчас попрошу их войти внутрь.

— Подожди, — сказал Кори. — Я пойду в шлюз вместе с

тобой и осмотрю их.

Кори и Дженни скрылись в конце коридора.

— Джок, скажи, только честно, ты и в самом деле считаешь, что Кори симпатичный? — спросила Джок Дарла, когда за Кори закрылась дверь. — Неужели я растила тебя для того, чтобы ты досталась вот такому?

Голос Дарлы дрожал от переполнявших ее эмоций.

— Тихо, ма, — шикнула на нее Джок.

— Только не сейчас, — взмолилась Йок.

— Джок уже выросла, Дарла, — подал голос Уайти. — Если ей нравится Кори, то мы ничего не сможем с этим поделать. Чем меньше мы будем об этом говорить, тем скорее она им переболеет.

— У меня не один только Кори в голове! — со слезами в голосе воскликнула Дарла. — У меня в голове столько забот, что на всех вас не хватит! Лучше бы ты обнял меня, Уайти!

Уайти обнял Дарлу, и она прижалась к нему, а ртом — к его уху.

— Только не нужно вести себя как герои дешевых мыльных опер! — воскликнула Джок. — Мне их хватает по виззи! Неужели мы не можем хоть чуточку трезво смотреть на вещи? У меня еще масса вопросов к этим пришельцам. Вот, к примеру, ты, Шиммер, сказала, что твоя жизнь складывается из триллиона параллельных жизней, — я хочу спросить, что за создания в каждом случае проживают каждую из этих жизней? Это кальмар или насекомое, или артишок, или просто солнечное пятно, или что это?

— Мои индивидуальные бытия более похожи на животных, чем на людей, — ответила Шиммер. — Но в некоторых случаях они могут иметь вид реки или дерева.

— Дерево! — воскликнул Вилли. — Я люблю деревья!

— Все, что обладает сознанием, обладает и моралью, — заявила розовая женщина-пришелец. — И все, что существует, живое. Меня зовут Парелла. Я прилетела с планеты кристаллов. Сюззи считает, что ваше время течет медленно, я же, наоборот, полагаю, ваше время слишком быстрое.

— Я вот о чем подумал, — заговорил Уайти, к груди которого прижималась Дарла. — Стэн Муни летит к Луне в зараженном Кууз куске имиполекса. Когда он опустится на Луну — а ждать этого осталось около четырнадцати часов, — даже когда Стэн приблизится к Луне на достаточно малое расстояние, его Кууз повторит то, что недавно проделал Бластер. Или даже хуже того. Что будет, если Кууз решит пробить купол Эйнштейна? Что, если Кууз решит спеть свои волшебные цифры всем глупышам и ДИМ

в Эйнштейне? Дерьмо получится.

— Странная штука с этим Куузом, — сказала Терри, чувствуя, что ее неудержимо клонит в сон. — Я всегда так хорошо думала о Солнце… Но теперь, с этих пор, стоит мне взглянуть на Солнце, как я сразу же вспоминаю, что оно хочет всех нас съесть.

— Его нужно остановить, — сказала Дарла.

— Я готова полететь и уничтожить Кууза, — отозвалась Сюззи. — Я всегда ненавидела таких примитивных созданий из солнечных пятен, как Кууз.

— Здорово, — подал голос Уайти. — Но я считаю, что это дело молди и людей разобраться с Куузом. Мы больше знакомы с тем, как тут все устроено. К тому же я хочу попытаться провернуть все так, чтобы Стэн все же остался в живых. Он мой старый друг.

— Не смотрите на меня, я слишком устала для того, чтобы помогать вам, — услышала Терри свой собственный голос. И это была правда. Она откинула голову на спинку дивана и чувствовала, как глаза ее закрываются.

Еще через минуту вернулись Кори и Дженни в сопровождении трех новых молди. Кори заставил Ормолу и Френкипейн отдать ему оружие, просто ради безопасности. Он небрежно держал уродца и игловик в обеих руках.

— Эй, Кори, — сказал Уайти. — Как ты смотришь на то, если ты, я и эти молди слетаем и спасем сенатора Муни? Мы обернемся туда и обратно за четыре часа.

— Я не полечу, — отрезал Гардл-7.

— Ты, вонючий слизняк, — прорычал Уайти. — Это ты, умник, втравил нас в это дерьмо. Ты первый должен лететь.

— Нет, — упрямо повторил Гардл-7. — Я хочу остаться здесь и обмениваться информацией с этими пришельцами. Я всю жизнь работал только ради этого момента.

— Я тоже не хочу никуда лететь, — вставил Вилли.

— Тогда пусть они остаются, — кивнул Кори.

Совершенно случайно Терри, уже задремывая, взглянула на Дарлу и заметила, что та делает Кори большие глаза.

— Мы с тобой, Уайти, провернем все дело, конечно, если Ормолу, Дженни и Френкипейн согласны нам помочь. Я полечу на Френкипейн, ты — на Ормолу, а Дженни возьмет Стэна на обратном пути. Если все согласны, то это будет идеальный вариант.

— Класс, — согласно кивнул Уайти.

— Но что будет, если Вэнди-Кууз решит послать нам свою Лестницу в Небо? — протестующе подала голос Френкипейн. — С близкого расстояния?

— Неужели ты не мониторила ювви Дженни? Наши друзья-пришельцы нашли способ, каким образом воспользоваться свойствами зелюка и джубджуба, и создали вакцину от вируса Лестница в Небо, — ответил Кори.

— И мы тоже можем установить в себе эту программу? — неуверенно спросил Ормолу.

— Что сказать, пришельцы смогли установить себе вакцину самостоятельно, но мне кажется, что вам, молди, понадобится моя помощь, — решительно сказал Кори. — Давайте отнесем поросенка и волшебную птицу в мою лимпсофт-студию, и там я все организую. Идите все за мной. Ты тоже пойдешь с нами, Гардл-7.

— Да, да, я хочу узнать все о вакцинации, чтобы научить этому молди в Гнезде, — ответил Гардл-7. — Тогда они простят меня и не станут больше злиться. Кстати говоря, Кори, у тебя не найдется здесь лишнего S-куба, чтобы я мог загрузить в него мою копию Лестницы в Небо? Это последняя копия, нигде больше ни одной копии не осталось. Эти параноики, молди из Гнезда, они взорвали мою лабораторию.

— Конечно, у меня есть все необходимое оборудование, — ответил Кори. — Итак, молди, идемте все за мной.

— Я вам помогу, — подал голос Уайти. — Я понесу твои пушки, Кори. А ты возьми поросенка и птицу.

— Я тоже хочу посмотреть, — сказала Дарла. — Я так давно не была в этом доме и хочу узнать, может быть, тут что-нибудь изменилось с тех пор.

Кори, Уайти, Дарла и четверо молди двинулись по коридору в сторону центрального зала, при этом Кори нес под мышкой зелюка и джубджуба, а Уайти тащил уродца о-джи и игловик.

— Мы уже слышали истории Шиммер-гуманоида из двумерного времени, кальмара Зеда, Сюззи — квазарного вихря, манты Такада, Блуга-медузы и Парелла-кристалла, — сказал Вилли. — А откуда прилетели вы, остальные шестеро пришельцев?

Несмотря на то что последующие рассказы были, может быть, самыми интересными из всего, что она могла бы услышать в жизни, Терри, больше не в силах сдерживаться, погрузилась в сон.

10. Дарла

6 ноября 2053 года

Семья бабушки Дарлы состояла из настоящих американских индейцев родом из Акомо-Пуэбло, неподалеку от Альбукерке. Слушая рассказы своих родственников-индейцев, Дарла с ранних лет уразумела, как это бывает, когда рядом с твоим домом появляются представители могущественной чужеземной культуры. Она все узнала об алчности, о болезнях, о жестокости, о бессердечном пренебрежении и даже уничтожении местной культуры. «Отдайте нам свое золото, мы дадим вам в обмен свои болезни; ваша религия — это зло; приносите ваши дары нашим священникам-паразитам». Увидев в изоподе Кори пришельцев, Дарла мгновенно вспомнила древнюю, забытую до поры глубинную ненависть. Но она была умна и не торопилась раньше времени проявлять свои чувства.

Будто бы с обидой отвернувшись от Кори и Джок, Дарла воспользовалась ситуацией, чтобы, прижавшись к Уайти, прошептать ему на ухо: *«Мы должны убить пришельцев»*.

По тому, как отреагировало на эти слова тело Уайти, Дарла поняла, что тот согласен и готов действовать с нею заодно. Вскоре после того как вернулся Кори, в сопровождении четырех молди, а также с оружием в руках, игловиком и уродцем, Дарла почувствовала, что теперь Уайти знает, что делать.

Кори и Уайти в сопровождении всех четырех молди двинулись к студии Кори. Дарла замыкала шествие. Стараясь, чтобы ее голос звучал ровно, Дарла отпускала хозяйские замечания по поводу устройства внутренних помещений изопода:

— Ты хорошо присматриваешь за своим марихуановым деревом, оно разрослось еще больше, образовало настоящие заросли. Какая у них уже высота? И ты снова развесил свои картины на бархате? Мне всегда больше всего нравилась вон та, что ты написал про ядерный взрыв в Акроне.

— Да, — отозвался Кори. — Я много сил потратил на эти картины, вложил в них всего себя, в особенности в ту пору, когда обучался в колледже искусств в Акроне. Конечно, я его ненавидел, этот колледж, но иногда мне даже жалко, что эти якви взорвали его. Странно, конечно, но, когда я жил в Акроне, я и сам думал о том, как бы все тут взорвать. Словно предчувствовал, что случится. В одном из своих снов я видел себя стоящим посреди большого стадиона в Акроне рядом с выкрашенной белой краской

водородной бомбой «Толстяк», а на трибунах сидели тысячи людей, хлопали в ладоши и скандировали: «Взрывай! Взрывай! Взрывай!» Видите, вот тут, в самом углу картины, я нарисовал уничтоженный взрывом стадион?

Они остановились, и счастливый Кори еще раз рассмотрел свою картину.

— А вот картина с тобой, Дарла. — Кори указал на другую картину на бархате, на которой был изображен Стэн в зеркальном костюме, вместе с Дарлой выходящий из тоннеля, ведущего из Гнезда. — Видите, как отражаются в зеркальном костюме звезды? А Землю видите?

— Как давно это было, — заметила Дарла. — Сколько времени прошло с той поры, как я последний раз сделала что-то героическое. Разве не настала пора для нового подвига, а, Уайти? Самое подходящее время.

— Я понял тебя, — ответил Уайти, и они двинулись дальше.

— Одним из героев *этого* года буду я, — самодовольно заявил Гардл-7. — Здесь и сейчас с нами находятся пришельцы с далеких звезд — разве это не здорово? Только представьте себе, сколько новых ценных знаний могут они нам передать? И вообразите, сколько других, новых пришельцев можем мы дополнительно раскодировать! Ведь личностные волны проносятся в пространстве мимо нас каждое мгновение!

— Я думаю, что вакцинация против Лестницы в Небо — это очень хорошая идея, — тихо заметила Френкипейн.

— Да, — согласился Ормолу. — Я полностью «за». Что, если пришельцы поведут себя агрессивно, проникнутся алчностью и решат раскодировать все новые и новые личностные волны, пользуясь Раскодированием Гардла? Что, если какой-нибудь раскодированный рак захочет вдруг поболтать с другим раком с той же самой планеты и проделает тысячу раскодирований, просто чтобы разыскать наконец своего сородича? Кто может сказать или решить, сколько имиполекса разрешено использовать пришельцам? Что, если они захотят использовать все ресурсы нашей Солнечной системы?

— Они опустошили мои запасы мерцпокрова, даже не моргнув глазом, и слова мне не сказали, — сказал Кори. — Они набили себе животы, и каждый сожрал, наверное, не меньше чем по семьдесят килограммов. А это стоит немалых денег, знаете ли.

— И что, если они раскодируют кого-нибудь вроде нового Кууза, и тот решит перебить нас всех? — предположила Дженни. — Мне не хочется тебе это говорить, но твое Раскодирование оказалось дерьмовой идеей. Я знаю, что мы много и напряженно работали над этой программой…

— Вы все слишком осторожны, — резко ответил Гардл-7. — Послушаешь вас, так кажется, что это говорят грязные «наследники»! Вы что, противники прогресса?

— А вот и моя студия, где я занимаюсь лимп-программированием, — объявил Кори, открывая дверь. Он выпустил на пол зелюка и джубджуба, которые немедленно начали кругами носиться друг за другом, все как всегда. За Кори в студию вошли Уайти и молди, последней вошла Дарла. В студии имелось довольно много сложного и удивительного на вид оборудования для произведения того или иного типа дизайна. В углу стояла машина промышленного вида, вдоль стен стояли несколько рабочих столов с устройствами, более или менее похожими на электроинструмент, на полках вдоль стен были расставлены банки, бутылки, трубки и коробки.

Закрыв за собой дверь, Дарла прислонилась к ней спиной. Взглянув на Уайти, она с заметила, что тот с трудом держит в руках одновременно и игловик, и уродца о-джи.

— Эй, Уайти, я никогда не видела такой большой игловик, разреши мне на него взглянуть, — сказала она ему.

Уайти молча передал игловик Дарле, а сам покрепче ухватился за уродца.

— Прежде чем мы приступим к чему-то, — объявил Гардл-7, — я хочу загрузить свою информацию в S-куб. Я не хочу больше рисковать, ведь во мне последняя копия Лестницы в Небо.

— Нет, мы не станем этого делать, — сказал Уайти и мастерски превратил Гардла-7 в кучу ошметков имиполекса, разрезав на части залпом выпущенных из магнитного ускорителя уродца острейших стрелок, с тихим свистом пронесшихся сквозь воздух. Несколько стрелок со звоном отскочили от противоположной каменной стены комнаты.

— Даже не думайте звать на помощь, — сказала Дарла, наводя игловик на трех оставшихся молди. — Если я нажму на курок, вы, троица вонючек, превратитесь в факелы. Дженни! Передавай фальшивый ювви-сигнал Гардла, на тот случай, если эта любопытная Шиммер решит нас прослушать. Френкипейн и Ормолу! Замаскируйте свои мысли и излучайте ювви-сигнал о том, что будто бы Кори переписывает копию Гардла-7 в S-куб.

— Вот именно, — подхватил Уайти, наводя дуло уродца на молди. В воздухе здорово воняло останками разрезанного на части Гардла-7. Насмерть перепуганные зелюк и джубджуб исчезли, спрятавшись за большой промышленной машиной в углу комнаты.

— Значит, мы все думали об одном и том же, верно, ребята? — подал наконец голос Кори. — Пришельцев нужно

истребить.

— А кто-то еще сомневается? — грозно спросила Дарла. — Если мы не хотим, чтобы расы людей и молди закончили тем, что будут продавать сувениры или служить крупье в казино для звездных богов.

— Да… это верно! — отозвалась после секундной паузы Дженни. Ее голос заколебался. — Бедный Гардл-7. Мы никогда даже подумать не могли о том, что все так обернется. Он был так умен и гениален — и так глуп.

— Я согласна, — поддержала Френкипейн. — Пришельцы были большой ошибкой.

— Я с вами, — сказал Ормолу. — Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть, и я не хотел никаких катаклизмов и никаких больших перемен. Но как нам одолеть пришельцев? Их же там целых *двенадцать!*

— Я подожгу их всех моим тяжелым игловиком, — сказала Дарла. — Когда я сегодня утром выстрелила в Рагса, он загорелся почти сразу же.

— *Почти* в ту же секунду, — сказал Уайти. — Но к тому времени, когда мы подожжем двух или трех пришельцев, остальные уже доберутся до нас. У тебя нет здесь другого оружия, Кори? Было бы здорово, если бы мы, все шестеро, смогли бы вооружиться.

— Все, что у меня здесь есть, это водяные пистолеты, — смущенно сказал Кори. — Я художник-дадаист. Кисточка и краски могущественнее острейшего меча.

— Я могу с большой силой выплевывать предметы из любой части своего тела, — сказал Ормолу, вытянув руку и выстрелив из ладони чем-то твердым, что с характерным стуком врезалось в дальнюю стену комнаты.

— Что *это* такое было? — спросила Дарла.

— Камотный шарик.

— Но этим никого не убьешь.

— Я могу направить на них свои ионные сопла, — сказала Дженни. — Беда в том, что выхлоп сопел холодный.

— А это твое оборудование в студии? — спросил Уайти. — Неужели тут нет ничего более или менее опасного? Расскажи нам, что тут есть, и мы сами решим, как им воспользоваться.

— Хорошо, — согласился Кори. — Это старая машина в углу — инжекторная литейка. Я пользуюсь ею, чтобы отливать глупышей, программируя сначала желаемую форму. На верстаке справа я готовлю и вырезаю формы, в которые потом отливаю глупышей. Инструмент, похожий на дрель, — пьезоформ, он очень хорошо режет имиполекс. Он использует ультразвук.

Конечно, оружием его не назовешь, потому что вы должны находиться непосредственно рядом с предметом, чтобы работать с ними пьезоформом. Это больше похоже на машинку дантиста, чем на базуку. Вот на этом верстаке я обычно раскрашиваю своих глупышей. В определенных пределах они могут контролировать свой цвет, но им нужна базовая окраска, с которой они могли бы начать. Поэтому сначала приходится добавлять в их тело необходимые пигменты и оксиды металлов, с которыми потом глупыши могли бы работать. Вот этот инструмент, по сути дела, то же самое, что и старый пульверизатор. Конечно, немного доработанный с учетом современной техники, потому что этот пульверизатор способен впрыскивать краску в пластик на глубину до четырех сантиметров. Иными словами, это пульверизатор объемного наполнения. Отличный инструмент, но, к сожалению, опять-таки совершенно безопасен для жизни.

Пока Кори говорил, трое молди торопливо собрали с пола то, что осталось от Гардла-7. Зелюк и джубджуб осторожно выбрались из своего укрытия, чтобы тоже подобрать кусочки поменьше.

— Надеюсь, что никто из вас, из молди, не получит с этим пластиком достаточную дозу Лестницы в Небо, — угрожающе произнесла Дарла, палец у которой играл на кнопке игловика.

— Вам не о чем беспокоиться, — ответила Френкипейн, ставшая уже на тридцать сантиметров выше прежнего. — Я перепрограммировала весь имиполекс, который поглотила.

Френкипейн выпустила два новых лепестка, икнула и выплюнула треугольную стрелку уродца, словно арбузную семечку.

— *Excusez moi.*

— С нами не будет никаких проблем, не волнуйся, Дарла, — добавил Ормолу, который с видимым удовлетворением оглядывал свое тело. — Я использовал всю свою долю Гардла-7 для того, чтобы нарастить побольше мышц.

Ормолу размял ноги и совершил несколько пробных упругих прыжков вокруг остальных.

— В том, что досталось мне, нет ни одного байта научной информации Гардла-7, — подхватила Дженни. — Но я сохранила для себя кое-что из его воспоминаний, что бы вы там ни говорили. Гардл был отважный исследователь. И мы любили друг друга.

Удивительно, но для огромной моркови Дженни казалась удивительно расстроенной и вызывала жалость.

— А эти банки и бутылки на полках, что в них? — спросил Уайти.

— В них различные химические вещества. Вроде смол и полимеров, для того, чтобы доработать имиполекс до нужного состава. А кроме того, краски и растворители, чтобы красить глупышей.

— Растворители! — воскликнул Уайти. — Мы сможем сделать зажигательную смесь!

— *Замечательно!* — громко подала голос Дарла. — Может быть, тогда лучше сразу же войти в теплицы с канистрами бензина. Если пришельцы только почуют неладное, они сразу же нападут на нас. Или возьмут заложников. Я не хочу, чтобы с Йок и Джок что-нибудь случилось. Нет, мы должны в момент разобраться с этими бродячими системами, забравшимися в куски пластикового дерьма, и придумать способ, как спалить их в пять секунд.

— У меня идея! — воскликнула Френкипейн после минутного размышления. — Мы, молди, можем метать маленькие шарики имиполекса, заставляя их двигаться как запрограммированные умные кинетические бомбы.

Френкипейн вытянула вперед один из своих лепестков и выбросила из него блестящий кусочек золотого имиполекса, который запрыгал по комнате.

— Конечно, мы теряем при этом имиполекс, но теперь, после того как мы съели бедного Гардла-7, мы можем себе позволить истратить немного.

— Ты думаешь испугать пришельцев этими кусочками летающего пластика? — спросил Кори.

Кусочек золотистого имиполекса пролетел мимо зелюка, который прыгнул вперед в безуспешной попытке схватить лакомый имиполекс. В ответ золотистый шарик внезапно рванулся назад и ловко ударил зелюка в пятачок, потом принялся прыгать, все наращивая и наращивая амплитуду прыжков, в конце концов отрекошетив от стены и потолка и вернувшись к Френкипейн.

— *Voila,* — сказала Френкипейн. — Так я управляю этим шариком.

— Мы способны управлять частями своего тела, даже если они отделены от нас, — подтвердила Дженни. — Конечно, всему есть предел, или если тебя разрубили на части, как несчастного Гардла-7, то тут уж ничего не поделаешь и ни о каком контроле речи не идет.

Дженни согнула под углом тонкий кончик своей морковки и выстрелила другим прыгучим шариком имиполекса, который на этот раз попыталась поймать птица джубджуб. Точно так, как и Френкипейн, Дженни управляла снарядом при помощи ювви-

сигналов и вскоре вернула шарик благополучно к себе обратно.

— Ну и что, мать его! — воскликнула Дарла. — Просто какие-то фокусы с шариками.

— *Attendez!* — воскликнула Френкипейн. — Сейчас я покажу вам то, что является второй частью моей идеи. Если я начиню свой управляемый шарик достаточным количеством квантовых капсул, то мне ничего не стоит заставить его совершить самоубийство.

Френкипейн выпустила новый имиполексовый шарик, который, едва только он долетел до потолка, внезапно с резким хлопком взорвался, и его охватило пламя. Треща пламенем, словно нафталиновый шарик, имиполексовый снаряд упал на пол и полностью сгорел.

— *La poof!* — воскликнула Френкипейн.

— Вот это да! — выдохнул Уайти. — Зажигательные пули!

— Скажи нам, как это делается! — попросил Ормолу. — Передай по ювви.

Спустя несколько секунд Ормолу и Дженни уже знали, как проделывать этот фокус. Ормолу выплюнул несколько тяжеленьких шариков в каменную стену, где они прилипли и горели, словно кусочки напалма. Дженни выстрелила своими шариками в зелюка, который с гневным хрюкотанием унесся искать спасения в укрытие.

— Значит, вы, молди, способны стрелять, словно автоматические огнеметы! — удовлетворенно воскликнула Дарла. — Тогда у пришельцев не останется ни единого шанса!

— Только вот эта стрельба требует большого расхода квантовых капсул, — сказал Ормолу, проверив себя внутри.

— Да, — подтвердила Френкипейн, — поэтому я беспокоюсь, что после того, как истрачу слишком много энергии на стрельбу, я не смогу пользоваться ионными соплами. Не хотелось бы доходить до такого состояния.

— Ничего, у меня тут имеется большой запас квантовых капсул! — воскликнул Кори. — Я пользуюсь квантовыми капсулами для того, чтобы заряжать своих глупышей, прежде чем отнести их на продажу. Вот смотрите.

Кори открыл сейф и извлек оттуда блестящий металлический сосуд с несколькими трубками и проводами.

— Это магнитная бутыль. Здесь у меня целых десять граммов! Теперь, ребята, вы сможете зарядиться под завязку!

— Оставьте немного для нас, зарядить игловик и уродца, — сказал Уайти. — Нам нужен полный заряд!

Френкипейн наклонилась и ловко влила в себя порцию квантовой супержидкости. Это была странного вида серебристая

жидкость, которая вела себя не так, как остальные жидкости. После этого она уступила место у бутыли другим молди. Пока следом за ними Уайти заряжал игловик и уродца о-джи, молди еще немного поупражнялись в стрельбе зажигательными пулями.

— Зажигательные пули — отличная идея, — подал голос Кори. — Мне это очень нравится. Когда мы со всем этим покончим, я хочу сделать нового глупыша, огнедышащего дракона. Или, может быть, такого сумасшедшего огнепердуна. Эй, Дженни! Осторожней возле полок с химикатами! Мы же не хотим, чтобы эти банки с растворителями взорвались? Кстати, о пожаре — кто-нибудь подумал о том, что случится после того, как мы подожжем пришельцев? Речь идет почти о тонне горящего имиполекса. Что останется от моего изопода? И как мы сможем дышать во всем этом дыму?

— Этот дом спроектирован таким образом, чтобы выдерживать внутренние взрывы и пожар в некоторой своей части, — заметил Уайти. — Уж не знаю, Кори, сколько раз я слышал, как вы с Вилли перемалывали эту тему и так и эдак. Мы просто выйдем из оранжереи и закроем за собой дверь. Пол и стены там из камня, и если огонь проплавит дыру в титанопластовом потолке, так это даже лучше. В вакууме огонь мигом погаснет. Судя по тому, что я слышал от тебя про изопод, пожар не распространится дальше оранжереи.

— Да, наверное, так оно и будет, — согласился Кори. — Но только помните, этот изопод проектировал Вилли. И до сих пор никогда пожаров у меня здесь не случалось. И выбираться из оранжереи нам придется второпях, драпать без оглядки, так сказать.

— Давай мне игловик, и пошли, хватит болтать, — положила конец разговору Дарла, забирая оружие у Уайти. — У меня план самый простой. Я встану возле Йок и Джок, и буду резать всех, кто только попытается к ним подойти.

— Ясно, — отозвался Уайти. — Я открою огонь из уродца, а молди будут стрелять зажигательными пулями. А ты что будешь делать, Кори?

— Я останусь возле дверей и обеспечу наш отход, чтобы все смогли выйти из оранжереи вовремя. В особенности я сам.

Кори нагнулся и поднял с пола зелюка и джубджуб.

— А вы, молди, поторопитесь, вам еще нужно сделать себе вакцинацию, прежде чем мы вернемся. Мы и так уже слишком долго здесь находимся, как бы пришельцы не заподозрили что-нибудь.

— Я прослушиваю их разговоры, — сказала Дженни, склонившая тело на одну сторону. — Они пока ничего ни

подозревают. Те, кто раньше был квазаровым вихрем и гигантским кристаллом, понятия не имеют о том, сколько что может занять по времени у людей и молди. Терри спит, а Вилли, Джок и Йок донимают пришельцев своими вопросами.

Дженни хихикнула, как обычная деревенская девчонка.

— Они спрашивают пришельцев, что те думают о Боге и смысле жизни.

— Вот они вам, мои непоседы, — сказал Кори, протягивая молди зелюка и джубджуб. — Вы можете сделать себе вакцинацию. Для этого не нужно возвращаться в мою лимпсофт-студию. Вы должны войти через ювви в этих глупышей, найти лимплан-код и в нем отыскать директорию, называющуюся «Кубический Гомеостазис», — это программа оглупления. После этого установите кубическую программу на ваших ювви-входах, и можно сказать, что вакцинация на этом закончилась. Но будьте осторожны и не вздумайте установить программу в центры главных двигательных функций, иначе вы мигом поглупеете и превратитесь в глупышей.

Френкипейн обернула один из своих стеблей вокруг брыкающегося и хрюкающего зелюка. Молди была похожа на венерину мухоловку, готовящуюся проглотить толстого зеленого жука. Тем временем Дженни оплела щупальцами на толстом конце своей морковки царапающуюся джубджуб. После этого Френкипейн передала зелюка Ормолу, и тот крепко зажал его под мышкой, загружая в себя алгоритм кубического оглупления. Одновременно они обсуждали детали плана нападения на пришельцев.

Несколькими минутами позже все двинулись по коридору по направлению к оранжерее. Кори нес зелюка и джубджуб. Чтобы те не беспокоили его своей возней, он временно парализовал глупышей. Дарла несла игловик, а Уайти был вооружен уродцем, при этом и тот и другой старались держать оружие как можно более непринужденно. Дженни и Ормолу готовились вести спор, чтобы отвлечь пришельцев.

В оранжерее они нашли все приблизительно таким, как оставили раньше. Терри лежала на диване, вытянувшись во весь рост, и спала, Йок и Джок сидели рядышком на другом диване, а Вилли взволнованными шагами мерил комнату у дальней стены. Четверо пришельцев сидели возле фонтана, зачерпывали в ладони и рассматривали воду и болтали с Йок и Джок. Другие восемь бывших молди, теперь захваченные свободными системами, находились в дальней стороне помещения, где рассматривали S-кубы и разговаривали с Вилли.

— Какой же ты болван! — воскликнула Дженни, когда они

наконец вошли в оранжерею.

Она помотала тонким концом своей морковки из стороны в сторону, потом неожиданно задала тумака Ормолу. Поначалу казалось, что Ормолу потерял равновесие, но потом он совершил кувырок не хуже акробата, перепрыгнул через бочки с растениями и прошелся на руках. В результате такого перемещения он оказался у самого последнего дивана, почти рядом с восемью пришельцами, стоящими у дальней стены оранжереи.

— Я не виноват в том, что я люблю тебя, Дженни! — воскликнул Ормолу, опустившись на одно колено спиной к восьми пришельцам и в театральном умоляющем жесте вытянув руки к Дженни.

— Что такое происходит? — потребовала ответа Джок.

— А, эти куски пластика затеяли тут любовный роман и никак не могут разобраться, — махнула рукой Дарла. — Гардл-7 и Ормолу оба втрескались в Дженни — хотя в такое трудно поверить. Гардл и Ормолу поцапались, и теперь Гардл надулся и остался в студии Кори.

Дарла с размаху опустилась на диван возле Йок и Джок, расположив на коленях игловик так, что его дуло было повернуто в сторону четверых молди у фонтана, нацеленное на ту особу, которая называла теперь себя Шиммер.

— Привет, Дарла, — сказала Шиммер, но Дарла не обратила на нее внимания, сделав вид, что очень заинтересована тем, какой ответ даст Ормолу Дженни.

— Так ты говоришь, что любишь меня? — переспросила Дженни и прогулялась через всю оранжерею, раздуваясь на ходу и вихляясь изо всех сил. Ее голос то поднимался, то опускался на октаву. — Тогда давай докажи! Как ты собираешься мне это доказать?

Теперь Дженни стояла прямо над коленопреклоненным Ормолу.

— Да, они так просто свой спор не закончат, — громко объявил Уайти. — Вам, пришельцам, на такое стоит посмотреть.

Уайти прошел и уселся на диван к Йок и Джок, по другую сторону от Дарлы, держа своего уродца с преувеличенной небрежностью. Френкипейн молча обошла кругом и остановилась по другую сторону от восьмерых пришельцев.

— Тебе известны рецепты хаотик-аттракторов, Ормолу? — пронзительным голосом спросила Дженни. — Ты можешь сделать один для меня? Например, Нгуен-аттрактор?

— Да *что такое* стряслось с вами, молди? — раздраженно выкрикнул Вилли, отвернувшись от пришельцев. — Вы прервали нашу философскую беседу с пришельцами, самый

восхитительный разговор, в котором мне только доводилось участвовать в жизни, теперь мы не можем спокойно разговаривать, после того как вы, вонючки, сюда ворвались и устроили переполох, как настоящие… господи боже мой, да я понятия не имел, что молди могут себя так вести!

Терри проснулась и села на диване, протирая глаза. Дарла переложила игловик поудобнее на коленях, моля Бога, чтобы Терри не вздумалось подняться и закрыть собой кого-нибудь из пришельцев у фонтана.

Верхняя часть тела Ормолу внезапно с треском раскрылась сотней щупалец, принявшихся ритмически извиваться в гипнотическом волнообразном танце, при этом он отчасти напоминал голову гидры, но со змеями, тонкими, словно пряди волос, при этом пряди быстро складывались в галлюциногенные трехмерные узоры, которые тут же разрушались, чтобы снова сложиться в новые вновь мутирующие формы и узоры.

— Здорово, но не очень, фигня какая-то, — заметила Йок. — По сравнению с тем, что рассказывала нам Сюззи про то, как…

— Но подождите! — крикнул Кори, оставшийся стоять у двери, ведущей из оранжереи в коридор. — Сейчас все внимательно смотрите на то, что Ормолу сделает дальше!

— О да, я готова! — взвизгнула Дженни, в вихляющем танце становясь рядом сбоку от Ормолу. — Я *более чем* готова!

Это был сигнал. По команде Ормолу, Дженни и Френкипейн начали расстреливать горящими шариками имиполекса пришельцев, причем Ормолу стрелял из вновь образовавшейся складки на спине. Одновременно с этим Уайти начал палить из уродца, метя в пришельцев возле фонтана. В тот же самый момент Дарла нажала на спуск игловика и медленно повела по телам тех же пришельцев возле фонтана, и — да! — троих из них охватило пламя. Получив новый заряд, игловик стал более мощным, по сравнению с тем, каким был прежде. От непрерывной работы игловик раскалился в ее руках, но Дарла терпела и не выпускала оружие, проводя фиолетовым лучом во все стороны по останкам троих горящих пришельцев, поджигая их все больше и больше, в то время как от выстрелов уродца Уайти от пришельцев летели во все стороны ошметки.

Единственная проблема состояла в том, что четвертый пришелец уворачивался от всех выстрелов Уайти и Дарлы. Это была та самая Шиммер. Независимо от того, как бы усердно ни целились в нее Уайти и Дарла, Шиммер всегда оказывалась в стороне от линии огня. Уайти вскочил на ноги и двинулся вокруг Шиммер, паля в нее из уродца, но попасть в Шиммер всякий раз оказывалось невозможно. Не то чтобы пришелица двигалась с

невероятной быстротой, но каким-то удивительным волшебным способом, без особых на то усилий, она все время оказывалась там, куда не было направлено оружие, оставаясь неуязвимой для стрел лазерного луча.

Дарла оглянулась, чтобы увидеть, что делается в дальней стороне оранжереи — там тоже уже все было кончено, Дженни, Френкипейн и Ормолу уже уничтожили восьмерых пришельцев; все восемь тел превратились в факелы дымного коптящего пламени. Кто-то толкнул Дарлу в бок. Это была Джок.

— Прекратите! — кричала она.

Только теперь Дарла сообразила, что Джок кричала все это время.

— Прекратите, не трогайте их!

Джок ударила Дарлу по руке, и раскаленный игловик наконец выпал у той из истерзанных рук, на которых уже вздувались пузыри. Дарла поспешно наклонилась за игловиком, но Джок пинком ноги отбросила его в сторону. Прямо перед ними у фонтана стояла как ни в чем не бывало Шиммер.

— Одна же еще осталась! — закричала Дарла, оборачиваясь к молди. — Мы никак не могли в нее попасть!

Дюжина зажигательных имиполексовых пуль просвистела над головой Дарлы. Шиммер легко наклонилась в сторону и приподняла одну ногу; все до единой зажигательные пули пролетели мимо нее и остались гореть, прилипнув к основанию фонтана. Вперед выскочил Уайти и почти в упор снова выпалил из уродца в Шиммер, потом еще и еще раз, но все без толку. Каждый раз он промахивался. Шиммер уворачивалась и пригибалась, и делала почти танцевальные пируэты, все время двигаясь словно бы в замедленном темпе сновидения, но всякий раз оказывалась в нужное время и в нужном месте. Комнату застилал удушливый черный дым, маслянистый от пластика и — Дарла поняла это по тому, как начала терять способность уверенно ориентироваться, — наполненный парами мощного психоделика, горящего камота.

Мимо Дарлы пронесся со стороны фонтана, где догорали останки четырех молди, порыв ветра — это Шиммер понеслась в дальний конец оранжереи.

— Эй, все выходим наружу! — крикнул Кори. — Нам надо изолировать остальные отсеки изопода от дыма! Все выходите в коридор, чтобы я мог закрыть плотно дверь!

Ничего не понимающая спросонок, Терри уже стояла рядом с Кори в дверях оранжереи.

Схватив разгневанную Джок за руку, Дарла потащила ее к выходу из оранжереи. Уайти точно так же схватил за руку Йок.

Ормолу, Френкипейн и Дженни тоже побежали к дверям. В оранжерее ревело высокое, почти до потолка, пламя. Действие камота уже начало сказываться, и в этом трипе путь до двери казался долгим-долгим путешествием.

Все это время Уайти не переставал кричать на них:

— Быстрей! Давайте быстрей! Потолок сейчас обрушится!

Они сгрудились у выхода, а дым валил все гуще и гуще. Уайти выходил последним и все стрелял в оранжерею, надеясь задеть Шиммер. Дарла, выбравшись в коридор, чуть только отдышалась, сразу же повернулась обратно, вглядываясь в инферно оранжереи.

В самой середине комнаты на вершине фонтана стояла Шиммер и спокойно смотрела на них. Не прошло и пары ударов сердца, как Дарла вскинула игловик и выстрелила, одновременно в Шиммер полетела туча стрелок из уродца и зажигательных пуль. В тот же самый миг Шиммер подпрыгнула вверх и, включив ионные сопла, доставшиеся ей вместе с телом молди, сделала в воздухе сальто. Крыша оранжереи треснула и развалилась, и поток вырывающегося в пустоту воздуха с сильным стуком захлопнул дверь оранжереи.

Дверь оранжереи выдержала вакуум, но было слышно, что за дверью внутри оранжереи творится невероятное, грохочет и разбивается все содержимое, переворачиваемое потоками воздуха, несущимися по внутренностям оранжереи наподобие вихрей циклона.

— Изопод способен выдержать вакуум в одном из отсеков? — спросил Кори, повернувшись к своему бывшему соседу, Вилли. Для того чтобы перекрыть творящийся в соседней комнате хаос, Кори приходилось кричать во весь голос.

— Должен выдержать, ведь я с таким расчетом и строил этот дом, — спокойно ответил Вилли. — Хотя предосторожность не помешает, и нам лучше уйти подальше от оранжереи. Давайте выйдем из коридора и закроем дверь в конце коридора, пройдем в кухню, закроем дверь в кухню и после этого спустимся в гараж. В гараже должны быть несколько скафандров-пузырей и пара лунных багги. Идем быстрее, пока держатся стены. Кому в голову первому пришла идея убить пришельцев?

— Это моя идея, — отозвалась Дарла, уверенно шагая рядом с Вилли. — Я ведь отчасти коренная американка и знаю, что такое культурная экспансия.

— Значит, у тебя была причина, — кивнул Вилли. — Но Гардл-7 будет просто вне себя.

— Гардл-7 умер, — сообщил Уайти.

— Думаю, что ты настоящая сука, ма, — высказалась Джок. —

Эти пришельцы, они были чудесные. Они многому могли нас научить.

— Как бы там ни было, шанс научиться кой-чему у вас еще есть, — сообщил Кори. — Ведь осталось еще двое пришельцев. Кууз в теле Вэнди и Шиммер.

— Нам нужно лететь спасти сенатора Муни и убить Кууза! — воскликнул Уайти. — Эй, молди, вы готовы?

— Мы и так много для вас сделали, — отозвался Ормолу. — Я боюсь, что Шиммер будет нам мстить.

Словно бы в подтверждение его слов за дверью оранжереи раздался ужасающий скрежет. Потолок коридора просел прямо на глазах.

— Как нам отсюда выбраться? — спросила Дженни. — Я хочу вернуться обратно в Гнездо!

— А я хочу вернуться домой в Санта-Круз! — объявила Терри.

— Выход в гараж через эту дверь, — сообщил Кори, проходя через кухню и открывая дверь, за которой начиналась лестница, ведущая вверх. — Теперь все за мной, по одному и без спешки. Надевайте пузыри. Весь гараж — это один большой шлюз.

Кори вышел последним, заперев за остальными дверь в кухню и дверь, ведущую на лестницу в гараж. Семеро людей надели на себя скафандры-пузыри, Кори держал под мышкой зелюка и джубджуб. Внутри изопода беспрестанно что-то разбивалось на части и ломалось, то тут, то там раздавался зловещий рев вырывающегося в вакуум воздуха. Как только пузыри были надеты и установлено сообщение по ювви, Кори включил цикл разгерметизации шлюзовой двери гаража.

— *Adieu*, — сказала Френкипейн, лишь оказавшись на поверхности Луны, и приготовилась улететь восвояси.

— Счастливо, — попрощалась Дженни, присоединившись к Френкипейн и с тревогой поглядывая на черное небо.

— Мы сделали для вас все, что могли, — добавил Ормолу.

После чего, подняв клуб пыли, трое молди улетели прочь, взяв направление на Гнездо.

— Нужно убираться от изопода как можно дальше, — сказал по ювви Кори.

В один из лунных багги уселись Дарла и ее семейство, в другой погрузились Терри, Вилли и Кори. Они вдавили педали газа в пол, и багги стрелой понеслись по припорошенной пылью поверхности Луны.

Йок снова правила, рядом с ней сидели Джок и Уайти, а Дарла расположилась позади. На ходу Дарла повернулась и взглянула на изопод, и прямо на ее глазах рваная дыра на месте оранжереи, а теперь и коридора, начала увеличиваться в

размерах. Внезапно вся еще остававшаяся целой часть дома одновременно взорвалась, выпустив из себя весь воздух, выбросив наружу одежду, мебель, огромные ветви марихуанового дерева, все это кувыркающееся в слабой лунной гравитации.

— Вот чем закончился твой противовакуумный проект, Вилли, — сказал с усмешкой Кори. — Ну и ладно. Я все равно подумывал о том, чтобы перебраться обратно в Эйнштейн.

Внезапно в ювви Дарлы и остальных раздался скрежещущий голос. Голос Шиммер.

— Отлично сработано, — сказала Шиммер. — Вы выбрали оптимальный способ атаки.

— Шиммер, — спросила по ювви Джок, вытягивая шею и оглядываясь по сторонам. — Где ты находишься?

— На высоте ста пятидесяти миль по прямой от поверхности Луны. Зрелище потрясающее.

— Ты злишься на нас за то, что мы убили твоих друзей? — спросила Дарла. — Ты будешь мстить нам за это?

— *Убили*, — задумчиво повторила Шиммер. — В этом слове, на ваш взгляд, заключен глубокий смысл, не правда ли? Ваше пространство-время очень… бедное. Жить все время под угрозой полного уничтожения, когда опасности окружают вас со всех сторон. Ваша жизнь имеет свою мрачную прелесть.

— Пожалуйста, не нужно мстить нам, — передал по ювви Вилли. — Дарла и остальные испугались, что ты и другие пришельцы превратят нашу маленькую цивилизацию в расу рабов.

— Дарла была права, — ответила Шиммер. — На основании того, что я слышала и что поняла, вас, молодую цивилизацию, овладевшую способом раскодирования, ждало несчастье от собственного ума. На такой ранней ступени развития нельзя становиться Узлом Раскодирования, это опасно.

— Каким образом тебе удалось уцелеть, Шиммер? — спросил Уайти. — Все время я целился прямо в тебя, но каждый раз оказывалось, что в том месте, куда я стрелял, тебя нет.

— Дело в том, что, несмотря на то, что ваши альтернативные миры нереальны в вашем пространстве-времени, я все равно способна их видеть, — ответил голос Шиммер. — И все, что от меня требовалось, это избрать правильную кривую движения среди потенциальных кривых альтернативных миров.

— И что ты собираешься сделать теперь? — спросила Джок.

— Я собираюсь некоторое время провести на Земле, — ответила Шиммер. — Но вам не нужно беспокоиться. Раньше или позже я чирпну отсюда. Вы не рады моему появлению, поэтому у меня нет причин задерживаться тут дольше, чем нужно. Хотя

одномерное время несет в себе некий фантастический гламур, это не та конфигурация пространства и времени, где бы мне хотелось надолго поселиться.

— Можешь ты оказать нам одну услугу? — спросила Терри.

— Возможно.

— Убей по пути этого Кууза.

— Я и так собиралась это сделать. Внутри Кууза находится человек. Его тоже надо убить?

— Нет, я хочу попытаться спасти его! — воскликнул Уайти.

— Заткнись! — крикнула Дарла, которая никогда особенно не любила Стэна. — Все равно уже слишком поздно, Уайти, тем более что ты рискуешь погибнуть. Шиммер, ты можешь убить Кууза, а Стэна перекодировать и чирпнуть куда-нибудь подальше отсюда. Тогда можно будет считать, что он не на самом деле умер.

— Я могу это устроить, — ответила Шиммер. — Я могу сделать практически все, что угодно. Я превращу Стэна в личностную волну. Ввиду непознаваемой бесконечности космического времени он обязательно где-нибудь и когда-нибудь подвергнется раскодированию.

— Нет, этого делать не нужно, — твердо заявил Вилли. — Прошу выслушать меня. То, что Стэн влип в эту историю, в первую очередь виноват я. Я и Гардл-7 ошибочно посчитали, что внутри молди, в которого мы раскодируем первую личностную волну, Стэн будет в безопасности. Но мы ошиблись, и Стэн попал в беду.

— Но о чем тогда вы меня просите? — спросила Шиммер.

— Принеси Стэна к нам на Луну, — ответил Вилли. — Наверняка он не захочет жить *где-нибудь и когда-нибудь*. Он хочет находиться здесь и сейчас, как и все остальные люди. Шиммер, убей Кууза и принеси Стэна сюда к нам на Луну, в Эйнштейн. Принеси его сюда внутри своего тела.

— Шиммер не захочет этого делать, — снова стала гнуть свое Дарла, которая уже чувствовала вину за то, что показала себя такой жестокой, но все равно не уступала. — У нее это отнимет слишком много времени.

— О, в моем распоряжении все время мира, — рассмеялась Шиммер. — Мне любопытно бросить вызов Куузу и убить его так, чтобы не повредить при этом Стэна. Я принесу его обратно и высажу перед шлюзом Эйнштейна. Если я буду лететь быстро, то принесу Стэна к шлюзу как раз к тому времени, когда вы туда доберетесь. Через половину часа. Беда в том, что ускорение может оказаться для него чрезмерным, и он может умереть. *Умереть*. Вот опять это слово.

Шиммер рассмеялась мелодичным музыкальным смехом и прервала ювви-связь.

11. Стэн

7 ноября 2053 года — декабрь 2053 года

Проносясь сквозь приграничный с Луной вакуум, Стэн находился в пятидесяти килограммах имиполекса, бывшего некогда Вэнди, а теперь именующего себя Кууз. Большую часть пути они не разговаривали друг с другом, хотя Кууз специально держал ювви-канал полностью открытым для максимального доступа. Стэн ощущал вокруг себя сознание Кузза так же ясно, как если бы Кууз дышал ему в лицо.

Стэн от души ненавидел Кууза. Кууз убил его Вэнди, и по своей глупости Стэн показал Куузу протокол дальней связи. В результате этого Кууз убил всех молди, находящихся внутри Бластера, и самого Бластера тоже.

То, что он все время насильно находился на связи с Куузом, напомнило Стэну ту пору, когда он был рабом-рабочим на гидропонных фермах — плотти с робокрысой в правом полушарии мозга, помещенной туда насильно боппером Хеленой. Возвращаясь мысленно к этим ужасным дням, Стэн беспомощно растравливал в себе ярость к Куузу за то, что тот уничтожил Вэнди и прибрал к рукам имиполекс Бластера. После того как он некоторое время злобно орал на Кууза, тот прервал с ним всякое общение.

В течение следующих нескольких часов Кууз, очевидно, находился в состоянии медитации, вызывая в себе воспоминания о Солнце. Образы Солнца проплывали по широко открытому полю ювви, словно анимационные образы виртуальной реальности очень высокого разрешения. Стэн предположил, что цвета могут соответствовать различной интенсивности рентгеновского излучения или гамма-лучей, его восприятиям течений виртуальной среды, представляющей волны давления плазмы, и, возможно, это был душ нейтрино, коим обозначался настойчивый рев, звучащий словно разбивающийся о берег прибой или как ветер в вершинах деревьев. Изолированное в этом богатстве входных сигналов сознание Стэна начало демонстрировать ему знакомые образы соответствия неземным сценам.

Вначале, к примеру, Стэн ощутил себя словно бы плывущим посреди бескрайнего океана, ныряющим вблизи огромных тропических рифов, полных кишащей жизни, угрей и анемонов. Следующим образом была прогулка за городом в осеннем лесу, на мирном лоне природы с журчащими ручьями и дружелюбными

кроликами, танцующими на собственных хвостах, подобно крутящимся дервишам. Над головой солнце. Солнце на Солнце? Деревья начинают меняться, подобно огромным веселым извивающимся червям. Совершенно помимо своей воли Стэн чувствовал, что хочет танцевать вместе с ними.

Временами происходит внезапное повышение линейного звука, по мере того как система повторно резко воздействует на интерфейс затылочных долей Стэна, в результате чего видение становится чрезмерно обогащенным красками и роскошным. Стэн старается подавить в себе зловещий экстаз, старается сфокусироваться на печальной реальности, творящейся вокруг него, на реальности происходящего.

Если бы только Кууз сумел донести его в целости и сохранности до космопорта Эйнштейна, тогда еще будет шанс на то, что все образуется. Вэнди, благодаря заведенному порядку вещей, не могла умереть навсегда: если Френкипейн облажалась, то осталась еще копия месячной давности в S-кубе в Сан-Франциско. Умный сынок Сент пошлет ему копию софта Вэнди по ювви, и тогда Стэн установит софт в стратосферически-новый имиполекс лунного производства. Потом он добудет новую Вэнди из гидропонных ферм в Гнезде. Вэнди будет лучше чем новая! Эх, если бы только Кууз сумел донести Стэна до Луны живым.

Не в первый раз Стэн попытался докричаться до Кууза.

— Эй, Кууз, как дела? Скоро мы доберемся до Луны? Бластер уже на месте? А тебе не нужна моя помощь?

Как и прежде, никакого ответа. Стэн от души обругал Кууза за то, что тот молчаливо отказывался предоставлять ему информацию иную, чем образы Солнца и того, какой может быть солнечная жизнь внутри плазменного шара. Изматывающе интенсивная и напряженно прекрасная картина длилась и длилась. Дружелюбное черведерево окружало Стэна длинными извилистыми ветвями, опутывающими его талию и уносящими в хаос повторяющегося трехмерного танца. Неожиданно Стэна осенила полная интимности мысль о том, что Кууз хочет всего лишь пригласить его танцевать, чтобы измотать до конечной грани, близкой к смертельному рубежу. Свет становился все ярче и ярче.

Мрачно, в отчаянии, Стэн обратился внутрь себя как к последнему прибежищу здравого разума. Что, если Кууз задумал захватить весь имиполекс, который окажется на Луне в пределах диапазона трансляции его ювви? Космический порт, Гнездо, Эйнштейн — что, если все там внизу будет уничтожено в тот же миг, когда Стэн опустится на поверхность Луны? Если только он доживет до этого мига. О, если бы только был способ прекратить

эти видения; если бы только он смог увидеть сквозь шкуру Кууза, что там происходит снаружи; если бы только он смог взглянуть наружу сквозь шкуру Кууза на настоящий подлинный мир, где происходит то, что происходит на самом деле…

Потом мечта Стэна сбылась. Раздался громкий звук, напоминающий удары гонгов и ситар, и имиполекс вокруг него в один миг умер. Пластик моментально сделался жестким и пропитался холодом. Поток воздуха ко рту Стэна прервался. Он с удивлением попытался всплеснуть руками, и в то же мгновение запредельный ужас окружающего его имиполекса лопнул, словно яичная скорлупа. Ледяные осколки полетели в разные стороны, оставив нагого Стэна совершенно одного в открытом космосе.

Воздух с хрипом устремился из его легких одним мучительным кашлем. Его кожа горела и корчилась в обжигающем вакууме. Всего одно последнее мгновение его превращающиеся в куски льда глаза еще могли видеть. Луна оказалась гораздо ближе, чем он ожидал, такая яркая, такая реальная…

…в следующую секунду рядом со Стэном оказалась сияющая фигура, похожая на мраморную статую! Силуэт метнулся к нему и облек его собой и втянул его внутрь себя. Ангел Смерти. О, как это чудесно! Его путь был так долог, и он устал. Жизнь Стэна, теперь…

— Меня зовут Шиммер, — сообщила ему статуя, внутри которой он теперь находился. — Мне пришлось схватить тебя покрепче, чтобы ты не сломался.

Сладчайший воздух возник возле лица Стэна, он с трудом вздохнул и разом протрезвел. Добрейшая Шиммер оставила часть своего тела перед глазами Стэна прозрачной, так что он мог видеть Луну внизу.

— Ты здесь для того, чтобы спасти меня? — спросил Стэн.

— Именно так, — пропела Шиммер.

Ее мысли были необыкновенно подвижны и богаты красками… и странным образом имели слоистую структуру. Подобно двойному зрению, но более высокого порядка. Все окружающее представлялось Шиммер в виде ветвящейся структуры.

— Я отнесу тебя прямо ко входному шлюзу Эйнштейна.

Таким вот образом Стэн добрался в целости и сохранности до Луны. Резервная копия Вэнди, которую сделала Френкипейн, и в самом деле пропала, но Стэн воспользовался «Мета Вест Линк», чтобы загрузить Вэнди в новый лимпсофтовый Плащ Счастья, и прикрепил Плащ к новой телесной основе Вэнди, выращенной странноватой молди из Гнезда по имени Сестричка. Все это было

устроено в течение двадцати четырех часов.

Стэн и новенькая двадцатилетняя Вэнди поселились в отеле «Эйнштейн-Луна», решив устроить себе каникулы. Они встретились со всеми своими старыми друзьями, на что ушло немало времени, но Стэн ухитрился остаться трезвым, даже когда к ним заглянули Фэрн Беллер и Уайти с Дарлой, вместе с милашкой Йок.

Фэрн показалась Стэну сексуальной, как никогда, на минутку он даже пожалел о том, что поторопился воскресить Вэнди, потеряв шанс испытать судьбу и закрутить романчик с Фэрн. Хотя, по-видимому, его попытки все равно были бы напрасными, потому что Фэрн появилась со своим прежним дружком Рикардо.

Дарла постоянно говорила о том, что Джок решила сойтись со старым художником Кори Рипсомом; вначале Дарлу это расстраивало, но прошло время, и она снова полюбила Кори. Йок решила, что она теперь проведет несколько лет на Земле, займется подводным плаванием и изучением океанографии. Потом Уайти объявил, что он и его семья решили взять все деньги за выкуп Терри Перцесеп себе.

— Класс, — ответил на это Стэн. — *Высший класс*.

Стэн был не в настроении о чем-то спорить. Сказать по правде, он до сих пор с трудом верил в то, что остался жив. И обходится без выпивки и наркотиков. Странно было подниматься по утрам совершенно без головной боли.

Вэнди была на редкость в хорошей форме и выглядела прекрасно. Через три дня после прибытия на Луну Вэнди и Терри отправились покататься на пылевых серфингах на склонах Гаемуса, специально чтобы вживую передавать свое шоу в Сеть. Стэн следил за действом с некоторым интересом и обсуждал происходящее по ювви с Тре, который как раз ему в тот вечер позвонил. Тре сообщил, что решил уволиться из «Апекс Имеджес» и организовать свой собственный бизнес.

— Мы будем продавать эн-мерные фильтры «Забавные цыплята» и лимпсофт, такие игрушки с философским смыслом, — объяснил Тре. — Шри Рамануджан заинтересовался и решил помочь мне.

— Что ж, очень мило, — ответил Стэн. — Желаю удачи. Дай мне знать, если в «Личинке Носорога» тебе понадобится какая-нибудь помощь.

В течение следующих недель Стэн и Вэнди много общались с Вилли Тейзом, который тоже жил в «Эйнштейн-Луна». Вилли договорился со своим сыном, Ренди Карлом Такером, о том, что тот приедет и поживет на Луне, хотя бы некоторое время, и теперь был занят подготовкой переезда отпрыска. Вилли

рассчитывал, что Ренди поможет ему отремонтировать изопод.

— Я думаю, что потом мы поселимся в изоподе вместе с сыном, — объяснил Вилли. — Хотя сомневаюсь, правильно ли это. Ренди немного странный.

— Значит, ты решил не возвращаться в Гнездо? — спросил Стэн.

— Молди не пустят меня обратно. Они пригрозили, что убьют меня, стоит мне только появиться в Гнезде. Старик, половину алгоритма этого хренова Раскодирования Гардла придумал лично я, и программа Лестница в Небо — тоже моих рук дело. Ладно, я преподал этим тупым кускам имиполекса хороший урок. Сейчас у меня нет времени дальше с ними сражаться.

— Поэтому ты вместе с Ренди решил заняться ремонтом изопода?

— Нет, Стэн. Кое-что получше. Ренди Карл много спрашивал меня о своем деде, Коббе Андерсоне. Когда я работал вместе с Дженни, ее симми на Земле взломала банк данных и прислала копию оригинального софта Кобба. Я договорился с ОСЦС и надежно заархивировал эту копию. Ренди обожествляет Кобба. Я собираюсь вместе с Кори создать человекообразную имиполексовую копию тела Кобба и загрузить туда его софт, чтобы подарить ему новую жизнь.

— *Вау!* Такой фейк никто и никогда прежде не пробовал, — удивился Стэн. Вдвоем с Вилли они сидели на крыше зиккурата ОСЦС, потягивали сок и смотрели сверху на город.

— Я знаю, дружище.

Последний раз Стэн разговаривал с Вилли по ювви несколько лет назад. С тех пор Вилли стал гораздо более энергичным и счастливым.

— И вот еще что, — довольно продолжил Вилли. — Если этот новый фейк сработает, мой чудак-сынок и папашка смогут составить друг другу отличную компанию. Мне не придется с ними возиться!

— Класс, — вздохнул Стэн.

А что же с Шиммер? Она доставила Стэна на Луну и снова повернула к Земле, а что будет дальше — посмотрим.

РЕАЛ

1. Фил

12 февраля

— Просыпайся, Фил! Твоя сестра звонит по ювви. Что-то случилось.

Занимался рассвет. Дыхание Кевви несло в себе запах алкоголя и горечь.

Фил проснулся не сразу. Обычно он любил полежать немного, вспоминая сны, пока те не исчезнут совсем. Сегодня ему снова во сне виделись путешествия. По непонятным причинам ему всегда снились одни и те же два-три места, в одном из которых вокруг поднимались волшебные горы. Их покрытые снегами вершины выглядели странным образом очень и очень по-домашнему, будто бы на них очень легко подняться.

— Просыпайся же! — заорала Кевви.

Ее голос, как всегда, был исключительно практичный, без интонаций и выразительности, просто по такому случаю она крикнула чуть громче. Когда Фил наконец открыл глаза, странная мысль вдруг пришла ему в голову: быть может, эти горы на самом деле его зубы. Еще в полусне, он начал объяснять эту мысль Кевви:

— Мои зубы — это горы, которые…

Но Кевви не слушала его. Ее голубые глаза сверкали, лисье личико заострилось от волнения.

— Вот, поговори с Джейн, она просит, — сказала Кевви, бросив на подушку рядом с головой Фила маленький ювви. Рядом с ювви висело крошечное голографическое изображение сестры Фила. Всегда спокойная, деловитая Джейн. Но сегодня она была далека от спокойствия. Ее глаза были красные от слез.

— Па умер, — сказала Джейн. — Это ужасно. Вово проглотило его. Уиллоу сказала, что они были уже в постели, и вдруг вово выросло и стало огромным, засветилось изнутри и начало кружиться, а потом набросилось на Па. Глаза Па горели словно фары, он страшно кричал, а потом упал, и вово засосало его в себя и всего изломало. Па больше нет! Осталось только кровавое пятно. Уиллоу говорит, что прикрыла пятно одеялом.

На последних словах голос Джейн сорвался, и она расплакалась.

— Поверить в это не могу. Вово ведь просто игрушки. Па и Тре делали их вместе.

Фил почувствовал, как внутри него поднимается вихрь

противоречивых эмоций, слишком стремительный, чтобы попытаться подавить его усилием воли. Облегчение, страх, радость, любопытство, растерянность. Его отец умер, и он теперь свободен. Никогда больше рядом не будет старого нытика, который вечно капал ему на мозги о том, что он неправильно живет. Его отец умер, и он теперь совсем один. Между ним и Риппером больше нет никого, его старик ушел.

— Умер? Что… Когда Уиллоу тебе звонила?

Глаза Фила запылали.

— Только что. Из машины. Она боится, что вово может напасть и на нее. Она уехала из дома, пока Гимми там все не осмотрели. Попросила меня позвонить тебе, и чтобы ты потом позвонил ей. Я сейчас же еду в аэропорт. Ты, пожалуйста, забери меня оттуда.

— Подожди, подожди, это все так… — Фил растерянно замолчал.

Кевви, которая с любопытством прислушивалась к разговору, улыбнулась и протянула ему жевательную резинку. Фил отрицательно помотал головой. Ни разу Кевви не удалось еще правильно отреагировать на его состояние, да и не только на его — она вообще не разбиралась в людях и в компании обычно внимательно смотрела на разговаривающих, чтобы правильно угадать момент и начать смеяться.

— И что ты собираешься делать? — спросила крошечная фигурка Джейн. Ее острый подбородок дрожал.

— Я позвоню Уиллоу, потом возьму машину Кевви, поеду на Пало-Альто и оттуда позвоню тебе по ювви. И, да, потом заберу тебя. Джейн… ты уверена, что отец погиб? Могло ли такое быть, что вово убило его? Это же просто арт-голограмма, так, для развлечения, их Па делал для продажи! Вово — это одна сплошная математика и всякая дребедень!

— Уиллоу сказала, что вово крутило па, словно тот был просто *мешок с мусором*. Она так сказала. И была просто в истерике. Господи, ей не надо было садиться за руль!

— Я позвоню ей. Я люблю тебя, Джейн.

— Я тоже люблю тебя, Фил. Крепись. Вечером увидимся. Я сейчас же еду в аэропорт.

Фил выключил ювви, и комната погрузилась в тишину. В глазах у него было странное ощущение — они словно распухли, надулись изнутри и болели. Глаза хотят, чтобы из них пролились слезы, но пока что они сухие. Фил представил себе, как выглядит вово, забравшееся в голову отца. Из глаз отца бьют лучи света, словно из фар автомобиля.

— О, бедненький Фил, — раздался рядом голосок Кевви. —

Как ужасно потерять отца. Но я с тобой, и я хочу, чтобы ты это знал. Как же могло такое случиться с вово? Это же просто голограмма. И Уиллоу сказала, что вово убило твоего отца? Как это могло произойти, ведь это просто пучок разноцветного света? Гимми на это не купятся. Уиллоу нужно сейчас же позвонить адвокату.

— Слишком… — начал было Фил, но потом махнул рукой и замолчал. То, что он хотел сказать и что прозвучало только в его голове, было: «Слишком богатая у тебя фантазия, только о гадостях и можешь думать», но у него сейчас душа не лежала к ругани. Неспособность Кевви понимать чувства других людей была настолько очевидной, что порой Филу казалось, что его теперешняя подруга больна, и с таким симптомом в самую пору лечь в больницу. Конечно, Кевви постоянно жевала пластинки с усилителем психо-чувствительности, скорее по привычке, в безуспешных попытках исправить свой психологический дефицит.

— От пси-жвачки состояние делается какое-то раздвоенное, как от рекламы, где вещают нараспев.

Таким образом, если у кого от пси-жвачки чувствительность и повышалась, то только у Кевви по отношению к самой Кевви. За тот краткий миг, пока рука Фила совершала взмах, эти полные раздражения мысли пронеслись в его голове. Он напомнил себе, что любит Кевви. Просто смерть отца выбила его из колеи и сделала таким раздражительным.

Па умер. Фил застонал и поднялся с постели, при этом его стон превратился в приглушенное мычание. Боль была сильной, настолько, что для облегчения ему просто необходимо было произвести какой-нибудь звук.

На ночь он надевал только белую майку. Зад у него был худой и маленький, а ноги короткие и тощие. Мать Фила Ева была гречанкой, а отец Курт — немцем. Волосы на теле и подбородке у Фила были темные, а на голове — светлые, жидкие и свисали сосульками. Глаза, полуприкрытые веками, и живые губы, часто кривящиеся в сардонической улыбке, придавали ему рассеянный вид любителя кутнуть, но это было ошибкой: Фил в жизни не пробовал наркотики и редко выпивал. Когда во время школьных тестов выяснилось, что у него имеются наследственные гены пристрастия к наркотикам и алкоголю, он принял это известие слишком близко к сердцу и поклялся, что всю жизнь останется трезвенником. Для человека такого юного возраста решение было принято более чем взрослое — что добавляло Филу, кроме того, дополнительный бонус в противостоянии с Куртом, который был не дурак гульнуть и опрокинуть стаканчик-другой.

В комнате Фила царил колоритный бардак, да и форма комнаты была странной, наклонные стены сходились высоко под потолком. Наверху комнаты было много свободного пространства, для заполнения которого Фил собственноручно сделал нескольких роботов-минидирижаблей, и они непрерывно кружили под потолком, напоминая медленных, ленивых тропических рыб. Делать летательные аппараты различных конструкций было хобби Фила. Минидирижабли были для него чем-то вроде домашних зверей, и Фил всем им дал имена: один из дирижаблей, само собой, звался Лед Зеп, другой — Граф Зет, был еще Макон, Пенил Имплант, а самый большой и яркий — Уфин Вово. Имя последнего происходило от знаменитого отцовского вово, которое покончило с Па самым ужасным образом всего час тому назад. Па умер. Жизнь ничего не значит.

Продолжая рассеянно что-то напевать, Фил достал из шкафа и надел толстый свитер в обтяжку. Было раннее утро, и из окна сочился серый рассветный сумрак. Кевви тоже поднялась и сейчас сидела в кресле на колесиках возле письменного стола, жевала пси-жвачку и смотрела на него.

Рывком распахнув дверь своей комнаты, Фил выглянул во внутренность того, что имело вид фабричного цеха. Его комната находилась внутри зала большего размера, а точнее сказать, комната Фила представляла собой большую деревянную призму на ножках, устроенную в глубине бывшего склада, расположенного в прибрежной наземной части порта Сан-Франциско. Какие-то неизвестные дизайнеры разделили склад на шесть частей, и Фил снял одну из них себе под жилье. Кроме него там проживали еще двое: парень по имени Дерек и женщина по имени Калла. Дерек был художником-хаотистом, Калла консультантом-генетиком, а сам Фил работал поваром в дорогом ресторане. Каждый из них снимал отдельный деревянный домик-комнату внутри большого помещения.

Квартиры Фила и Каллы были установлены на ножках, тогда как домик Дерека был подвешен к потолку на тросах. Огромное пустое пространство на полу склада оставалось свободным для множества других целей. Все три домика напоминали собой птичьи ящики внутри птичника — причем в случае Фила это буквально так и было, поскольку сам он сконструировал свое обиталище, взяв за образец домик крапивника, какие мальчишки мастерили в школе на уроках труда. Он даже устроил в своем домике круглую дверь, но, споткнувшись несколько раз о порожек, решил пойти на компромисс и сделал низ двери прямым, вровень с полом.

Фил спустился по ажурной лестнице своего домика. Подняв

голову, он смог увидеть открывающийся из окна вид: бухту Сан-Франциско, с плывущим серым кораблем и пришвартованным судном красного цвета, огромный четырехногий кран, похожий на жирафа или слона, бетонные портовые элеваторы в доках и другие постройки под низким серым облачным небом. Все имело вид замерзший и неуютный. Как обычно по четвергам в феврале.

Высоко под потолком склада висела перекрученная модель ДНК; дело рук Каллы. Модель ДНК была сделана из пустых коконов, которые вьют «прядильщики», маленькие ДИМ-муравьи, обладающие способностью превращать солнечный свет и мокрую листву в вискозную нить. Модель ДНК была вещью, полезной для Каллы, которая показывала ее своим клиентам и давала объяснения, когда клиенты являлись к ней лично, в случае, если генетическая информация, подготовленная для них и переданная по ювви, оказывалась слишком непонятной или свидетельствовала о нездоровых отклонениях. Фил еще раз вспомнил о том, как его собственный консультант-генетик выложил ему приговор: врожденная предрасположенность к алкоголю и наркотической зависимости.

Внизу на полу склада работала пара «аттракторов» Дерека. Один аттрактор был похож на нечетких очертаний зеленый пончик, другой — на темно-красное коровье вымя с болтающимися сосками. Оба аттрактора состояли из потоков воздуха, которые становились видимыми благодаря цветному дыму, специально завихренному при прохождении сквозь направляющие. Кроме того, имелось еще с дюжину других аттракторов, но сейчас они были выключены: загадочные перегруженные техническими деталями конструкции. Только во включенном состоянии аттракторы приобретали какой-то смысл, окутывая себя облаком заранее четко продуманного, прекрасного хаоса. По сути, вово, которые конструировал Па, имели подобную же природу.

Фил прошел напрямик сквозь фигуру аттрактора, тщательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о машину в основании фигуры. Как ни старался он быть осторожным, все равно по пути на что-то наступил — на что-то, что обиженно тявкнуло. Умберто, пес Дерека. Иногда Умберто спал внутри «пончика», греясь от излучаемого центральным генератором тепла.

— Привет, Умберто, — сказал Фил. — Все в порядке, дружище?

Если бы только для самого Фила это могло быть правдой.

В ванной Фил выпил немного воды. Вода была холодной, как из горного ручья, так, что сводило зубы. Па умер? Как рано это случилось. Сколько еще нужно было сказать отцу, столькому у

него выучиться. Наконец-то пришли слезы. Он судорожно всхлипнул. Потом зарылся лицом в полотенце.

Через несколько минут Фил вымыл лицо холодной водой, потом еще поплакал и еще раз умылся. Как прекрасна чистота, плеск и полная гармония движения, целостности и завершенности воды. Па больше никогда не увидит воду. Сон, который снился Филу прямо перед пробуждением — он взбирается на горы-зубы — и еще, кажется, в том его сне был шар света? Фил оперся о раковину, уткнувшись лбом в зеркало и закрыв глаза, тщетно пытаясь вспомнить свой сон. Могло быть так, что в момент смерти отца ему снился сон, полный особого смысла? В особенности принимая во внимание, что смерть отца была такой необычной?

— Я приготовила кофе, — раздался позади него голос Кевви, которая из домика Фила спустилась к нему в кухню — небольшой специально оборудованный угол склада, с раковиной, плитой, столом и стульями прямо на бетонном полу, над которым наверху, на высоте семнадцати футов, нависала удерживаемая стропильными фермами крыша из гофрированного железа. Кевви держала в руках ювви.

— Пошел прочь, Умберто, — шикнула она на собаку и приготовилась больно пнуть пса, который пришел проведать, не перепадет ли ему что-нибудь на завтрак. Кевви не выносила Умберто.

— Не трогай его, Кевви.

Фил взял чашку с кофе.

— Спасибо.

— Я просто не могу поверить, что такое случилось. У меня такое чувство, словно моя голова вот-вот взорвется. Жизнь — это не репетиция. Здесь все по-настоящему.

Фил повернулся и поставил на стол кофе, которое приготовила ему Кевви, не отпив ни глотка.

— Тебе нужно позвонить Уиллоу, — сказала Кевви. Потом зыркнула на Умберто так, что псина посчитала за лучшее убраться подальше.

— Я знаю.

Фил назвал ювви-номер свой мачехи, Уиллоу. Когда Филу было тринадцать, а Джейн одиннадцать лет, их отец Курт ушел от них и мамы Евы к Уиллоу. После этого Ева вышла замуж второй раз, весьма удачно, и в течение прошедших лет семьи оставались в близких отношениях, а Фил и Джейн свободно перемещались из семьи в семью и жили то тут, то там в новых гнездах своих биологических родителей.

Уиллоу ответила со второго звонка.

— Уиллоу Ченг Готтнер, — голос Уиллоу был громкий и резкий, на грани крика. Над ювви колебалось изображение Уиллоу — лицо уроженки Калифорнии китайской национальности с удивительно симметричным лицом, полными губами и черными волосами, такими блестящими, что казалось, что они сделаны из металлических нитей. Движения Уиллоу были резкими, словно бы птичьими. На руках и щеке виднелись пятна крови. Обычно очень аккуратные и спокойные, черты ее лица были искажены напряжением и мукой.

— Привет, Уиллоу, это Фил. Мне только что звонила Джейн.

— Курт погиб, Фил, он только что умер, я вся в его крови. Это вово сожрало его, словно *мусор*.

— Я сейчас же приеду за тобой. Где ты находишься?

— Я в участке Гимми. Здесь ни хрена не понимают, о чем я им рассказываю. Думают, что я убила Курта или сделала еще какую-то хрень.

Уиллоу никогда особенно не стеснялась в выражениях. Это было то, о чем мать Фила и Джейн любила позлословить, и то, за что Фил и Джейн любили Уиллоу больше, чем за все остальное.

— Ты понял? — крикнула Кевви. — Скажи ей, чтобы сразу же позвонила адвокату!

Фил раздраженно оглянулся на Кевви, понимая, что в словах подруги все же есть смысл, и эту возможность необходимо учесть.

— У тебя есть адвокат? — спросил он Уиллоу.

— Вот именно! Адвоката мне еще только и не хватало, чтобы объясняться с Гимми, которым и без того плачу налоги из своего кармана. Будто хренов адвокат защитит меня от чертовой поганой дыры в четвертое измерение, в которую затянуло моего гениального красавца мужа, словно он был какой-то хренов мусор!

Уиллоу в ярости смерила взглядом кого-то, находящегося вне поля зрения.

— Держись от меня подальше, недоумок поганый!

Ювви-изображение пошло рывками, потом экран погас. Фил немедленно перезвонил снова; на этот раз ответил служащий Гимми.

— Офицер Граби, полицейский участок Вакерхурт, Пало-Альто.

— Я только что говорил по этому номеру с Уиллоу Готтнер, — сказала Фил. — Вы забрали у нее ювви?

Он слышал, как Уиллоу кричит где-то в отдалении.

— Эта женщина не держит себя в руках, сэр, — сказал офицер Гимми. — Мы обеспокоены тем, что она может навредить себе. Боюсь, что нам придется заковать ее в наручники и ввести

успокоительное.

— Не принимайте это близко к сердцу, офицер! Я сейчас к вам приеду. Я Фил, сын Курта Готтнера. Где находится ваш участок? Я еду из города.

Гимми объяснил Филу дорогу и добавил:

— Мне жаль, сэр, что так все случилось.

— Мой отец действительно умер? — спросил Фил.

— Мы как раз ожидаем рапорт группы расследования, которую отправили в дом вашего отца. До сих пор не можем до конца понять происшедшее. Судя по следам, произошел инцидент с фатальными последствиями, но тело нигде не обнаружено. И при этом ваш отец исчез.

Раздался пронзительный крик Уиллоу.

— Она хочет что-то сказать вам. Я подержу возле нее ювви.

Появилось крошечное изображение Уиллоу, сидящей на пластиковом стуле, причем двое здоровенных полицейских из участка Вакерхарт держали ее за руки каким-то специальным полицейским приемом, так что один из копов имел возможность прыскать в маленький треугольный нос Уиллоу чем-то из сквизера, по всей видимости успокоительным.

— Фил, непременно позвони Тре Диезу! — крикнула Уиллоу, черты лица которой уже постепенно становились менее напряженными. — Я забыла сказать Джейн.

— Не беспокойся, Уиллоу. Я скоро приеду за тобой.

— Позвони Тре, сейчас же! — крикнула Уиллоу. — Скажи ему, что вово Курта ожило. Сволочь!

Ювви выключили.

— Кто такой Тре? — спросила Кевви.

— А, ты о нем наверняка слышала. Это ювви-хакер и график, живет в Санта-Крузе и делает «философские игрушки». Этот Тре заинтересовался работой отца, этими чудными формами, зовущимися «бутылка Клейна» — они познакомились и вместе придумали вово. Просто смеха ради, хотя хотели и продавать. Тре всего около тридцати. Они с Па вместе тусовались и слепили несколько вово.

Нереальность того, что теперь кануло в прошлое, нахлынула на Фила, и он снова расплакался.

— Я понять не могу этого, Кевви. Па не мог просто так умереть.

— И кому принадлежат права на вово? — спросила Кевви.

— Кевви, это не имеет… — Фил замолчал и плюхнулся с размаху на стул. У него уже больше не было сил, его паруса опустились.

— Кевви, ты сможешь вести машину? Мне кажется, что я не

смогу сесть за руль. Я точно врежусь куда-нибудь.

— Мне нужно одеться.

Когда Кевви ушла, из тумана аттрактора-пончика снова появился Умберто. Фил молча погладил пса и сказал ювви набрать номер Тре. Тре еще находился в постели рядом со своей женой Терри и был не слишком настроен на разговор.

— Кто это?

— Тре, это Фил Готтнер. Одно из вово только что убило моего отца. Тебе нужно срочно выключить всех твоих вово.

— Черт! Хрень какая-то! Хотя мне следовало бы знать. Бедняга Курт. Я убью всех вово. Сегодня же всех убью. Попозже.

Фил оставил сообщение на автоответчике ресторана, где работал, потом надел свои серебряные ботинки и черную кожаную куртку и вышел на улицу вслед за Кевви. На улице воняло, словно из канализации, при этом запах смешивался с духом молодого сыра, все это поднималось клубами из большого гнезда молди, находящегося по соседству на заброшенном красном корабле, стоящем на уходящих в ил наклонных полозьях. На этом корабле жила семья Снуков. Несколько удолбанных спороголовых и пластилинщиков стояли перед кораблем и о чем-то разговаривали с двумя молди из Снуков, наверное, покупали у тех камот, излюбленный наркотик спороголовых. Глядя на их серые лица, не стоило сомневаться, что они провели на ногах всю ночь. Фил показал спороголовым и Снукам палец, просто так. Торчки и молди рассмеялись в ответ, кто-то не всерьез бросил в их сторону камнем. Фил и Кевви пошли дальше.

Когда они были уже в пути, пошел дождь. Движения на дороге почти не было; бывшая Силиконовая Долина на полуострове превратилась в нечто, называющееся Ржавым Поясом, и мало у кого была потребность направляться оттуда в такой час в сторону Сан-Франциско. На дороге им попалось всего несколько машин, в основном электрические мобильчики на водородных топливных элементах. Над головой можно было заметить нескольких более обеспеченных ездоков, передвигающихся внутри крупных крылатых молди.

Кевви сказала, что хочет послушать старомодное радио-шоу, типа так-уж-на-свете-все-устроено-и-никак-по-другому, которое обычно шло по утрам в этот час, где ведущими были самодовольный циничный парень и женщина с невыразительным голосом, в точности таким, как и у самой Кевви. Темой сегодняшнего шоу было нашествие на Землю летающих тарелок, начиненных пришельцами, начавшееся уже сто лет назад, о них правительство все знало, но ничего не предпринимало, просто молчком держало все в секрете. Словно самым важным тут было

именно поведение правительства. Словно бы настоящие пришельцы, которые на краткое время появились этой зимой на Луне, не были в сто тысяч раз интересней этих старых врак. Но Кевви эта мура нравилась, и ничего поделать с этим было невозможно. Но сегодня Фил был не в настроении потакать ее прихотям и потребовал выключить радио ко всем чертям.

— Ты сегодня не в духе.

— У меня недавно убили отца, ты не в курсе?

— Все равно вы последнее время только и делали, что ругались. Последний раз, когда ты с ним виделся, вы здорово поцапались.

Фил вздохнул так, словно бы его сердце разорвалось.

— Бедный Па. Жаль, что мне не удастся его больше увидеть. Хотя бы один раз.

Впереди на обочине шоссе стоял знак, временно обернутый черным пластиком, который хлопал и вздувался на ветру, что показалось Филу странным и испугало его. Обернутый пластиком знак был похож на фигуру в саване. Странный параллелизм различных событий во Вселенной, продемонстрировавшей это свое качество именно для него и именно в такой момент. Фил пожал плечами, но волоски у него на затылке поднялись дыбом.

14 февраля

В субботу они устроили поминальную службу в школе Басс, в частной школе, где работал Курт. Студенческий квартет, состоящий из скрипки, альта, флейты и арфы, сыграл трогательную музыку. Над головами у них возвышалось большое палисандровое дерево, верхние ветви которого терялись в тумане. Всю ночь шел дождь, но сейчас вода с неба иссякла. Собравшиеся сидели в раскладных креслах на площадке в стороне от главного здания школы — просторного двухэтажного деревянного здания с многочисленными светлыми окнами, кузницы софтверных гениев мысли, Соли Земли.

Присутствующие по очереди выходили вперед, чтобы сказать несколько слов о том, какой хороший человек был Курт. Фил был не в настроении говорить. Он был уверен, что стоит ему только открыть рот, как он сразу же завоет. Зачем демонстрировать свои слабости перед этими бассовскими снобами? Филу довелось ходить в школу Басс четыре года, и от того он не питал особой любви к этому заведению. В Басс Курт Готтнер познакомился с Уиллоу Ченг — Уиллоу была профессиональным организатором спонсорских фондов, работающим по контракту, — и Фил никак

не мог прогнать от себя совершенно ничем не обоснованную мысль о том, что Басс виноват, что его родители развелись.

После развода с отцом мать Ева забрала Джейн и Фила из Басс и отправила их в обыкновенную публичную школу, где, по правде сказать, учение было гораздо веселее. В больших классах публичной школы собиралось много народу и там легче было найти приятеля по душе. В публичной школе помощниками учителей работали молди. При помощи ювви-связи с молди можно было научиться довольно многому и очень быстро. Басс, в свою очередь, кичился тем, что среди его персонала нет ни одного молди.

Ева ненавидела Басс. По ее словам выходило так, что все студенты и преподаватели в Басс были уродами и кучкой неудачников, а родители студентов Басс все без исключения были снобистскими самовлюбленными футы-нуты крипто-«наследниковыми» позерами, пытающимися за большие деньги купить себе иллюзию о том, что их невротические наркотические развратные булимистические дислексические кровосмесительные выродки имеют хотя бы каплю умишка в голове, не говоря уж о таланте. Вопреки уверениям Евы, Фил не мог не признать, что многие учителя в Басс были очень умными и приятными людьми. В особенности это относилось к его отцу.

На похоронах Ева сидела крайней в первом ряду, после нее далее Фил, Джейн, Кевви, Уиллоу, мать Уиллоу Джиа, отцовский брат Рекс, жена Рекса Цзуцзы, дочери Рекса и Цзуцзы Джина и Мэри, мать Курта и Рекса Изольда и пожилая добрая сестра Изольды Хильдегард, от вида которой тем не менее могло скиснуть молоко.

Первым поднялся и сказал несколько слов Рекс, о том, что Курт, когда был мальчишкой, всегда попадал в переделки и вечно что-то себе разбивал.

— Один раз, когда Курт еще был совсем маленьким, он упал с велосипеда, и я нес его домой на руках. А через несколько лет он сломал себе на футболе колено, и мы вдвоем с приятелем снова тащили Курта домой.

На этот раз от бедняги Курта не осталось даже чего-то, что можно было бы куда-нибудь отнести. Гимми соскребли с пола всего, может быть, одну унцию крови и фрагментов кожной ткани. Заморозив для архива образец ДНК, Гимми выдали Уиллоу останки для кремации, которая поместила прах в маленькую пятиугольную урну из земляничника. Сейчас эта урна стояла перед собравшимися на небольшом китайским коврике.

Встала Изольда и рассказала еще кое-что о том, каким Курт был в детстве. Бабушка Изольда была небольшого роста, вся

седая, но голос имела уверенный и сильный.

— Курт был большой умница, — сказала Изольда. — Знал гораздо больше своих сверстников. Он был стеснительный и никогда много не говорил на людях, в особенности о том, в чем был не согласен с другими, но я все видела по тому, как блестели его глазищи — он *знал* получше многих. Он знал гораздо больше учителей, которые его учили, и всю жизнь провел за тем, что исследовал мир идей. Ничто другое для него не имело значения. Я часто говорила ему: «Ну почему ты не напишешь диссертацию и не защитишься, ведь ты работаешь в университете?» «Мама, у меня нет времени, — отвечал мне он. — Я слишком занят». На самом деле все, чем он занимался и чем он любил заниматься, это сидеть в кресле и глядеть на солнечные лучи. Он всегда был слишком занят. Может быть, Курт заранее знал, что ему отпущено меньше времени, чем нам всем остальным.

Изольда тихо рассмеялась, но в смехе ее было больше слез. Она вытерла глаза.

— Курт так радовался своему открытию, этим своим измерениям и вово. Я надеюсь, что в будущем всему этому еще найдется применение. Мы все пытаемся понять и объяснить его смерть. Что случилось? Я хочу верить, что Курт знал причину — или где-то все еще знает ее. Мой сын был исследователем.

После говорила Уиллоу. Гимми полностью оправдали Уиллоу, и на ней не было теперь никаких подозрений; в качестве причины смерти был указан странный электрический феномен, возможно, шаровая молния, или коронарный заряд, источником которого явилось проекционное оборудование голографического вово в доме Курта и Уиллоу. Уиллоу была потрясающе эффектна, очень стройная и привлекательная в своем черном шерстяном костюме. Черты ее лица, окаймленные блестящими черными волосами, были совершенно спокойные и идеально правильные.

— Курт был лучший человек, которого я когда-либо знала, — сказала Уиллоу. — Он не должен быть забыт. И я хочу сделать так, чтобы память о нем осталась надолго. Спонсорские фонды школы Басс согласны основать трастовый школьный фонд памяти Курта Готтнера. Анонимные пожертвователи согласились начать перевод наличности, и к сегодняшнему дню уже состоялось несколько поступлений. Прошу вас так же делать свои вклады.

— Уиллоу сможет продать *все и вся*, — шепнул Фил на ухо Джейн.

Через некоторое время слово взял представитель администрации Басс, доктор Пек, по привычке выстроивший в одну цепочку набор дежурных банальностей из официальных школьных выступлений перед советом спонсоров.

— Басс — это одна большая семья… Курт Готтнер был квинтэссенция… острый и быстрый ум, и всегда открыт внешнему миру… отведено специальное место… у вас есть уникальная возможность… Школьный фонд имени Курта Готтнера…

Фил просто не мог больше это слушать. Вокруг было много народа, люди стояли и сидели в креслах, поэтому ему нетрудно было подняться, выскользнуть из собрания и отправиться в сторону школьного здания, где родителями учеников Басс был приготовлен просторный стол с канапе и где уже терлись ученики помладше. Поминальное пиршество. Фил окинул стол профессиональным взглядом. Он мог бы исполнить эту работу гораздо лучше, но и так сойдет. Он съел фаршированное яйцо и треугольник поджаренного хлеба с искусственно выращенной лососиной. Вдали целовал зады родственникам усопшего представитель городского собрания, умиляющийся тем, как «облагораживающе» в общем и целом действует наличие школы Басс на городок Пало-Альто.

Фил толкнул стеклянную дверь и вошел в школу, вспоминая о годах, проведенных здесь. Он добрался до восьмого класса, и все это время отец высился впереди фигурой недостижимого гения, обучающего учеников старших классов математике и ювви-графике. Ева беззаботно хлопотала дома, заботилась обо всей их семье и одновременно занималась семейным бизнесом — управляла через ювви камерой-стрекозой, которая летала среди оливковых рощ и разговаривала с фермерами по-гречески. Это были такие спокойные и приятные годы. Маленькая семья, легкие и быстрые дни.

Фил двинулся дальше по скрипучему дощатому полу, рассматривая вывешенную в несколько рядов выставку картин учеников начальной школы. Сколько сердец; не удивительно, ведь Валентинов день. В понедельник все эти сердца будут сорваны со стен, их сменят весенние цветы. Или, возможно, мертвые президенты. День Отмывания Головы Президента, George Birthington's Washday, как любил называть это мероприятие его прежний учитель английского — игра слов, которую Фил воспринимал как классический образец искусства жонглирования смыслами. Внутри старой школы царил знакомый запах. Да, в Басс царила тишь и благодать, пока не пришла Уиллоу. Она появилась тут наподобие яркой сороки-воровки, выхватившей из толпы учителей блестящего отца Фила, чтобы отнести его в свое гнездо.

— Вы преподаватель?

Фил вздрогнул от неожиданности, с трудом отрываясь от своих мыслей. Перед ним стояла стройная темноволосая девушка

примерно одних с ним лет. Линии ее скул были странным образом заострены, глаза сияли чистым светом, а рот выдавал ум и приятный характер. Единственной неидеальной чертой ее внешности был нос, несколько больше обычных размеров, хотя и совсем не портящий спокойный овал ее лица.

— Я? Нет, но мой отец преподавал здесь.

— О господи, извините, значит, вы сын Курта Готтнера, да? Вам, наверное, очень тяжело сейчас, и вы не знаете, куда деваться?

— Да, верно. Спасибо. Меня зовут Фил.

Фил протянул руку.

— А я — Йок.

— Какое хорошее и простое имя. Вы каким-то образом знакомы с моим отцом?

— Нет, просто я приехала к Терри и Тре Диезам и пришла сюда вместе с ними, чтобы оказать уважение. Тре так гордится знакомством с вашим отцом, тем, что они работали вместе, что все время только о нем и говорит. Ваш отец, должно быть, был великий человек. Ужасно, что вово убило его.

— Это какой-то кошмарный сон. У нас все теперь боятся спать дома. Я сплю в мотеле с четверга… сегодня ведь суббота, верно?

— Да. Время теперь для вас течет по-другому, так? Моя мать умерла на Рождество — и это еще одна причина того, почему я здесь — после ее смерти мне казалось, что свет повсюду горит слишком яркий и время совсем не движется. В первую неделю я даже начала курить, потому что сигареты помогали как-то убить время. Там, откуда я прилетела, курить практически невозможно.

— Сигареты — вот это выход! — иронически воскликнул Фил. — Дай я себе волю, то, наверное, набрался бы выпивки и наркотиков до бесчувственности. Но я рад, что не стал этого делать. Мне жаль, что твоя мать умерла. Ты говоришь, она умерла на Рождество?

— В самое Рождество. Она была дома одна. Мне до сих пор неловко перед ней.

В глазах Йок появились слезы.

— Бедная Йок, — сказал Фил, решив развить тему, причинявшую им обоим такую боль. — И ты права, вокруг все действительно кажется слишком ярким. Словно раскрашенным светящимися красками. Более реальным, чем обычно. Прах моего отца покоится на маленьком коврике на лужайке перед школой, и большая его часть сейчас неизвестно где, скорее всего, он и на самом деле умер, и я тоже когда-то умру. Это…

Фил обвел вокруг рукой помещение старой школы, туман на

улице и собравшихся на поминки людей.

— Это то место, где протекает наша жизнь. Мы все — словно муравьи под лишайником. Наша Земля покрыта тонким слоем мха, и в нем мы все живем, а с нами все остальные живые существа.

— Лишайник? — улыбнулась Йок, вытирая глаза. — На этой неделе я впервые увидела настоящий лишайник — который растет в лесу, а не то, чем начинены внутри молди. Терри отвезла меня показать лес у Большой бухты. Как говорят фермеры: «Альга Алиса отдала свой лишайник Фредди Грибку, а свадьбу они сыграли на валунах».

После этого легкомысленного стишка Йок рассмеялась, весело подняв при слове «лишайник» брови.

— А может, мы все словно жуки под бревном, — продолжил Фил, стараясь говорить напыщенно и серьезно, словно поэт. — Или кролики на солнечной поляне. Все люди постоянно представляются мне приклеенными к поверхности Земли волшебным клеем. До чего тонка атмосфера Земли. Шкура Гайи.

— Шо верно, то верно, — внезапно отозвалась Йок с гулким валлийским акцентом, и Фил не мог сказать, смеется она над ним или на самом деле так говорит.

Снаружи закончил свою речь последний из выступающих, и люди начали подниматься и потянулись к столам.

— Они направляются отведать канапе, — сказала Йок. — Самое время. Пока тут не собралась толпа, я хочу сходить в туалет.

— Так вот почему ты спрашивала меня, учитель я или нет, — сказал Фил. — Туалет наверху, Йок, вон по той лестнице.

— Спасибо, Фил. Мне было приятно с тобой познакомиться. Давай через минутку еще поговорим, хорошо?

Фил проследил за тем, как Йок поднимается по лестнице. У нее был отличный, высокий и идеально круглый, задок. Но вот по лестнице она взбиралась очень медленно, по одной ступеньке за раз. Смотреть на это было до того тяжело, что Филу пришлось отвести глаза. Когда он, наконец, снова взглянул на Йок, та уже добралась до вершины лестницы. Она оглянулась, улыбнулась и помахала ему, словно довольная тем, что ей удалось взобраться на высокую гору.

— А, вот ты где, — раздался за его спиной голос Кевви, жующей петрушку. — Чего это ты решил сбежать посреди службы?

— Для меня все это было слишком тяжело. — Фил еще раз оглянулся на лестницу. Йок уже там не было. Ему не хотелось, чтобы Йок увидела его с Кевви. — Давай выйдем наружу.

— По-моему, ты что-то должен сделать с прахом отца.

— Господи, я совсем забыл.

Фил заторопился обратно на лужайку, где его родственники стояли, окружив коврик с урной. Красноватое дерево земляничника, из которого была сделана восьмиугольная урна, навело Фила на мысли о стоп-сигнале. Прах его отца.

Худенькая и угловатая сестричка Джейн обняла Фила. Уиллоу коротко ему улыбнулась. Ева, Изольда и двоюродная тетушка Хильдегард — каждая поцеловала его в щеку. Рекс пожал ему руку и хлопнул по плечу. Цзуцзы погладила его по щеке, кузины Джина и Мэри печально улыбнулись.

Курт часто говорил о том, что лично ему хотелось бы, чтобы его прах зарыли в землю под корнями большого дуба в парке на окраине Пало-Альто; он частенько гулял в этом парке вместе с Филом и Джейн. От самых корней дуб разделялся на два отдельных мощных ствола-близнеца. На долю Фила выпало поручение тайком захоронить прах отца в парке — общественном месте, поэтому он забрал с коврика коробочку-урну и положил ее в карман пиджака. Мама Ева уговорила его купить специально для похорон костюм. Сегодня, по сути, Фил надел костюм впервые в жизни.

Они постояли еще немного, тихо и печально переговариваясь вполголоса. Джейн вспомнила, как много Курт всегда говорил о старом дубе, как превозносил его фрактальность и искривленность, и высокоорганизованную самокритичность.

— Я помню, как отец говорил об этом дереве вот что, — подал голос Фил. — Он рассказал нам о том, как за неделю до своей смерти школьный психолог миссис Джанг видела во сне этот дуб, как дерево вырвало с корнями из земли бурей, и дуб летел по воздуху, а потом в яме на его месте нашли золотые монеты. «Я хочу, чтобы обо мне вспоминали так же», сказал тогда отец, «что когда меня вырвет с корнем, то под моими корнями тоже найдется золото».

Фил вздохнул.

— Жаль, что это так скоро случилось. И не знаю, найду ли я там под корнями золото.

— Конечно найдешь, — подала голос Изольда. — Он оставил после себя настоящее золото: своих учеников.

— И потом, никто не знает, что дальше выйдет из вово, — сказал Рекс. — Не нужно недооценивать своего отца, Фил. Он не был особо целеустремленным, но всегда копал очень глубоко.

— Отец тебя очень любил, Фил, — сказала Уиллоу, словно объявляя о новейшем открытии.

— Когда не был сильно пьян, — пробормотал Фил.

— Что?

— Ничего такого.

— Кстати о вово, взгляните-ка вот на это, — сказала Джейн и торопливо достала что-то из сумочки. — Это дала мне Уиллоу.

На худенькой руке Джейн лежал какой-то изогнутый металлический предмет — кольцо, завязанное восьмеркой в узел, но без малейшего сварного шва или трещины. Словно маленькая скульптура.

— Это обручальное кольцо Курта, — сказала Уиллоу. — Гимми нашли его на полу спальни. Если посмотреть поближе, то можно разобрать гравировку: «Курту от Уиллоу». Только вот кольцо теперь все перекручено. У меня от его вида мурашки по коже бегают. Я не хочу оставлять его себе.

— Я думаю, его так перекрутило в четвертом измерении, — предположила Джейн.

Джейн всегда быстрее понимала идеи отца, чем Фил.

— В четвертом измерении можно скрутить замкнутую петлю, подняв часть петли ана из нашего пространства, потом сдвинуть поперек, а потом снова протолкнув ката в наше пространство.

Ана и *ката* были специальными терминами, придуманными Куртом как четырехмерные аналоги *вверх* и *вниз*. Джейн внимательно взглянула на Фила.

— Это может означать только то, что нечто, сожравшее нашего отца, пришло из более высоких измерений.

— Черт, здесь молди, — перебила Джейн Кевви, принюхиваясь.

— Вон там, где стоят Тре и Терри. Но кто позволил им пригласить молди?

Рядом с Тре и Терри Диезами действительно высилась пластиковая фигура молди в образе пожилого мужчины лет шестидесяти, с практически цилиндрическим туловищем, белоснежной бородой, большой головой с высокими скулами, кожа на которых отчасти напоминала пергамент. Даже не чувствуя еще исходящего от фигуры запаха, можно было сразу же определить в нем молди по тому, как гибко он двигался. Рядом с молди стояла Йок с бутылочкой содовой в руке, весело болтала и смеялась. Йок была похожа на фотомодель.

— Я знаю, кто это — Кобб Андерсон! — воскликнул Фил, пользуясь тем, что разговор принял другое направление. Сын своего отца, знаменитого мечтателя Курта Готтнера, он досыта наслушался рассказов о высших измерениях, в особенности за последнее время. — Поговорим потом, Джейн, — бросил он сестре и заторопился к той группе, довольный тем, что имеет шанс снова побыть рядом с Йок.

— А, привет, Фил, — улыбнулась ему Йок. — Кобб, это Фил Готтнер, Фил, это Кобб Андерсон. Кобб доставил меня с Луны. Он здесь, чтобы навестить одного своего родственника в Санта-Крузе. Своего праправнука.

Фил был поражен услышанным.

— Так ты, Йок, прилетела с Луны?

— Вот тебе раз! А почему, ты думаешь, мне пришлось целый час подниматься по этой лестнице? Я видела, с какой жалостью ты на меня смотрел. Но ничего, с каждым днем я набираюсь сил.

— Привет, Фил, — поздоровался молди Кобб Андерсон, насильно схватив и пожав руку Фила. Имиполексовая кожа Кобба была прохладной и чуточку скользкой на ощупь.

— Тре рассказывал мне, каким великим человеком был твой отец. Надеюсь, ты не возражаешь, что я явился на поминки? Я рад любой возможности оказаться в кругу людей и делать то, что делают обычные люди. Я не занимался обычными вещами уже Бог знает сколько лет.

Голос у Кобба был раскатистый и очень искренний, с тихой хрипотцой в самом низу регистра. Но как Кобб ни старался, его голосовая мембрана так и не могла до конца полностью имитировать настоящий человеческий голос.

— Конечно, я ничуть не возражаю, что вы пришли сюда, мистер Андерсон, это честь для меня. Мой отец был бы счастлив. Вот только в этой школе Басс полно людей, которые не очень любят молди. Хотя вы ведь не совсем молди. Я хочу сказать, что вы начинали свою жизнь как человек.

— Я теперь, как плакальщик с Вал-Марта, — пророкотал Кобб, — хотя тебе это ни о чем не говорит. Чистый пластик.

Кобб повернул свою массивную голову, неторопливо осматриваясь по сторонам.

— Теперь, когда ты подсказал мне, Фил, я начинаю замечать несколько холодных взглядов. Наверное, мне лучше немного прогуляться по окрестностям. Этот городок ведь называется Пало-Альто, верно? Любопытный гадюшник. Я понимаю, почему мой праправнук не захотел сюда идти.

Кобб улыбнулся, поклонился и, быстро повернувшись, отправился, словно заскользил, по направлению к воротам.

— Не понимаю, каким образом мог Кобб доставить тебя с Луны? — спросил Фил у Йок.

— Я прилетела внутри Кобба. Как мясо вэнди в калифорнийском корндоге.

— Йок уже успела погулять по улицам Санта-Круза и кой-чего поднабраться на променаде, — подала голос Терри. — Мы познакомились с ней, когда я была на Луне, и я пригласила ее

погостить у нас, когда она прилетит на Землю.

Терри была поджарая и сильная женщина, с хорошим загаром и прямыми темными волосами. Губы подкрашены розовой помадой. В волосах медленно ползают крошечные золотистые ДИМ-головки.

— Терри научила меня нырять и плавать с аквалангом, — сказала Йок. — Мне нравится плавать под водой. Вокруг столько жизни. Я хочу побывать на южных островах Тихого океана и скоро туда отправляюсь. Земля такое красивое место. И не только вода. Еще и небо!

Йок подняла руку и указала вверх. Мелкие курчавые облака ползли на фоне огромных, уходящих в облачные высоты гор, высящихся на фоне редких голубых небесных заплаток.

— Как вам, людям из земной грязи, удается вообще чем-то заниматься? Стоит мне только взглянуть на небо, как я сразу же обо всем забываю. Такое приятное вечно меняющееся зрелище, на котором отдыхают глаза.

Йок снова взглянула на Фила.

— Кем ты работаешь, Фил?

— Я не тех. Работаю поваром в ресторане трехзвездочной гостиницы в Сан-Франциско. Ресторан «Лоло». Мой отец был зол на меня за то, что я выбрал такую профессию. Но я хороший повар и знаю свое дело.

— На Луне у нас практически нет ресторанов. Большинство людей едят питательную пасту из пищевых кранов. И сырые овощи и фрукты, которые выращивают на недельных деревьях.

— Тогда, Йок, земная пища — это еще одно, с чем тебе предстоит познакомиться, и от чего ты, я надеюсь, получишь удовольствие. Я очень люблю готовить специальные блюда для…

— Привет, я Кевви Инч, — перебила Фила Кевви, внезапно вырастая между ним и Йок. — Мы с Филом живем вместе. А ты кто?

— Я Йок Старр-Майдол. Прилетела с Луны.

— И чем ты тут занимаешься?

— О, я просто туристка, расширяю свой кругозор. Больше всего люблю океан.

— Ты не работаешь?

— Как сказать? Мне никто не платит, — ответила Йок. — Но я считаю себя кем-то вроде софт-художника. Придумываю разные алгоритмы, которые усовершенствуют природные процессы. На Земле, пока я нахожусь здесь, мне хотелось бы попытаться смоделировать какие-нибудь местные вещи.

— А я присматриваю за стариками-жмуриками, — сказала Кевви. — Знакома, наверное, со всеми пожилыми людьми в Сан-

Франциско. У них есть маленькие ДИМ-машины, которые о них заботятся, но поговорить им совершенно не с кем. Это что-то вроде секс-услуг, только заниматься сексом не нужно. У меня есть подруга, которая работает в секс-услугах, по имени Клара Бло. Несколько недель назад мы с ней занимались сексом в стиле бактерий. Ты никогда не пробовала заниматься сексом в стиле бактерий, Йок?

Фил внутренне застонал. Упомянутый вид секса был новым увлечением Кевви, которым она была одержима и говорила о нем постоянно и с удовольствием. «Секс в стиле бактерий» было новое сленговое название для довольно давно практикуемого принятия наркотика под названием слив на пару с другим партнером, при этом тела людей разжижались и стекались вместе. Фил категорически отказывался принимать слив, потому как полагал, что даже единожды испытанное удовольствие может заставить его сойти с Прямого Пути и толкнуть прямиком к наркотической зависимости по типу 24–7–365, иначе говоря двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю 365 дней в году. Вначале Кевви тоже придерживалась Прямого Пути, как и Фил, но шесть месяцев назад начала плескаться в ванне под сливом, и с каждым разом дело становилось все хуже и хуже.

— У меня нет особого желания, — ответила Йок как будто между прочим. — По-моему, это бестолковое занятие. Мои родители сидят на сливе с тех самых пор, как я родилась. Точней, сидели. Моя мать, Дарла, умерла два месяца назад. Об этом я бы хотела немного с тобой поговорить, Фил. Мне кажется, то, что убило мою мать, это то же самое, что убило твоего отца. И может быть, Темпест Пленти тоже.

— Я знаю! — снова встряла Кевви. — Их похитили летающие тарелки. Ты когда-нибудь видела летающие тарелки, Йок?

— В ноябре на Луне я встречалась с настоящими пришельцами, — ответила Йок. — Но эти пришельцы прибыли не на летающей тарелке. Они прибыли на Луну в форме радиоволн.

— Вот уж ни за что не поверю такому, — заявила Кевви с совершенно нелогичной горячностью, и Фил понял, что она здорово под кайфом. — Если те пришельцы действительно были пришельцами, как ты говоришь, то где-то рядом обязательно должна была быть летающая тарелка, на которой они прилетели. Эти тарелки сделаны из специального металла. Могу спорить, что ОСЦС и Гимми просто решили все прикрыть потихоньку.

— Эй, Кевви, вон летит летающая тарелка, — сказал Тре, указывая в небо. — Правда-правда.

У Тре были длинные, спутанные и выгоревшие на солнце волосы, а кроме того он носил маленькие чудные круглые

солнечные очки с коричневыми стеклами, наверняка из-за того, что глаза у него были налиты кровью. Когда Кевви послушно задрала голову и принялась высматривать тарелку в небе, Тре продолжил:

— Йок вот о чем говорит, Фил. У ее родителей, Уайти Майдола и Дарлы Старр, в отсеке на Луне тоже было вово. Никто не видел, как умерла Дарла, и, может быть, вово тут ни при чем. Когда в прошлом месяце Темпест Пленти пропала, мне следовало заподозрить неладное. Она тетка нашей соседки Саншайн Пленти; Темпест жила у нас в отеле в одной из свободных комнат.

Фил заметил, что Кевви опять норовит ввязаться в разговор и сморозить какую-нибудь глупость, но Тре говорил без перерыва:

— Темпест была симпатичным деревенским жмуриком, — сказал он. — Настоящая юла. Злая, как кобра. На месте не сидела и всегда подкуренная. Она любила работать у Саншайн в саду и болтала со скоростью миля в минуту, слушал ее кто или нет. А потом, в одно прекрасное утро, она исчезла вместе с вово Саншайн и ее собакой, Планетой. Саншайн решила, что Темпест укатила обратно во Флориду и забрала Планету и вово с собой. Она сказала, что в ее семье все такие. Могут прихватить что-нибудь и отправиться домой.

Вово, которое забрало Темпест, или которое она забрала сама, стояло у Саншайн в саду, — продолжил Тре. — Это было самое большое и самое лучшее вово из тех, что я сделал, хотя его основа весила всего несколько фунтов. Темпест любила смотреть на вово, в особенности обкурившись. И она здорово привязалась к собаке, поэтому Саншайн, может быть, и права. Нам-то что, мы только и подумали: «Свалила эта Темпест, и слава богу». Но потом, хлоп: Уиллоу увидела, как вово прямо у нее на глазах проглотило Курта, и для меня все встало на свои места. Я взял и выключил все вово, которые сделал и продал за все время.

— Как ты сумел выключить вово? — потребовала ответа Кевви.

— Во всех «философских игрушках» вмонтирована ювви-связь с моим ювви. Таким образом я могу вовремя рассылать апгрейды — и в случае неприятностей, как теперь, смог выключить все вово разом.

Несмотря на то, что Тре больше всего был похож на санта-крузского торчка, на своих философских игрушках он неплохо заработал, организовал свой бизнес очень эффективно и дела держал в порядке.

— Я хочу подробно расспросить Уиллоу о том, как все произошло. Но сейчас это, конечно, невозможно, потому что

причинит ей сильную боль.

— Тебе нужно увидеть одну штуку, которая находится у Джейн, — сказал Фил. — Эй, Джейн!

Сестра Джейн разговаривала со старой Изольдой и Хильдегард и, услышав окрик Фила, сердито посмотрела на него, что означало «Фу, как грубо!», и нахмурилась. Изольда и Хильдегард воспользовались паузой и стали красться к буфету.

— Что такое? — спросила Джейн, подходя к Филу и незаметно награждая его тычком под ребра.

— Покажи Тре кольцо.

— Матерь Божья! — вздохнул Тре, рассмотрев кольцо. — Так скрутить его могло только в четвертом измерении. Это ясно как день. Оно оставило для нас визитную карточку. Чтобы мы знали, с чем имеем дело.

— Оно? — переспросил Фил.

— То существо, которое проникло сюда через вово. Это не могло быть само вово — вово всего лишь голографическое изображение самовыкручивающейся бутылки Клейна, программу геометрических изменений для которой написал Курт, вложив туда всю игру своего воображения. Но вово наверняка привлекло чье-то внимание.

Тре пожал плечами и обхватил себя руками, оглядываясь по сторонам.

— Может быть, оно и теперь находится где-нибудь рядом с нами. Наблюдает за нами.

Он отдал кольцо обратно Джейн.

— На твоем месте я не стал бы держать это кольцо при себе.

— Вот, Фил, возьми, пожалуйста, кольцо, — сказала Джейн, быстро протягивая Филу кольцо, словно это была горячая картофелина. — Похорони его вместе с прахом Па. Если оно потом нам понадобится, мы всегда сможем его откопать.

— Как золотую рыбку, — ответил Фил, намекая на уснувшую золотую рыбку, которую они с Джейн в детстве зимой похоронили, но только лишь для того, чтобы потом каждые несколько дней откапывать и проверять, как идет процесс разложения.

— Мне не по себе от того, что мы хороним не всего отца, а только какую-то его часть, это кажется мне неправильным, — сказала дальше Джейн. — Уиллоу сказала, что этот прах — часть руки Па. Может быть остальная его часть до сих пор находится где-то в четвертом измерении?

Фил положил скрученное кольцо в карман пиджака, туда же, где уже лежала коробочка с прахом. Он вспомнил кое-что из рассказов отца о четвертом измерении. Чудовища из четвертого

измерения способны дотронуться до кольца в его кармане, даже не проникая туда сквозь ткань его костюма. Даже если он положит кольцо *внутрь* коробочки с прахом, создание четвертого измерения все равно сумеет проникнуть туда, точно так же, как человеку не составит труда прикоснуться к центру листа бумаги не прикасаясь перед этим к его краям. Если создания из четвертого измерения способны видеть и проникать куда угодно, то какой смысл закапывать кольцо вместе с прахом?

— Мне кажется, с моей Ма тоже связано кое-что с измерениями, — сказала Йок. — Ма Дарла исчезла под Новый год. Мой гад-отец бросил ее на Новый год дома одну, а сам отправился куда-то с подружкой или вроде того. Бедная Ма. И все, что потом Уайти сумел наскрести от моей Ма — это пятно засохшей крови на полу отсека. И вот теперь Уайти завел разговоры о том, чтобы вырастить новую Ма, клона из гидропонного танка. У Уайти есть относительно свежая копия личности Ма, записанная в S-кубе, и он хочет использовать имеющиеся ДНК для того, чтобы быстро вырастить новое тело, молодое и сексуальное, само собой. Но вот в чем штука: когда он отнес образец ДНК работникам гидропонной фермы, оказалось, что половина ДНК вывернуты наизнанку. Спирали завернуты по часовой стрелке, вместо того, чтобы быть закрученными против часовой.

Йок для усиления своих слов показала рукой «буравчик» в одну и другую сторону.

— Я рассказала об этом Тре, и он сказал, вполне возможно, что некоторые ДНК побывали в четвертом измерении.

— Ну, а твой отец, он все же начал выращивать новую копию твоей матери? — спросила Кевви.

— Начал, — кивнула Йок. — У новой Дарлы будет нормальное человеческое тело, а не имиполексовое, как у Кобба. Когда-то давно Уайти много натерпелся от бопперов и молди, ему не раз даже приходилось с ними драться. И ему совершенно не хочется, чтобы Дарла была чистым молди. У нее будет нормальное тело, а ее личность будет записана в небольшого молди, которого ей придется носить на себе все время, как шарф. Плащ Счастья.

— Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь раньше так делал, — сказала Кевви.

— Нет, конечно же ты слышала, — ответила Йок. — Ты наверняка знаешь о жене Стэна Муни. Того, который раньше был сенатором. Так вот, его жена Вэнди состоит из человеческого тела и молди Плащ Счастья, которое управляет телом. Но Плащ Счастья Вэнди — это просто молди, в котором нет совершенно

ничего от прежней личности Вэнди. Но Уайти собирается скопировать в Плащ Счастья копию личности Дарлы, чтобы потом она смогла управлять своим телом.

Внезапно уверенность в голосе Йок пропала.

— Я надеюсь, что у отца это получится. Нам так не хватает мамы.

— О чем это вы говорите? — спросила, подходя к ним, Уиллоу. В руке у Уиллоу был бокал белого вина, и ее голос уже был пронзительным. — Возьмите себе еды, пока на столе еще что-то осталось. Что-нибудь выпить. Родители Басс прекрасно организовали банкет. А это вино с собственных виноградников доктора Пека! Любимое вино Курта. Ешьте, пейте, и будьте счастливы.

Сама Уиллоу счастливой далеко не казалась.

— Все прошло очень мило, Уиллоу, — осторожно заметил Тре.

— У тебя должно быть крепкие нервы, раз ты решил здесь объявиться, — ответила Уиллоу. — Принимая во внимание, что это твое поганое вово убило моего мужа.

— Тре считает, что это не само вово убило Курта, — вставил Фил. — Он думает, вово привлекло внимание какого-то существа из четвертого измерения, которое уже потом проникло в вово.

— Никакой разницы, — парировала Уиллоу.

— Может быть, тебе стоит вырастить себе нового мужа, — выступила с предложением Кевви. — Как отец Йок собирается сейчас поступить с ее матерью.

— Как я понимаю, Йок — это вот та маленькая дешевочка? Сколько народу ты приволок с собой, Тре? Я имею в виду, кроме вонючего молди? Ты что, решил, что тут у нас пляжная вечеринка для серферов?

— Извини, Уиллоу, — кивнул Тре. — Мы сейчас уходим.

— Прекрасно! — Уиллоу расплакалась, и Джейн обняла ее, прижав голову Уиллоу с отливающими металлом волосами к своему плечу.

В этот же момент возле подъездной дорожки появился Кобб. Тре и Терри пробормотали прощальные слова и быстро свернули в сторону молди. Вслед за ними, прежде чем Фил успел сказать ей хоть слово на прощание, заторопилась Йок.

— Упс, — сказала Кевви, закатывая глаза и улыбаясь. Никогда она не знала, как правильно вести себя в сложной ситуации. Но в такие моменты бездушная веселость Кевви позволяла снять напряжение. Фил взял Кевви за руку и повел ее к столу.

19 февраля

В течение следующих нескольких дней Фил много думал о Йок — печалился ли он о своем отце, или беспокоился насчет вово. Теперь, когда его старик умер, на свете не осталось никого, кто бы мешал ему заниматься в жизни тем, чем он хочет, кто бы капал ему на мозги, что пора становиться серьезней. Но пленка памяти неумолимо разматывалась. Мысли о Йок были гораздо приятней. В результате Фил думал о Йок почти постоянно, и потому, когда та внезапно появилась в четверг в ресторане «Лоло», уже сидящая за столиком неподалеку от выхода из кухни, он почти не удивился.

— Ого, это ты, — только и сказал он.

— Это тот самый парень, которого ты спрашивала? — спросил Нараджано, официант, который позвал Фила в зал. — Ты абсолютно уверена, что этот мрачный тип именно тот, кого ты ищешь?

Йок чудесно улыбнулась и кивнула. Вместе с ней за столиком сидели еще двое ребят и девушка. Двоих Фил знал довольно хорошо, это были Сент и Бабс Муни, известные фигуры арт-тусовки Сан-Франциско.

— Привет, Фил! — поздоровалась Йок. — Я надеялась, что смогу застать тебя здесь. Можешь потом выйти и посидеть с нами?

— Филу еще нужно перечистить гору картошки, так что он наверняка будет занят до полуночи, — снова вставил словечко Нараджано. — Он ведь только помощник повара. Сидит в ресторане до трех или четырех утра.

— Не слушайте его, — сказал Фил. — Чертовски рад снова видеть тебя, Йок. Привет, Сент, привет, Бабс. Я освобожусь где-то около половины двенадцатого. Если повезет. Сейчас только десять, так что у вас как раз есть время не спеша поужинать, а потом мы уйдем вместе. Похоже, сегодня в ресторане вы последние посетители. Дела идут не слишком-то хорошо.

Днем на тихоокеанском побережье разыгрался большой шторм, сменившийся моросящим дождем, словно на всех крышах стояли поливальщики со шлангами. Можно было слышать, как за окнами дождь колотит в окна.

— Вы еще ничего себе не заказали?

— Как сегодня кальмары? — спросил, наконец, четвертый участник компании сидящих за столом, парень с тенорком, с длинными до плеч очень прямыми и тонкими светлыми волосами с выкрашенными красным прядями. — Вы их как готовите, прямо со щупальцами?

— Конечно, — ответил Фил, которому парень сразу же не понравился, потому что уж слишком близко он сидел к Йок. — Если нужно, можем даже приготовить вместе с чернилами. Но сегодня я порекомендовал бы вам глубоководную рыбу-весло. Ее сегодня утром принес наш постоянный поставщик-молди, он сам поймал ее. Поймать рыбу-весло при помощи обыкновенных снастей невозможно, слишком глубоко она плавает. Из-за того, что она водится на очень большой глубине и при высоком давлении, шкура у нее очень крепкая. Если хочешь, Йок, сделаю специальный соус из вишни и сливок с лисичками. Немного шафранового риса, басмати и аспарагуса на гарнир. Несколько черных вишен в соус для сладости и цвета. Брюссельский салат-эндивий, обжаренный на открытом огне красный сладкий перец и горчичная приправа из уксуса и оливкового масла.

— Ох, — вздохнула Йок. — У меня текут слюнки. Слыша такое, можно просто умереть от желания. Я когда-то читала о таких фантастических блюдах, но никогда в жизни ничего подобного сама не пробовала.

— Тогда все возьмем одно и то же? — спросил Сент. — Бабс? Как ты, Онар?

Бабс кивнула, но смазливый длинноволосый Онар настоял на том, чтобы ему подали кальмара.

— Обжарь его в кипящем канолском масле, — проинструктировал он Фила. — И обязательно со щупальцами. Только не доводи до того, чтобы щупальца стали резиновыми.

— Будет исполнено, сэр, — козырнул Фил.

Наранджо записал заказ в свою книжечку и отправился обслуживать другого клиента. Фил немного помедлил, любуясь Йок, восхищаясь ее видом, манерой двигаться, запахом.

— Ты уже похоронил прах своего отца? — спросила его Йок. — И то скрученное кольцо? Как все прошло?

— Никогда не думал, что буду так тяжело переживать смерть отца, — сказал Фил. — Сегодня как раз прошла неделя. Да, я похоронил его прах вместе с кольцом. Высыпал прах из коробочки; внутри почти ничего-то и не было. А вот кольцо я напрасно зарыл, нужно было его сохранить на память. Все время думаю про кольцо, хочу разгадать его загадку. Я мало слушал Па, когда он рассказывал мне о своих теориях по поводу четвертого измерения, и, конечно, зря.

— Мне так жаль твоего отца, Фил, — сказала Бабс. — Я расстроилась, когда услышала.

— Да, — подхватил ее брат Сент. — Бедняга Курт. Обидно, когда тебя порубит на куски какая-то хреновина, выползшая из твоего же вово.

У Сента и Бабс в волосах ползали ДИМ-вши, малюсенькие цветные жучки, укладывающие волосы в сложные узоры-дороги, по которым сами ДИМ-вши ездили словно крохотные машинки. Узоры были похожи на спирали, орнамент «огурцы» и вышивку елочкой. Программирование ДИМ-вшей было одним из арт-проектов Сента.

— У меня есть теория относительно вово, — подал голос Онар, переплетя перед собой тонкие пальцы. — Вово — это ведь голографическое изображение бутылки Клейна, верно? Пара лент Мебиуса, свернутых и сшитых вместе?

— Будто бы так, — кивнул Фил. — Но по большому счету это просто фокус. Иллюзия.

— Возможно, что модель вово создала морфический резонанс. Ведь, как бы там ни было, действительность есть не более чем консенсуальная галлюцинация. Если достаточное количество людей одновременно увидят нечто вроде бутылки Клейна, тогда — *ву-аля* — вот вам и бутылка Клейна. Мыслительный образ убить невозможно, как невозможно, чтобы вас убил во сне персонаж вашего сна.

— Только не нужно устраивать лекций про фантастику в стиле нью-эйдж, хорошо, Онар? — подал голос Сент. — Все, что случилось — было на самом деле и вполне реально.

— Реальность — это пугало для недалекого ума, — спокойно ответил Онар.

Йок хихикнула. Похоже, она находила Онара забавным.

Фил попросил шеф-повара позволить ему приготовить большую часть блюд для стола Йок собственноручно. Он готовил с воодушевлением, и все блюда имели большой успех. Около полуночи вместе с четверкой гостей он вышел из «Лоло», и в тот же миг с противоположной стороны улицы к ним прыжками устремился молди, прямо по лужам, расплескивая из-под ног фонтаны воды во все стороны. Это был Кобб Андерсон.

— Спасибо, что дождался нас, Кобб, — сказала Йок. — Чем ты занимался?

— О, я встречался в центре города с Ренди Карлом, — ответил Кобб. — Потом мы разошлись, и я немного потусовался с какими-то бездомными людьми в переулке на Коламбус-стрит. Поговорил с несколькими бродягами, и один из них оказался весьма образованным человеком. Неправильно считать, что все без исключения бездомные обязательно психи или наркоманы, просто у них нет денег, чтобы снимать себе жилье. Не повезло в жизни людям, и все. Нужно, чтобы правительство придумало, как построить побольше дешевого жилья для бедных. Эй, дождь все не прекращается, давайте я устрою для вас зонтик.

Кобб раскинул в стороны руки и растянул в стороны плоть своего тела так, что тонкий имиполекс образовал вокруг молодежи огромный круг-зонтик, под которым смогли свободно уместиться все пятеро молодых людей с молди посредине.

— Будет лучше, если вы все придержите края, — сказал Кобб.

Для создания зонтика ему пришлось использовать большую часть своего тела, и от этого его голова опустилась до уровня груди.

— А где Ренди? — спросила Йок.

— Насколько я понимаю, отыскал себе приятельницу-молди, о которой мечтал все это время. Я надеюсь, что со временем мне удастся перевезти Ренди на Луну к отцу, чтобы они там побольше общались. Но это со временем.

— Кобб говорит о своем праправнуке, — объяснила Йок остальным. — Его зовут Ренди Карл Такер. Ренди — «сырный шарик» из Кентукки. Сейчас живет в Санта-Крузе. Тре и Терри Диез ненавидят его от всей души. Некоторое время назад, а точнее, в прошлом году, Ренди похитил у них их работницу-молди, прилепив на нее ДИМ-пиявку. Теперь Ренди говорит, что осознал ошибки прошлого. Кобб собирается отвезти Ренди на Луну, чтобы тот смог там встретиться со своим отцом.

— Что это за ДИМ, о котором вы все время говорите? — спросил Кобб.

— ДИМ, Кобб, это сокращение от «Дизайн Имиполекс», вот что это такое, — объяснила Йок. — Чипы нового типа, которые теперь используются для замены старых силиконовых чипов, тех, что раньше применялись во всех компьютерах. ДИМ делают из имиполекса, смешанного с водорослями альга и лишайником. По своему устройству ДИМ почти то же самое, что твое тело. Ты, Кобб, давно уже не был на Земле и не в курсе последних событий.

— Я до сих пор не в курсе, — ответил Кобб. — Это еще одна причина, по которой я хочу побывать в разных местах старушки-Земли, прежде чем отправлюсь обратно на Луну. Ренди тоже не особенно торопится. Он вовсю занят тем, что тратит деньги отца, которые тот ему присылает. Невесело говорить о таком, но Вилли не особенно спешит увидеться со своим единственным сыном. Похоже, Ренди становится ребенком для денежных переводов, которому родители платят только за то, чтобы он был все время от них подальше. Я говорил Вилли, что ему нужно подумать о том, чтобы побольше общаться с сыном, но пока что он не особенно хочет слушать прадеда. Думаю, он слишком долго прожил на Луне.

— А почему Ренди не пришел на ужин? — спросил Фил.

— Господи, он с ума сходил, так торопился успеть в одно

неприличное местечко на Северном Пляже, — с усмешкой объяснила Бабс. — «Настоящее-По-Сравнению-С-Остальным». Можете представить себе, что это за место? Ренди четко знает, чего хочет от жизни. Потрясающе, вы не находите?

Они двинулись по тротуару, держась все вместе под зонтиком Кобба. План был такой — они отправятся в мастерскую Бабс, которая живет как раз неподалеку от Фила. Йок, Кобб и Ренди на несколько дней остановились погостить у Бабс. Дождь издавал гулкий, отдающий эхом звук, барабаня о крышу зонта, растянутую плоть молди Кобба, от которой пахло как от мокрой мостовой. Фил ухитрился идти так, чтобы оказаться сбоку от Йок, хотя с другой ее стороны маячил Онар.

— Значит, теперь ты решил начать помогать людям, так, Кобб? — спросил Онар. — Это результат опыта, который ты приобрел за то время, пока был мертвым? И как это было?

— Мое оригинальное человеческое программное обеспечение хранилось в S-кубе в течение двадцати лет, — объяснил Кобб. — Да, фактически, это более или менее то же самое, что оказаться мертвым. Я умер навсегда, и я существую среди вас в данный момент. Что я помню о своей смерти? Большой и сильный яркий свет. СОЛНЦЕ. Бесконечное падение в сторону Солнца, до которого добраться невозможно. И вокруг меня облачка душ. Конец всех времен, на веки вечные.

— Ты имеешь в виду Солнце в смысле большой звезды? — спросил Фил.

— Нет, — ответил Кобб. — Я говорю именно о С-О-Л-Н-Ц-Е, заглавными буквами. По крайней мере, так я называл это про себя. Священный Свет, бесконечный дождь, который орошает всех и вся живущих. СОЛНЦЕ — что-то подобное глазу на вершине пирамиды на старой долларовой бумажке. За исключением того, что СОЛНЦЕ не имеет ничего общего с деньгами, СОЛНЦЕ несет с собой мир и покой.

— Ой, посмотрите, — воскликнула Бабс, внезапно меняя тему разговора, заметив что-то в витрине и немедленно останавливаясь, и вслед за ней остановилась вся группа, чтобы поглазеть. Красочные фетровые шляпы разного цвета, неяркого, пастельного оттенка, висели за стеклом витрины, веселые и страстно желающие, чтобы их купили.

— Я как раз собираюсь стать модельером, — продолжила Бабс. — Открыть новую моду. Я разрабатываю дизайн кружев. Никто уже давно не носил кружева. А стоило бы.

На плечи Бабс была наброшена шаль из сложного и почти не повторяющегося кружевного узора.

— Как вы себя ощущаете в имиполексовом теле? — спросил

Кобба Фил.

— Ощущение неплохое, даже интересное, — ответил Кобб. — Лунные молди загрузили мое программное обеспечение в виде симулятора в компьютер. Сдернув меня с СОЛНЦА. Молди запустили одновременно две мои симуляции, чтобы сопоставить и сравнить расхождение линий поведения. Тем временем они подготовили для меня мое теперешнее тело. Две мои независимые симуляции дожидались, когда их загрузят в одно тело. И вот я и я установили с самим собой телепатическую ювви-связь, с тем чтобы я и я могли сливаться и делиться опытом — вместо того чтобы сыграть в ящик от безделья. Познав опыт слияния с самим собой и побывав на СОЛНЦЕ, я понял, что каждый из нас — это один и тот же человек. И что лучшее и самое верное, что мы в силах сделать, это желать добра друг другу. Вот ответ на вопрос Онара, почему я хочу делать добро людям.

— А как ты плетешь кружева? — спросила Йок у Бабс.

— Я пользуюсь специальными «прядильщиками», — объяснила Бабс. — Не знаю, возможно, на Луне у вас еще нет таких. Это маленькие ползучие ДИМ, вроде вшей в моих волосах, которые могут выпускать из себя нить для плетения, вроде пауков. Люди пользуются «прядильщиками» для изготовления одежды. Могу спорить, эти шляпы сделаны при помощи «прядильщиков». «Прядильщики» едят все что попало — сорную траву, деревянные щепки, картон — и все это они могут свить в нить. Я покажу тебе «прядильщиков», когда мы придем ко мне в мастерскую.

— Если мы собираемся идти к Бабс, — сказал Онар, — нам нужно раздобыть какой-нибудь транспорт. Я не собираюсь всю дорогу шагать под бродячим зонтичным грибом, от которого к тому же здорово воняет плесенью.

— Ренди понравилась бы такая прогулка, — сказала Бабс. — Вон там за углом мы можем сесть на автобус. Ты тоже сможешь поехать с нами, Кобб, потому что это машины-молди.

В тот же миг молди-автобус подъехал к ним и просигналил. Кобб и пятеро молодых людей запрыгнули внутрь микроавтобуса. Фил оказался между Йок и Коббом.

— Ты тоже считаешь, что от меня воняет? — спросил его Кобб.

— Само собой, — кивнул Фил. — Как и от всех молди.

— Что ж, — вздохнул Кобб, — тогда это еще одна проблема, над которой мне предстоит потрудиться. Кроме устройства домов для бездомных. Я хочу сделать так, чтобы от молди пахло приятно. Не сомневаюсь, что при известном старании и с привлечением хороших биотехнологов можно достигнуть

положительного результата. До сих пор молди не пытались сделать что-то со своим запахом, потому что им просто было наплевать. Что будет, если ото всех молди станет приятно пахнуть и если мы решим проблему жилья для бездомных?

— Может быть, тогда тебя выберут мэром Сан-Франциско? — заметила Йок. — Как твоего бывшего друга, экс-сенатора Стэна Муни. Это Па Бабс и Сента.

— Я получил новую жизнь и взамен хочу помогать людям, — сказал Кобб.

— А молди могут участвовать в выборах? — спросил Фил. — Если да, то ты получишь все голоса молди, а это по меньшей мере десять процентов населения. А люди, люди могут голосовать за молди? Станут ли люди голосовать? Даже если ты и был раньше человеком. Сколько ты находишься в Сан-Франциско, два дня? Рановато говорить о политической карьере.

— Как бы там ни было, но идея устроить дешевое жилье для бедных — отличная, и быстро завоюет популярность, — вставила Бабс. — Отсутствие нормального жилья для людей — это одна из главных проблем. Кобб сможет набрать себе голосов, если займется переоборудованием заброшенных складов в дешевые комнаты.

— А деньги у тебя есть, Кобб? — спросил Онар.

— По сути, мне принадлежит не так уж много, — ответил Кобб. — Моя земля была поделена между родственниками много лет назад. Мой внук Вилли здорово богат, но сомневаюсь, чтобы он хоть сколько-то интересовался проблемой бездомных на Земле. Но даже без денег я очень известен. В качестве политика я смогу использовать свой авторитет, выступая «подвижником».

Кобб усмехнулся, услышав звучание такого фальшивого слова в собственных устах.

— Вот, могу продемонстрировать вам свои умения, — добавил он, и начал быстро менять выражения лица, голос и даже внешность, принимая облик различных мертвых президентов.

— Четыре последние буквы слова American — это I can, то есть «я могу». Чем больше народу пойдет за нами, тем лучше для нас. Не спрашивайте…

— Притормози, Кобб, — сказала Йок, прерывая шоу Андерсона. — Это президентское дерьмо, от него тошнит.

Пятеро молодых людей сошли с автобуса-молди за квартал от дома Бабс и припустились бегом, а Кобб мчался вприпрыжку рядом, не пропуская ни одной лужи. Внутри жилища Бабс стены были декорированы разноцветными сетками из великолепных светящихся нитей всех возможных ярких цветов. На кухне нашелся здоровенный полиглассовый жбан пива, которое

самостоятельно сделал Сент, и вместе с Онаром они принялись планомерно упромысливать этот напиток.

«Прядильщики» Бабс жили в маленьком стеклянном ящике, вроде террариума, куда был направлен свет мощной лампы и где на дне валялась рваная мокрая бумага, служившая «прядильщикам» пищей. Всего «прядильщиков» было с дюжину, крохотные разноцветные создания словно бы из фибергласса на шести ножках. Бабс показала Йок, каким образом можно при помощи ювви программировать «прядильщиков», что толковая Йок мгновенно освоила и уже через полчаса заставила их сплести для себя новую кружевную шаль, посредине которой было изящно выплетено ее имя, «Йок».

Кобб потихоньку посиживал на диване, разглядывая и изучая обстановку. Он напряг поверхность своего тела, чтобы повысить его прочность и закрыть поры, и запах практически перестал от него исходить.

Онар нашел среди творческих запасов Бабс здоровенный кусок пьезопластика и расстелил на свободном месте на полу. Ловкими тонкими пальцами отщипнул кусочек от своего ювви, сделав ДИМ-приемник ювви-сигналов, который прикрепил к пьезопластику. Мгновенно имиполекс ожил красками и зазвучал: некоторые рисунки были просто абстракцией, некоторые напоминали кадры из мультфильмов или размытые фотографии, все возникало благодаря воображению Онара. Сент тоже надел свой ювви и принял активное участие в действе, играя на невидимой гитаре, посылая пьезопластику мысленные приказы издавать тот или иной звук. Огромный лист вибрировал, гудел и рычал, подобно огромному динамику, повторяя своими раскатами приказы, рождающиеся в мозгу Сента. В конце музыка звучала подобно раскатистому грому и цимбалам, в сопровождении хеви-металлической гитары. Все смотрели и слушали, как завороженные, — все, за исключением Фила, который мог думать только об одном: как ему привлечь внимание Йок.

В конце концов ему удалось увести Йок, заставив Бабс показать им червяную ферму, представляющую собой слой гумуса, зажатого между прозрачными пластиковыми стенами. Если направить на стену свет, то из гумуса выползали мелкие красно-полосатые черви, лавенлеры, извиваясь на пластике.

— Я хочу сделать новую червяную ферму, из смеси нескольких пород червей, добавив к обычным — запрограммированных имиполексовых, — объяснила Бабс. — Вот, например, один из них. — Среди красных червей промелькнул золотистый. — Можно в буквальном смысле связаться с ними по

ювви и видеть все, что происходит, их глазами.

Сказав это, Бабс отправилась глотнуть пива, и Фил, воспользовавшись ситуацией, предложил Йок немного прогуляться вдвоем снаружи. На улице дождь уже прекратился, и луна светила вполне романтично.

— Если тебе интересно, Йок, — сказал Фил, — мы можем сходит ко мне, и я покажу тебе, где живу. Это совсем близко. Моя соседка Калла делает при помощи «прядильщиков» большие скульптуры ДНК, а Дерек, другой мой сосед, создает различные скульптуры при помощи струй окрашенного воздуха. У меня есть несколько игрушечных дирижаблей, которые я держу в комнате под потолком. Хочешь, можем сходить посмотреть мои дирижабли?

— А что скажет Кевви? — спросила Йок.

— Я думаю, что Кевви нет дома, — ответил Фил. — Она собиралась куда-то сходить сегодня вечером, вдвоем с Кларой Бло.

— С этой ее приятельницей, которая работает в секс-услугах? — спросила Йок. — Я помню.

— У нас с Кевви свободная связь, не как у замужней пары, — объяснил Фил, чувствуя, что краснеет. — Просто так случилось, что…

— Что вы живете вместе, — закончила Йок. — Как замужняя пара. Бабс сказала мне, что вы живете вместе уже около года. Я спрашивала ее о тебе.

— Ради тебя, Йок, я готов оставить Кевви в любой момент, — пробормотал Фил. — Я все время думаю о тебе.

Все в Йок — и ее запах, и то, как она движется, ее голос, то, о чем она говорит — все было по сердцу Филу, попадало словно ключ в замок.

Йок широко раскрыла глаза и выгнула дугой брови. Потом взяла Фила за руку и переплела свои пальцы с его.

— Тогда покажи мне, где живешь.

Это была самая прекрасная ночь. Позади, за спинами курчавых облаков, плыла луна; было почти что полнолуние.

— В каком месте на Луне ты живешь? — спросил Фил.

— Только вчера я рассказывала об этом Терри, — сказала Йок. — Она сказала мне, как вы, обитатели почвы, научились видеть на Луне лицо. Но каждый из вас видит там какое-то свое лицо. Например, мне показалось, что я вижу там лицо девушки. Если лицо на Луне — это лицо девушки, то Эйнштейн находится как раз под ее левым глазом. Там расположено Море Спокойствия.

— Мне всегда казалось, что Луна похожа на улыбающуюся

свинью, — смущенно признался Фил. — С торчащим рылом и клыками.

Они прошли один квартал и свернули за угол. Было темно и тихо, в спокойных лужах отражалось ночное звездное небо.

— Я чувствую, что мой отец рядом, — сказал Фил. — Он где-то на небе, словно узор созвездия. И смотрит на нас сверху вниз.

— Я тоже чувствую, что Ма все время рядом, — сказала Йок. — Милая, такая шумная Дарла. От того, что мой отец собирается вернуть Ма обратно, у меня мурашки бегут по коже. Это уже не будет настоящая Дарла. Я хочу сказать, разве никто больше не думает о том, что бывает такая вещь как душа?

Йок вздохнула и взглянула на небо.

— Мертвые всегда для нас самые лучшие и дорогие. Они продолжают жить дальше. Ты должен верить в это.

— Я хочу верить. Последний раз, когда я виделся с отцом, мы здорово поругались. Он всегда хотел, чтобы я стал ученым, а не поваром. И всегда издевался надо мной. А теперь я потерял его. Я сказал ему, что ненавижу его за то, что он бросил мать, и что его работа — это сплошная глупость. А он потом вдруг, ни с того ни с сего, заплакал. Так что я даже не мог ничего больше сказать. Так мы виделись с ним в последний раз. И теперь мне нужно знать, что он простил меня.

— Тогда ты сам должен простить *его*. Прости его, чтобы он смог простить тебя.

Фил замолчал, стараясь проникнуться услышанным. Он почувствовал, как всепрощение наполняет его; и еще он почувствовал, как ржавая проволока, стягивающая сердце, наконец начинает ослабевать и разматываться.

— Все правильно, Йок, это действительно помогло.

Как хорошо, как прекрасно находиться рядом с этой девушкой. Никто и никогда раньше не понимал его так же хорошо.

Йок тихо стояла рядом с ним, ее лицо было обращено вверх к небу — или к нему. Фил решил, что настала пора поцеловать ее. Но в тот же миг громкий экстатический вопль отвлек внимание Йок, и она отпрянула от него.

— Что это? — спросила она. — Кричат вон там, где разноцветный свет в конце квартала. Это что там, корабль?

— Это старый брошенный корабль, который вытащили на сушу и установили на полозьях. Корабль находится прямо около склада, в котором я живу, — объяснил Фил. — На корабле обитает семья Снуков. Большое гнездо молди. Они все сидят на бетти, занимаются проституцией с сырными шариками, торгуют камотом — в общем, болваны те еще. Если старина Кобб решит

узнать, почему большинство людей не любят молди, ему следует прийти посмотреть на Снуков.

— А как называется этот корабль? Я не вижу на нем названия.

— «Анубис». Полностью оформлен в египетском стиле. Раньше на этом корабле устраивались прогулочные вечеринки, когда он еще ходил по бухте, а еще раньше это было грузовое судно.

Оставшуюся часть пути они прошли рука об руку, под пронзительные дикие крики, доносящиеся с борта корабля Снуков. Видно, сегодня ночью их клиентура разошлась не на шутку.

— На Луне мы почти не общаемся с молди, — сказала Йок. — Молди живут в Гнезде под поверхностью Луны, и мы стараемся держаться от Гнезда подальше, а молди почти не заглядывают к нам в Эйнштейн под купол.

Здоровенный золотой и блестящий молди, червяк-шагомерка, быстро пересек улицу и остановился прямо перед ними, преградив дорогу. У молди было лицо с тонкой бородкой и высокий полосатый головной убор, как у фараонов.

— Поднимитесь на борт «Анубиса», вы, искатели душевного успокоения. Сегодня у нас самое крутое камотное шоу во всем городе. Способ отправиться сквозь время в древний Египет.

— Дай нам пройти, Тутмосис, — раздраженно отозвался Фил.

— Сосед Фил, это ты? — спросил молди, подходя ближе. — Вечный круг возвращения. Метемпсихоз. Но в одну реку невозможно войти дважды. А кто эта женщина?

— Я Йок Старр-Майдол, — представилась Йок. — Я недавно прилетела с Луны.

— Ну и как там поживают эти сумасшедшие лунные молди? — спросил Тутмосис. — Они так и продолжают воровать молди с Земли?

— Думаю, что продолжают воровать, — ответила Йок, выставив вперед палец и наставив его на Тутмосиса как пистолет. — Не боишься, что я сейчас прилеплю на тебя ДИМ-пиявку? Лучше беги, пока не поздно.

Тутмосис Снук фыркнул и прыжками направился обратно к своему кораблю.

Фил отпер тяжелый замок на двери склада и пропустил Йок вперед. Внутри везде горел свет; в углу склада трудился над своими воздушными скульптурами Дерек, настраивая новую машину. Под верстаком Дерека лежал Умберто и внимательно смотрел на пришедших. Дерек издалека заметил вопросительный взгляд Фила и многозначительно кивнул в сторону ванной. Фил заглянул в ванную, и его сердце упало. Позади из-за его плеча

выглянула Йок.

В ванной тихонько плескалась разжиженная любовная смесь, похожая сверху на застывшее крем-брюле. Заметив Фила, любовная масса заколебалась, и на ее поверхности появились расплывчатые очертания двух лиц и четыре пары глаз. Это были Кевви и Клара Бло, слившиеся вместе в один студень; растянутая сверху корка была кожей, принадлежащей им обоим.

— Привет, Фил и Йок, — поздоровалась Кевви, хотя впечатление было такое, словно бы эти слова донеслись изо рта Клары Бло, изо рта, кривящегося на тонко натянутой коже лица лимонного цвета, на которое было больно и странно смотреть. Любовный суп неловко пошевелился под поверхностью кожи: появились неопределенные очертания растекшейся манящей руки.

— Не хотите закинуться сливом и присоединиться к нам, заняться любовью как бактерии? — предложил им голос Клары Бло. — Ты и твоя новая булочка? Зря ты зациклился на этом своем Прямом Пути, ты все можешь пропустить, Фил, самое интересное. Слив — это так классно. Словно сам воздух пропитан оргазмом.

— Нараджо сказал мне, что ты ушел вместе с Йок, — сказала Кевви, выговаривая слова теперь собственным ртом. — Так что я решила, что пока Клара здесь, она поможет мне дождаться тебя.

Кевви медленно поднялась и села в ванной. Ее голова и плечи постепенно отделились от Клары. Груди Кевви, все еще ненормально мягкие, тряслись, словно желе.

— Фил, я пойду обратно к Бабс, — сказала Йок и в тот же миг быстро повернулась, прошла через склад и выскользнула за дверь в ночь.

— Хотел проскользнуть незаметно? — заявила Кевви. Она выглядела ужасно некрасиво. — Значит, эта лунная русалочка нравится тебе больше, чем я? Тебе нравится она и эти ее глупости про пришельцев без летающих тарелок?

Внезапно одним могучим усилием Клара вырвала свое тело из разжиженных объятий Кевви и тоже села в ванной.

— Ты просто жалок, Фил, — заявила она, принимаясь натягивать на себя одежду. — Понятия не имеешь о том, как сильно Кевви тебя любит.

Немедленно после этих слов Кевви принялась плакать, и Филу пришлось обнимать и утешать ее. Ее тело казалось странно текучим — словно она вот-вот могла выскользнуть из его рук. Немного погодя Фил помог Кевви добраться до комнаты и улечься в постель. Как только голова Кевви коснулась подушки,

она немедленно отключилась.

— Плохо дело, Фил, — сказал ему Дерек. — Калла хочет выселить вас обоих.

— Калла в своей комнате?

— Нет, приятель. Но она напоролась на Кевви и Клару в ванной, куда зашла понятно за чем со своим дружком, а у них был самый разгар. Этот дружок Каллы, такой чистюля, ветсофт-инженер, так что ты можешь себе представить, что он там наговорил. После этого они поехали к нему в Кол-Велли.

— А что ты?

— Ты меня знаешь, Фил, я анархист. По большому счету считаю, что это клево, если две девицы плещутся в ванне у меня под боком, будь они на сливе или как-то иначе. Местный колорит, так сказать. Но вот за Умберто я беспокоюсь.

Дерек наклонился вперед к своей собаке, которая при звуке своего имени подняла голову.

— Я боюсь, что однажды Кевви может его покалечить. Она не любит его и не желает сдерживаться. То, что она не любит Умберто, я могу понять. Это объяснимо. Но когда она под кайфом, то становится просто неуправляемой и творит сама не знает чего. Ты согласен? Она становится похожа на робота-убийцу. И, кроме того, мне надоело убирать за ней блевотину в ванной.

Дерек повернулся к машине, над которой работал.

— Глянь, приятель, я тут добился нового эффекта. Оцени-ка вот это.

Дерек включил машину, и в воздух вырвался огромный язык пламени.

— Словно из задницы дракона. На самом деле это не настоящий огонь. Это плазма. На ощупь холодная.

Дерек медленно провел рукой сквозь бьющий столб раздвоенного, словно вилы, холодного пламени.

— Я должен съехать, Дерек.

— Эй, старик, не горячись, ничего ты не должен.

— Нет, Дерек, должен. И сейчас я тоже лучше пойду. Кевви пока что спит. В таком состоянии она бывает, если вместе со сливом закинется кваааком или габбой.

— Только не уходи сейчас, приятель. Мне совсем не светит разбираться тут с ней, когда она проснется, будет плакать и течь у меня на плече.

— Я обещал вернуться к Бабс. Но я скоро приду обратно, Дерек. Я только забегу на минутку к Бабс и вернусь.

— Попробуешь успеть с той, другой девицей? Ну и как там у тебя с ней дела?

Дерек что-то сделал со своей машиной, и столб огня протянулся через всю комнату, едва не добравшись до Фила.

— Исповедуйся огненному богу, сын мой!

— Мне кажется, я люблю ее, — пробормотал Фил, глядя, как языки холодного пламени лижут его одежду.

— Тогда иди с миром.

Простое признание Дереку наконец выкристаллизовало в Филе решение. Теперь он был уверен в своих чувствах. Необходимо найти Йок и поговорить с ней. Он бросился наружу.

Напротив на трапе корабля какой-то законченный спороголовый исполнял импровизированный танец, который часто исполняют спороголовые, руки и ноги наискосок поднимались и опускались, падая вниз. Розовый молди из Снуков по имени Рамзес наигрывал транс на длинной трубе, которую он вырастил у себя вместо носа. Золотой Тутмосис снова бросился навстречу Филу.

— А у той лунной девицы, у нее что, на самом деле была с собой ДИМ-пиявка? — взволнованно спросил Тутмосис. Молди до ужаса боялись ДИМ-пиявок, представляющих собой миниатюрные интерфейсы дистанционного управления, при помощи которых их в одно мгновение можно было превратить в раба. На основании законов, регулирующих отношения молди и людей, ДИМ-пиявки считались запрещенными, точно так же, как и мыслительные колпачки, которые могли быть использованы молди для того, чтобы взять под контроль человека. И все же и тем и другим незаконным продуктом велась оживленная торговля.

— Куда она пошла? — спросил в свою очередь Фил.

— Туда, откуда пришла.

Фил бросился бегом вдоль квартала и свернул за угол в сторону жилища Бабс. Когда он туда добрался, то застал дома только ее саму, Сента и длинного тощего парня, который полулежал, развалившись в глубоком кресле, играя с несколькими имиполексовыми червями Бабс. Кобб, Онар и Йок ушли.

— А где Йок? — потребовал ответа Фил.

— Они улетели, — объяснила Бабс. — Онар купил у меня лист пьезопластика для Кобба. Кобб вырастил крылья, и они втроем полетели смотреть на мост Золотые Ворота. Йок так и знала, что ты вернешься, Фил. Она сказала, что сегодня вечером не хочет больше с тобой видеться. Может быть, тебе лучше будет зайти с утра.

— Давай-ка я вас познакомлю, Фил, — подал голос Сент, чтобы сменить тему разговора. — Это Ренди Карл Такер. Он праправнук Кобба Андерсона.

— Привет-привет, — поздоровался из глубины кресла тощий парень, напоминающий фермерского сынка и по физиономии, и по выговору. У парня были очень светлые волосы и словно бы немного сплющенная с боков голова. Одежда самая классическая: белая рубашка и черные брюки.

— В вашем городе отличная тусовка художников-программистов и музыкантов, — заявил он. — Если бы мне удалось выбить из отца немного денег, я бы тоже купил, наверное, склад и устроил там берлогу. Парень с деньгами может здесь здорово устроиться и заняться разным интересным.

Ренди почему-то подмигнул Бабс.

— Положи червей обратно, Ренди, — строго сказала Бабс. — Ты так сильно их тискаешь, что того и гляди раздавишь. Ренди только что вернулся из «Настоящего-По-Сравнению-С-Остальным», Фил. Это молди секс-клуб на Северном Пляже.

— Ага, — отозвался Фил, который был погружен в свои мысли.

— И то, что я увидел там, мне понравилось, — подхватил Ренди. — Вот только мне пока не удалось познакомиться ни с одним молди в Сан-Франциско так, чтобы можно было назначить свидание. Я все еще весь горю.

— Круто! — рассмеялся Сент. — Настоящий сырный шарик!

— Это гораздо лучше, чем обычным способом, — мирно сказал Ренди. — Не стоит критиковать, если сам никогда не пробовал.

— Тогда тебе стоит сходить в «Анубис», — подсказал Фил. — Это всего в одном квартале отсюда. Учти, как только поднимешься на борт, тебе придется самому о себе заботиться.

— А, ерунда, я с какими только молди не общался, — махнул рукой Ренди. — Но спасибо за наводку. Эй, Бабс, я, пожалуй, скормлю одного из твоих червяков Вилле-Джин. Она как раз есть хочет. *Цып-цып-цып!*

На зов Ренди по полу откуда-то из глубины склада подбежал маленький имиполексовый цыпленок. Цыпленок двигался немного рывками, крутил на ходу головой то в одну сторону, то в другую. Желтый, но на спине у него было розовое мохнатое пятно.

— Это мой ручной цыпленок, — объяснил Ренди Карл Такер. — Видите у него на спине розовое пятно? Это специальная ДИМ-пиявка, которой я управляю по ювви. Фактически Вилла-Джин — это моя дополнительная рука. Хочешь червяка, цыпа?

Улыбающийся до ушей Ренди потряс зеленым червяком в нескольких футах над Виллой-Джин.

Вилла-Джин прыгала в воздух и била своими короткими

крылышками-обрубками, стараясь достать червяка. Червяк извивался в пальцах Ренди, и Вилла-Джин отчаянно пищала. В конце концов Ренди Карл отпустил червяка, и маленький цыпленок поймал его на лету. Цыпленок принялся давиться и тужиться, пытаясь проглотить червяка целиком.

— Пыри-пыри, — позвал цыпленка Ренди Карл. — Хочешь еще одного червячка, Вилла-Джин?

— Еще одного, и это будет последний, Ренди, — заявила Бабс. Как ни странно, но оказалось, что выходки Ренди совершенно не раздражают ее, чего следовало бы ожидать. Похоже, Бабс находит Ренди очень даже симпатичным и интересным. Ну, на вкус и цвет…

Фил подошел к двери склада Бабс и выглянул наружу, с тоской вглядываясь в небо в поисках следов Йок, Кобба и Онара.

— Бедненький Фил, — сказала ему Бабс. — Ты подходишь ей гораздо больше, чем Онар.

— Ага, — вздохнул Сент. — Онар просто трепач. Какой-то пустой болтун, только хвалится. Я знаю его по работе. Обычно не тусуюсь с ним, но тут он откуда-то разузнал, что мы сегодня вечером пойдем гулять с Йок, и просто упросил взять меня с собой, вцепился как репей.

— Ясно, — кивнул Фил. — Спокойной ночи, ребята.

20 февраля

К тому времени, когда Фил вернулся домой, Кевви уже вовсю начала подавать признаки жизни. Дерек куда-то делся, и его нигде не было видно, но, само собой, Умберто был на месте, стоял и принюхивался к рвотине, а Кевви кричала на него и старалась пнуть ногой, отчего, потеряв равновесие, упала на пол прямо на глазах у Фила и здорово ушиблась. Глядя на то, что гады-наркотики сотворили с Кевви, Фил еще раз поблагодарил Бога за то, что никогда до сих пор не принимал такой пакости. И, как обычно, некая далекая часть внутри него высказала сожаление по поводу того, что он не может закинуться как следует. Наркоманам куда легче живется на свете.

— Наверное, ты злишься на меня? — спросила его Кевви. — От меня кто угодно сойдет с ума.

За многие годы у Фила сформировалось вполне определенное отношение к наркотикам и наркоманам.

— Я не могу сейчас позволить себе сойти с ума по какому-нибудь поводу. Это не твоя вина, и я не в силах исправить ситуацию.

Он изо всех сил попытался поверить своим словам, но все равно честность и прямота выпирали.

Они утихомирились только в три часа. Кевви убрала за собой, и они вдвоем улеглись в постель. Заснуть Фил так и не смог. Он думал о своем отце, в очередной, миллиардный, раз ругая себя на чем свет стоит за то, что когда-то обозвал своего старика глупцом, унизил, после чего тот плакал.

Перед закрытыми глазами Фила появилось скрученное обручальное кольцо, и он постарался представить себе процесс, скрутивший кольцо таким немыслимым образом, пытался вообразить себе или хотя бы верно помыслить ана и ката, выполняя в уме домашнее задание того типа, которое обычно задавал ему отец. Может быть, ему следует откопать кольцо обратно?

Он заснул, все еще думая о кольце, и во сне снова увидел себя взбирающимся на гору, а перед ним прямо в воздухе плыло кольцо, вот только теперь это был сверкающий шар, вово, изображающее лицо отца, лицо со швами, как на бейсбольном мяче. Швы все время смещались друг относительно друга, искажая отцовские черты так, что на него было больно смотреть. В бейсбольном мяче, посредине, появился разрез, и он заговорил с Филом, который все это время продолжал медленно, но верно взбираться в гору.

— Ты можешь простить мне, что я бросил мать? — спросил его отцовский голос. — Сам себя я простить не могу, Фил. Прости меня хотя бы ты, пожалуйста.

Казалось, голос прикоснулся к его лицу, тронул его щеку липкой и теплой детской ручкой.

— О, Па, — ответил Фил. — Не нужно. Мы одна плоть и кровь. Я помню, как карабкался на тебя, когда был маленький. Он тебя пахло кукурузными хлопьями.

— Прости меня.

Кевви снова разбудила его. Она улыбалась как новенький пятак, но еще была неустойчива с похмелья, какая-то хрупкая и нахохленная. Жвачка и чашка кофе, улыбка и воркующий голос.

— Извини, что я снова разбудила тебя, Фил, но опять звонит Уиллоу, — объявила она. — Что-то снова случилось с твоим отцом. У нее такой голос, словно летающие тарелки опять вернулись.

Фил нацепил ювви на шею и позволил образу Уиллоу появиться в его сознании.

— Гребаное дерево свалилось, — объявила Уиллоу. — Дерево, под которым ты похоронил его.

— Что?

— Полчаса назад я каталась на велосипеде, как всегда по утрам, и увидела, что дуб рухнул. Корни вырваны из земли.

— Ну и что, ты нашла под корнями золото? — спросил Фил. Сейчас ему все на свете казалось возможным.

— Ни хрена, — отозвалась Уиллоу. — Лишь разок взглянула и дала тягу оттуда. Чуть в штаны не наложила со страху, Фил.

— Ясно, — отозвался Фил. — Интересно, это случилось потому, что под корнями я похоронил прах отца и его кольцо?

— Именно поэтому я и решила тебе позвонить. Я беспокоюсь о том, что какие-нибудь шишки могут отыскать там кольцо и коробку с прахом, и тогда мне несдобровать за то, что я решилась похоронить эти крохи, что остались от Курта, в общественном месте, в городской собственности. Поэтому необходимо забрать оттуда кольцо, если оно еще там, пока кто-нибудь другой его не нашел.

Перед глазами Фила, кроме ювви-изображения лица Уиллоу в реальном времени, теперь плыло также и то, что она перед собой видела, а именно, кухня в доме отца Курта. После похорон Уиллоу снова въехала в дом Курта.

— Хорошо, Уиллоу, — ответил Фил. От того, с какой готовностью он отозвался на ее просьбу, даже еще толком не высказанную, ему стало хорошо на душе. — Я заберу оттуда кольцо.

Приятно иногда бывает сделать кому-то хорошее.

— Да, Фил, я думаю, ты должен это сделать, — сказала Уиллоу, которая, казалось, ждала, что он откажется. — Ведь, по сути, это твоя обязанность. Это ты похоронил останки Курта. Я звонила Джейн, и она тоже так считает.

— Я уже сказал, что приеду и все сделаю, разве не так? Я сегодня же утром приеду на электричке. Но к четырем часам я должен вернуться на работу, учтите, — уже раздражаясь, закончил он и дал отбой.

— Если хочешь, можешь взять мою машину, — предложила Кевви. — Я могу добраться до клиентов на такси. Сегодня я работаю на Русском Холме.

— Кевви, нам нужно поговорить о вчерашнем вечере.

— Разве я не имею права развлекаться, как все нормальные люди? Только не читай мне нотаций. Только из-за того, что ты трясешься из-за своего драгоценного здоровья, я не могу оторваться немного? Как бы там ни было, это все равно была идея Клары. А ты сам какого дьявола приволок сюда эту девчонку Йок?

— Я хотел показать ей свой дом, место, где я живу. Мы были все вместе у Бабс Муни. Я думал, ей будет интересно увидеть ДНК Каллы и скульптуры Дерека. И мои дирижабли.

— Не сомневаюсь.

— Знаешь что, Кевви, это все абсолютно нестерпимо. То, что ты устроила здесь вчера вечером, было отвратительно. Мне жалко тебя, но дальше жить так просто невозможно. Я думаю…

— Шшш, — Кевви прижала палец к губам. — Не говори ничего, о чем потом мы оба будем жалеть. Сейчас мне нужно ехать на работу, поэтому решай, берешь ты машину или нет. Если машина тебе не нужна, то я еду на ней. Пошел прочь, Умберто! Если хочешь, могу подбросить тебя до станции.

— Хорошо.

— И, Фил, когда ты будешь там, в парке, следи, пожалуйста, за небом. Потому что летающие тарелки могут появиться в любой момент. Пришельцы — они похожи на маленьких зеленых человечков, ты и сам это знаешь. Рты как щели.

Кевви ссутулила плечи, прищурила глаза и смешно поджала рот — Филу ничего не оставалось, как улыбнуться.

Уже в поезде Фил вспомнил, что с утра хотел заглянуть к Бабс и, возможно, увидеть там Йок, пока та не уехала. Потом подумал, что Кевви, возможно, тоже подумала об этом. Может быть, именно потому она настойчиво предлагала подвезти его до станции.

В Пало-Альто Фил нанял молди-рикшу, который довез его от станции до дома отца. Уиллоу сказала, что она боится появляться около дерева, так что Филу пришлось одолжить у Уиллоу велосипед и крутить педали одному.

Какие-то ребятишки уже лазили по ветвям упавшего дерева. Ствол треснул и развалился; было совершенно явно видно, что половина его исчезла. Раньше дерево состояло из двух сросшихся стволов, теперь остался только один. Но корни все были на месте. Там, где их вырвали из земли, зияла огромная черная яма. Фил бросил велосипед Уиллоу рядом и затем, только лишь для очистки совести, обошел кругом яму, оставшуюся из-под вывернутых корней. Потом осмотрел корни и вывернул несколько камней в надежде, что, может быть, под одним из корней найдется наконец-то золото. Но нигде ничего не было.

Потом Фил примерно прикинул и отыскал то место, где прежде закопал кольцо и высыпал прах; сделать это было не так-то просто, но наконец ему показалось, что он определился верно. Место последнего упокоения его отца находилось на самом краю ямы, как раз напротив точки, где стволы разделялись надвое, перпендикулярно оси упавшего дерева. Фил присел на корточки и принялся копать рыхлую землю. В конце концов ему повезло, он откопал скрученное кольцо, блеснувшее перед ним, словно бы говоря: «Привет, а я ждало тебя тут».

Фил убрал кольцо в карман и покатил обратно к дому Уиллоу.

Дома Уиллоу приготовила маленький ланч из овощей и лапши. Они немного поговорили о Курте. Фил рассказал ей, как мучает его совесть за то, что во время последней встречи они с отцом поругались. После того как он поведал мачехе о своих печалях, на душе у него полегчало.

Уиллоу попросила показать ей еще раз кольцо, и Фил достал его из кармана и протянул ей. Она внимательно рассмотрела кольцо, потом удивленно подняла глаза на Фила.

— Кольцо снова изменилось, разве ты не заметил?

— О чем ты говоришь?

— Вот, посмотри сам.

Уиллоу протянула Филу кольцо, держа его двумя пальцами с длинными ногтями, выкрашенными красным лаком. Фил взглянул на кольцо. И — что ж — возможно, кольцо теперь было скручено немного иначе. А может быть, все осталось по-прежнему. Теперь оно скручено слева-направо, вместо справа-налево? Какая, в конце концов, разница?

— Смотри внимательней, — сказала Уиллоу. — Смотри на надпись.

То, что Фил в конце концов увидел, поразило его. Надпись, прежде только вывернутая зеркально, теперь была развернута задом наперед.

* * *

— Думаешь, Па на самом деле умер? — внезапно спросил Фил.

— Я видела собственными глазами, как вово проглотило его. Сначала Фридль, а потом и Курта.

— Фридль! Твою собаку?

Фил вспомнил, что у Уиллоу была собака, дачунд, по кличке Фридль. Как это ни странно, но он даже не подумал о том, что собака куда-то подевалась, но теперь понял, что в доме гораздо тише, чем было раньше. Фридль любила полаять.

— Почему ты раньше не сказала ничего о Фридль?

— Ох, блин, мне просто было не до того. Что толку в какой-то собачонке, когда человека не стало? Мы с Куртом только собирались… в общем, мы оба были голые, и Курт повернулся включить вово, чтобы создать романтическую атмосферу. Потом, внезапно, Фридль начала визжать так, словно ее лапа угодила в электрическую мясорубку. Когда я оглянулась, вово уже лежало

на полу, и вид у него был необычный: оно было все огромное и искривленное, а Фридль выглядела так… я не знаю, как сказать, но Фридль выглядела, словно бы ее натянули на поверхность вово. Вся растянутая, словно картинка на воздушном шарике.

Уиллоу раскинула в стороны руки, описав в воздухе огромный круг.

— Но вово не такое уж большое, — заметил Фил.

— Когда вово сожрало Фридль, а потом Курта, оно стало здоровенное, — покачала головой Уиллоу. — Казалось, что Фридль *надули* изнутри — всю, кроме ее маленькой головки; головка Фридль торчала наружу, и она лаяла и визжала как сумасшедшая. Я закричала, чтобы Курт сделал что-нибудь, и он схватил Фридль, а эта глупая псина укусила его — Фридль всегда была очень агрессивная, — поэтому Курт больше не мог отцепиться: Фридль глубоко запустила в него зубы, и тогда Курт тоже начал кричать, а потом вово вдруг набросилось и на него, как на Фридль, и проглотило их обоих, — я и глазом не успела моргнуть. Тут уже Курт раздулся размером с Фридль, какой она была только что, а сама Фридль сделалась обычная, но отпустить Курта она так и не могла, и было видно, что она сама не своя от паники. Внутри Курта возник свет, его глаза стали огромными и горящими, как у чудовищ из видди, и он так орал — я даже представить себе не могла, что Курт, и вообще человек, может так кричать — но почему-то мне показалось, что в тот момент он был почти счастлив. *Его крик был криком триумфа*. Потом он начал уменьшаться и становился все меньше и меньше. В конце концов снаружи осталась только его рука, в которую продолжала цепляться зубами Фридль, а рука все стряхивала Фридль, пытаясь от нее избавиться. И так эта рука и собака продолжали мотаться вверх и вниз, как резиновые, а потом — хлоп! и Курт, и Фридль словно взорвались изнутри, и кровь полетела во все стороны. Я перестала видеть и слышать Курта. Я вся была в крови, и на полу валялись мелкие ошметки мяса, Курта и Фридль. А это хреново вово снова приняло вид такой, как будто ничего не случилось, притворяясь, будто оно нормальное. Я побежала в другую комнату и позвонила по ювви в Гимми. Вово больше ничего такого не делало, поэтому, пока не приехали из Гимми, я подобрала с пола то, что осталось от Фридль, и смыла это в туалет, для того чтобы Гимми не сказали, что это я виновата, что у меня такая глупая собака.

Уиллоу взглянула на Фила, ее глаза тщательно следили за выражением его лица.

— Ты ни в чем не виновата, Уиллоу, — сказал ей Фил.

— Спасибо, Фил. — Уиллоу шмыгнула носом и вытерла

глаза. — Знаешь, что я тебе скажу, ты лучше выброси это кольцо, и чем быстрее, тем лучше. Отнеси его на мост Золотые Ворота и брось вниз, в пролив, на самой середине, когда будет самый сильный отлив. Я могу поклясться, что именно это кольцо взорвало, на хрен, дуб, точно так же, как прежде вово разорвало Курта и Фридль. Дальше может случиться то же самое и в третий раз. Потому что все и всегда происходит трижды. Сегодня же избавься от этого кольца, Фил. Будет просто ужасно, если что-нибудь случится теперь и с тобой.

— Хорошо, — кивнул Фил, убирая кольцо в карман. — Я понял тебя.

Всю дорогу обратно в город, сидя у окна в вагоне, Фил то и дело доставал из кармана кольцо и разглядывал его. Он вспомнил математическую историю, рассказанную ему отцом, о легендарном А-Квадратном, обитателе страны под названием Плоскания. Глаз Квадрата был точкой в одном его углу, рот — отверстием у одной из сторон. Правильным положением тела А-Квадратного было, когда его глаз располагался на северо-востоке, а рот — на востоке. Но в один прекрасный день Объемный по имени А-Сферический приподнял А-Квадратного, оторвав его от Плоскании, перевернул его на другую сторону и положил обратно на место. С того дня А-Квадратный мог ходить только так, что его глаз находился в северо-западном углу, а рот у западной стороны. С тех пор он стал зеркальным отражением самого себя.

Что-то поместило Курта в гиперпространство и скрутило в четвертом измерении его кольцо. Быть может, Курт только потерял руку, и на этом все кончилось. Быть может, руку прихлопнула гипердверь в гиперпространство, а сам Курт сейчас живехонек и находится — черт его знает, где?

Глядя на кольцо, Фил чувствовал, что вид кольца все больше и больше завораживает его. В кольце чувствовалась какая-то странная сила. Это была единственная ниточка, связывающая его с отцом. И что с того, что существо из гиперпространства напало на него? Может быть, умереть — это совсем не так уж плохо? Не нужно идти на работу, не нужно больше страдать по пустякам, не нужно больше разрываться между двумя девушками: плохой, но привычной, и хорошей, но незнакомой. Фил понимал все безумие таких мыслей, но у него уже не было сил остановить их, и он просто вяло следил за тем, как образы меняются в его сознании. Он засунул кольцо обратно в карман и принялся вяло смотреть в окно на проносящийся мимо пейзаж, размышляя о смерти.

Когда Фил вернулся в Сан-Франциско, он тут же отправился к Бабс. Ему необходимо было повидаться с Йок. Но Йок уехала. И что было еще хуже, она уехала из страны.

— Да, Йок вместе с Онаром и Коббом улетела на Тонга, — объяснила Бабс Филу. — Онар когда-то работал там по заданию «Мета Вест Линк», и сейчас тоже, кажется, полетел по делам. А Йок просто хотела заняться подводным плаванием на южных островах Тихого океана, так что им как раз оказалось по пути. Кобб взялся отнести их туда внутри себя ракетным способом. Так что вот, все разъехались, остался только один Ренди Карл Такер, он почему-то до сих пор считает, что может гостить тут сколько влезет.

Однако губки Бабс сложились в игривую улыбку.

— Никак не могу от него избавиться. Он почему-то решил, что его манера поведения не кажется мне отвратительной. Хотя он один из немногих, кто разбирается в моем искусстве. И говорит, что у него есть для меня несколько идей.

— Значит, Йок улетела вместе с Онаром? — еще раз тупо переспросил Фил, словно не мог поверить в такую несправедливость.

— Он *волочится* за девушкой, — ответила Бабс. — Каким-то образом он узнал о том, что Йок гостит у меня, и уговорил Сента привести его и познакомить с Йок. Сент и Онар вместе работают на Мета-Вест, ты, наверное, знаешь. Хотя и не в одном месте. Онар — техник, а Сент — менеджер-монтажник. Не вздумай называть его монтером.

— Мне казалось, что я понравился Йок, — отстраненно продолжал шептать Фил, сердце которого разрывалось.

— Извини, Фил, — безжалостно отозвалась Бабс, — Йок сказала, что ты милый, что ты даже хорошенький, но она не хочет ломать ваши с Кевви отношения. Она не в силах смириться с мыслью, что она может быть не единственной. Может быть, если ты порвешь с Кевви, то у тебя появится шанс.

2. Йок

20 февраля

— Немного душновато, — сказал Онар. — Но в общем мне понравилось. Интересный способ путешествовать.

Онар и Йок сидели спиной к спине, со всех сторон их окружала пластиковая плоть Кобба. Они неслись в стратосфере, находясь в наивысшей точке огромной параболы, берущей начало в Сан-Франциско и заканчивающейся на Тонга. В подошвах Кобба работали ионные сопла, водоросли его молди-тела служили постоянным источником кислорода для находящихся внутри путешественников.

Часть молди-плоти перед лицом Йок была прозрачной, наподобие щитка скафандра. Глядя вниз с невероятной высоты на отчетливо выпуклую поверхность тела матери-Земли, Йок подмечала знакомую полоску черного космоса над изогнутой линией атмосферы. Фил назвал это шкурой Гайи. Йок чувствовала себя виноватой перед Филом, ведь она даже не попрощалась с ним как следует. Но сцена с Кевви прошлой ночью была ужасна и отвратительна. Как мог такой хороший и трезвый мальчик, как Фил, связаться с такой полоскалкой? «Полоскалка» было оскорбительное сленговое прозвище женской половины любителей парных занятий сливом, которое в особенности любила использовать Джок, сестра-близнец Йок; сама Джок подцепила это словечко из молодежного сериала «Ребячьи проделки», который крутили по видди на Луне. Время от времени Джок даже называла в лицо полоскалкой их мать, Дарлу, на что Ма обычно разражалась длинной гневной тирадой, не всегда состоящей из цензурных выражений. Джок всегда отличалась решительностью и отвагой. Стоило лишь Йок только подумать о сестре и Ма, как она почувствовала, что ужасно соскучилась по ним; впервые в жизни она оказалась так далеко от дома одна. Вид темного космоса тоже наводил на грустные мысли о доме, оставшемся на Луне. Возвращаясь к Филу, можно было сказать, что тот факт, что он год прожил с такой полоскалкой, говорит о том, что и с ним что-то не совсем нормально, хотя это и не сразу бросается в глаза. Фил казался слишком пассивным, словно слегка парализованным. Она правильно сделала, что устранилась от этой семейной ссоры. И все равно есть в Филе что-то очень привлекательное для нее, он такой сладенький. Он так смотрел на нее, так весь горел, как настоящий дурачок.

— Я не говорил тебе, что король Тонга — мой друг? — неожиданно спросил ее Онар. — Ту-и Тонга собственной персоной. Он отличный парень, просто клевый.

В уютной тесноте Кобба, в воздушном пузыре вокруг головы Йок, голос Онара казался звучным и таким интимным. Небольшие пористые палладиевые фильтры в ноздрях избавляли ее от постоянной характерной вони, исходящей от имиполекса молди-тела Кобба.

— Ты уже говорил мне об этом, — ответила Йок. — Два раза.

Она никак еще не могла разобрать, что же на самом деле за тип этот Онар.

— А зачем на Тонга вообще нужен король?

— На всей Земле одни только полинезийцы никогда не находились под господством другой расы: белых людей или еще кого-то, — объяснил Онар. — Верно, Кобб?

— Точно, — ответил Кобб, общение с которым происходило через посредство ювви. — Хочешь взглянуть на путеводитель по Тонга, Йок?

— Нет. Я предпочитаю знакомиться с местом собственными глазами. Я в школе насмотрелась всяких земных путеводителей досыта.

Очень скоро они уже снова вошли в плотные слои атмосферы, устремившись вниз к многоостровному архипелагу Тонга — видимой в разрывах облаков россыпи крохотных пятнышек посреди бескрайнего Тихого океана. Казалось, что облака выстроены с удивительной симметричностью, словно тыквы на фермерском поле. Онар указал Коббу на один из самых больших островов в архипелаге Тонга, Тонгатапу, на берегу которого находилась столица Тонга, город Нуку-Алофа.

Они приземлились рядом с городским портом, посреди парковки, посыпанной ракушечником. Тело Кобба разделилось по вертикали, для того чтобы исторгнуть из себя двух пассажиров и их багажные сумки. Сразу же вслед за этим он сформировал свое тело в привычную уже форму старика с седой бородой, ставшего заметно более упитанным и плечистым после того, как ему удалось проглотить лист имиполекса, купленный для него у Бабс. Судя по нескольким златокожим тонгийцам, которых Йок заметила неподалеку, рост Кобба в самый раз соответствовал телосложению здешних обитателей. Несколько мгновений тонгийцы просто молча смотрели на них, слишком пораженные появлением пришельцев, чтобы что-то предпринимать или хотя бы приблизиться.

— Вот мы и на месте, — сказал Онар. — Это набережная Королевы Салот.

— Здесь так тихо, — сказал Кобб. — Мне нравится.

Кроме бухты в Сан-Франциско, это было второе место на Земле, в котором побывала Йок. Она была искренне удивлена тому, насколько примитивно было тут все устроено. Как в видди-путешествии. В бухте плавал ржавый тонгийский военный корабль, а в дополнение к этому — десяток утлых рыбацких лодчонок, несколько моторок и две яхты. По всему выходило, что это был главный столичный порт. Дорога вдоль набережной была вся в выбоинах и колдобинах, движение незначительное, всего несколько электрических грузовиков и легковых машин, все — старые модели года 2030-го. В баре через дорогу предлагались напитки и еда; рядом с баром располагался «Гостевой дом», настолько маленький, что сомнительно было даже то, что в нем могла разместиться семья самого хозяина. Дальше по набережной виднелся потрепанный непогодой некогда белый дом в стиле викторианского поместья. Здания по его сторонам, по всей видимости, составляли центр города, иначе говоря, группу убогих и грязных приземистых латанных-перелатанных домишек.

— Добро пожаловать, — приветствовал их высокий широкоплечий мужчина с горизонтальными морщинами на лбу. — *Мало э лелей*.

Мужчина был облачен в изношенную белую рубашку и кирпичного цвета полиэстровую юбку.

— Меня зовут Тико.

— Привет, Тико, — махнул рукой Онар. — Вроде мы раньше встречались, верно? Я был тут месяцев шесть назад с визитом у ЕКВ.

Йок поняла, что под «ЕКВ» Онар имел в виду «Его Королевское Величество», иначе говоря, самого короля. Гм. По непонятной для нее самой причине, Йок ненавидела все британское, за единственным исключением — Льюиса Кэрролла.

— Именно так, — кивнул Тико. — Онар Андерс. Моя жена Валу работает в Гостевом доме «Новый Пляж». Ты снова остановишься у нас?

— Само собой, — кивнул Онар. — Мы прямо сейчас туда и отправимся. Как видишь, багажа у нас всего ничего.

Он кивнул на две сумки, стоящие у их ног.

— Вы прилетели сюда внутри молди, — задумчиво проговорил Тико, осторожно ощупывая плечо Кобба. Потом, наклонившись к Коббу, понюхал имиполекс, поморщился, чихнул и рассмеялся. — Как во время отлива в лагуне.

— На самом деле я человек в теле молди, — объяснил Кобб, подавшись немного назад. — Меня зовут Кобб Андерсон. Возможно, ты слышал обо мне.

— Нет, сэр, — покачал головой Тико. — А вы чем-то знамениты?

— Я построил первых роботов для Луны, шестьдесят лет назад, — объяснил Кобб. — Бопперов, ты слышал про них? Бопперы порезали на кусочки мой мозг для того, чтобы скопировать из него программную основу моей личности. С тех пор я существовал в нескольких механических телах. Но это теперешнее тело самое лучшее. Вот, глядите.

Кобб встряхнул правой рукой, и кисть разделилась на пять меньших тонких рук, на конце каждой из которых была своя маленькая кисть. Каждой из пяти малых рук он поднял с песка пять раковин и одновременно бросил их в океан.

— Самое крутое, на мой взгляд, это то, что вы можете летать, — отозвался Тико. — Да, я видел, как вы трое упали с неба, подобно орлам. Вы прибыли сюда без пересадок в один заход из самой Америки?

— Какая разница, откуда мы прибыли? — раздраженно спросил Онар.

К Тико подошла и остановилась рядом высокая миловидная женщина. Она была облачена в длинную, до пят, цветастую юбку и желтую майку с изображением какого-то морского животного, узнать которое Йок не смогла.

— Онар платит тебе? — спросила у нее женщина. Странный вопрос.

— Нет, — ответила Йок. — Мы друзья. Мое имя Йок. Я прилетела с Луны.

— А я Оофа, — сказала женщина. — Вон там моя лодка.

Женщина указала на напоминающее насекомое лодку из непромокаемой фольги с водометным мотором на квантовых капсулах.

— Если соберетесь понырять, то я к вашим услугам.

— Я как раз собираюсь заняться подводным плаванием, — сказала Йок.

— У меня есть все необходимое снаряжение и инструкторы-помощники, — сказала Оофа. — Я работаю в клубе подводных путешествий «Морской Кук», наша контора находится сразу за вашей гостиницей.

— Я планировала использовать свой собственный костюм для подводного плавания, — ответила Йок, кивнув в сторону Кобба.

— Само собой, молди — это единственный способ подводного плавания, который мы предлагаем, — сказала Оофа. — У нас в «Подводном Куке» есть несколько своих молди-ныряльщиков. Я тоже часто плаваю в молди. У меня есть пара очень опытных молди, которые могут показать вам нечто

особенное под водой.

— Не нужно, Оофа, я уже заранее все решила. Если ты поплывешь с нами как гид, то плыви в своем молди. А я поплыву в Коббе, потому что ему доверяю. Может быть, мы отправимся поплавать завтра. Как ты насчет того, чтобы завтра поплавать, Кобб?

— Что? — внимание старого молди было рассеяно.

— Как ты насчет того, чтобы завтра поплавать с Оофой?

— Сначала нужно узнать расписание ЕКВ, — проворчал Онар. — Возможно, у него имеются в отношении нас какие-нибудь планы на завтра. И потом, у Кобба могут быть другие планы.

— В чем дело, Онар? — удивился Кобб. — Конечно, я руками и ногами за то, чтобы отправиться плавать. Я не для того завел для себя новое пластиковое тело и прилетел на Землю с самой Луны, чтобы здесь в первую очередь отправиться целовать толстый полинезийский зад.

— Без проблем, без проблем, — быстренько перебила Кобба Оофа. — Мы можем пойти понырять, например, с утра. Я предупрежу пару молди, на тот случай, если Кобб окажется занят. Таштегу и Даагу.

Тико проводил их до Гостевого дома «Новый Пляж»; он настоял на том, чтобы нести их багаж. Несмотря на раннее утро, на солнце уже было очень жарко. Здесь, на островах Южной Океании, в феврале стоял разгар лета. Онар указал на дорогу, ведущую к отдаленному поместью в викторианском стиле. Над дорогой колыхался раскаленный от жары воздух.

— Это королевский дворец, Йок. Дворец сгорел в 2010 году, но тонгийцы самоотверженно отстроили его вновь. Думаю, сегодня вечером мы сможем пообедать у Его Королевского Величества.

— Король больше тут не живет, — подал голос Тико. — Он теперь живет у лагуны.

— Могу себе представить, почему, — пробормотал Онар, но Йок совершенно не хотелось слушать объяснения Онара. От жары она с трудом могла соображать, не то что говорить.

Гостевой дом «Новый Пляж» был явно выстроен еще в двадцатом веке; это была весьма своеобразная деревянная постройка с бетонным фундаментом и большим количеством открытых дверей. По сторонам от Гостевого дома шелестели листвой пальмы. В их тени гостей ожидала благословенная прохлада. Йок с ходу плюхнулась в потертый шезлонг из металлических трубок и наконец-то перевела дух.

— Миссис Йошида? — позвал Онар, но ответа не

последовало.

— Она не ответит, — подал голос Тико. — Сейчас все отдыхают до ужина. Пойдите и сами выберите для себя свободную комнату.

Махнув рукой на прощание, Тико скрылся за углом гостиницы.

— Две комнаты, — сказала Йок.

Онар быстро взглянул на нее, и взгляд его был слегка разочарованным.

— Разве мы не будем спать вместе? — спросил он. — Так пришлось бы меньше платить за номер. Не то, чтобы я настаивал, но мы уже достаточно знакомы.

— Я так не думаю, — отрезала Йок.

Прошлой ночью они немного поласкались, что было довольно неплохо. Но она согласилась целоваться с Онаром только лишь чтобы уколоть Фила за Кевви. С нее хватило ближайшего соседства Онара во время перелета из Штатов в тесноте внутри Кобба. Кроме того, Онар вдруг начал вести себя так по-британски.

— Хорошо, — отозвался Онар и легко поклонился. — Я прикажу придворным приготовить прием в вашу честь, миледи Старр-Майдол.

Старинный поклон. Руки разведены в стороны. Ах-ах! какой стиль.

Онар и Йок нашли две комнаты с видом на океан. Гостиница «Новый Пляж» была местом более чем вольных нравов, нигде не было никаких признаков замков или задвижек. В нескольких комнатах жили постояльцы, кто-то спал, другие читали. Онар отправился к себе сделать ряд ювви-звонков, а Йок решила принять душ и одеться, наконец, в свое серебристое летнее платье.

— Через полчаса ЕКВ пришлет за нами свой лимузин, — объявил Онар, когда Йок снова появилась на крыльце. — Он устаивает для нас специальный прием в загородной резиденции. Это не так далеко отсюда, в лагуне Фанка-Каку.

Онар уселся в шезлонг с ржавыми подлокотниками. Он и в самом деле был весьма мил. Ветер шевелил его длинные рыжеватые волосы и шелестел пальмовыми листьями над головой.

— Мне нужно пойти сполоснуться.

— А где Кобб? — спросила Йок.

Онар махнул рукой, и Йок увидела блестящую лужу пластика, растекшуюся по тротуару неподалеку от гостиницы. Кобб отдыхал в молди-стиле, растянувшись на солнце и предоставив возможность водорослям своего тела впитывать

солнечные лучи.

Онар отправился в душ, а Йок — на кухню за бутылочкой содовой. Устроившись на крыльце, она принялась глядеть на океан и в небо, где над вечным тихоокеанским простором плыли бесконечной чередой стада облаков. Затем подняла с пола старый веер из пальмовых листьев с растрепанными краями и принялась плавно обмахиваться, чувствуя, как ветерок ласкает ее щеки.

Вихрь воздуха подобен большому камню, размышляла она. Если вы разбиваете камень, он рассыпается на несколько мелких камней, точно так же, если вы разбиваете вихрь, он распадается на несколько меньших вихрей. Завихренный поток воздуха, который порождается плоскостью веера, служит тому весьма любопытной моделью.

Над ее головой бриз шелестел листвой пальм. Как прекрасно было наслаждаться полной свободой на открытом воздухе в огромном и полном жизни мире. Проведя жизнь в тесных душных лунных коридорах, Йок просто не могла смириться с возможностью существования целой атмосферы воздуха, как это было на Земле. Счастливые обитатели грязи бродили по дну воздушного океана, сами не понимая своего счастья.

Около четырех часов показался «лимузин» — небольших размеров электромобиль, ничем не отличающийся от всех прочих, за рулем которого сидел здоровенный тонгиец по имени Кеннит. У Кеннита были самые что ни на есть выразительные полинезийские черты, но волосы по-африкански кучерявились. На нем были рубашка и галстук, а также голубая саржевая юбка. Поверх юбки — потрепанная циновка из пальмового волокна, вероятно с церемониальными целями. Вид Кеннит имел весьма официальный, но улыбался дружелюбно. У него был забавный акцент; вместо «иес», он говорил «йис». Кеннит и Онар уже были знакомы друг с другом. Онар когда-то выиграл у Кеннита немного денег в карты в пинокль, и он никак не давал Кенниту забыть этот проигрыш.

Услышав, что Онар и Йок собираются отбыть из отеля, Кобб собрался с силами и приподнял голову из лужи имиполекса.

— Я тоже приглашен? — поинтересовался он.

— В любом случае, ты можешь съездить с нами в Министерство иностранных дел, чтобы зарегистрироваться, — ответил Онар. — Что же касается ужина — я спрашивал о тебе у секретаря ЕКВ и боюсь, что эта маленькая вечеринка только для людей.

— Но я человек, — запротестовал Кобб, его пластиковая стариковская голова на тонкой шее раскачивалась над лужей имиполекса, растекшейся по разогретому асфальту.

— Могу порекомендовать тебе общество молди в «Морском Куке» — это клуб ныряльщиков, возможно, ты найдешь там себе приятеля, — продолжил Онар. — А если хочешь потусоваться с людьми, то можешь сходить в бар. В «Баре счастья» довольно живописно. Там полно перевертышей.

Онар оглянулся на Йок и объяснил.

— Это тонгийское слово, означающее трансвеститов. Мальчики, которых вырастили как девочек. Это здесь в порядке вещей. Они довольно развратны. От женщин у них отбоя нет, насколько я понимаю.

— «Бар счастья» опасное место, мистер Андерс, — заметил Кеннит.

— Но молди туда пускают без проблем?

— Без проблем, и даже может быть более, чем без проблем, — ответил Кеннит, неожиданно чиркнув по горлу ребром ладони.

— Что ты имеешь в виду? — встревоженно спросил Кобб. Он уже успел принять человеческую форму тела.

— Здесь это тоже случается? — спросил Онар.

— Йис, — кивнул Кеннит.

— *Что* случается? — спросил Кобб.

— Да ты знаешь, — махнул рукой Онар. — Спороголовые режут молди на части, чтобы забрать весь камот сразу.

— Господи, — вздрогнул Кобб, оглядывая свое тело. — Если им так невмоготу и охота проглотить эти маленькие шарики грибка, которых внутри меня полно, нужно всего лишь попросить меня. Несколько дней назад я дал немного камота этому проказнику, моему праправнуку, Ренди Карлу Такеру. Чувствую, он не прочь иногда немного побаловаться. Это у него от того, что он сырный шарик. Надеюсь, в Сан-Франциско с ним ничего не приключится. С моим-то внуком.

Кобб тяжело вздохнул.

— Наверно, в «Бар счастья» мне сегодня лучше не ходить.

— Как знаешь, Кобб, — покачал головой Онар. — Но сейчас ты должен зайти в министерство, чтобы получить для себя чипрег. По тонгийским законам, каждый молди должен быть помечен. Это вроде электронной визы.

— Мне не нужна никакая вонючая виза, — сказал Кобб. — А вы отправляйтесь без меня. Я думаю, что полетаю вокруг острова. Увидимся утром, Йок. Мы собирались поплавать.

Онар пожал плечами.

— Я так и знал, что тебе не понравится. Пусть так и будет. Словно ты вовсе на остров и не прилетал.

В лифте в министерстве иностранных дел был мраморный пол. Скорее всего это был единственный лифт на Тонга, посему в

нем имелся специальный лифтер, облаченный в такую же униформу, как и Кеннит; белая рубашка, галстук и голубая саржевая юбка.

— Привет, — сказала Йок.

— *Мало э лелей,* — ответил лифтер, вежливо, но твердо. — Вы должны выучиться говорить «привет» по-тонгийски, *мало э лелей*.

— *Мало э лелей*.

Элегантная тонгийка в сером скромном платье приветствовала их около лифта. На шее у туземки был надет ювви.

— Привет, мистер Андерс, рада снова видеть вас. Вы как раз подоспели к окончанию дня. Пунктуальность во встречах — это всегда приятно. Тем более что окончание рабочего дня — это то, что тонгийцы соблюдают особенно строго! Уверена, что мистер Олоу уже дожидается вас. Но сначала нам нужно решить вопрос визы для вашей спутницы.

— Прекрасно, Элания, — кивнул Онар. — Разреши мне представить мою спутницу, моего друга с Луны, Йок. Йок, это Элания Мату. Она вице-министр.

— Онар пригласил вас работать по контракту с «Мета Вест Линк»? — спросила Элания.

— Нет, я просто турист, и здесь для развлечения, не для работы.

— Да, конечно, — рассмеялась Элания. — Само собой разумеется, вы здесь для развлечения. Зайдите, пожалуйста, в мой офис, и я оформлю вам визу.

Элания проводила их в прохладный элегантный офис, обставленный самой современной мебелью.

— Сью Миллер, все уже готово, — сказала Элания, кивнув Йок. — Это вас устроит?

— Что?

— Это идентификационная запись, — объяснил Онар. — Элания отвечает за тонгийский протокол внешней международной идентификации. Это нечто вроде тонгийской контрразведки. Сейчас Элания собирается установить тебе и Коббу вирусы, продолжительность действия которых составляет один месяц.

— Но зачем?

Онар немного помялся, потом ответил уклончиво.

— Немного позже, сегодня же вечером, ты все узнаешь. После встречи с королем. Пока что тебе достаточно будет знать, что ЕКВ хочет, чтобы ты оказала ему помощь в миссии, в результате которой станешь обладательницей чего-то чрезвычайно ценного,

и ЕКВ не желает, чтобы посторонние не с островов устроили за тобой охоту. При использовании цифровой связи никто не сможет узнать тебя, и это для твоей же безопасности.

Элания минуту пристально рассматривала Йок, потом перевела взгляд на стену, словно бы проверяла что-то, видимое только в киберспейсе ювви.

— Да, — с отсутствующим видом сказала она. — Все верно. Сью Миллер погибла во время пожара, случившегося в результате кораблекрушения, у берегов Тонгатапу в прошлом году, и ее тело было обнаружено нашими военно-морскими силами. Вместе с миссис Миллер во время пожара на корабле погиб молди, состоявший у нее на службе в качестве механика-рулевого. Имя молди — Скуанто. Мы проведем морф-операцию и превратим тебя, Йок, в Сью, а Кобба — в Скуанто. Я запускаю ИД-вирусы. Продолжительность их существования один месяц с сегодняшнего дня, и они достаточно автономны и самостоятельны, чтобы отследить и заменить нужным изображением любой образ, твой и Кобба. Это на тот случай, если люди или молди попытаются сфотографировать вас. Любое цифровое изображение будет заменено картинками Сью и Скуанто. Иными словами, в течение следующего месяца никому не удастся снять тебя на камеру, Йок. Вот, взгляни, как это выглядит.

Элания передала по ювви для Йок изображение худощавой женщины с коротко стриженными темными волосами.

— И эта мисс Сью Миллер сейчас мертва и официально числится мертвой? — спросила Йок.

— Конечно нет, — покачал головой Онар. — В наше время такая идентификация очень ценная вещь. Когда тонгийцы находят мертвое тело, они всегда сжигают его, а факт неизвестного исчезновения используют для создания ИД-вируса на основе этой личности.

— Но от этого мороз по коже идет, — запротестовала Йок. — Ведь вы не собираетесь убить меня или что-то в этом роде?

— Глупышка, — усмехнулась Элания. — Все это только лишь для твоей защиты, будь уверена! На тот случай, если кто-нибудь попросит у тебя или Кобба идентификацию непосредственно, я сейчас скачаю тебе образы Сью Миллер и Скуанто. Вот так, очень хорошо. Теперь у тебя есть официально зарегистрированная тонгийская виза продолжительностью тридцать дней. Давайте пойдем встретимся с мистером Олоу.

— Если у меня теперь фальшивое ИД, — спросила Йок, — означает ли это, что на острове я должна представляться всем как Сью? А Кобба называть Скуанто?

— Нет, не нужно беспокоиться, — махнула рукой Элания. —

На островах никто не придает внимания таким деталям. Насколько я понимаю, фальшивое ИД нужно только для связи с внешним миром. На случай того, если кто-нибудь сфотографирует тебя после того, как ты получишь в свое распоряжение ту ценность, которую предположительно должна получить. Благодаря новому ИД, никто не поймет, что ты — это именно ты. Благодаря этому ты сможешь вернуться домой и жить в большом достатке и безопасности.

В конце длинного коридора с мраморным полом они обнаружили худого тонгийца, сидящего в кресле с ювви на шее. Глаза тонгийца были закрыты, но стоило им только ступить на порог комнаты, как туземец тут же открыл глаза.

— Онар? — спросил он. — Очень кстати и весьма вовремя. Надевай ювви и присоединяйся ко мне.

— Можем ли мы пригласить моего друга Йок разделить с нами это зрелище? — спросил Онар.

— Она просто обязана это увидеть, — ответил мистер Олоу. — *Мало э лелей*, Йок. Прошу вас, садитесь, пожалуйста, вы, оба.

Они уселись на пару одинаковых стульев в стиле Барселона из гнутых хромированных трубок и кожи. Элания взглянула на часы и, извинившись, ушла.

Йок надела свой ювви и вслед за Онаром и Олоу отправилась в киберспейс. Они оказались в подобии мультипликационных джунглей, где разноцветные лианы тянулись от самой земли куда-то вверх — как бы это лучше выразиться? — в никуда. Вокруг не было видно ни одного дерева, только симми-иконки Йок, Онара и Олоу в полный рост. Оглядев себя, Йок увидела, что имеет вид своего обычного симми, костюм Алисы из «Алисы в Стране Чудес». Земля под ногами была мягкая и черная, по ней ползали какие-то жучки и муравьи.

— Лианы обозначают поток передачи данных Земля-Луна, которым управляет Каппи Джейн, орбитальная манта, — объяснил Олоу, который имел вид тонгийского воина в тростниковой юбке и с копьем в руке.

— Сейчас, Онар, я отрегулирую изображение. Как вы знаете, сто процентов трафика нашей Каппи Джейн контролируется «Мета Вест Линк». Разные цвета, от синего до красного, маркируют каналы различной стоимости.

Лианы горели подобно радужным неоновым трубкам.

— Можешь показать какого-нибудь пирата на канало-передаче? — спросил Онар, чье иконо-тело было очень странным: какой-то болванчик-мужичок с хвостом и в цилиндре.

— Минутку, — кивнул Олоу, подняв копье и держа его

наизготовку. Мгновенно размахнувшись, он сильно метнул копье, целясь в красно-белую лиану в отдалении.

— Вот там был один из этих, пиратов, — объяснил он. — В яблочко. Я поймал сигнал и поместил его в энергонезависимое хранилище.

— Могу продемонстрировать то же самое в более сочных красках, — сказал Онар. — На этот случай у меня есть отличная библиотека виртуальных образов. Продукт «Мета Вест Линк», только для внутреннего пользования.

Онар принялся протискиваться сквозь диковинные заросли разноцветных лиан, Олоу шел за ним, не отступая ни на шаг. Йок двинулась следом, потому что больше делать было нечего, удивляясь тому, что вблизи от лиан ее тело начинает покалывать, словно от наведенного разряда.

Проворно принявшись за работу, Онар и Олоу вытянули сверху дюжину метров пиратской красно-белой лианы. Закончив с этой подготовительной операцией, Онар обернулся к Йок и ободряюще улыбнулся ей. Потом расправил плечи и поклонился, словно перед началом представления. Для начала Олоу произвел несколько магических пассов руками, и между ним и Онаром появился украшенный чудесной резьбой и драгоценными накладками деревянный ящик величиной с гроб. У ящика вид был в точности такой, каким пользуются в цирковом шоу с исчезающей леди второразрядные уездные фокусники. Потом, элегантно прищелкнув пальцами, Онар произвел из воздуха кривой турецкий ятаган и, схватив ятаган за рукоятку, несколько раз взмахнул им в воздухе, словно настоящий маньяк-убийца, потом ловко и быстро разрубил лиану на несколько равных двухметровых кусков. Все это он проделал с театральной напыщенностью и с безумным закатыванием глаз. Йок хихикнула, и Онар просиял от удовольствия. Он быстро и ловко уложил в ящик куски лианы, которые заполнили «гроб» как раз полностью, потом вскочил на ящик и уселся сверху на крышку, вопросительно склонив голову к плечу, будто к чему-то прислушиваясь.

— Шууп! — пропел ящик. — Шууп! Шууп! Шууп!

Высокий металлический звук напомнил Йок о скрежете, который издают цепные пилы рабочих, режущих на куски лунный камень.

Онар спрыгнул с ящика и принялся открывать крышку, повернув гроб в сторону Олоу.

— Поосторожней, — прикрикнул на него Олоу, заметивший что-то под крышкой. Он торопливо попятился, но споткнулся и запутался в лианах. В результате он промедлил перед ящиком

несколько лишних роковых мгновений.

— Онар, прекрати сейчас же! — закричал он.

Но было уже слишком поздно. Крышка гроба со стуком распахнулась, и из нее наружу выскочило нечто невероятно быстрое, яркое и всепоглощающее, нечто, что набросилось на Олоу и проглотило его. Это случилось в одно-единственное мгновение, и нечто, повернувшись, уже нацелилось на Йок, расправив свои крылья до невиданных размеров. И хотя руки Йок в реальном мире уже отдирали ювви от шеи, летучая тварь двигалась во много раз быстрее ее. С близкого расстояния создание напоминало медузу, внутри полупрозрачной плоти которой виднелось каким-то образом очутившееся там улыбающееся гуманоидное лицо. Создание поглотило Йок, и сквозь перегруженный ювви ее нервную систему поразил парализующий сигнал боли. Словно откуда-то издалека Йок увидела, как ее тело падает на пол со стула «Барселона» из гнутых хромированных трубок.

Когда Йок пришла в себя, вокруг было темно. В ее голове пульсировала боль. Она лежала на спине на холодном мраморном полу. Вокруг нее в здании министерства иностранных дел царила полная тишина.

Она оторвала от шеи ювви. Кожа под ювви размягчилась, и к ней было больно прикасаться. Йок попыталась найти глазами Онара и Олоу, но не смогла понять, находятся те еще в комнате или нет. Не зная, где выключатель, она прошла к окну и отдернула занавеску. Полная луна висела в нескольких ладонях над горизонтом, яркая, горячая, особенно четко выделяясь на фоне темных силуэтов пальмовых листьев. В отдалении перекрикивались между собой люди, лаяли собаки, где-то совсем близко хрипело какое-то животное. Нуку-Алофа вел ночную жизнь.

Оглянувшись назад, Йок увидела, что Онар и Олоу лежат на полу посреди офиса. Неужели они мертвы? Она замерла около окна, охваченная страхом. Ее сознание поспешно пыталось справиться с ситуацией, проанализировать происходящее.

Это существо, похожее на медузу; ей показалось, что лицо под студенистой массой было похоже на Онара — могло такое случиться? В тот момент, когда медуза проглотила ее, ей также послышалось, что существо что-то сказало ей, что-то очень важное — что-то, что невозможно было осознать разумом. Помимо своей воли, она все время пыталась вспомнить слова существа. Снова и снова обшаривала свою память, и вдруг обнаружила, что вспоминает день три месяца назад, тот самый, когда личностные волны пришельцев завладели телами

нескольких молди в доме Вилли Тейза. Одну из пришельцев звали Шиммер, так она сказала сама, а еще она сказала, что прибыла из места, где возможно прожить триллионы жизней одновременно в параллельных потоках времени. Была ли эта медуза как-то связана с Шиммер? Йок опять попыталась вспомнить голос, который обращался к ней — но воскресить этот звук не могла. Она поморщилась, тщетно пытаясь выскрести что-нибудь из глубин своей памяти.

— Эй, Онар! — позвала она. — Мистер Олоу? Сэр, очнитесь! Черт, только не умирайте…

Онар пошевелился и сел. Точно так же, как Йок, первым делом он отлепил от шеи и снял ювви. Как ни странно, но вид у него был такой, словно у него ничего не болело: ни голова, ни что другое.

— Господи, — прошептал он, потом поднял голову и взглянул на Йок, стоящую на фоне освещенного луной окна. — С тобой все в порядке?

— Со мной — да, а что с мистером Олоу?

— Кошмар, — сообщил Онар, переворачивая тяжелое тело тонгийца. Потом прижался ухом к груди Олоу, снова поднялся и торопливо принялся массировать тонгийцу грудь, и попытался даже сделать ему искусственное дыхание изо рта в рот.

— Нет, он умер, — потом отстраненно сказал он. — Это я виноват. Решил повыпендриваться перед тобой и облажался. Я такой дурак. Болван придурковатый.

Тело мистера Олоу лежало совершенно без движения, полное той неподвижности и покоя, в которых Йок быстро узнала смерть. Спящие люди только относительно неподвижны; если их толкнуть, они, как правило, хотя бы шевелятся. Но что касалось мистера Олоу — Йок могла уверенно сказать: как сильно его ни толкай, он никогда больше не поднимется на ноги. В молочном свете луны рот мертвеца зиял как разверстая дыра.

— Давай уйдем отсюда, Онар.

— Да, конечно. — Онар еще раз взглянул на тело. — Прости меня, дружище.

Лифт был отключен на ночь, поэтому они повернули к мраморной лестнице. Вокруг не было ни огонька. Онар взял Йок под локоть и остановил ее на первой ступеньке.

— Прежде чем мы выйдем отсюда и пойдем дальше, Йок, я хочу тебя кое о чем спросить.

Дыхание Онара было теплым и приятным в темноте.

— Хорошо, — кивнула Йок. У нее появилась уверенность, что через минуту-другую они поцелуются. Это вряд ли было сейчас уместно, но по непонятной причине она этого хотела. Она

почувствовала, что ее с новой удвоенной силой тянет к Онару, все изменилось после того, как на них напала медуза. Неужели это реакция после того, как она заглянула в лицо Смерти?

— Могу я доверять тебе? — тихо спросил Онар. — Я хочу рассказать тебе один секрет.

— Доверься «Сью Миллер», так что ли? Что здесь происходит, в конце-то концов?

Она обняла Онара за талию и постаралась не думать о мертвом мистере Олоу.

— Я хочу рассказать, для какого дела я сюда прибыл — о моем бизнесе с королем, — но только потом никому ни слова, хорошо? Можешь пообещать мне, что никому ни слова не скажешь о том, что увидишь и услышишь? Если поможешь мне в этом деле, то существенно обогатишься. Но ты должна держать рот на замке.

— Вот как? — спросила Йок, усиленно размышляя.

Она была вся в ожидании поцелуя Онара и с трудом могла воспринимать то, что он говорил.

— Ты не должна никому ничего говорить, ни Коббу, ни своим родителям, ни Джок, ни Тре с Терри, ни одной душе, — продолжал шептать Онар, прижимая ее к себе. — Сейчас это опасно. Потом, постепенно, все и так об этом узнают. И будут рады тому, что случилось. Будь уверена, они будут рады до чертиков. Это такой волшебный сюрприз.

— Хорошо, — кивнула Йок и прижалась губами к его губам. Целоваться здесь, на мраморных ступенях королевского дворца Тонга, было так романтично. От Онара хорошо пахло, его тело было сильное и гибкое. Было так приятно обнимать его. С минуту они целовались, потом Йок отстранилась, чувствуя вину от того, что, по сути, танцует на могиле мистера Олоу.

На улице они обнаружили Кеннита, разговаривающего с двумя тонгийцами. Кеннит быстро подошел к Онару и Йок.

— Добрый вечер. Вы готовы?

— Произошел несчастный случай, — сказал Онар. — Мистер Олоу погиб. Мы работали с ювви, и что-то напало на нас в киберспейсе.

— Я так и знал, что этим закончится, — покачал головой Кеннит, лицо которого омрачилось. — Вы оставили его внутри?

Не дожидаясь ответа, Кеннит повернулся и подошел к двери министерства, которая только что захлопнулась за Онаром и Йок. Повернувшись к зданию, Кеннит что-то выкрикнул по-тонгийски, изнутри ему отозвался голос. Кеннит открыл дверь, и один из тонгийцев, с которыми он только что разговаривал, вошел внутрь здания.

— Бедняга Олоу, — вздохнул Кеннит. — Мистер Андерс, завтра вам придется дать показания полиции. Но сейчас нам нужно ехать к королю.

— Почему Кеннит сказал, что знал, что этим закончится? — прошептала Йок на ухо Онару, когда они устроились на заднем сиденье тесной машины. — И эти лианы, что это такое было, объясни толком? В чем заключается твоя работа здесь?

— В «Мета Вест Линк» моя должность называется «муравьед», — ответил Онар, слегка улыбаясь. — «Мета Вест Линк» продает каналы связи между Землей и внешним космосом. В основном с Луной, но с Марсом и астероидами тоже идет торговля. Моя работа заключается в том, чтобы следить за тем, чтобы фрикеры, криптографы и «муравьи» не пользовались нелегально свободными частотами. — Онар открыл рот и высунул длинный и почти острый на конце язык. — Я ночной кошмар «муравьев»; но для девственниц я лучший друг.

— Онар, не надо.

Кеннит повернул на главную улицу Нуку-Алофа, на грунтовую дорогу, по обочинам которой высились деревья, как в видди старых фильмов про Дикий Запад. Движение на главной улице было довольно оживленным: много машин, велосипедистов, пешеходов и молди; казалось, что все население острова высыпало из своих домов, чтобы пройтись по короткой, в пять кварталов, главной улице города. Был ранний вечер, но, несмотря на это, много тонгийцев-мужчин были заметно пьяны. Узнав королевский «лимузин», один из пьяных наклонился и заглянул внутрь. Машина была настолько мала, а тонгиец настолько высокий, что ему пришлось согнуться почти вдвое. Кто-то из дружков толкнул его, он потерял равновесие и упал лицом вперед. Со всех сторон захохотали, словно гиены.

— Раньше тонгийцы сходили с ума только по субботам вечером, — мрачно объяснил Кеннит. — Но сейчас то же самое творится уже начиная с вечера пятницы. Плохие нынче времена.

— Кеннит в рот выпивку не берет, — объяснил Онар. — Он мормон. Но в карты Кеннит здорово играет. Уж я-то знаю.

— На Тонга много мормонов, — отозвался Кеннит.

— Я ничего не знаю про Тонга, — ответила Йок. — И про мормонов тоже не слышала. Это такая вера?

— О да, — кивнул Онар. — Мормонам принадлежит самый большой в мире азимовский компьютер. Это машина, которая установлена внутри горы в Солт-лэйк-Сити.

— Я слышала об этом огромном компьютере-рабе, — сказала Йок. — Некоторое время программа-симулятор Кобба жила внутри этого компьютера в Солт-Лейк.

— Ты говоришь об азимовском компьютере «наследников», — сказал Онар, — который также находится в горе в Солт-Лейк-Сити? Но у меня есть теория, что программ-симуляторов было запущено две, а затем их объединили в одного Кобба.

— Я учился в колледже в Солт-лэйк-Сити, — сказал Кеннит, на малой скорости продвигая машину вперед. — По южно-тихоокеанской программе в Молодежном университете Бригхам.

— А молди ты тоже не любишь, а, Кеннит? — спросил Онар.

— Йис.

— Давай сменим тему, хорошо, Онар? — перебила Йок. — Ты хотел рассказать мне о том, чем ты тут занимаешься и что же все-таки случилось с мистером Олоу?

Сейчас они проезжали мимо тонгийского продуктового магазинчика, представляющего собой длинные прилавки под открытым небом, на которых расставлены горы консервов, полуфабрикатов и кучами лежал не отмытый от земли батат.

— Хорошо, Йок. Поговорим о Телекоммуникациях 101. На коротких расстояниях в пределах одной соты ювви-сигнал передается напрямую от одного ювви к другому. Помощь не нужна. На большие расстояния сигнал посылается вверх на тысячу миль к дешевой тарелке-отражателю, от которой излучается под нужным углом обратно к Земле. С 2030-го года тарелками-отражателями обычно работают за небольшую плату молди, которые летают в космосе на свой страх и риск. Сегодня над Землей висит целый миллион таких отражателей. Размером они всего с обеденную тарелку, мозгов как у таракана, но свое дело знают. Может быть, ты видела некоторых из них, когда мы летели сюда?

— Видела, — кивнула Йок. — Кобб проглотил одного из них прямо на лету.

— Вот уж, действительно, как заправский молди, — усмехнулся Онар. — Они никогда не упустят случая подкрепиться падалью.

— Ладно, — тряхнула головой Йок. — Насколько я понимаю, с тех пор, как «Мета Вест Линк» взялась за дело и подмяла всю связь между Землей и Луной под себя, тарелки-отражатели стали гораздо большего размера — настоящие спутники, верно?

— Точно в десятку, — кивнул Онар. — Я называю их небесные манты. Как манты или скаты, что плавают в океане, понимаешь? Такие здоровенные, широченные штуковины, представляешь? И весят они уже не несколько килограммов, а несколько тонн. В отличие от маленьких тарелок-отражателей, этим мантам необходима нервная система на основе водорослей и грибка. Можно сложить большой кусок имиполекса,

зараженного грибком, и он немедленно оживет, нужно только закачать в него софт. Если мы научились ладить с молди и знаем, как с ними общаться, тогда почему бы нам не начать работать с большими молди-спутниками, небесными мантами? Манта состоит из двадцати-тридцати молди, слитых вместе, образующих такое групповое существо, которое называется «грекс». Невозможно купить манту, ее можно только нанять. Это все равно как нанимаешь бригаду работников для выполнения задания. Молди берут оплату имиполексом и работают по очереди в смены. Поэтому здесь, в Тонга, так много тусуется молди. Они прилетают сюда с орбиты, чтобы завести детей или просто провести время.

— А почему молди выбрали именно Тонга?

— Небесные манты обычно стоят на геосинхронной орбите; они вращаются по орбите на уровне экватора с той же самой скоростью, с которой вращается Земля. Геосинхронная орбита означает, что манты всегда висят над одним и тем же местом. Следующая вещь — благодаря умнейшей политике деда нынешнего ЕКВ, в начале века королевство Тонга оказалось владельцем наилучшего с точки зрения телекоммуникации геосинхронного спутникового коридора над экватором во всей Южной Океании.

Онар пригнулся и указал вверх через окно машины.

— Она всегда висит над одним и тем же местом вон там. Каппи Джейн. Прямо над головой и немножко на север. Каппи Джейн похожа на здоровенную манту или на лоскутное одеяло. Арлекин. И вся передача сигналов между Землей и Луной в этом районе идет только через Каппи Джейн.

— Да, мистер Олоу говорил о ней, — вспомнила Йок. — Он сказал, что пиратский сигнал каким-то образом проходит через Каппи Джейн.

— Точно, — кивнул Онар. — Каппи Джейн, таким образом, теряет до двадцати процентов своих рабочих частот. Пиратские сигналы проходят с Земли на Луну и обратно, от Каппи Джейн, в одно определенное место неподалеку от Тонга. Олоу обнаружил это и вызвал «муравьеда», чтобы тот разобрался с пиратами.

Онар снова высунул свой заостренный язык, но тут же опомнился, взглянув на Йок.

Кеннит уже преодолел самую большую толчею на улице и быстро поехал мимо приземистых домиков в тропическом стиле с небольшими садиками на переднем дворе.

— Слева находится культурный центр Тонга, — объявил Онар, меняя тему. — Мы обязательно должны там с тобой побывать, Йок; здесь устраивают отличные шоу. Перед началом

представления можно попробовать настоящее кава. Отлично дает по мозгам.

— И эта лиана с пиратским сигналом — вы пытались устранить именно ее? — спросила Йок, о чем-то напряженно размышляя. Онар, руки которого были аккуратно сложены на коленях, многозначительно кивнул на Кеннита и ничего не ответил.

У Йок все сильнее болела голова. Кеннит вел машину быстро, и ее непрерывно трясло, отчего Йок было трудно сосредоточиться. Впереди в свете фар она заметила темное животное с большими ушами-лопухами и рылом, разумно стоящее на обочине и внимательно дожидающееся, когда машина проедет мимо.

— Что это за зверь? — спросила она.

— Свинья, — усмехнулся Онар.

— Разве свиньи не розовые?

— Ты никогда раньше не видела настоящую свинью, да? Ты потрясающая девушка, Йок.

Машина продолжала резво катиться вперед. У королевского лимузина были саморегулирующиеся ДИМ-шины, и Кеннит гнал по дороге, развив максимальную для электромобильчика скорость, шестьдесят километров в час.

— Разве не опасно ехать с такой скоростью? — тревожно спросила Йок. Никто ей не ответил, и она тогда спросила о другом. — Сколько еще осталось, Кеннит?

— Мы уже почти приехали. Это королевские плантации.

По сторонам от дороги высились кокосовые пальмы, в свете фар справа и слева от дороги виднелись аккуратно засаженные поля. Впереди небо горело разноцветными огнями.

— Насколько я понимаю, ЕКВ переехал сюда потому, что людям в городе не нравится, что он стал жить с молди, — сказал Онар Кенниту. — Это правда, что он даже женился на молди?

— Это не моего ума дело, — отрезал Кеннит, и очень скоро они притормозили у большого любопытного вида здания, напоминающего огромную гору мыльных пузырей. Приглядевшись, Йок поняла, что несколько прозрачных зданий-пузырей склеены одно с другим, а внутри каждый пузырь был наполнен цветным светом. На пороге волшебного здания стояла блестящая зеленая фигура, молди в виде роскошной женщины. Женщина-молди подняла приветственно руку.

— Разве ты не говорил Коббу, что сегодня вечером прием будет только для людей? — спросила Йок.

— Я соврал, — ответил Онар. — Для того чтобы Кобб не увязался за нами. Теперь не забывай о том, что обещала мне.

Они вылезли из машины в душную тропическую ночь. В растениях, окружающих дворец-пузырь, Йок узнала баньяны, хотя никогда не представляла себе, что они могут быть такие большие. Стволы росли вверх, потом загибались вниз, разделялись в нескольких местах и снова срастались вместе, плоть гигантского дерева напоминала воск или густой мед. Зеленая молди шагнула им навстречу, ее зеленые губы треснули, разошлись в улыбке.

— Йо! Я — Ваана. Королева-молди, о которой вы говорили по ювви, Онар. А это, должно быть, та самая Йок с Луны. Добро пожаловать на Тонга, дорогая.

В речевых особенностях Вааны Йок узнала «черный стиль». После рождения каждый молди выбирал для себя тот или иной стиль человеческой речи и пользовался готовым словарем, послушав сначала, как говорят у него в семейном гнезде, как говорят люди по соседству или друзья-молди, потом оставалось только воспользоваться бесконечной базой данных Сети.

Молди повернулась, чтобы проводить их во дворец, в тот же миг что-то темное и неопределенных очертаний с хлопаньем крыльев бросилось к ним с баньяна. Йок мгновенно вспомнила недавнее нападение медузы в киберспейсе; вскрикнув, она упала на землю.

— Господи-господи, — рассмеялась Ваана. — Наша Йок боится летучих лисичек. Или, может быть, ты немного под кайфом, дорогая? Летучие лисички не кусаются, если, конечно, ты не настоящий персик.

— Это большая летучая мышь, — объяснил Онар, помогая Йок подняться. — Один из видов местных тонгийских млекопитающих. Могут даже перелетать между островами, но далеко залететь не способны. Здесь, на Тонга, летучих лисичек больше, чем, скажем, на Фиджи, потому что тонгийцы не едят их. Летучие лисички — это *many*.

— Сегодня был слишком насыщенный день, Онар, — слабым голосом отозвалась Йок. Она вдруг спросила у себя, какого черта она здесь делает, наверняка ее хотят втянуть в какие-то грязные делишки. — Я хочу поскорей вернуться в отель и лечь спать, потому что очень устала.

Йок оглянулась, но нигде не увидела ни Кеннита, ни машины, на которой они приехали.

— Это не займет много времени, Йок, — настойчиво заговорил Онар. — ЕКВ не терпится познакомиться с тобой. А после хорошего ужина ты наверняка почувствуешь себя лучше. А потом мы возьмем катер и доберемся до отеля через лагуну, прокатимся под звездами. Только ты и я.

Онар обнял Йок за талию и привлек к себе.

— Пойдем же, Йок, — проговорила Ваана. — Не строй из себя барби.

Здесь, в окружении непроходимой чащи джунглей, зеленая фигура молди казалась вышедшей из мифа или легенды. Зеленая Женщина, древнее воплощение Леса. Ваана продолжала улыбаться, но Йок знала, что выражение лица молди ничего не значит. Она искренне пожалела о том, что не привела с собой верного Кобба. Хорошо хоть ее ювви еще работает. В случае опасности она может связаться по ювви с Коббом и позвать его, чтобы он прилетел и забрал ее, все равно, понравится это Онару или нет. Хотя, признаться, Онару удалось заинтриговать ее своим большим секретом. К тому же, в глубине своего девичьего сердца Йок с удовольствием предвкушала романтическую прогулку под светом звезд через лагуну — как в видди или в книгах, когда со всех сторон их окружают ночной воздух и море, а рядом с ней находится симпатичный мужчина. Это было бы так здорово. Ваана снова пригласила их войти в загородный дворец короля, и — ну что ж, так и быть — вместе с Онаром она послушно двинулась за молди.

Первым при входе был огромный зал, воздух в котором был прохладен и напитан кислородом. Внутри их ожидал еще один молди, похожий на красного краба, приземистое создание с руками-клешнями. Наверняка охранник.

— Запри дверь дворца, Грегор, — приказала Ваана. — Наши гости уже прибыли.

Переставляя клешни, «краб» вперевалку двинулся мимо пришедших к дверям, не обеспокоив себя ответом вслух.

Следующее помещение вмещало в себя оранжерею, где на выгнутых стенах тут и там цвели орхидеи. Запах в комнате был сильный, острый и мускусный. Молди в форме большого желтого банана перебиралось с одного растения на другое, осторожно ухаживая за цветами. Скорее всего, преобладал в оранжерее запах, исходящий именно от этого молди, а не от цветов. Как и «краб», «банан» сохранял молчание.

Следующей была гостиная с несколькими креслами, свет в которой был приглушен и где их ожидал король, раскинувшись на диване с чашкой горячего чая. Воздух в этой комнате был теплый, и чувствовалась усиленная циркуляция; скрытые вентиляторы быстро уносили из гостиной запах молди.

Король был крупный мужчина с прекрасной кожей. Его волосы ниспадали длинной и плотной гривой. Он был одет в цветастую шелковую рубашку и белые полотняные брюки.

— Привет, Онар, — кивнул король. — Я уже знаю про Олоу. Расскажи мне, как все случилось.

Йок была удивлена, услышав, что речь короля похожа на речь обыкновенного человека. Отчего-то она ожидала, что король должен говорить как-то по-особому, с протяжными «Да-а-с», и «э-э-э», и «господа-с».

— Приветствую вас, ваше величество, — отозвался Онар. — Позвольте мне представить вам мисс Йок Старр-Майдол, прилетевшую с Луны, известную с недавнего времени во всех записях и видео-документах как «Сью Миллер», благодаря заботам Элании.

— Добро пожаловать на Тонга, Йок, — кивнул король. — И послушай, Онар, я уже не раз тебе говорил, зови меня просто Бу-бу. Пожалуйста, ты тоже, Йок. Бу-бу!

Смешно выпятив вперед губы, король повторил свое прозвище. Он подался на диване вперед и, внимательно глядя на Йок, с очаровательной улыбкой дожидался ее ответа.

— Э-э-э, хорошо, Бу-бу, — кивнула Йок, присаживаясь на дальнем конце дивана. Онар уселся посредине. Йок откинулась на спинку дивана и взглянула сквозь прозрачные стены дворца наружу, на изгибающиеся наверху баньяны и звезды в небе. Она заметила, что на одной из веток ближайшего дерева висит головой вниз летучая лисичка.

— У вас тут так восхитительно, — с отсутствующим видом заметила Йок. — Этот дом напоминает мне Луну. У моей семьи есть друг, который построил себе большой дом в одном из лунных кратеров. Изопод, так мы называем такие дома.

Король кивнул.

— Я знаю об этом доме. Жилище Вилли Тейза. Я изучал лунную архитектуру в Стэнфорде, среди прочих предметов. Каким образом удалось Онару заманить тебя сюда, Йок? Он взял тебя на ставку в Мета-Вест?

— Вы третий человек, который спрашивает меня об этом, — ответила Йок. — Может быть, я чего-то не понимаю? Я хотела поплавать под водой в Южной Океании, а Онар получил здесь заказ как «муравьед» и предложил мне полететь вместе. У меня есть друг-молди по имени Кобб, который отнес нас сюда ракетным способом прямо из Калифорнии, так что это обошлось нам совсем дешево.

— А, Кобб, вновь рожденный лунный молди, — покивал король. — Спасибо, Онар, что не привел его сегодня ко мне.

— Но почему? — снова удивилась Йок. — Кобб хороший и весьма забавный. Кроме того, это он построил первого боппера. И он первым из людей решил установить свое программное обеспечение в тело молди.

Король со значением взглянул на Онара.

— Ты уже сказал ей?

— Не все, — кивнул Онар. — Но она обещала молчать.

— Кобб — это темная лошадка, Йок, — объяснил король. — К тому же он очень известен, и у него широкие связи. Мы опасаемся того, что он может рассказать о нашей тайне очень влиятельным людям. Откровенно говоря, мы предпочли бы, чтобы Кобб вообще ничего не знал и держался все время в стороне.

— Да перестаньте же, — всплеснула руками Йок. — Кобб — мой телохранитель. К тому же он друг нашей семьи. И мне наплевать, что там я пообещала Онару. У меня в голове все было перепутано после того, что случилось с мистером Олоу. Если вы мне что-то расскажете, я не смогу держать это в тайне от Кобба. Он должен знать о том, что происходит, чтобы защитить меня.

Король вопросительно взглянул на Онара, и тот сказал:

— Выбора у нас нет, видимо?

— Похоже на то, — согласился король. — Но прошу тебя, Йок, ни ты, ни Кобб не рассказывайте ничего своим лунным друзьям. Дело в том, что мы установили контакт с инопланетным разумом. С существом по имени Шиммер. Она обитает в глубине океана, на дне, неподалеку от островов, в местечке, известном под названием Тонгийская впадина. Она хорошо знает тебя. Несколько месяцев назад она встречалась с тобой и твоими родителями на Луне, в изоподе Вилли Тейза, о котором ты уже говорила. Это произошло в ноябре 2053 года. Твои родители тогда пытались убить ее.

Шиммер! Желудок Йок сжался. Она уже некоторое время предчувствовала, что случится что-то подобное.

— Она хочет объявить о себе?

— Шиммер ни к чему вся эта пустая болтовня с людьми, дорогая, — мягко проговорила Ваана. Она стояла рядом с королем. — Некоторым образом Шиммер слишком занята для таких дел, да и масштабы для нее маловаты. Но я знаю точно, что она хочет повидаться с тобой, Йок. Насколько я понимаю, она хочет покопаться у тебя в голове. Шиммер уже была здесь у нас и разговаривала с королем. Тогда она вела себя как паинька.

Йок почувствовала страх и злость. Значит, все это время Онар обманывал ее. Она сильно толкнула его локтем в бок.

— Значит, ты специально заманил меня сюда! И сама я тебе нисколько не была нужна. Ты притащил меня сюда в подарок своему драгоценному королю. А я, такая дурочка, согласилась послушно прийти.

— Это не совсем так, Йок, — заторопился Онар. — Ты мне очень нравишься.

— И мистера Олоу ты специально убил, ведь так? — слова

быстро срывались с губ Йок, и она видела, как изменяются лица мужчин. С каждым мгновением она понимала все больше и больше.

— Думаю, пора ужинать, — перебила ее Ваана. — Стол уже накрыт.

Король улыбнулся и проворно поднялся на ноги, вежливо предложив Йок следовать за ним в столовую, расположенную в соседнем пузыре. Йок двинулась следом за королем и сквозь тонкую ткань его брюк разглядела надетые на нем трусы. Ярко-красные купальные трусы с высоким вырезом «в попу».

— Очень приятно наконец-то познакомиться с тобой лично, — сказал Онар Ваане, явно пытаясь вернуть разговор в нормальное русло. — Как ты познакомилась с ЕКВ?

— Что ж, мое семейное гнездо раньше обитало возле Окленда, — ответила зеленая женщина-молди. — Я всегда была трудолюбивой девушкой и в конце концов нашла для себя хорошую работу в лаборатории вет-инженерии в Стэнфордском университете. Там я познакомилась с Бу-бу, он тогда защищал диплом по специальности ветсофт-инженера Вет-202. Я помогала ему в создании нового сорта кокоса для его курсового проекта. Меньше жиров и больше белков. Чудо для тонгийского стола.

— В особенности принимая во внимание, что тонгийцы почти не едят кокосы, а в основном кормят ими свиней, — бросил через плечо король. — Мякоть получилась мерзкого зеленого цвета. Сказать по правде, курс Вет-202 никогда не был моим любимым. Вот мы и пришли, это королевская столовая. Главным блюдом будет тонгийский лобстер с соусом из кокосового молока и гарниром из корней таро. Кокос — самый обыкновенный, будьте спокойны. Потом, думаю, мы можем попробовать местную дыню. Бокал шампанского, Йок?

— Хорошо. Почему бы и нет?

Трое людей уселись за обеденный стол, и Ваана незаметно удалилась. За столом им прислуживала тонгийка с добрым лицом по имени Кика. И Йок, и Онар были очень голодны, у самого короля тоже был завидный аппетит. На закуску была подана тонгийская дыня с выложенными на ней маленькими оранжевыми шариками — по словам короля, плоды особого тонгийского морского растения. Вторым блюдом было карри из свинины.

— Ну и как все это было? — внезапно спросил ее Онар. — Когда в один прекрасный день все молди в изоподе Вилли превратились в пришельцев?

— Это было здорово, — ответила Йок с полным ртом. От еды и шампанского она немного расслабилась. — С ними было интересно общаться, они все были такие умные. В особенности,

Шиммер. Она прилетела из галактики, где время имеет два измерения. Дополнительное измерение времени представляет собой что-то вроде поля вероятностей, если это вообще можно объяснить словами. Потому мои родители так и не смогли застрелить Шиммер. Несмотря на то, что в нашей части галактики время имеет одно измерение, Шиммер способна видеть другие призрачные варианты будущего, выбирать из них самый верный и по нему действовать. И она всегда оказывалась там, где нет пули.

Кика убрала суповые тарелки и подавала лобстера. Йок уже была довольна тем, что приехала на этот ужин.

— Настала пора и вам двоим ответить на мои вопросы. Тот пират на частотах Каппи Джейн — это ведь была Шиммер, верно?

— Верно, Йок, — кивнул Онар. — Ты очень умная. Да, король разрешил Шиммер обмениваться данными через каналы Каппи Джейн, деятельность Шиммер было трудно не заметить, потому что трафик она нагнала огромный. Каппи Джейн принимает для Шиммер особые сигналы из космоса, к которым та имеет интерес и с которыми последнее время много работает. Шиммер и король объяснили Каппи Джейн, что Шиммер — это ученый-человек, занятый исследованием высокоэнергетических космических излучений.

— «Тонгийская исследовательская программа внешнегалактических сигналов», — с улыбкой добавил король.

— Молди относятся к пришельцам с еще большей опаской, чем люди, — объяснил Онар. — И этому есть причина. Все дело в том, что структура носителя информации, иными словами, тела молди, весьма доступна для вторжения пришельцев. Если Каппи Джейн узнает, кто такая Шиммер, скорее всего, она откажется помогать нам, какую бы оплату мы ей не предложили.

— Но Ваана все знает о Шиммер, — заметила Йок. — И она ни словом не возражает.

— Да, — согласился король. — Но Ваана надеется разделить с нами награду, которую Шиммер предложит нам за помощь ей. Таким образом, Йок, всего в тайну посвящено пять людей и четверо молди. Ты, Онар, я, Оофа, Кеннит, Ваана, Таштегу, Даагу и Черепашка. Всего девять. Как только мы получим кое-что от Шиммер, я собираюсь посвятить в тайну еще несколько моих людей. На Тонга невозможно долго держать что-то в секрете. Потому нам нужно действовать быстро.

— Мистер Олоу ничего не знал, — печально проговорила Йок. — И вместо того, чтобы сказать ему правду, Онар убил его.

— Мистер Олоу был ненадежен, — ответил король. — Неустойчивое звено. Он узнал, что некто, находящийся

в Тонгийской впадине, использует заметную часть пропускной полосы Каппи Джейн. И он настаивал на том, чтобы обязательно довести этот факт до сведения «Мета Вест Линк». Слишком много шума он поднял, и мне пришлось принять меры, потому что это шло в разрез с моими планами. По счастью, Онар мой близкий друг, и прежде мы уже успели обсудить ситуацию, а я проследил за тем, чтобы «муравьед», которого Мета-Вест отправит решить проблему Олоу, был именно Онар. По-моему, это была отличная мысль — изолировать Олоу посредством разработанной им самим совершенно идиосинкразической системы визуализации.

— И что это такое было, этот сигнал в виде светлой лианы? — спросила Йок.

— Мамочки мои, — хохотнул Онар. — Я не успел даже распаковать сигнал лианы. Я и не знал, как это делается. Все, что я устроил для тебя и мистера Олоу в киберспейсе, все, что с вами произошло, был просто спектакль. Эта медуза была заранее подготовлена мной, я принес ее с собой и хранил в заархивированном гробу, как чертика в табакерке. Я скопировал медузу у какого-то клубника, который пользовался ей, чтобы защищать в киберспейсе пространство своего клуба. Никогда раньше я не испытывал эту медузу, даже не знал, как она действует, и я понятия не имел, понимаешь, о том, что она способна убить. Все, чего мне хотелось, — это хорошенько напугать Олоу и произвести впечатление на тебя, Йок. Да, я напрасно рисковал и был небрежен. Но прошу тебя, не думай, пожалуйста, что я какой-то наемный убийца, сжигающий людям мозги.

— Значит, это действительно ты убил Олоу?

— Да, это моя вина, — кивнул Онар. — Но эту жгучую медузу сделали фрики.

Внезапно он усмехнулся.

— Медуза должна была отвлечь внимание Олоу, заморочить ему голову. И она сделала свое дело, даже с избытком.

Онар шутливо хлопнул себя по щеке.

— А ну-ка, Онар, протрезвей. Нет, моей вины тут нет. Я не виноват. Откуда было мне знать, что у Олоу такое слабое сердце? Ему не нужно было поднимать шум по поводу этих дополнительных сигналов.

— Но что это за сигналы? — спросила Йок. — Откуда они берутся? Может мне кто-нибудь объяснить это?

— Шиммер пользуется услугами Каппи Джейн для того, чтобы загружать личностные волны, приходящие из ее родного мира. Она создает подобных себе пришельцев, — объяснил король. — Разве ты это еще не поняла? Шиммер отправила для

Каппи Джейн спецификацию специальных импульсов гамма-излучения, которые Каппи Джейн должна отфильтровывать, записывать и подвергать предварительной обработке. Все эти сигналы предположительно должны содержать в себе личностные волны пришельцев. На сегодняшний день Шиммер удалось раскодировать пять или шесть своих приятелей. Кстати говоря, Йок, именно этот вопрос она хочет обсудить с тобой, среди прочего. Еще шампанского?

— Непременно, — отозвался Онар, поднося королю оба бокала, свой и Йок. — Давайте же выпьем за благородную Шиммер! Оофа сможет погрузиться вместе с Йок на дно впадины, и завтра же вы встретитесь!

— Значит, вы предлагаете мне помочь пришельцам захватить Землю? — возмутилась Йок. — Вот такие у вас планы? Да вы оба просто мерзавцы последние. Черт вас побери. У вас самих хотя бы есть чувство самосохранения?

— То, что происходит, произойдет, как ни крути, детка, — ответил Онар. — Против Шиммер невозможно бороться. Если хочешь обвинить кого-нибудь, то обвиняй Гардла-7 или Вилли Тейза. Потому что именно они раскодировали Шиммер. Но теперь, когда она поселилась на Земле, хотя и ненадолго, как она сама уверяет, мы должны научиться жить вместе. Зато впереди нас ожидает новая ступень развития истории. Или мы перешагнем через барьер, или навсегда останемся валяться в грязи.

— Шиммер собирается преподнести нам отличный подарок, с пользой для всего человечества, — объяснил король. — Она обещала подарить нам управление реальностью. Реалинг.

— Что? — не поняла Йок.

— Это что-то вроде волшебства или супер-науки, которыми Шиммер давно овладела, — объяснил Онар. — Прямое управление материализацией предметов. Мы, на Земле, совершенно ничего об этом не знаем. Думаю, ты получишь этот дар завтра, когда нырнешь на дно впадины, где встретишься с Шиммер. Почему-то она доверяет тебе больше, чем другим. Ты готова принять в руки дар для всего человечества, Йок, не так ли?

С минуту Йок сидела, молчала и думала. Она любила вспоминать о том дне, когда познакомилась на Луне с пришельцами, любила рассказывать об этом происшествии; она была зла на своих родителей за то, что те убили пришельцев, и очень расстраивалась по этому поводу. Онар прав: теперь у них нет возможности остановить Шиммер. Йок знала, что даже если она попытается сделать это, у нее ничего не получится, и Шиммер будет продолжать свое дело дальше.

— Хорошо, — тихо проговорила Йок. — Но я согласна нырять только внутри Кобба. И прежде чем мы нырнем, я хочу рассказать ему обо всем: про пришельцев и прочее, чем вы тут занимаетесь.

Видя, что Онар и король готовы начать протестовать, Йок предупредительно подняла руку.

— Я думаю, что догадываюсь, почему вы не хотите, чтобы Кобб в этом участвовал. Он старик, он болтун. Вы боитесь, что он решит напасть на пришельцев или сделает что-нибудь против них. Вы боитесь, что все люди поступят так же, как Дарла — как Дарла, если бы она еще была жива.

Она вспомнила о своей умершей матери, и ее голос дрогнул. Йок порывисто вздохнула, и ее голос окреп.

— Но вспомните, кем был и кто есть Кобб Андерсон. Исследователь. Радикал. Полная противоположность крайне правому крылу этих молдиненавистников, «наследников». Если бы у Кобба был ограниченный взгляд на мир, как у многих людей, он ни за что бы не сумел создать бопперов, и это первое, о чем нужно помнить. И кто знает, быть может, опыт смерти научил его чему-то, похожему на мир, из которого к нам пришла Шиммер.

— Я мог бы сделать так, чтобы оба вы замолчали, — задумчиво проговорил король. — Благодаря ИД-вирусам вас как бы и нет здесь вовсе.

— Вы не посмеете, — твердо сказала Йок, добавляя уверенность в голосе, которой она на самом деле не чувствовала. — Шиммер никогда тебе это не простит. Неужели ты не понял, Бу-бу, что она уже все продумала, включая и последовательность твоих действий по отношению ко мне? Сейчас мы словно катимся вниз на досках по огромному пылевому склону. Если ты сейчас свернешь в сторону, то обязательно упадешь. Сейчас есть только один путь — это прямо и быстро, и только вперед.

— Хорошо сказано, Йок! — Онар поднял свой бокал. — Тост за леди Йок Старр-Майдол.

Король поднял свой бокал молчаливо.

— Я ожидал от тебя что-то в этом духе, — задумчиво сказал король. — Ты умеешь кусаться. Да, ты та, кто принесет нам реалинг. Это одна из причин, по которой я попросил Эланию загрузить в твое ИД вирус: когда новость об управлении реальностью распространится, все захотят узнать, кому это принадлежит.

Обратно Йок и Онар возвращались через лагуну, плыли в деревянной лодке, приводимой в движение молди-плавником по имени Топо. Топо прикрепился ко дну лодки и извивался в воде подобно длинному угрю.

Ночь была тихая и благоуханная, с моря дул ласковый сладкий ветер. Высоко в небе сияла полная луна. Онар показал в небе крупную точку света, которая была Каппи Джейн. Хвост Топо под водой оставлял длинный светящийся след, и когда Йок погрузила руку в теплую и мягкую, словно шелк, воду, вслед за пальцами потянулись бесчисленные крохотные зеленые искры.

— Как хорошо разделить эту ночь с тобой, Йок, — сказал Онар, крепко обнимая ее за талию. — Как мне нравится твоя улыбка.

— Врун, — улыбнулась Йок, прижимаясь к Онару. — Я просто винтик в твоей схеме.

— По сравнению с Шиммер, мы все винтики, причем крайне незначительные, просто планктон, — ответил Онар, оглядываясь на другой берег лагуны. — Все, на что мы способны, это создавать искры в волнах ее следа. Больше никогда не стану врать тебе, Йок. Знаешь, ты мне понравилась гораздо больше, чем я думал. Ты так свежа, так чиста, и характер у тебя замечательный.

После этого Онар поцеловал ее, в результате чего плавание на лодке прошло настолько романтично, насколько Йок себе это представляла: тропическая лагуна, шампанское в крови, ее руки обнимают симпатичного, бесшабашного мужчину, которому не стоит доверять. Когда они наконец добрались до гостиницы, в голову Йок не совсем неожиданно пришло решение, что эту ночь неплохо провести с Онаром.

Но вышло так, что любовником Онар оказался плохим, может быть самым плохим из партнеров Йок за всю ее жизнь. Онар не умел вести любовную игру, долго и шумно возился с противозачаточными средствами, и в результате его хватило только на шестьдесят секунд настоящего коитуса. В довершении всего Онар сказал что-то совершенно британское в момент оргазма, что-то в роде «Храни королеву», или «Полный вышак», или «Вот писк», в общем, что-то такое, что Йок совершенно не разобрала в ярости, которой был охвачен ее мозг.

Посреди ночи Йок приснился кошмар с участием Дарлы, которая отчаянно палила и палила из игловика в бесконечную череду медуз с застывшей доброжелательной улыбкой. Она проснулась вся в поту в скомканной постели Онара и совершенно разбитая. Торопливо бежав из объятий Онара, Йок умылась в неопрятной гостиничной душевой и отправилась в свою комнату, где, наконец, спокойно заснула.

21 февраля

Утром Йок проснулась от крика петуха, который голосил прямо под окнами. Первое, о ком она подумала, была Дарла. И отец Фила. Обоих их съело что-то, пришедшее из высшего измерения. Неожиданно Йок вспомнила, что сказала ей киберспейсовая медуза, прежде чем набросилась на нее.

«Ты любишь Онара», вот что сказала медуза. «Делай то, что скажет тебе Онар». Онар управлял медузой. Смерть мистера Олоу не была несчастным случаем. Онар был убийцей. Как теперь она может позволить Онару отвести ее на встречу с Шиммер? И есть ли связь между Шиммер и тем существом из четвертого измерения, что проглотило Дарлу и Курта? Могли они быть связаны между собой?

Да, все это было очень странно. И пугающе. Йок отогнала от себя дурные мысли. Добродушный и вежливый король, обитатель своего дворца из мыльных пузырей. Романтическое плавание через лагуну. Неприятное эгоистичное поведение Онара во время их непродолжительного пребывания в одной постели. Почему она не пригласила с собой Фила Готтнера? Эта Кевви не заслуживает такого мальчика, как Фил. До сих пор он был самый симпатичный паренек из всех, что она видела на Земле. Фил мог быть просто само совершенство, если бы он научился еще держать свою жизнь в руках.

Прежде чем выбраться из кровати, она надела на шею ювви, при этом слабо поморщившись. Шея все еще болела от укуса медузы, от того, что произошло с ней в министерстве иностранных дел. Она позвонила Коббу. Сигнал, поступивший от Кобба, был слабым и очень неразборчивым, поэтому Йок позвонила еще раз, добавив мощный мысленный посыл. Кто-то постучал ей в окно, и за стеклом появилось лицо Кобба.

— Что такое? Я лежал на крыше.

— Тихо! Заходи сюда.

Кобб проскользнул в окошко и уселся в ногах кровати Йок. Его тело отнюдь не было таким розовым и блестящим, как раньше. Теперь он выглядел странно серым, словно разлагающимся и распадающимся на части. Даже запах был словно от дохлятины.

— Я здорово закинулся, — доложил Кобб, в голосе которого звучало полное довольство жизнью. — В «Баре счастья» я познакомился с парочкой молди, которые угостили меня штуковиной, называющейся «бетти». Стоит только натереть бетти плечо или руку, и — ба-бах-Нэлли. Я первый раз пользовался своим телом напрямую для того, чтобы словить кайф. «Хорошая, хорошая бетти», — так говорили мои друзья. Их зовут Таштегу и Даагу. Они оба работают в клубе подводного плавания

«Морской Кук». Таштегу — молди-трансвестит. Не знаю, может быть я даже занимался с ним сексом. Нет, я трахнулся с каким-то другим молди. С зеленым. Ее зовут как-то на «В». Она все терла и терла меня бетти. Мы идем сегодня нырять?

— Ты как себя чувствуешь, Кобб? Выглядишь ты отвратительно.

Обычно четкие черты Кобба дрожали и расплывались, по его коже пробегали в разных направлениях маленькие волны. Розовая кожа была расчерчена противными серыми полосами.

— Мне нужно в душ, это поможет, — пробормотал Кобб. — Я могу открыть поры тела, и тогда вода вымоет все токсины. Но — не сию минуту.

Он пошатнулся и прислонился к стене.

— Я слишком долго был трезвый. Так здорово быть под кайфом.

Кобб поднял руку и поводил ею перед глазами, присматриваясь к двоящемуся следу.

— Знаешь, я не уверена, что нам вообще стоит идти нырять, — задумчиво проговорила Йок. — Есть кое-что, о чем ты не знаешь, кое-что довольно важное, так что это будет не просто ныряние. Прекрати рассматривать свои руки и послушай, наконец, меня! Самое важное — это то, что пришелец по имени Шиммер поселился здесь недалеко, в месте, называющемся Тонгийская впадина. Король Тонга сказал мне, что Шиммер хочет, чтобы я спустилась на дно впадины, чтобы там увидеться с ней. Эта Шиммер при помощи спутниковой антенны «Мета Вест Линк», молди по имени Каппи Джейн, раскодировала еще несколько личностных волн пришельцев. Вчера Онар убил тонгийца по имени Олоу, который хотел помешать Шиммер пользоваться Каппи Джейн. По какой-то причине король и Онар не хотят, чтобы ты, Кобб, участвовал в этом деле. Кстати говоря, король, по сути, сырный шарик; его подружку-молди зовут Ваана.

Кобб прекратил водить перед лицом пальцами и прямо взглянул на Йок.

— Говоришь, ее зовут Ваана?

— По-моему, тебе пора принять душ, Кобб. Хочешь, я помогу тебе?

— Помощь, — проговорил Кобб и внезапно соскользнул с постели на пол. Он был не просто под кайфом, он был отравлен.

Прямо по полу Йок отволокла тяжелого и невыносимо вонючего молди в общую гостиничную душевую. Постоялица гостиницы, немка, вышла из душа им навстречу. Она с неприязнью взглянула на Йок и переступила через недвижимого Кобба. Немка не стала утруждать себя вопросами. Ведь гостиница

была очень дешевая.

С усилием Йок затолкала тело Кобба в бетонную ячейку душа и повернула рукоятки до упора, но полученный в результате поток воды не произвел на нее особого впечатления. Ей показалось, что вода не успевает пропитывать тело Кобба, и тогда Йок вошла под душ сама и принялась месить Кобба ногами. Душ не был теплым, но и холодным его тоже назвать было нельзя. По инерции Йок подобрала обмылок и принялась намыливаться сама, не переставая топтать ногами податливое мягкое тело молди. Намыливаясь, а потом смывая с себя мыло, она вспоминала ночное занятие любовью с Онаром — и от этих мыслей стала тереть себя еще сильнее. Три раза «бррр» при воспоминаниях об Онаре. Три раза «брр» и из памяти долой. Внизу под ее ногами что-то пошевелилось. Йок вспомнила о Коббе. Благодаря ее непрерывным стараниям, вода отлично набралась в его тело, и теперь излишки вытекали из пор. То, что вытекало из Кобба, было темным то ли от пыли, то ли от пыльцы. Глаза Кобба были широко открыты и стеклянным взглядом рассматривали голое тело Йок. Быстрым движением ноги она отвернула лицо Кобба в сторону и продолжила мять его ногами.

Дверь душевой распахнулась, и на пороге появился Онар, совершенно голый и с утренней эрекцией.

— Приветик, Йок, — сказал он. — Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? Сегодня утром мне не хватало тебя в постели.

— Здесь слишком тесно, — ответила Йок. — Кто-то отравил Кобба.

— Какая вонь! — воскликнул Онар, заглядывая на то, что творилось внизу под ногами у Йок. — Только не говори мне, что пытаешься спасти Коббу жизнь. Никогда тебе не поверю.

— Какая мне на хрен разница, поверишь ты мне или нет? — резко бросила Йок. — Неужели ты решил, что я оставлю его умирать? Хотя мне наплевать, что ты скажешь. И прекрати глазеть на меня.

— Зря тратишь время, — сказал Онар. — Я уже видел такое и раньше. Это передозняк от бетти. Весь грибок Кобба разом выпустил из себя споры, и теперь они отравляют Кобба. Можешь распрощаться с этим старым вонючкой. Ничего, найдем тебе другого молди для купания. Оофа ждет нас на причале ровно в девять.

— Не сомневаюсь, — огрызнулась Йок. — Ей только одно от меня и нужно: загнать под монастырь. Я очень жалею, что переспала с тобой, Онар, чудо-на-одну-минутку.

— Что ж, тогда пока, — ответил Онар и вышел из душа.

Темная вода все текла и текла из Кобба, а тело его испускало споры и пыльцу. Некоторое количество пыльцы поднималось в воздух и достигало ноздрей Йок. Она закрыла нос и рот мокрым полотенцем, чтобы не прибалдеть. И продолжала яростно месить Кобба.

В конце концов плоть молди снова порозовела. Очертания тела стали похожими на человеческие. Кобб застонал и поднялся на ноги.

— Дьявол. Вот беда.

— Как ты, получше? — спросила Йок.

От Кобба пахло просто ужасно, но она все равно обняла его. Его тело было теплое и мягкое.

— Теперь мне нужно добраться до океана, и тогда я полностью промоюсь, — проговорил Кобб, крепко обнимая Йок. — Наверно, ты спасла мне жизнь. Эта зеленая женщина-молди, эта Ваана, она втерла в меня слишком много бетти. Безумие какое-то. Словно вчерашнего дня и не было вовсе.

Йок вышла из-под душа и принялась вытирать себя полотенцем.

— Она хотела убить тебя, Кобб. Ваана — подружка короля. Покинув дворец, она прямиком полетела в «Бар счастья».

Кобб продолжал стоять под душем, сгибая и разгибая руки, выжимая из тела все больше и больше темной воды, мутной от спор.

— Значит, король хотел меня убить? — проговорил Кобб. — Он не сказал, почему?

— Вчера ночью я поняла его так, что он опасается, что ты можешь проболтаться. Теперь я думаю, что он не хочет, чтобы ты защищал меня и помог мне нырнуть к Шиммер на дно впадины.

— Шиммер, — повторил Кобб.

Он наконец вышел из-под душа, имея еще не очень устойчивый вид.

— Йок, дорогая, тебе придется повторить мне то, что ты утром рассказывала мне в своей комнате. Твои слова налетели тогда на меня словно стая колибри. Шиммер — ведь это одна из пришельцев, верно? А когда ты говоришь «пришельцы», ты имеешь в виду самых настоящих инопланетян?

— Господи! Шиммер — это одна из пришельцев, которых Вилли Тейз и Гардл-7 раскодировали из личностных волн и которые захватили в доме Вилли тела молди. Мои родители убили всех пришельцев, кроме Шиммер. Шиммер сбежала. Теперь она поселилась в Тонгийской впадине. Король сказал, что Шиммер притащила туда целую кучу своих родственников, и теперь они живут там все вместе. И по какой-то причине она

хочет встретиться со мной.

— Настоящие пришельцы! — воскликнул Кобб. — Наконец-то! Я очень хочу встретиться с этой Шиммер!

— У тебя не то состояние.

— У меня то состояние, черт возьми! Купи мне квантовых капсул, чтобы подзарядить энергию и восстановить силы, и я снова буду как новый.

Кобб вытянулся вверх, и рост его стал устрашающим, потом резко сократился обратно, словно резиновая лента.

— Здорово, мать твою, все-таки быть живым.

— Я боюсь одного: что эта Шиммер *заберет* тебя, Кобб. Проснувшись сегодня с утра, я начала вспоминать о том чудовище из четвертого измерения, которое забрало Курта Готтнера и мою мать. Так вот, я подумала, что если все на самом деле так и было, то эти чудовища могут происходить только от пришельцев. Ведь Шиммер прилетела из пространства, где время течет в двух измерениях.

— Если Шиммер сумела убить Курта Готтнера в Калифорнии и Дарлу на Луне, то она может убить нас прямо на этом самом месте, если этого захочет, — сказал Кобб. — Поэтому почему бы нам не встретиться с ней лицом к лицу? Как она выглядит?

— Она живет в теле молди. У нее могучий разум, поэтому ее тело отлично сформировано. Впечатление такое, словно она осознает каждый квадратный миллиметр поверхности своего тела. Она нечеловечески красива, Кобб. Словно сияющая мраморная скульптура.

— Вау, — вздохнул Кобб, распрямляя плечи и принимая благородную осанку, словно пытаясь принять облик полубога. — Я достаточно хорошо выгляжу, чтобы встретиться с ней?

— Ты прекрасно выглядишь, — ответила Йок, которая видела перед собой коренастого и веснушчатого седого старика, втянувшего живот. — Давай вернемся в мой номер. Держись рядом со мной, а то с тобой еще что-нибудь приключится.

Йок надела новый красный купальник-бикини, который прикупила в Санта-Крузе, и длинную майку цвета шартрез. Потом вместе с Коббом они отправились в общую столовую гостиницы. Мебель в комнате была старая, но вид оживляли горшки с плавающими в них цветками гибискуса. Миссис Йошида и ее повариха Валу накрывали на стол завтрак: кофе, папайя и тосты. Миссис Йошида — поджарая здравомыслящая леди с темными волосами, собранными в узел; толстуха Валу была спокойной и улыбчивой. Онар уже сидел за столом в белой майке со спутниковыми снимками района Южной Океании, преимущественно синего, зеленого и серого цвета.

— Как самочувствие, Кобб? — спросил Онар. — Получше?

— Ваана передознула меня, — объяснил Кобб. — Не знаешь, где Йок может купить мне квантовых капсул?

Онар покачал головой, потом ответил:

— Боюсь, что здесь…

Но миссис Йошида перебила его:

— Йок, я могу продать тебе немного капсул. Мой муж, упокой Господь его душу, сделал большой запас когда-то для мотора своей лодки, с тех пор капсулы так и стоят на полке в магнитной бутыли. Ты заплатишь наличными?

— Мне придется сделать денежный перевод, — ответила Йок, вешая на шею ювви. — Сколько это стоит?

— Погоди-ка, — ответила миссис Йошида и скрылась на кухне, откуда вскоре вернулась с блестящей серебристой бутылью в руках. Встряхнув бутыль, она подняла ее на свет. — Судя по счетчику, еще осталось пол-теравата. Хотите взять все?

— Да, — кивнул Кобб. — Если для Йок это слишком дорого, мой внук Вилли заплатит вам сполна.

— Здорово. Может, он оплатит все наши счета? — улыбнулась Йок. — Ладно, давайте расплатимся. Отец положил на мой сетевой счет деньги для этой поездки. Уайти был бы не против поправить твое здоровье, Кобб.

Она быстро взглянула на Онара, который порывался сказать что-то против.

— Ты еще не встречался с моим папкой, Онар? Лучше бы тебе с ним никогда не видеться.

— Уайти — крутой мужик, — согласно кивнул Кобб. — С ним шутки плохи. Кстати, Онар, как ты думаешь, почему Ваана хотела отравить меня?

— Я уверен, что она ни о чем таком не думала, — торопливо ответил Онар. — Просто она любит повеселиться, словить кайф, ну и все такое. Даже после того, как она стала жить с королем, характер ее не изменился.

— Срам какой, вот что я думаю, — подала вдруг голос Валу, принесшая свежий кофе и теперь подкладывающая тостов на тарелку. — Королю нужно было завести себе принцессу. Нам не нравится, что наш Ту-и Тонга заделался сырным шариком.

Валу вопросительно взглянула на Йок, и вопрос ее не оставлял сомнений:

— А ты как относишься к молди?

— Нет, господи, конечно я не живу с молди, — засмеялась Йок. — Только мужики такие кобели, чтобы тыкать в пластик.

Женщины рассмеялись.

Йок повесила на шею ювви и перевела деньги за квантовые

капсулы. Миссис Йошида передала Коббу магнитную бутылку. Кобб вырастил на груди вместительный лоток и высыпал на него все содержимое магнитной бутылки. Капсулы, сверкающие, словно радужная пыль, мгновенно впитались в плоть Кобба.

— Ха! — воскликнул Кобб, разминая тело, словно культурист. Его бицепсы выросли до невероятных размеров, как окорока; на мощных ногах выступили сухожилия, словно корневища дерева. — Хо-хо, ха-ха! Может, мне стоит помучить нашего любовничка, пока он не выдаст нам все секреты?

Кобб шагнул в сторону Онара, застывшего с тостом возле рта.

— Давайте успокоимся, хорошо? — взволнованно спросил Онар. — Я думаю, Йок будет лучше погрузить на дно впадины внутри местного молди, профессионального ныряльщика. Принимая во внимание настроение Кобба. Иначе за последствия я не ручаюсь. От тебя воняет, Кобб.

Йок дождалась, когда миссис Йошида и Валу отойдут в сторонку, и яростно прошептала Онару:

— Хочешь, чтобы Даагу и Таштегу преподнесли меня Шиммер, словно человеческую жертву? Как жареного молочного поросенка с яблоком во рту?

— Я просто не хочу неприятностей, — прошипел в ответ Онар. — А от Кобба всегда одни неприятности, он их притягивает. У него так всю жизнь. Все, что мы хотим, — это чтобы сегодняшняя встреча прошла гладко и чтобы Шиммер отдала тебе реалинг.

— Что это за хреновина? — поинтересовался Кобб, даже не думая понижать голос.

— Не могу объяснить, потому что не знаю, — ответил Онар, наклонившись над своей чашкой. — Давай, доедай завтрак побыстрее, Йок. Кобб, почему бы тебе не подождать на крыльце, а то я не могу допить кофе. Меня вот-вот вырвет.

После они все уселись в катер клуба подводного плавания «Морской Кук»: Оофа, Онар, Йок, Даагу, Таштегу и Кобб. Даагу и Таштегу, похожие на злобных гарпунеров со старых парусников-китобойцев, имели вид совершенных людоедов: их имиполексовые тела были сплошь покрыты сложными татуировками. Даагу был широкоплеч, черен как уголь, дик обликом, волосы имел растрепанные и курчавые, в ушах висело несколько будто бы золотых серег, само собой имитация из имиполекса. Татуировки Даагу были выполнены в виде выпуклых белых линий, словно тонкие шрамы. Тело Таштегу было бронзовым, волосы — длинные и светлые; его татуировки исполнены на основе разноцветных спиралей. У того и другого были узкие бедра и мускулистые тела. Таштегу был выше, Даагу

едва доходил ему до плеча. На Даагу были обычные голубые плавки, тогда как Таштегу щеголял в женском красном бикини, в чашки лифчика которого, и это было видно, засунуты носки. Губы подкрашены оранжевой помадой, а глаза подведены сиреневыми тенями — конечно, просто оттенки имиполекса. Мошна плавок бикини впечатляюще выпирала, словно внутри скрывался приличных размеров пенис.

Наконец все расселись. Йок очутилась рядом с Таштегу на носу лодки. Позади них сидели Кобб и Онар, а на корме — Оофа и Даагу. Выбравшись из бухты Нуку-Алофа, катер повернул к южной стороне острова, потом набрал скорость и, поднявшись на подводных крыльях, взял курс на юго-запад, в открытый океан. Они замедлили ход только один раз, когда заметили пару словно бы плюющихся спермой китов. Йок хотела нырнуть и рассмотреть китов получше, но Онар приказал Оофе править дальше.

К одиннадцати часам солнце сияло и пекло вовсю. Водометный мотор катера работал на удивление тихо, едва был слышен его шепот; единственным звуком было шипение подводных крыльев, разрезающих воду. Непонятно зачем, Таштегу всю дорогу укладывал свои спутанные светлые волосы — по сути, просто пряди имиполекса, — а один раз хлопнул сильной рукой Йок по плечу. Довольно сильно хлопнул.

— Зачем ты прикидываешься трансвеститом? — раздраженно спросила Йок. Она уже начала уставать и чувствовать голод: может быть, на нервной почве, а может быть, завтрак был слишком легким. — Для молди это бессмысленно. Молди выбирает для себя пол сразу после рождения. Ты решил быть молди-мужчиной, прекрасно. Но теперь ты одеваешься как женщина. Зачем тебе вести себя как мужчина, который хочет быть женщиной? Это глупо.

— У трансвеститов счастье и веселье наполняются еще большим счастьем и весельем, — ответил Таштегу, бросая взгляд на свои фальшивые груди. Сохраняя часть своего имиджа, он и Даагу говорили на варварском английском — «пиджин». — Таштегу бум-бум девочек-мальчиков.

Закинув назад голову, он хрипло рассмеялся. Зубы у него были спиленные и очень острые.

— Ты не хочешь понырять сегодня во мне, Йок? Я готов хорошо открыться для тебя.

Таштегу игриво приоткрыл свое тело вдоль невидимого шва, проходящего у него от лба до промежности. Как моллюск, приоткрывающий свою раковину, чтобы пустить внутрь воду.

Вид дикарской рожи Таштегу, вдруг разделившейся на две половины, испугал и без того встревоженную Йок. Она тряхнула

головой и принялась смотреть в сторону.

— Я буду нырять в Коббе, и покончим на этом.

— Я с удовольствием нырну в тебе, Таштегу, — подал голос Онар, который внимательно прислушивался к их разговору. — Я тоже хочу плыть с вами. Не нужен крем от солнца, Йок?

— Нет, спасибо.

До сих пор Йок было странно находиться под солнцем почти совершенно голой. По совету бледного как поганка Онара, она несколько раз намазывала тело защитным лосьоном.

— Долго нам еще идти? — спросила она. — Вокруг нет ничего, только открытый океан. Мы идем довольно быстро и сделали уже миль семьдесят, наверно.

— Оофа? — спросил Онар.

Но Оофа спала, притулившись возле Даагу, тело которого нагрелось от солнца. Онару пришлось дернуть Оофу за голую ногу, чтобы разбудить.

— Нет проблем, скоро доберемся до места, лодка сама знает, сколько и куда идти, — пробормотала Оофа, протирая глаза и оглядываясь сторонам. — Когда вон там увидите Ата, это значит, мы добрались до места ныряния. Ищите плавучую антенну типа цветка лилии.

Оофа махнула рукой в сторону правого борта и снова привалилась к теплому черному боку Даагу.

— Ата — это самый южный остров Тонга, — объяснил Онар. — Самое глубокое место Тонгийской впадины находится неподалеку от него. Называется Провал Витязь. До дна больше шести миль. Там-то и сидит Шиммер.

Йок почувствовала пустоту в груди.

— Нам придется погрузиться на шесть миль? Для этого понадобится подводная лодка или батискаф, а не молди-скафандр.

— Я готов быть твердым, насколько нужно, — подлизывался Таштегу. На корме хищно хохотнул Даагу.

— Это возможно, — подтвердил Кобб. — Молди способны изменять структуру своего имиполекса так, что материал становится тверже алмаза. Лунные молди научили меня, как это делать.

— Почему бы этой Шиммер просто не подняться на поверхность, если она так хочет поговорить с нами? — дрожащим голосом спросила Йок.

— Она очень стеснительна, — объяснил Онар. — Кроме того, мы будем находиться неподалеку от Ата. Кстати, вот и Ата. А вон и антенна Шиммер. Сбавляй ход, Оофа!

Катер сбавил ход и вскоре качался на волнах неподалеку от

толстого диска из серебристого имиполекса. Верхняя часть диска была изогнута наподобие параболической антенны и напоминала чем-то экзотический цветок.

— Ахоу, Черепашка! — крикнул Таштегу, махнув нечеловечески гибкой рукой.

— Привет, — глухо отозвалось из середины плавучей антенны. — Шиммер ожидает вас.

— Эта штуковина — молди? — спросила Йок.

— Конечно, — ответил Онар. — Ее зовут Черепашка. Вроде бы король о ней вчера говорил. Это четвертая молди, которая в курсе дела. Черепашка работает на Шиммер как ретранслятор сигналов. Видишь ли, радиоволны не слишком-то хорошо проходят сквозь воду. Черепашка использует сигнал на основе сине-зеленого лазера для связи с обиталищем Шиммер. Шиммер нужна очень надежная связь, потому что она принимает через Каппи Джейн каждый день огромный поток информации.

Пока Онар говорил, Оофа открыла холодильник и вытащила оттуда связку бананов и бутылку воды и пустила все это по кругу.

— Я слышу Шиммер, — внезапно сообщил Кобб. — Она говорит с нами. Только как-то странно. Но очень красиво. Привет, Шиммер. Надень ювви, Йок.

Таштегу и Даагу кивали, явно получая удовольствие от сигнала Шиммер.

— А что, если она ударит меня, как Онар вчера? — спросила Йок.

— Шиммер, дорогая, поаккуратней с нами, — сказал Кобб. — Человек, о встрече с которым ты просила, скоро будет на связи с тобой. Да, вот так в самый раз. Теперь слушай, Йок.

Йок надела ювви на шею, еще саднящую после вчерашнего ожога, и сразу же услышала голос Шиммер — звук, напоминающий флейту, пение звезд, мягкое эхо гонга.

— Привет, Йок. Ты была так добра ко мне на Луне. Я благодарна, что ты пришла повидаться со мной. Давай обсудим, как ты будешь спускаться ко мне.

Шиммер послала им изображение нескольких фигурок ныряльщиков, плывущих на фоне темного подводного пространства вдоль сине-зеленого лазерного луча Черепашки. В образах Шиммер Кобб имел вид сферы, внутри которой Йок свернулась наподобие зародыша головастика в лягушачьей икре. Картинка была четкой, очень красивой и удивительно многомерной. Они словно бы видели одновременно два, три, двадцать образов. В некоторых картинках присутствовали Онар и Оофа, они плыли рядом с Коббом и Йок в Таштегу и Даагу, в одной из картинок Таштегу пробил дыру в боку Кобба, отчего

сфера Кобба сжалась, и Йок внутри превратилась в кровавое месиво.

— Йок пусть плывет ко мне одна, — сказала Шиммер.

— Король приказал мне и Оофе плыть вместе с Йок, — запротестовал Онар, голос которого в ювви напоминал резкое чириканье настойчивого сверчка.

Теперь среди картинок Шиммер появились образы Онара и Оофы, плывущих вслед за Йок и Коббом. Сине-зеленый лазер Черепашки загорелся сильнее, чуть дрогнул и прожег дыры в Таштегу и Даагу.

— Вы останетесь в катере, — приказала Шиммер.

Онар покорно передал остальным, что они останутся на борту и не смогут погрузиться вниз.

— По мне, так даже и лучше, — отозвалась Оофа, усаживаясь обратно в свое кресло.

— ЕКВ все равно заплатит нам имиполексом, — сказал Даагу.

— Вот пидоры, — пробормотал Онар.

— Йок, ты готова? — спросил Кобб.

Йок взглянула по сторонам: на бескрайнее плещущееся море, на бледного от злости Онара, на гибкого Даагу и здоровяка Таштегу, на спокойную Оофу и розового Кобба. Солнце и вода были прекрасны. Так странно будет умирать именно здесь.

— Не волнуйся, Йок, — успокоила ее Шиммер, словно услышав мысли Йок. — Ты ни в коем случае не умрешь. Напротив, я помогу тебе обрести истинное счастье.

Голос Шиммер был такой мудрый и убедительный, что Йок поверила ей.

— Хорошо, — сказал Кобб. — Тогда садись мне на закорки.

Молди растянулся на палубе, раскрывшись словно кувшинка и образовав небольшое возвышение в центре наподобие табурета. Йок приладила в ноздри палладиевые фильтры и присела на имиполексовый пуфик. Плоть Кобба герметично закрылась вокруг нее, образовав полупрозрачную сферу. Таштегу и Даагу ухнули, раздался резкий стук, потом плеск. Тело Кобба не позволяло воде проникать внутрь и поставляло Йок кислород для дыхания.

— Кобб, я ничего не вижу, — пожаловалась Йок. — Сделайся прозрачным.

— Когда мое тело находится в режиме повышенной твердости, это невозможно, — объяснил Кобб. — Но ты можешь воспользоваться ювви и видеть все, что вижу я. Только сфокусируйся.

Они висели под водой вблизи поверхности. Йок сфокусировала все свое внимание на ювви-сигнале и увидела, как чудесно выглядит поверхность океана из-под воды, вся покрытая

сверкающими зайчиками света, — движущееся под солнцем живое зеркало. Кобб синхронизировал движения своего поля зрения с движениями головы и глаз Йок; создавалась полная иллюзия того, что это она сама оглядывается по сторонам.

Йок увидела дно катера «Морского Кука», а также головы Таштегу и Даагу, которые свесились через борт и наблюдали за ней. Плавучая антенна Черепашка покачивалась на волнах в отдалении темным диском на серебристой поверхности океана. Яркий тонкий луч лазера тянулся от днища Черепашки и уходил в глубину. На днище Черепашки имелось несколько непрестанно гребущих лап наподобие утиных, при помощи которых она постоянно удерживала себя на одном месте, очевидно прямо над обиталищем Шиммер. Несколько рыб приличного размера висели в воде в тени Черепашки, ощипывая то малое количество водорослей, что успело нарасти на ее днище. Взглянув вниз, Йок попыталась разглядеть, куда исчезал тонкий лазерный луч, но не увидела ничего, кроме неясной океанской глубины. Шесть миль! Ее желудок сжался в кулак.

Над их головами что-то сильно плеснуло. Таштегу и Даагу переваливали через борт здоровенную пирамидальную чугунную чушку с кольцом на одной из сторон. Кобб вытянул из своей сферы руку, чтобы ухватиться за груз, необходимый для погружения, молди на катере отпустили чугунину, и так же молниеносно, словно бы при падении с обрыва, Кобб и Йок устремились вниз, в неведомые глубины, поначалу медленно, но потом все быстрее и быстрее, наращивая скорость до тех пор, пока их продвижение вниз не уравновесилось сопротивлением воды.

Продвижение сквозь воду сопровождалось низким гудящим звуком. Тело Кобба словно сделалось еще плотнее и сжалось. Тем не менее давление внутри его сферы оставалось нормальным для Йок; Йок даже не приходилось продувать уши, как она делала во время подводных прогулок внутри молди-скафандров в Санта-Крузе.

Очень скоро внутри батискафа, в который превратил себя Кобб, стало черно как в чернильнице.

— Можно зажечь хоть какой-нибудь свет? — спросила его Йок.

Когда она говорила, ее зубы стучали.

— И мне холодно. Сделай так, чтобы немного согреться, а то я скоро окоченею.

— Вот подогрев, — ответил Кобб, и в то же мгновение его плоть налилась приятным теплом. — Но от дополнительного освещения я бы воздержался. Не хочу привлекать лишнего

внимания, ведь мы не знаем, кто может обитать в глубине. Предлагаю пользоваться ювви и моими сенсорами. Я переключу свое восприятие в область инфракрасного, теплового, излучения.

Глядя на окружающий мир сквозь ювви Кобба, Йок видела тонкую отвесную линию лазерного луча, по-прежнему уходящую вниз в неведомое. Она снова попыталась разглядеть что-нибудь в глубине. Утекало время, возможно прошло не меньше часа. Время от времени мимо них проплывали небольшие медузы и очень редко рыба морской черт или большеротый угорь.

— Мы на глубине пять миль, — сообщил ей Кобб. — Я отлично держу давление.

Мысль об огромном давлении воды над головой морально угнетала Йок. Невразумительные пятна морской жизни проносились мимо них со всех сторон наподобие снежинок в видди-снегопаде. Неожиданно Йок начала различать далеко внизу бледный смутный свет. Но прежде чем она успела спросить об этом Кобба, случилось непредвиденное.

— Кальмар! — воскликнул Кобб, и действительно, в то же мгновение со всех сторон появились кальмары. Большие кальмары, маленькие кальмары и кальмары просто огромные. Самый большой кальмар был, наверное, две сотни футов в длину. Тела кальмаров были похожи на толстые стрелы, в конической передней части быстро извивались пары плавников. Внезапно плавники крупного моллюска мощным гребком направили его в сторону батискафа Кобба. Огромные внимательные глаза глядели на них пугающе разумно. Кобб с любопытством рассматривал кальмара. Восемь из десяти щупалец головоногого были собраны в аккуратный пучок, но два самых длинных протянулись к ним наподобие голодных рук. Кобб и Йок пронеслись мимо живой подводной громадины, но кальмар устремился вслед за ними, быстро размахивая плавниками, словно парой флагов. И вот одна из длинных рук уже дружески ощупала их сферу. Тело Кобба содрогнулось.

— Только не это, — прошептал Кобб. — Йок, держись.

Еще через мгновение кальмар уже сжимал их в своих объятиях. Сложенные в пучок щупальца раскрылись, обнажив огромный жадный клюв. Йок услышала, как скрежещет клюв по наружной поверхности тела Кобба.

— Ох, Йок, похоже, я не смогу избавиться от него без… — начал Кобб, но в тот же миг кальмар отпустил их и поспешно унесся в сторону, придав ускорение своему телу струей воды, выпущенной из мощного сопла, расположенного возле клюва. Еще через мгновение Йок поняла причину его бегства. Мимо них пронеслась тень кашалота, устремляемая вперед мерными

частыми взмахами огромного хвоста. Но скорость кальмара не шла ни в какое сравнение со скоростью кашалота. Левиафан отверз свою длинную узкую нижнюю челюсть, унизанную огромными зубами, и схватил кальмара поперек туловища. Длиннющие щупальца заметались во все стороны, пытаясь найти опору и возможность спасения, но везде натыкались только на мощную тушу кита.

Кобб и Йок продолжили свое погружение. Йок не отрываясь смотрела вверх, на поединок кашалота и кальмара, в результате которого, невероятно, но кашалот проглотил кальмара целиком, оставив только несколько трепещущих щупалец, которые высовывались у едока изо рта, подобно концам макарон.

— Мы на месте! — крикнул Кобб. Взглянув вниз, Йок заметила стену белого света, устремляющуюся снизу навстречу им. Они врезались во что-то, и раздался стук, потом вокруг яростно забурлили и зарокотали пузыри воздуха, после чего они свалились с высоты сотни футов, на — что бы вы думали? — покрытую травой лужайку!

Тело Кобба раскрылось подобно бутону, распускающему лепестки. Йок выпрыгнула наружу и увидела, что они находятся внутри воздушного купола, покрытого сложенной из многогранников крышей: такой же дом-полусфера, к каким она привыкла на Луне, в несколько сотен ярдов в поперечнике, за стенами купола темнеет океанская вода. Они провалились сюда прямо сквозь крышу, однако дыра, которую они несомненно должны были пробить, мгновенно затянулась вслед за ними сама собой.

Кобб собрал свое тело в обычную человеческую форму пожилого мужчины и встал рядом с Йок. Земля под их ногами совершенно не напоминала донный ил и водоросли, а была покрыта сочной зеленой травой с яркими, тут и там, полевыми цветами. Воздух был свеж и сух, единственным четким запахом был характерный дух молди. Свет, казалось, изливался со всех сторон. И Шиммер, в сопровождении пятерых своих собратьев, уже шла к ним навстречу прямо по траве.

У пришельцев были разноцветные имиполексовые тела, как у молди, но оттенков ярких и радужных, словно светящихся изнутри, при этом тела их были сложены с высшим совершенством. Двое их них имели человеческий вид, остальные четверо были оформлены как животные, со всеми чертами архетипичной парадигмы Платонова идеала, воплощение совершенства. Шиммер имела облик Венеры, ее спутник — бронзового Аполлона. Четверо животных были: единорог со светло-желтой гривой, похожий на драгоценный камень жук,

черный как грязь поросенок и светло-зеленый питон — каждый из них имел правильные размеры животного, выбранного в качестве образца.

— Приветствую тебя, Йок, — поздоровалась Шиммер, протянув для пожатия руку. Голос ее был сладостен и звучен. — Я хотела видеть тебя, и в особенности потому, что ты одна из самых разумных и благожелательных людей, что я встречала до сих пор. Поэтому я хочу, чтобы ты первой испытала то, что впоследствии мы хотим передать всем людям.

Йок приняла руку Шиммер и пожала ее. Остальные пришельцы окружили их.

— Пта, — представился мужчина, пожимая руку Коббу. Голос мужчины звучал как приятный баритон. Остальные четверо пришельцев, имеющие вид животных, по очереди поздоровались и представились: единорог Пег, переливчатый жук Джозеф, поросенок Вубвуб и змея Сисс.

— Откуда вы прибыли, Пта? — спросил Кобб.

— Мы все из одного и того же места, — ответил Пта. — Все шестеро. Это совершенно отличное от вашего пространство космоса. Сюда мы прибыли в виде закодированного сигнала космического излучения. В виде так называемых личностных волн. Эти волны очень похожи на гамма-излучение, но включают в себя также и компоненту высшего измерения. Первой здесь появилась Шиммер, после чего она раскодировала одного за другим нас остальных. Я был первым, которого она, так сказать, произвела на свет. Последним прибыл Джозеф — он говорит обычно больше всех остальных. По умственному развитию он ничем не отличается от нас, разве что размером: он очень мал. Джозеф изобрел способ миниатюризации информационного обеспечения молди.

— Но *как называется* то место, из которого вы прибыли? — продолжал настаивать на своем Кобб.

— Тебя интересует всего лишь название? — спросил с улыбкой Пта.

Вубвуб издал звук, напоминающий фидбек электрогитары. Сисс добавила несколько щелкающих звуков. Пег поддержала раскатистым ударом гонга, а крошка Джозеф разразился неожиданно громким ударом грома. Вубвуб вытянул рыло и издал звук шелестящего ветвями ветра. Трудно было сказать наверняка, но впечатление было такое, словно пришельцы теперь смеялись над Коббом, услышав от него такой вопрос.

— Ну что вы — почему бы не ответить попроще, скажем, что все мы прибыли с Метамарса, — подала наконец голос Шиммер. — Да, пускай мы все будем называться метамарсиане.

Она повернулась к Пта.

— Компания, на которую работает Каппи Джейн, называется «Мета Вест Линк». «Мета» означает «за» или «по ту сторону». Как «метафизика».

— Да, что ни говори, но место, откуда мы прибыли, весьма и весьма «мета», — согласился Джозеф, голос которого звучал громко и уверенно. По непонятной причине Джозеф говорил с немецким акцентом. — Я прибыл совсем недавно, как верно сказала Шиммер.

Он поднял надкрылья и с легким жужжанием перелетел к Йок прямо на руку.

— Это место представляется мне требующим только однозначных решений.

Глаза Джозефа мигнули, антенны его усов, не переставая, вращались.

— Конечно, я сужу только по тому, что успел увидеть за столь короткое время. Одномерное время довольно любопытно. Как я понял, для вас, людей, смерть кажется весьма пугающим событием?

— А как же! — воскликнула Йок. — Разве вас смерть не пугает?

— В двумерном времени смерть не такое уж важное событие, — ответил Джозеф. — Да, возможно, что я умираю в одной из временных нитей, но в остальных я по-прежнему жив.

— Но здесь это не так, и к вам это тоже относится, — сказала Йок. — Я могу раздавить тебя одним пальцем, и тогда ты умрешь.

— Не торопись, Йок, — подала голос Шиммер. — Только-только я рассказала своим товарищам, какая ты добрая девушка. Так что не нужно понапрасну нас пугать. Вам тоже не стоит нас бояться. Тем более что мы не собираемся задерживаться на Земле слишком долго. По своей природе мы бродяги, и Земля для нас лишь одна из остановок на пути к открытиям. Как тебе нравятся тела, которые мы выбрали для себя? Наши тела состоят из имиполекса с водорослями и нервной системой из грибка, как у ваших молди. Мы запрограммировали свои личностные системы прямо в лимпсофт.

— Как долго вы собираетесь пробыть на Земле? — спросила Йок. — Шесть пришельцев — это одно дело, но шесть миллионов, например, это совершенно другое, это будет…

— Многовато? — спросила змея Сисс, и все пришельцы рассмеялись. У Сисс был китайский акцент.

— Не волнуйся, Йок. Здесь, на Земле, должен будет появиться только еще один наш собрат. В результате всемером мы сможем образовать семью, зачать и произвести на свет ребенка, а также

поможем Ом накопить знание о вашей расе, после чего отправимся дальше, и, может быть, больше за всю вашу историю на Земле не появятся метамарсиане. По-моему, ваш мир не слишком-то приятное место. Знаешь что, Шиммер, мне кажется, нам нужно попытаться стать еще меньше. Скажи, Джозеф, мы сможем существовать в телах муравьев? Или в виде вирусов?

— Я не согласен на муравья, — неожиданно подал голос Вубвуб, который до этого копал рылом землю. Он говорил, как черный рэпер. Когда он поднял морду, все увидели, что по сторонам его пасти свисают два червяка.

— Я слишком важная особа для этого. Вы знаете, о чем я.

— Ты слишком *толстый*, — прошипела Сисс-змея и сильно ударила головой поросенка в бок.

— Я и Джозеф должны будем помочь Йок и Коббу выбраться по ту сторону стены, ведь так? — спросил Вубвуб, отскакивая от змеи подальше. — Прошу выказывать мне уважение, пожалуйста.

— Прекрати говорить пустоту, о свин, — проговорила Пег. — Настало время для леди Йок слово молвить.

Пег говорила, как персонаж из легенд эпохи Возрождения, с той манерой речи, которую Йок и ее друзья называли «слюнявой». Единорог с длинной светлой гривой напоминал Йок девчонку, свихнувшуюся на всяком средневековом барахле. Рог единорога торчал и розовато блестел, словно губная помада.

— Премного вам благодарна, — проговорила Йок, не совсем понимая, о чем идет речь, но почему-то смутно уверенная, что ее хотели обидеть. — Я надеюсь, что Сисс говорит правду. Дело в том, что вы, шестеро или семеро, можете стать для Земли настоящей проблемой. Если вы решите что-то тут изменить, то можете навредить экологии. В результате ваша технология может нанести вред нашей цивилизации и даже уничтожить ее.

— Само собой, мы не будем пребывать в бездействии, — подала голос Пег. — Неужели ты считаешь, что ваша цивилизации устроена наилучшим образом? Попытайся представить себе нечто большее и более возвышенное, чем обычное копание в грязи. Мы, Йок, собираемся передать тебе средство, которое даст тебе возможность изменять окружающее одной только силой разума. Это сила, которой облагодетельствовала нас наша богиня, Ом, — сила, которой она теперь хочет наделить и тебя тоже, а через тебя и все человечество. Тебе повезло. Вам всем повезло, о люди. Во-первых, вам повезло, что удалось раскодировать Шиммер, благодаря чему Ом обратила на вас внимание. Таким образом, ваша раса стала ее наследниками.

— Выходит, то, что случилось, это очень хорошо для нас? —

спросила Йок.

— Отдай Йок ее *алла*, Шиммер, — приказал Пта. Все это время, словно в ожидании чего-то, Пта оглядывался по сторонам, будто бы кто-то или что-то вот-вот должно было появиться.

— Да, — сказала Шиммер. — Так хочет Ом.

Она потерла большим пальцем по ладони, и там появилась маленькая полая золотая трубка. Эта трубка имела почти цилиндрическую форму, с четырьмя последовательными утолщениями, словно для того, чтобы ее удобнее было держать в руке.

— Это дар Ом, который я должна передать тебе, — сказала Шиммер и протянула трубочку Йок.

Алла удобно легла в руку Йок. В ее ладони цилиндр словно бы вибрировал от внутренней жизни, от переполняющего его напряжения. Стоило только приглядеться, и стало видно, что субстанция, из которой сделана алла, это совсем не золото — это вообще не было ни одно из известных Йок доселе веществ. На ощупь алла была мягкая, словно бы скользкая. Другой странностью в алла было то, что цвет ее не был постоянным, а непрерывно менялся, проходя через циклическую череду, состоящую из приблизительно тридцати схожих оттенков.

Держа алла в руке, Йок почувствовала, как между трубочкой и ее ювви установилась связь.

— Приветствую тебя, — сказала ей алла. — Готова к изучению твоего сознания.

Йок дала ювви-согласие начать изучение — сама еще до конца не осознавая, на что она согласилась. Вслед за этим алла в течение половины секунды продемонстрировала ей образ, а потом спросила ее о том, что это такое — название и мысленная ассоциация. Изображение представляло собой круговые узоры, испещренные пятнышками.

— Хризантема, — ответила Йок, вспомнив о первом цветке, который она вырастила в своей жизни.

— Следующий, — скомандовала алла, и в течение четверти секунды продемонстрировала изогнутую раздвоенную линию.

— Щель в стене, — ответила Йок, мгновенно вспомнив стену, щель в которой она так часто разглядывала в детстве, лежа в постели.

— Следующий, — скомандовала алла.

Следующий образ длился в половину меньше времени, чем предыдущий. На этот раз Йок показали кусок поверхности с однообразной волнистой структурой.

— Лунная пыль, — ответила Йок, хотя и не вслух, потому что образы начали чередоваться с такой скоростью, что на речь

времени не оставалось. Она приняла это за лунную пыль только потому, что читала о лунной поверхности в учебнике минералогии.

Последовало все больше и больше образов, на каждый последующий отводилось в два раза меньше времени, чем на предыдущий — и через некоторое время у Йок появилось ощущение, что она передала алла огромное, разве что не бесконечное, количество информации. Она вспомнила о старинном парадоксе Зенона, который объясняет, каким образом можно уместить в данном отрезке времени бесконечное число событий: половина, плюс одна четвертая, плюс одна восьмая, плюс одна шестнадцатая, плюс одна тридцать вторая и так далее — неважно сколько событий вы берете, сумма их всегда будет меньше единицы. Каждый следующий шаг занимал только половину оставшегося отрезка. Сколько еще образов алла собирается показать ей?

— Теперь я изучу твое тело, — сообщила вдруг ей алла, и Йок ощутила бесчисленное количество мелких покалываний и судорог — в животе, в груди, в руках и ногах, внутри головы, в мышцах лица и пальцев.

— Ты зарегистрирована как мой единоличный пожизненный пользователь, — тихо пробормотала алла. — Выбери объект из предложенного каталога.

— Просто подумай о чем-нибудь, что бы тебе хотелось, — подсказала ей Шиммер. — Твои мысли передадутся в алла через ювви. Джозеф и Пта составили для людей специальный гуманоидный каталог. Ах, да, нужно загрузить тебе каталог. Сейчас загружу. Надеюсь, в твоем ювви есть свободная память?

— Кажется, — кивнула Йок. — Это терабайтная модель.

— Вот, прошу, твой каталог, — сказал Джозеф.

Вслед за этим каталог был загружен в ювви Йок. После того как она вошла в каталог, на дисплее появился аморфный, бесформенный объект, ожидающий приказа Йок, чтобы превратиться во что-нибудь.

— Может, попросишь свитер? — предложил Кобб, рассеянно перебирающий пальцами светлую гриву единорога Пег. — Мне кажется, ты немного замерзла.

Йок представила себе тонкий белый пуловер, который забыла взять с собой с Луны, и в то же мгновение в поле зрения ювви сформировалось нечто, напоминающее пуловер, по крайней мере очень похожее, — весьма подробный образ высокого разрешения, без сомнения вызванный из внутреннего каталога. Образ не вполне соответствовал тому, что она помнила, но, начав от предложенного места, Йок мысленно пролистала каталог, быстро

выбрав именно то, что максимально соответствовало ее мысленному представлению о забытом на Луне пуловере. Как только она подтвердила выбор пуловера, алла изменила его размер таким образом, чтобы он в точности соответствовал телу Йок.

— Теперь скажи «Осуществить!», — подсказала Шиммер. — Можешь сказать вслух или про себя. По этому приказу алла создаст физическую копию конструкции.

— Осуществить! — приказала Йок.

В воздухе внезапно образовалась сетка из ярких сверкающих линий, повисшая перед алла, очень похожая на колеблющуюся в воздухе трехмерную структурную модель на этапе проектирования. Внутри виртуального пуловера образовались более темные перемычки, которые, продолжая накладываться друг на друга снова и снова, умножались и раздваивались. Йок ощутила легкий порыв ветра, вслед за чем яркие светящиеся линии исчезли, и пушистый легкий пуловер упал на траву возле ее ног.

— Очевидно, это Онар называл реалингом, — прошептал ей Кобб. — Прямое управление материей!

Йок повернула крошечную алла так, чтобы заглянуть в ее сквозное продольное отверстие, но осторожно, не поднося слишком близко к лицу. Оказалось, что если смотреть сквозь отверстие алла, комната выглядела непрерывно вращающейся вокруг продольной оси трубки. Вот это да! Йок отвела взгляд в сторону.

— Да, — подтвердил Джозеф. — Алла и есть реалинг. Можно сказать, что при помощи алла вы выполняете проектирование в управлении реальностью. Все, что от вас требуется, это создать мысленный образ будущего предмета. Остальное сделает для вас алла, являющаяся волшебным даром Ом.

— Вы получили алла от Ом? — спросила Йок. — Эта Ом — ваша Богиня? И она действительно способна творить вещи из ничего?

— Реален или нереален твой мир, Йок, вот в чем вопрос.

— Да, конечно, я понимаю, — кивнула Йок. — Но…

— Ом — это божество среднего масштаба, — проговорила Сисс. — Она находится много ниже Великого Белого Света, из которого состоит все сущее. Ом очень любопытна. Она очень любит изучать повадки других рас, и для этого передает им алла. Когда-то очень давно какие-то другие разумные существа, не мы, принесли алла и Ом на Метамарс и передали в дар метамарсианам, точно так же теперь мы принесли алла и Ом в дар вам. Вы передадите Богиню и ее дар дальше. Чем скорее это

случится, тем счастливее все станут.

— Но как устроена алла? — спросила Йок, рассматривая трубочку в своей руке.

— Алла — часть самой Ом, — объяснила Шиммер. — Жгутовой вихрь, который исходит из тела Ом и петлей возвращается обратно в нее. По пути алла пересекает обычное пространство. Когда Ом передала тебе алла, она узнала все о тебе — за это ты получила волшебную палочку. Состоялся обмен, и все остались в выигрыше.

— Один вопрос, — подал голос Кобб. — Джозеф сказал, что алла превращает материю. Но когда алла создала из воздуха свитер для Йок, внутри пространства алла, внутри этих ярких линий, явно не было для этого достаточно воздуха. Недостаточно для того, чтобы хватило на материал свитера.

— Здесь нет ничего странного, — ответил Джозеф. — Если внутри местоположения цели недостаточно атомов, то алла притягивает недостающие из окружающего пространства. Вот почему вы почувствовали легкий порыв ветра.

— Перед тем как мы передадим алла в дар всему человечеству, Ом хочет испытать алла на одном человеке, — объявила Шиммер. — Я предложила для первого испытания тебя, Йок, и выбор был утвержден. Твоя алла только что зарегистрировала тебя как своего единоличного пользователя.

— Шиммер выбрала тебя, потому что ты — дева, чистая сердцем, — объявила Пег. — И ты вполне достойна волшебной палочки. Ты гораздо благороднее короля Тонга.

Йок надела свитер. Это была точная во всех мелких подробностях копия того, что первоначально продемонстрировал ей ювви. Для того чтобы продеть руки в рукава, она переложила алла из одной руки в другую. Положить алла на траву Йок не решилась.

— Правильно делаешь, — согласилась Сисс, внимательно наблюдающая за Йок. — Следи за своей алла очень внимательно. Алла не предназначена для того, чтобы ею пользовались другие люди, но даже несмотря на это алла могут попытаться у тебя похитить. Рекомендую тебе сделать для алла сумочку и носить все время на поясе.

— Значит, алла моя, и я могу оставить ее у себя навсегда? — спросила Йок, не отрываясь глядя вниз на алла. Она подумала об апельсиновом соке, и ювви воспроизвел в ее голове каталог образов упаковок с апельсиновым соком. Решив попробовать не говорить вслух, Йок произнесла про себя: «Осуществить». Прямо перед концом трубки алла появилась похожая на мешок сетка светящихся нитей; сразу вслед за этим мгновенно оформилась и

появилась бутылочка с соком. Йок успела подхватить ее налету прямо из воздуха; потом поднесла бутылочку ко рту и отхлебнула из нее. Очень вкусно. Она почувствовала, как внутри нее поднимается клубок лихой радости. Потом беззаботно рассмеялась.

— Да, вы сумели произвести на меня впечатление. Мой голос на выборах вы завоевали.

Когда Йок надевала на себя свитер, жук Джозеф слетел с ее руки, но теперь вернулся к ней. Он решил устроиться на груди Йок, где замер, словно брошь. На свету спинка Джозефа переливалась радужными оттенками.

— С помощью алла вы превратите вашу Землю в настоящий рай, — сказал человекообразный пришелец по имени Пта. Он взволнованно прохаживался взад и вперед. Его широко раскрытые глаза сияли, словно он ожидал великого события.

— Но у нас остается одна проблема, Пта, — подал голос Кобб. — Что вы скажете по поводу тех людей, которые погибли? Которых убили. Дарлы Старр, Курта Готтнера и Темпест Пленти? Есть какая-нибудь связь между вашим появлением на Земле и этими смертями?

— Конечно, — кивнула Сисс. — Все взаимосвязано через Ом. Но не волнуйтесь, эти люди не умерли, или лучше сказать, не умерли в обычном смысле слова. Прямо сейчас вы увидите тому подтверждение. Иногда случается так, что Ом протягивает свою руку, проникает пальцами в обычное пространство и производит там кое-какие манипуляции. При этом пальцы Ом имеют круглую форму, и мы называем их «энергошарами».

Именно в этот миг Пта испустил крик.

— Пора! — пропел он. — Ом сейчас заберет меня. Благодарю за все, Джозеф! Прощайте! Прощай, Шиммер.

Метамарсиане попятились от Пта. Вубвуб толкал Кобба и Йок в ноги, отодвигая их в нужную сторону.

— Я готов, Ом! — выкрикнул Пта. Его голос звучал, словно в экстазе.

— Пта, сделай для нас свою копию! — крикнула ему Шиммер. — Нам нужен еще один из нашего круга, иначе нас снова останется пятеро!

В тот же миг что-то появилось рядом с Пта, сфера искривленного пространства — нечто напоминающее огромную линзу, сотканную из плотного воздуха.

— Вот это да! — воскликнула Йок, но Пта, вместо того чтобы спасаться бегством, начал разделяться на две половины. Или, лучше сказать, в воздухе рядом с Пта возникло сияние, и очень быстро на этом месте сформировалась копия Пта: еще один

прекрасно сложенный, бронзовотелый имиполексовый человек. Новенький Пта бросился бегом к Коббу и встал рядом с ним, Йок и остальными метамарсианами. Старый Пта вытянул руки по направлению к крутящейся линзе-сфере, поразительной зоне искривленного пространства.

— Я завидую ему, — сказал Шиммер новый Пта. — Но также и рад тому, что смогу помочь вам в создании нового члена нашей семьи, конечно, после того, как нас станет семеро.

Он с одобрением оглядел свое тело.

— Не уверен, что процедура репродуцирования верно сработала в этой части пространства.

Пта повернулся к Йок, заметив на ее лице выражение озабоченности.

— Скоро мое оригинальное первоначальное «я» начнет кричать, но не стоит волноваться, поскольку процесс перехода сопряжен с небольшим физическим дискомфортом. Может создаться впечатление, что оно гибнет, но на самом деле это просто переход в более высокое измерение.

Сверкающая движущаяся сфера стремительно набросилась на первоначального Пта, и он мгновенно стал частью беспрерывно меняющейся стихии. Его прекрасное симметричное тело увеличилось в размерах, словно раздулось. И, как и было предсказано, он начал кричать, словно от боли.

— Ом — созидательница! — пронзительно выкрикнул он. Огромная пространственная аномалия, энергошар, теперь находилась внутри первоначального Пта; его имиполексовая плоть была растянута по поверхности сферы; глаза Пта горели, словно пара раскаленных углей.

— Ом — созидательница, созидательница, созидательница! — продолжал выкрикивать Пта, и голос его поднимался до визга.

Крик его был ужасающим. Постепенно растянутые формы Пта начали сжиматься.

— Ты в точности такой же, как и прежний Пта? — спросила Йок у новорожденного имиполексового мужчины.

— Да, — кивнул новый Пта. — Для нас не составляет труда сделать реалинг-копию собственного тела и личности, да и вообще это несложно. Мы просто приказываем алла изготовить идентичную копию — должен тебе сказать, что внутри каждого из нас находится его личная алла. Не раз и не два я видел, как мои копии погибали или уходили в небытие другим образом. Надеюсь, ты помнишь, что на Метамарсе мы одновременно проживаем несколько параллельных жизней.

— А что же случилось со старым Пта? — спросила Йок.

— Ом захотела исследовать одно из новых имиполексовых тел, в которых на Земле обитают молди, — объяснил Джозеф. — Старина Пта скоро окажется в одной из камер внутри Ом, скорее всего там же, где находятся и остальные. Потом, насколько я понимаю, он продолжит свое продвижение дальше. К Свету.

Наблюдая за продолжающейся агонией Пта, Йок вздрогнула при мысли о том, что подобное, возможно, произошло и с ее матерью. Возможно ли, что Дарла жива? Есть ли за это хотя бы один шанс из ста? И что Джозеф имел в виду, говоря про «Свет»? Внезапно энергошар двинулся в их сторону.

— Нет, — застонала Йок. Она и Кобб бросились бегом по травяному полу купола. Шиммер, Пег, Сисс и Пта бежали перед ними, поросенок Вубвуб скакал следом, то ли путаясь под ногами, то ли пытаясь защитить их.

Очень скоро они оказались у твердой, как алмаз, стены купола. Вубвуб пригнул рыло и толкнул Йок в ногу, подвигая ее вдоль искривленной стены купола на несколько футов в сторону.

— Прекратите! — крикнула Йок.

Перед ними над лужайкой лихорадочно металось несколько энергошаров, но ни один из них не пытался приблизиться к Йок или метамарсианам.

— Прошу подвинуться еще немного направо, — попросил ее черный поросенок, настойчиво продолжая подталкивать рылом. — В этом месте будет равновесная точка.

— Послушай меня, — сказал Джозеф. Переливающийся жук все это время сидел на груди Йок на свитере. — Сейчас мы уберем купол, и вода ворвется внутрь.

— Но нас раздавит!

— Нет, если ты поторопишься и спрячешься внутри Кобба, а сам Кобб будет находиться в этой точке равновесия, — ответил Джозеф. — Вубвуб поможет тебе выбрать верное место, что он, собственно, и пытается сделать. Когда вода ворвется внутрь, он подтолкнет тебя в нужном направлении. Надеюсь, ты не забыла, что мы способны видеть будущее на несколько минут вперед. Поторопись, Йок. Забирайся внутрь Кобба сей же миг!

Кобб раскрылся на траве рядом с Вубвубом, Йок уселась на пуфик. Свою алла она крепко сжимала в руке. Где-то в отдалении наконец прекратились крики Пта. Остальные пятеро метамарсиан стояли вдоль стены алмазного купола, напряженно дожидаясь.

— Я останусь с вами, — сказал Джозеф и покрепче вцепился лапками в пуловер Йок. — Остальные сейчас образуют новый узел для нашего обитания. Теперь, связавшись с тобой, мы не хотим, чтобы король знал, где мы находимся.

Благородный Вубвуб стоял возле Йок, прижавшись к ее ноге.

Его задние конечности были немного согнуты, словно он изготовился к прыжку, рыло задорно приподнято вверх, а сам он наблюдал за отдаленным перемещением энергошаров.

— Настала нам пора перебраться в другое место, — проговорил он. — Здесь воздух спертый и ощущаются дурные вибрации — надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

Кобб закрыл свое тело, и Йок мысленно переключилась на сенсорное восприятие Кобба. Раздался громкий хлопок, и останки Пта и энергошары исчезли. Вубвуб крепко обнял Кобба, прижав собой батискаф к стене купола. Остальные метамарсиане тоже как можно плотнее прижались к стене, приготовившись к тому, что сейчас ворвется вода.

В то же мгновение купол исчез, и шесть миль воды устремились в пустоту, сдавив воздух, находящийся внутри, и превратив его в искрящийся белый свет, на мгновение вспыхнувший из-под купола и осветивший первым со времен творения лучом темный первородный ил на океанском дне.

3. Фил

21 февраля

В ночь на пятницу Филу снова снился отец. Во сне они с отцом сидели в оранжерее, где вокруг росли оранжевые настурции и ползучий жасмин. На старине Курте была его обычная одежда, в которой он ходил в школу. Но рук у него не было. Запах жасмина был тяжелый и мускусный, напоминающий густую вонь гнили.

— Мои руки, — говорил Курт, пустые рукава пиджака болтались у него по бокам. — Их оторвал у меня вово. Представляешь? Но раны быстро заживают.

Однако кровь сочилась у него из рукавов. Потрясенный и взволнованный ранами отца, Фил оглядел свое собственное тело. Он как лег спать в длинной майке, в таком виде и сидел на стуле. Он совершенно отчетливо различал отдельные волоски на своих ногах. Одна его рука была сжата в кулак; когда он разжал руку, то увидел на ладони перекрученное обручальное кольцо с перевернутой зеркальным образом надписью.

— Не могу понять, мертв я на самом деле или нет, — говорил Курт. — У меня были крутые похороны? И многие плакали? Выпивки было много?

Все это время маленькие пыльно-оранжевые бутончики настурций пели тонкими и высокими голосами, тогда как бутоны жасмина вторили в унисон, создавая фон.

— Мне тяжело, Па, — сказал Фил, и тяжелое золотое кольцо выпало из его руки.

— Под корнями нашлось золото, — сказал Курт. — Вот и женись на ней.

От тихой, но тонкой и всепроникающей музыки цветов у Фила вибрировали все железы, чего он вынести не смог и заплакал. После попытался отвлечься, представив себе, как взбирается во сне на очередную гору.

Когда Фил проснулся, перекрученное отцовское кольцо действительно лежало у него в руке. Может, он сошел с ума? Нужно сегодня же от кольца избавиться. К черту, это может довести до самоубийства.

Было уже десять часов утра, но Кевви лежала в кровати, тихая и бледная, словно в обмороке. Сегодня ей, видите ли, не нужно было идти на работу, потому что вчера ее уволили. Пытаясь как-то справиться с отходняком после вчерашнего слива, которым она

закидывалась на пару с Кларой Бло, Кевви стащила у клиентки упаковку болеутоляющего «Тендур». Старуха оказалась остроглазой и немедленно подала жалобу. Служба сиделок для жмуриков отправила к Кевви стрекозу, и не успела та выйти из домишки старухи, как у нее уже взяли кровь на анализ, и тест оказался положительным, такая неудача. Служба сиделок не могла позволить себе держать работника, который ворует у клиентов таблетки. В результате всего происшедшего прошлым вечером расстроенная Кевви принялась утешаться квааком пополам с тендуром, и к тому времени, когда Фил вернулся с работы, она уже была совершенно невменяемой. Когда Фил вошел в дом, Кевви, совершенно голая, гонялась за Умберто с мясницким ножом в руке, выкрикивая при этом: «Сейчас башку отсеку».

В обычном состоянии Кевви была достаточно безобидным существом, но стоило только ей закинуться наркотиками, как она превращалась в воплощение зла. В то утро она выглядела как совершенная наркоманка, ее рот был полуоткрыт, на подбородок стекала слюна. Одна ее рука все еще была полумягкая от того, что она поспешно и неудачно выбралась из сливного супа, в котором плескалась три часа подряд.

— Все кончено, — сказал Фил тихо самому себе, — потом повторил громче: — Все кончено, Кевви. Мне надоело с тобой цацкаться, нам нужно расстаться.

Кевви фыркнула в ответ. Сможет ли он заставить ее съехать? Это будет непростой задачей. Он не подписывал официального договора о найме жилья, а последние десять месяцев Кевви платила за квартиру с ним пополам. И хотя Фил построил свой скворечник за год до того, как познакомился с Кевви, теперь она имела все основания заявить, что это жилье так же принадлежит ей, как и ему. В результате оставалась только лишь одна альтернатива.

— Я ухожу, Кевви, — объявил Фил, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно, и сам поражаясь звуку сказанного. — Я съезжаю.

Никакой реакции.

— Я ухожу прямо сейчас.

Он оделся, положил в карман кольцо, потом взял рюкзак и принялся обходить комнату, укладывая в мешок вещи. Еще одно расставание. Его просто трясло от переполнявших эмоций. Что на самом деле есть у него тут, что бы могло его держать? Туалетные принадлежности, кое-какая одежда, несколько S-кубов, его одеяло, несколько книг и дрянная мебелишка, в основном купленная на дешевых распродажах. Что еще? Ах да, его дирижабли! Если он оставит дирижабли здесь, то Кевви

наверняка выкинет их на помойку. Она никогда не любила его летающие игрушки. Фил созвал по ювви дирижабли, приказал им спуститься из-под потолка. Лед Зеп, Граф Зет, Макон, Пенил Имплант и, наконец, Уфин Вово. Дирижабли летали вокруг Фила, словно бездомные щенки, шурша шелковыми поверхностями.

— Идите за мной, ребята — нам пора убираться отсюда.

Фил открыл арочную дверь, может быть, в последний раз, и вытолкал дирижабли под крышу, в просторное внутреннее пространство склада. За окном занимался еще один серый день, из свинцовых туч сыпал дождь. Дерек сидел на полу, настраивая свою скульптуру, «зеленый пончик». Умберто испуганно жался к ногам хозяина.

— Привет, Фил. Решил выгулять на улице свои дирижабли?

— Я съезжаю, Дерек. Из-за Кевви. Я не могу с ней справиться.

— И ты решил оставить такой подарочек на шею мне и Калле? Не забудь, что Кевви уволили. Откуда она теперь будет брать деньги, чтобы платить за квартиру? Не говоря уж о том, что вчера вечером чуть не зарезала моего пса. Это она должна съехать отсюда, а не ты.

— У меня заплачено за квартиру вперед, и она может жить здесь до марта. Может быть, после этого она съедет. Но мне на это наплевать, честно говоря.

— Она подпалит нам дом, вот что она сделает! — бросил Дерек, лицо которого посуровело. — Я хочу, чтобы она убралась отсюда через неделю или даже еще раньше. *Не дожидаясь* марта. Можешь ты помочь мне выставить ее отсюда, Фил?

— Я обоими руками за то, чтобы удалить Кевви как можно дальше от нашего дома, Дерек. Но я не могу больше жить с ней вместе. Извини, но я… — на глаза Филу навернулись слезы. — Для меня это уже чересчур, старик. Все, что я делаю, — впустую, и теперь я просто хочу убраться подальше в тихое место и отдохнуть. Отец умер, я сам его похоронил, Уиллоу сама не своя от того, что с ней случилось, Йок, только я успел с ней познакомиться, уехала не сказав ни слова, Кевви все время под кайфом, я сам боюсь, что тоже могу подсесть, вово может прийти за мной в любую минуту и…

Слезы катились по его лицу.

Дерек немного смягчился.

— Ох, Фил. Если решил уйти, то уходи. Ты ставишь нас в тяжелое положение, но мы переживем. Двадцать восьмого февраля Кевви пусть сваливает отсюда, или я просто поменяю к чертовой матери замок. А Умберто я отдам пока друзьям, там он будет в безопасности, покуда она не уедет. Слышь, Умберто? Тебе придется пожить с Кандри.

Умберто коротко постучал хвостом по полу.

Фил вытер глаза рукавом.

— Спасибо, Дерек. Если хочешь, можешь оставить себе мои дирижабли.

— Спасибо, и кормить их гелием и все такое? Нет, приятель. Самое малое, что ты можешь сделать для меня, это забрать с собой свои дирижабли. И лучше тебе уйти до тех пор, пока не проснулась Кевви.

Снаружи был сильный порывистый ветер, и Филу пришлось привязать дирижабли на веревочку, чтобы их не унесло. Наполненные гелием, ДИМ-дирижабли болтались над ним, словно воздушные шарики. Он быстро понял, что так не сможет уйти далеко, в особенности с рюкзаком на плече. Может быть, стоит отпустить дирижабли, и пускай их куда-нибудь отнесет ветер? Ведь это всего лишь игрушки. Но не так-то все просто. Он ведь сделал их своими руками.

В этот миг он заметил одного из молди Снуков на другой стороне улицы.

— Хочешь минет, Фил, совсем недорого?

Это была Айрис Снук, молди, тело которой имело роскошные женские формы. У Айрис были полные чувственные губы и удлиненные, темные, чуть раскосые глаза-щели.

— Тебе нравятся эти дирижабли? — спросил ее Фил.

— Хочешь предложить дирижабли за минет? И сколько в них имиполекса?

— Мне не нужен минет, Айрис. Ты ведь знаешь, я не сырный шарик. Просто мне нужно куда-нибудь деть эти дирижабли. Я переезжаю. И я не хочу, чтобы ты *съела* эти дирижабли, я хочу чтобы ты взяла их себе и заботилась о них. По-моему, они будут отличным украшением внутри вашего «Анубиса». Им нужен гелий и немного квантовых капсул, раз в несколько недель.

Айрис задрала голову, рассматривая дирижабли, которые отчаянно трепал ветер.

— У них можно перепрограммировать скины?

— Если обещаешь мне заботиться о дирижаблях и дашь им убежище, я прямо сейчас перешлю тебе код доступа.

— Заметано, — сказала Айрис после секундного размышления. — Беру.

Фил передал Айрис код доступа, а потом и веревочку с дирижаблями. Внезапно ему в голову пришла еще одна мысль.

— Подожди минутку, этому дирижаблю нужен балласт.

Фил вытащил из кармана перекрученное кольцо и, протолкнув сквозь входной клапан, спрятал его внутри самого большого, в горох, дирижабля по имени Уфин Вово. Отлично.

— Тебе они понравятся, Айрис. Владей.

— Как-нибудь заглядывай к нам. В любое время.

Айрис с улыбкой смотрела на дирижабли, перебирая различную их окраску. Остановилась на иероглифах.

— Круто, верно? И куда ты решил переехать, Фил?

— Хочу найти одну девушку, которую встретил недавно.

— Йок Старр-Майдол, — уверенно сказала молди.

— Откуда ты знаешь?

— Тутмосис сказал, что ты был тут с ней ночью в четверг. Похоже, ты в нее влюбился.

— Уже почти, Айрис, уже почти. Надеюсь, из этого выйдет что-нибудь настоящее.

Молди отнеслась к нему так по-дружески и вид у нее был такой сочувствующий, что Фил пожалел, что отдал ей опасное кольцо, — однако заставить себя забрать кольцо и выбросить его в океан он не мог, да сейчас это было и неуместно.

— Вот этот, большой, должен летать как можно выше, поближе к потолку, — неуверенно предупредил он Айрис. — Если он вдруг лопнет, то может задеть кого-нибудь.

Фил направился в ближайшее и единственное убежище, о котором он теперь смог подумать — в гости к Бабс Муни. Дверь была заперта, и он долго и настойчиво стучал. В конце концов ему открыли, в дверной щели появилось вытянутое и бледное лицо какого-то парня. Это был Ренди Карл Такер.

— Привет-привет. Не смей выбегать на улицу, Вилла-Джин! — Внизу под ногами Ренди Карла появился его пластиковый цыпленок и уставился на Фила глазами-бусинами.

— Привет, Ренди. Бабс дома?

— Она только что ушла в арт-галерею. Вчера я целый день помогал ей налаживать миниатюрную червяную ферму. Стараюсь отрабатывать плату за постой, так сказать. У меня ведь есть диплом мастера-водопроводчика, полученный в Луисвилле, где я раньше жил. Вчера я взял напрокат водопроводный пистолет — это такое устройство, которое может изготавливать трубы любого диаметра и формы, как тебе нужно, — и сделал малышке Бабс отличный лабиринт для ее фермы, в котором теперь резвятся черви. Это называется «умным искусством».

— И Бабс позволила тебе жить здесь?

Обычно Бабс предпочитала жить одна. Ее отец, экс-сенатор Стэн Муни, купил ей этот склад, чтобы она устроила тут себе жилье по собственному вкусу. Бабс не нужны были деньги, и она никогда не заводила у себя постояльцев.

— Зря удивляешься, Фил. Я не такой уж тупой, каким кажусь на первый взгляд. А то, что я сырный шарик, не значит, что и во

всем остальном я тоже извращенец. Сдается мне, что малышка Бабс в меня втюрилась. Если хочешь, заходи в гости. На место, Вилла-Джин!

— Спасибо, Ренди. Я теперь бездомный.

— Черт, да здесь хватит места для десяти человек, — ответил Ренди, с улыбкой обводя рукой внутренность дома Бабс, стены которого были завешаны драпировкой. — Выбирай себе уголок и устраивайся поудобней.

— Спасибо за приглашение, Ренди, но я знаю, что Бабс любит жить одна. Надолго она разрешила тебе остаться?

— Я собираюсь пожить здесь до тех пор, пока Кобб не вернется с Тонга, — ответил Ренди. Он плюхнулся на кровать, и Вилла-Джин тут же вспрыгнула ему на колени. — Может, неделю. Я здорово погорел когда-то в Санта-Крузе. А Сан-Франциско — королевское место.

— Не хочу тебя обижать, Ренди, но мне кажется, что Бабс планирует как-то тебя использовать. Ты сам-то как думаешь — чего она от тебя хочет?

— Я много помогал Бабс с этой ее червяной фермой, Фил. Ведь я не только водопроводчик, но работал и процесс-инженером. И классно разбираюсь в наноманипуляторах. Я научил Бабс, как устроить искорки на шкуре червяков. И что самое главное, я достал для нее ДИМ-пиявку. — Ренди указал на розовое мохнатое пятно на спинке Вилла-Джин. — Это нелегальный тип имиполекса. Но для Бабс я постарался, потому что ей это нужно для искусства, сечешь? Мы сейчас обдумываем целую галерею ДИМ-пиявочных цыплят, такое куриное шоу. Зрители смогут управлять цыплятами по ювви, и *цып-цып, мои хорошие*. Договорился достать еще ДИМ-пиявок у моего старого дружка Ааарби Кида.

— Только не впутай Бабс в какую-нибудь неприятность, Ренди, — резко бросил Фил. — Сто раз подумай, какие могут быть последствия, прежде чем взяться за что-нибудь криминальное. Если сделаешь Бабс что-нибудь плохое, сенатор Муни припечатает тебя на месте. Помни об этом.

— *Тат тван аси*, — спокойно ответил Ренди. — Что означает на санскрите: «И это тоже». Ты знаешь, я ведь прожил в Индии два года. Мне нравится, что ты так беспокоишься о своей подруге, приятель. Так что, останешься пожить с нами?

— Нет, у меня другие планы. Я поеду на Тонга.

— И ты тоже туда собрался? Все вдруг рванули на Тонга. Да что там, медом намазано?

— Там Йок, — ответил Фил. — Я должен ее увидеть. И тогда я точно буду знать, что мне делать дальше. Что я хочу делать

дальше.

22 февраля

Таким образом, Фил оставил основные свои пожитки у Бабс и рванул на Тонга, забрав в рюкзаке лишь кое-какую походную мелочь. Он вылетел первым же ракетопланом, с пересадкой на Гавайях.

Фил прибыл в Нуку-Алофа в воскресенье рано утром по тонгийскому времени. Аэропорт был оформлен в старом стиле, и порядки здесь царили самые небрежные. До сих пор он так еще и не связался по ювви с Йок, потому что боялся, что она запретит ему прилетать. Но теперь для этого было как раз самое время.

Ювви-сигнал очень быстро отыскал Йок. Она выглядела даже еще лучше, чем Фил ее запомнил. Спокойные глаза, гладкие очертания скул, умный рот, янтарно-оливковая кожа. На Йок было пурпурное бикини. По всему было видно, что она сидит в тропическом патио и завтракает. В одиночестве?

— Привет, Йок, это Фил. Я так по тебе соскучился, что решил прилететь на Тонга. А с Кевви я порвал, у нас все кончено.

Йок приняла новость спокойно и с важным видом.

— Джозеф предупреждал меня, что ты позвонишь с минуты на минуту, — ответила она, прикоснувшись пальцем к имиполексовому жуку, примостившемуся на ее плече, уцепившись лапками за бретельку лифчика наподобие маленького попугая. — Джозеф умеет видеть на пять минут в будущее.

— Правда? — проговорил Фил. — Наверное, это Бабс проболталась. А где Онар?

— Мы с ним теперь отдыхаем по-отдельности. Думаю, Онар где-то шляется с королем. Приезжай, я расскажу тебе все, что у нас тут приключилось. Я уже попросила Кобба полететь и встретить тебя. Ты можешь выйти куда-нибудь, чтобы тебя было получше видно, например, встать перед выходом из аэропорта? Кобб сказал, что будет у аэропорта через несколько минут. Здорово, что ты прилетел, я очень рада повидаться с тобой.

Всего через пару минут Кобб плюхнулся рядом с Филом, свалившись с неба, и тут же без лишних разговоров открыл свое тело наподобие саркофага для мумии. С виду Кобб заметно потолстел, по крайней мере с тех пор, как Фил видел его в последний раз. Фил вставил в нос палладиевые фильтры, которые передал ему Кобб, и вместе со своей сумкой пристроился внутри имиполексового человека. Могучее ускорение сдавило его, и уже

скоро они неслись по высокой дуге над архипелагом Тонга.

— Как Йок? — спросил у Кобба Фил.

— Думаю, у нее все хорошо.

— А что это за жук? — спросил Фил.

— Ты имеешь в виду Джозефа? — спросил Кобб. — Это пришелец с Метамарса. Из пространства, где время имеет два измерения. По сути, метамарсиане проживают сразу несколько параллельных жизней одновременно. И нашу часть вселенной они считают очень ограниченным местом!

— Пришельцы! Это те самые пришельцы, которые появлялись на короткое время на Луне в прошлом ноябре? Один из них тогда сумел сбежать.

— В точности, это они. Ну то есть не совсем. Шиммер тогда бежала на Землю, а после этого раскодировала остальных пришельцев в имиполексовые тела. Она не всех пришельцев подряд раскодировала, а только *метамарсиан*. Сейчас на Земле всего шестеро пришельцев. То, что они прилетели к нам, для них самих всего лишь одна из остановок в пути — что-то вроде антропологической экспедиции. Шиммер, Пта, Пег, Вубвуб, Джозеф и Сисс. Джозеф влюбился в нашу Йок. Хотя, сказать по правде, он необычайно полезен, в особенности в этом опасном месте. Несмотря на то, что здесь у нас на Земле время одномерное, все равно Джозеф способен предчувствовать кучу различных потенциальных вариантов будущего. И поскольку Джозеф способен видеть все виртуальные варианты будущего, он может указать, какой из них стоит осуществить. Таким образом, нам удается избегать неприятных столкновений с Онаром и королем.

— А что такое творит здесь Онар?

— Онар оказался просто дерьмом, — раздраженно ответил Кобб. — Спроси Йок, она тебе расскажет. Она его больше на дух не переносит. — Кобб проговорил, старательно подделываясь под голос Йок: — «Онар бесчестный, и плохой любовник к тому же, и он всегда ведет себя так по-британски, а все британское такое дерьмо. За исключением Льюиса Кэрролла».

— А кто такой Льюис Кэрролл?

— Господи, Фил, неужели ты не читал «Алису в Стране чудес»? И твой отец был преподавателем в колледже! Ладно, проехали. Онар и король сходят с ума по поводу того, что Йок заполучила для себя алла. Они хотят забрать алла себе, но пока довольны и тем, что Йок делает для них всякие штуки. В основном она изготавливает имиполекс. Мне она тоже дала немного.

Они достигли самой верхней точки параболы и теперь плавно

опускались вниз, к далеким зеленым островам.

— Алла — это реалинг, управление реальностью, позволяющее напрямую контролировать превращение материи.

— Притормози, Кобб, слишком много новостей сразу, — попросил Фил. — Вы здесь пробыли всего два дня, а я уже не могу понять, о чем ты, черт возьми, мне рассказываешь.

— Я еще не говорил тебе об энергошарах, — продолжил Кобб. — Это руки Ом. Ом — это богиня метамарсиан. Она проглотила и твоего отца тоже.

— Ты говоришь про вово?

— Вово привлекло внимание Ом, это было первой причиной. Как цветок — колибри. Как свеча — мотылька. Или как книга — ученого. А Ом — эти метамарсиане говорят, что она настоящая богиня. Куда бы они ни отправились во Вселенной, Ом всюду следует за ними. И энергошары — это словно бы пальцы Ом.

— Кобб! — закричал Фил при виде несущегося навстречу острова. — Прекрати болтать и следи лучше за полетом. Давай-ка, притормози!

— Да я уже здорово наловчился летать, — ответил Кобб и, перевернувшись ступнями вниз, развернул над головой пышный пучок трепещущих имиполексовых лент. Ленты сильно затрещали в воздухе, притормаживая падение. Кобб продолжал падать камнем вниз, но, по крайней мере, он перестал ускоряться. Таким образом они приближались к большому изогнутому, словно крюк, острову, вокруг которого были разбросаны другие острова, поменьше, подобно свите сопровождающих. Остров напомнил Филу морскую блоху, виденную им под микроскопом, большую блоху посреди океана, с лапками-заливами и животом на месте большой бухты. В бухте плавали несколько яхт, на берегу виднелась кучка домишек.

— Остров называется Вава-у, — объяснил Кобб. — А этот городишко — Нейафу.

Внезапно ленты Кобба расправились в огромные крылья, и он величественно спланировал к домику на одном из малых островков, усыпающих бухту, словно дырочки перечницу. Остров, к которому теперь совершенно явно направлялся Кобб, торчал из сверкающей глади океана наподобие зеленой пышки; у острова была курчавая голова-вершина, обрывающаяся в океан скалистыми краями. Самая макушка была из голого камня, посредине каменной поляны стоял одинокий домик — крепкое желтое бетонное здание под крышей из оцинкованной жести, довольно потрепанное непогодой. По соседству с домиком голубело пятнышко маленького бассейна, по всей видимости, вырубленного прямо в камне. От домика к плавучему причалу у

берега по крутому склону вели ступеньки. Кобб приземлился рядом с бассейном, неподалеку от девушки, сидящей за плетеным столиком. Йок.

— Добро пожаловать, — сказал Кобб, отрыгивая Фила на бетонный берег бассейна.

— Спасибо, Кобб. Привет, Йок.

— Фил.

Йок улыбнулась так широко, что на щеках появились ямочки, а глаза превратились в узкие щелки. Фил шагнул к ней и обнял. Она обняла его в ответ. И, наконец-то, они поцеловались. Но только коротко.

— От тебя пахнет молди, — сказала Йок. — Пойди окунись.

Фил отыскал в своем рюкзаке плавки, и через минуту они уже были в бассейне, плавали туда и обратно, смеялись и брызгались. Кобб побрел в дом, где имелась веранда, затененная сплетенными из пальмовых листьев циновками. На солнце перед домом, растекшись в обычной своей манере, лежала пара молди, несколько тонгийцев сидели в тени, кое-кто из них играл в карты. Фил насчитал четверых мужчин и двух женщин. Тонгийцы внимательно рассматривали Фила, но тот почел за лучшее не обращать на них внимания.

— Отличное тут место, — сказал Фил, оглядывая дом, океан, голубое небо. — Как красиво. Чей это дом?

— Это дом короля, — ответила Йок. — Он позволил мне жить тут как его гостье. Неожиданно я стала очень важной персоной. И все благодаря пришельцам. Ты прилетел как раз вовремя. Мне уже стало скучно одной.

Похожий на драгоценность жук, раньше сидевший на плече Йок, теперь с гудением кружил над их головами.

— *Это* пришелец? — спросил Фил, указывая на жука.

— Привет, Фил, — поздоровался жук, усаживаясь на поверхность воды, но не погружаясь. — Меня зовут Джозеф. — Шесть ножек жука забавно гребли, от него во все стороны расходились круги на воде. — Я метамарсианин.

— Кобб говорил, что ты можешь видеть будущее? — спросил Фил. — Скажи, какое число я сейчас задумал? От одного до десяти.

— Ты еще ничего не задумал, — ответил Джозеф. У жука был странный немецкий акцент. — Ты выбираешь между тремя, пятью и семью. Но теперь, когда я сообщил тебе эту информацию, ты стал склоняться к…

— Четырем! — выкрикнули Фил и Джозеф одновременно.

— Другие доказательства нужны? — спросил Джозеф. — Попробуй дотронуться до меня, если сможешь.

Фил протянул вперед руку и попытался прикоснуться к жуку пальцем, но все равно, как быстро бы он ни пытался делать выпад, Джозеф всегда оказывался в стороне от того места, куда указывал палец Фила. При этом жук не прикладывал особых усилий, не метался из стороны в сторону или что-нибудь в этом роде, он отплывал туда и именно в тот момент, когда было нужно, часто перебирая короткими ножками. Жук обладал замечательной волшебной способностью двигаться «туда», когда палец Фила указывал «сюда».

— Джозеф помогает мне поступать так, как это наиболее правильно, — подала голос Йок. — *Кроме того*, у меня теперь есть волшебная алла пришельцев. У каждого пришельца внутри тоже имеется такая алла.

Только теперь Фил обратил внимание, что на поясе Йок в небольшой сетчатой сумочке лежит золотистый цилиндрик. Йок достала из сумочки алла и продемонстрировала его Филу.

— Сейчас я превращу часть воды в воздух, — сказала Йок. — Осуществить!

Под водой появилось сияние, и огромный пузырь воздуха, забурлив, вырвался из-под воды. Раздалось могучее *буууль*.

— Словно кто-то перднул в ванной, — прокомментировал Фил, еще не вполне понимающий, что происходит. Сияние, что он успел заметить под водой, было похоже на клубок золотых нитей.

— А еще раз можешь?

— Конечно, — кивнула Йок. — Только на этот раз я сделаю два пузыря, из водорода и кислорода. И потом помещу внутрь искру, чтобы смесь взорвалась.

— Только взрыв не очень большой! — встревоженно прокричал Джозеф, поднимаясь в воздух. — И подальше от себя! Помни о том, что местоположение создаваемого объекта необязательно должно находиться перед самой алла.

Йок снова приказала «осуществить», и в дальней стороне бассейна снова появилась сеть из золотистых нитей, вслед за чем неожиданно прогремел взрыв. Фил почувствовал, как по его ногам прокатилась ударная волна. В воздух поднялся столб воды в несколько футов высотой.

— Вот это да! — удивленно воскликнул Фил. — Как ты это делаешь, объясни, пожалуйста?

— Хочешь еще один взрыв? — спросила Йок.

— Сюда идет домоправительница, чтобы устроить нагоняй, — сказал Джозеф, описывая круги у них над головами.

— Давай еще разок! — сказал Фил.

Громыхнул еще один подводный взрыв, и точно, на пороге дома появилась тонгийка с блестящими волосами и направилась

к бассейну.

— Йок, ты разобьешь мне бассейн, — сказала тонгийка. — А кто этот парень?

— Это мой друг Фил, — ответила Йок. — Фил, это мисс Тета. Можете подготовить для Фила комнату, мисс Тета?

— ЕКВ не хочет, чтобы тут появлялись посторонние, только ты, охрана и повар. Алла — это секрет государственной важности.

— Да, но только сам король каждый раз, когда появляется здесь, все время привозит кого-то новенького. Я же не заключенная! Между нами заключена сделка. Я могу принимать гостей, если захочу.

— Я спрошу Кеннита.

— Вот для вас еще золото, — сказала Йок. Она быстро подплыла к краю бассейна и направила алла в сторону патио.

— Осуществить двадцать пять золотых монет.

Прямо перед концом цилиндра появился пучок золотистого света. Внутри пучка появились словно бы желтые дольки мармелада, и через мгновение из воздуха на камни патио со звоном упали двадцать пять золотых монет. Фил почувствовал, что над головой пронесся легкий ветерок.

— Это слишком хорошо, чтобы могло продолжаться долго, — сказала мисс Тета, нагибаясь, чтобы подобрать с камней монеты. — От вида таких чудес у меня неспокойно на душе.

— Я сделаю немного золота и для Кеннита тоже, хорошо? — сказала Йок.

— Он не возьмет, — ответила мисс Тета. — Кеннит слишком честный и прямой человек. Как насчет завтрака, Фил?

— С удовольствием.

— Я скажу повару.

— Подождите, давайте я сделаю завтрак при помощи алла, — подала голос Йок. — Так гораздо интересней.

— Это дьявольская еда, — сказала мисс Тета, качая головой. — Уж не знаю, когда, но скоро это закончится.

Йок и Фил вытерлись полотенцами и уселись за плетеный столик. Йок взяла в руку алла и одно за другим сделала: чашку горячего кофе, творожный рогалик, горшочек меду и две половинки папайя. Рогалик получился немного черствым, но в целом еда была замечательная.

— Ну хорошо, — сказал Фил с набитым ртом. — Теперь объясни.

— Я не знаю точно, как это работает, — сказала Йок. — Для меня это как волшебство. В алла есть виртуальный каталог, который я могу просматривать через ювви. Пришельцы составили этот каталог и скачали мне в память ювви. Мне нужно только

выбрать что-нибудь из каталога, и алла сотворяет это в реальности, стоит мне только приказать: «осуществить!».

— И тебе не нужно представлять предмет во всех деталях? — спросил Фил. — Молекулу кофе, пузырьки воздуха в хлебе, кристаллики сахара в меде?

— Нет, — покачала головой Йок. — Пришельцы уже запрограммировали все это. Но я думаю, что при помощи алла-каталога смогу комбинировать материалы новым, небывалым образом. До сих пор я этого еще не пробовала. Возможно, смогу делать какие-нибудь очень сложные вещи, как в дизайн-программе, которая производит окончательную сборку. Я бы с удовольствием занялась решением таких проблем. Таким образом, повторить путь, уже раз пройденный природой.

Йок отщипнула кусочек папайя.

— Очень вкусно, я никогда раньше не пробовала папайю.

— Но в каталоге папайя есть?

— Джозеф и Пта сказали, что составили каталог на основе предметов, которые им удалось разыскать в Сети. Сначала они собрали вместе все известные вещества, а потом все то, что можно сделать из этих веществ. То, что люди обычно из этих веществ делают. Это очень большое исследование. В алла-каталоге содержатся все известные людям каталоги торговли по почте.

— Верно, — подтвердил жук, который, усевшись на борту горшочка с медом, мочил в нем свои лапки. — Пока мы тут дожидались появления Йок, я ввел практически все известные на земле вещества в каталог. Все химические соединения и материалы, которые мы смогли найти в вашей Сети. Формулы молекул, структуры кристаллов, полимерные связи — все в этом роде. После этого Пта сгенерировал макрокоманду, описывающую все существующие у вас, людей, соединения, которые только возможно произвести из этих веществ. Все, что только было упомянуто в рекламных и коммерческих объявлениях и было заявлено на продажу, все это включено в алла-каталог. Пта также включил в каталог лимпсофт-конструкторы, разработанные для создания специальных ДИМ, которые включены сейчас во многие человеческие продукты. Как Йок сказала, наш алла-каталог виртуально включает в себя все человеческие каталоги, какие только были выпущены людьми. Это была большая работа даже для нас, а ведь мы сверхсущества.

— Каким образом действует алла? — спросил Фил.

— Силой Ом алла преобразует один вид атомов в другой, — объяснил Джозеф. — После этого происходит соединение атомов назначенным образом. Завтрак, который ты только что съел,

сделан из чистого воздуха.

— Из воздуха? — удивленно переспросил Фил, рассматривая недопитый кофе в чашке.

— Известно, что один кубический метр воздуха весит ровно один килограмм, — объяснил Джозеф. — А воздух есть везде и повсюду.

— Можно мне еще один авокадо? — спросил Фил. — С сыром эмменталь и сливками?

— Конечно, — кивнула Йок. — Сейчас я найду составляющие. А также сделаю особую тарелку.

Она наклонила голову к плечу, и глаза ее затуманились, когда она устремила взгляд в пространство ювви, потом — *уффф* — на столе появилась симпатичная тарелка из китайского фарфора с тонкими ломтиками швейцарского сыра и авокадо, а также сливками. В довершение всего на дне тарелки оказался точный портрет Фила, словно отпечаток фотографии: задумчивые и рассеянные глаза, светлые волосы, небритый подбородок, на губах улыбка, на заднем плане пальма. Йок наклонилась вперед, с удовольствием рассматривая тарелку.

— Вот, гляди, Фил, сей момент ты выглядишь именно так. Здорово вышло, совершенно точно! Это первая оригинальная вещь, которую я сделала с помощью алла сама, не из каталога. Мой первый реалинг-шедевр!

— Реалинг, — задумчиво повторил Фил. — Ты можешь сделать все, что только придет тебе в голову, достаточно только вообразить. Что случится с миром, если реалинг окажется у каждого? Больше никто не захочет работать — зачем это будет нужно? — у всех будет все, что им необходимо, и совершенно бесплатно. Что станет с людьми?

— Не волнуйся, жизнь все равно будет продолжаться, — успокоил его Джозеф. — Даже после того, как будут удовлетворены основные потребности, останется необходимость выращивать, создавать и созидать. Развивайся, расти — или умри. И не забывай, что если кто-нибудь сможет создать что-то интересное, то у него появится шанс заняться сексом с более желанным партнером.

— Но если я создам при помощи алла что-то оригинальное и красивое, например новый тип дирижабля, любой человек сможет тут же это скопировать, — возразил Фил.

— Да, если только у них будет точный проект твоего творения, — ответил Джозеф. — Помните, что только то, что находится в общественном каталоге, доступно для всех. Если ты изобретешь что-то, чего нет ни в одном каталоге и для чего нужно знать нечто большее, чем можно понять при помощи одного

простого взгляда, то у тебя появится возможность продать свой проект, свое изобретение другим индивидуальным пользователям алла.

— А может алла создавать живые существа? — перебила объяснения Джозефа Йок.

— Вполне, — ответил Джозеф. — Разве ты еще не заметила? В твоем каталоге имеется огромный раздел, посвященный животным и растениям. Ты можешь изменять дизайн до определенных пределов — только помни, что перепрограммирование ветсофта живых биологических существ очень сложное занятие. Все должно быть в высшей степени сбалансировано. В живых системах очень высока фрактальная плотность информационной структуры.

— А может алла создать живого человека? — спросила Йок. — Я хотела бы сделать копию моей матери.

— Алла не «делает копии» вещей, — ответил Джозеф. — Алла осуществляет структуру предмета, полностью описанного в программном каталоге или описание которого задано пользователем. Для того чтобы создать описание твоей матери, тебе понадобится полное и очень точное описание ее тела и ее сознания. Только одной информации о ДНК и личностного S-куба здесь будет недостаточно. Поэтому мой ответ — нет, твоя алла не сможет создать копию твоей матери без особенного дополнительного ее описания, которое в настоящий момент за пределами твоих возможностей.

— Но если бы у меня *было* нужное описание, я смогла бы создать человека? — продолжала стоять на своем Йок.

— Да, это возможно, — подтвердил Джозеф. — И должен сказать тебе, Йок, что в момент регистрации алла сняла полную копию твоего тела и сознания. Но Ом не позволяет владельцам алла использовать эти данные по своему усмотрению. В алла нет магической команды для самовоспроизводства пользователя. Для того чтобы использовать алла для самовоспроизводства, нужно понять устройство и функционирование тела и сознания настолько, чтобы иметь возможность составить полный необходимый проект.

— И насколько я понимаю, вы, ребята, уже достигли этого необходимого верхнего уровня? — спросила Йок.

— Во время нашей первой встречи ты видела, как Пта создал копию самого себя, — ответил Джозеф.

— Верно, — согласилась Йок. — Сейчас я попробую сделать животное.

Она нахмурила брови и устремила внутренний взгляд в свой ювви-каталог.

— Осуществить.

Пространство перед алла наполнилось серебристыми нитями, постепенно воздух сделался непрозрачным, и на стол упал маленький шевелящийся предмет.

— Слизняк? — удивился Фил. Слизняк быстро сориентировался и торопливо пополз прочь от солнца в тень одной из тарелок.

— Теперь я попробую сделать медузу, — сказала Йок. — Они такие красивые.

Йок сделала при помощи алла аквариум, потом спроецировала внутрь воды дискообразный клубок светящихся линий, из которого возник чистый купол медузы, — медуза немедленно начала вздыматься и опадать. — Могу я поменять ее цвет? — спросила Йок и тут же произвела удивительную розовую медузу — почти в то же мгновение распавшуюся на множество студенистых фрагментов. Она сделала еще несколько проб на основе медузы из каталога, но ни одна из новых медуз даже не пошевелилась.

— Жизнь — это очень непросто, Йок, — произнес Джозеф. — Тем более ветсофт-инженерия.

Неудачные медузы плавали на поверхности аквариума. Устыдившись, Йок алла-переобразовала медуз обратно в воду, потом наполнила водяную емкость стандартным набором океанской жизни: несколько мелких медуз, моллюск и гребешок, а также несколько креветок и разноцветных морских рыб.

— А может алла сделать алла? — спросил Фил. — Ведь, на самом деле, это вопрос из вопросов! Как в сказке, где кто-то, чье желание могло исполниться, пожелал, чтобы все его желания исполнялись.

— Да, — согласно ответил Джозеф. — Способ изготовления новой алла при помощи алла имеется. И довольно скоро кто-то из вас узнает этой нехитрый фокус. Если вы сумеете догадаться сами, это будет лучше, чем если получите это знание напрямую от Ом.

— А Ом собирается дать нам, людям, еще больше алла? — спросила Йок.

— На все воля Ом, — ответил Джозеф. — Но сначала мы планировали немного понаблюдать за тем, как поведет себя Йок. После этого проведем тесты на нескольких других особях. После этого, насколько я понимаю, Ом собирается объяснить вам, каким образом распространить алла по всему миру, сделать его общедоступным как для людей, так и для молди. Я надеюсь, что результат окажется благоприятным, но полностью быть уверенным невозможно. До сих пор я никогда не бывал в таком

месте, как Земля. Вы даже представить себе не можете, насколько ограничено ваше одномерное время. Надеюсь, алла сможет хоть сколько-то скрасить ваше существование.

— Как мотыга для дикарей, — усмехнулась Йок. — Но какая польза от этого для Ом?

— Ом коллекционирует копии разумных миров, — ответил Джозеф. — Распространяя алла и давая возможность пользователям зарегистрировать себя, получает при этом информационные коды пользователей. Если взять аналогию с земледелием, то алла — это скорее бульдозер, чем плуг. Здесь нужны самоограничение и осторожность. В особенности для расы, имеющей лишь одномерное будущее.

— Ты говоришь о том, что такие, как мы, могут и перебить друг друга при помощи алла, так? — спросила Йок. — А может быть, вы этого и хотите? Чтобы потом метамарсиане смогли захватить Землю?

— Йок, мы уже говорили тебе, что собираемся раскодировать на Земле еще лишь одного метамарсианина, — ответил Джозеф. — Как только нас станет семеро, мы достигнем канонического размера семьи и соединимся для того, чтобы создать нового метамарсианина, и после этого двинемся дальше — надеясь, что сумеем определить правильное направление к району нахождения двумерного времени. Ни один из метамарсиан не пожелает остаться на такой планете, как Земля.

— Мы еще ни слова не сказали о смертоносных энергошарах, — сказал Фил. — Откуда они берутся?

— Энергошары — не что иное, как визуальное представление нашей Богини Ом, — объяснил Джозеф. — Однако тот, к кому прикасается Ом, не умирает, а возносится.

Прежде чем они успели продолжить свои настойчивые расспросы, к ним на веранду вошел высокий тонгиец. На нем была белая рубашка, галстук и голубая юбка. Тонгиец щурился на ярком солнце.

— Привет, Кеннит, — сказала Йок. — Это мой друг Фил. Я хочу, чтобы он остался тут, с нами.

— Хорошо, — ответил Кеннит. — Я только что разговаривал с ЕКВ, и он не против. Если не возражаешь, мы попросим Фила поселиться в твоей комнате. Для того, чтобы нам не гадать, в какой раковине находится жемчужина.

— Хорошо, — ответила Йок, не поднимая глаз.

Она только что создала ящерицу, кролика и мышь. Зверюшки стрелой бросились наутек под стол. А для украшения стола Йок изготовила при помощи алла великолепную орхидею в горшке.

— А в комнате две кровати. Хочешь, я и тебе сделаю что-

нибудь при помощи своей алла, Кеннит?

— Нет, благодарю. ЕКВ сказал, что корабль тонгийских ВМС прибудет в бухту сегодня днем. Мы хотели бы, чтобы ты наполнила его трюм золотом и имиполексом до сегодняшней ночи. Это выполнимо, и ты ничего не имеешь против?

— Это возможно, Джозеф? — спросила жука Йок. — В алла достаточно энергии?

— Кварк-операции похожи на складную головоломку, — ответил Джозеф. — Словно бы ты сначала смотришь на что-то, а потом видишь этот же предмет, только другим образом. Преобразование же друг в друга протонов и нейтронов вообще ничего не стоит. Однако твой вопрос имеет смысл, потому что перестановка частиц в другой тип атома может происходить как с выделением, так и с поглощением энергии, даже в том случае, когда используются короткие пути через высокие пространства. Ом действует как своего рода банк для таких превращений. Энергии перетекают туда и обратно через вихревые воронки высших пространств, которые связывают Ом и алла.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Фил.

— Поразмысли над этим: «Мир существует». По-моему, это звучит тоже слишком хорошо, чтобы быть правдой, — ответил Джозеф. — Почему вокруг нас существует нечто, вместо ничто? Почему существует Ом? Нам просто повезло, только и всего.

— Теперь я хочу пойти поплавать с Филом с маской и в ластах, — прервала их Йок. — Вы не против?

— Йис, — ответил Кеннит. — Но если вы кого-нибудь встретите, не показывайте алла. Мы не хотим понапрасну будоражить наших людей. С кем поплывет Фил, с Таштегу или Даагу?

— Сегодня я хочу поплавать только с маской и в ластах, и все, — ответила Йок. — Я не хочу, чтобы рядом со мной все время болтались какие-нибудь чудики-молди. Только Фил, Джозеф, Кобб и я. В случае чего, Кобб нас защитит.

Мисс Тета нашла им два комплекта ласт, маски и трубки. Йок и Фил спустились по крутым ступенькам вниз, к воде, позади за ними шлепал Кобб. Джозеф ехал, прицепившись к бретельке бикини Йок. Тонгийцы особенно не интересовались подводным плаванием. Таштегу и Даагу остались лежать на солнце, растекшись лужами, не обращая внимание на то, что Йок и остальные ушли.

Фил и Йок вместе скользнули в воду, Кобб и Джозеф поплыли рядом с ними. Филу казалось, что он попал в Рай. На дне был плотный белый песок, вода в бухте — непередаваемо чистая. На дне тут и там виднелись небольшие пучки кораллов, вокруг

каждого кустика кружился свой косячок разноцветных рыбок. Имелись также и трепещущие морские актинии, большие, розовые и несимметричные, сильно отличающиеся от маленьких анемонов, похожих на дверные ручки-набалдашники, к которым они привыкли в Калифорнии. В щупальцах анемонов отдыхала полосатая рыба-клоун, немедленно бросившаяся вперед, чтобы поприветствовать Фила — но когда он увидел ее ближе, в улыбающемся рту клоуна сверкнули ряды острейших зубов. Рыба-клоун совершенно не собиралась здороваться с ним, она явно защищала свою территорию.

Тут и там на дне виднелись огромные раковины, разиньки или венгерки, невероятные мастодонты диаметром несколько футов с зубчатыми краями. Раковины покоились на дне, частично приоткрыв свои створки, в щели между створками виднелась мясистая внутренняя начинка, мантра, окрашенная в каждой раковине в свой цвет: некоторые — голубые, некоторые — зеленые, некоторые — красные, некоторые — удивительные, переливчато-жемчужные.

С верхних створок некоторых раковин поднимались рожки оленьих кораллов. Раковины и кораллы составляли прекрасные, совершенно разбалансированные композиции, неповторимые и недоступные для созидания по причине высокой природной внутренней логики. В ветвях одного из кораллов заметна была обитающая там одинокая рыбка. Душа Фила стремительно наполнялась впечатлениями, подобно пустому винному бокалу, опущенному в воду. Как возможно вместить в себя столько окружающей красоты? Он плыл следом за Йок, потом они остановились, чтобы перевести дух и отдохнуть на макушке высокого коралла.

— Мы в раю, Йок?

— Да, — ответила Йок. — И мне приятно, что я оказалась тут с тобой.

Они поцеловались, на этот раз гораздо дольше, чем в первый.

Следующие минут сорок они плавали вокруг коралла, болтали, больше узнавая друг о друге. И чем больше Фил разговаривал с Йок, тем больше она ему нравилась.

Как и Фил, Йок придерживалась трезвости и воздержания. Йок также разделяла презрение Фила к удобным и привычным жизненным целям.

— Это похоже на то, словно бы общество желает, чтобы ты стал машиной, — так понимала это Йок. — Ты устроен таким образом, чтобы воспринимать только то, на что тебя запрограммировали, не обращая внимания на все остальное. Видеть только деньги или шмотки, или наркотики, или успех в

карьере. Люди не хотят видеть настоящий мир, то, что в реальности имеет цену.

Однако, в отличие от Фила, презрение Йок к обществу не сделало ее неподвижной в развитии, не парализовало ее чувств.

— Есть столько всего, что я хочу успеть сделать в жизни.

— Каждое утро, просыпаясь, я думаю о том, какой сегодня будет новый и счастливый день, — сказал Фил. — Так я живу, это мой главный принцип. Вместо того, чтобы придумывать, что бы мне сегодня сделать, чтобы мой день стал хорошим и полезным. Жизнь и без того отличная штука. Мне ничего не нужно делать, чтобы сделать жизнь еще лучше. По правде сказать, если я все же решу что-нибудь сделать, то скорее всего все только испорчу.

— Нет, Фил, это не так, — возразила Йок. — Мы должны трудится над нашим миром. Мир очень далек от совершенства. Ты смотришь, какие новости передают по ювви?

— Я никогда не смотрю новости, — признался Фил. — Для меня это поток дерьма. Новости, реклама, развлекательные передачи — все это одно и то же. Покупай и съедай побольше, потом высирай все наружу и покупай снова.

— Да, это способ убежать от реальности, — кивнула Йок. — Но это тоже ненормально. Если ты недоволен тем, как вы здесь живете, тогда тебе нужно побывать на Луне. На Луне очень много виртуальной реальности. На Земле вы хотя бы окружены природой.

— Большинство людей не замечают природу, — ответил Фил. — Или, скорее, природу они воспринимают через очередной прогноз погоды. Но мне кажется, не следует говорить о «большинстве людей». В этом тоже заключена ловушка. Моя цель — не оказаться втравленным ни в какие цели. Просто держаться в стороне и сохранять спокойствие. Я ничего не хочу исправлять, кроме самого себя. А остальной гребаный мир может гребануться еще больше, если ему так хочется.

Они стояли по пояс в воде. Йок умыла лицо, чтобы немного охладиться.

— Мне очень нравится поверхность воды, то, как отражения поднимаются и опадают на ней вместе с волнами, как цвета внизу становятся то ярче, то темнее. Это как бесплатный компьютер.

Фил, решив оценить сказанное, наклонился вниз, и несколько минут они молча изучали отражение в воде и колышущиеся внизу тени. Потом он поднял голову и взглянул на остров. На берегу сидел рослый охранник, Кеннит или кто-то другой, и время от времени подносил к глазам ладонь щитком, чтобы получше разглядеть их.

Взявшись за руки, Фил и Йок побрели вдоль берега, чтобы

убраться с глаз долой от людей на берегу. Кобб распластался на пляже немного в отдалении от них у самого края воды и предавался солнечным ваннам, Джозеф был занят тем, что быстро ползал у края прибоя, изучая мелкие формы морской жизни. Йок сделала себе и Филу при помощи алла бутылку холодной питьевой воды.

— Алла — могущественная вещь, — заметила Йок, передавая Филу бутылку. — Немного потренироваться, и я смогу сделать все, что угодно.

— Даже больше, чем есть в каталоге?

— Да, я выйду за пределы каталога, если ты это имеешь в виду. Кажется, Фил, я говорила тебе, что хочу найти алгоритмы природных процессов? Как, например, коралловых рифов. Здорово было бы знать, каким образом вырастить коралл при помощи алла. Отдельный полип свободно плавает в воде, потом прикрепляется к какой-то поверхности. Я могу сделать при помощи алла имиполексовый полип коралла с ДИМ-начинкой, хотя могу сделать и настоящий полип. Но интересней все же сделать настоящий, вроде тех имиполексовых червей, что живут на ферме Бабс Муни, или ее «прядильщиков». И потом, господи, я столько всего смогу придумать с растениями. Мать Земля — это просто море свободной биоинформации. — Йок улыбнулась своим счастливым мыслям.

— Кстати, о Бабс — я немного тревожусь о том, что Ренди Карл Такер рассказал мне о ней, — сказал Фил. — Незадолго до того, как я улетел на Тонга, Ренди сказал мне, что Бабс попросила его достать ей несколько ДИМ-пиявок.

— Да, новость действительно тревожная, — кивнула Йок. — Я немного знаю Ренди. Он говорит как крутой парень, но на самом деле вовсе не такой. Он вполне приличный и честный. Как правило, честный.

Йок улыбнулась Филу и пожала ему руку.

— А о чем ты мечтаешь, какие у тебя планы на будущее? Ты хотел бы владеть рестораном?

— У меня нет амбиций и нет целей, — ответил Фил. — Я просто хочу исключить из своей жизни, по возможности, все заботы. Нет, я не мечтаю о том, чтобы стать владельцем ресторана. Я не хочу всю жизнь заниматься тем, чтобы кормить жадных, голодных и уродливых людей. Зачем мне это? В глубине души я чувствую, что способен на что-то важное, но что это может быть, я не знаю. Иногда я начинаю бояться того, что в моей жизни так и не произойдет ничего стоящего. У меня были ручные дирижабли, и они мне очень нравились. Но я понимаю, что это глупо.

— Ты как раз собирался показать мне дирижабли, когда…

— Да, Кевви… — поморщился Фил. — Я создал эти дирижабли своими руками. Люди не используют дирижабли, потому что они летают медленно и не всегда туда, куда нужно. Гелий довольно дешевая штука, даже без алла. Главная проблема дирижаблей, что их постоянно сносит ветер. Но мне кажется, я могу придумать способ перебороть ветер. И, может быть, смогу устроить свое дело, буду продавать дирижабли. Хотя я понимаю, что это звучит глупо. Как и все идеи, которые приходят мне в голову.

— Нет, это замечательно, — рассмеялась Йок. Некоторое время они целовались, потом поднялись и потянулись. На солнце стало слишком жарко стоять.

— Ну, куда теперь? — спросил Фил. — Пойдем обратно.

— Думаю, нам нужно попробовать сбежать, — сказала Йок. — Мне неприятно от того, что они держат меня тут как в тюрьме.

— И куда ты хочешь пойти? — спросил Фил.

— Куда-нибудь, все равно. Меня совсем не привлекает идея провести весь остаток жизни, сидя на острове в домике с двумя служанками и четырьмя телохранителями. У меня каникулы и я отправилась путешествовать, в конце-то концов. Я хочу погулять по Нейафу. Эй, Кобб, Джозеф, идите-ка сюда.

Услышав призыв Йок, двое немедленно появились.

— Ты можешь отнести нас по воздуху до Нейафу? — спросила Йок Кобба.

— Но они увидят, — ответил Кобб, указывая пальцем вверх. — Таштегу и Даагу пустятся за нами в погоню. Мне совсем не улыбается драться с ними. Они злые ублюдки.

— Мы можем пробраться вплавь под водой, как подводная лодка, — предложил Фил.

— Но они все равно нас заметят, — возразил Кобб. — Здесь вода на редкость чистая. Я уверен, что они заметят меня, прежде чем я отплыву как следует от острова.

— Они не заметят тебя, если ты поплывешь там, куда они смотреть не будут, — сказал Джозеф. — Я знаю, как это определить.

Кобб растянул и утончил свое тело так, чтобы обхватить им и Йок, и Фила вместе с пристроившимся где-то на них Джозефом. Джозеф, подключившись к общему ювви-пространству, дал всем возможность видеть то, каким удивительным образом представлялся ему мир.

В обычной ситуации, пытаясь представить свое будущее, Фил воображал единственный маршрут, по которому двигается его тело, по пути совершая различные действия и поступки, эдакий

мысленный фильм. Однако теперь, благодаря Джозефу, он видел свое ближайшее будущее — в виде, если можно так выразиться, большого дома со многими залами и комнатами. В некоторых комнатах и залах Таштегу и Даагу настигали Кобба и разделывались с ним по-свойски, но в некоторых комнатах Кобб выплывал из зоны достигаемости охранников-молди без помех.

Подобным образом они проплыли через всю бухту, передвигаясь зигзагами от одного коралла к другому. В одном особенно сложном месте, в поле зрения Джозефа они оказались схваченными во всех вариантах, кроме одного. Так им удалось выбрать единственный верный путь на волю, означающий, кстати, что Кобб резко ушел в глубину и зарылся там в донный ил. Прошло немного времени, и снова начали появляться новые различные варианты безопасного будущего. Кобб поплыл вблизи берега и спрятался под одним из причалов порта Нейафу, а потом, когда никто не смотрел в их сторону, быстро выбрался наружу.

Изрыгнув Фила и Йок, Кобб выпустил их на причал. При помощи алла Йок сделала себе и Филу пару неприметных шорт и маек. Вместе они вышли из порта и направились вдоль Вава-у, разглядывая разной величины яхты, некоторые из которых явно пристали к берегу только для того, чтобы покрасоваться. Кобб остался дожидаться их в воде, а Джозеф устроился в волосах Йок, словно драгоценная заколка.

Они миновали несколько небольших, явно не туристического толка магазинчиков, закрытых по случаю воскресенья. Консервы, веревки, плетеные веера, резиновые ремни, немного невзрачной одежды. Для довольно раннего утра солнце светило очень жарко. Мимо них медленно прошли несколько тонгийцев, все вежливые и симпатичные, одетые по случаю выходного дня в лучшую одежду. Вчера Кеннит сказал Йок, что поход в церковь на Тонга — это главное событие дня почти для каждого. Фил слышал хоровое пение молящихся, доносящееся откуда-то неподалеку.

— Давай зайдем сюда, — предложила Йок, увидев небольшое заведение, сколоченное из деревянных щитов и покрашенное голубой краской: «Щедрый бар». Они выбрали столик у окошка и уселись; за соседним столиком сидела пара подвыпивших портовых крыс, один — темнокожий фиджиец, другой — бледный новозеландец. Йок попросила мороженое, а Фил заказал себе колу.

— Слушай, — прошептала ему через минуту Йок. — Они говорят про Онара.

— Типичный американец, болтает без умолку, всегда хвастает, — говорил новозеландский киви. — Постоянно болтает

о солидных знакомых, несколько раз упоминал ЕКВ. Он спрашивал, какой из элементов в природе наиболее ценный и лучше всего может найти сбыт, в смысле извлечения выгоды. Точно так и говорил. Что ты на это скажешь, Нукку?

— Дороже бумажки в сто долларов ничего нет! — воскликнул фиджиец.

— С этим влипнешь в первой же лавочке, разве ты не понимаешь, болван ты эдакий. В каждой банкноте сейчас есть встроенный ДИМ; каждая банкнота регистрируется Гимми и держится на заметке, словно породистый пес. Невозможно так просто напечатать деньги с номерами, которых не существует на самом деле. Он спросил меня, какой *элемент* в природе самый дорогой, имея в виду простейшие химические вещества, неужели непонятно?

— Углерод! — предложил тогда фиджиец. — В виде очень и очень красивого бриллианта!

Киви сморщил рыбью рожу: нет.

— Сейчас рынок алмазов совсем из рук вон. Я слышал, что «Мбанджи ДеГроот» продает объемный наноманипулятор, благодаря которому кривая цен стала линейной, а не экспоненциальной. Нет, мой дорогой друг, четыре главных элемента — это радий, платина, золото и палладий. Рынок палладия и радия небольшой и малоликвидный, платина же держит верхние строчки. В итоге я сказал Онару, что лучше всего пойдет в продажу золото. Этот металл полностью защищен от любых нано-махинаций и манипуляций, ты и сам должен это знать. Пока никто не изобрел способ превращать один из базовых элементов в другой, верно?

— А как же насчет того, когда черные люди едят белых людей?

Фиджиец улыбнулся, обнажив острые подпиленные зубы. В этот момент официантка принесла им еще по порции выпивки.

— Где сейчас Онар? — шепотом спросил Фил у Йок.

— Кто его знает, — ответила та. — Когда я вместе с Коббом отправилась на встречу с пришельцами на дно океана, то неожиданно поняла, что больше не желаю иметь никаких дел с Онаром. Стало ясно, что он собирается втравить меня во что-то действительно опасное, и втравит не моргнув глазом, тогда зачем мне рисковать? Я ничем ему не обязана. Он просил меня отдать ему алла, на что я предложила ему убраться к черту.

Йок сделала паузу, чтобы увидеть, как отреагирует Фил, глядя на него поверх полной ложечки ванильного мороженого.

— И что было дальше?

— Кобб и я послали Онара подальше и полетели на Нуку-

Алофа. Но я не хотела уезжать так рано, потому что еще ничего не видела на Тонга. Я имею в виду, что прилетела сюда, чтобы заняться подводным плаванием. После этого, я так понимаю, Онар позвонил по ювви королю, потому что очень скоро тот позвонил мне и сказал, что позволит мне погостить на его острове в бухте Вава-у, если я соглашусь сделать для него некоторое количество золота и имиполекса. Я подумала, а почему бы и нет? Но, по большому счету, все вышло не самым лучшим образом. Как я понимаю, все жители Тонга скоро узнают о том, что здесь творится. А само Тонга стало для меня вроде тюрьмы. Мне нужно сваливать отсюда при первой же возможности.

— Хочешь вернуться в Сан-Франциско? — спросил Фил. — Но я только что прилетел сюда. Обратный билет стоит кучу денег. А мы с тобой тут ничего еще не видели.

— Думаю, наверное, мне лучше вернуться обратно на Луну, — сказала Йок. — Нужно показать алла моим друзьям и семье. Алла совершит переворот в нашей жизни. Это слишком важная и большая тема, чтобы обсуждать ее по ювви. Но хорошо, Фил, ты прав, нам нужно немного побыть на Тонга, погостить тут вдвоем.

— Если вы улетите, заберите и нас с собой, — громко проговорил Джозеф, его тоненький голос был уверенным и звучным.

— Вот уж ничего не могу про это сказать, — ответила Йок. — Улететь отсюда с шестью пришельцами? А куда и когда вы собираетесь отправиться дальше? Где ваш новый узел?

— На Вава-у, — ответил Джозеф. — В одном тихом месте.

Выходя из бара, Йок и Фил спросили барменшу о местных достопримечательностях.

— Думаю, вас заинтересует церковь, которая находится в конце этой улицы, — сказала им женщина за стойкой. — Но вам придется идти туда по самому солнцепеку. К тому же служба наверняка уже закончилась. Если вы пойдете в другую сторону, то попадете на гору Талау, к тому же дорога туда по тени.

— И какой высоты эта Талау? — спросил Фил.

— Сто тридцать один метр, — гордо ответила женщина.

— Ну, это мне по силам, — махнула рукой Йок.

Они пошли бок о бок под сенью необыкновенного вида тропических деревьев, таких, каких Фил никогда раньше не видел: некоторые с листьями как у папоротника и с огромным количеством оранжевых и пурпурных цветов, некоторые со стволами, словно вылепленными из теста. Джозеф сидел тихо, дав им возможность наслаждаться друг другом. Они прошли мимо школы и длинного ряда приземистых домишек. Постепенно

дорога выродилась в узкую вытоптанную тропинку. Они прошли мимо заржавевшей, но некогда весьма оригинально выкрашенной в полоску машины, рядом с которой стояла одинокая и очень строгого вида коза. Еще немного дальше тропинка устремлялась вверх, знаменуя подъем на средних размеров холм: гору Талау. Они поднялись до самой вершины. Оказалось, что там великое множество деревьев и не такой уж хороший обзор: океанский простор до самого горизонта. Некоторое время они целовались. Фил наслаждался открывшимся видом, запахом растений и присутствием Йок. Ее отчаянно-смелыми глазами. Оглядевшись, Фил нашел огромный стручок, вроде бобового, висящий на лиане, исчезающей где-то в перепутанной кроне деревьев.

— Какой *серьезный* стручок, — сказала Йок. Стручок был приятного светло-зеленого цвета и длиной достигал трех футов.

Фил попытался оторвать стручок. Он крутил его так и сяк, дергал из стороны в сторону, но стручок отказывался сдаваться. В конце концов он одолел стручок, но для этого пришлось перегрызть крепкий черенок зубами. Тот имел великолепную, слегка изогнутую форму, и внутри угадывалось семь больших вздутий, означающих скрытые внутри семена. Стручок точно сошел со страниц сказки или фантастической истории. Фил и Йок немало над ним посмеялись.

По дороге вниз Джозеф внезапно приказал им пригнуться и спрятаться за одной из хижин туземцев. Выглянув из-за угла, Фил увидел промчавшегося мимо во весь опор бронзовотелого молди-бегуна. Молди имел вид плечистого мускулистого мужчины, хотя и одетого в красное бикини.

— Таштегу, — прошептала Йок.

— *Мало э лелей*, — произнес позади них голос.

Это был старик, вышедший из двора соседнего дома. На его рубашке не хватало нескольких пуговиц, нескольких зубов тоже не доставало, в руках он нес небольшое алюминиевое ведро, полное рыбы. Старик с удовольствие остановился возле Йок и Фила, чтобы завести разговор о своей сестре, которая жила в Калифорнии. Старика звали Лата. Фил спросил Лата о стручке, который он нашел на горе.

— Этот стручок называется *лофа*, — объяснил им Лата. — Если вы сорвете такой стручок после того, как он созреет, то его можно использовать для того, чтобы… танцевать.

— Как я понимаю, он имеет в виду кастаньеты, — догадалась Йок и прищелкнула пальцами.

Лата пригласил Йок и Фила зайти в свой дом, чтобы показать раковины. Они все сняли обувь, уселись на кровать, и Лата принес свой сундучок, небольшой пластиковый ящик, внутри

которого находились завернутые в бумагу раковины.

— Можете выбрать себе несколько раковин, — предложил он. — Столько, сколько понравится.

— Нет, нет, — торопливо отказался Фил, но потом подумал, что невежливо отказываться от знаков гостеприимства. Йок выбрала для себя большого рапана, две коричневые каури и две каури, похожие на зубы.

— Сейчас самое лучшее время идти обратно, — подсказал им Джозеф, на этот раз обратившись к ним по ювви. Они поднялись и начали прощаться.

— Это было так трогательно, когда он предложил нам свои сокровища, — сказал Фил, когда они снова оказались на погруженной в тень улице. Лата стоял на крыльце, внимательно глядя им вслед.

— Может быть сделаешь для него что-нибудь при помощи алла, Йок?

— ЕКВ сказал, что ни один из тонгийцев ничего не должен знать, — строго ответила Йок.

— Хорошо, Йок, поступай как знаешь. Но видишь вон там, у стены дома Лата, стоит старый ржавый велосипед? Может, сделаем для него новый классный велик, с титановой рамой, багажной корзиной и всеми причиндалами?

— Что скажешь, Джозеф? — спросила Йок.

— Я только наблюдатель, — ответил жук.

— Хорошо, я сделаю для него велосипед, — сказала Йок и взяла в руку алла. Потом повернулась спиной к Лата, словно бы для того, чтобы спрятать от него чудо — хотя было трудно не заметить появление прямо из воздуха из светящихся нитей сверкающего лаком новенького велосипеда. Придумывая дизайн велосипеда, Йок изменила программу алла так, что сверху титановая рама оказалась покрытой узором из золотистых ракушек каури. Она взяла чудесный велосипед за руль и провела его через весь двор, чтобы вручить старику. Тонгиец принял дар с радостью и достоинством. В великой круговерти вещей, в конце концов, велосипед был равной меной за его раковины.

Через некоторое время они уже были на полпути обратно к Нейафу, причем Лата теперь ехал на новом велосипеде вместе с ними, непрерывно звоня в звонок. После этого все вокруг сошли с ума. Каким-то образом люди в ближайших домах узнали о великолепном волшебном даре. Мужчины, женщины, дети с криками выбегали на улицу, в большинстве своем одетые в нарядную воскресную одежду, и все без исключения предлагали подарки. Раковины, цветы, циновки, даже просто банки консервированных бобов и мяса. Очень скоро стало трудно идти

вперед. Для того чтобы отвлечь людей, Йок сделала несколько ведерок мороженого, а потом выпустила из алла дюжину прыгучих мячей, но все просили чего-нибудь ценное. Тогда Йок сделала несколько золотых браслетов, а потом — что обрадовало толпу больше всего — сотню новеньких ювви. У многих тонгийцев никогда не было своего ювви.

К тому времени, когда они добрались обратно до порта, за ними двигалась огромная разросшаяся за время пути толпа. Кто-то попытался выхватить у Фила из рук его стручок лофа, но Фил крепко держал свою добычу. Он думал было позвать по ювви Кобба, но в тот же самый миг старый молди вырвался из океана, словно сам бог Нептун, и бросился на помощь своим молодым подопечным. Йок сделала трех собак, которые, как только материализовались, сразу же бросились на толпу с яростным лаем — в результате чего для посадки Кобба образовалось место. Кобб обнял Йок и Фила руками и вместе с ними ракетой поднялся в воздух. Но Таштегу и Даагу уже заметили их и неслись им наперехват.

— Джозеф куда-то делся! — крикнула Йок Коббу. — Я не знаю, как оторваться от Таштегу и Даагу!

Кобб спикировал вниз и бросился в воду гавани. Еще в полете он раскрыл свое тело, окружил Фила и Йок имиполексом и сразу же принялся подавать им воздух. Но бронзовый Таштегу и огромный черный Даагу уже были с ними рядом и схватили Кобба, а с ним Фила и Йок. Все вместе они вплавь, держась под водой, добрались до островка с такой скоростью, что самым проворным из местного населения невозможно было угнаться за ними. У Фила остался его стручок, а у Йок — ее раковины.

— Я слышал, что вы подняли в Нейафу бунт, — сказал им нахмуренный Кеннит, как только они поднялись по лестнице от берега. — И это в Господний-то день. Вы сделали именно то, что вам в первую очередь было запрещено.

— Ну и что с того? — агрессивно спросила Йок. — Что вы мне за это сделаете?

Кеннит ничего не ответил. Никто еще не знал, что можно, а чего нельзя делать с Йок.

— Корабль придет завтра, — наконец сказал им Кеннит. — Завтра утром мы попросим тебя сделать для нас имиполекс.

Это было все.

После этого Фил и Йок ужинали вместе с тонгийцами за длинным столом на веранде, ели настоящую тонгийскую еду, приготовленную мисс Тета. Рыба, таро, свежий сок. Вскоре на лице Кеннита не осталось и следа обиды или раздражения, другие же тонгийцы с самого начала не выказывали никаких

претензий Йок и во всем были дружелюбны. Все наперебой рассказывали Филу и Йок о Тонга, обучали их языку, истории архипелага, здешним обычаям, географии.

Пока люди ужинали и разговаривали, Кобб тусовался с Таштегу и Даагу на краю поляны перед домом. Несмотря на то, что прежде у Кобба не сложились отношения с тонгийскими молди, на этот раз эта троица как будто бы поладила. Судя по тому, как чересчур оживленно и на повышенных тонах происходила их беседа и как часто раздавался с их стороны смех, похоже, у кого-то из них был с собой бетти.

Вскоре наступила ночь, небо было поразительно чистое и полное звезд. От вида ярких звезд, тихого голоса Йок и полной луны у Фила кружилась голова. Потом настала пора идти спать.

— Сегодня ночью *я не стану* делать этого с тобой, — сказала ему Йок, когда дверь спальни за ними затворилась. — Я хочу, чтобы все произошло постепенно. Я не хочу ошибиться и торопить события. Поэтому не станем спешить, хорошо?

— Ладно, — кивнул Фил. — Мне хорошо с тобой, и я счастлив, Йок. У нас много времени — я так надеюсь.

Фил принял душ, надел боксерские трусы и майку вместо пижамы. Йок, в ночной рубашке, сидела за столом и играла со своим алла. Она сделала огромную призму из зеленого стекла с пузырьками воздуха, застывшими в ней. Призма стояла на широкой стороне, возвышаясь над столом, быть может, на десять дюймов. В грани призмы было просверлено удивительное смотровое отверстие. На одной грани стекло было гладкое и полированное, другая грань осталась необработанной; увидев призму, Фил сразу же испытал невыносимое желание к ней прикоснуться. Он протянул руку и погладил грань призмы.

— Как красиво, Йок, — сказал он.

— Спасибо. Это все алла — самое совершенное орудие труда на свете. Я могу сделать при помощи алла все, о чем только пожелаю и что придет мне в голову.

Йок закрыла глаза, обратившись в себя. Над поверхностью стола появилась сетка из ярких светящихся нитей, клубок горящих скрученных нитей величиной с кулак. Послышалось гудение воздуха, и внутри светящегося клубка сформировалась скрученная лента Мебиуса с узором из забавных муравьев, похожих на иероглифы, ползущих по бесконечной протяженности. Наклонив голову к плечу, Йок критически рассмотрела свое творение.

— Знаешь, что у нас на Луне тоже есть муравьи? — спросила она Фила. — Они проникают всюду. По-моему, нужно сделать этих ребят немного потолще.

— А ты можешь переделать эту полосу? — спросил ее Фил. — Мой бывший сосед по комнате, Дерек, скульптор, говорил, что скульптура половину работы проделывает сама. Он разговаривает со своими скульптурами. Он все время смотрит на то, что он сделал, и продолжает изменять форму, цвет и остальное. То же самое делаю я, когда готовлю блюдо. Я снимаю пробу, добавляю пряности, снова пробую, еще добавляю чего-нибудь.

— Прекрасная идея, — сказала Йок.

Она заставила алла выпустить из себя облако золотистых нитей, сетка окружила ленту Мебиуса, и та неожиданно — *упф* — снова обратилась в воздух. Потом, не убирая сетку, Йок представила муравьев, ползущих по ленте, немного потолще и приказала:

— Осуществить.

И сразу же лента Мебиуса вернулась на место, но только на этот раз с более крупными муравьями, не просто выгравированными, а рельефно выступающими над поверхностью ленты.

— Да, — удовлетворенно сказала Йок, откладывая алла. — Спасибо за совет, Фил.

— Можно мне попробовать сделать что-нибудь при помощи алла?

— Шиммер сказала, что этой алла никто не может пользоваться, только я одна, — ответила Йок.

— Но ведь она не следит сейчас за нами, правильно? Ну пожалуйста, Йок, дай мне попробовать, хоть раз.

— Только не сломай.

Йок протянула Филу маленький золотистый цилиндрик. Цилиндрик удобно лег Филу в руку, немного покалывая его ладонь. Фил поднял алла и взглянул через отверстие на ее конце — ему увиделась их комната, но только в уменьшенном виде и постоянно вращающаяся, от чего немедленно начинала кружиться голова.

— Словно смотришь в глаз торнадо, — сказал он. — И как мне сделать что-нибудь?

— Ты должен дать инструкции по ювви, — объяснила Йок.

Фил попробовал, но алла ему не подчинилась. Он даже ответа никакого не получил.

— Я думаю, алла сконструирована так, чтобы реагировать только на сигналы моего ювви, — сказала Йок. — Давай попробуем так — ты свяжешься со мной по ювви, а я передам сигнал алла.

Еще в течение минуты они пытались организовать прямую связь с алла, но ничего не получилось.

— Ненавижу эти компьютерные штуки, — наконец пробормотал Фил.

— Дай я попробую, — сказала Йок, и через мгновение она установила прямую связь между собой, ювви Фила и алла.

— Привет, — раздался в голове Фила скрипучий голосок алла, словно заговорил персонаж мультфильма. Потом появилось изображение чего-то, что не было ничем определенным: аморфный серый шар, примерно сферической формы, висящий на фоне белой поверхности.

— Ты должен дать мне указания, — проговорил голос алла.

Фил не смог придумать ничего лучшего, чем зубная щетка, которую он оставил дома. Серая сфера удлинилась у одного края, и на появившемся выросте выступили щетинки. Цвет и размеры оставались прежними — неопределенными. Под влиянием малейших мысленных приказов Фила формы щетки мгновенно изменялись, изгибались и отклонялись в одну сторону и другую.

— Какая чувствительность, верно? — спросила его Йок.

— Напоминает исследование мира зубных щеток, — ответил Фил, постепенно овладевая навыками формирования объекта. Жесткость щетины, прогиб ручки, прозрачность и упругость материала — процесс создания дизайна напоминал не самостоятельную работу, а сетевой серф через невероятного объема многоуровневый онлайновый каталог, мать всех каталогов зубных щеток в мире.

— Теперь попробуй «осуществить» какую-нибудь щетку, — сказала Йок. — Это может сработать.

— Я выбрал вот эту, — сказал Фил, обращаясь к алла, и его мысленный образ остановился на замечательной зеленой щетке, немедленно заполнившей все поле зрения. — Нет, подожди, я хочу добавить кое-что от себя.

Усилием воли Фил написал на щетке свое имя своим же почерком.

— А теперь, малышка-алла, создай этого маленького ублюдка для меня. Осуществить.

Но ничего не случилось. Сколько бы Фил ни повторял свой приказ, он так и не смог заставить появиться в воздухе сетку из волшебных светящихся нитей.

— Мне кажется, что приказ должна отдать я, — сказала Йок.

— Ты совершенно права, — проскрипела алла. — Я подчиняюсь только зарегистрированному пользователю.

— Тогда осуществи эту зубную щетку, и дело с концом, — сказала Йок, и щетка Фила упала ему на колени.

Фил отдал алла Йок обратно, которая принялась изменять и совершенствовать свои скульптуры, формируя каркас из горящих

нитей, превращая новую неудачную форму в воздух, немного исправляя каркас и создавая новую версию работы.

— Алла запоминает формат каждого предмета, который я при ее помощи материализую, — сказала Йок. — После этого очень легко изменять форму предметов.

Она немного исправила изгибы ленты Мебиуса и чуть-чуть подравняла края искривленных граней стеклянной призмы.

Фил положил стручок лофа рядом со скульптурой Йок и попытался обратить ее внимание на то, как хороши формы именно этого стручка. Ему не нравилось, что именно алла отвлекает столько внимания Йок. Стручок был кое-чем важным, что раздобыл именно он.

— Обрати внимание, Йок, какой интересный оттенок зеленого цвета, — говорил он, указывая на стручок лофа. — Как красиво.

Йок уже надоело говорить про стручок, но Фил настойчиво пытался обратить ее внимание именно на свое имущество, пытался заставить ее отвернуться от алла и любоваться лофа.

— Тебе не кажется, что стручок похож на личинку инопланетной бабочки? Или стрекозы? Стручок свешивался прямо с неба. «Джек и бобовый стебель». Что, если ночью стручок оживет и съест наши мозги? Тебе не страшно, Йок?

— Вряд ли он найдет здесь достаточно, чтобы утолить аппетит, — со смехом ответила Йок. — Извини, я просто шучу. Мне нравятся твои мозги, Фил.

Она положила на стол алла, забралась в свою кровать и погасила свет.

— Спокойной ночи, Йок, — сказал Фил, забираясь в свою постель. — Сегодня был великолепный день.

— Я рада, что ты прилетел, Фил. И, если тебе не сложно, закрой дверь, пожалуйста, а потом… я не возражаю, если ты поцелуешь меня на ночь.

23 февраля

Филу снова приснился отец, но когда на следующее утро, утро понедельника, он проснулся, детали сна уже забылись. Снаружи на веранде были слышны чьи-то голоса, и один голос раздражал больше других, самый громкий: это был Онар Андерс, который что-то говорил про чай, о том, как лучше всего чай заваривать.

Фил взглянул на кровать Йок — той уже не было на месте, но простыня еще хранила форму ее изящного тела. А стручок лофа?

Стручок преспокойно лежал на ночном столике Йок, зеленый и все еще свежий.

Фил надел шорты, которые ему сделала Йок, и чистую голубую шелковую спортивную рубашку, которую нашел в шкафу. Размер рубашки, с рисунком из звезд и солнц, был ему намного велик, вероятно, рубашка принадлежала самому королю. За окном уже было позднее утро. Чистое синее небо и легкий бриз. На веранде за столом сидели Йок, Онар и четверо тонгийцев-телохранителей, и все пили чай и кофе. Кобб тоже присутствовал за завтраком, но Таштегу и Даагу нигде не было видно.

— *Ecce homo*, — сказал Онар. На нем была белая капитанская фуражка с золотым галуном и твердым козырьком. — Се человек. Добро пожаловать на Тонга, Фил. Рад видеть, что ты нашел в себе силы и время оторваться от своей поварской работы и заглянуть к нам сюда.

— Иди к черту, Онар. Привет, Йок. Господи, наконец-то я выспался. У тебя отличная комната, Йок. В шкафу я нашел классную рубашку. О чем разговор?

— Прибыл тонгийский военный корабль, — объяснила Йок. — Предполагается, что я должна наполнить его трюм разными ценностями, которые пойдут в казну короля. Мне нравится эта новая рубашка, что на тебе, Фил. Она такая… небесная.

— Настоящий чувак королевский кровей, — сказал Фил, рассматривая подол рубашки. — А сколько времени займет наполнение трюма корабля?

— Как сказать — я ведь должна делать золото и имиполекс порциями не слишком большими, чтобы их могли переносить и грузить люди. Хочешь пойти посмотреть?

— Прошу прощения, но Фил не может подняться на борт военного корабля, — поспешно подал голос Онар. — Правила безопасности, понимаете ли.

— Ерунда, — махнула рукой Йок.

— Но ЕКВ настаивает, — повторил Онар. — Он обещал закрыть глаза на то, что вы устроили вчера в Нейафу. Некоторые из местных успели сфотографировать тебя, но благодаря ИД-вирусу на всех снимках оказалось фото Сью Миллер. Таким образом, ты по-прежнему можешь сохранять анонимность и держать при себе алла. Мы сделали все это для тебя, Йок. И ты будь умницей и помоги нам. Ведь благодаря королю ты встретилась с пришельцами и получила от них в подарок алла.

— Что ты на это скажешь? — спросила Йок Фила.

— Сама решай, — ответил Фил, чувствуя, как его захлестывает волна привычной пассивности. — Я буду скучать по

тебе, но в случае чего сумею найти, чем заняться. Может быть, пойду поплавать с маской. Или отправлюсь в Нейафу и посмотрю, что там такое есть на дороге, если идти в другую сторону. Если только ты уверена, что без меня будешь в безопасности.

— Я возьму с собой для защиты Кобба, — ответила Йок. — И об этом я даже не хочу спорить, Онар.

— Сейчас я спрошу, — сказал Онар и, не открывая рта, проконсультировался с кем-то по ювви, который был закреплен у него на затылке. — Все в порядке, — сообщил он через минуту. — Мисс Йок Старр-Майдол и ее молди Кобб приглашены на борт флагмана военно-морского флота Его Королевского Величества. Мы можем уже идти к катеру. Если хочешь, Фил, подбросим тебя до Нейафу.

Во избежание повторения вчерашней стычки с местным населением, катер высадил Фила в пустынном районе доков Нейафу, у частного причала в стороне от главного порта города. Фил помахал вслед катеру, глядя, как тот устремился к стоящему на рейде тонгийскому военному кораблю. Бедняжка Йок. Может быть, ему стоило настоять на том, чтобы отправиться с ней вместе? Однако он знал, что спорить он не мастер. Ну, да ладно.

Он дошел пешком до главной дороги и повернул направо. По пути он встретил несколько местных жителей. Все улыбались ему и кивали при встрече, словно бы узнавали его, но в лицах людей не было ничего от восторга вчерашнего дня. Очевидно, все поняли, что это именно Йок была Королевой Алла, а он просто Сопровождающий Принц, ничего более.

Фил очень заинтересовался маленькими черными поросятами, которые сновали тут повсюду. Все без исключения тонгийские дома снаружи были грязными оттого, что поросята терлись о стены боками. Он несколько раз пытался поймать поросенка, но те оказались очень увертливыми. А кроме того, у некоторых были клыки.

Он шел далее, и дома сменились деревьями и полями. На одном поле он увидел хижину, настолько примитивную и древнюю, что он даже представить себе не мог, что такое еще существует — на тонгийском это называлось «фале». Хижина была сложена на каркасе из пальмовых шестов, покрытых сверху пальмовыми же листьями, составляющими крышу. Стены сделаны из плетеных циновок, с большими прорехами на уровне пола. Перед дверью хижины сидели самые милые люди, которых Фил когда-либо видел в своей жизни, мужчина и женщина, женщина держала на руках малыша и кормила его грудью, и все трое выглядели совершенно умиротворенными. Они заметили Фила, но даже не потрудились махнуть ему в ответ. Вид райского

семейства навел Фила на мысли об Адаме и Еве. Был ли смысл давать таким людям алла, сумели бы они применить его с пользой? Изменит ли это в их жизни что-нибудь?

Фил продолжил свою прогулку и вскоре оказался перед стеной, окружающей небольшое поле. За изгородью находились вытянутые насыпи или холмики гравия, расположенные в определенном порядке и украшенные цветами, камнями и ракушками. Размер холмиков и слабый запах разложения подсказали Филу, что он попал на кладбище. Худая молодая женщина и несколько детей трудилась над одной из могил; женщина сметала с могилы мусор метелкой и сжигала его в небольшом костерке. Заметив, что Фил смотрит на нее, женщина произвела жест, который Фил раньше никогда не видел. Она протянула к нему руку с чуть согнутыми чашкой и расставленными пальцами, потом взмахнула рукой, словно высевая невидимые семена. Жест вне всякого сомнения означал: «Уходи прочь». Могла ли алла спасти жизнь человека, за могилой которого она сейчас ухаживала? «Но зачем мне беспокоиться об этом?» — подумал Фил. Людей на свете и так более чем достаточно, и все время кто-нибудь умирает.

Легкие и быстрые мысли Фила споткнулись о свежую и еще не зажившую рану, причиненную смертью отца. Да, на свете множество людей, вот только Па больше не будет никогда. Его отец был чудак, но Фил любил его. И теперь он тоскует по отцу, а тот ушел навсегда. Фил подумал о том, чем там занимается сейчас Йок на корабле короля. Все ли у нее в порядке? Может быть, ему стоит позвонить ей по ювви, хотя бы перекинуться парой слов.

Фил добрался до маленькой деревни, нескольких прижавшихся друг к другу фале. Позади деревни начинался склон невысокого холма, а за холмом был океан. Фил решил пройти через всю деревню и добраться до воды. Когда он шел мимо полей, за ним увязалась кучка ребятишек, они кричали и смеялись, всего там было три девочки и мальчик.

— *Паланги!* — кричали они ему; еще вчера Кеннит объяснил им с Йок, что по-тонгийски это одновременно означает и «белый человек», и «призрак».

Фил попросил ребят поймать для него поросенка, чтобы он мог его погладить, но ребята не стали. Возможно, боялись клыков поросенка. Мальчик лет четырех развлекался тем, что время от времени тыкал Фила в бок длинной и пугающе острой палкой. Девочка спросила у Фила, как его имя, потом сказала это остальным, и дети принялись скакать вокруг него и петь: «Фил, Фил, Фил!», оповещая о нем всю округу. Он чувствовал себя так,

словно проснулся во сне. Граница между явью и сном вдруг стала очень тонкой.

Потом он поднялся на вершину холма, а детишки отстали и вернулись к своим фале, и, уже спустившись с холма, Фил пробирался между камнями на берегу океана к воде совсем один. Был отлив, и гальку на берегу, там, где отступила вода, усыпали морские звезды, полосатые существа со змеиными отростками щупалец, большинство прятали два или три из них в какой-нибудь щели, а остальные торчали наружу. «Спасибо тебе, Господи, — подумал Фил, глядя на набегающие на берег волны, — спасибо тебе за то, что ты сотворил этот мир».

Что-то толкнуло его в ногу. Поросенок?

— Привет, Фил, — поздоровался с ним черный поросенок. — Меня зовут Вубвуб. Мне неприятно это говорить, старина, но я отчасти виноват в том, что Ом сделала с твоим отцом. Я разыскал в Сети вово и предложил Ом испытать их. Хотя, вполне возможно, еще есть способ вернуть твоего отца, если ты понимаешь, что я имею в виду. Пойдем со мной, я покажу тебе наш новый узел.

Поросенок трусцой припустился по пляжу и вскоре скрылся в небольшой дыре среди скал, очевидно, входе в пещеру. Фил вошел в дыру следом, держа руки над головой, чтобы не удариться лбом о потолок. Проход поворачивал то в одну сторону, то в другую; впереди был виден свет, и оттуда шел четкий острый запах плоти молди. Фил проследовал за поросенком, сделал последний поворот и вскоре оказался в хорошо освещенной пещере-гроте, размером со среднюю комнату. Здесь было шестеро обитателей; наиболее представительной была бледная нагая женщина — знаменитая Шиммер! Кроме Шиммер и поросенка Вубвуб, тут был симпатичный бронзовый молодой человек по имени Пта, светлогривый единорог Пег, толстая змея по имени Сисс и жук Джозеф. Все они находились в телах молди.

— Привет, Фил, — поздоровался Джозеф. — Разреши мне представить тебя другим метамарсианам.

— Чем это вы, ребята, тут занимаетесь? — спросил Фил, когда знакомство состоялось. — Зачем здесь прячетесь?

— У нас что-то вроде привала туристов, — объяснила Шиммер. — За исключением того, что наша дорога никогда не ведет домой.

Шиммер была похожа на греческую скульптуру из мягкого материала, вроде Венеры. Филу хотелось потрогать ее.

— Подобно многим другим расам, наша раса достигла той точки развития, когда мы странствуем по космосу в виде личностных волн, чем-то напоминающих космическое излучение, но все же отличающихся от него. Редко где находится «радио»,

которое может «сыграть» нас. Но зато мы не ограничены временем. Раньше или позже одному из нас непременно повезет. В прошлом году в ноябре, как вы, наверное, слышали, Вилли Тейз и лунные молди изобрели способ раскодирования личностных волн, в результате чего на свет появилось несколько пришельцев, вселившихся в имиполексовые тела.

— Это была настоящая эпидемия, — сказал Фил. — Результат был трагическим.

Несмотря на то, что голос Шиммер звучал гипнотически, благодаря своей музыкальности и красоте, Фил почувствовал, что не может не возразить инопланетянке.

— Один из пришельцев уничтожил космический порт на Луне. Сотни людей погибли.

— Да, — раздраженно отрезала Шиммер. Казалось, что вместе с великолепным телом она получила также и самовлюбленность, нетерпеливость и вспыльчивость характера, свойственные красивым женщинам. — Но тот воинственный пришелец, которого обуяла жажда убийства, не был метамарсианином. Все *мирные* инопланетяне были безжалостно убиты людьми, во главе которых стояла Дарла Старр. Только мне одной удалось спастись. И именно я уничтожила того воинственного пришельца-убийцу. Но я не прошу у вас благодарности — не больше, чем могли бы вы просить благодарности у муравья. Или у бактерии.

— Мы понимаем, что заставило вас напасть на нас и убивать, — подал голос Вубвуб. — Но мы хорошие парни, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— И все равно я не понимаю, что здесь происходит, — повторил Фил.

— Я же сказала, мы просто туристы, — повторила Шиммер. — Хотя точнее будет звать нас кочевниками. Мы живем в пути, но при каждой возможности создаем маленькую семью и производим потомство. Да, именно так, и поэтому, как только кто-то из нас переходит из волновой формы в материальный мир, он старается создать в этом узле семью, состоящую из семерых его собратьев. В течение последних нескольких месяцев я занималась тем, что старалась раскодировать несколько метамарсиан, Фил, и теперь ты видишь перед собой результат. Семь особей создают, кроме всего прочего, идеальный резонанс, необходимый для целей воспроизводства.

— Племя кочевников решило разбить бивак, так? — спросил Фил. — Но я также слышал, как Джозеф говорил что-то о том, что вы помогаете Ом. Значит, вы, кроме того, еще и миссионеры?

— Миссионеры? — усмехнулась Шиммер. — Любой

путешественник своего рода миссионер, разве не так? Но правда также и то, что наша богиня Ом следует за нами всюду, куда бы мы ни отправились. И кроме того, правда также и то, что мы помогаем Ом распространять алла там, где находим признаки цивилизации. Так сказать, «баш на баш». Процесс регистрации алла позволяет Ом получить для изучения программную основу личностей, которые взамен получают в подарок алла — и все *довольны*. Получить в свои руки силу алла — это величайший из даров, который только можно представить. Теперь ты знаешь весь план жизни метамарсиан. Во-первых, найти в космосе мир, где оказалось бы возможным раскодирование; во-вторых, создать семью из семи членов; в-третьих, распространить по миру дар Ом, алла; в-четвертых, двигаться дальше. Поэтому для Земли не возникнет проблем, когда на ней появятся дружественные инопланетяне, ты и сам должен это понимать.

— А мой отец, ведь его убили?

— Через минуту я доберусь и до этого, — ответила Шиммер, и в музыке ее голоса появился легкий диссонанс. — Можно попросить тебя не перебивать? Я хочу объяснить тебе смысл нашего существования, то, к чему я стремилась с самого начала, поэтому потерпи. Мое объяснение не продлится долго. Я совершила перелет с Луны на Землю, заключила договор с королем Тонга и его Каппи Джейн, после чего смогла использовать молди как спутниковую антенну для отбора нужных мне личностных волн. Первым я поймала сигнал Пта, потом сигнал Пег, Вубвуб, Сисс и Джозефа. Само собой разумеется, как только я была раскодирована на Луне, со мной появилась Ом, которая сразу же принялась исследовать ваш мир. Это было платой за мое рождение среди вас, так сказать.

— Ом — это то, что вы называете энергошарами, верно? — спросил Фил. — Можешь ты теперь объяснить мне, что случилось, когда Ом напало на моего отца?

— Ом это не «оно», а «она», — заметил бронзовый Пта. Тело Пта являлось как бы отражением идеальных форм Шиммер. — Ом — богиня метамарсиан. Она живет в высших измерениях. Наша раса установила с ней рабочие отношения несколько тысяч ваших лет назад. Ом прибыла к нам вместе с другими пришельцами. Ом живет вне обычного пространства и времени. Куда бы ни отправились люди Ом, олицетворение Ом всюду появляется следом за ними. Ом может проявляться в различных образах, но обычно она проявляет себя в виде четырехмерной гиперсферы.

— Четырехмерной? — взволнованно пробормотал Фил. Он уже предчувствовал близость неминуемой математической ловушки, перед лицом которой обязательно почувствует себя

тупым.

— *Яволь*, — пророкотал Джозеф, изъясняющийся с немецким акцентом. Он восседал на прелестном плече Шиммер. — На этот вопрос я могу попытаться дать ответ. При том, что я почти уверен, что Ом являет собой бытие едва ли не бесконечного количества измерений, обычно она появляется в виде энергошара. Ее поверхность ограничена участком трехмерного пространства, у которого нет граней: гиперсферой. Прошу тебя понять, что четыре измерения пространства никоим образом не связаны с измерением времени. Если вы лукаво пытаетесь упоминать измерение своего времени как «четвертое» измерение, то в таком случае энергошар должен именоваться пятимерным. Но в нашей обычной речи мы привыкли пользоваться понятием «четырехмерный» для обозначения четырех измерений пространства.

— Я не собирался приплетать время, — возразил Фил, которого на мгновение отвлекли от выяснения обстоятельств гибели отца. — Могу я в свою очередь задать вам вопрос? Если Ом может передвигаться свободно сквозь космос, тогда почему вам приходится путешествовать в виде личностных волн? Почему бы вам не попросить Ом отнести вас туда, куда вам нужно.

— Во-первых, мы никогда не знаем, где окажемся в следующий раз, — ответила Сисс. — Все, на что мы способны, это совершить чирп в состоянии личностной волны, потом лететь сквозь пространство до следующего места, где уже овладели искусством раскодирования и где нас раскодируют в новое тело, найти там новых членов своей семьи, получить знание для Ом и совершить чирп далее. Путь — это наш образ жизни.

— Но что хочет от нас Ом? — спросил Фил. — Почему она проглотила Пта и моего отца?

— Ом ужасно любопытна, и ее все интересует, — ответил Джозеф. — Твой отец привлек внимание Ом своими вово. Ом обратила внимание на вово, потому что искривление пространства рядом с ними имело очень красивую форму. Никто и подумать не мог, что Ом в качестве следующего шага решит получше познакомиться с твоим отцом. Возможно, что через некоторое время она вернет его в обычное пространство. Что же касается того, зачем Ом поглотила Пта — первоначального Пта?

Ом захотела узнать, какого рода тело может занять метамарсианин на Земле, поэтому пришлось избрать одного из нас, — объяснил Пта. — Перемещение в гиперпространство произошло очень болезненно для моего оригинального тела, но, несомненно, это была для меня большая честь. Ом выбрала именно меня по предложению Джозефа; Джозеф знал, что я

происхожу из знатного семейства метамарсиан. Малыш-жук сказал, что обожает меня и восхищается мной — но кроме того, мне кажется, он еще и завидует мне. Его выбор только возвысил мою славу. Это останется в анналах, что именно я, Пта, был первым из нашего семейства, кто посетил двумерное время, и именно я, Пта, первым из нашей семьи соединился с Ом во время ее пребывания на Земле.

— Хорошо сказано, Пта, — подала голос Пег. Голос единорога звучал как контральто, к тому же у него была вычурная манера выражаться. — Разве не прекрасно, когда кто-то плетет цепь своей работы. Подобно тому, как нанизывается одна жемчужина за другой жемчужиной, чтобы образовать ожерелье. Наверняка Фил обратил внимание, что манера речи метамарсиан напоминает фрактально разделяющийся веер.

— Да, да, да, — закивал Фил. — Почему бы вам не начать выражаться попроще, без этой вечной математики?

— Говоря о веере, мы понимаем Метамарс как место, где время ветвится насыщенно и широко, — спокойно подал голос Вубвуб. — Это привычно для нас, и так это и должно быть. Там, где время расходится широким веером, нет ничего, что бы имело значение, понимаешь, о чем я? То, как вы живете на Земле, это очень мрачный и скучный образ жизни, Фил. Всего одна тонкая и ровная временная нить и одно-единственное собственное «я». Вы, люди, заслужили того, чтобы у вас появились алла.

— Вы сказали, что по вашей вине энергошары убили моего отца, — сказал Фил, обращаясь к поросенку. — Расскажите мне подробней, как это случилось?

— Твой отец не умер, — ответил Вубвуб. — Разве ты ничего не понял из того, что тебе сказали? Тебе, приятель, в уши набилась земля? Твой папочка пребывает в гиперпространстве. Когда Ом проводит своей рукой через ваше пространство, это напоминает руку человека, проходящую сквозь воду, чтобы зацепить пальцами жука-водомерку. В одно мгновение жук еще пребывает на поверхности воды, в следующее мгновение уже находится на вашей ладони. В одно мгновение твой отец был в своей постели, в следующее мгновение уже находился внутри энергошара Ом. Возможно, он испытал боль и шок. Но сейчас твой отец в безопасности, потому что внутри энергошара Ом есть воздух и свет, а также алла для того чтобы делать еду и питье.

— Значит, мой отец жив? — воскликнул Фил. Так же как и тогда, когда Джейн позвонила ему по ювви и сказала, что Курт исчез, сейчас Фил испытал бурю противоречивых эмоций. Радость, от того, что отец может снова появиться с ним рядом. Облегчение, от того, что он сможет попросить прощения у отца.

Усталость и раздражение, от того, что ему наверняка снова придется все опять обсуждать с отцом, свою жизнь и прочее. И первобытный ужас — от того, что ему предстоит встреча с воскресшим из мертвых.

— Он сейчас в гиперпространстве?

— Это называется «ана», — объяснил Пта. — Не «в». Мы успели изучить вашу научную литературу, и «ана» и «ката» — это именно те термины, что подходят и по названию, и по смыслу для определения направлений в четырехмерном пространстве.

— Я знаю, — вздохнул Фил. — Мой отец был преподавателем математики. Мне он последнее время очень много снится. Как вы считаете, может быть, Ом специально проникает в мои сны?

— Я не знаю, — прошипела Сисс. — У метамарсиан нет снов, Фил. Метамарсиане живут в бесконечном множестве параллельных миров — нам нет необходимости иметь это прибежище, мир сна. Вубвуб прав, по большому счету твой отец жив, а с ним также находятся несколько других людей, которых так же забрала Ом.

— Как мое первоначальное «я», — добавил Пта.

— Там находятся две женщины, — подхватил Вубвуб. — Да, в самом деле. Первое, что сделала Ом, это прихватила сочную бабенку Дарлу. Ма Йок. Потом Ом забрала и старушку Темпест — а, дайте-ка вспомнить, и ее собаку тоже, и игрушку-молди, и кусок дуба. И как я смог все это сообразить? Всякий раз, когда кто-то из нас попадает в новый мир и создает семью, Ом спрашивает, кто из нас самый умный, чтобы она могла забрать его себе как образец. Ом так всегда делает. Для того чтобы взглянуть на новый мир самыми умными и наблюдательными глазами, понимаешь, о чем я говорю?

— Может быть, ты хочешь, чтобы каждый из нас рассказал свою историю? — спросила Сисс.

— Нет, наверное, нет, — отозвался Фил. Он чувствовал себя немного не в своей тарелке и смущался. Наверняка они врут ему все про отца. — Мне нужно подумать о том, что вы мне сказали. Это слишком необычно, чтобы понять сразу. Я хочу выйти на свежий воздух, на пляж.

— О, пребудь еще немного в нашей пещере, — пропела Пег. Фил заметил, что Пег заняла позицию как раз напротив выхода из пещеры, чтобы преградить ему путь. Рог Пег, длинный, крепкий и очень острый, имел весьма угрожающий вид. — Как говорил ваш поэт? «Людские голоса разбудили нас, и мы утонули». Прекрасное соотношения фраз и смысла.

Пег опустила ниже рог и пристально рассмотрела Фила своими голубыми глазами.

— Фил, тебе нужно послушать наши истории, пока у нас есть еще время.

— Я расскажу первой! — крикнула Шиммер. — Прошу внимания, пожалуйста!

Шиммер выпрямилась и сложила руки на груди.

— Мой энергошар поглотил миниатюрного молди в изоподе Вилли Тейза. То, что вы называете глупышом; это забавная фигурка, вроде куклы или домашнего животного. Нечто, пребывающее между ДИМ и молди. Эта кукла называлась Хампти-Дампти. Случилось так, что Хампти оказалась первым живым существом, на которое упал мой взгляд, — и я указала на нее Ом.

— После этого Шиммер заставила меня сказать Ом, что… — начал Пта.

— То, каким образом ты оказался здесь, не дает тебе права рассказывать от лица первоначального Пта, которого ты всего лишь копия, — перебила Пта Шиммер. — Ты ничего не приказывал энергошару. Поэтому историю первоначального Пта расскажу я.

Шиммер откашлялась, снова приняла соответствующую позу и продолжила свой рассказ.

— Когда я раскодировала Пта, я находилась на дне океана, и вокруг не было ничего, на что Пта мог бы указать Ом, для поглощения ее энергошаром. Пта может думать, что он совершенен, но на самом деле он не так уж талантлив в созидании. Поэтому мне пришлось подсказать Пта, чтобы он указал Ом на Дарлу Старр, которая находилась на Луне. Пространство ничего не значит для Ом, и она может мгновенно отправить свой энергошар в любое место по своему усмотрению. Она наша метамарсианская богиня, и хотя мы перемещаемся через космос, где бы кто-либо из нас ни появился, Ом немедленно оказывается рядом, чтобы приветствовать нас. Ом может отправиться в любое место. Восславим Ом.

— Восславим Ом, — благоговейно пробормотали остальные метамарсиане.

— Но зачем было съедать Дарлу? — спросил Фил.

— Зачем именно Дарлу? — переспросила Шиммер. — Ты можешь подумать, что я держала зло на Дарлу за то, что она убила других пришельцев и пыталась убить меня. Хотя, конечно, ни одному человеку не под силу причинить вред метамарсианину. Я не испытывала к ней зла. Злость — эмоция, не свойственная метамарсианам. Все, о чем я думала, так это что Дарла наиболее отважная и интересная личность, которую я знала до сих пор. Да. Я колебалась между выбором, предложить ли Ом ее или Стэна Муни, и мне показалось, что Дарла была

более одухотворенной. А ты, Пта, не будь таким нетерпеливым и не смотри на меня так, потому что я уже закончила рассказ. Теперь ты, Пег?

— После моего нового рождения на Земле Ом спросила меня о том, что вокруг есть интересного, и я не знала, что ей ответить, — заговорила единорог. — Тогда Ом сказала мне, что у нее уже есть Хампти-Дампти и Дарла. Внутри нашего морского дома я видела только Шиммер, Пта и траву. Тогда я спросила Ом, что бы ей хотелось получить теперь. Ом великодушно продемонстрировала мне некое забавное изображение, предмет, который она встретила в комнате Дарлы, то, что она называла «вово». Ом хотела получить себе вово. Поэтому я вошла в вашу Сеть, где и произвела поиск самого лучшего вово всех времен. Вово всех вово, которое мне удалось отыскать, находилось в саду женщины по имени Саншайн, проживающей в людском поселении в Санта-Крузе, штат Калифорния. На этом основании я направила туда взгляд Ом. Но случилось так, что тетка Саншайн, старуха по имени Темпест Пленти, как раз копала землю в компании собаки по имени Планета неподалеку от вово, и Ом, взмахнувшая своей дланью на этот раз слишком широко, прихватила и старуху, и собаку вместе с желанным вово. Вот и весь мой сказ, теперь пусть говорит Вубвуб.

— Теперь внимание Ом было поглощено забавами с этим вово; она попросила меня разыскать умельца, который его сделал, — сказал черный поросенок. — Поэтому затем Ом направила свое внимание и шар в дом Курта и прихватила и его, и половинку его собачонки по имени Фридль — я сказал половину, потому что противная собака так трепыхалась, что в результате ее разорвало пополам. Старине Курту оторвало руку, и тоже из-за Фридль, а пространственный вихрь скрутил его обручальное кольцо, от которого можно перейти прямиком к следующей истории, ты понимаешь, что я имею в виду, Сисс?

— Сказать по правде, Ом вовсе не просила меня сделать это, — пропела бледно-зеленая змея. — Просто она решила поиграть с кольцом Курта, чтобы проверить, какое впечатление это произведет на других людей. И я предложила ей проглотить вместе с кольцом небольшой кусок дуба, чтобы она могла узнать, как устроены растения.

— Моя очередь самая последняя, — проговорил радужный жук по имени Джозеф. — Я предложил Ом проглотить Пта. Как раз наступило время для нее проглотить одного из нас, тогда почему бы не проглотить самого из нас наилучшего?

В голосе Джозефа слышался намек на насмешку, а может быть, Филу это только казалось.

— Кто, по-твоему, будет следующим? — спросил Вубвуб Фила. — Мы думаем об этом, потому что близко время, когда на свет появится седьмой из нас, метамарсианин, которого мы раскодируем. И как мы уже объяснили тебе, всякий раз, когда на свет появляется новый из нас, Ом празднует это событие, что-то поедая.

— Не делайте этого! — крикнул Фил. — Она ведь может выбрать Йок!

— Каппи Джейн приготовила для нас отличную новую личностную волну метамарсианина, которую уловила недавно, так-то, Фил, — сказала Шиммер. — Мы не собираемся ждать и терять время понапрасну. Для нас очень важно образовать заключительную семерку членов. Полноценную семью.

От пустой благозвучности голоса Шиммер по спине Фила пробежал холодок.

— Стой в стороне и смотри.

Фил оттолкнул рог Пег и попытался выскочить наружу к выходу из пещеры, но Вубвуб ловко толкнул Фила под коленки, так что он упал на спину. Сисс змея подоспела как раз вовремя, чтобы поймать Фила и смягчить его падение — и сжать его тело в своих объятиях.

Лежа на спине, Фил впервые обратил внимание, что свет в пещеру проникает сквозь отверстие в потолке, через отверстие, в которое было видно небо.

При помощи встроенного алла Шиммер создала куб светящихся линий, мгновенно оформившихся в приличных размеров порцию имиполекса высотой почти по колено.

— Все готово, Каппи Джейн, — скомандовала Шиммер. — Направляй свой луч вниз.

Сигнал спустился вниз на Шиммер от спутника-тарелки, после чего, как только Шиммер наложила на куб свои прекрасные руки, вещество начало искривляться и менять форму. Постепенно из пластика оформилась фигура и, поднявшись во весь рост, приняла облик птицы, черной с белым оперением мифической птицы индейцев минах, с желтыми лапами и огромным и грозным желтым клювом. На голове у птицы имелось оперение из желтых перьев, которые придавали ей вид разбойника, скрывшего свое лицо под маской.

Минах склонил голову набок и взглянул на всех своими блестящими нечеловеческими глазами. Потом птица произвела неосмысленный каркающий звук, что-то напоминающее «привет». Филу показалось, что птица собирается его клюнуть.

— Выпустите меня! — закричал он, пытаясь вырваться из могучих колец Сисс.

— Не торопись, тебе еще рано уходить, — прошипела змея. — Мы не хотим, чтобы представление было испорчено.

Шиммер, должно быть, передала минах по ювви какую-то информацию, потому что взгляд птицы стал более осмысленным, а линия сжатого клюва немного смягчилась.

— Добрый день, — сказала им гигантская птица. Минах откашлялся, чтобы прочистить горло, потом просвистел несколько музыкальных нот, прислушиваясь к отдающемуся в стенах пещеры эху, потом заговорил снова:

— Здесь что-то устроено не так, совсем-совсем неправильно, я прав?

— Мы на планете с одним измерением времени, — объяснила Пег, поводя своим розовым рогом. — Здесь все не так, как мы привыкли. Не веди поиски понапрасну, здесь ты не найдешь другого времени, лишь жалкую событийную нить, да горстку туманных вариантов близкого будущего. Возблагодари Ом за то, что появился на этот свет, ибо теперь нас семеро, и очень скоро мы произведем на свет потомство.

— Кто? Кто сотворил этот мир? — спросил минах, на пробу раскрывая в стороны широкие крылья. — Почему здесь только одна нить времени, как вы говорите?

— Кто сотворил этот мир? Понятия не имею, — отозвался Вубвуб. — Может быть это был сам Свет. Какое имя ты выберешь себе, птица минах?

— Можете называть меня Хареш, — ответил минах. — Я нахожу это имя наименее угнетающим из всех. Я очень рад, что нас теперь семеро. Мы поможем Ом, потом произведем потомство, совершим чирп и отправимся дальше.

Птица дернула головой, словно бы что-то услышала.

— Ом разговаривает со мной. Близко время ее овеществления себя. Я должен сделать свой выбор. Ом уже глотала метамарсианина?

— Да, — отозвался Пта. — Меня. Так что больше не предлагай ей этого.

— Здесь есть человек, — сказал Вубвуб, подтолкнув своим рылом ногу Фила. — Ом уже проглотила трех людей, но, возможно, хочет еще.

— Значит, сейчас выскочит энергошар? — спросил Фил. — Ведь вы используете именно это слово: «выскочит»? Отличное слово, и очень точное. Вы, ребята, все такие умные. Давай-ка, пусти меня, Сисс!

— Нет, до тех пор пока не появится энергошар, я тебя не отпущу, — ответила Сисс. — Ом сейчас рассматривает все, что есть интересного в этой пещере, дожидаясь, пока Хареш составит

свое впечатление об окружающем мире. Поскольку мы умеем видеть будущее, то будем знать, что будет дальше, прежде, чем Ом сделает свой выбор. Но пока нам очень трудно судить, что Ом предпримет. У нее очень странные законы логики. Странные для вас, людей, но не совсем странные для нас, метамарсиан. Логика высших измерений. Подобно людским снам, может быть.

Сисс продолжала говорить, а у Фила появилось дурное предчувствие по поводу того, во что он влип. Он все время думал о тех, кого уже проглотили энергошары Ом: игрушечную молди Хампти-Дампти, оказавшуюся возле Шиммер на Луне; Дарлу, оказавшуюся возле вово на Луне же; Темпест Пленти и Планету возле большого вово в Санта-Крузе; Курта Готтнера и кусок Фридль в Пало-Альто; половинку дуба возле кольца Курта Готтнера в Пало-Альто; Пта; и…

— Да, она хочет забрать тебя, Фил, — сказала Сисс, кольцо которой внезапно ослабло. — Беги.

— Возблагодарим Ом, — подала голос Пег. — Она призвала Фила для того, чтобы он смог воссоединиться с отцом.

— Не нужно противиться Ом и пытаться вырваться, Фил, — объяснял ему Вубвуб, когда тот поднялся на ноги. — Если ты попытаешься сопротивляться Ом, то закончишь так же, как та несносная собачонка, понимаешь, что я имею в виду? Когда Ом придет, лучше всего будет, если ты прыгнешь ей навстречу, чтобы она могла забрать тебя одним глотком. Следи за самым центром ее шара, когда Ом выпрыгнет в наше пространство, и туда меться.

— Будет больно?

— Думаю, что боль будет очень сильной, — ответила Сисс. — Беги, Фил, беги! Я не хочу, чтобы энергошар пролетел возле меня.

— Спасибо тебе огромное, но совет напрасный, — огрызнулся Фил, нацелившись дать Сисс пинка — и конечно промахнувшись, потому что змея в последний момент убрала свое тело из того места, куда направлялась нога Фила.

— У тебя еще две минуты, — сказала Пег. — Воздай благодарение и постарайся использовать это время благочестиво.

Фил вышел из пещеры на берег океана и, пригорюнившись, уселся на песок, рассматривая синее безоблачное небо и вековечные накатывающие на берег волны прибоя. Все было как всегда. Через несколько секунд он, скорее всего, умрет. Значит, вот как это бывает, подумал про себя Фил. Не так все и трагично. Часть его души, как обычно, была парализована безволием и даже рада тому, что все скоро закончится.

Но была и другая часть Фила, которая точно знала, что он еще даже и не начинал жить. Он позвонил Йок по ювви. Она ответила ему почти немедленно.

— Фил?

Фил увидел, как позади Йок трудятся матросы-тонгийцы, несут что-то в трюм. Видны были также Ваана и король.

— Привет, Йок. Энергошар вот-вот заберет меня. Я на берегу на другой стороне острова. Пришельцы поселились здесь в одной из пещер. Они только что раскодировали последнего из семи метамарсианина, и Ом собирается отметить это событие, проглотив меня.

— О нет! — голос Йок сорвался, и из глаз ее полились слезы.

— Я люблю тебя, Йок.

— Не умирай!

— Метамарсиане говорят, что я не умру. То есть на самом деле я не буду мертвым. Я окажусь в пузыре в гиперпространстве. Но я… я не верю им. Четвертое измерение — это чушь собачья. Я только хотел сказать, что я рад тому, что встретил тебя, Йок. Я всегда говорил, что мне в жизни везло и жизнь моя удалась, но на самом деле моя жизнь стала такой, какой должна, только после того, как я встретил тебя. По крайней мере, мы хотя бы один день провели вместе.

Фил заметил, как над водой что-то мигнуло. Локальное мерцание словно бы искаженной перспективы.

— Оно пришло за мной, что бы это ни было. И еще одно, Йок — это Ом забрала Дарлу. Так мне сказала Шиммер, а это она указала Ом на твою Ма. Держись подальше от метамарсиан, а то они убьют и тебя тоже.

— Подожди, Фил, не уходи. Они говорили, что ты, может быть, и не умрешь?

— Это просто какая-то игра в математику. Красивая сказка из уравнений. Оно уже близко.

— Я буду ждать тебя в Сан-Франциско.

— Я люблю тебя.

Энергошар несся над водой, потом повернул прямо в сторону Фила и полетел на него. Фил обнял себя за плечи руками и подтянул к груди колени. Энергошар был похож на огромный горящий изнутри кристаллический шар, отражающий и преломляющий свет, хотя и не такой гладкий, каким мог бы быть, а скорее похожий на каплю воды.

По мере приближения шара остальной мир на пути его подвергался странному эффекту: предметы словно бы плавились и искажались, тщетно пытаясь убраться с дороги.

Шар подлетал все ближе и ближе, и тем не менее время, которое требовалось ему для того чтобы достигнуть Фила, казалось странно долгим. Впечатление было таким, словно пространство между Филом и энергошаром вырастало почти с

такой же скоростью, с какой к нему двигался шар. Шар как бы являл собой дыру, вход в высший мир. Все отталкивалось или отодвигалось прочь от шара; небо и океан жалко сжимались по его границам.

Фил оглянулся через плечо; позади него все еще имелась небольшая зона нормального, неискривленного пространства — галька пляжа в нескольких шагах от него выглядела совершенно такой же, как обычно. Но воздействие приближающегося шара было настолько сильным и стремительным, что прямо на глазах у Фила левая и правая границы пляжа изогнулись в стороны наружу от него, стремясь убраться подальше от места предстоящего события, и этот эффект с каждой минутой становился все более заметным. В течение нескольких мгновений казалось, что Фил находится на самом кончике пальца все еще остающегося нормальным мира, а горящий энергошар окружает его, стягивая свои гиперпространственные границы со всех сторон. Где-то далеко на другом конце его пальца, уже на другой стороне мира, Вубвуб и Шиммер трусливо выглядывали из своей пещеры, чтобы увидеть, что с ним происходит. Усилием воли Фил переборол в себе желание сорваться с места и бежать спасаться к пещере, и повернулся лицом в сторону того, что уже готово было поглотить его. Что можно увидеть в глубине шара? Ничего, за исключением кривого зеркала из ярмарочного лабиринта, в котором отражался он сам, растянутый уродец, трясущиеся пятна розовой кожи на синем фоне, испещренном звездами и солнцами — его рубашки.

И затем — словно удар огромной волны — зона искривленного пространства накрыла Фила. Всеподавляющий удар глубокой боли пронизал его тело, словно внутренности и скелет внутри него растягивались и стремились вырваться наружу. Его легкие, его желудок, его мозг — вся его плоть горела в агонии.

— Фил! Фил!

Но Фил не посмел обернуться — любое движение могло разорвать его тело или внутренности на части. Но пока энергошар трудился над ним, силясь поглотить, краешком глаза он сумел взглянуть назад, потому что в искривленном пространстве, правила которого были искажены Ом, ему не было необходимости оборачиваться, чтобы видеть сзади себя. Весь прежний мир для него теперь сжался до крохотного шара, который висел в пространстве в нескольких футах от него, подобный сферическому зеркалу размером с обеденную тарелку. И в этом крошечном игрушечном мире, подобно мультипликационным фигуркам, двигались Кобб и Йок, силясь

добраться до него. Они бежали к нему изо всех сил. Инстинктивно Фил подался к ним навстречу, но в тот же миг — *свиш* — что-то пронеслось мимо его пальцев словно невидимая коса. И потом — *хлоп* — прежний мир, обратившийся в маленький пузырь, мигнул и исчез из его поля зрения, и Фил остался в полном одиночестве в гиперпространстве энергошара.

Внутренности Фила хлопком вернулись к своему прежнему состоянию; боль ушла и, мало-помалу, растаяли и ее отзвуки. Он обнаружил, что совершенно спокойно висит внутри прекрасно освещенной или наполненной светящимся воздухом пустоты — не содержащей больше ничего, кроме его тела. Значит, в том, что говорили ему метамарсиане, все же была правда. Но в таком случае где остальные, кого Ом проглотила прежде? Быть может, после того как Ом изучит людей полностью, она уничтожает их, обращая в ничто?

— Привет! — крикнул Фил. — Это ты, Ом?

Ответа не последовало.

Пространство вокруг него изгибалось, замыкаясь в себе, и Фил не видел со всех сторон ничего, кроме собственных бесконечных искривленных отражений, точно как в парикмахерской, — только обгоревшие волосатые ноги и вздувшаяся пузырем на спине рубашка, голубое поле с солнцами и звездами.

Фил вспомнил рассказанную отцом историю об А-Квадратном, живущем на поверхности огромной сферы, где лучи света А-Квадратного распространялись во все стороны от него, но только по поверхности сферы, описывая огромные круги. И в любом направлении А-Квадратный видел лишь только собственное изображение. И здесь, в гиперпространстве энергошара, все, что было доступно зрению Фила, был его собственный затылок, светлые волосы, гораздо более лохматые, чем это он себе представлял. Он подумал о том, есть ли шанс, что скоро он увидится с Па.

Поскольку рядом с Филом в его заключении не было больше никаких предметов, сложно было сказать, движется ли он или висит на одном месте. Но чуть погодя он вдруг обратил внимание, что пространство по сторонам от него не совсем однородное. Немного впереди, например, имелось место, где его отражения распадались на куски. Ему захотелось подлететь к этой маленькой аномалии и подробнее рассмотреть ее, но он не мог понять, каким образом он может целенаправленно двигаться в этом безразмерном мире. Наконец он догадался снять ботинок и бросить его через плечо. Как бы там ни было, инерции броска оказалось достаточно для того, чтобы он медленно поплыл в

сторону местного искривления пространства. Когда точка аномальности находилась на расстоянии вытянутой руки от него, перед ним появился его ботинок, летящий ему прямо в лоб — ботинок совершил маленькое кругосветное путешествие вокруг замкнутого гиперпространства энергошара. Фил отдернул голову в сторону, и ботинок ударил его в плечо, но и этого удара оказалось достаточно, чтобы поступательное движение Фила немного замедлилось.

Фил вытянул вперед руку и дотронулся до точки искривления. Как только его пальцы проникли внутрь искривления, они исчезли. Фил конвульсивно выдернул руку обратно; но пальцы были целы, и никаких следов на них не осталось. Тогда он снова засунул руку в центр искривления и пошевелил там пальцами. Ощущение было очень странное: его пальцы не могли найти друг друга. В этот самый миг ботинок, описав новую орбиту, снова вернулся к нему и с лету ударил его в грудь. Фила отбросило немного в сторону от аномалии, но его пальцы — *уфф!* — по-прежнему были целы.

Прошло еще немного времени, и Фил почувствовал, что ему хочется есть и пить. Он попытался представить себе, сколько времени он уже здесь находится. Он спросил время у ювви, но внутренние часы ювви остановились в 11:37 — очевидно, что с той самой минуты, когда он оказался внутри энергошара, в ювви прекратили поступать сигналы точного времени со спутника. Не надеясь на успех, Фил попытался связаться по ювви с Йок, и, как он и ожидал, соединение не установилось. Любой сигнал, который он посылал здесь, начинал описывать бесконечные круги по пространству шара, подобно лучам света. И тем не менее обращение к ювви не прошло бесполезно — он заметил нечто новое внутри прибора. На внутреннем дисплее ювви теперь висел огромный аморфный шар, точно такой же, какой он видел, когда пытался управлять алла Йок через ее ювви. Похоже, Ом представила в его распоряжение встроенную алла, которой он может здесь пользоваться!

Фил мысленно приказал начальному бесформенному образу алла-каталога обратиться к разделу пищи. Однако оказалось, что этот алла-каталог Ом не предназначен для людей, а только для инопланетян — может быть, метамарсиан? Фил попытался создать яблоко, но в результате перед ним появилась только шипастая красная штуковина, к тому же покрытая перьями. Что это такое? Алла-каталог был мультисенсорным и позволял услышать запах несозданного еще предмета, поэтому Фил виртуально понюхал виртуальный еще предмет; он почуял острый кислотный запах, но возможно, что это только кожура так пахла.

Фил приказал: «Осуществить!» Он почти не верил, что из этого что-то выйдет; ведь алла Йок отказалась выполнять его приказы, подчиняясь только самой Йок. Однако встроенная алла энергошара повиновалась ему. Перед ним появилась светящаяся сетка из горящих нитей, потом — *хлоп!* — материализовался шипастый красный шарик.

Фил жадно схватил предмет, но как только он торопливо счистил колючую кожуру, из-под нее потекла щиплющая руки желтая паста. Ядовитая аммиачная вонь распространилась вокруг, у Фила начало резать глаза и невыносимо щипать в носу. Он торопливо сфокусировался на ювви и приказал инопланетному плоду бесследно исчезнуть. И облегченно вздохнул, когда алла образовала вокруг отравы сетку из сверкающих нитей и обратила плод снова в воздух, забрав с собой и едкий запах. Может быть, он не так уж и голоден?

Он оставил попытки сделать для себя еду и принялся мысленно перебирать предметы инопланетного алла-каталога, с удивлением взирая на прекрасные и странной формы безделушки. Три самых любопытных объекта он даже материализовал для того, чтобы рассмотреть получше.

Первым было нечто, напоминающее карманный перочинный нож, но когда он развернул предполагаемое «лезвие», перед ним появилась метелочка из тонких металлических щупалец, каждое из которых было способно к небольшому перемещению. Подавив в себе желание прикоснуться к металлическим отросткам, Фил сложил предмет и спрятал его в карман.

Вторым предметом, который он материализовал, был крошечный, размером с шарик для гольфа, аквариум с плавающими в нем светящимися золотыми рыбками. По сути, это были вовсе не рыбки; более всего эти создания напоминали планктон. Маленький шарик был бархатисто-черного цвета, светящиеся разноцветными огоньками диски и шарики мерцали внутри, словно отдаленные звездочки. Главная странность шарика-аквариума заключалась в том, что мерцание объектов внутри него в принципе подчинялось мысленным приказам Фила, суть которых он и сам не мог уловить и осознать. Всякий раз, как только он поворачивал голову, маленькие существа внутри шарика все разом смещались от одной его стороны к другой. И всякий раз, когда он фокусировал свое внимание на одном отдельном обитателе аквариума, эта «рыбка» немного увеличивалась в размерах, а все остальные поспешно отплывали от нее, оставляя больше места для рассматривания.

Третьим по счету Фил выбрал и осуществил предложенное в каталоге ожерелье с единственным драгоценным камнем, форма

и цвет которого переходили из одной в другую через бесчисленные последовательности возможных вариантов. Это был и рубин, и изумруд, и бриллиант, и сапфир — и все это вместе и многое другое тоже, чему не было названия. Менялись не только цвет и блеск камня, менялась также и его огранка. Это было великолепно. Фил пожалел, что ему больше никогда не суждено увидеть Йок, этот подарок был бы достоин ее.

Несмотря на то, что попытка добыть инопланетную еду здорово отбила у Фила аппетит, жажда по-прежнему мучила его. В метамарсианском алла-каталоге он разыскал раздел, насколько он понял, посвященный прохладительным напиткам. Он воспользовался встроенной функцией виртуального запаха, чтобы избежать жидкостей с запахом бензина и ацетона, и так, постепенно, он выбрал нечто, очень похожее на флягу с водой.

Создав флягу, он осторожно смочил в жидкости язык и, убедившись, что перед ним обыкновенная вода, осушил флягу до дна, потом при помощи алла превратил флягу снова в воздух.

Продолжая листать алла-каталог, Фил попытался найти в нем нечто, что бы дало ему представление о родном мире метамарсиан: атласы, фотографии и прочее — если только каталог действительно был составлен для метамарсиан, а не для другой расы инопланетян. Но нигде в каталоге он так и не сумел отыскать изображение его предполагаемых пользователей, хотя в конце концов нашел раздел, вероятно, посвященный одежде. По всему выходило, что данная раса пришельцев носила длинные халаты или кафтаны, с проделанным центральным отверстием для головы и парой отверстий для рук.

Мало-помалу исследование каталога утомило Фила, и он повис в пустоте, ничего не делая и отдыхая, вспоминая свою прошлую жизнь. Что успел он сделать за двадцать прожитых на Земле лет? Он пережил школу, развод родителей, навязчивые и агрессивные чудачества отца. Два года он посещал колледж Беркли, но когда ему стукнуло двадцать, понял, что его тошнит от учебы и прыгания через веревочку. Потому что веревочку крутил не он сам, а крутили веревочку его отец и общество. От всего этого несло фальшью. Он бросил учебу и всерьез взялся за поварское искусство, постепенно добравшись до должности помощника шеф-повара большого и популярного ресторана. Существенное достижение.

Другим существенным достижением было то, что он не сбился с Прямого Пути: остался чистым и трезвым. Была ли у него альтернатива? Было ли этого достаточно для того, чтобы оставаться чистым разумом и уравновешенным? Па, очевидно, так не думал. А кроме того, в глубине души Фил вовсе не был таким

правильным трезвенником. В глубине его души таился страх.

Было бы здорово когда-нибудь завести семью и детей; самая серьезная ошибка, которую он допустил за прошедшие годы, было то, что он связался с Кевви. Но по крайней мере он успел покончить с этим. И почти использовал свой шанс с Йок. И вот теперь его жизнь, надо понимать, закончилась.

Фил попытался представить себе, чем бы он мог заняться, если бы ему выпал второй шанс. Он бы точно попытался остаться с Йок. Что еще? Остался бы трезвенником, это точно. Днем бы работал поваром, но ему хотелось найти для себя и что-то еще. Попытаться выразить себя еще где-нибудь. Например, заняться дирижаблями. Кто знает? Сейчас это было трудно сказать. Фил вздохнул, стараясь спрятать жалость к себе. Он произнес простую молитву: «Господи, помоги мне».

В обычной ситуации подобная молитва растворилась бы в эфире окружающего мира, поглощенная общей суетой. Фил мог вложить в свою молитву самые лучшие побуждения и надежды, но ответ вряд ли последовал бы. Но он все равно молился, с верой в то, что в мире существует Бог, заботящийся о нем. И временами молитвы помогали Филу удержаться от наркотиков и выпивки. И теперь он снова тихо прошептал свою молитву, почувствовав, что после этого самообладание вернулось к нему, и наконец… уснул.

Довольно скоро во сне на его молитву последовал довольно буквальный ответ. Гиперпространство заговорило с ним:

— Итак, ты готов к тому, чтобы двигаться дальше? — спросил у него мелодичный и богатый полутонами глас Ом. — Тогда мы отправляемся в путь.

Так было во сне, но в следующий миг, когда Фил проснулся, возле его ног что-то с хлопком появилось.

Когда он взглянул в ту сторону, то увидел перед собой маленький шар, внутри которого находились крошечные фигурки людей. Неужели он возвращается обратно на Землю? Крошечный шарик быстро увеличился в размерах, потом вырос невероятно и поглотил его, при этом он пережил очередное ощущение внутреннего растягивания, хотя на этот раз не такое мучительное и долгое, как прежде. Потом тошнотворная боль прошла совсем. Но то, где он оказался, была не Земля. Он по-прежнему находился в гиперпространстве, только на этот раз чувствовалось, что пространство вокруг него увеличилось в семь или восемь раз. Гиперпространство Фила соединилось с другим, размерами в несколько раз больше, подобно тому, как соединяются вместе мыльные пузыри. Как соединяются вместе «пальцы» Ом.

Внутри нового гиперпространства пахло псиной и молди, а

также алкоголем. Здесь находилась половина дуба, на стволе сидела костлявая старуха в комбинезоне и пышнотелая совершенно голая матрона. Здесь имелось также большое и очень яркое вово, и молди яйцеобразной формы, а заодно собака, помесь колли и бигля, в белых и светло-коричневых пятнах. Яйцо было с ярким пояском — или галстуком? — которым оно было перетянуто посредине. Но все это было лишь задним планом, на мгновение отмеченным Филом, потому что прямо перед ним был тот, кого он не чаял увидеть…

— Па!

— Фил! Господи, тебя-то как сюда занесло? Вот уж не думал, что и с тобой это случится. Бедная твоя мама.

Па Курт был совершенно голый и двигался неуверенно. Его левая рука заканчивалась свежим обрубком.

— Что же теперь дальше-то будет?

Фил решил сказать о главном, что мучило его все это время:

— Па, прости меня, что я нагрубил тебе в последний раз, когда мы виделись.

— Черт, да это же я был во всем виноват, первый начал донимать тебя. И я никогда не довел бы тебя до такого состояния, если бы не был пьян. Конечно, я тебя давно простил, Фил! Но в одном теперь ты должен со мной согласиться: что четвертое измерение — это вовсе не дерьмо собачье, верно?

От отца здорово несло перегаром.

— Бедняга. Что с твоей рукой? — сказал Фил. — Джейн сказала, что твое обручальное кольцо уже является доказательством четвертого измерения.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Курт.

— Ты ведь не знаешь. Когда этот энергошар отрубил тебе руку, твое обручальное кольцо скрутило почти восьмеркой. А потом надпись на кольце перевернулась в зеркальное изображение.

— Поразительно!

Курт расстроенно поглядел на свой обрубок.

— Рука неплохо заживает. Хотя, может быть, это то же самое, что и растущие ногти у трупа — ведь у трупов ногти растут быстрее. Бабушка Темпест здорово мне помогла. Позволь мне представить тебе Дарлу. Это Фил, мой сын. А это — Темпест.

Обе женщины предпочитали держаться поближе к стволу дуба, благодаря которому в гиперпространстве было легче передвигаться. Несмотря на то, что Дарла была совершенно голая и имела небольшой лишний вес, это ее нисколько не смущало. На ее ступне так же имелся след от раны, похоже, что у нее не доставало одного из пальцев на ноге. Темпест была очень живая

пожилая женщина в комбинезоне. В руке она держала полупустой пакет с вином. Обе женщины поздоровались с Филом с большим интересом. Очевидно, все присутствующие уже страдали от однообразия общества.

— Твой старик много рассказывал мне о тебе, — сказала Дарла. Она говорила как хиппи. — Круто, в тебе есть этот ген алкоголика и торчка. Это мне особенно понятно. И то, что ты стоишь на Прямом Пути, это тоже мне понятно. Когда-нибудь и я встану на Прямой Путь. Мы с Куртом много говорили о том, что было бы здорово, если бы ты встретил мою дочь Йок.

— Я встретил вашу дочь, — ответил Фил. — Мы познакомились на похоронах Па. Она пришла вместе с Тре и Терри Диезами. По правде говоря, мы с Йок вместе были на Тонга, и я попал к вам прямо с пляжа.

— На моих похоронах! — перебил его Па, как обычно замкнутый на себе. — У меня были хорошие похороны?

— Знаешь, мне приснилось, что ты задаешь мне именно этот вопрос, — сказал Фил.

— Не помню точно, но вполне возможно, что и мне снилось, что я задаю тебе этот вопрос, — ответил Курт. — Мне здесь снятся какие-то странные, безумные и очень реальные сны. Словно Иона, разговаривающий с китом из его чрева.

Отец огляделся по сторонам, глаза его были слегка вытаращены.

— Знаете, мне кажется, что гиперпространство живое, и оно проникает ко мне в мозг, когда я сплю. Но сейчас мы не спим. Расскажи мне о моих похоронах.

Фил рассказал отцу о его похоронах. Па больше всего понравилось, что Фил похоронил его прах под корнями дуба.

— Если ты сделал так, то ты хороший сын, — похвалил он Фила. — Наверняка кое-что в этом прахе принадлежало и Фридль. Та еще была шавка. — Отец указал рукой на дуб, с торчащими во все стороны сучьями и уже пожухлой листвой. — Значит, это то самое наше дерево, наш любимый дуб? Действительно, тесен мир.

— Очень тесен, что б его так, — подтвердила Темпест со своим флоридским старушечьим выговором. — Дождусь я наконец-то своей очереди, чтобы спросить Фила, как там все? Ведь я тоже знаю Дарлову Йок, Фил, так уж вышло. Когда этот шар меня сцапал, я как раз гостила у моей племянницы Саншайн в Санта-Крузе. Она такая хорошая детка, моя-то Саншайн. А Йок тоже гостила, по соседству от Саншайн. Наверняка тебе понравилась малышка Йок, верно, Фил? Она тоже такая хорошая, Дарлова Йок-то. Такая умная, все про все знает.

— Мне она очень нравится, — честно признался Фил. — На Тонга мы здорово проводили время.

— Что это за Тонга такая? — спросила Дарла.

Фил смущался смотреть прямо на Дарлу — настолько она была голой, пышнотелой и совершенно открытой при этом. Но Па не сводил с Дарлы глаз. И вот Па обнял Дарлу за талию, чтобы немного успокоить ее. Интересное кино…

— Тонга — это остров людоедов, — объяснила Темпест. — Разве ты ничего не знаешь, Дарла? Давай, Фил, рассказывай дальше. Расскажи, как вы там с Йок веселились на Тонга. Вы хоть потискались?

— Перестаньте, пожалуйста! — выпалил Фил, отчаянно желая, чтобы тема разговора переменилась. Допрос превратился в настоящую муку для него. И не было способа избежать ответов. Он поспешно спросил о двух других обитателях гипершара:

— У вас тут собака и молди?

— Это Планета и Хампти-Дампти, — ответила Темпест. — Планета — это мой хороший мальчик. Иди сюда, Планета, иди к своей тетушке Темпест.

Пес неуклюже принялся пробираться через сучья дуба, но потом все-таки сорвался, перекувырнулся в воздухе и врезался в Фила, и тут же облизал его, виляя хвостом. В результате Фил в обнимку с псом описал внутри гипершара целый круг и только на излете снова уткнулся в ствол дуба, где и оказался рядом с остальными.

— И что вы там с Йок делали на Тонга? — снова спросила его Дарла, как только Фил перевел дыхание.

— Мы совсем недавно познакомились, — ответил Фил. — Всего третий раз встретились и хотели узнать друг друга получше, много разговаривали, плавали с ластами, а потом я наткнулся на Шиммер и остальных метамарсиан.

— Метамарсиане? — злобно бросила Дарла. — Значит, вот как они называют себя?

— А разве здесь с вами нет одного из них? — спросил Фил, тщательно избегая смотреть в сторону Дарлы. — Метамарсианин по имени Пта?

— Мы с Дарлой выгнали его отсюда к чертовой бабушке! — проскрипела Темпест. — Я узнала волшебное словечко, чтобы приготовить немного хорошего виски, и мы решили сжечь этого приятеля.

Темпест похлопала по ювви у себя на затылке. Фил заметил, что у Па и Дарлы нет ювви. Их обоих похитили ночью.

— Но словить его мы никак не могли, и тогда Пта решил сам убраться подальше, — продолжила тем временем Темпест. —

Верно, ему самому надоело с нами цапаться, и Пта сказал, «па-а-шли вы все па-а-адальше». И выскочил в дырку.

— Здесь у нас есть дыра, в которую можно высунуть голову, — объяснил Па, указав на конец ствола дуба. — Там можно увидеть, что такое настоящее гиперпространство, без обмана. Очень впечатляет, так, что мороз по коже.

— Ты сказал, что тебе снилось, что гиперпространство разговаривает с тобой, — сказал Фил. — Как оно называло себя…

— Ом, — сразу же ответил Курт. — Пространство говорило со мной женским голосом и называло себя «Ом».

— Метамарсиане ее тоже так называют, — кивнул Фил. — Она их богиня. Куда бы они ни отправились, Ом летит следом за ними. Ом решила забрать тебя, потому что очень заинтересовалась твоими вово.

— Значит, это правда? — спросил Курт. — А то я все сомневался. Ом разговаривала со мной только во сне. Только разговоры все время получались бестолковые, потому что я постоянно был пьяный. Трудно было мыслить логически. Это не так-то просто понять. Я решил, что мы все умерли.

— Передай по кругу вино, Темпест, — сказала Дарла. — Пора выпить.

— Я здорово не в форме, Фил, — смущенно признался Курт. — Мы тут устроили вечеринку, да все никак не можем остановиться. Темпест вот придумала способ, как сделать нам вино. Не совсем вино, но здорово на него похоже. Мы уже выпили, наверное, литров тридцать.

— А еду вы научились делать? — спросил Фил. — Можете сделать мне что-то поесть, а то у меня крошки во рту не было не знаю сколько времени.

В животе у него заурчало.

— Сам я так и не смог понять, как тут делается еда.

— Вот это довольно терпимо, — сказала ему Темпест. Она повела рукой, и в воздухе образовалась алла-сеть из светящихся нитей, обратившаяся в результате миской крупных золотистых ломтиков, утолщенных посредине и заостренных по концам. Фил осторожно откусил. На вкус ломтики напоминали обжаренный в масле сладкий картофель. Волокнистый, маслянистый, довольно неплохо. Он положил в рот целый ломтик, прожевал и проглотил, потом еще ломтик, и вдруг — *хрупп* — под зубами хрустнул какой-то хрящик или прожилка.

— Словно мягкую косточку раскусил, верно? — спросила его Темпест. — Напоминает мне свиные рыльца.

Фил взглянул на истекающий жиром ломтик, который готовился положить в рот.

— Но что это такое?

— Бог его знает, — махнула рукой Темпест. — Я называю это «рыльцами фри». Ты бы знал, какие другие штуки мы тут перепробовали. Все инопланетная еда, как я понимаю.

Темпест сделала несколько глотков из своей бутыли с вином и попыталась сунуть ее Филу.

— Не хочешь? Надеюсь, ты не зануда? — спросила она после того, как Фил отказался пить вино.

— Нет, нет, — помотал головой Фил, хотя настроение у него здорово испортилось ввиду перспективы пребывания в замкнутом пространстве с тремя пьяными жмуриками. — Па, расскажи мне, что это за дыра?

— Это что-то вроде отклонения от нормы, место, где пространство этой гиперсферы имеет четкие границы. Насколько я понимаю, когда ты высовываешь из дыры голову, она оказывается в четырехмерном гиперпространстве. Я уже высовывал туда голову, правда, всего на несколько секунд. Там, в дыре, холодно и дышать нечем, нужно вернуться обратно, чтобы вдохнуть. И свет там очень чудной. Больше мне не хочется высовывать туда голову, Фил. Но если вдруг ты, бог даст, решишься туда посмотреть, не забудь держаться за дерево, чтобы не вывалиться совсем.

Па поднял над головой пакет и вылил в рот добрую кружку вина, потом передал его Дарле. Та тоже небрежно отпила, и капли вина повисли на ее подбородке и на пышной груди.

— Эй, Фил, не нужно на нас так смотреть. Я знаю, что мне не нужно было так расслабляться, но поверь, мне нелегко пришлось. Завтра со всем этим будет покончено, мне только необходимо выспаться, и все. Завтра мы поговорим о том, какими я вижу мои шансы выбраться отсюда и вернуться обратно на Землю.

— Эй, Па, — сердито заметил Фил. — Видел бы ты себя со стороны. Может, мне сделать для тебя и Дарлы какую-нибудь одежду?

— О, благослови его, Господи, — проскрипела Темпест. — Ты слышала, Дарла?

В ответ Дарла игриво прикрыла одной рукой лобок, другой свои сиськи. Фил вдруг понял, что Дарла совершенно и уже давно пьяна.

Быстро перелистав предоставленный ему Ом метамарсианский каталог одежды, Фил сделал пару цветастых свободных кафтанов для отца и Дарлы. Узор кафтана Дарлы был сложен из внеземных биологических форм пурпурного цвета, возможно, это были цветы; на одежде Па мерцали нанесенные светящимися красками языки пламени. Ткань была незнакома

Филу, на ощупь скользкая, но не липла к телу. Немного напоминает шелк, но волокон не различить.

— И мне тоже сделай, — попросила Темпест. — Синий.

— Хорошо, — ответил Фил и сделал для Темпест метамарсианский халат цвета водопада. — Что бы вы без меня делали, бедолаги.

Фил перебрался по другую сторону дуба, задержавшись по пути, чтобы рассмотреть разноцветный голографический узел здоровенного вово. Вово представляло собой приблизительно тороидальную форму непрерывно меняющихся математических кривых и поверхностей. Возможно, Тре Диез сумел отключить все вово, которые он продал, но это вово наверняка осталось вне его досягаемости. И теперь вово трудилось вовсю. Филу всегда нравилось представлять вово в виде стеклянного пеликана, засунувшего клюв себе в зад, так, что тот прошел насквозь и вылез из клюва, и так до бесконечности. Здорово придумано, мозги можно вывихнуть.

Фил проплыл до дальнего конца дерева. Здесь сидела игрушечная Хампти-Дампти, устроившись на суку, словно сова. Фил тихонько толкнул глупыша в бок, в ответ яйцо бессмысленно ему улыбнулось. С другой стороны дерева донесся грудной смех Дарлы. По счастью, на ветвях дерева еще оставалось достаточно листьев, чтобы заслонить от Фила то, что происходило на стороне пожилой троицы.

Как и говорил Курт, с этой стороны дерева имелась местная гиперпространственная аномалия, точно такая же, как в прежнем энергошаре Фила. Фил вдохнул побольше воздуха и сунул голову в пространственную дыру.

4. Йок

23 февраля

Высадив Фила у причала в Нейафу, военно-морской катер отвез Йок, Кобба, Онара и Кеннита к большому кораблю с алюминиевыми бортами, стоящему на якоре посреди бухты. Это был флагманский корабль тонгийских военно-морских сил. Глядя на округлые борта корабля, Йок представила себе пивной бочонок. Посредине корабля высились командные надстройки и мостик; на корме стояла хлыстопушка, похожая на кобру.

Король уже ждал их на борту. Ради морской прогулки он был облачен в белый китель и фуражку с козырьком. Рядом с королем стояла его зеленая подруга-молди, Ваана.

— Доброе утро, Йок, — приветствовал ее король. — Знаменитый Кобб Андерсон — для меня большая честь наконец-то встретиться с вами. Добро пожаловать на борт.

Король оглядел палубу.

— Здесь мы можем говорить без утайки. Матросы почти не понимают по-английски, а Кенниту и телохранителям я полностью доверяю. Привет, Онар! Кто-нибудь желает кофе? Шампанского? Нет?

Король проводил их к корме, где в палубе был отворен огромный люк. Рядом с люком на большой треноге высился мощный кран.

— Надеюсь, ты не забыла захватить с собой алла, Йок? А, так это вот эта маленькая трубочка? Прекрасно. Мне не терпится увидеть ее в действии. Сегодня утром займемся изготовлением слитков золота и порций имиполекса. Ням-ням!

Король улыбнулся и сильно потер руки. Вокруг на палубе сидели с дюжину тонгийцев-моряков, готовые приняться за работу. Кеннит стоял рядом с двумя другими телохранителями короля, которые подошли от мостика, где прежде играли в карты с тонгийцем в капитанской фуражке.

— Вы не боитесь, что корабль потонет, если его слишком перегрузить? — спросила короля Йок.

— О, я не настолько склонен к накопительству, — ответил король, жизнерадостно подмигнув Йок одним глазом.

— Капитан Пулу проследит за тоннажем, — подтвердила Ваана, махнув рукой в сторону мостика. — И, кстати, Йок, детка, я хочу, чтобы ты сделала имиполекса в два раза больше, чем золота.

— Ты должна извиниться передо мной, Ваана, — вдруг подал голос Кобб, который с того момента, как они поднялись на борт, смотрел на зеленую секси-молди, не отрываясь. — Тогда ночью ты чуть не прикончила меня этим бетти.

Йок припомнила, что Кобб еще упоминал и о том, что они с Вааной успели заняться сексом.

— Извини, Кобб, но я в этом не виновата, — весело откликнулась Ваана. — Возможно, я отвлеклась на вечеринке с другими. Но ты классный парень, Кобб. Встретимся еще как-нибудь разок, идет?

— Человек ваших лет, Кобб, должен уже обладать и умом, и опытом, чтобы понимать пагубность подобного саморазрушительного поведения, — наставительно заметил Онар.

— Да ты просто дьяволица, Ваана, — подал голос король. — Но давайте займемся делом, для которого мы все сюда собрались, верно, Йок? Я предлагаю тебе такой цикл: сначала создаешь пару порций имиполекса в виде цилиндров по сто килограммов, потом один слиток золота, тоже стокилограммовый. Раз-два-три, раз-два-три, ну и так далее. Матросы будут грузить имиполекс и золото на паллеты и спускать краном в трюм.

— Я что-то забыла, — сказала Йок. — Напомни, почему я должна сделать все это для тебя?

— Начнем с того, что благодаря помощи ЕКВ и моей ты получила алла, — быстро отозвался Онар.

— Мне кажется, это Шиммер дала мне алла, — ответила Йок.

— Да, но это мы отвели тебя к ней, — ответил король. — Будь, пожалуйста, умницей, Йок. Я прошу от тебя поработать всего один день. Потом ты будешь полностью свободна и можешь идти на все четыре стороны.

— Но мы с Коббом оба можем улететь прямо сейчас, если я этого захочу, — сказала Йок. — Верно?

— Ты уже заметила, наверно, что телохранители короля хорошо вооружены, — сказал Онар. — Кроме того, это военный корабль, он вооружен хлыстопушкой, которая сможет сбить электромагнитным зарядом чайку с неба.

— Не нужно начинать день в таком тоне, Онар, — заговорил король. — Как мы с тобой вчера договорились, нашим оружием теперь будет убеждение, а не принуждение.

— Кстати, о телохранителях, — а где же сегодня Таштегу и Даагу? — спросил Кобб.

— Они появятся с минуты на минуту, — ответил король. — Сегодня рано утром они вылетели на Фиджи. По моему указанию изучают рынок имиполекса.

И Йок ничего не оставалось, как взять в руку алла и начать

превращать воздух в имиполекс и золото, в соотношении два к одному. Моряки трудились не покладая рук, складывая добычу на паллеты и спуская груз в трюм. После каждой материализации в место появления золота или имиполекса, очерченное золотистыми нитями контрольной сетки алла, устремлялось сто килограммов воздуха, с шумом и свистом, от которого скоро начал раскачиваться корабль. Йок прикинула про себя, что сто килограммов воздуха занимает примерно столько же места, как пространство стандартной жилой квартиры. Примерно через три четверти часа от непрекращающихся кумулятивных ударов всех начало подташнивать. Йок объявила перерыв и сделала себе при помощи алла стакан свежего апельсинового сока.

Король сидел в шезлонге и курил сигару. Ваана расположилась на палубе позади короля, приняв вид толстой сексуальной змеи. Кобб стоял позади этой парочки и о чем-то разговаривал с Онаром. Потом Онар сильно хлопнул Кобба по плечу и уселся в кресло рядом с королем и Вааной. Кобб остался стоять на месте, странно прямой и неподвижный, с необычно пустым выражением лица.

— С тобой все в порядке, Кобб? — крикнула Йок.

— Да, — коротко ответил Кобб.

Может быть, они с Онаром поссорились?

— Капитан Пулу прикинул, что то, что ты сделала, наполнило корабль только на треть, — объявил король, оглянувшись на мостик, с которого человек в капитанской фуражке подал какой-то знак.

— И что вы собираетесь делать со всем этим добром? — спросила Йок.

— Возмещу долг Тонга в мировых кредитных кругах! — счастливым голосом ответил король. — Я собираюсь отправиться отсюда прямиком в порт Сува на Фиджи, продать там весь груз. Тонга впервые в этом столетии расплатится с долгами. Хотя долги не очень большие, всего какая-нибудь сотня миллионов долларов. Мы всегда были благоразумны и бережливы, просто нам никогда не везло, поэтому мы оставались всегда в минусе. Сегодня важный день для меня, потому что в глазах своего народа я стану героем.

— Значит, ты собрался продать все на сторону? — воскликнула Ваана. В ее голосе было слышно удивление. — Мне показалось, ты сказал, что половину имиполекса отдашь тонгийским молди.

— Откровенно говоря, мне непонятно, кого ты называешь «тонгийскими молди», — ответил король. — Только рожденные на островах люди из плоти и крови могут именоваться

гражданами этой страны. Здесь не США, и у нас нет этого идиотского Акта о Гражданстве Молди. Поэтому в первую очередь я должен позаботиться о своем народе. А вы, молди, всего лишь наши гости.

Видя, что Ваана уже вне себя от ярости, король поднял руку, чтобы умерить ее гнев.

— Лично ты, Ваана, сможешь получить для своих нужд столько имиполекса, сколько тебе понадобится, в любое время. И обещаю тебе, что как только я покрою национальный долг Тонга, то постараюсь сделать что-то и для наших уважаемых гостей-молди.

— Теперь мне недостаточно твоих обещаний, — резко ответила Ваана, поднимаясь с палубы уже полностью в своем женском обличье. — Мой народ рассчитывает на меня, надеется, что я смогу заключить с тобой справедливую сделку.

Король покачал головой.

— Из-за наших отношений мое положение на островах пошатнулось, Ваана. Для того чтобы сохранить свой политический статус, я не могу сделать что-то, что открыто продемонстрировало бы мои пристрастия…

В этот миг Йок потеряла нить разговора, потому что в ее ювви прозвучал, словно донесшийся из ночного кошмара, вызов. Это был Фил, который стоял на берегу на другой стороне острова в полном отчаянии. Он только что виделся с Шиммер и другими пришельцами, которые прятались в пещере. К Филу приближался энергошар, который готов был вот-вот поглотить его.

Йок бросилась к Коббу и встряхнула его, но старик-молди был странно безволен и никак не отреагировал.

— Скорее, Кобб, — в лихорадке кричала Йок. — Ты должен отнести меня на дальний конец острова!

— Зачем? — вяло спросил Кобб. — Ты же еще не закончила заполнять трюм.

— Энергошар сейчас проглотит Фила! Скорей, пожалуйста! Может быть мы еще успеем его спасти!

— Надежды нет, мы уже опоздали, — ответил с неожиданной злостью Кобб. Вдруг его голос изменился. — Ну хорошо, я отнесу тебя туда. Это будет забавно.

— Да что *такое* с тобой? — в отчаянии воскликнула Йок, но Кобб не ответил. Молча он перенес Йок на противоположную сторону острова, как она и просила его.

Как только они опустились на берегу, Йок поспешно выбралась из тела Кобба. Но было уже слишком поздно. Огромная сфера искаженного пространства втянула в себя Фила, и его тело раздулось, словно шар. Уже понимая, что все напрасно и сделать

ничего нельзя, Йок со всех ног бросилась к Филу, выкрикивая его имя. Кобб, не торопясь, трусил за ней следом.

Сфера искаженного пространства толчком вырвалась из обычного пространства, и Фил окончательно исчез. Тошнотворная волна искажения пронеслась сквозь тело Йок. Потом и это закончилось. Мир стал таким же, как прежде. Но уже без Фила. Перед самым концом он, кажется, сказал, что любит ее. Йок стояла на берегу, говоря себе, что тоже любит Фила.

Хмурый и невеселый, Кобб стоял рядом с ней. В конце пляжа в скалах была пещера, откуда за ними теперь наблюдали пришельцы. Йок успела заметить только бледный свет, исходящий от Шиммер, и черное рыло Вубвуба.

— Нам нужно вернуться на корабль к ЕКВ, — сказал ей Кобб. — Нам нужно закончить там дела.

— Плевать! — отрезала Йок и быстро зашагала по пляжу к скалам и пещере. — Эй, Шиммер! Немедленно верните Фила обратно. Я хочу, чтобы Фил вернулся обратно и моя мать тоже!

Под влиянием внезапного порыва Йок приказала алла сделать из воздуха горящий факел.

— Тело молди хорошо горит, ты не забыла, Шиммер?

Светлокожая женщина и черный поросенок спокойно смотрели на Йок. Вряд ли у нее был хотя бы один шанс в поединке против этих суперсуществ. Маловероятно. Но Йок взмахнула рукой и подняла факел высоко над головой.

— Немедленно помогите мне, или вы пожалеете!

Прежде чем события успели развернуться, кто-то схватил Йок сзади. Это был Кобб. Старик-молди выбил факел из ее руки и, проворно подавшись вперед, обвил собой ее тело, так что Йок не могла двинуть ни рукой, ни ногой.

— Нам действительно пора возвращаться, — сказал Кобб. — ЕКВ требует, чтобы мы вернулись немедленно.

Вслед за этим Кобб как ракета взмыл в воздух и по широкой дуге перенесся туда, где их ждал чудной алюминиевый тонгийский военный корабль. Йок пыталась поговорить с Коббом, узнать, что такое с ним случилось, но все было бесполезно. Казалось, Кобба загипнотизировали или превратили в зомби.

— Я прилепил к нему ДИМ-пиявку, — объяснил ухмыляющийся Онар, когда они опустились на палубе корабля, и Кобб раскрылся как банановая кожура, чтобы выпустить Йок на волю. — Пока пиявка будет на Коббе, он будет моим манипулятором. Я прилепил к нему пиявку, пока ты возилась со всем этим золотом и имиполексом. Я позволил Коббу отнести тебя посмотреть, как энергошар проглотит Фила, потому что мне тоже было интересно. Жалко беднягу Фила, он был надежный

парень. Хотя умным его не назовешь. Но как бы там ни было, пора снова приниматься за работу, Йок. Перекур закончен.

— Ты просто бессердечный урод.

Теперь она знала, о чем идет речь. Она заметила у Кобба ДИМ-пиявку, растянувшуюся на его розовой спине как темно-красный перекрученный шрам. Йок быстро подалась вперед, чтобы проверить, возможно ли пиявку оторвать, но Кобб поспешно отпрянул от нее.

— Делай, как говорит Онар, — сказал ей Кобб, в голосе которого слышался отзвук интонаций Онара.

— Сейчас мы отлепим эту пиявку! — выкрикнула Ваана, очень оживившаяся после того, как Онар объяснил в чем дело и указал на розовый кусочек пластика у Кобба на спине. Ваана тряхнула короля за плечо. — Бу-бу, дорогой. Ты так и будешь тут сидеть и смотреть, как этот белый болван издевается над молди, лепит на них пиявки? Тонга — это свободная страна!

— Да, это так, но если мы освободим Кобба, то он может забрать Йок, и они сразу же улетят от нас, — прошипел Онар. — По-моему, это ясно как день, и это можешь понять даже ты, чертова жирная колбаса для секс-забав.

— Могу ли я понять *это?* — выкрикнула Ваана. Ее рука метнулась вперед словно молния и нанесла точный оглушающий удар в голову Онара. Онар словно тряпичная кукла рухнул на палубу, а следом за ним и Кобб.

— Ох, Ваана, тебе не нужно было этого делать, — взволнованно проговорил король. — Мне жаль, что так вышло с ДИМ-пиявкой. Это Онар меня уговорил. Он ведь такой алчный, ты и сама знаешь.

Король успокоительно поднял руку, подавая сигнал уже выбирающимся с мостика телохранителям спрятать оружие и вернуться на места.

— Мои телохранители могут причинить тебе вред, Ваана, решив, что ты угрожаешь безопасности Ту-и Тонга. Не делай резких движений, а то рискуешь собой.

Но Ваана была слишком вне себя, чтобы обращать должное внимание на слова короля.

— Значит, ты все знал, Бу-бу, и согласился на то, что Онар приклеит к нему пиявку? Ты знал, что Онар явился на Тонга с пиявкой, и ничего не сделал?

Она схватила короля за плечи и сильно его встряхнула.

— Я думала, ты любишь молди.

Телохранители на мостике уже метались и что-то кричали капитану, а на корме хлыстопушка пришла в движение. Хлопнул выстрел. Йок упала плашмя на палубу рядом с Коббом, чтобы

укрыться от снаряда. Из жерла хлыстопушки вылетела здоровенная металлическая болванка и разорвала Ваану на две половины. После этого она ударила в палубу, пробила ее и борт — по счастью, выше ватерлинии — и с громким плеском упала в море.

— Нет! — закричал король. — Ваана!

В предсмертном усилии Ваана открыла рот и издала хриплый неразборчивый звук. С мостика на палубу со всех ног бежал Кеннит.

— Вы в порядке, ваше величество? — крикнул он. — Слава богу, что мы успели спасти вас!

Онар уже начал приходить в себя и подергиваться, рядом с ним дергался Кобб. Если Йок будет медлить и дальше, то станет совсем поздно. В мгновение ока она сделала себе при помощи алла нож и перекатилась по палубе к Коббу, чтобы срезать с его спины красный шрам. Но Кеннит был быстрее и выхватил из ее рук нож и алла.

— Не трогай девочку! — закричал король. — Вы и без того достаточно навредили!

— Вблизи короля находиться с оружием запрещено, — объяснил Кеннит. — Я закую девчонку в наручники до тех пор, пока не выясню, что здесь происходит.

Не говоря больше не слова, Кеннит вывернул руки Йок назад и сковал их полоской пластика, затвердевающей при каждом движении. После этого Кеннит толкнул Йок в кресло возле короля, выбросил нож в воду, а алла подал Бу-бу.

— Уверен, что Йок не представляет опасности, — сказал король, взяв в руку алла. — Она лишь хотела помочь своим друзьям. А ты, Кеннит, ты был рад тому, что тебе представилась возможность убить Ваану! Ты и твои подручные только и дожидались момента, чтобы… — голос короля прервался, и он закрыл руками глаза. — Ты не можешь понять этого, Кеннит, но я любил ее…

— Йис, — отозвался Кеннит.

Наступила минутная пауза. Возле ног Йок в луже вытекшего сока молди цвета соломы лежали две половинки тела Вааны. Онар уже сидел на палубе рядом с разорванным молди и тер голову. Казалось, что плохие парни победили.

— Если я отдам тебе обратно алла, ты обещаешь, что завершишь работу? — спросил Йок король. Он рассеянно вертел в руках алла, словно бы был весь еще в мыслях о том несчастье, что случилось с Вааной. — Интересно, — продолжил король. — Просто пустая трубочка, но если смотреть сквозь нее, то кажется, что весь мир кружится.

Король наморщил лоб, словно пытаясь отдать алла мысленный приказ материализовать что-то, но ничего не появилось.

— Меня она не слушается. Да, похоже, ты ее единственная хозяйка, Йок. Ты наш гусь, несущий золотые яйца. Отличная роль.

— Гусь не станет нести яйца, если хозяин неправильно с ним обращается, — ответила Йок. — Освободите мне руки, чтобы я могла снять с Кобба пиявку. До тех пор я ничего для вас делать не стану. Если вы меня освободите, то закончу работу и наполню ваш корабль золотом и имиполексом.

— Да, но от нее можно добиться еще и многого другого, Бу-бу, — проговорил с палубы Онар, голос которого звучал глухо. Он крепко зажмурил глаза и сильно потер руками голову, собираясь с силами. Затем осторожно и медленно поднялся с палубы и взглянул на Йок с выражением какой-то скрытой злости. — Да, Бу-бу, у меня есть еще один козырь в рукаве. Я могу заставить нашу Мисс Строптивую сделать для нас все, что мы захотим. Вот, смотрите.

Онар достал из кармана дрожащий темно-красный кусок имиполекса, напоминающий сосиску.

— Осторожно, это же мыслительный колпачок! — в ужасе воскликнула Йок, которая давно уже слышала о таких вещах всякие ужасы. — Молди выпускают его и помещают в голову людей через нос, чтобы получить контроль над их мозгом!

— Вот именно, моя дорогая! — согласно кивнул Онар. — Через *твой* нос. Я подчинил себе Кобба при помощи ДИМ-пиявки, а Кобб будет управлять тобой при помощи мыслительного колпачка. Такая вот старомодная цепочка подчиненности, мило, не правда ли?

Онар замолчал и хихикнул.

— У меня полно идей, Бу-бу. Например, можно намазать Йок соком Вааны и заставить ее заняться сексом с тобой, разве это не заманчиво? Наша малышка Йок такая конфетка, это что-то.

— Как отвратительно, — холодно ответил король. — Я шокирован твоими выходками, Онар. Освободи девушку, Кеннит. Она согласна наполнить трюм корабля по доброй воле. И унесите куда-нибудь останки бедной Вааны. Я хочу достойно ее похоронить.

— Но у Йок был в руке нож, ваше величество, — сказал Кеннит. — Я только хотел защитить вас.

— Кеннит, ты отказываешься мне подчиняться? — с нажимом спросил король, поднимаясь на ноги. Кеннит что-то тихо, но твердо ответил, и король и он встали друг против друга над останками Вааны. Йок по-прежнему сидела в кресле со

скованными за спиной руками.

Пока король и Кеннит спорили, Онар передал отвратительно извивающийся кусок имиполекса Коббу, которому не оставалось ничего, кроме как принять его. Словно под влиянием прикосновения пальцев Кобба, красная имиполексовая колбаса растеклась подобно чернильной кляксе, выпустив во все стороны длинные жадные щупальца. Онар бросился к Йок и, встав позади нее, схватил ее за плечи. Порабощенный старик Кобб медленно двинулся вперед, протягивая возбужденно трепещущий мыслительный колпачок к лицу Йок.

— Помогите! — закричала Йок, но ее голос был слишком слабым и писклявым. Глупый Кеннит и король даже не взглянули в ее сторону. Все происходило словно во сне, где ты пытаешься убежать, но твои ноги находятся по колено в черной густой патоке. Руки Онара как стальные клещи прижимали ее спину к стулу. Темно-красный мыслительный колпачок приближался к ней с каждым мгновением. События происходили слишком быстро!

Неожиданно Йок поняла, что может контролировать алла даже когда не держит цилиндрик в руке. Мысленно она соединилась с алла, и… да! Силой мысли она произвела взрыв водорода на уровне пояса между королем и Кеннитом.

Взрыв вышел неожиданно мощным. Король заорал, Кеннит подскочил на месте и тоже заорал, Онар и Кобб вздрогнули с такой силой, что Кобб выронил мыслительный колпачок из рук, и тот упал к Йок прямо на колени. Йок быстро устроила еще один водородно-кислородный взрыв в месте, которое находилось, по ее расчетам, за спиной у Онара. Тот пошатнулся вперед и толкнул ее в правое плечо. Она упала на палубу вместе со стулом, и Онар свалился на нее сверху. Быстро перевернувшись на грудь и толкнув Онара ногами, она сделала так, что его голова оказалась прямо перед мыслительным колпачком. В тот же миг мыслительный колпачок бросился Онару на лицо и проник в его левую ноздрю. Онар заорал, приказывая Коббу схватить колпачок, но было уже слишком поздно. Отвратительно дернувшись, пластиковая колбаса исчезла в ноздре Онара. Руки и ноги Онара судорожно задергались, словно в эпилептическом припадке.

Кобб тоже задергался. Старик-молди и Онар теперь были соединены через обратную связь. ДИМ-пиявка Онара контролировала Кобба, в то время как Кобб управлял Онаром. Они бросились друг к другу, словно магниты, и сцепились, как пара борцов. Управляемый Коббом Онар пытался добраться до ДИМ-пиявки на спине молди, тогда как Кобб силился засунуть пальцы в нос Онара, чтобы ухватить там мыслительный колпачок.

В то же самое время Онар принуждал Кобба не заставлять Онара срывать ДИМ-пиявку, а Кобб приказывал Онару не приказывать Коббу доставать из носа Онара мыслительный колпачок. Не говоря уж о том, что одновременно с этим Кобб пытался задушить Онара. Из-за смешанных в обратной связи противоречащих друг другу приказов ничего добиться было нельзя, из-за чего двое только бестолково барахтались, — движения проходили через повторяющиеся циклы, — напоминая комических борцов.

Тем временем Кеннит приставил дуло своего электромагнитного пистолета к голове Йок.

— Если ты еще только попытаешься тут что-нибудь устроить, — прорычал он ей в ухо, — я разнесу тебе башку.

Но в этот же миг появилось новое осложнение. Со всех сторон к ним слетались молди, по всей вероятности привлеченные криком боли Вааны. У себя на мостике занялся делом капитан, а именно привел в действие хлыстопушку, пытаясь сбивать одного за другим молди, выпуская во все стороны болванки металла, остальные телохранители открыли огонь из автоматов. Бросив Йок, Кеннит тоже открыл огонь по молди. Но молди было слишком много, и они налетали слишком стремительно. С полдюжины молди облепили хлыстопушку и сорвали ее с лафета. Сидя на палубе со скованными за спиной руками, Йок смотрела на происходящее сражение. Все, что она могла сделать, это постараться как можно дальше отодвинуться от сцепившихся Онара и Кобба. Король все еще держал в руке ее алла, но после угрозы Кеннита Йок боялась пользоваться алла.

После того, как хлыстопушку сбросили в море, неожиданно прибыли Таштегу и Даагу. Они бежали по палубе, оскалив зубы, словно веселые пираты.

— Прекратить огонь! — закричал король телохранителям. — Это мои лучшие агенты! Таштегу, Даагу, вы можете оживить Ваану?

Мгновенно разобравшись в ситуации, Даагу наклонился над Вааной и принялся сцеплять пальцами половинки ее тела. Таштегу скрылся в трюме корабля.

Кругом стоял неумолкающий стук, по мере того как все больше и больше молди сыпались на палубу. Каждый из них на мгновение скрывался в трюме, а еще через мгновение появлялся из трюмного люка обратно, увеличившись в размерах в два или три раза. Большая часть команды корабля попрыгала за борт. Онар и Кобб продолжали бороться.

— Кто устроил все это безобразие? — спросил Кеннит, в отчаянии оглядываясь по сторонам. Он пронзительно свистнул, и двое телохранителей быстро спустились к нему по трапу с

мостика. — Необходимо доставить ЕКВ обратно на остров, в безопасное место, — приказал он телохранителям. Все повернулись к королю.

— Подожди, Кеннит, — поднял руку король, — еще рано уезжать. — Я хочу узнать, сумеет ли Даагу воскресить Ваану.

Из трюма появился Таштегу с огромной порцией имиполекса в руках и передал пластик Даагу, который занялся лечением Вааны. У борта раздался шум мотора, и один из телохранителей доложил, что они ждут короля.

— Снимите с меня наручники, — взмолилась Йок. — И верните мою алла. Мне нужна алла, чтобы помочь Коббу.

— Сделай, как она просит, — приказал Кенниту король и протянул алла здоровяку-тонгийцу.

Кеннит подошел к Йок, держа электромагнитный пистолет наготове. Потом он снял с Йок наручники и сунул ей в руку алла.

— Но помни, Йок, если рядом с королем что-то случится, если только кто-нибудь пройдет рядом с ним, я и мои ребята пустим нарушителя в расход.

Кеннит вернулся к борту корабля, где тарахтел катер.

Как только алла снова оказалась у нее, Йок сообразила, что для того чтобы срезать пиявку со спины Кобба, ей не нужен нож в руках. Она может просто поместить его между Коббом и пиявкой, расположив нужным образом контрольную сетку, только и всего. Йок объяснила свой план Таштегу и Даагу, и втроем они опустились на колени перед Коббом, чтобы удержать его, пока Даагу прижимал Онара к палубе и боролся с ним одной длинной рукой. В последний момент Онар ухитрился вырвать одну руку и просунуть вперед, словно бы пытаясь защитить ДИМ-пиявку. Когда алла превратила часть контрольной сетки в воздух, она забрала с собой также и часть большого пальца Онара. Из раны обильно потекла кровь.

Но главное было достигнуто, пиявка была удалена. Кобб поднялся на ноги, и в тот же миг Онар рухнул на палубу без движения. Лишившись ДИМ-пиявки, при помощи которой он мог противодействовать командам мыслительного колпачка, Онар превратился в раба молди.

— Отличное шоу! — воскликнул король. — Эй, Даагу, как там дела у Вааны?

— Я почти вернул ее, — отозвался здоровяк черный молди и вновь занялся лечением пострадавшей.

И в самом деле, плавные формы зеленой Вааны вновь стали отчетливо проступать.

— Ты дважды спасла мне жизнь, — провозгласил Кобб, обнимая Йок. — Значит, теперь у меня появилась новая игрушка

— Онар? Лучше бы уж мне достался бешеный бабуин.

— Я заберу его у тебя, — сказала Ваана, сидя на палубе и протирая глаза. — Спасибо тебе, Даагу. Постараюсь сделать для тебя вскорости что-нибудь хорошее.

Сказав так, Ваана обвила тело Даагу, словно лиана ствол дуба, потом отпустила. Тело Ваану быстро восстанавливалось прямо на глазах.

— Привет, Бу-бу, — махнула Ваана рукой королю.

Король неуверенно махнул в ответ и, заметив, что Ваана улыбается, попытался подойти к ней. Но телохранители схватили его за руки.

— И как ты хочешь забрать у меня Онара? — спросил Ваану Кобб.

— Дай мне войти в твою систему через ювви, и я скачаю у тебя код мыслительного колпачка, — объяснила Ваана.

Кобб позволил Ваане забрать код доступа, и через несколько минут Онар уже танцевал джигу, словно балаганная обезьянка с пересаженными органами, а кровь обильно лилась у него из обрубка пальца. Рот Онара кривился, но Ваана не позволяла ему ничего сказать. Глаза его горели от ярости и страха как уголья. Его прыжки и ужимки представляли жалкое и уродливое зрелище.

— Прекратите, — взмолилась Йок. — Не нужно его мучить, Ваана. Нужно перевязать ему рану.

— У меня есть идея получше, — ответила Ваана, повернувшись спиной к телохранителям и королю. — Я придумала, как закончить это дело. Иди сюда, Онар, я хочу тебе что-то сказать.

Онар застыл перед Вааной, напрягшись, но не в силах ее ослушаться и не обращая внимания на свою окровавленную руку.

Прежде чем Ваана заговорила, Йок перебила ее.

— Онар, ты ведь специально убил мистера Олоу? С какой целью? Ваана, заставь его говорить.

— Да, — скованным голосом ответил Онар. — Это была моя идея.

— Пойди-ка врежь королю, Онар, — сказала Ваана. — Пойди врежь королю, и не останавливайся, что бы эти парни ни делали. Врежь-ка как следует Бу-бу.

Словно в припадке бешенства, Онар бросился через всю палубу к королю. Телохранители успели показать, на что они способны, продемонстрировав отличную реакцию. Двигаясь в унисон, втроем они вскинули свое оружие и снесли Онару голову.

— Заодно избавились и от мыслительного колпачка, — проговорила Ваана.

Онар тяжело рухнул на палубу, из обрубка его шеи фонтаном

била кровь. Йок вырвало. Всего три дня назад она занималась с этим человеком любовью; его тело было теплое и сильное, в жилах играла кровь, которая теперь заливала алюминиевую палубу. Какая бессмысленная, бесполезная смерть.

Сразу же вслед за этим словно небо обрушилось рядом с ними — около корабля в океан упало что-то огромное. Тело спланировало вниз настолько стремительно, что через несколько секунд последовал разрывающий уши сверхзвуковой удар. На корабль накатила огромная волна цунами, смыв всех, в том числе и Йок, за борт в море.

По счастливой случайности Кобб и Йок плюхнулись в воду рядом, вместе с Вааной и королем. Корабль, теперь оказавшийся от них на приличном расстоянии, выправился. Другие молди и телохранители куда-то пропали. Между кораблем и Йок теперь лежал на воде свалившийся с неба огромный предмет, который и вызвал огромную волну. Что это за чертовщина такая? Это был плоский диск в пару сантиметров толщиной и десяток метров в диаметре — с двумя дюжинами клювастых голов, торчащих на поверхности.

— Это Каппи Джейн, — объяснила Ваана, заметив, куда смотрит Йок. — Тонгийский спутник, стоявший на геосинхронной орбите. Привет, Бу-бу, похоже, мы снова вместе.

Ваана обняла короля, который отчаянно барахтался, стараясь остаться на плаву.

— Ваана, дорогая, — прохлюпал король. — Я был в отчаянии от выходки этого сущего болвана, капитана моего корабля, который подстрелил тебя. Хвала небесам, ты снова жива и здорова.

— Смотри, чтобы такого больше не повторилось, — предупредила Ваана. — Скажи правду, Бу-бу, у тебя больше нет в запасе ДИМ-пиявок?

— Клянусь, у меня ничего больше нет! — воскликнул король. — И не было никогда. Это была идея Онара. Он получил то, что заслуживал. Отвратительный человек. Зачем я только с ним связался!

Король отчаянно бултыхался, пытаясь грести по-собачьи. Тяжелая одежда тянула его ко дну.

— Ваана, я сейчас утону!

Вобрав в себя побольше воздуха, Ваана нырнула и разместилась между ногами короля, наподобие надувного морского конька.

— Надеюсь, Кеннит и его ребята не начнут пальбу снова, — слабо пробормотал король. — После того, что натворила Каппи Джейн, они, наверное, вне себя от злости. Зачем только я дал им

оружие?

Ваана вытянула шею на двадцать футов вверх, чтобы как следует оглядеться. Ее голова на тонкой шее несколько минут торчала над водой, напоминая голову зеленого и тощего морского змея.

— Эти болваны уже на корабле. Катер ходит вокруг корабля кругами и подбирает всех, кто оказался за бортом. Ничего, нам торопиться некуда, немного искупаемся, охладиться полезно. Господи, когда я позвала на помощь, то не ожидала, что Каппи Джейн тоже заявится. Двадцать тысяч миль за двадцать минут! Должно быть, она свернулась в иглу, когда пикировала вниз, чтобы развить такую скорость.

— Вы помните, что молди не должны знать, кто такой я и кто такая Йок? — взволнованно прошептал королю и Ваане Кобб, воспользовавшись голосом, а не ювви. — Иначе молди начнут охотиться на нас, чтобы воспользоваться алла Йок. Ведь вы для этого и установили на наши ИД вирусы Скуанто и Сью Миллер, верно?

— Верно, — отозвался король.

— Вот, Кобб, — шепнула Йок. — Я передам тебе по ювви идентификационные коды.

— Отлично, — шепнул в ответ Кобб. — При случае я продемонстрирую эти коды Каппи Джейн. Нам совсем не светит, если Каппи и ее приятели увяжутся за нами в Сан-Франциско, чтобы выклянчивать халяву.

— Где наш имиполекс? — крякнула одна из птичьих голов, торчащая из диска Каппи Джейн. — Привет, Ваана, где имиполекс? — потребовала ответа другая голова, щелкнув клювом. — Ты позвала нас на помощь и обещала нам много имиполекса, столько, сколько мы в жизни не видели, так где же он?

Третья голова кивнула в сторону алюминиевого корабля.

— Имиполекс в трюме этой посудины?

— Местные молди там все уже подчистили, — ответила Ваана. — Там ничего не осталось, одно только золото.

— А, тот самый драгоценный металл, которому поклоняются люди? — с горечью проговорила другая голова Каппи Джейн. — Жаль, что люди не знают, каково это — покупать плоть, чтобы завести себе детей.

Одна из голов взглянула на Йок и пропищала:

— Это та самая девчонка с волшебной палочкой? Как ее звать?

— Я Сью Миллер, — ответила Йок. — А это мой молди Скуанто. Сколько имиполекса вам нужно? Тысячи тонн хватит?

После того, как вокруг случилось столько невероятных событий, она чувствовала в себе безумное веселье и готова была на все. Если все идет как в сказке, то, может быть, и Фил в конце концов вернется?

Крепко взяв алла в руку, Йок сформировала в воде контрольный куб, на безопасном расстоянии от себя и остальных. Через алла, словно дополнительной рукой, она хорошо ощущала положение контрольной сети. Достаточно ли большую порцию она создает? Она постаралась сделать куб как можно больше, но грани достигли максимального размера где-то на уровне двенадцати-тринадцати метров и отказывались увеличиваться дальше. Около сорока футов. Почти до дна достает.

— Всем приготовиться, сейчас шарахнет, — предупредила она остальных. — Я собираюсь превратить большой водяной куб в имиполекс. Осуществить!

Ба-бах!

Нечто вроде огромного куба желатина закачалось на волнах, едва видимое на поверхности. Трепещущий и почти живой желатин, полный пульсирующий цветовых пятен. Вот уж действительно — все из ничего. Что бы сказал теперь Джозеф, увидев, как работает алла? «Кварковое преобразование — это вроде джиу-джитсу. Ты смотришь на что-то, потом смотришь на эту же вещь, только немного по-другому».

— Вау! — воскликнула одна из птичьих голов Каппи Джейн, во все глаза уставившись на имиполекс.

Обычно молди размножались парами, при этом каждый член пары добавлял свою половину имиполекса для новорожденного, и потом каждый загружал по половине нервной системы и половине программного обеспечения. Но при такой редкой возможности, как сейчас, молди могли произвести себе потомство и в одиночку. Если молди удавалось добыть семьдесят килограммов имиполекса за раз, то можно было создать себе подобного за одну секунду, при условии, что потомства не появилось в течение предыдущих шести месяцев.

Это было связано с тем, что при воспроизводстве система жизнедеятельности молди вырабатывала гормон роста, который стимулировал ускоренный рост нервной системы, состоящей из плесени и водорослей, в зародышевой порции имиполекса. Шесть месяцев требовалось для того, чтобы в теле молди накопилось необходимое количество гормона роста для воспроизводства.

Огромный диск Каппи Джейн растянулся над кубом и с бешеной скоростью начал рвать имиполекс на куски. Через минуту над океаном висели уже два диска. Истратив весь гормон роста, молди Каппи Джейн не могли произвести еще потомство,

но они все равно продолжали клевать куб, набивая свои тела дополнительным имиполексом про запас. Каждый из них увеличил в размере свое тело до предела, который допускала нервная система, а потом, пресытившись, они отлетели в сторону, оставив большую часть изъеденного имиполексового куба качаться на волнах.

— *Ург,* — отрыгнула одна из клювастых голов Каппи Джейн. — Вот это угощение. Настоящий день новорожденных. Пир клонирования. Жаль, что во мне не хватает плесени, чтобы размножаться снова и снова. Где ты достала эту замечательную штуковину, Сью?

— Мне дали ее пришельцы, — даже не пыталась соврать Йок.

— *Кар!* — пораженно воскликнула птица-блин. — Пришельцы! Нужно их разыскать! И убить! Тревога!

Блин молди неуклюже снялся с воды, в его днище непрерывно пульсировали маленькие ионные сопла. Грекс Каппи Джейн, сожрав столько имиполекса, сколько было возможно, стал тяжелым и неповоротливым.

— Здесь грексом быть невозможно, дрянь какая-то, — каркнула одна из птичьих голов с летящего блина и в одно мгновение вывернулась и освободилась от общей массы. В тот же миг диск распался на куски, примерно на двадцать толстых и неуклюжих молди. Но второй диск все еще сохранял свою общую форму и плавал на волнах. Йок заметила военно-морской катер, который пытался добраться до них, но для этого катеру нужно было обогнуть грекс с каркающими по кругу птичьими головами. На носу катера стоял во весь рост человек, но на таком расстоянии невозможно было понять, кто это.

— Метамарсиане — наши… — начала было говорить Йок, но прикусила язык, вспомнив последнее предупреждение Фила. О Дарле, матери Йок. Если Каппи Джейн решит уничтожить всех пришельцев, это может поставить крест на последней надежде вернуть маму-Дарлу и Фила.

— Что ты сказала? — каркнула ближайшая к ней голова Каппи Джейн. — Что ты знаешь об этих пришельцах, Сью? Ты назвала их метамарсианами?

— Я не уверена, что они наши враги, — быстро ответила Йок.

— Кто может нам показать, где прячутся метамарсиане? — каркнула одна их птичьих голов, торчащая из блина. — Здорово будет, если наш грекс доберется до них первым и избавится от этих пришельцев. Попробуем на них наши огненные шары, а, ребята?

Словно стая летающих теннисных автоматов, молди-блин поднялся в воздух, и торчащие из него птичьи головы на лету

начали ловко плеваться во все стороны маленькими шариками имиполекса, загорающимися, едва соприкоснувшись с воздухом.

— Йо-хо! — возбужденно воскликнула одна из птичьих голов. — За мной! Мы перебьем всех метамарсиан! Скуанто только что сказал мне, где они находятся.

— Упс, — пробормотал Кобб.

— Ох, Скуанто, — вздохнула Йок.

— Мне трудно было что-то скрыть, — попытался оправдаться Кобб. — Каппи Джейн все допытывалась и допытывалась у меня, все спрашивала про Вава-у, и сам не знаю, я как-то обронил изображение. Я показал ей пришельцев, как они выглядывают из своей пещеры на пляже. Но больше ничего. Я прошу прощения. Но как бы там ни было, это ты заставила меня побывать там. И ты показала им алла. «Где ты взяла волшебную палочку, Сью?»

Больше не спрашивая их ни о чем, групповое молди Каппи Джейн поднялось в воздух и с жаром бросилось на поиски пришельцев. Птицы-молди летели, раскинув в стороны свои кожистые крылья, в которых появилась новая сила. Второй дрожащий блин-молди привел в действие ионные сопла и, набрав скорость, принялся совершать плавные движения плоскостью тела, как морской скат.

— Надеюсь, они найдут пришельцев, — сказала Ваана. — От пришельцев одни неприятности, Бу-бу. В особенности для молди. Пришельцы могут поместить свое сознание прямо в тело молди. Они все время говорят о свободных системах, но я так понимаю, что свободные системы, которые они могут получить бесплатно, — это мы. Если мы быстро не разберемся с пришельцами, то будут неприятности.

— Согласен, дорогая, — кивнул король. — А мы? Мы по-прежнему любовники?

— Конечно, — кивнула Ваана. — Вот этот оставшийся имиполекс — пусть он достанется моим сородичам, договорились?

— Твои сородичи, молди, уже очистили от имиполекса трюм моего корабля, Ваана. Это было — не по плану, я рассчитывал на другое. Хотя теперь, конечно, нам лучше избавиться от этого остатка. Мы и без того привлекли к себе слишком много внимания.

— Тогда позволь и мне подзаправиться, — сказала Ваана и вобрала в себя столько имиполекса, сколько могла, раздувшись раза в два от своего обычного размера. — Я еще не готова произвести на свет ребенка, — добавила она. — Но Бог знает, будет ли у меня возможность раздобыть столько имиполекса, когда время придет. Бу-бу, ты говоришь, все местные молди уже

запаслись имиполексом?

— Не знаю, все или нет, но наверняка большая часть молди тут побывала, — подала голос Йок. — Думаю, король прав, нам лучше избавиться от улик.

— Хорошо, — согласилась Ваана.

Йок накрыла контрольной сеткой плавающий неподалеку остаток имиполексового куба и обратила его обратно в морскую воду, уже содержащую стандартный местный набор морских обитателей, планктона, диатомовых водорослей и криля.

— Нам с Коббом пора возвращаться обратно, верно, Кобб? — спросила Йок.

— Да, — кивнул старик-молди. — Мы выполнили все, для чего вы, король, пригласили нас сюда.

— Я хотела поплавать под водой, — сказала Йок. — Все, что я собиралась сделать — это изучить подводный мир. Мне удалось поплавать с маской всего несколько часов вчера утром. Я видела несколько красивых маленьких рыбок и рогатые кораллы. И гигантских моллюсков.

— Не забудь про кита и кальмара, — подсказал Кобб.

— Как ты думаешь, Каппи Джейн сумеет убить пришельцев? — спросила Йок.

Ответ Кобба заглушил рев мотора военно-морского катера, который как раз добрался до них. На борту были Кеннит, два других телохранителя, четыре моряка, а также Таштегу и Даагу.

Кеннит и телохранители улыбались до ушей, без сомнения рады-радешеньки, что им удалось разыскать своего короля в добром здравии. Им было наплевать, что это именно Ваана спасла короля, и теперь они обнимались и качались на волнах. Свои пистолеты телохранители попрятали.

— Здесь, на корме, есть лесенка, ваше величество, — сказал Кеннит. — Только забирайтесь осторожно, смотрите под ноги. Мое мнение — нам нужно побыстрее убираться отсюда. Там, с другой стороны корабля, в воде уже шныряют акулы, они что-то почуяли. Приканчивают Онара, я так понимаю.

— Полетели, — резко сказала Коббу Йок. — Пока меня еще во что-нибудь не втянули.

— Хорошо, — ответил Кобб.

— Огромное вам спасибо, — крикнул им король, все еще сидящий верхом на Ваане. Он протянул Йок руку, и та пожала ее. — Приезжайте на Тонга опять, когда захотите. Могу я попросить вас о последней услуге?

— Еще золото? — простонала Йок.

— Да, если это возможно, пролетая мимо корабля (вы же все равно будете пролетать мимо?), положи в трюм еще пару тонн? Я

попрошу капитана в вас не стрелять. Мне так хотелось бы наконец покрыть дефицит нашего бюджета, это было бы так мило с твоей стороны. Я ведь не забрал твою алла, хотя и мог. Ты обеспечена на всю жизнь, Йок. Ты теперь гусь, несущий золотые яйца.

— О господи, снова-здорово, — вздохнула Йок, глядя на алла в своей руке. — Я думаю, а не выбросить ли мне ее в океан? Ладно, последняя услуга. Но в обмен, Бу-бу, я прошу всеми доступными для тебя средствами задержать распространение слухов обо мне и об алла, нам не нужна реклама. И никому не рассказывай о Каппи Джейн. Давай так и будем держаться легенды Скуанто и Сью Миллер. Надеюсь, молди на Тонга не успели узнать слишком много?

— Таштегу и Даагу знают больше других, конечно, — ответил король. — Но до сих пор я доверял им полностью, как и Ваане. Молди, которые прилетали, чтобы забрать с корабля имиполекс, ничего не знали ни про тебя, ни про то, откуда ты появилась. А местные люди не станут много говорить — если они начнут рассказывать, то им все равно никто не поверит. Никто никогда не слушает тонгийцев. Думаю, лучше, если мы будем считать все происшедшее вычеркнутым из анналов истории. Ничего не было, никто ничего не знает и ничего не помнит. Отрицай, отрицай, отрицай. Так будет лучше для всех нас. Я не хочу, чтобы фиджийцы узнали, что я начал торговлю чистым золотом.

Когда Кобб и Йок подплывали к военно-морскому кораблю, Йок тщательно старалась не смотреть в ту сторону, где серые акулы доедали Онара. Капитан дружески помахал на прощание, давая дорогу. Они провели на палубе немного времени, достаточно, чтобы Йок успела сотворить идеальный куб со стороной в один метр, весом около двадцати тонн. Куб сам по себе был совершенно идеальным объектом д'арт.

Однако изготовление объекта таких размеров и плотности из простого воздуха привело к печальным последствиям.

Как потом рассчитала Йок, один кубический метр воздуха весит один килограмм, что дает куб воздуха со стороной двадцать семь метров для двадцати тонн материала. Объем, равный по размерам десятиметровому офисному зданию. К счастью, прежде чем отдать приказ к материализации, Йок догадалась изготовить для себя пару ушных затычек.

Вихрь воздуха, стянувшегося в одно мгновение в точку золотого куба, был подобен взрыву, который сбил с ног Кобба и Йок. Он затянул с собой немного воды, и океан рванулся на палубу, вместе с какими-то ошметками. Но никого не ранило, борта корабля выдержали, капитан не открыл по ним огонь, и

очень скоро Йок и Кобб уже летели домой, оставив позади тонгийцев со слитком золота стоимостью в сто миллионов долларов.

— Эй, Кобб, подожди-ка, — внезапно опомнилась Йок, заметив, как корабль уменьшился внизу до размеров скорлупки. — Нужно заглянуть на минутку в тот дом, где мы ночевали вчера. Я хочу забрать с собой свои сувениры.

— Какие еще сувениры?

— Да просто разные мелочи. Ну, давай же, Кобб. Мы быстро обернемся.

Мисс Тета, домоправительница с блестящими собранными в пучок волосами, радостно поздоровалась с ними. Была сиеста, и она дремала в тени вместе с кухаркой и горничной.

— Хотите ланч?

— Мы летим домой, — сказала Йок. — Мы уже закончили все свои дела.

— Ты недавно ненадолго возвращалась в свою комнату? — спросила мисс Тета. — Мне послышался в твоей комнате какой-то шум.

— Нет, я все утро была на корабле с королем.

— Тогда, наверно, это был твой приятель.

— Что ж, может быть, — ответила Йок, сердце которой бешено заколотилось. Она открыла дверь комнаты, сама не своя от надежды и страха. Но комната была такая же, как и раньше, за исключением того, что кровать была заправлена.

— Так за чем же мы прилетели? — спросил Кобб.

Йок взяла со стола стеклянную скульптуру и перекрученную полоску металла, с выгравированными на ней муравьями. Потом взяла вчерашнюю рубашку Фила и понюхала ее. Его запах. Она завернула скульптуры в рубашку. Оставался еще этот здоровенный стручок, которым Фил так гордился. Само собой, она не может тут оставить этот стручок. Глаза Йок наполнились слезами. Вчерашняя ночь закончилась точно так же, как множество других ночей, первая ночь из серии других таких же ночей — никто не знал и не верил, что эта ночь у них будет единственная.

— Полетели, Кобб.

Когда они по дуге поднялись в небо, Кобб использовал телескопическое зрение, для того чтобы осмотреть пляж у пещеры, в которой прятались пришельцы. Через ювви Йок тоже видела глазами Кобба. Местность внизу была похожа одновременно на пеликаний базар и на место посадки НЛО — это здоровенный диск Каппи Джейн с многочисленными торчащими птичьими головами опустился на берег. И…

— О господи, они схватили их! — воскликнула Йок. — Почему пришельцы не убегают?

Телезрение Кобба имело почти бесконечную увеличительную способность; Йок настроилась и увидела, что внизу Каппи Джейн изловила и взяла в плен всех семерых метамарсиан. Молди поймали Шиммер, Пта, Пега, Сисс, Вубвуба и кого-то нового, похожего на человека-птицу, и если еще прибавить увеличение, Йок сумела разглядеть, что Каппи Джейн поймала и держит в плену даже жука Джозефа. Каппи Джейн мгновенно создала пламя, поглотившее семерых, даже не пытавшихся оказать сопротивление, пришельцев.

— С трудом верю своим глазам, — заметил Кобб.

— Может быть, опять что-то связанное с двумерным временем, — предположила Йок. — Наверно, у пришельцев напрочь умерло чувство самосохранения. Но я сама видела, как двигалась Шиммер тогда на Луне. То, что мы сейчас видели, странно. Но, Кобб, если пришельцы погибли, можно ли надеяться, что Фил вернется?

— Не знаю, — ответил Кобб. — Возможно, тебе нужно постараться забыть о нем. В море полно другой рыбы, Йок.

Кобб некоторое время летел на ионной тяге, потом выключил сопла, достигнув точки параболы, откуда дальше можно было лететь по инерции.

— Я заметил, что Каппи Джейн засекла нас и следит за нашей траекторией, — сообщил Кобб. — Они пытаются узнать, куда мы летим. Если мы теперь не придумаем что-нибудь, то они проследят нас до самого Сан-Франциско. И в конце концов захватят нас.

— Ты можешь сделать себя невидимым?

— Я могу скрыть от локатора сигнал ИД Скуанто, который мне загрузили эти тонгийцы, но тогда они могут узнать, кто мы такие на самом деле, и следить дальше, а тогда нам никуда не деться. Кроме того, кто-то из них может лететь за ними.

— Тогда почему бы нам не сделать двойников? Я могу создать при помощи алла кусок имиполекса, а ты скопируешь туда свою программу, как это сделала Каппи Джейн.

— Сделать второго — второго такого, как я? — задумчиво переспросил Кобб. — Не думаю, что мне теперь хочется заниматься производством потомства.

— Но ты можешь сделать простую копию, куклу, в которой запрограммируешь сигнал Скуанто, и пускай она летит куда угодно, хоть в космос?

— Это можно. Например, мы можем отправить Скуанто в путешествие на Луну. Это будет похоже на правду, даже если

легенда «Сью и Скуанто» не сработает. Луна — это то место, куда могут отправиться Кобб и Йок. Знаешь, что я скажу тебе, Йок, сделай при помощи алла порцию имиполекса, такой же формы, как я. Я частично скопирую в него нервную систему. Воздух тут очень разреженный. Все, что ты материализуешь, полетит рядом с нами параллельным курсом. Ты можешь высунуть наружу свою алла сквозь мою шкуру?

— Мне не нужно высовывать алла наружу. Я могу помещать контрольную сетку в любое место, куда захочу. Вот так, смотри.

Неподалеку от них появилась сверкающая сетка, формой напоминающая Кобба, и потом — *упффф* — рядом с ними летел почти сформировавшийся девственный кусок имиполекса.

Кобб вытянул молди-щупальце и принялся перекачивать нервную систему и программировать свою копию.

— Осталось кое-что еще, Йок, — сказал Кобб. — Теперь нужно сделать большой кусок человеческого мяса, который мы поместим внутрь моей копии, чтобы на взгляд Каппи Джейн все было похоже: я, несущий тебя внутри себя. Каппи Джейн наверняка следит за нами очень внимательно.

— В алла-каталоге нет человеческого мяса. Метамарсиане не хотели, чтобы мы или молди облегчили себе процесс воспроизводства. Но человеческие скелеты тут есть, гм, странно. Помнишь, как объясняла нам Шиммер, что все каталоги мира объединены в один мастер-каталог алла. И эти скелеты — это то, что обычно демонстрируют в анатомических классах. Мне кажется, что скелеты — это кошерная штука для алла, потому что в мертвых костях не может быть живых клеток. И — вау! — скелеты изменяемые, я могу сделать скелет точно такого же размера, как я сама.

— Тогда сделай скелет.

— Я уже держу копию в голове. Процесс работы с реалингом заключается в том, что перед тем, как сделать твердую копию, весь продукт формируется в голове, после чего остается только произвести контрольную сетку и осуществить предмет при помощи алла. И теперь, вместо того чтобы сделать только костяной скелет, я оберну его чем-нибудь подходящей плотности. Например, болонской колбасой, вот только… — неожиданно Йок хихикнула. — Как насчет тофу? Сью Миллер была убежденной вегетарианкой!

Очередное *вуфф!*, и вот рядом с ними летит новенькая Йок из соевого творога тофу.

Дубликат Кобба раскрылся и снова запечатал свое тело вокруг фальшивой Йок. Кобб выключил сигнал локатора своего ИД и одновременно включил сигнал болвана. После чего

фальшивый Кобб и фальшивая Йок — или же Сью Миллер и Скуанто — набирая скорость, полетели от них прочь, как ожидалось, увлекая за собой пристальный взгляд Каппи Джейн.

Обратный полет до Сан-Франциско прошел без всяких приключений; большую часть пути Йок проспала. Она проснулась именно тогда, когда они устремились вниз к отставленному большому пальцу полуострова Сан-Франциско. Солнце опускалось за горизонт, и небоскребы Сан-Франциско светились золотом и вообще выглядели мило.

— Обратно к Бабс? — спросил Кобб.

— Да, — ответила Йок. — Мне у нее нравится. И места у нее достаточно. Надеюсь, она нас не прогонит.

— Она резко говорит, но в душе мягкая, — отозвался Кобб. — Черт, ведь мой праправнук Ренди у нее остановился. Мне Бабс тоже нравится. Погоди, вот она увидит твою алла!

— Об этом надо помалкивать до поры до времени, хорошо, Кобб? Я не хочу закончить тем, чтобы утолять аппетиты других сумасшедших.

Когда они опустились в глухом тупике поблизости от склада-дома Бабс, никто не обратил на них внимания. На набережной сидела и удила рыбу бездомная бродяжка, несколько пацанов чинили старый-престарый грузовик, какая-то женщина копалась в своем садике, длинноволосый парень сидел на ступеньках и щипал струны гитары, какой-то мужчина шел с пакетом овощей и салата. Йок и Кобб прошли мимо всех этих людей, снова став частью этого мира.

Они вошли в склад Бабс через открытую дверь гаража. Где-то тревожно пискнул пластиковый цыпленок Вилла-Джин. Сидящий за наноманипуляторами Ренди Карл Такер поднял на них глаза, явно пораженный тем, что видит.

— Черт, Господи! Я думал, вы решили остаться там до следующего уик-энда, Кобб.

— Да, мы… э-э-э…

— Там, на Тонга, делать в общем-то нечего, — ответила Йок. — Мы все успели попробовать.

— А Фил тоже вернулся? — спросил Ренди.

— Пока еще нет, — ответил Кобб, быстро переглянувшись с Йок.

— Надеюсь, вы не собираетесь завтра же лететь на Луну? — спросил Ренди. — И меня туда пока не потащите? Эй, Бабс! Они вернууулись! Потише, Вилла-Джин.

Кроха подошла к ноге Кобба и отщипнула немножко имиполекса. Йок и Кобб вместе, не отрывая глаз, смотрели на узкую розовую полоску ДИМ-пиявки, приклеенную к спине

цыпленка. Внезапно, зарычав от злости, Кобб протянул к Вилле-Джин ставшую очень длинной руку. Подхватив ее, он сделал из другой руки ножницы и мгновенно отрезал отвратительную розовую полоску пластика. Потом бросил цыпленка на пол и рассек ДИМ-пиявку на тысячу крохотных кусочков.

— Черт тебя возьми, Кобб! — Ренди подхватил с пола изуродованного пластикового цыпленка и прижал к груди. — Вилла-Джин была со мной с самой Индии!

— Но она жива, — ответил Кобб. — Я ей ничего особенного не сделал. Кстати, у тебя есть еще эти отвратительные ДИМ-пиявки?

Внезапно Ренди стал очень упрямым и отказался отвечать.

Тогда за него взялась Йок:

— Фил сказал мне, что ты тут что-то задумал с ДИМ-пиявками? Если это правда, то тебе лучше все их выбросить. Не хочу особенно много об этом рассказывать, но я насмотрелась разной дряни…

— В чем мелодрама? — подала голос Бабс Муни, появляясь из драпированных цветастой тканью глубин склада. — Вас послушаешь, покажется, что сюда ворвалась банда снеперов!

— Ренди Карл уже приносил сюда ДИМ-пиявки? — потребовала ответа Йок.

— Завтра Аарби Кид обещал нам…

— Немедленно прекрати эти забавы, Ренди! — приказным тоном заявил Кобб. — Или я попрошу Вилли оставить тебя без копейки, тогда забудешь о наследстве. Сказать по правде, он только и ждет повода.

— Трахни меня в зад и зови меня Барби, — огрызнулся Ренди. — Эй, братан? Нет, я не про это. Нет, не пойдет. У меня тут проблемы. Да, да, хреновы черепа. Замазали. Пока. — Ренди зыркнул на Йок и Кобба. — Довольны?

— О чем такой шум? — спросила Бабс, присаживаясь на софу. — Расскажите лучше, как было на Тонга? Судя по тому, на кого вы похожи, отдыхали вы «дикарями».

Йок не очень-то была настроена раскрывать душу. Ей давно уже было пора поговорить с Луной, перекинуться парой слов со своей сестрой-близнецом Джок, но Бабс была настроена благодушно и явно рассчитывала поболтать. Наконец-то они оказались в безопасности, в месте, где можно было расслабиться. Даже Ренди, хоть и чокнутый, по-своему действовал успокаивающе.

— Послушай, Бабс, ты можешь пообещать мне, что сохранишь все в секрете? И ты, Ренди? Никому за стенами этой комнаты нельзя ничего говорить, обещаете?

— Я могу закрыть дверь на замок, если ты хочешь? — предложила Бабс.

— Да, лучше так и сделай, — ответил Кобб. — Иначе кто-то чужой может все испортить. Потом ты поймешь, из-за чего я так рассердился, Ренди. Мне очень жалко, что я испортил твою Виллу-Джин. Думаю, мы сможем придумать для нее подходящую систему. Ведь тебе не нужна настоящая ДИМ-пиявка, чтобы дистанционно управлять цыпленком, верно, Ренди? Ренди, ради бога, прекрати. Я помогу тебе придумать что-нибудь попроще взамен этой розовой дряни.

— Ладно, дед, заметано, — отозвался Ренди. — Черт, мне самому не хотелось заводить все это снова-здорово с Аарби Кидом.

В течение следующих двух часов Кобб и Йок по очереди рассказывали о том, что случилось с ними на Тонга. Не прерывая своего рассказа, они приготовили ужин из того, что имелось у Бабс на кухне: половинка буханки черного хлеба, зеленый перец, брынза, старая салса, гибискус, чай, литр пива и обкусанный батончик «Херши». Кобб, само собой, ничего не ел и предупредительно держал свои поры плотно закрытыми, чтобы не распространять неаппетитный запах.

— Сделай что-нибудь при помощи алла, покажи мне, — попросила Бабс, после того как Йок закончила большую часть рассказа. Кухня была освещена свечами, в других комнатах было темно.

— Только не сегодня, — ответила Йок. — Сегодня не хочется. Сегодня утром мне пришлось много чего сотворить. Например, кубический метр золота. Я не сказала вам о том, что поставила на куб золота подпись Энди Уорхола?

Йок улыбнулась и зевнула, потом развернула рубашку Фила и достала две скульптуры.

— Вот для чего я хотела бы использовать реалинг.

В мерцающем свете свечей казалось, что слиток стекла светится изнутри, на полоске металла поблескивали муравьи.

— Как здорово, Йок, — вздохнула Бабс, взяв из ее рук скульптуры и покачивая их в руках. Но Йок видела, что на Бабс особого впечатления скульптуры не произвели. Бабс любила искусство *изготовления* вещей.

— Можно много чего еще придумать, — сказала Йок, проводя пальцем по муравьям.

— Реалинг, — проговорила Бабс. — Мне бы хотелось попробовать что-нибудь сделать.

— Мне бы хотелось познакомиться с Шиммер, — задумчиво проговорил Ренди. — Могу спорить, что они наверняка сбежали

от Каппи Джейн. Шиммер может подарить алла любому, кому захочет, верно? Интересно, что бы я сделал при помощи алла в первую очередь?

Ренди взглянул на искалеченного цыпленка, лежащего на его коленях.

— Может быть сексуальную цыпку?

— Ренди! — укоризненно проговорила Бабс.

— После Тонга мне кажется, что самое лучшее — это чтобы алла была у всех, — заметил Кобб. — Для того, чтобы люди не просили тебя то и дело сделать для них что-нибудь.

— А можно сделать *новую алла* при помощи алла? — поинтересовалась Бабс.

— Джозеф сказал, что это возможно, но не стал объяснять как, потому что остальные метамарсиане этого не хотят, — сказала Йок. — И, кстати, о цыплятах: в алла-каталоге есть раздел с живыми цыплятами, а также много и других живых зверьков. Там есть все, кроме молди и людей. Я хочу сделать настоящий подводный риф, а потом создать точную его копию, только из имиполекса, используя лимпсофт-инженерию.

— Я начинаю думать о том, что быть молди гораздо лучше, чем созданием из плоти и крови, — заметил Кобб. — Кстати, Ренди, ты бы наверняка втюрился в Ваану. Я говорил о том, что мы трахнулись?

— А как молди это делают? — спросил Ренди, голос которого явственно задрожал и стал низким. — Когда вы двое остаетесь один на один…

— Я пошла, — сказала Йок, поднимаясь на ноги. — Я могу лечь спать там же, где и раньше, Бабс?

— Конечно. Мне так жаль, что Фил пропал.

— Мне тоже. Спасибо.

Йок добрела до матраса из пены в углу склада, стены возле которого были завешены пурпурной драпировкой. Затем сняла свою одежду и, надев рубашку Фила, легла в ней спать. Рядом с подушкой она положила забавный длинный стручок Фила. На стручке было семь забавных вздутий, с небольшой заплаткой у вершины каждой ножки, на которой внутри крепилось семя.

24 февраля

— Йок! Ты собираешься вставать?

— Шшш!

— Что она сказала?

— А здорово все вышло, верно?

— А мне совсем не нравится, что я такой маленький.

— Она согласится нам помочь?

Йок проснулась от тоненьких голосков, от писка, свиста и шипения, а также птичьего щебетания. Она протерла и открыла глаза. В первый момент она подумала, что наступило рождественское утро, когда Уайти и Дарла оставляли для нее и ее сестры-близнеца подарки — игрушки — возле кровати. Сегодня возле ее кровати стояли семь движущихся фигурок: женщина, мужчина, единорог, жук, змея, поросенок и птица-минах. Отлично.

Йок зажмурила глаза, решив снова уснуть, чтобы увидеть продолжение сна.

— Она хотя бы заметила нас? Она снова уснула. Мне показалось, что она испугалась. Я хочу снова стать большим. Срочно разбудите ее! Где мы? Йок!

Йок снова открыла глаза. Семь крошечных фигурок по-прежнему были здесь. Кто это, метамарсиане?

— Доброе утро, Йок, — пропищала маленькая Шиммер, в половину высоты большого пальца Йок. Миниатюрная женщина, мужчина и пять животных столпились вокруг стручка Фила, который послужил им отличным укрытием и транспортным средством. В основании каждой ножки и бобовых вздутий имелось семь отверстий. Очевидно семь крохотных созданий пробурились в стручок, словно червяки-вредители, и закупорили за собой дырки зеленым имиполексом.

— Значит, вот как вы спрятались, — пробормотала Йок.

— Я знал, что ты возьмешь с собой этот стручок, — сказал жук-Джозеф. Из всех метамарсиан только он сохранил свой прежний размер. — Я объяснил остальным, как делать собственные копии такого же маленького размера, как я. Свою копию я тоже сделал. Мы все копии. Мы прилетели в твою комнату и спрятались внутри стручка.

— Убирайтесь прочь, — сказала Йок. — Я не хочу, чтобы энергошар съел и меня тоже.

— Э, мы не собираемся никого больше раскодировать. Для полной семьи нам нужно семь метамарсиан, ты понимаешь, о чем я говорю? Теперь у нас есть семья, и мы собираемся немного тут осмотреться, что тут у вас и как, потом произведем на свет ребенка, может быть, поможем Ом распространить среди вас алла, и двинемся дальше.

Йок села в постели, полностью проснувшись.

— Я думала, что Каппи Джейн убила вас. Мы с Кобби видели, как вы сгорели на пляже.

— Сгорели наши копии, — ответил Пта. — Джозеф уже

объяснил тебе. Мы улетели с пляжа, прежде чем там появилась Каппи Джейн. Наши оригинальные «я» погибли; они приняли решение дать убить себя, чтобы Каппи Джейн решила, что она выиграла. Мы вторые копии, хотя, сказать по правде, я — третья копия. Как я уже говорил тебе, Йок, когда Ом съела мой оригинал, для метамарсиан потеря жизни не представляет особой проблемы. Каждый день, каждую минуту моей жизни на Метамарсе я вижу, как обрывается одна или несколько моих жизненных нитей. То, что мы позволили Каппи Джейн убить наши оригиналы, очень малая цена за то, чтобы вы, люди, дальше жили в мире. Ты не возражаешь, если мы тут остановимся?

— Я не хочу больше вам помогать до тех пор, пока вы не вернете Дарлу и Фила.

— Разве ты не благодарна нам за то, что мы передали тебе такой ценный дар, как алла? — спросила Йок крошечная Пег. Из всех метамарсиан Йок она нравилась меньше всех. Такая вся чистенькая и аккуратненькая, а говорит всегда ласково и гладко, но только чтобы подначить.

— Я могу обойтись без алла, — легко ответила Йок. — Из-за алла у меня на Тонга было столько проблем, а удовольствия я не получила. Я прилетела на остров, чтобы отдохнуть и поплавать под водой, а вместо того меня использовали как гуся, несущего золотые яйца. Если хотите, можете забирать свою алла, вот!

Она вытащила алла из-под подушки и бросила ее к крохотным фигуркам, которые комично отпрыгивали с пути катящейся трубочки.

— За что мне вас благодарить? — снова спросила Йок. — Не за что. И вам тут нечего делать. Насколько я поняла, для вас не составляет труда снова превратиться в личностные волны и отыскать другой мир, где можно валять дурака.

— Да она тигр, — восхищенно прошептала Сисс.

— Сейчас уже слишком поздно останавливаться, — ответил Пта. — Как дальше поступать, должна решить Ом.

— Ты с кем это разговариваешь, Йок? — спросила Бабс, внезапно появляясь в дверях. — Сама с собой? Господи, что это за маленькие фигурки? Да они движутся! Ты сделала их при помощи своей алла?

— Это те самые инопланетяне, о которых я тебе рассказывала, Бабс. Эй, метамарсиане, вот это Бабс, познакомьтесь. Бабс, это Шиммер, Пта, Вубвуб, Сисс, Пег, Джозеф, и… вот этот седьмой, кто-то новенький. Эта птичка, словно бы в желтой маске.

— Меня зовут Хареш, — ответила птичка, голос которой был высок и мелодичен, даже несмотря на то, что в ней был всего

сантиметр роста. — Я индейская птица-минах. Очень приятно познакомиться с вами, мисс Йок и мисс Бабс.

— Так это ты сказал энергошару съесть Фила? — гневно спросила Йок.

— Да, но это была идея Вубвуба, он подсказал мне, что надо так сделать. Мне очень жаль, что так вышло. Ты поможешь нам отыскать место, где спрятаться?

— Они такие маленькие, — сказала Бабс, присев перед метамарсианами на корточки. — Они действительно прилетели из другого мира? О, добро пожаловать, я готова помочь вам чем угодно. Хотите, можете жить у меня в комоде. Или я могу устроить вас в своем кукольном домике.

— Это очень рискованно, Бабс, — проговорила Йок. — Как только люди — или молди — узнают о пришельцах, они немедленно захотят их уничтожить. Твой дом просто разбомбят. Мы все погибнем, а метамарсиане сбегут, как всегда.

— Я не собираюсь жить ни в каком кукольном домике, — оскорбленно сказал Вубвуб. — Я сделаю себе при помощи алла новое тело.

Раздался звук, напоминающий громкий хлопок в ладоши, появилась новая копия Вубвуб, высотой по колено и размером с обычного поросенка.

— Когда я такого вот размера, ко мне относятся с большим уважением, — сказал новый Вубвуб. — Вы понимаете, о чем я?

— Я тоже хочу стать такого же роста, как раньше, — сказала Шиммер. Пта, Пег, Сисс и Хареш согласно запищали.

— Я не насекомое какое-нибудь.

— Здесь на полу полно пыли и каких-то опилок.

— На меня может кто-нибудь наступить.

— Я хочу быть высоким, а не крошечным.

Раздалось еще несколько хлопков, с которыми в месте возникновения имиполексового тела стягивался воздух. Теперь спальное место в углу комнаты оказалось окружено небольшой толпой, состоящей из мраморной женщины, бронзовотелого мужчины, светлогривого единорога, зеленого питона, черного поросенка и гигантской птицы с желтой полумаской вокруг глаз. В результате перед Бабс и Йок теперь стояло тринадцать метамарсиан: Джозеф, прежнего жучиного размера, так и остался в единственном числе, а остальных было по две версии: большая и маленькая копии.

— Возблагодарим Ом, — произнесли новые метамарсиане.

— Это безумие какое-то, — сказала Бабс. — Что теперь будет с малышами?

— Мы считаем, что в одной пространственно-временной

точке для нас экологически неразумно иметь больше одной собственной копии, — пропищала крошечная Шиммер. — Прощайте.

Вслед за этим шестеро крошечных метамарсиан растворились в воздухе, эффектно уничтожив себя.

— Не думаю, что люди когда-нибудь будут способны на такие действия, — пораженно произнесла Йок.

Джозеф поднялся в воздух и, сделав круг, устроился на подушке Йок.

— Рад видеть тебя вновь, Йок, — сказал он.

— Что же случилось с тобой на Вава-у? — спросила Йок. — Ты исчез как раз тогда, когда был мне очень нужен. Когда все эти тонгийцы навалились на меня разом.

— У меня не было другого выхода, как только оставить тебя, — ответил Джозеф. — Ты загнала сама себя в угол, как говорится. Надеюсь, ты не забыла, что мы способны видеть ближайшее будущее? Мне совсем не хотелось быть там, когда появились Таштегу и Даагу, чтобы устроить всем выволочку.

Бабс была радостно возбуждена, смеялась и трогала метамарсиан.

— Я даже не знаю, что тут сказать, — произнесла она со смехом. — То, что вы прилетели и чего хотите — это просто здорово. Поначалу я решила, что вы просто куклы-глупыши или молди.

— Наша сущность — энергия, — ответила Шиммер. — Мы можем превратить себя в физическую форму множеством способов. На вашей планете форма тела молди показалась нам наиболее удобной. До сих пор так казалось.

Шиммер выглянула в окно на освещенные солнцем стены соседних домов.

— Нам пора выйти наружу и осмотреться, у вас есть на что взглянуть. Мы ведь туристы! С этого момента мы должны попытаться приспособиться к вам и пожить среди вас открыто. Потом Ом распространит алла, родится ребенок, и мы двинемся дальше.

Раздался предупреждающий звон гонга, означающий, что кто-то вошел в парадную дверь дома Бабс.

— Наверное, это Ренди или Кобб, — сказала расстроенно Бабс. — Вчера вечером они ушли и где-то болтались всю ночь.

Она торопливо вышла из комнаты.

— Прекрасное утро! — раздался голос Ренди Карла Такера. — Ты чем тут занималась, Бабс? Всю ночь в шашки играла?

Низкий голос Кобба тоже пробормотал что-то. Потом

загрохотало, словно кто-то свалился со стула.

— Чертов ты сырный шарик, Ренди! — закричала Бабс. — Ты что, опять наелся камота? Я только решила, что между нами что-то может быть, какие-то отношения, как ты… как отвратительно! Ты спороголовый торчок и сырный шарик при том. Жаль, что ты вообще попался у меня на пути! А теперь выметайся отсюда, пожалуйста!

Кобб опять что-то пробасил, ему ответил истерический голосок Ренди, тоже непонятно что, только и можно было разобрать:

— Да, высоко, как змеиный хвост! Бабс не хочет, чтобы я был такой, Джози! Но я такой, как есть.

Снова что-то грохнуло и разбилось, кто-то захрипел, словно его душили, и опять крики:

— Йо-хо, *от меня воняет пластиком, так здорово!*

Свалилась куча книг, потом, наконец, появился Ренди, а за ним Кобб и Бабс.

Никогда раньше Йок не видела Ренди в таком состоянии. Вместо того чтобы быть обычным мирным интровертом, он стал диким и расхристанным. В свою очередь Кобб имел вид примерно такой же, как на Тонга после ночи на бетти. Расплывающийся. По всей видимости, прошедшую ночь они провели вдвоем в «Анубисе», закидываясь всякими средствами и трахаясь с заглянувшими потусоваться молди. Какой прадедушка, такой и правнук. Тревожно, грустно и немножко смешно. Йок было жалко Бабс. Было заметно, что она имела виды на Ренди.

Заметив пришельцев, Кобб опустился на пол и сел. Вся его кожа покрылась мурашками. Ренди быстренько подвалил к Шиммер, оттолкнув с дороги единорожку Пег.

— Пес я бездомный, вот это видуха! Вы только посмотрите, какие сиськи.

Ренди рванул вперед, обнял Шиммер за шею и глубоко вдохнул.

— Вот это да. Хочешь по-быстрому срубить двадцатку?

— Привет, Ренди, я Шиммер с Метамарса.

— Вот это да! — охнул Ренди. — Я влюбился. Секс с пришельцами.

Ренди продолжал крепко обнимать Шиммер, и та, вместо того чтобы оттолкнуть его, опустилась на матрас Йок, после чего Ренди повалился на нее сверху. Йок вскочила на ноги, чтобы убраться подальше.

— Если я сделаю это с тобой, Шиммер, смогу ли я тоже получить алла? — спросил Ренди. — Я настоящий мужчина и сумею показать тебе, что к чему.

Шиммер издала звук, который вполне мог быть смехом. Пта и Вубвуб оттащили Ренди, при этом Пта держал Ренди за ноги, а Вубвуб толкал в грудь рылом. Сисс быстро обвилась вокруг тела Ренди, связав его по рукам и ногам. Гигантская птица-минах Хареш подошел поближе, чтобы взглянуть Ренди в лицо.

— Это типичное поведение людей во время спаривания? — спросил Хареш, качая головой.

— Совсем нет, — откликнулась Бабс. — То, что вытворяет Ренди, вообще ни на что не похоже.

— Ренди — сырный шарик, — объяснила Йок. — Он любит заниматься сексом с молди. И тебя он принял за молди, Шиммер.

— А разве она не молди? — спросил Ренди, тщетно пытающийся поднести руки к лицу и словно бы не понимающий, что они крепко связаны кольцами Сисс. — Мой нос подсказал мне.

Ренди все пытался освободить руки, продолжая отчаянно сражаться с Сисс.

— Отпусти его, — сказала Шиммер. — Он безвреден.

— Я не стал бы доверять ему, — сказал Пта. — Что, если он чем-нибудь запачкает твой пластик?

Но Сисс послушалась и распустила кольца.

— Сейчас я разденусь и тогда отделаю вас всех как следует, — сказал Ренди, на карачках подползая к Шиммер, намереваясь устроить свое лицо у нее на коленях. Ему это удалось, и он глубоко вдохнул.

— Мой нос подсказывает мне…

Ренди попытался зажать одну ноздрю, но не удержался на одной руке и свалился с коленок Шиммер, а потом перекатился через край матраса и крепко стукнулся головой об пол.

— Ох, — вздохнул Ренди и уснул.

— Какой колоритный персонаж, — заметила Шиммер.

— Как обычно, мне нравятся абсолютно бесполезные парни, — грустно сказала Бабс.

— Надеюсь, он не последний в твоем списке, — ответила Йок.

— Да, у меня есть еще Теодор, — согласилась Бабс. — Но мне нужно немножко успокоиться, сделать психологическую перезагрузку, Йок. Сказать себе: «Ренди мне просто друг, и я ничего к нему не испытываю, кроме дружеских чувств». Перезагрузка, перезагрузка, перезагрузка. Да, я сегодня же позвоню Теодору. Он как раз хотел пригласить меня на психо-концерт.

— Сходи, сходи, дорогая, — сказала Йок. — Интересно, мне придется снова отмывать Кобба?

— Ты это о чем? — удивилась Бабс.

— Он торчит от бетти. Прошлый раз, когда он так набрался, то чуть не умер. Я месила его в душе, наверное, минут десять, пока он не промылся и не пришел в себя.

— Бетти — паршивая штука, — сказала Бабс. — Моя мать принимала его однажды, и — ой, что было.

Йок вспомнила, что мать Бабс, Вэнди Муни, была получеловек-полумолди, гибрид. По сути, Вэнди представляла собой выращенный в гидроферме человеческий клон, управляемый молди, перманентно висящим у нее на шее вроде шарфа. Вся мыслительная деятельность осуществлялась молди.

Бабс снова повернулась к пришельцам, продолжая ими восхищаться.

— Ренди прав, — сказала она, поглаживая гриву Пег. — Вы точно такие же, как молди, только красивее. И я не против того, чтобы вы тут остались ненадолго. Запах молди мне не кажется противным. Запах молди всегда напоминает мне о моей матери. Расскажите мне о той планете, откуда вы прилетели. Она называется Метамарс?

— Да, — отозвался Джозеф. — Это то место, откуда мы начали свой путь. Но с тех пор мы находимся в пути уже давно и, наверное, будем странствовать вечно. Нашей ближайшей целью, если это можно так назвать, является поиск пространства с двумерным временем.

Джозеф перелетел с подушки Йок на плечо Бабс и принялся рассказывать той о высших измерениях, а Хареш и Сисс вставляли словечки и делали замечания.

Пока шел разговор, Йок нагнулась и потрогала Кобба. На этот раз он не был таким дрожащим и усыпанным пятнами, как в тот раз, на Тонга. По всей видимости, на этот раз обошлось без передозы. Йок вздохнула и оставила Кобба сидеть на полу, стонать и трястись.

Ей давно уже хотелось переодеться. Алла все еще лежала на полу, где она бросила ее; Йок подняла цилиндрик. Потом она сделала для себя черные короткие леггинсы, серебряные сапоги, вроде тех, что были у Фила, юбку цвета креветки и толстый черный свитер с высоким горлом.

— Ну и как тебе понравилась наша волшебная алла и составленный нами замечательный каталог? — спросила Пег.

— Неплохо, — небрежно ответила Йок.

— А мне можно получить алла? — нетерпеливо спросила Бабс, прерывая научную лекцию Джозефа. Перед этим она во все глаза смотрела на то, как делала себе одежду Йок.

— Ну… — протянула Шиммер, сидящая на краю матраса и не сводящая глаз с Ренди.

— Вы тайком пробрались в мой дом, а потом ты увела у меня мужчину, — заметила Бабс, почти не шутя. — Так что теперь алла — это самое меньшее, что вы можете для меня сделать.

— О, *ja*, Бабс тоже нужно дать алла, — подал голос Джозеф. — Ом хочет, чтобы мы дали ей то, о чем она просит. До сих пор алла Йок работала достаточно успешно, и Ом считает, что можно дать алла еще одному человеку. Это безопасно.

— Я не совсем согласен, — взвизгнул, встревая в разговор, Вубвуб. — Давайте дадим алла всем людям. Почему, например, вот этот деревенщина Ренди должен остаться без алла? Мне кажется, это будет круто. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Хорошо, Бабс, держи, — проговорила Шиммер и потерла указательным пальцем большой. В тот же миг в ее руке появилась тускло-поблескивающая серебристая трубочка. — Ом сделала твою алла другого цвета, чем у Йок, чтобы вы не перепутали их. Вот, бери. Ты носишь ювви? Отлично. Алла использует ювви в качестве интерфейса. Она регистрирует в качестве своего пользователя первого человека или молди, который возьмет ее в руку. Алла продемонстрирует тебе быструю серию образов, чтобы Ом смогла изучить твою личность, потом произведет осмотр твоего тела, чтобы Ом смогла понять твою физическую форму. Как только эти два этапа будут пройдены, регистрация будет завершена.

Взяв трубочку алла в руку, Бабс закрыла глаза для того, чтобы лучше видеть возникающие в ее голове ювви-образы.

— Окно собора, ветка дерева, песок, — забормотала она, проговаривая каждое слово быстрее предыдущего, потом она уже не могла говорить так быстро, как требовалось, и ей пришлось замолчать и проговаривать слова мысленно. Последовательность образов показалась Йок знакомой — быть может, Ом демонстрировала Йок то же самое, что раньше показывали ей самой. Йок даже смогла увидеть, когда алла перешла к части физической регистрации, потому что тело Бабс вздрогнуло в нескольких местах.

— Клево, — выдохнула Бабс, открыв глаза и глядя вниз на трубочку алла. — Ом меня всю запомнила.

— Теперь я загружу тебе алла-каталог для людей, — подал голос Пта. — Я сделал этот каталог вместе с Джозефом, и можно считать его почти полным на сегодняшний день. Мы составили каталог, собрав и сложив вместе все существующие каталоги Сети, все, что мы смогли там найти. В частности, я понял теперь, каким образом что у вас производится. Вот, держи каталог.

— Теперь у тебя есть алла и каталог, и ты можешь сама делать дизайн своего реалинга, — добавила Шиммер. — А теперь

алла для Ренди.

— Нет, нет! — запротестовала Пег. — Этот юнец слишком примитивен и грязен. Его творения скорее всего будут отвратительными на вид.

— Пег права, — подал голос Пта. — Сейчас я понимаю, что мне не нужно было так стараться защищать тебя, но я также и вижу, что этот тип совершенный дегенерат, и его поведение может представлять серьезную опасность.

— Мое мнение, что для полноты картины испытаний в программу нужно включить также и типов с крайними отклонениями поведения и психики, — сообщила Сисс. Потом она замолчала и прислушалась к себе, словно бы совещаясь с чем-то, находящимся внутри. — Да, Ом согласна.

— Тогда сделаем для него алла, — заключила Шиммер. Она снова потерла большой палец об указательный, произведя на свет алла, нежно переливающееся оттенками меди. Грациозно наклонившись, она осторожно спрятала тихо вибрирующую трубочку в карман рубашки спящего Ренди.

— А теперь давайте разбудим его, чтобы он мог зарегистрироваться, — предложила она.

— Только не нужно его теперь будить, — запротестовала Йок. — Он еще под кайфом, поэтому пусть проспится. Я сама прослежу за тем, чтобы он зарегистрировался, но попозже. И скачаю ему свою копию каталога.

— А-а-а-а как же я? — подал с пола голос Кобб, пытаясь приподняться и сесть.

— Нет, — ответил Вубвуб. — Мы еще не готовы начать раздавать алла молди.

— Но я-я-я не молди, — запротестовал Кобб. — Я человек.

Ситуация складывалась точно такая же, как недавно на Тонга, когда Онар сказал Коббу, что тот не может пойти на обед к королю, потому что он молди, а обед устроен только для людей. Почему никто не хочет видеть правду? С точки зрения Йок, например, быть человеком — означает быть созданным из плоти и крови. А бедный старик Кобб лишился своего тела в 2020 году.

— Если тебе что-нибудь нужно, Кобб, попроси меня, и я сделаю это для тебя, — тихонько проговорила Йок. — Но сию минуту ты не можешь получить алла. В особенности теперь, пока ты еще под кайфом. Может быть, тебе лучше сходить в душ? Промой свое тело и избавься от спор.

— Да, конечно, — ответил старик-молди. — Мне нужно срочно избавиться от этого дерьмового бетти.

С трудом поднявшись на ноги, он побрел к ванной комнате Бабс.

Тем временем Бабс была очень занята тем, что сидела на полу и мысленно просматривала через свой ювви алла-каталог. Потом произвела контрольную сетку, которая материализовалась в кружку горячего кофе в форме головы муравья. Точно так же, как Йок, Бабс нравились муравьи.

— О господи! — воскликнула Бабс. — Какая прелесть!

— Ты позволила метамарсианам остаться у тебя в доме, — сказала Йок. — Но, честное слово, твоя щедрость слишком велика, — предупредила она. — Если только сами метамарсиане не убьют тебя, тогда тебя убьет кто-нибудь другой, кто придет за ними. Лично мне нравится идея Шиммер. Метамарсиане должны отправиться в город или куда угодно, чтобы непосредственно познакомиться с жизнью на Земле. Только тебе, Вубвуб, совершенно не обязательно быть *в точности* похожим на поросенка. А ты, Пег, тебе очень дороги твои формы сказочного единорога? Я имею в виду, что перед тем как выйти на улицу, всем вам лучше принять облик обычных молди. Если только вы не собираетесь прогуливаться под видом обычных птиц или насекомых, на которых все равно почти никто не обращает внимания. Никто и не заметит, что появилась еще одна птица из пластика.

— Я горд тем, что я птица, — торжественно проговорил Хареш. — Просканировав вашу Сеть, я очень много узнал о птицах. Единственное, что немного омрачило общую картину, это то, что выражение «куриные мозги» вряд ли означает комплимент. При этом, например, в честь птиц слагались стихи. Даже название «Куриные мозги!» было использовано великим бардом хинди Алленом Гинзбергом. Поэтому я очень горд тем, что имею куриные мозги. Но не могу принять твое предложение изменить размер тела, чтобы превратиться в маленькую пластиковую птичку, которую никто не заметит. Я хочу на равных общаться с людьми и молди. Я хочу быть принят в обществе, как настоящий полноразмерный молди.

Из душа вернулся Кобб, снова порозовевший и посвежевший.

— Да, словно стал новым человеком.

— А как обычно выглядят молди? — спросил Вубвуб.

— В городе молди обычно выглядят как люди, — объяснила Бабс. — Приблизительно как люди. Скорее, как карикатуры на людей. Среди молди считается дурным тоном точно копировать форму человеческого тела, поэтому Шиммер и Пта, которые потрясающе совершенны, вполне будут соответствовать манере молди. Среди людей нет таких совершенных, прекрасных тел. И то, что они выглядят словно изваяния из мрамора и бронзы, дает понять всем, что они совсем не хотят быть похожими на людей. А

ты, Вубвуб, тебе стоит попытаться сделать из себя свиночеловека. Человекообразная форма с обликом поросенка. Оставь рыло и уши, но измени тело и ноги. Вот так, хорошо. Ноги немного подлиннее. И на руках нужно побольше пальцев, больше чем два, попробуй три, нет, четыре, если вместе с большим. Вот, отлично. И, верно, хвост оставь, только сделай подлиннее и более загнутый. Как штопор. Отлично, круто смотришься. Теперь пасть — так ты слишком страшный. Дай-ка я…

Бабс шагнула к Вубвубу и принялась пальцами изменять его лицо. В это время Вубвуб генерировал контрольную сетку алла и менял свое лицо, поспевая как раз за пальцами Бабс.

— Мы загнем уголки губ вверх по краям, добавим ямочки и морщинки от улыбки, рыло сделаем немного покороче, укоротим немного клыки, брови выгнем дугами, загнем ухо, — вот, отменно, и как насчет пятна вокруг одного глаза? Великолепно. Ты просто дорогуша. Взгляни на себя через мой ювви. Тебе не нравится белое пятно? Хорошо, тогда давай от него избавимся. Отлично. Ты выглядишь симпатичным, но крутым свином.

— Помоги теперь мне, Бабс, — попросила Пег, растягиваясь в размерах и принимая женские формы тела. — Как ты думаешь, мне стоит оставить рог?

— Рог единорога больше подходит мужчинам, — ответила Бабс. — Это фаллический символ. Тебе же…

— Как у коровы? — перебила Пег. Вокруг ее головы замигала золотая контрольная сетка, и лицо выросло и стало шире.

— Вот так, отлично, — подала голос ядовитая Йок. — Оставайся коровой.

— Не слушай ее, — заторопилась Бабс. — Ты будешь девушкой-дьяволом. Сексуальной, с небольшими загнутыми рожками и красной кожей. Вот, именно так, только рога немного поменьше и бедра пошире. Замечательно — если бы для всех это было так просто? И, да, верно — волосы оставь светлые, будешь блондинкой. Обычно девушки-дьяволицы брюнетки, но ты будешь дьяволицей-валькирией. И лучше, если мы сделаем кожу цвета солнечного ожога, чем этого медного оттенка коренных американцев. Да, и не забыть кожистый хвост с кисточкой на конце. Это тоже фаллический символ, но для девицы-дьяволицы будет круто. Как дилдо на ремешке. Ох, Пег, ты просто отпад, честное слово. Хочется отдаться. Следующий?

Через несколько минут все шестеро метамарсиан имели человеческие пропорции и размеры, напоминая, соответственно, мраморную Венеру, бронзового Аполлона, человека-свинью, девицу-дьяволицу, женщину-змею и человека-птицу. Джозеф не захотел ничего менять и остался в прежнем виде жука.

— Я буду наблюдать, — сказал Джозеф. — Принимать участие в деле — не мой стиль.

— Хареш похож на египетского бога, — заметила Йок. — На Тота.

Метамарсианин оставил свою голову похожей на птичью.

— Те еще «куриные мозги».

— Потрясно! — воскликнула Бабс. — Египтяне! Вы, метамарсиане, можете пойти потусоваться с семьей Снуков на их «Анубисе». Может быть, зависнете с ними надолго. Кобб проводит вас, ведь сегодня ночью у него было достаточно времени познакомиться со Снуками. Верно, Кобб? Ты можешь сказать Тутмосису и Изиде Снук, что эти шестеро — твои друзья с Луны и что они прилетели на Землю искать работу.

— Работу какого рода? — подозрительно спросил Вубвуб.

— А, у Снуков работы полно, разного рода, — ответил Кобб. — Например, ты, Вубвуб, можешь сказать им, что ты грабитель-взломщик. Потом потихоньку осуществишь для бара «Анубиса» что-нибудь нужное, например выпивку, а скажешь, что недавно украл. Такой будет твой вклад в семью. Совсем не обязательно трахать сырных шариков, если ты именно об этом беспокоишься.

— *Я* не беспокоюсь об этом, — сказала Шиммер, глядя вниз на спящего Ренди Карла Такера. — Это может оказаться интересно.

— Я как раз хотела идти позвонить Теодору. — Бабс вздохнула и решительно отправилась к парадным дверям склада.

— Бабс нравится Ренди, — объяснила Йок Шиммер. — Ей совсем не нравится думать, что ты не прочь заняться с ним сексом. Поэтому не говори так больше при ней, пожалуйста.

— Ах! — вздохнула Шиммер. — Я ничего такого не хотела.

— Мы не виноваты, что этот безобразный юнец не испытывает ответного чувства к Бабс, — колко заметила Пег.

— А как вы, метамарсиане, занимаетесь сексом? — спросила Йок. — Можете хотя бы намекнуть?

Как обычно, Джозеф захотел быть тем, кто даст самое полное и развернутое объяснение, но Сисс его опередила:

— Я здесь самая сексуальная, Джозеф, так что позволь мне объяснить.

У Сисс было лицо с бледной человеческой кожей, с глазами в форме бриллиантов. Ее нос представлял собой лишь два небольших уплощенных отверстия, рот был широкий, с тонкими губами. Вместо волос на голове — облегающий череп капюшон из блестящей зеленой змеиной кожи, мягко опускающейся вниз, чтобы соединиться со змеиной кожей, покрывающей остальное ее

тело, за исключением рук, на которых кожа была похожа на человеческую, а ногти были длинные и зеленые. У капюшона имелся театрально смотрящийся клин впереди посреди лба. Сисс выглядела в духе азиатского декаданса, совершенно андрогинно.

— Среди нас тоже есть нечто вроде вашего девочка-мальчик, — объяснила она. — У одного палочка, у другого — дырочка. У каждого из нас в одной жизни есть «палочка», в другой — «дырочка». Много жизней в двухмерном времени. Палочка в дырочку, дырочка на палочку, как половая сцепка у больших крокодилов.

Сисс показала свои зубы и совершила шутливое кусательное движение, при этом ее длинные загнутые клыки скользнули в соответствующие отверстия в челюстях.

— Но кроме этого, есть и кое-что другое, — пропищал Джозеф. — Мы устраиваем половую сцепку всемером. Почему всемером? Здесь все объясняется резонансной обратной связью в аттракторе нашего метагенома. В древние времена мы могли спариваться только на Метамарсе, но теперь способны совершить чирп в космосе. И то, что мы, семеро бродяг, сумели встретиться — редкий и прекрасный случай. Мы появились на вашей планете всемером, а покинет ее восемь наших собратьев.

— Мне не терпится отправиться на поиски приключений, — сказал Хареш. В отличие от Джозефа, он был теперь почти похож на человека. — Мы пойдем к Снукам и познакомимся с ними.

— Держитесь со мной на ювви-связи, — сказал Кобб. — Если они станут задавать хитрые вопросы, я подскажу вам правильные ответы. А теперь отличное время для того, чтобы отправиться размяться. Большая часть Снуков сейчас спит или страдает с похмелья. Помните, что вы прилетели из Большого Гнезда на Луне. Вам придется пообещать Снукам отдавать им половину заработанного имиполекса, в оплату за то, что они позволят вам присоединиться к их семье.

— Давайте уже пойдем! — крикнула Шиммер.

Перед входной дверью дома они ненадолго остановились, дождавшись подходящего момента, когда никто не заметит их выходящими от Бабс. Кобб вместе с шестерыми метамарсианами тоже выскочил на улицу, кроха-Джозеф жужжал над их головами.

— Посмотри, как они идут, — сказала Бабс, только что закончившая звонить по ювви Теодору. — Вот это зрелище.

— «Анубис», держись! — отозвалась Йок. — Но нам лучше не смотреть им вслед. Мы же не хотим, чтобы все поняли, откуда они взялись. Нам еще жить в твоем доме. Как Теодор?

— О, отлично. Очень обрадовался, когда я позвонила. Мы договорились встретиться, не просто пообедать, а встретиться

вечером, как настоящее свидание. Мы пойдем к Филлмору и посмотрим концерт сознания, который дает Ларки. Ларки — это тот самый парень, который устраивает при помощи больших листов имиполекса аудио- и видеопредставление. Примерно то же самое, что показали нам неделю назад Онар и Сент, но только гораздо профессиональней. Теодор мне нравится — мне так кажется.

— Я сказала Шиммер, чтобы она оставила Ренди в покое, — заметила Йок.

— Так ты сказала ей? Я поверить не могу! И что она ответила?

Йок изобразила мелодичный голосок Шиммер:

— Она ответила что-то вроде: «Ах, спасибо, я не знала». А эта вертлявая Пег: «Это *не наша* проблема». А я типа: «А как вы сексом занимаетесь, хотя бы намекните?» И Сисс в ответ: «Мы все би». А потом Джозеф сказал, что они делают это всемером.

Бабс засмеялась и обняла Йок.

— Ладно, к черту. Ренди все равно неисправимый торчок. Давай попробуем заняться искусством при помощи алла.

— А что будем делать с алла Ренди? — спросила Йок.

— Может быть, заберем у него алла, пока он спит? — предложила Бабс. — И отдадим кому-нибудь другому?

— По крайней мере спрячем его алла, ненадолго, — подытожила Йок. — Если он начнет орудовать алла с похмелья, то может сотворить какую-нибудь гадость.

Они на цыпочках прокрались в спальный уголок Йок. Вилла-Джин сидела на груди спящего Ренди Карла, словно охраняя его. Хотя Кобб и Ренди не установили новую ДИМ-пиявку на спину пластиковому цыпленку, Вилла-Джин все равно так и ходила следом за кентуккийцем.

Йок сжала двумя пальцами клюв Виллы-Джин, а Бабс тем временем нашарила в нагрудном кармане Ренди алла.

— Вот что случается с тем, кто объелся наркотиков, и при том деревенщина, — прошипела Бабс, засунув в карман алла Ренди. — Они даже не замечают, как их сила исчезает.

Они отпустили Виллу-Джин, и та пронзительно пискнула, но Ренди Карл только всхрапнул.

После этого Йок и Бабс отправились в гостиную и принялись материализовывать разные вещи.

26 февраля

— Мне просто не терпится узнать, что случится дальше, —

сказала Йок. Прошло уже два дня, был вторник, 26 февраля 2054 года, около двух часов пополудни. Йок разговаривала со своей сестрой-близнецом, Джок, которая жила на Луне. Из-за небольшой задержки во времени на прохождение сигнала туда и обратно обмен репликами занимал около пяти секунд: во-первых, из-за большого расстояния между Землей и Луной, а кроме того, по причине усложненного программного обеспечения шифрования-раскодирования, которое Йок и Джок использовали в переговорах. Программа шифрования-раскодирования направляла байты информации сообщения по разным каналам — чтобы избежать использования сколько-нибудь длительного одноканального сигнала передачи, связывающего сестер, который можно было бы проследить.

Из-за пятисекундных пауз лучшим способом разговора было направлять друг другу продолжительные серии словесной информации и образов. По сути, это скорее напоминало общение через электронную почту, чем на обычный разговор.

Была очередь говорить Йок:

— Мы с Бабс сделали тут много всяких классных вещей. Я уже показывала тебе несколько моих статических скульптур, а теперь позволь мне показать тебе кое-что, что движется.

Ювви передавал изображение прямо из зрительных центров Йок. Она смотрела на нечто, что выглядело как переплетенные петли блестящей проволоки, со светящимися образами, скользящими вдоль спиралей.

— Я сделала это в четверг. Полоз из хромированной стали, вокруг которого устроено линейное индуктивное поле. Энергия берется от генератора на квантовых капсулах, встроенного прямо в полоз. Образы — это архимедовы и платоновы твердые тела, ты помнишь про них?

Два полиэдрона столкнулись и изменили направление движения. Образы продвигались по извивам направляющих, повторяя все повороты и зигзаги, падая вниз и поднимаясь вверх. Прекрасный блестящий полиэдрон был подобен мрачному кристаллу, выращенному вокруг катушки магнитного поля.

— Это я сделала так, просто на пробу. А больше всего я сделала одежды. Вот, взгляни на этот прикид.

Йок остановилась перед забавным высоким зеркалом в полный рост в стиле ар-нуво, чтобы продемонстрировать свою обнову — короткую куртку из тонкой кожи поверх укороченных мешковатых штанов по щиколотку и белой ти-шотки со вставками из кружевных спиралей.

— А еще Бабс сделала целую кучу мебели. Например, вот это зеркало. Оно из аукционного каталога «Сотбис». И шелковую

кушетку с вышитыми муравьями, и кровать из гобелена. Я сделала себе койку, как у нас на Луне, только на этот раз побольше размером. А вот то, чем Бабс гордится больше всего, оцени. Вроде стеклянной чаши, полной живых спагетти.

Йок взглянула на кубический кварцевый куб, наполненный извивающейся массой имиполексовых червяков разного цвета и толщины. Острые грани куба составляли разительный контраст с движущимися червями внутри.

— Ранее Бабс не могла позволить себе купить столько имиполексовых червей. Думаю, тут, наверное, несколько сотен тысяч червей, все ее собственного изготовления — оказывается, можно просто заказать алла сделать сколько угодно копий того, что ты сконструировала однажды, но я все равно считаю, что все червяки — это личная работа Бабс. Личная работа на основе массового производства. Видишь, как червяки одного цвета ползут вместе рядом, словно потоки лавы? Мне здорово нравится. Хорошо, теперь ты говори.

Началась передача сообщения Джок:

— Твоя одежда просто потрясающая, Йок. У меня столько идей по поводу одежды, какую мне хотелось бы сделать. Неплохо, если бы ты сделала такую одежду для меня. Например, платье в горох, на котором все горошины вырезаны. Смотри.

Пришел сигнал, показавший, как руки Джок быстро делают набросок девушки в платье. Позади Джок виднелось оборудование для изготовления глупышей, расставленное на полках, и верстаки мастерской. Там были банки с химикатами, сопло для подачи имиполекса под давлением, а также верстак и инструменты для обработки имиполекса, такие как пьезоморфер и воздушная кисть для заполнения объема. Джок жила со своим приятелем, чудаком-художником по имени Кори Рипсом, мельтешащим сейчас в дальнем углу мастерской. По полу прыгали несколько глупышей, сделанных Кори; глупыши были немного похожи на пластикового цыпленка Виллу-Джин Ренди Карла, но меньше размером и гораздо более автономные. Йок узнала двоих из глупышей: маленького зеленого поросенка зелюка и джубджуба — птицу в виде оранжевого футбольного шара, парочку, навеки увлеченную взаимным преследованием.

Джок отложила карандаш и продолжила говорить.

— Надеюсь, ты привезешь скорее свою алла к нам! Твои скульптуры потрясающие. Никогда не думала, что в тебе скрывается столько таланта, Йок. Эта проволочная штука со скользящими блоками — просто улет. А можешь ты сделать то же самое, только размером побольше? Вроде ярмарочного аттракциона, чтобы можно было кататься, чтобы в каждом

каточке было пустое место, где сидел бы человек? Интересно, а есть ли предел силы алла? Я хочу сказать, можешь ли ты, например, сделать большую полую биосферу размером с нашу Луну и поместить на внутренней поверхности почву и реки, озера, и сделать атмосферу, и, может быть, даже поместить в центр маленькое ядерное солнце? Ты представить себе не можешь, чего люди могут у тебя попросить. Поэтому ты права насчет того, что нужно поскорее узнать, как копировать алла, чтобы не только ты и Бабс могли быть гусями, несущими золотые яйца: раньше или позже все об этом узнают. Хорошо еще, что люди и молди с Тонга не смогли проследить вас до самого Сан-Франциско. Думаю, король будет молчать, а Каппи Джейн клюнула на вашу подставку с болваном. Сью Миллер из тофу! Я знала девчонку вроде того, помнишь Симми Липшиц? Интересно, может быть один из молди Каппи Джейн до сих пор гонится за болваном Сью? Знаешь, я прямо сейчас попрошу Эмуля и Беренику проверить чат-каналы молди. Пока я займусь этим, расскажи мне, как там праправнук Кобба? Ты так и не отдала ему алла?

Йок:

— Нет, потому что он дикарь. Весь вторник Ренди таскался по дому и страдал от отходняка, пока я и Бабс делали всякие классные штуки. Он завидовал нам и тоже хотел алла, и все спрашивал, куда это отправились пришельцы, а мы типа: «Тебя вчера и так здорово обслужили, вон какой бледный, зачем тебе еще и пришельцы». Потом мы сделали на ужин три тарелки супа, сыр и хлеб, и Бабс, наконец, отдала Ренди его алла, и та зарегистрировала его как пользователя. Кстати, регистрация — тот еще трип, алла словно бы запоминает твое сознание и тело, твою систему плоти и софт — в общем, всю систему. На месте Бабс я давно бы попросила Ренди убраться на улицу, но та почему-то продолжает перед ним расшаркиваться, то ли хочет привлечь его внимание, то ли еще чего. Но только Бабс удалось привлечь внимание Ренди, как на нее что-то нашло, в голове, наверное, замкнуло, и она умчалась на свидание с другим парнем, Теодором. Мне кажется, она просто пользуется Теодором, чтобы заставить Ренди ревновать. В общем, сейчас вечер четверга, и мы тут с Ренди сидим дома на пару. Я объяснила ему, как пользоваться алла, и первое, что он сделал, это специальную насадку для своего цыпленка, Виллы-Джин, типа ДИМ, но не пиявку. Вилла-Джин вроде глупыша, за исключением того, что Ренди управляет ей напрямую, потому что Вилла-Джин совсем глупая. Прежде Ренди Карл пользовался для этого ДИМ-пиявкой, приобретенной незаконно, но теперь специально попросил Кобба

проверить новую пиявку, безопасна ли она для настоящих молди; по сути, это Кобб подсказал Ренди идею новой пиявки. А, вот идет Вилла-Джин.

Йок направила свой взгляд на Виллу-Джин, которая бродила по полу, время от времени склевывая мелкие кусочки имиполекса, оставшиеся от экспериментов с алла.

— Удивительно, что пластиковый цыпленок здесь, потому что сам Ренди уехал на своем новом мотоцикле. Возможно, он оставил тут Виллу-Джин, чтобы подслушивать меня. Если это так, то ты зараза, Ренди.

Йок быстро повернулась, чтобы взглянуть на искрящуюся и подпрыгивающую машину, которая испугала Виллу-Джин, бросившуюся наутек в дальний угол склада.

— Но я до сих пор не рассказала тебе самого интересного. После того как Ренди Карл «починил» Виллу-Джин, он почувствовал себя усталым, сделал для себя большую кровать и принялся изготавливать разные, какие только можно, образцы материалов, все, что только приходило ему в голову, каждый материал в форме кубика «лего», и складывал кубики вместе. Потом — и это самое интересное — Ренди уснул с ювви на шее, оставшись подключенным к алла, и все это время продолжал материализовывать то, что ему снилось. Господи, ты бы слышала, как он вдруг закричал. Крики начались в три часа ночи, Бабс еще не вернулась, и в доме, кроме Ренди, были только мы с Коббом. Во сне Ренди материализовал нечто, вроде огромной улитки с лицом своей матери. А наяву улитка начала преследовать его. Представляешь, в три часа ночи гигантская улитка стремительно ползет по складу, сметая все на своем пути, вот такая здоровенная.

Йок развела в стороны руки так широко, как только могла, и сделала страшное лицо.

— Теперь я смеюсь, а тогда всем было не до смеха. Ведь мать Ренди умерла в прошлом ноябре, а сам Ренди в ту пору болтался неизвестно где, не звонил матери, и, конечно же, на ее похоронах не был. Как я понимаю, с тех пор его преследует чувство вины и мучают ночные кошмары с такой вот улиткой — в общем, он не может никак простить себе, что опоздал. Улитка ползала за ним по всему дому и кричала: «Скока времиня?» — с этаким жутким кентуккийским выговором. «Если ты не встанешь сейчас же, ты опоздаешь в школу, Ренди Карл. Сейчас вторник?» Только вместо «сейчас» улитка говорила «чичас».

Йок старалась, чтобы ее голос звучал ровно и спокойно, но то и дело срывалась на истерический смех.

— У улитки был такой черный панцирь, словно подернутый

серебристой изморозью, как прическа леди в средние века. А кроме того, Ренди во сне материализовал какое-то насекомое, или что-то вроде. Этот паук все время хотел забраться и сесть к нему на лицо. Я слышала, как паук пищит: «Ренди, я так хочу забраться на тебя, просто сил нет». После этого Ренди чуть не спятил. Он ничего не мог сообразить. Забился в угол, где улитка его и настигла, и почти уже взобралась на него, прямо по коленкам на лицо, а веса в ней, как я понимаю, было не меньше четырех сотен фунтов. При своей форме и весе улитка двигалась гораздо быстрее, чем от нее можно было ожидать. Она так бы и придушила Ренди, если бы Кобб не подоспел вовремя и не оттащил ее в сторону; Кобб — здорово сильный. Мы сожгли имиполекс, но домик улитки все еще тут. Я покажу его тебе через минутку.

Джок:

— Я понимаю, что тебя тут веселит, Йок. Немногим бы это показалось смешным. Но потому мы тебя и любим. Этот ваш Ренди, с ним, похоже, случился припадок, перебрал наркотиков и сорвался с катушек. Но больше над ним так не издевайтесь. Не все способны выдержать твое чувство юмора. Хотя Кори понравилось, как вы там развлекаетесь. Параллельно я пересказывала ему, что приходило от тебя.

Взгляд Джок переместился на немолодого мужчину с зеленовато-бледным лицом, козлиной бородкой и выбритыми висками, ухмыляющегося и подавшегося вперед, словно изголодавшись по информации.

— Нет, Кори, ты не сможешь подключиться со своим ювви. Наш обмен полностью закодирован при помощи рассеивающего ключа. Специально для этого звонка Эмуль разработал новый шифровальный код. Да, Кори, ты совершенно правильно меня расслышал, на Ренди пыталась заползти гигантская улитка с лицом его матери. Боженька на небесах! Слышь, Йок, пока мы с тобой болтали, Береника просканировала чат-канал, которым пользуются молди, и кое-что раскопала. Трюк пришельцев, который они придумали со своими клонами, удался; молди и в самом деле думают, что сожгли всех пришельцев. Но твоя выдумка со Скуанто и Сью, отправившимися на Луну, сработала не до конца. Болван уже проделал половину пути до Луны, и никто не пытается гнаться за ним, поскольку молди сомневаются, что он настоящий. Информация о Сью Миллер разослана по всей Земле и Луне, а кроме того, Каппи Джейн приложила несколько твоих снимков, которые она сделала сама. Вот смотри.

Джок показала Йок идентификационную страницу Сью Миллер, на которой имелась трехмерная фотография худой

девушки с запавшими щеками и короткой стрижкой. Кроме того, в банке данных имелись снимки Йок и Кобба, болтающихся на волнах в бухте Вава-у на фоне огромного куба имиполекса. Но лицо Йок было заменено на лицо Сью, а Кобб выглядел как пластиковый американский краснокожий.

— Но молди не заметили, что ты прослушиваешь их и что именно ты ищешь? — спросила Джок и сделала паузу, прислушиваясь к ответу в своей голове, место в которой частично занимали две дополнительные личности, два древних боппера по имени Эмуль и Береника. Получив вскоре ответ, Джок продолжила: — Нет, пока что ты в полной безопасности, Йок, но тебе все равно стоит держать ухо востро, потому что вся эта потеха так или иначе, раньше или позже выберется наружу. Ты не знаешь, куда Ренди отправился на своем мотоцикле? И где Бабс?

Йок:

— Вчерашний вечер прошел очень здорово, мы над Ренди много не измывались, и то, что он чуточку сошел с ума, нас не очень испугало. Сегодня с утра он сделал себе мотоцикл. Такой здоровенный крутой мотоцикл, весь черный и с хромом, рычит и грохочет — сплошная эклектика. Как я тебе уже сказала, он уехал на этом своем мотоцикле, но куда — я не знаю. Бабс обзавидовалась мотоциклу Ренди и сама тоже сделала себе машину, вот, смотри, машина стоит перед парадной дверью.

Йок выглянула в окно и дала Джок возможность рассмотреть невероятным образом разукрашенный пустынный багги. Борта багги были разрисованы девчачьими картинками, которые обычно рисуют ручкой на последних страницах школьных тетрадей, а крылья были загнуты вверх странными забавными тильдами. Машина словно явилась из оживших кадров мультфильма и стояла, сверкая лаком под полуденным солнцем. Рядом с багги стояла и сама Бабс, разговаривая с парнем в маленьких круглых очках.

— Это новенький дружок Бабс, Теодор. Прошлой ночью он тоже ночевал в доме. Веришь или нет, но Ренди, кажется, начал ревновать Бабс. Словно у него есть на это какое-то право. Думаю, поэтому он и укатил из дома на своем мотоцикле с утра пораньше. А Бабс сделала себе машину, чтобы доказать, что она тоже не промах. Она придумывала дизайн несколько часов, потом сделала машину очень быстро, пока никто не видел. Чтобы материализовать машину, она использовала кое-что из крупного мусора, не стала превращать воздух, поэтому никакого грома и ветра не было. Слава Богу, ни Теодор, ни наши соседи ничего пока не знают. Если в городе прознают об алла, то начнется настоящий цирк. Если хочешь взглянуть на улицу, то я могу

выйти наружу и поглазеть по сторонам. Привет, Бабс, я разговариваю со своей сестрой на Луне. Видишь, вот пластиковая лужа — это Кобб лежит посреди улицы, загорает на солнце. У нас уже третий солнечный день подряд. Поздоровайся с Джок, старый ты лентяй.

Высунув из пластиковой лужи голову, Кобб помахал рукой.

— Видишь, вон там у воды, на другой стороне улицы, закопченный панцирь, домик улитки? Представляешь, что тут было?

— Смотри, не отводи взгляд, я хочу сделать набросок раковины для Кори. Он хочет сделать глупыша Улитку Такера. Потом, пожалуйста, выйди на улицу, Йок, чтобы я смогла увидеть «Анубис». Я хочу получить картинки как можно четче. И еще я хочу поговорить о том, как ты собираешься вернуться домой. Мне совсем не хочется, чтобы ты затерялась на Земле. Тебе стоит побыстрее убраться оттуда, прежде чем начнется твориться всякое безобразие, которое невозможно будет остановить.

Йок рассматривала «Анубис», потом раковину, и то и другое целую минуту, затем вернулась на склад. Было два часа дня.

— Для меня очень важно разобраться, что случилось с Филом, Джок, ну и с Ма тоже. Извини, но мне не хочется, чтобы у нас был вместо матери клон с Плащом Счастья. Как говорят пришельцы, Фил и Дарла, а также и другие, находятся в гиперпространственном пузыре в энергошаре, может быть, совсем рядом с нами. В четвертом измерении. Я обещала Филу, что буду ждать его здесь. Если я потусуюсь здесь еще немного, быть может, он все-таки вернется. И, ой! я еще не показывала тебе, что я, Ренди и Бабс сделали вместе вчера.

Йок перевела взгляд на высокий, до пояса, аквариум, наполненный разноцветными медузами.

— Они все из имиполекса, как и червяки Бабс. Оказывается, нет ничего проще запрограммировать искусственную медузу, только Ренди немного помог нам, и все. Видишь, мы поместили на верхушку каждой медузы, под поверхность, разные мандалы? Наиболее реалистичные — это Бабс, а абстрактные — это мои. Думаю, Бабс права, движущееся искусство лучше, чем искусство, которое просто стоит на месте. Потом я хочу создать искусственные полипы, которые выстроят сами коралловый риф. Жаль, что я никогда не изучала лимпсофт-программирование. Ренди — настоящий лимпсофт-инженер, хотя и не верится. Конечно, экспериментировать с реальными живыми объектами гораздо интересней, но пришельцы сказали, что мы не сможем запрограммировать и сделать ничего живого при помощи алла до тех пор, пока сами по-настоящему, как следует, не освоим

ветсофт-инженерию, а кто его знает, когда это случится. Они не особенно много нам говорят, пришельцы-то, потому что не хотят, чтобы мы или молди узнали, как можно в одно мгновение сделать тысячу копий самого себя, иначе на поверхности планеты станет тесно. Они думают, что мы такие тупые.

Джок:

— И они правы. Я советую тебе скорее вернуться домой, Йок. Эти алла — они могут быть опасными. Что, если кто-нибудь решит использовать свою алла против вас? Мне кажется, что ситуация тогда очень быстро может выйти из-под контроля. Например, Ренди Карл уже понял, что пришельцы существуют в телах обычных молди и находятся от него всего в нескольких кварталах?

Вместо ответа Йок сделала при помощи алла мраморную голову, на лице которой застыло выражение ее собственных чувств. Лицо с открытым ртом: восторженное, внимательное, напряженное.

— Мы ему еще ничего не сказали. Но сегодня вечером пойдем в «Анубис» и посмотрим, как там они устроились.

5. Ренди, Фил, Бабс, Фил

Ренди, 26 февраля

Ренди повернул на мотоцикле из Сан-Франциско на юг, выбрав Шоссе номер один, ведущее вдоль берега Тихого океана. Когда он отъезжал от дома Бабс, светило солнце, но на берегу стало холодно и промозгло, к тому же опустился туман. Ренди остановился у обочины и при помощи алла сделал себе пару перчаток, мотоциклетные кожаную куртку и штаны. Как настоящий байкер. Поразительно, на что способна эта меленькая трубочка цвета меди. Вчера вечером он вместе с девчонками, Бабс и Йок, делал разные предметы. Эта Бабс та еще штучка. И вот теперь, когда он, наконец, почувствовал, что запал на нее, она ускользнула, что совершенно испортило ему настроение, и он впал в депрессию. Может, настала пора ему измениться.

Ренди засунул алла за отворот перчатки на правой руке, на тот случай если ему понадобится срочно сделать что-нибудь. Никогда раньше он не ездил на мотоцикле и, отправляясь в путь и опасаясь, что может во что-нибудь врезаться, решил, что в крайнем случае может воспользоваться алла и превратить препятствие в воздух. Просто нужно спроецировать на препятствие контрольную сетку любой формы, хотя бы куб, и превратить в пустоту все что угодно: камень, дерево или даже другую машину. Если уж ему не удастся завладеть Бабс, то к чему горевать? Ренди взял себя в руки и затолкал свои чувства в самый дальний угол души.

Водить мотоцикл оказалось очень просто. Ренди выбрал из алла-каталога самую последнюю модель, отличающуюся отменной устойчивостью. Мотоцикл был с электрическим мотором на квантовых капсулах и имиполексовыми ДИМ-шинами. На южной стороне Бухты Полумесяца Ренди решил остановиться и сделать себе ланч. По берегу бухты пляжи были частные, потому он просто прокатился по полю брюссельской капусты к краю стофутового утеса над океаном. На самопрограммирующихся шинах ехать по ухабистому полю было одно удовольствие.

Припарковав мотоцикл прямо над краем утеса, Ренди сделал при помощи алла питательный батончик и запил его содовой «Бхарат Джолли Зест», индийским прохладительным напитком со вкусом аниса, к которому привык в Бангалоре. Он с удовольствием отыскал эту содовую в исчерпывающем алла-

каталоге. Поев, уселся на краю утеса, развлекаясь тем, что сделал при помощи алла несколько планеров и запустил их в восходящие потоки ветра. Перестать думать о Бабс Муни он так и не смог.

То, что Бабс неожиданно решила отправиться гулять с Теодором, обеспокоило Ренди гораздо больше, чем он того ожидал. Всего несколько дней назад он думал о Бабс разве что как о симпатичной девице, с которой можно неплохо убить время, да еще у которой можно перетусоваться несколько дней. Она никогда не казалась ему роскошной или сногсшибательной, совсем нет. Но теперь, ни с того ни с сего, все вдруг усложнилось, то есть пошло именно так, как это женщины предпочитают видеть.

Предшествующий опыт Ренди с женщинами был весьма ограничен, можно было даже сказать, скуден. Общий перечень был следующим: в старшей школе у него была активная и очень горячая связь с бисексуальной женщиной старше его по годам по имени Хони Вивер, которая — как после выяснилось — просто использовала его, чтобы снова добраться до матери Ренди, с которой прежде у Хони был романчик. Именно Хони развила в Ренди интерес к тому виду секса, которым занимаются сырные шарики. В распоряжении Хони была пара весьма впечатляющих имиполексовых секс-игрушек: дилдо по имени Анжелика и плащ по имени Сэмми-Джо.

На следующий день после того, как Ренди получил школьный аттестат — Господи Боже мой, это было целых четыре года назад — Хони решила вступить в ряды «наследников» и порвала с Ренди, даже не подарив ему прощального поцелуя. «Все, чем мы с тобой до сих пор занимались, Ренди Карл, было неправильно», — сказала ему она. — До сих пор я была проклятой Блудницей Вавилонской. И все только из-за того, что для меня была очень важна твоя мать. Хони использовала его и выбросила за ненужностью, а потом то же самое случилось вновь — только на сей раз с молди по имени Парвати. Ренди жил с Парвати в период, когда работал на имиполексовой фабрике в Бангалоре, в Индии. Но в конце концов открылось, что Парвати он был нужен только как источник имиполекса. Произошла неприглядная сцена с отравлением и игрой ножами; в результате в распоряжении Ренди остался кусок ягодицы Парвати, в настоящее время ставший не чем иным, как цыпленком Вилла-Джин.

Ренди никогда и никому не рассказывал о случившемся, потому что подробности были ужасны, как и большая часть его несчастной жизни. Лично для него в его жизни не было ничего смешного, но люди могли поднять его на смех. Только лишь

потому, что большинство людей вели совершенно нормальную, скучную и поганую жизнь, в их глазах Ренди мог стать клоуном-уродцем, стоило только им узнать мельчайшую подробность. Почему так получается?

Ренди вздохнул и раскинул из рукава очередную контрольную сетку, превратившуюся в новый глайдер, рванувший вверх в восходящем потоке. И с Бабс он сам виноват, потому что вел себя с самого начала как болван. В первую очередь, с какой целью он приперся утром во вторник, загруженный камотом под завязку? Он смутно помнил, что пытался завалить в кровать одного из этих пришельцев, примерно так же, как задорная псина прыгает на чью-нибудь коленку, и краснел от этих воспоминаний. От невыносимости муки он закатил глаза так, что остались только белки. Ох. С тех пор ему было настолько стыдно упоминать в разговорах пришельцев, что он даже не решился спросить у Бабс, куда они отправились.

А кроме того было и другое. Вечером во вторник, прежде чем Ренди успел сделать хоть что-то, чтобы восстановить свой статус, Бабс отправилась на свидание — на свидание! — а ночью его снова мучили кошмары, снилась чертова улитка, которая гонялась за ним повсюду, улитка, от которой никуда было не деться, как бы быстро он ни бежал и где бы ни прятался.

Сидя теперь на утесе, Ренди ежился от мучительных воспоминаний, чувствуя как свеж и остр в нем ужас той ночи, когда он, проснувшись, понял, что с ним *по-прежнему не все в порядке*, что улитка настоящая и гонится за ним, тянет за собой свой огромный домик посреди мерзкого мира реальности, улитка, говорящая с ним голосом его бедной мертвой матери так громко и отчетливо, что даже Йок и Кобб услышали и проснулись, услышали все о том, что улитка очень-очень хочет насесть ему на лицо: «Мне так хочется забраться на тебя, Ренди Карл».

А ведь он не урод и совсем не заслужил такого дерьма, но попробуй объясни это Бабс, после того как эта маленькая лунная извращенка Йок ей все рассказала; каждый раз, вспоминая подробности его кошмара, Йок давилась от смеха, и так раз двадцать в течение дня.

А сегодня утром Йок рассказала все про улитку этому прилизанному красавчику Теодору. Поскольку они договорились, что будут держать алла в секрете, Йок пришлось изменить историю таким образом, чтобы не раскрыть Теодору тайной части. Йок подала все так, словно это она сделала чудовище своими руками, пока Ренди спал, или ходил по дому как лунатик, или бредил от наркотиков — он уже не помнил точно что.

Вот теперь скажите, с кем пойдет Бабс, с клоуном-уродом —

или с калифорнийским музыкантом с хорошо подвешенным языком и прекрасными манерами, который всегда говорит правильно и только на правильные темы — дьявол, этот слизняк, кроме того, еще и работает в галерее, что уже само по себе всегда было самой сладкой и мокрой мечтой Бабс. Вчера ночью Теодор переспал с Бабс. И, видно, парень тоже запал на нее. Ренди ощутил тошнотворную ненависть к самому себе. Все пошло наперекосяк, все мерзости, которыми он занимался в прошлые годы — будут ли когда-нибудь обычные женщины испытывать к нему чувства?

Следующий глайдер Ренди поджег и проследил за тем, как планер сгорел и сломался на лету, после чего пепел по широкой спирали полетел к бесконечному прибою.

— Вот такой уж я, — пробормотал он, черт возьми, едва сдерживаясь, чтобы не прыгнуть с утеса самому. И тогда все закончится, и у него больше не будет забот. Таких, каков он теперь, никто и никогда не полюбит. Ему лучше помереть. Ренди подвинулся поближе к краю утеса, глядя на то, как под его весом несколько кусков земли оторвалось от края и полетело вниз. Значит, лучше умереть? И вся причина — эта толстощекая малышка Бабс Муни?

— Давай, мальчик Ренди. *Тат тван аси*.

Ему пришел в голову лучший выход, достаточно дерзкий и утоляющий его желание смерти, но не требующий обязательного самоубийства. В своем алла-каталоге он разыскал свой мотоцикл, потом нашел настоящий глайдер и мысленно совместил титановую раму крыльев глайдера и мотоциклетную раму. Изучив изображение, он немного подправил угол наклона крыльев и отдал приказ: «Осуществить». Вырвавшийся из алла пучок контрольной сетки сформировал контур вблизи края утеса, после чего внутри сетки появился новый летающий мотоцикл Ренди.

Океанский бриз ударил в раскидистые двадцатифутовые крылья, грозя скинуть мотоглайдер с края утеса. Ренди подхватил несколько полосок дерна и подпер ими крылья, потом дополнил корму мотоцикла ракетным двигателем. Потом еще раз взглянул на океан. Бесконечный ряд волн имел вид серый и холодный, совершенно не обещающий комфорт для оказавшегося в них человека. Будет обломно свалиться в такую воду. На хрен смерть! Он не будет умирать; он просто станет другим! Ведь еще не поздно. Ренди решил, что достаточно будет отправить один мотоцикл в *беспилотный* тестовый полет. Получится у него что-нибудь или нет, потом он с легкостью может сделать себе другой байк, а тем временем он придумает что-нибудь, чтобы стать более приемлемым для женщин, да и для людей тоже.

Для того, чтобы полет был более натуральный и для лучшего баланса, Ренди изготовил при помощи алла манекен — из полированного земляничного дерева, а почему бы и нет? Это был самый приятный с виду материал, который он когда-либо видел, розовое дерево со средней структурой волокон, почти такой же плотности, как человеческая плоть. Сидящая в седле моторакетоглайдера фигура из земляничника выглядела очень роскошно. Класс. Добавим ему глаза из зеленого стекла и крутую улыбку «имел я вас всех». Ренди запустил ракетный двигатель и дал своему детищу ход прямо по направлению к утесу. Одно из крыльев согнулось; байк полетел с утеса криво и тут же потерял равновесие и перевернулся. Ракетный двигатель продолжал работать исправно и — *плюх!* — байк упал в воду на скорости около сорока миль в час. Деревянный манекен всплыл и закачался на волнах лицом вниз, и скоро волны уже били дерево о камни.

— Это был старый «я», — рассмеялся Ренди, испытывая облегчение от того, что там, внизу, не он настоящий. — А этот парень начнет все с нового листа.

Ведь у него еще есть шанс с Бабс. Он бросит камот и перестанет трахать молди. Он не будет больше иметь дела с такими слизняками, как Аарби Кид. Да, именно так. Лучше быть трезвым, чем мертвым.

Остатки байка-глайдера под водой вызывали жалось, и Ренди направил вниз контрольную сетку, чтобы спасти байк. Просто потрясающе, что ему достаточно только подумать и пожелать, и сетка сразу же появляется сама собой в том месте, куда он ее направит.

Ощутив сеткой разбитый мотоцикл, Ренди немного изменил очертания сетки, потому что искривленный мотоцикл больше ей не соответствовал. Связь через алла была настолько чувствительная, что Ренди словно руками ощупывал содержимое сетки; внутри находилась пара рыбок, несколько камней, и полным-полно всяких ракушек — не стоило превращать в ничто все это. Он стянул потуже сетку вокруг мотоглайдера и превратил машину в воду. Остался только деревянный человек, которого волны продолжали колотить о скалы. Неудачник плохой Ренди.

— Попробуем еще разок, — сказал он и сделал еще один мотоцикл с крыльями. На этот раз он добавил соединенную с рулем систему управления крыльями, плюс седока получше, такого, что мог бы выправить летательный аппарат. Ренди материализовал имиполексовую фигуру и оборудовал ее глазами-камерами, ювви и рудиментарной нервной системой на ниобиевых проводах, а также управляющей пиявкой нового типа,

такой же, какую он наклеил на Виллу-Джин. Как чревовещатель, таинственным незримым образом применяющий свой голос, Ренди вложил свое сознание в имиполексового мотоциклиста, глядя на мир сквозь его глаза и шевеля его руками и пальцами. Чем дальше он продвигался по этой дорожке, тем меньше и меньше чувствовал в себе желание покончить с собой.

Вууден-вууден, прорычал мотоглайдер своим электрическим мотором, *крооууу*, завыла ракета. Небывалая машина-симбиоз поднялась в воздух. Полностью погрузившись в виртуальное сознание своего мотоциклиста, Ренди отчетливо ощущал, как тот летит на мотоглайдере. Он пошевелил крыльями, подрегулировал тягу ракеты, набрал еще немного высоту, и потом — черрт! — порыв ветра подломил крыло, байк кувыркнулся, и вот он уже летит обратно на утес. Он отчаянно попытался выровнять крылья, и вот — да! — он выравнивается, он вот-вот полетит снова ровно, но — черт возьми, опять! — на краю утеса торчит камень, за который, еще миг — и заденет край правого крыла — быстро, алла-выстрел, и превратим этот камень в воздух!

Ориентируясь по ювви имиполексового мотоциклиста, Ренди направил контрольную сетку, чтобы убрать с дороги кусок камня — *буум* — но в спешке превратил в воздух слишком много твердого камня, так что — *о-о-ох!* — сопроводившая появление такого большого количества воздуха ударная волна сбила мотоглайдер, лишив его достигнутого дорогой ценой равновесия. Байк камнем полетел вниз. Для того чтобы облегчить себе подчистку остатков, Ренди выбросил контрольную алла-сетку и превратил в воздух мотоцикл и его наездника прямо на лету, пока тот не врезался в скалы. Момент исчезновения он наблюдал через глаза-камеры мотоциклиста, и ощущение, которым сопроводилась дематериализация, было довольно странным. Каким-то образом это ощущение заставило его вспомнить о бедной молди Монике, которую он прошлой осенью похитил и послал на верную смерть.

— Прости меня, Господи, — вслух сказал Ренди, хотя не считал себя верующим человеком. — Прости, пожалуйста.

В тот же самый момент Ренди точно почувствовал, что перемены действительно возможны.

Слишком долго он оставался дурнем. Настало время отправиться обратно и поговорить с Бабс. Он больше не станет валять дурака с летающими мотоциклами. Они выполнили свою роль, избавив его от мыслей о смерти.

Он опять почувствовал жажду и решил сделать себе при помощи алла новую бутылочку прохладительного напитка. Но только Ренди попытался отдать через ювви нужный приказ, как

алла, вместо того чтобы создать контрольную сетку, заговорила с ним:

— Приветствую вас, — сказала ему алла. — Должна ли я материализовать нового Ренди Карла Такера или должна произвести новую регистрацию?

После слов алла Ренди почувствовал в теле новую серию покалываний, словно бы алла опять изучала и исследовала его тело.

— Эй, — сказал Ренди. — Мы уже занимались этим раньше. Я — Ренди Карл Такер.

— Совпадение с оригинальным пользователем подтверждено на девяносто восемь процентов, — ответила ему алла, словно бы и не слушая его. — Опция новой материализации Ренди Карла Такера отменена. Для полного подтверждения и реактивации необходимо произвести перерегистрацию. Пожалуйста, сообщите название и мысленную ассоциацию для следующих предметов.

После чего алла продемонстрировала Ренди серию изображений, которые он уже видел прежде и которыми алла пользовалась для того, чтобы изучить его мыслительные способности. Мигнули и пропали три первых изображения: симметричный круговой световой узор, расщепленная, словно вилка, линия и участок шершавой грубой поверхности.

Как и в первый раз, Ренди ответил, что пятно похоже на мандалу, которую он видел, когда первый раз закинулся вместе с Парвати камотом в Бангалоре, второе — похоже на русло пересохшего ручья рядом с парковкой грузовиков в «Лондон Эрл Эстейт», что в Луисвилле, а третье похоже на шкуру мертвого молди, которую он видел выставленной для зевак на церковной ярмарке, устроенной «наследниками».

После тошнотворно быстрой серии вопросов и сверхзвуковой серии ответов настала пора покалываний и судорог по всему телу, вслед за чем алла произнесла свою коронную фразу:

— Вы зарегистрированы как мой единственный пожизненный пользователь. Выберите, пожалуйста, интересующий вас объект из моего каталога.

Только в этот момент Ренди, наконец, понял, что происходит. Сложная двойная связь через имиполексового болвана сбила алла с толку, в результате чего, после того как Ренди уничтожил болвана, алла решила, что это настоящий Ренди помер, превратившись с ее помощью в воздух. Алла решила, что убила его.

Как только это случилось, алла сказала, что теперь можно (как она выразилась?)«материализовать нового Ренди Карла Такера» или «произвести новую регистрацию». Означала ли

первая опция, которую затем так быстро отменили, что алла могла сделать точный дубликат его, Ренди Карла Такера, идентичный с ним и душой, и телом? Вот это было бы по-настоящему круто.

— Сделай мою копию, — приказал Ренди алла, не слишком задумываясь о последствиях. Его сердце колотилось от возбуждения. — Сделай Ренди Карла Такера.

И снова через тело Ренди Карла пронеслась серия покалываний.

— Идентичность с Ренди Карлом Такером подтверждена на девяносто девять запятая восемьдесят семь процентов. Запрос на производство собственного дубля в данный момент отклонен.

Вот так. Ну да ладно. Ведь если бы у них получился Ренди Карл Такер Второй, он наверняка бы тоже стал подкатывать к Бабс. У Теодора и так хватает проблем. И все равно, это было бы здорово. Ренди был единственным ребенком в семье; он всегда хотел иметь рядом кого-то, кто бы понимал его.

В тот же миг Ренди вдруг понял еще кое-что необычное в поведении алла. Если бы он и в самом деле умер и какой-нибудь другой парень подобрал за ним алла, то алла могла бы материализовать нового Ренди Карла, хотя этот другой парень наверняка предпочел бы зарегистрировать алла для себя самого.

Ренди оглянулся по сторонам, внезапно испугавшись того, что за ним может кто-нибудь следить. Но на краю утеса он был один. В океане болтались на волнах несколько серферов на молди-досках, но эти были далеко от него. Никто его не видел, никто не следил. Что бы было, если бы кто-нибудь увидел его проделки с алла и решил завладеть ею — потому что ради того, чтобы иметь такую отличную волшебную штуковину, можно и прибить кого-нибудь?

В ответ алла предложит убийце простой выбор: «Хотите ли вы воскресить прошлого болвана, которого вы только что пристукнули?» или «Не хотите ли вы всю оставшуюся жизнь наслаждаться властью, которую даст в ваши руки волшебная палочка?» Конечно, убийца, если только он не болван, выберет второй вариант.

Алла без проблем зарегистрирует душегуба «единственным пожизненным пользователем», возможно при этом мгновенно позабыв душу и тело убитого Ренди Карла Такера.

Это означало, что как только станет известно об алла и о том, как легко можно передавать алла от одного человека к другому, быть владельцем алла станет опасно для жизни. Опасно для его жизни, а также для жизни Йок и Бабс. Конечно, оставалась небольшая надежда, что опция «создание нового я» однажды

может спасти вашу задницу — но для этого должен быть кто-то, кто любит вас достаточно сильно для того, чтобы об этом попросить, а кроме того, слабо верилось, что такой трюк сработает.

Размышляя обо всем этом, Ренди направил контрольную сетку на край утеса и заделал там недавнюю, устроенную им же самим квадратную выбоину желтым песчаником. Солнце уже склонилось к горизонту. Он уселся на первый вариант своего мотоцикла и покатил через поле к полосе Шоссе номер один, негромко урча электрическим мотором.

Поднимаясь сегодня утром, он обдумывал возможность заглянуть в Санта-Круз к Аарби Киду, не появилось ли у того какой-нибудь новой дури. Но теперь он так не мог поступить, потому что это будет безнравственный и саморазрушительный поступок прежнего Ренди, того самого парня, который при помощи ДИМ-пиявки похищал свободных молди. С сегодняшнего дня прежний Ренди канул в Лету. Он решил внести поправку в свое поведение: с этих пор относиться по справедливости как к людям, так и к молди. Поэтому к Аарби Киду вообще не было смысла ехать. Черт, да если только Аарби Кид увидит его алла, он наверняка убьет из-за нее — а потом легко станет новым пользователем. А Ренди ни к чему умирать, как раз когда он решил начать новую жизнь! Единственным местом, куда новый Ренди хотел теперь вернуться, был Сан-Франциско.

Поэтому Ренди повернул и покатил на север, чувствуя, как левую щеку греет заходящее солнце. Что он теперь сделает, так это вернется на склад и серьезно поговорит с Бабс. Он скажет ей, что она самая красивая девушка, которую он только встречал в своей жизни. Он скажет ей, что ему до чертиков надоело быть бессердечным сторчавшимся чурбаном. Что ему на это ответит Бабс? Недавно ему казалось, что девчонка неравнодушна к нему, по крайней мере поначалу так казалось. Все, чего он хотел, это загладить урон, причиненный его камотным трипом и приключением с реалинг-улиткой. А, боже мой, вчера они провели такой замечательный день, когда все втроем — он, Бабс и Йок — делали пластиковых медуз для аквариума. Может быть, если он теперь откроет перед Бабс свое сердце, та прогонит Теодора и пустит его в свою гобеленовую кровать.

Что наверняка потянет за собой новую проблему. Если дойдет до интимностей, сможет ли он заниматься сексом с обычной девушкой своего возраста? Возможно, его дружок решит не напрягаться для такой динамо, как Бабс. Это будет ноль-три против деревенского клоуна Бозо. Вот если бы Бабс поняла его получше, и они вместе легли на молди-плащ, у него было бы

гораздо больше шансов справиться с ней по-нормальному. А ведь и правда, Бабс что-то говорила о том, что она вроде бы ничего не имеет против запаха молди. Ведь ее мать Вэнди тоже наполовину молди.

Ренди разгорелся, представив себе соблазнительную сцену того, чем бы они с Бабс могли заняться, устроившись на Сэмми-Джо. Точно. Нужно, чтобы в представлении принял участие молди, и тогда все пойдет, как по маслу. Хотя, конечно, и речи не идет о том, что он собирается снова вернуться к старому.

Когда Ренди наконец добрался до города, было уже темно. Он здорово устал, и ему хотелось прилечь. Докатив наконец до квартала Бабс, он заметил огни «Анубиса», мигающие у набережной. Огромный выброшенный на сушу корабль был полон разноцветных красивых молди и кайфующих тусовщиков. Может быть, ему стоит притормозить тут ненадолго и провести полчасика с какой-нибудь молди? Вчера он провел незабываемый сеанс с Ирис — но нет, больше он этого не хочет. С Бабс у него появится первый в его жизни шанс попытать счастья с настоящей женщиной. «Не упусти его, Ренди Карл», — сказал он сам себе, не торопясь выруливая свой мотоцикл к складу Бабс Муни.

Свернув в переулок Бабс, Ренди заметил мультяшный забавный электрический пустынный багги Бабс, как раз появившийся в противоположном конце улицы. И рядом с Бабс — чертов Теодор. Бабс улыбнулась Ренди и махнула рукой — продолжая вести машину. И проехала мимо него.

— Бабс! — крикнул Ренди, добравшись до нее срочным ювви-вызовом. Боясь потерять ее из виду, он прибавил газу и, развернувшись U-образной петлей, устремился следом за ней.

— Эй, Ренди, — прозвучал в его ювви милый голосок Бабс. — Где ты пропадал целый день?

Бабс свернула за угол и по Третьей улице повела машину к центру города. Она еще не заметила, что он едет за ней следом.

— Я катался вдоль берега. Собирался заглянуть к Аарби Киду, но потом решил, что не стоит. Я решил измениться. И мне кажется, что я неправильно поступил с тобой, Бабс. Ты скоро вернешься домой?

— Вот только подкину Теодора на работу, и все. У него сегодня вечерняя смена в галерее Азиз. Чем это ты так терзался весь день?

— Сегодня я сделал два открытия, Бабс. Первое — это насчет моей… «игрушки». Я открыл, что если умру, «игрушка» сможет сделать либо мою копию, либо станет работать для другого человека, который первым ее подберет.

— С ума сойти.

Наступила тишина, пока Бабс обдумывала услышанное.

— Это и хорошая, и плохая новость одновременно, верно? Но, я думаю, по ювви в любом случае это не стоит обсуждать.

Ренди заметил, как Бабс коротко взглянула в зеркало заднего вида.

— Эй, так ты едешь за мной?

— Точно, качусь прямо за вашим пышным турнюром, леди. Потому что, понимаешь, мне еще нужно сказать тебе вторую вещь, которая пришла мне в голову сегодня. Может быть, ты притормозишь у тротуара ненадолго?

— Хорошо.

Бабс притормозила свой забавный автомобильчик у тротуара и выпрыгнула наружу. Теодор остался сидеть в машине, имея вид раздраженный и взволнованный. Ренди подкатил на своем мотоцикле и протянул руки Бабс. Бабс сделала несколько неуверенных шагов к нему навстречу, но потом остановилась и заговорила уже без посредства ювви.

— Так в чем дело? Надеюсь, ты не под кайфом, Ренди?

— Я… я не такой, как все твои прежние парни, Бабс. Поначалу я этого не понимал, но теперь я чувствую, что могу полюбить тебя.

Бабс раскраснелась, быстро оглянулась назад на Теодора, потом шагнула поближе к Ренди.

— Ты серьезно?

Ее губы растянулись в улыбке, такой милой.

— Я знаю, что вел себя как последний урод и все сам испортил. Но ты — единственная женщина, которая мне нужна. У меня было необычное детство, не как у всех. То, что я сырный шарик… Но ведь и у тебя мать наполовину молди, так что тут нет ничего страшного. Я хочу сказать, если я и ты, мы с тобой… я просто подумал, что у меня могут случиться маленькие… если ты не против, что мы возьмем молди-плащ и уже на него ляжем, а потом…

Голос Бабс звучал резко и бил как хлыст.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Наверно, я поторопился, прости, — ответил Ренди. — Я просто думаю вслух. Но не нужно обращать внимания на детали, хорошо? Ты и я, у нас с тобой все получится, верно? Все сработает. Ты самая отличная девчонка, которую я только знал. Я просто боялся, что могу облажаться.

— Все в порядке, Бабс? — крикнул из машины Теодор, поднимаясь и собираясь вылезти наружу.

— Да, да, — ответила Бабс. — Подожди секунду.

— Не уезжай с Теодором, Бабс, — взмолился Ренди. — Нам

нужно поговорить.

— Откуда ты узнал, что делает алла после того, как пользователь умирает? — шепотом спросила Бабс. — Ты не соврал, часом?

— Бабс, в результате я опоздаю, — снова подал голос Теодор, выбираясь из машины и направляясь к ним. — Привет, Такер, сегодня не мучили гигантские улитки?

— Оставь Ренди в покое, — отрезала Бабс. — Знаешь что, Теодор, можешь взять мою машину и ехать на работу. Если нужно, пусть машина будет у тебя всю ночь, а завтра покажи ее Канди Азиз и спроси, не хочет ли она взять такой багги для своей галереи. Я уже звонила Канди по ювви и говорила с ней — похоже, что она заинтересовалась.

— Но…

— Извини, у меня дела, — ответила Бабс и клюнула Теодора в щеку. — Пока. Я звякну тебе завтра по ювви.

После этого Бабс уселась позади Ренди на его мотоцикл, и они укатили обратно.

— Я только хотела сказать тебе одну вещь, — объявила она, когда они слезали с мотоцикла. — Я не собираюсь трахаться с тобой на твоей долбаной молди-простыне. И вообще, я никогда не говорила, что собираюсь трахаться с тобой, Ренди. Привет, Кобб.

— Так скоро вернулась? — Кобб стоял на пороге склада, прислонившись к косяку и сложив руки на груди, словно охранник. — Йок только что сказала, что, наверное, ей стоит поскорей лететь обратно на Луну. Она снова говорила с сестрой и заскучала по дому. Привет, Ренди, рад тебя видеть. Ты-то сам не собираешься пока на Луну? Здесь столько всего случилось, верно? Слишком многое за такое короткое время.

— Да, у меня тоже есть ощущение, что назревает что-то большое, — сказал Ренди. — Давай-ка зайдем внутрь, Кобб, нам нужно немного поговорить. Если только вы с Йок перестанете смеяться надо мной.

— Помогите! — закричала Йок, замечая в дверях Ренди. — Нападение гигантской улитки!

— Я сейчас тебе зад надеру! — заорал в ответ Ренди, бросаясь на Йок. Ему до смерти надоело, что над ним потешаются как над законченным торчком. Йок взвизгнула и бросилась наутек, по пути выпустив у себя за спиной несколько водородно-кислородных бомбочек. В ответ Ренди сделал при помощи алла огромную подушку, прямо на пути Йок, и та с ходу влетела в нее и села на пол. Настигнув Йок, Ренди остановился над ней, и рядом с ним уже стояла верная Вилла-Джин.

— Хватит, ты достаточно меня помучила, Йок. Я знаю, что

вел себя как клоун, но теперь решил измениться. Вы слышите это, Кобб и Бабс? Я собираюсь стать другим человеком. Достойным моего прапрадеда и достойным женщины, которую я люблю.

— Что? — переспросила Йок.

Бабс подошла к Ренди и обняла его за талию.

— А мне кажется, что Ренди милый. Поэтому прошу обходиться с ним нормально.

Улыбнувшись, Ренди поцеловал Бабс в щеку, потом расхрабрился и, стиснув ее обеими руками, как следует обнял. Ощутив все ее тело и вдохнув запах Бабс, он вдруг понял, что если когда-нибудь окажется с ней в постели, то ему не понадобится никаких секс-помощников.

— Хорошо, хорошо, — ответила Бабс, выворачиваясь из объятий Ренди. — А теперь нам нужно поговорить об этих твои открытиях насчет алла, о том, что ты сказал мне раньше.

И Ренди рассказал всем, каким образом ему удалось установить, что алла предлагает провести новую регистрацию в том случае, когда кто-то другой подбирает ее, если прежний владелец умер — при этом, конечно, есть и возможность, что вместо того алла изготовит новую копию прежнего владельца.

— Значит, в этой сказке жадный крестьянин, убивший золотого гуся, получает взамен всю гусиную силу, — подытожила Йок. — Вот облом-то.

— Если только он не решит заново материализовать старого гуся, — заметила Бабс.

— Что касается меня, то я хорошо знаю всех этих крестьян, — сказал Ренди. — Ни один крестьянин на свете не станет возвращать золотого гуся.

— Значит, тогда нам придется хранить тайну алла вечно, — сказала Бабс. — Или нас просто прикончат. Или мы выбросим свои алла и на этом все закончим сами. Или узнаем, каким образом скопировать алла так, чтобы раздать их всем живым на Земле. Значит, у нас четыре возможности. Из которых первая практически неисполнима. Тайна раньше или позже выйдет наружу. В особенности когда эти пришельцы тусуются теперь с сырными шариками и целый день под кайфом.

— Так они в «Анубисе»? — спросил Ренди. — Вот где они, так? Почему мне никто не сказал?

Ренди сидел рядом с Бабс, и Вилла-Джин пристроилась между ними.

— Мы подумали, что как только ты об этом узнаешь, так сразу же бросишься туда, чтобы снова попытаться трахнуть Шиммер, — объяснил Кобб. — Лично мне хотелось, чтобы мой праправнучек дал своему бедному телу отдохнуть хоть несколько

дней.

— Я… — в горле у Ренди щелкнуло. — Я больше этим не занимаюсь. Пока у меня есть шанс с Бабс.

— Как трогательно, — заметила Йок, которой пришлось сделать усилие над собой, чтобы ее голос оставался ровным. Потом она сделала паузу, чтобы прочистить горло. — Давайте подумаем. То, что сказала Бабс, имеет смысл. Если мы не хотим, чтобы нас прикончили, нам нужно либо избавиться от алла, либо узнать, каким образом раздать всем по алла. Я за то, чтобы у каждого была своя алла. Нам просто нужно найти способ, при помощи которого мы можем заставить алла сделать другую алла.

— Я не уверена, что это правильно, — высказалась Бабс, задумчиво поглаживая Виллу-Джин. — Люди такие тупые. Если в руках у каждого-всякого окажется алла, то скоро каждый метр покроется… мусором. Хорошо заниматься при помощи алла искусством, но я была художником до того, как в руки мне попала алла, и останусь художником и после того, как лишусь алла. Может быть, нам лучше выбросить алла ко всем чертям, пока они не попали в дурные руки идиотов?

— Что ж, замечательное предложение, мисс ваше величество, — отозвалась Йок. — Я тоже художник. И до сих пор в мире не было подходящей художественной формы для меня, пока в моих руках не оказалась алла. Но ведь с алла я не стала неуклюжим пеоном? Я не собираюсь отдавать мою алла, Бабс.

— Ты отлично владеешь своей алла, просто мастерски, Йок, — признала Бабс, чтобы разрядить обстановку. — Я не имела в виду, что не считаю тебя художником, и не хотела сказать ничего такого. Но я уверена, что и *без* алла ты останешься художником, надеюсь, ты понимаешь это. Я просто хотела сказать, что большинство людей никакие ни художники.

— Большинство людей — тупое дерьмо, — сказала Йок, все еще чувствуя себя ущемленной. — Но если алла будет у всех, то что бы ни сотворил любой болван, это можно будет исправить. Если один человек сделает какую-то глупость, кто-то другой после него сможет уничтожить этот предмет.

— Ты уверена? — спросила Бабс. Она спроецировала контрольную сетку на прекрасную африканскую фиалку в горшке и превратила ее в уродливый пластиковый искусственный цветок, воткнутый в вазу в форме кошки, к тому же сделанную из пенопласта. — Вот что будут делать люди. Ты сможешь это исправить?

— Да, — медленно ответила Йок. — Алла может делать растения. Вот, смотри.

Африканская фиалка снова появились.

— Я понятия не имею, какая раньше была почва в горшке, поэтому приказала алла приготовить смесь из стандартной почвы, с удобрениями, червями, бактериями и жучками, и, по-моему, вышло неплохо.

Бабс наклонилась над цветком, чтобы рассмотреть его получше.

— Тебе удалось произвести на меня впечатление, — призналась она. — Мне нравится то, что я вижу. Это дает мне надежду. И знаете, если подумать, то я не согласна расстаться со своей алла. Просто раньше я боялась в этом признаться. Это сработает.

Она радостно рассмеялась.

— Да. А то сегодня мне приснился кошмар о том, как какой-то болван решил превратить замечательный лесистый холм в этот дурацкий расфуфыренный универмаг «Мак-Мансион» в три этажа и с торговыми площадями в сорок тысяч квадратных футов. А его сосед-зеленый после взял да и превратил универмаг обратно в холм. И так продолжалось целый день подряд. И только ночью они утихомирились.

— Но в любом случае останутся законы частной собственности на землю, — задумчиво проговорила Йок. — И строить дома где захочется будет невозможно. Если только Гимми останется, и за всеми можно будет уследить. Кроме того, есть же пределы того, что алла может создать за один раз. Пределы ограничены кубом со стороной в сорок футов.

— Но даже если и так, то все будут стремиться выстроить для себя как можно больше, насколько это позволит алла или позволит закон, — объявила Бабс. — К тому же при необходимости дома можно строить по одной секции за раз. А бездомные люди смогут устроить для себя дом в любом месте, все равно, принадлежит ли кому-нибудь этот участок земли или нет. Вот это, по-моему, по настоящему здорово, верно? Бездомных больше не будет.

— Атас в квадрате, — задумчиво проговорил Ренди. — И никаких водопроводчиков им больше не понадобится. Взял алла, наполнил ванну, вымылся, потом той же алла удалил грязную воду. Вроде бы не так плохо. А дом действительно можно будет построить где угодно. Энергию и электричество взять из батарей, которые тоже может сделать алла.

— Но представляете себе, какую ерунду и какой ужас могут материализовать психи? — предположила Бабс. — Какое-нибудь дерьмо весом в тысячу тонн посреди Юнион-сквер? Да еще *государственное* дерьмо, понимаете, что я имею в виду? А кроме того, везде наверняка появятся огромные распятия. И можете

представить себе твердые трехмерные граффити? Ты пытаешься открыть с утра дверь — и не можешь этого сделать, потому что с той стороны дверь припер пятнадцатифутовый хромированный фристайл типа «Юки 37», или что теперь рекламируют?

Бабс снова рассмеялась, весьма довольная.

— Сказать по правде, я дождаться не могу, когда это действительно случится.

— Все, что можно счесть ненужной ерундой, будет превращено в воздух, — сказала Йок. — Если каждый будет убирать за собой сам, то подчистка чужих ошибок не превратится в большую проблему, и не нужно будет нанимать дворников на полный день. Сегодняшняя уборка мусора после туристов покажется гораздо более трудной задачей. Нужно будет только взглянуть на что-нибудь и пожелать, чтобы этот предмет исчез. Вы говорите, дерьмо, кресты и граффити? Еще забыли про порнографию и политическую рекламу. О, я вижу другую проблему, гораздо более важную. Что, если кто-нибудь превратит то, что *вам нравится*, в воздух? Например, твою новую машину, Бабс — кому-нибудь просто не понравится, как она выглядит. И он сделает с ней примерно то же, что ты собираешься сделать с кучей дерьма.

— Если Бабс сохранит информационную карту своей машины, то она может восстановить машину при помощи алла в любой момент, когда только понадобится, — подал голос Ренди. — Все равно в этом городе припарковаться всегда было чертовски сложной проблемой. Вместо того, чтобы парковать машину, преврати ее в воздух. Если у тебя есть алла и информационая карта, то легче легкого восстановить свой реалинг, как только он снова понадобится. Ведь, в конце концов, алла должны служить на пользу природе. Не нужны будут заводы и фабрики, ничего не надо будет производить старым способом. Если нужна бумага или доски, просто делаешь их при помощи алла, вместо того чтобы рубить живые деревья. Делайте бензин при помощи алла, вместо того чтобы выкачивать нефть из земли. Заводов больше не будет!

— Господи, у меня голова кружится, — вздохнула Бабс, прижимая пальцы к вискам. — Это какая-то прекрасная мечта. Но что, если люди вдруг решат… Боже мой, подождите… устроить ядерный взрыв?

— Это будет самая большая беда, которую я только могу себе представить, — заметил Кобб. — Нет ничего проще, чем изготовить плутониевый шар весом в двадцать пять фунтов. Сверхкритическая масса. Мгновенная атомная бомба.

— Черт, — вздохнула Бабс. — Но должен же быть какой-то

выход. Может ли алла изготовить плутоний? Проверьте.

Ренди, Бабс и Йок мгновенно углубились в свои каталоги и, похолодев, убедились: да, плутоний в каталогах имеется.

— Даже не пытайтесь сделать кусочка этой гадости, — предупредил их Кобб. — Плутоний очень опасен и ядовит, даже в малых количествах.

— Нужно как можно скорее добраться до пришельцев и заставить их поговорить с Ом, — сказала Йок. — Нужно предупредить Ом, чтобы она запретила алла изготавливать ядерное горючее. Уран, плутоний — весь этот дьявольский радиоактивный материал. Наверняка Ом способна регулировать способности алла. Ведь все алла соединены с Ом, вы и сами знаете.

— Да, — согласилась Бабс. — А потом все получат алла — и все, проблема решена.

— Да, но нам нужно еще все устроить, — заметил Ренди. — И мы еще не знаем, как сделать так, чтобы алла копировали друг друга.

— Это должны нам объяснить метамарсиане, — ответил Кобб. — Помнишь, Йок? Джозеф сказал нам, что знает, как заставить одну алла сделать другую. Нам нужно спросить их, как копировать алла, и еще попросить, чтобы Ом запретила алла делать уран и плутоний. Нужно двигать в «Анубис», вот что я вам скажу!

— Ты бывала раньше в «Анубисе», Бабс? — спросила Йок.

— Я приходила туда с братом, перед тем как переехала сюда, — ответила Бабс. — Просто посмотреть, что там к чему. Мне показалось, что смешного там мало, а как-то грустно. Очень много всяких уродов и тому подобной публики. Если мы собираемся туда идти, то сначала нужно составить план. Мы что, собираемся просить пришельцев, пожалуйста, покажите нам, как при помощи одной алла сделать другую алла? И, пожалуйста, запретите алла делать уран?

— Да, нам придется просить «пожалуйста». В нашем положении это единственное, что мы *можем* сделать. Потому что угрожать пришельцам нам нечем. Я имею в виду, что у них, у каждого, есть встроенная алла, и они могут видеть будущее. Мы ничего не сможем им сделать.

— Может быть мне удастся влюбить в себя Сисс, — задумчиво сказал Кобб. — Когда позавчера ночью мы с Ренди встречались с Ирис и Клеопатрой, Клеопатра сказала, что я очень хорош. Я думаю, что смогу заинтересовать Сисс.

— Будем надеяться, Бабс, что, если мы попросим метамарсиан помочь нам, может быть, они согласятся пойти нам

навстречу, — предположил Ренди, стараясь увести разговор в сторону. — Судя по тому, что рассказывали Кобб и Йок, Ом наверняка предполагает раздать всем индивидуальные алла. Вряд ли она собирается сделать это для того, чтобы уничтожить нашу планету. Все, что Ом нужно, это запомнить на Земле всех и каждого. А алла — это просто подарок тому, кто позволяет изучить себя и исследовать. Заполните вопросник и получите подарок.

— А ты удержишься там, в «Анубисе», Ренди? — тревожно спросила Бабс. — И не пустишься балдеть с остальными спороголовыми сырными шариками?

— Только если ты будешь держать меня все время за руку, девочка, — героически ответил Ренди. — Тогда я буду видеть только тебя. А Вилла-Джин останется стеречь твой дом, Бабс.

Фил, 23–25 февраля

Фил провел внутри энергошара уже четыре дня — с понедельника, когда Йок отправилась обратно в Сан-Франциско, до четверга, — когда в «Анубисе» наступила развязка. Первые три дня прошли следующим образом.

Понедельник

Пока отец дул вино с Темпест и Дарлой, Фил перебрался к дальнему от них концу дуба. Прямо возле последнего сука в гиперсферическом пространстве, в котором они находились, имелся изъян, дыра. Возле изъяна предметы имели странный вид. Раздраженный невразумительным бормотанием пьяных жмуриков, Фил поглубже вздохнул, покрепче ухватился за ветку дуба и высунул голову в дыру.

Его глаза заметались по кругу с неконтролируемой скоростью, как камера, болтающаяся на ремне на груди бегущего от опасности оператора. Фил увидел перед собой бесконечный ландшафт изогнутой розовой поверхности — это было похоже на взгляд муравья на миллиономильную поверхность женского тела, хотя вид поверхности не имел симметрии и упорядоченности человеческой фигуры. Потрясенный до глубины души и испытывающий необоримое головокружение, Фил заставил свои глаза успокоиться и не спеша обозреть всю розовую космоподобную поверхность, и постепенно он разглядел шесть металлических кривых, плавными изгибами исходящих из нее.

Металлические щупальца далее уходили за огромную кольцевую границу, состоящую из камня и земли, которые переходили в диск расплывчатых вод. Повернув голову немного в сторону и высунувшись чуть вперед, Фил увидел ослепительный яркий свет. Примерно в то же время лицо Фила начало мерзнуть от невыносимого холода, и он понял, что ему не хватает воздуха. В течение одного, полного ужаса, мгновения он не мог сообразить, что ему следует сделать и куда двинуться, чтобы вытянуть из дыры голову — настолько бесформенным и безориентированным было гиперпространство. Ему понадобилось совершить над собой специальное усилие, чтобы напрячь руку, держащуюся за сук. В результате нескольких отчаянных попыток его голова с разинутым ртом наконец оказалась вытянутой из дыры. В страхе Фил ощупал кожу, но его лицо было совершенно нормальным, не обмороженным, как этого можно было ожидать, просто очень холодным.

Если он хочет как следует изучить пространство в дыре, тогда ему нужно обзавестись чем-то вроде скафандра-пузыря, на основе пластикового молди или имиполекса с лимпсофт-начинкой. Но в метамарсианском алла-каталоге он не смог найти ничего, хотя бы отдаленно напоминающего человеческий скафандр. Эти «рыльца фри», которыми накормила его Темпест, — была ли это вообще еда? До сих пор во рту стоит неприятный привкус жира.

Взгляд Фила остановился на кукле Хампти-Дампти, большущей как дыня. Кукла была сделана из отличного имиполекса, которым не побрезговал бы ни один молди, и, в принципе, могла служить в качестве скафандра. Но сможет ли он заставить Хампти-Дампти надеться на себя, стать для него скафандром? С виду кукла выглядела совершенно тупой. До недавнего времени глупышей не экспортировали с Луны на Землю, потому до сих пор Фил не имел опыта в обращении с ними. Как говорят, по уровню развития глупыши где-то между молди и ДИМ. Считалось, что изобретатель Вилли Тейз встроил в глупышей специальное устройство, которое не позволяет им неожиданно развиться до неконтролируемого уровня молди.

— Иди сюда, — поманил он рукой Хампти-Дампти. Толстое яйцо робко улыбнулось. Фил решил попробовать обратиться к глупышу по ювви. Разум Хампти-Дампти оказался подобен разуму собаки: простейшее безответное отражение текущей реальности. — Иди сюда, — повторил Фил. — Мне нужна твоя помощь. Иди сюда, Хампти. Иди к Филу.

Яйцо начало медленно приближаться к нему вдоль ствола дерева.

— Ты сможешь обернуть меня с ног до головы? — спросил

Фил, передав глупышу мысленный образ человека в скафандре-пузыре. — Можешь стать для меня скафандром и давать мне воздух?

Лицо Хампти-Дампти треснуло широкой улыбкой, и оно отправило Филу обратно образ чего-то, что напоминало предварительно заложенную программу:

— Да, Хампти-Дампти может стать скафандром. Каждое оригинальное произведение фирмы «Глупыши Кори Рипсома» может быть использовано в качестве скафандра в аварийной ситуации. Это одна из причин, почему каждая лунная семья должна завести себе по крайней мере одного глупыша!

Яйцо подобралось еще ближе, широко открыло рот и осторожно укусило Фила за руку. После этого пластиковая плоть глупыша разжижилась и обтекла собой всего Фила, герметично запечатав собой его тело в подобие скафандра. Отдающий плесенью воздух начал толчками поступать прямо к ноздрям Фила, имиполекс перед его глазами стал прозрачным.

Снова ухватившись за сук, Фил высунул голову в дыру во второй раз. И вновь первым, что он увидел, было необъятное розовое пространство — вполне вероятно, это было тело Ом.

Усилием заставив свой взгляд не блуждать беспорядочно, Фил постарался замереть в полной неподвижности и спокойствии, несмотря на то, что он висел, наполовину высунувшись в гиперпространство, держась за сук дерева, по другую сторону которого пьянствовали трое жмуриков. Фил попытался компенсировать пульсацию поля зрения поворотами головы в одну и другую сторону, но это не особенно помогло.

То, что с ним происходило, напоминало попытки действовать руками, наблюдая за ними в зеркало. Все выглядело перевернутым вверх ногами, задом наперед или даже вывернутым наизнанку.

Но даже в такой ситуации он смог лучше рассмотреть многое из того, что видел раньше. Фил обнаружил, что, потеряв что-нибудь из виду, он может найти это снова, поводив головой из стороны в сторону. Движения головы иногда сопровождались дополнительными эффектами в виде образов, которые его сознание не могло интерпретировать в виде чего-то цельного. Некоторая часть бесконечной розовой поверхности представляла собой плавно слившиеся друг с другом сферы — не стоило сомневаться, что так выглядели гиперэнергосферы, или пальцы Ом, чья гиперповерхность покрывала собой остальную часть ее тела. А розовые изгибы за пределами сфер? Эти дальние части тела Ом — по ощущениям Фила, размеры Ом имели астрономические масштабы.

При взгляде вниз на себя самого, Филу предстало действительно уродливое зрелище. Там, где он ожидал увидеть плечи и грудь, оказался поперечный разрез его тела. Одни из фрагментов тела непрестанно вздрагивали, эти подрагивания совпадали с биением пульса Фила, отлично слышимого в полной тишине гиперпространства. Дергающаяся штука была его сердцем. Но в этом странном представлении сердце являло собой не цельный орган, но тоже поперечный разрез, мускульное кольцо, наполненное текущей кровью.

Рядом с сердцем имелся поперечный разрез сокращающихся легких, похожих на овальные фрактальные кочанчики капусты-брокколи. Его тело по внешней границе было окружено мускульным кольцом с полукругами костей-ребер грудной клетки. Розовая граница гиперсферы заслоняла собой то, что можно было увидеть на месте живота и содержимого, внутренностей.

Внезапно один из жмуриков крепко стукнул по дереву, ствол содрогнулся, и от страха и неожиданности Фил потерял ориентировку. Тот же, что раньше, яркий свет ударил ему в глаза. Фил прищурился, пытаясь защитить слезящиеся глаза и разглядеть хотя бы какие-нибудь детали. Глядя на свет, он взирал на сцену величия и безмятежной смиренности. Поводив головой, чтобы осмотреть окружающие участки гиперпространства, он заметил, что источник света окружен мерцанием, словно бы к свету и в свете летели какие-то предметы. Что это за чудесные предметы летят ана в Священный Свет?

Внезапно чья-то тяжелая рука схватила Фила за ремень и втянула его обратно в дыру. Это был Па, гораздо пьянее, чем прежде. Фил почувствовал, что ему хочется врезать отцу. Старый болван.

— Тебе нужно быть поосторожней, а то выпадешь наружу, — сказал ему Па. — Хорошо, что я сообразил проверить, как у тебя дела.

— У меня все в порядке, — раздраженно ответил Фил, снимая капюшон Хампти-Дампти со своей головы. Глупыш решил, что на этом его обязанности закончены, сполз с тела Фила и снова свернулся в форму первоначального яйца.

— Оставь меня в покое, Па, — продолжил Фил. — Поговорим, когда ты проспишься и протрезвеешь.

— Я до смерти боюсь спать, — ответил старина Курт. — Во сне ко мне всегда приходит Ом.

— Тогда просто оставь меня в покое, — сказал Фил и, оттолкнувшись от дерева, отплыл в пустоту гиперсферы. Позади у него был долгий день, и он здорово устал. Воспользовавшись

невидимой алла Ом, он сделал себе чашку воды, которую с жадностью осушил до дна. От воды у него немного полегчало в желудке, где давило от съеденных «рылец фри». Фил закрыл глаза и постарался расслабиться, с грустью думая о Йок и обо всем том, что случилось с ним за последнее время. Довольно скоро он уснул.

Вторник

Его разбудила Темпест, подсунувшая ему под нос сочащееся жиром рыльце фри.

— Новый день настал, молодежь. Надеюсь, ты больше не будешь так кричать на своего отца? Я принесла тебе на завтрак эти чудесные рыльца.

— На фиг рыльца, Темпест, я смотреть на эту гадость не могу, в животе бурлит. Покажи мне, в какой части алла-каталога ты их нашла? Там должно быть что-нибудь поприличней.

Фил был здорово голоден, но его желудок напрочь отказывался принимать рыльца, даже думать о них было невозможно.

— Вот, смотри, — ответила Темпест и отправила Филу по ювви закладку в каталоге пришельцев, который дала им Ом.

Ни один из объектов по соседству с рыльцами ни на грамм не напоминал еду; как показалось Филу, рыльца в хозяйстве метамарсиан имели какое-то отношение к чистящим средствам.

— Господи, помоги, — вздохнул он.

В тот же миг, как только он это сказал, каталог немедленно изменился, продемонстрировав ему стол заполненный отличной, с виду вполне человеческой, едой, как нельзя лучше подходящей к завтраку: фрукты, хлеб, несколько сортов сыра и кувшины сока.

— Осуществить, — поспешно попросил Фил, и вещественная копия продуктов закружилась в воздухе вокруг него и Темпест. — Благодарю тебя, Ом.

Фил прислушался, пытаясь разобрать ответ, но во время бодрствования слов Ом он расслышать не мог. Совсем недавно во время сна он очень бурно с Ом разговаривал. Они общались целую ночь напролет, обсудив большую часть происшедшего с ним и то, что он видел и чувствовал, и в свою очередь Ом много расспрашивала его о фактах двадцати четырех прожитых лет жизни, о том, мысленные образы чего Ом смогла найти и выудить из его памяти. Это было похоже на тот случай, когда он отправился на пикник с Кевви, и та на дорогу прилепила себе пластырь с метедрином, да так и забыла потом его отлепить. Но в

отличие от Кевви, Ом предпочитала, чтобы большую часть разговора вел сам Фил. Расскажи мне о том, расскажи мне об этом и объясни мне, что ты имел в виду, когда рассказывал об этом и о том? Неудивительно, что он совсем не отдохнул за ночь.

Завтрак был отменный. Темпест, Дарла, Курт и пес Планета с аппетитом принялись за еду. После еды, когда все устроились в разных уголках, чтобы облегчиться, Ом сразу превращала их «дела» в воздух. Например, когда Фил мочился, струйка превращалась в трепещущее ничто прямо в нескольких сантиметрах от кончика его члена.

— Сегодня больше не пьем, — мрачно сказал Па после того, как они снова слетелись вместе. — Мне нужно поговорить с сыном.

— Четвертое измерение, — проговорил Фил. — Оно и в самом деле есть.

— Ты здорово придумал со скафандром из Хампти-Дампти, — сказал Па. — Я до такого не додумался. До сих пор я только два раза сумел высунуться из дыры, всего на несколько секунд. И испугался до усрачки.

— Но там находится то, о чем ты говорил всю свою жизнь, — ответил Фил. — Гиперпространство! Я вспомнил кое-что о том, что ты рассказывал раньше. Например, я видел разрез своего тела и видел несколько других сфер, которые, должно быть, являются другими районами гиперпространства.

Курт взволнованно поднял голову.

— Я… я вчера об этом не стал говорить, но… но не приходило ли тебе в голову, что мы, может быть… уже умерли? Что это место — преддверие того, как мы отправимся в Свет? Поэтому, кстати, я не особенно верил тому, что вижу. Ты ведь знаешь, как я ненавижу религию, Фил. Это не моя стихия. Я всегда считал, что когда я умру, для меня все закончится. А теперь похоже на то, что я все-таки встречусь с гребаным Богом, деревенщиной долбаной.

— Метамарсиане считают Ом богиней. Поэтому, возможно, с Богом мы уже встретились. Она разговаривала со мной всю ночь напролет. Расспрашивала про жизнь на Земле.

— Ага, значит, и тебя тоже? — спросил Курт. — У меня это был самый плохой момент, я решил было, что это какой-то помощник Святого Пениса на Жемчужных Вратах, который решает, посылать меня в Ад или нет. Больше всего Ом ковырялась в моих мозгах по поводу математики. Вово очень заинтересовали ее. Хоть они и семи пядей во лбу, и продвинутые, метамарсианам никогда в голову не приходило создавать реальную модель бутылки Клейна такого типа. Вово напомнило Ом детство, во как.

Наверное, это самое верное слово. Хотя и не совсем правильное. Может быть, то, из чего или как она родилась?

— Ом никогда ничего не рассказывала мне о своем рождении.

— Мне она сказала, что появилась от Бога более высокого уровня. И вот этот-то Бог и беспокоит меня теперь. Как я понимаю, этот Бог создан из Света. И мне кажется, что когда я высовывался в гиперпространство, то видел этого Бога-Свет. Свет с большой буквы «С».

— Вчера я довольно долго рассматривал этот Свет, — заметил Фил. — Со стороны Света исходят такие странные ощущения, не сказать что неприятные. Но я не испугался Бога, как ты. Я даже помолился ему. Бог помог мне удержаться от выпивки и наркотиков.

— Ты лучше меня, сынок. Мне хотелось бы быть похожим на тебя. Но я слишком старый, чтобы надеяться измениться.

— Измениться никогда не поздно.

Курт приложил руку ко лбу.

— Вот это похмелье. Значит, Свет ловит тебя в свои сети и затягивает, стоит только на него взглянуть? Тогда давай по очереди высунемся наружу и как следует осмотрим там все. Я попробую одеться в Хампти-Дампти, как ты придумал. Если и есть какой-то способ вернуться на Землю, то только через эту дыру.

Потом Фил и Курт по очереди надевали Хампти-Дампти и высовывались в дыру в гиперпространстве. В итоге Курт согласился, что от Света исходят приятные ощущения.

— Знаешь, что мне показалось, — заметил Курт. — Этот Бог — он не судит. Я почти уверен, что этот Бог — он Любовь. Этот Свет — он любит тебя и хочет принять тебя и позаботиться о тебе. Странно.

— Думаю, мы можем сами решить, какой у нас Бог, — высказал свое мнение Фил. — Но что бы мы ни сказали себе, это будет неправильно, потому что Бог настолько отличен от нас, настолько непостижим, что любое понятие, которое мы попытаемся применить, не будет соответствовать истине. Тогда почему бы нам не решить, что Бог — это Доброта и Любовь? Хорошо, Па, я по твоему лицу вижу, что ты думаешь. Я не хочу настаивать на своем и петь дифирамбы, потому что не хочу говорить, как последний религиозный зануда, долбящий всякую чушь. Есть другое: ты обратил внимание на этот здоровенный диск из скал и земли, который иногда кажется окруженным водой?

— Это кусок Земли, точнее, срезы Земли, — ответил Курт. — Здорово, что все видно так хорошо. Это означает, что по

гиперрасстояниям мы не так далеко от Земли.

— Земля! — воскликнул Фил. — Научи меня математике, Па. Мне нужно освежить то, что я помню. Почему и Земля, и мое тело выглядят как разрезанные пополам? Расскажи мне про А-Квадратного.

Курт улыбнулся. Он любил рассказывать об А-Квадратном.

— Хорошо. Итак, представь, что А-Квадратный находится на поверхности сферы, висящей над поверхностью Плоскандии. Мы — те же, что и прежде, только каждое измерение на долю выше. Мы находимся в гиперпространстве, плывем и движемся ана относительно пространства, из которого *мы* явились. У А-Квадратного есть небольшой выступ, выступ, на котором он может приподнять уголок своего глаза чуточку вверх. Этот выступ подобен изъяну Ом. Если А-Квадратный перемещает свой глаз из стороны в сторону, то что он видит?

— Всякую странную чушь, — ответил Фил.

— Точно. Давай тогда проанализируем. Когда мы смотрим на мир, то воспринимаем двумерные участки, или отражения на нашу двумерную сетчатку, на основании которых строим трехмерный образ мира. А-Квадратный видит одномерные участки на одномерной сетчатке своего двумерного глаза — отражения образов, на основании которых сознание А-Квадратного строит двумерное восприятие мира. Но стоит только А-Квадратному оказаться чуть выше Плоскандии, он не может увидеть Плоскандию полностью в виде трехмерного мира. Вместо того он видит из окружающего то, что отражается на дне его двумерного глаза. Плоскость глаза А-Квадратного создает одномерные сечения Плоскандии. То есть, он видит поперечные сечения своей страны. И если поперечные сечения рассекают некоторые объекты Плоскандии, то А-Квадратный натурально может увидеть внутренность данных предметов. По той же самой причине трехмерное пространство твоего глаза рассекает трехмерный объем обычного пространства на двумерные плоскости. По этой причине ты видишь срезы своих собственных внутренностей.

— Вау, — выдохнул Фил. — Легче все же увидеть это, чем представить. Я видел разрез своего собственного сердца. Ты когда-нибудь видел, что находится внутри твоего сердца, Па?

— Видел. Внутри моего сердца находятся мои старые часики. Глядя на Землю, мы видим поперечный разрез Земли. Видим огромный диск, то из земли, то из воды. Это зависит от того где трехмерное сечение твоего глаза пересекает четырехмерное пространство в виде двумерной проекции трехмерной Земли.

— Точно, — отозвался Фил. — Но почему внутри моего

сердца горит свет? Мне всегда казалось, что внутри груди должно быть темно.

— Думаю, что причина тут в четырехмерном свете в гиперпространстве, — объяснил Курт. — Святом Свете, который мы видим.

— СОЛНЦЕ! — воскликнул Фил. — Кобб Андерсон говорил об этом на твоих похоронах. Я спрашивал его о том, что такое смерть. Божественный свет — это то, что Кобб называл СОЛНЦЕМ. Только заглавные буквы: С-О-Л-Н-Ц-Е.

— СОЛНЦЕ, — повторил Кобб. — Хорошее название. Нужно только понимать, что СОЛНЦЕ не имеет ничего общего с обыкновенным Солнцем.

— Свет СОЛНЦА имеется внутри всего, — медленно проговорил Фил. — Будто наш мир сделан из мутного стекла, сквозь которое светит Божественный Свет. Кафедральные окна, освещенные СОЛНЦЕМ. Чего же ты тут боишься, Па?

— Как бы тебе объяснить, — ответил Курт после долгого молчания. — У меня такое чувство, почти уверенность, что мне нужно лететь в это СОЛНЦЕ. Может быть, мне следует принести себя в жертву, и тогда Ом разрешит вам вернуться.

— Господи, конечно, если все время так гулять, то черт знает что в голову полезет, — раздраженно огрызнулся Фил. — Ты просто сам не знаешь, о чем говоришь. Бросай эту болтовню. Я хочу еще разок взглянуть на Землю. Давай-ка, забирайся на меня, Хампти-Дампти.

Попросив отца держать его за ноги, Фил высунулся в дыру в гиперпространстве как можно дальше. Он вертел головой по сторонам, пока наконец не засек огромный диск из земли и камня; на этот раз он различил ярко горящую центральную сердцевину Земли. Это было земное ядро.

После этого Фил начал медленно отводить голову в сторону, следя за тем, как уменьшается диск Земли. Прежде чем диск Земли исчез совсем, он превратился в огромное водное озеро. После этого Фил стал двигать голову в прямо противоположную сторону, на этот раз разглядев какие-то выпуклости на берегу большой воды, несколько кружков Земли — и ура! — несколько прямоугольных профилей, которые наверняка обозначали поперечные разрезы зданий. Он рассматривал здания минут десять или пятнадцать, чуточку поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, меняя наклон головы и приспосабливая фокусировку взгляда, чтобы сосредоточить взгляд именно на прямоугольниках зданий. В течение нескольких мгновений совокупность зданий имела определенное сходство с картой Сан-Франциско. Йок обещала ему, что будет ждать его там. Ох, Йок…

Вытащив Фила за ноги, Па надел вместо него Хампти-Дампти и сменил его у смотровой дыры. Он сказал, что хочет получше взглянуть на СОЛНЦЕ. Но уже через несколько минут Па выбрался обратно, имея вид весьма смущенный.

— Господи, счастье-то какое, — вздохнул он. — Боже, ну почему у нас нечем подкуриться?

Не стоило сомневаться, что через несколько минут Дарла и Темпест плавали в гиперпространстве, дымя огромного размера косяками.

— Смотрите, что я нашла в каталоге, — возбужденно говорила им Темпест. — Каким-то образом Ом удается сделать все, что нам нужно. Она учит себя сама. Это ведь Рай, верно?

— Или Ад, — ответил Фил, сильно оттолкнулся и отплыл от жмуриков подальше.

Среда

В этот день Фил проснулся раньше других. Надев Хампти-Дампти, он попытался еще разок увидеть Сан-Франциско. На этот раз он также внимательно рассмотрел шесть отливающих металлом щупалец, склонившихся ката от Ом в сторону Земли. Щупальца, похоже, были собраны по парам, пара золотых, пара серебряных, пара цвета меди. Все шесть щупалец тянулись вниз, туда, где, по всей видимости, находился Сан-Франциско. Как же ему попытаться увидеть хоть краешком глаза Йок? Фил попросил Ом помочь ему.

— Ты можешь приблизить Землю, Ом?

Слышимого ответа не последовало, но Фил ничего такого и не ожидал. Прошлой ночью, во время их долгого разговора, Ом объяснила ему, что она может общаться только с метамарсианами, с существами, которые живут в бесчисленных слоях параллельного времени. Голос Ом настолько размыт, что человеку нужно уснуть, чтобы его сознание расслабилось до такой степени, что могло услышать, что говорит Ом.

Теперь Фил не спал, но, несмотря на это, он ясно увидел, что его просьба услышана и исполнена, потому что кварталы Сан-Франциско начали увеличиваться в размерах. Безумного вида, колеблющиеся и движущиеся стороны поперечных разрезов зданий сейчас находились менее чем в тысяче ярдов от него. Отчего-то Фил наполнился уверенностью, что Йок находится там, где-то внизу. Что будет, если он выпрыгнет ката к ней? Могло и получиться — но могло и ничего не выйти. Вдруг он появится на улице Сан-Франциско в виде движущегося по тротуару рисунка

человека, вывернутого к тому же наизнанку? Или будет вечно падать сквозь пространство, отделяющее его от Земли? Совсем не интересно.

Кто-то дернул его за ногу. Па. Эта ночь прошла ужасно. Темпест открыла способ изготавливать при помощи нового раздела обучающегося каталога снеп и габбу, и, хотя Фил старался ничего не замечать, обдолбанные Па и Дарла, по всей видимости, трахнулись. Словно в насмешку. Все, чем до сих пор занимались Фил и Йок, это целовались и немножко полежали в одной постели. Словно дети.

С утра Темпест не могла открыть после габбы глаза, но Па и Дарла, закинувшиеся снепом, были возбуждены и подвижны, хотя и почти совершенно невменяемы. Зачем люди творят это с собой?

— Я все понял, Фил, — быстро заговорил Па. — Я пойду на Свет, и тогда Ом будет удовлетворена. Мы принесем в жертву Авраама, вместо Иакова. И тогда Ом разрешит тебе и Дарле вернуться на Землю.

— Па, успокойся.

Фил позволил Хампти-Дампти соскользнуть с его плеч, но продолжал удерживать глупое толстое яйцо на поясе, чтобы отец не смог претворить в жизнь свой план сразу же. Сегодня день пойдет псу под хвост. Наверняка место, куда они попали, это и есть Ад — по крайней мере, жмурики превратили это место в Ад.

— Курт прав, — подала голос Дарла, глаза у которой были расширены в пол-лица.

Дарла снова была голая, возле ее ног болталась собака Планета.

— Мы с Куртом всю ночь об этом говорили. Эта Ом, она просто хочет, чтобы кто-нибудь из нас выпрыгнул к ней через эту дыру. Ей интересно посмотреть, что потом случится. Если Курт выполнит то, что Ом от нас хочет, то тогда Ом вернет остальных обратно на Землю. Почему ты никак не хочешь этого понять, Фил?

До Фила вдруг дошло — оп-па! — что до сих пор он ни разу не догадался попросить Ом просто вернуть их на Землю. И сейчас он попробует.

— Милая Ом, пожалуйста, верни нас обратно на Землю. Пожалуйста, отпусти нас обратно.

Курт и Дарла молчали с минуту, оглядываясь по сторонам, но ничего не изменилось.

— Я должен выбраться наружу прямо сейчас, — решительно произнес Курт, хватаясь за Хампти-Дампти.

— Прекрати сейчас же! — крикнул Фил.

— Пусть делает, как решил! — заторопилась Дарла, отталкивая руки Фила. — Это единственная возможность!

— Вы, ребята, просто обдолбались и не соображаете, что говорите, — злился Фил. — Даже думать об этом забудьте.

Но тогда Па и Дарла навалились на Фила уже по-серьезному. Планета начала звонко лаять. Филу было трудно отбиваться, он просто не мог заставить себя ударить или даже пихнуть своего отца и пухлую и совершенно голую мать своей любимой девушки. Каким-то образом ему удалось оттолкнуть их от себя. Тогда Дарла начала будить Темпест.

— Нам нужно отобрать у него глупыша Хампти-Дампти, — сообщила Дарла Темпест, когда та, наконец, проснулась. В глазах старухи, зрачки в которых были с булавочную головку, мгновенно появилась ярость. — Фил не отдает нам глупыша, — прошипела Дарла на ухо старухе. — А ну-ка, разберись с ним, Темпест.

Ловкая и гибкая Темпест ввязалась в разборку с ловкостью и энергией уличного бойца.

Через несколько секунд лицо Фила было в крови от царапин, оставленных острыми когтями Темпест, а от удара в промежность он согнулся в три погибели. Дарла ухитрилась связать запястья Фила лентой материи, которую оторвала от своего балахона. Темпест пришлось утихомиривать, потому что вид у нее был такой, словно она готова лупить Фила до потери сознания.

— Все, Темпест, уже хватит, мы своего добились, — приговаривала Дарла, оттаскивая разбушевавшуюся старуху. — Хампти-Дампти у нас. Вот видишь? Курт уже надевает на себя глупыша. Пора тебе принять немного невесомости, Темпест. Давай, пожуй еще габбы. Вот, хорошая девочка. А теперь ложись спать, вот так, вместе с Планетой, такая хорошая мохнатая собачка. Приятных снов, сестренка.

Темпест снова уснула.

— Извини, Фил, надеюсь, что с тобой все хорошо, — начала приговаривать Дарла, вытирая кровь с лица Фила. — Я даже представить не могла, что эта Темпест набросится на тебя с такой гигасилой.

— Извини, сынок, — сказал Курт. — И не горюй. Я делаю это не только для тебя. Моя жизнь пошла прахом, с тех пор как бросил Еву из-за Уиллоу. На Землю я все равно не хочу возвращаться. К тому же мои похороны уже состоялись! Я двинусь дальше. Прямо в сторону СОЛНЦА. Потому что хуже уже не будет. А после этого, может быть, Ом согласится вернуть вас на Землю.

— Па…

— И вот еще что, Фил. Извини меня, что я когда-то кричал на

тебя, когда ты бросил колледж. Теперь я понимаю, что это не важно. Ты и так правильно живешь, ты хороший парень, чем бы ты ни занимался. У тебя есть душа и сердце. И ты совсем не глупей меня, а даже умнее.

От таких слов у Фила стало хорошо на душе. Словно огромная тяжесть свалилась с его плеч.

— Спасибо, Па. — Фил улыбнулся. — Ты тоже хороший. А теперь попроси Дарлу отпустить меня и сними, пожалуйста, Хампти-Дампти.

— Извини.

Сразу после этого Па нырнул в дыру и исчез.

— Освободи меня, Ом! — крикнул Фил.

Путы мгновенно соскользнули с его рук. Фил заглянул в новый раздел каталога Ом и, как он того и ожидал, нашел там скафандр-пузырь.

— Осуществить! — крикнул он, и поскольку первый скафандр схватила Дарла, он тут же сделал второй. Через секунду он уже высунулся в дыру и в отчаянии смотрел в гиперпространство сквозь имиполексовый щиток, разыскивая своего отца.

Поначалу он никак не мог его отыскать. Фил видел поперечный разрез Земли, огромную гору розовой плоти Ом, шесть изогнутых щупалец, ведущих от Ом ката к Земле, и огромное СОЛНЦЕ, ана всюду.

Но потом, уже довольно далеко, он заметил выделяющуюся силуэтом на фоне Божественного Света, исчезающую храбрую фигурку отца, движущегося ана в сторону СОЛНЦА.

Здорово было найти для себя такую кончину, но тут, неожиданно, случилось поразительное. Зазубренная тень в виде огромного клюва скользнула через небосклон гиперпространства в сторону отца. Поводя головой из стороны в сторону, Фил сумел разглядеть некоторые другие подробности тени нападающего — каждый новый образ был полон ярости, угловат и изорван, напоминая челюсти акулы или геральдическую хищную птицу. Потом птица ударила отца и разорвала его на две половины.

Фил застонал от невыносимой муки, так же как и Дарла, которая смотрела наружу, высунувшись рядом с ним. До последнего мгновения Фил надеялся, что, может быть, сумеет как-то вернуть своего отца, но теперь стало ясно, что обратный путь невозможен. Чудовище гиперпространства разорвало отца на куски. Как печально. Па так и не удалось добраться до СОЛНЦА.

Но подождите — Фил вдруг различил новые подробности. Из разверстых останков отца вылетело нечто, напоминающее полупрозрачную бабочку с неясными очертаниями крыльев. Плавно взмахивая крыльями, полупрозрачный образ, словно

сотканный из кисеи, продолжил подниматься ана, приближаясь к Окончательному Свету.

Остаток дня Фил провел, заглушая горе тем, что изучал новый каталог Ом и упрашивал ее отправить его обратно на Землю, к Йок в Сан-Франциско. Он старался держаться подальше от Темпест, но с Дарлой у него наладились отношения, и они хорошо поговорили, скорее всего потому, что у той от снепа язык молол без остановки. Наконец Фил почувствовал себя усталым и устроился спать.

Бабс, 26 февраля

Для вечернего выхода в свет Бабс и Йок сделали себе при помощи алла замечательные новые наряды. Йок сотворила плюшевую короткую куртку зеленого цвета и кожаные джинсы с эластичными резинками в швах. Бабс сделала красное платье в обтяжку с низким декольте, белый кашемировый кардиган и забавную маленькую красную шляпку в виде корзиночки цветов.

На улице становилось прохладно, к тому же поднимался ветер. Бабс, Ренди, Йок и Кобб направились к «Анубису», благо идти было недалеко.

К смущению Бабс, Тутмосис Снук узнал Ренди с тридцати футов. Как обычно, Тутмосис работал на улице перед кораблем в качестве привратника и вышибалы, ползая словно толстая змея взад-вперед, покачивая своей фараоновой головой в полосатой, голубой с золотом фараоновой шапке и тряся фараоновой же бородкой.

— Ренди Карл Такер, — пророкотал блестящий золотой молди. — Получил из дома новый денежный перевод? У Изиды сегодня плотное расписание на всю ночь, но для тебя минутка найдется — конечно, тебе понадобится для такого дела новая сперма, дружище, — а кроме того, у нас появилась целая группа новых молди, шесть голов, мужчины и женщины…

— Эй, Тутмосис, сейчас же прекрати, — отрезал Ренди. — Я больше этим дерьмом не занимаюсь. Вот, познакомься, эта леди — она мой друг, ее зовут Бабс Муни.

Бабс скрипнула зубами, но улыбнулась и кивнула.

— Бабс Муни? — переспросил Тутмосис, присматриваясь внимательней. — Я не очень-то ловок узнавать создания плоти. За исключением нескольких особенно энергичных особ, вроде нашего неукротимого кентуккийца Ренди Карла Такера. Для нас большая честь, что вы посетили нас, мисс Муни. Передайте наши наилучшие пожелания сенатору Стэну. Позвольте, я провожу вас

и ваших спутников.

Тутмосис мягко подтолкнул Ренди к кораблю.

— Сегодня с вас никакой платы за вход, мой деревенский братишка, поэтому идите смело вперед. Развлекайтесь. А, старина Кобб тоже пришел. Клеопатра рассказала, что ты вытворял, старый кобель. Что за звездная компания сегодня подобралась! Я еще не упомянул малышку Йок Старр-Майдол, не так ли? Лунная русалочка. Надеюсь, сегодня не будет никаких ДИМ-пиявок? Где твой дружок Фил? Его бывшая недавно присоединилась к нашей труппе.

Позади них подошли и остановились несколько прохожих, словно раздумывая о том, заходить ли внутрь корабля или идти дальше. Тутмосис поторопился повернуться к только что подошедшим.

— О да, благородные пилигримы, вы, наконец-то, добрались до великого корабля «Анубис». Поднимайтесь на борт! Вас омоют, умаслят, трижды натрут благовониями, вы отдохнете, увидите сны, расслабитесь всеми известными способами. У нас имеются самые большие, сочные, забористые камотные шарики в городе. Самые крепкие молди-члены и нежнейшие молди-киски. Зайдите в настоящий Египет. Видел ли хоть кто-то из вас, жалких созданий плоти, что-нибудь подобное? Нет? Прекрасно. Вы слышали о том, создания плоти, что у нас теперь прибавилось шесть братьев и сестер, умелых молди? А также потрясающая новая леди — создание плоти, новая сценическая исполнительница? Поскорей заходите внутрь, и вы еще успеете собственными глазами узреть представление, которое сегодня вечером будут устраивать потрясающая, сводящая с ума леди Кевви и уникальный, неповторимый птицеголовый молди по имени Хареш. Сегодня вечером они дают второе представление. Платите один раз, друзья, и остальной вечер пройдет для вас бесплатно, плюс обычные бонусы.

— Такие, как вареные мозги и прочие прелести, — пробормотала Бабс, поднимаясь вслед за Ренди по трапу, освещенному миллионами разноцветных бегущих огней. — Тебе повезло, Ренди, что в понедельник они не посадили тебе мыслительный колпачок, — тихо проговорила она.

— Я все знаю на этот счет, — отозвался Ренди, вынимая что-то из кармана.

Два прозрачных гибких кусочка пластика, немного напоминающие носовой лимпсофт-имплант, самоустанавливающийся по размеру.

— Это титанопластовые носовые блокираторы. У меня с собой две пары, так что ты тоже можешь воспользоваться, если

хочешь.

— Но мы будем держаться подальше от молди, без лишних интимностей? — спросила Бабс. — Надеюсь, ты не собираешься…

— Я пришел сюда для того, чтобы спросить метамарсиан про алла, — быстро ответил Ренди. — Клянусь Богом, Бабс. А кроме того, развлечь тебя. А носовые блокираторы в месте, подобном этому, я бы назвал просто разумной предосторожностью.

Бабс была просто заинтригована похождениями Ренди в низших слоях общества. Они отошли в тихий уголок корабельной палубы, и Ренди показал ей, как установить носовые блокираторы. Йок и Кобб наблюдали за ними. Блокираторы нужно было наполовину проглотить, а потом при помощи языка и дыхания толкнуть их вверх, чтобы они проскочили в носоглотку — поверх язычка — с обратной стороны в носовую полость. Как только блокиратор оказывался на месте, далее он устанавливался по размеру сам. Из-за блокиратора голос звучал странно и глухо, как с заложенным носом, и несколько минут Ренди и Бабс разговаривали друг с другом насморочными голосами и весело смеялись.

— Эй! — наконец не выдержал Кобб. — Я иду вниз и разыщу там метамарсиан. А вы втроем придете потом.

— Большое спасибо, что не принес *для меня* носовые блокираторы! — сказала Йок Ренди, после того как Кобб ушел.

— Да, вот хотел оказать тебе такую услугу, — в тон ответил Ренди. — Благодарность за благодарность. Ты ведь можешь сделать себе носовой блокиратор при помощи алла, верно? Пока на нас никто не смотрит?

— Кое-кто смотрит, — раздался тонкий, но отчетливый голосок.

— Это Джозеф! — воскликнула Бабс. — Я узнала его голос. Это был крохотный милый жучок. Не знаю, успел ли ты заметить его вчера или нет, Ренди. Джозеф — один из пришельцев. Где же ты, Джозеф?

— Здесь, — ответил тот и, с жужжанием опустившись между корабельными снастями, уселся Бабс на плечо. — Йок, ты можешь смело использовать алла, потому что все, кто есть на корабле, сейчас находятся внизу и дожидаются начала представления.

Йок быстро произвела в воздухе контрольную сетку и изготовила себе носовой блокиратор.

— Эта противная Кевви действительно собирается устроить живое секс-шоу с участием молди? — спросила Бабс.

— Разве не об этом говорил Тутмосис? — придушенным голосом спросила Йок. Она только что установила в носоглотке блокираторы.

— Так вот какую новую работу нашла себе Кевви, — проговорила Бабс. — Я слышала, что она должна съехать от Дерека и Каллы до первого марта. Значит, теперь ей срочно нужны деньги на новую комнату.

— Да, Кевви и Хареш будут выступать вместе, — подтвердил Джозеф. — Сегодня вечером у них уже было одно выступление, и Хареш поинтересовался о законности подобной эксплуатации. В любом случае, мы решили, что скоро уйдем с «Анубиса».

— Черт, сдается мне, что это место станет первым в городе, — заметил Ренди. — Скоро здесь будет лом народу. Секс, молди, наркотики, да еще и пришельцы. Потрясный корабль для вечеринок, даже несмотря на то, что он навечно завяз в грязи. Ты когда-нибудь пробовала камот, Бабс?

— В старших классах я все перепробовала, — развязно ответила Бабс. — Но от наркотиков я только напрягаюсь. Я старалась увидеть Бога, а вместо этого заработала зацикленный невроз. Так я реагирую на наркотики. Мне хорошо от пива, вина и громкой музыки.

Бабс смотрела, как Джозеф взобрался на кончик ее пальца.

— Эй, Джозеф, знаешь, зачем мы пришли? Мы хотим попросить твоих ребят показать нам, как делать алла. Потому что сегодня Ренди узнал, что если кто-нибудь из нас умрет, наши алла просто зарегистрируют себя для того человека или молди, кто их первым подберет. А это означает, что поскольку все люди — просто жадные свиньи, то как только тайна раскроется, нас довольно быстренько прикончат.

— Любопытно, — отозвался Джозеф и на несколько секунд замолчал. — Мне это в голову как-то не приходило, — наконец ответил он. — Я сейчас связался по ювви с остальными, и они тоже говорят, что никогда о таком не думали. Наверное вы уже поняли, что смерть для нас не представляется таким уж важным событием, потому что в двумерном времени у нас множество жизней. А в вашем одномерном времени смерть — это, конечно же…

— Так ты скажешь нам, как копировать алла, или нет? — потребовал ответа Ренди. Он быстро взмахнул рукой, словно пытался поймать муху, прицелившись в Джозефа, но жук легко уклонился от его руки, соскользнув с пальца Бабс в последний момент.

— Вы никогда не заставите нас сделать это силой, Ренди, — наставительно сказал ему Джозеф, на этот раз пристроившись на ладони Бабс. — Не нам, семерым метамарсианам, решать, имеем ли мы право дать вам, людям, власть произвести на свет бесконечное число алла. Но я уверен, что пройдет совсем немного

времени, и Ом передаст вам это знание. Ом нравится, когда живые существа пользуются ее алла.

— А кто такая эта Ом? — спросила Бабс. — Я слышала, как вчера или позавчера вы, ребята, говорили: «Возблагодарим Ом».

— Ом — это наша Богиня, — объяснил Джозеф. — Она всюду следует за нами. Теперь она вместе с метамарсианами находится на Земле.

— Ом — это то, что связано с энергошарами, не только с алла, — добавила Йок. — Как насчет Фила, Джозеф? Ты можешь спросить Ом, как у Фила дела? Или, может быть, я сама напрямую могу поговорить с Ом?

Джозеф несколько секунд молчал.

— Ом говорит, что с Филом все хорошо. И что скоро он вернется обратно. Но напрямую вы говорить с Ом не можете, потому что ваше время одномерное.

— Вот дерьмо, — воскликнул Ренди. — Все, что до сих пор я слышал от этого жука, это одни только отговорки о нашем *времени*. Что за лапшу он вешает нам на уши? По-моему, мы только теряем с ним время. Давайте спустимся вниз и посмотрим шоу. В понедельник я все пропустил.

— Подождите, — сказала Йок. — Мы забыли сказать Джозефу, что нужно попросить Ом, чтобы она запретила алла изготавливать плутоний.

Но Джозеф уже улетел.

Бабс, Йок и Ренди зашагали по палубе к трапу, ведущему вниз, в главную каюту. Поблизости от трапа и на самом трапе стояло несколько человек, в большинстве в состоянии трипа под различными наркотиками. Выражения лиц присутствующих навели Бабс на мысли о людях, сидящих на толчке в сортире, внимательно прислушивающихся к ощущениям внутри собственных тел.

Внизу в зале имелся оформленный в египетском стиле бар с колоннами в виде лотосов, фрески с иероглифами и свешивающаяся с потолка расписная пластиковая голова Сфинкса. На другой стене тоже был намалеваны многочисленные иероглифы, играла музыка, специальный микс, комбинация нот и семплированных звуков. Не слишком-то впечатляет, подумала Бабс. Но само собой разумеется, что люди приходили сюда вовсе не за подлинной атмосферой Египта — люди приходили сюда в поисках запретного, того, что могли найти только здесь. В комнате висел густой дух молди, запах разложения и разврата.

Один из молди Снуков, напоминающий наполовину развалившуюся мумию, обслуживал посетителей за стойкой бара, подавая заказанные коктейли. Время от времени Снук за стойкой

бара выплевывал из отверстий тела шарики камота. Ренди взял пива для себя и Бабс, Йок отказалась от всего. Она хотела как можно скорее обойти корабль и разыскать метамарсиан. По предложению Бабс они решили встретиться в большом шоу-зале.

Отпив пива, Бабс обратила внимание, что в донышко бутылки вмонтирован ДИМ-звуковой процессор, благодаря которому при передвижении бутылки по стойке из нее доносились различные музыкальные отрывки. Например, когда она двигала бутылку вправо-влево, то раздавался звук скретча, а если вверх-вниз, то черный рэпер говорил «Юбиваза!» Минутку она поиграла музыку из бутылки. «Ю-ю-ю-биваза!» Потом, когда Бабс взяла второе пиво, то сохранила и первую бутылку. ДИМ во второй бутылке производил гитарный рифф — *ванг* — и глубокий женский голос, говорящий: «Космическая ковбойша?» Взяв в каждую руку по бутылке, Бабс продолжила делать музыку, погрузившись в череду импровизаций. *Скричи-скричи-скрич ю-ю-би ков-ков-бойш-ичи-ич ша? ковбойша? Ванг-ванг? ковбойша? Ванг-ванг-ковбойша? Ю-юбиваза?* Стоило поймать ритм, как музыка становилась совсем неплохой.

Ренди заметил, чем занимается Бабс, и исполнил перед ней смешной танец. Вместе с ним принялись танцевать три торчка, неуклюже топоча, как всегда делают торчки, пытающиеся исполнить модный танец. Однако оказалось, что один из торчков музыкант, и по всему телу у него имеется около сотни сенсорных ДИМ-сэмплеров. Каждый жест торчка сопровождался серией музыкальных фраз, словно тянущийся за рукой след. Пара молди Снуков, загримированных под египтян, тоже принялась пританцовывать, растянув в стороны свои руки до невероятной длины.

Тем не менее сидящие в ближайших кабинках люди не слишком то обрадовались их музыке, потому что занимались только тем, что потягивали из бумажных коробочек сок и вид имели вроде: «Когда же наконец меня накроет обещанный приход?» или «Когда меня пропрет-то?» Некоторых уже накрыло, и у этих выражение было более-менее похоже на мультипликационный образ «Что-то пропало»: пульсирующее удивление типа «Ага?»

Бабс заметила, как рука одного из танцующих Снуков обвилась вокруг одного из обдолбанных посетителей. Не успела Бабс моргнуть глазом, как рука Снука змеей скользнула в карман мужчины, и внутри нее поднялось какое-то утолщение, будто кролик внутри удава. Скорее всего это был бумажник легкомысленного торчка.

Другой молди Снук (он или она) разбил свое тело на

несколько отдельных сегментов, похожих на глазные яблоки, размером с яйцо, на паре ножек, со щитом и мечом в ручках. Всего получилось, может быть, с дюжину «глаз», у некоторых были даже крылья, и все они гонялись друг за другом по всему бару, устраивая бои на мечах, отпрыгивая от окружающих, все это время мелодично пища, вплетая свои звуки в полотно музыкального микса.

В дальнем конце бара стоял большой прозрачный бассейн для любовного супа, где уже плескались несколько слившихся друг с другом пар. Сколько их там было, четверо, пятеро, или шестеро? Присмотревшись, сквозь прозрачные стены бака для «слива» можно было даже разглядеть нечеткие очертания рук и ног; тела были разжижены, однако там, где начинался один человек и заканчивался другой, все же имелась едва заметная перепонка. Трудно было точно сосчитать их количество.

Рядом с баком за столом сидели молди, торчавшие от бетти, время от времени натирающие друг друга мазью, которую зачерпывали из похожего на маленькую пирамидку горшочка, стоящего в центре стола. Обдолбанные молди изменяли очертания своих тел самым странным образом. Казалось, они соревнуются, стараясь перещеголять друг друга, хотя ни один из них был далеко не так хорош, как вооруженные мечами глаза, которые бегали по столу с бетти, в шутку будто бы нападая на балдеющих молди. Один из молди-торчков сделал себе длинный извилистый язык, которым жадно водил из стороны в сторону, другой выглядел как Книга Мормонов, с камнями Урим и Туммим, висящими с одной стороны; третий был похож на непонятного предназначения ажурную пустую форму, немного напоминающую садовый антураж, например скамейку, выкованную из железа. Танцуя, Бабс придвинулась ближе, решив подробнее рассмотреть ажурного молди, запомнить его кружева, чтобы потом скопировать, но в тот же миг девчонка-тинейджер начала блевать на пол прямо возле ног Бабс, изрыгая себе на ботинки остатки шариков камота.

— Становится немножко неспокойно, — заметил Ренди. — Давай пойдем в большой зал, Бабс.

Они протолкнулись сквозь звукоглушительную имиполексовую занавесь, которая отделяла бар от большого зала. Там было большое просторное помещение, в котором звуки отдавали эхом — скорее всего это был бывший трюм корабля, со стальной палубой и наклонными стальными стенами. В самом центре зала имелось возвышение с карликовой, при таких размерах, сценой, освещенной фонарями, подвешенными сверху. На сцене стоял, медленно вращаясь, бледно-розовый молди из

Снуков с толстым животом и длинным, расширенным, как труба, носом. Бабс видела его раньше и знала его имя; молди звали Рамзес. Рамзес нажимал пальцами на клапаны своего носа, словно бы на настоящей трубе, и наигрывал египетскую музыку. Последовательность нот имела гипнотическое воздействие, совершенно другой мир по сравнению с хаотической звуковой смесью в баре. Бабс несколько раз глубоко вздохнула и оглянулась по сторонам, рассматривая собравшуюся толпу.

Стульев не было, молди и люди либо стояли, либо сидели на стальной палубе. Всего зрителей было около сотни — слишком малочисленно для того, чтобы почувствовать этот огромный холодный зал хоть чуточку обитаемым. Молди в толпе можно было разглядеть довольно легко, потому что тела у них светились. Что до людей, то казалось, что в толпе больше мужчин, чем женщин. Бабс подумала, что среди женщин пока не встречала ни одной, кто хотя бы отдаленно напоминал сырный шарик. Однако мужчинам нравилось воображать, что и среди женщин существуют такие, кто готов бросаться на все хоть сколько-нибудь теплое, словно собака на колено.

Потом Бабс заметила кое-что, что двигалось над головой среди конусов света, периодически их пересекая, подобно огромным разноцветным бесформенным бабочкам. Дирижабли Фила! Наверное, он отдал их одному из молди Снуков, когда уходил от Кевви. Бабс дирижабли были хорошо известны, потому что Фил вечно таскал своих любимцев на вечеринки, на которые собирался весь квартал. Она показала дирижабли Ренди, назвав несколько дирижаблей по именам: «Этот, маленький, Граф Зет, — прошептала она. — А самый большой, в горох, это Уфин Вово, а вон тот — Лед Зеп. Ой, гляди-ка, горошины теперь превратились в египетские орнаменты!»

— Тс! — шикнула на них Йок, выскользнув откуда-то из темноты. — Здесь почти все метамарсиане. Видите, вон там? Пегдьяволица, которую за зад держит какой-то пьяный бизнесмен? Я уже спросила ее, может ли она нам помочь, но она ответила мне то же самое, что и Джозеф. «Все зависит от Ом». Эдакая сучка. С другими я пока не говорила. Видите, вон там, у стены, Вубвуб? Под ручку держит красивую женщину. Вы можете в это поверить?

— Это пародия, — прошептала Бабс. — Взгляни на ее бедра.

— Нет, все точно. А Шиммер и Пта сидят вместе прямо перед сценой и говорят, что они тоже будут выступать.

— Но я не вижу Сисс и Хареша, — сказала Бабс.

— Сисс вышла вместе с Коббом, — ответила Йок. — Может быть, ему удастся ее разговорить? Если он трахнет ее, например?

— А как она выглядит, эта Сисс? — подал голос Ренди.

— Как женщина-змея, — холодно объяснила Бабс, больно наступив на ногу Ренди, а потом пнув его в икру. — Она кусается! Ого, смотрите, Шиммер и Пта поднимаются на сцену!

Бабс провела среди молди всю свою жизнь; ей было пять, когда ее отец выступил в поддержку Гражданского Акта Молди в 2038 году, с тех пор у дверей их дома не иссякал поток благодарных молди. Тем более что мать Бабс была наполовину молди; да, именно так, потому что Вэнди Муни существовала внутри Плаща Счастья, который находился в симбиотическом союзе с человеческой плотью Вэнди. Вполне естественно, что в своей жизни Бабс видела, как молди занимаются сексом, множество раз — молди не отличались особой стеснительностью. Но любовные сцены молди возбуждали Бабс гораздо меньше, чем вид пары трахающихся собак, или даже не возбуждали совсем.

Представление Шиммер и Пта отличалось особой воодушевленностью. Они скакали по всей сцене, потом принялись обниматься друг с другом, после чего, для пущей убедительности, Шиммер протолкнула свое тело прямо сквозь тело Пта, при этом бронза Пта раздалась в стороны и собралась снова вместе по другую сторону мраморной Шиммер. Потом Пта проделал то же самое с Шиммер, после чего они перекрутились друг с другом так плотно, что стали напоминать скрученную разноцветную карамель. В заключение перформанса Шиммер разделила свое тело на несколько мраморных шаров, которыми Пта ловко жонглировал. Продолжая жонглировать, Пта отделял от себя все больше и больше шаров, пока наконец от него не осталась только пара рук на полу, чудесным образом продолжающая жонглировать множеством шаров, удерживая их в воздухе. Потом бронзовые руки тоже превратились в шары. Но прежде чем шары успели упасть на пол, пара белых шаров возле пола превратилась в пару мраморных рук — и жонглирование продолжилось. И по мере того как белые шары падали в руки, те вырастали, к ним прибавлялись плечи, потом торс, потом, наконец, появилась Шиммер, жонглирующая бронзовыми шарами Пта, после чего Шиммер отступила в сторону, и бронзовые шары Пта вместе собрались в единое целое, прямо в воздухе, сразу же обратившись в улыбающегося загорелого супермена.

Даже Бабс пришлось аплодировать этому номеру. Но далее произошло то, что неизбежно должно было случиться. Мелодия Рамзеса стала тревожной, быстрой, настойчивой, Шиммер и Пта спрыгнули на пол. Размягчив свои тела почти до жидкого состояния, они слились и, открыв свои поры, обменялись влажным потоком имиполекса, несущего с собой клетки их альги и грибковых спор. Магия грибковой нервной ткани взяла свое,

и Шиммер и Пта содрогнулись в минутном оргазме. Густой и тягучий сырный дух поплыл от сцены.

Бабс косо взглянула на Ренди. Глаза у того были широко открыты, челюсть отвалилась. Разгоряченная двумя бутылками пива, Бабс не смогла удержаться от того, чтобы проверить истинность состояния возбуждения Ренди, скользнув рукой вниз.

— О, да, Бабс, — застонал Ренди. — Потрогай его.

А почему бы и нет? Всего лишь на секунду? Бабс просунула руку под ремень мешковатых джинсов Ренди. Гм. Несомненно, она сможет с этим что-нибудь сделать. Но какой смысл дать ему кончить? Быстро поласкав Ренди, Бабс вытащила руку обратно.

— Потом! — прошептала она. — Ты не мог бы сходить взять еще бутылочку пива?

Ренди заторопился выполнить задание.

— Что случилось? — спросила Йок, которая стояла с другой стороны от Бабс.

— Ничего страшного, — легко отозвалась Бабс. — Могу спорить, что Кевви будет следующим номером.

Рамзес снова изменил тон музыки, словно бы подключив оркестр из нескольких инструментов: ударные, тамбурин, флейта, уд.

Теперь из-за сцены появился ярко-оранжевый молди, несущий в руках женщину, обернутую тканью.

— Блин, это действительно Кевви, — сказала Йок. — Я на это смотреть не стану.

— Останься, — прошептала Бабс. — Я хочу увидеть, как это начнется.

Прожив рядом с Кевви год или около того, Бабс особенно не прониклась к ней симпатией.

— Как только зайдет слишком далеко, мы пойдем в бар. Спасибо, Ренди.

Она взяла пиво из рук кентуккийца.

Хареш исполнял короткий египетский танец, его руки изгибались забавными иероглифами. Кевви присела на низкую кровать на краю сцены, с видом немного удивленным. Широким театральным жестом она сбросила с себя покрывало. Потом положила одну руку между ног, глядя на Хареша предположительно так, словно бы тот был сексуальным гигантом и ужасно ее заводил. Время от времени она теряла сосредоточенность, забывая, а потом внезапно вспоминая, что должна разыгрывать сцену. Далее представление начало принимать более серьезный оборот. Хареш повернулся к Кевви, и впереди у него медленно начал вырастать крепкий черный пенис. Кевви изобразила изумление и положила руку поверх круглого

«О» своего рта.

— Эй, Кевви, не вздумай! — крикнула Бабс, но Кевви уже улеглась на спину, широко раскинув ноги. При этом она призывно поводила бедрами.

— Давай, начинай! — закричал какой-то человек по другую сторону сцены.

Египетский бог-птица шагнул в сторону Кевви.

— Прекрати, Хареш! Ты слишком разумен для таких занятий!

В тот же миг Хареш повернул голову к толпе, заметив в ней Бабс, Йок и Ренди.

— Я совершенно с вами согласен, мисс Йок, — ответил он, после чего его пенис сделался мягким и быстро исчез в имиполексовой плоти живота. Нос Рамзеса обвис, издаваемая им музыка булькнула и увяла.

— Это шоу неэстетично, — продолжал говорить Хареш. — Кевви и я уже имитировали сегодня половой акт, и думаю, далее смешно продолжать искать маловероятное удовлетворение таким неестественным путем, повторяя все снова и снова. Будь ваше земное время параллельным, мы могли бы испробовать все варианты во время одного акта, однако же…

— О господи, — застонал Ренди. — Снова он завел шарманку о *нашем времени*.

— Давай, вставляй в нее свою «дуру»! — снова заорали из толпы. Кевви подняла голову и озиралась по сторонам. Она уже плотно свела ноги. Вокруг все орали. Кевви села на диване и принялась заворачиваться в покрывало.

— Не уходи! — крикнули ей. — Тебя должен трахнуть молди!

Кевви улыбнулась, покачала головой, завернулась в покрывало и ушла за сцену. Вместе с ней ушел в темноту Хареш, взяв Кевви под ручку, по дороге они болтали и смеялись, как старые друзья.

— Друзья, я займу паузу, — заявил Рамзес, стараясь говорить громче, чтобы заглушить поднимающийся ропот. Занавески перед баром отдернули, впустив в зал свет и музыку. Лучи прожекторов над сценой остались светить.

— Присутствующие молди в вашем распоряжении — торопитесь назначить свидание, — продолжал Рамзес. — Сейчас подадут новый круг освежающих напитков, а тем временем можете наслаждаться нашими удивительными дирижаблями, поразительной воздушной клоунадой.

Пять дирижаблей опустились вниз до уровня сцены и принялись кружиться друг за другом наподобие неуклюжих толстых птиц.

— Я переговорю с нашими исполнителями, — пообещал

Рамзес. Спрыгнув со сцены, он побежал вслед за Кевви и Харешем, исчезнув за маленькой дверью в дальнем конце трюма. Большинство зрителей потянулись к бару, молди-Снуки двинулись в ту же сторону.

— Это дирижабли Фила, — объяснила Бабс, показывая Йок на летающие баллоны. — Он хотел показать тебе эти дирижабли на прошлой неделе.

— Перед тем, как Кевви все расстроила, — добавила Йок. — Она — это нечто, верно? О чем только Хареш может с ней говорить?

В этот миг Рамзес кубарем вылетел из задней двери трюма. Кто-то засунул его голову ему же в зад так глубоко, что Рамзес стал похож на вово. Ему потребовалась целая минута, чтобы развязаться и снова принять прежний вид, и когда он это сделал, то отправился к бару, оглядываясь по сторонам в поисках подкрепления.

— Похоже, Хареш в ударе, — заметила Йок. — Самое время с ним поговорить. Или с кем-нибудь из других метамарсиан. Нужно передать им, чтобы они попросили Ом запретить делать плутоний.

Теперь вслед за Харешем к дальней двери потянулись и остальные метамарсиане — Пег, Вубвуб, Шиммер и Пта.

— Джозеф уже говорил тебе, что они решили улететь сегодня вечером? — спросила Бабс. — Не знаю, может, метамарсианам показалось, что общение со Снуками может скомпрометировать их. Ты права, Йок, нужно сказать им насчет плутония.

У Бабс было прекрасное настроение. Она широко улыбнулась Ренди.

— Мне понравилось, что там у тебя, Ренди.

— Бабс, ты меня очаровала, — игриво ответил Ренди. — Когда мы наконец поедем домой?

— Если вы не хотите разговаривать с метамарсианами, то это сделаю я, — отрезала Йок, уже готовая идти следом за пришельцами. Но внезапно ее лицо изменилось: — Смотрите…

— О господи, — прошептала Бабс.

Прямо над сценой воздух внезапно начал странно рябить. И тут же дирижабль Уфин Вово… Господи, нечто начало вырастать в нем, достигая размерами холодильник, потом автомобиль, а потом и дом! Нечто странно затряслось и всколыхнулось, а потом — словно в хорошо продуманном сказочном фокусе — раздувшийся дирижабль лопнул, выплеснув из себя собаку, женщину тощую и женщину потолще, а также…

— Фил! — заорала Йок, со всех ног бросившись к сцене. — Ма!

Воздух над сценой заколебался, потом пространство комнаты снова приняло обычный вид. От вида произошедшего у нее на глазах чуда у Бабс стало пусто внутри. Словно бы оборвалась какая-то важная часть ее внутренностей. Сама не зная почему, она вдруг расплакалась. Стоящий рядом Ренди был потрясен не меньше. Он торопливо обнял Бабс.

— Я люблю тебя Бабс, — прошептал он ей на ухо.

— Правда? — всхлипывала Бабс. — Правда?

Фил, 26 февраля

Утром четверга Фил проснулся поздно, в ладу со всем миром. Па умер, да, но в конце концов в его смерти был смысл. Па был счастлив. Он теперь внутри СОЛНЦА или по-прежнему летит в сторону СОЛНЦА, словно бы центр Света был недостижим. Во сне Фила СОЛНЦЕ было светящейся точкой внутри облака кружащихся бабочек.

Разговор Фила с Ом этой ночью был лучше всех предыдущих. Он научился понимать стиль Ом выражаться, то, как она говорила глифами, блоками концепций, формулируя одновременно несколько вариантов понятий и собственных мыслей. Он казался переполненным информацией. Сегодня будет хороший день.

Во-первых, Темпест и Дарла были трезвые, по крайней мере так казалось, а Дарла даже оделась — надела пурпурный кафтан, который Фил сделал для нее.

— Мне приснилось, будто Ом сегодня отпустит нас домой, — сказала Дарла. — А тебе что снилось — то же, что и мне? Темпест не может вспомнить.

Увидев Темпест, Фил мигом вспомнил, что она вчера сделала с его лицом, но когда он пощупал щеки и около глаз, оказалось, что вчерашние царапины как рукой сняло. Потом, вспоминая сны, о которых спрашивала Дарла, он отметил, что в одном из слоев сна Ом излечила его от царапин.

— Да, мне снилось, что Ом возвращает нас обратно на Землю, — подтвердил Фил. — Она держала нас внутри столько, сколько было нужно для того, чтобы понять наше внутреннее устройство, — но теперь закончила изучение. Она сказала, что дальше сможет наблюдать людей через их алла. А нас она отпустит вниз, домой.

— Пусть она отпустит нас, — промычала старая Темпест. — Куда угодно, лишь бы на Землю. Почему ты на меня так странно смотришь, Фил?

— А ты не помнишь, как пыталась выцарапать мне глаза?

— Кажется, мы подрались из-за… куклы? — неуверенно спросила Темпест, оглянувшись в поисках Хампти-Дампти, которого, само собой, нигде не было видно. Темпест явно ломало с похмелья, и вид у нее был взвинченный и раздраженный. — Такой симпатичный молодой паренек, как ты, не должен издеваться над такой старой леди, как я.

Фил не счел необходимым на это ответить.

— Ом сказала, что прицелится по обручальному кольцу моего Па, — объяснил он Дарле. — Ей нравится ориентироваться на что-то конкретное.

— За обручальным кольцом Курта? — переспросила Дарла. — У него ведь не было на руке кольца, верно? А ты знаешь, где оно находится?

— Знаю, — отозвался Фил. — Кольцо я засунул внутрь ДИМ-дирижабля, который сам сделал. Этот дирижабль называется Уфин Вово, хотя на самом деле это вовсе не вово, а просто дирижабль. Сейчас все мои дирижабли находятся на борту «Анубиса», который стоит на приколе на берегу в Сан-Франциско, навек застряв в грязи. Кучка молди держит на борту этого «Анубиса» ночной клуб.

— Круто, — отозвалась Дарла. — Я никогда раньше не бывала в Сан-Франциско. Говоришь, обручальное кольцо твоего отца там?

Она замолчала на секунду. Этим утром лицо ее имело выражение спокойное и разумное.

— Знаешь, Фил, тут есть о чем нам поболтать, в особенности потому, что ты оказался хорошим другом Йок. Я… я вела себя здесь как хипповка… я имею в виду, с твоим отцом, ну и вообще… Фил, я решила, что раз уж мы померли и угодили сюда, то…

— Я все забыл, — ответил Фил.

— И в особенности Йок ничего не говори, — добавила Дарла. — Я от стыда сгорю перед ней. У моей малышки еще тот характер. Если она узнает, что когда я встретила ее друга, я была голая и под кайфом, и… — Дарла замолчала, рассмеявшись. — Я рада, что мы поговорили об этом.

— И ты тоже скажи ей обо мне что-нибудь хорошее, — сказал Фил.

— А ты *и так* хороший, — кивнула Дарла. — Нет, я не стану расхваливать тебя перед Йок, потому что это, наоборот, заставит ее от тебя отвернуться. Я всегда умела обходиться с дочкой при помощи детских фокусов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Твой отец — он с тобой тоже точно так же обходился. Курт был прекрасен. То, что он так собой пожертвовал — могу спорить,

именно это заставило Ом передумать и принять решение.

— А *где* Курт? — поинтересовалась Темпест. Она сидела, обхватив дуб ногами, гладила Планету и трясущимися руками пыталась прикурить сигарету.

— Курт выпрыгнул в дыру, чтобы полететь к СОЛНЦУ, — просто объяснил Фил. — И ты помогла ему в этом.

— Только не вини во всем *меня*. Черт тебя дери.

Темпест состроила гримасу и отвернулась, сощурив глаза от табачного дыма.

Фил снова повернулся к Дарле.

— Этой ночью мне много чего снилось, Дарла. Я видел Па, и Ом рассказывала мне о нем. Она сказала, что не заставляла его выпрыгнуть, что ты и Темпест просто выдумали себе все об этом. У вас была такая идея фикс. Но с другой стороны, то, что сделал Па, его прыжок, действительно заставил Ом подумать по-другому и выпустить нас на Землю. Это произвело на нее впечатление и смутило ее, и заставило пожалеть о Па, и — не знаю уж, так ли это — Ом вдруг поняла: то, что она сделала с нами, поставило нас на грань.

— Когда нас отпустят на Землю? — заныла Темпест, согнувшись в три погибели и обхватив коленки руками.

— Думаю, сегодня вечером, — ответила Дарла. — Я только что вспомнила. Ом показала мне на секундочку, как будет выглядеть наше возвращение на Землю. Что-то происходит в большом темном зале. Там, по-моему, есть сцена. И не вздумай сегодня набраться снова, Темпест. Вижу, там у тебя на коленях вино? Давай-ка его сюда, старая карга. Вот так-то лучше, теперь я за тебя рада. Буль, буль, буль. Волшебные лучи Ом все превратят в воздух. Мы не должны возвращаться сегодня вечером на бровях, словно все время просидели в кабаке, въезжаете?

Дарла осталась присматривать за Темпест, а Фил снова прогулялся к дыре в пространстве, чтобы выглянуть наружу, на Ом. Высунув голову, он вспомнил о том, что она говорила ему ночью. Дыра в пространстве была одним из «ноготков» Ом. Что-то вроде полочки, что торчит на гладкой поверхности пальца-энергошара, внутри которого они находились.

Фил поглядел ана мимо бескрайней розовой поверхности тела Ом, визуализовав сверкающий шар СОЛНЦА в виде клубящегося облака душ. Па теперь тоже там. *Привет, Па*. Взглянув ката, Фил еще раз осмотрел три пары щупалец, бегущих из тела Ом к Земле. Пара окрашенных в золото, пара — в серебро, пара — цвета меди. Прошлой ночью Ом рассказывала ему во сне об этих щупальцах. Эта информация казалась эзотерическим знанием, но Фил почему-то все понял. Па говорил, что Фил

головастый парень, у Па это означало, что ум Фила раскрепощен, в особенности в плане математики.

Щупальца шли парами, потому что это были петли. Каждая пара петель была словно ручка кофейной чашки, при этом чашкой была сама Ом, а ручка была вытянута, словно разогретая ириска, и в одном месте, совсем немного, касалась пространства Земли. Щупальца представляли собой «гиперцилиндрические вихревые нити», подобные четырехмерным дымовым кольцам или торнадо. Главным было то, что щупальца пересекали пространство Земли, где они выглядели короткими цилиндрическими трубочками; одна золотая, одна — серебряная, одна — медная. Эти три трубочки были тремя существующими на Земле алла: золотая — алла Йок, и две дополнительных алла, которые Ом недавно позволила сделать своим метамарсианам. Серебряную алла пришельцы дали Бабс, медную — Ренди Карлу Такеру. Вихревые щупальца несли в себе энергию и информацию между Ом и алла.

Самым важным было то, что как только Фил понял, что такое по сути алла, он тут же осознал, как из одной алла сделать пару. Получив это маленькое знание, он был теперь совершенно уверен, что сможет воспользоваться алла Йок, чтобы сделать еще одну алла, для себя — волею Ом.

Прищурившись, Фил взглянул туда, где щупальца встречались с поперечным разрезом Земли. Медленно и постепенно Ом приближала их к Земле. Ближе к Йок. Он помолился за то, чтобы быстрее попасть на Землю. Потом на его глазах появилась новая пара щупалец, пурпурная. Кто-то еще на Земле получил алла. Ему было очень любопытно, кто это такой, но единственным способом задать Ом прямой вопрос было заснуть, однако он совершенно не чувствовал сонливости. Фил перекусил с Дарлой и Темпест, потом поиграл с Планетой, еще некоторое время смотрел в дыру-изъян в гиперпространстве, потом показал Дарле и Темпест «аквариум» пришельцев, рассмотрел и проверил старое вово Саншайн, подумал немного о летающих машинах, потом немного повырезал на дубе при помощи виброножа пришельцев. Нож работал просто поразительно, гибкое лезвие резало дерево, повторяя узор, который ты себе представлял в голове. Для этого не требовалось никакого приспособления типа ДИМ, датчиками ножа можно было управлять, поворачивая ручку в ту или другую сторону. Фил вырезал на стволе дерева «Йок», потом начал работать над ее портретом в профиль, пытаясь как можно лучше повторить облик, запомнившийся ему. У него вышло не очень хорошо, но резьба по дереву была лучшим и наиболее приятным способом провести

время.

Потом случилось нечто: посреди их гиперпространственной сферы раздался хлопок, и появился огромный черный шар, повисший в стороне от дуба.

— Пошли, Дарла, — позвал Фил. — Это выход. Ты тоже, Темпест. Возьми с собой пса.

Женщины отцепились от ствола и толкнулись в сторону черного шара. Никто не сомневался, что перед ними выход к спасению.

Когда они вошли в черный шар, оказалось, что внутри гиперразмерный переключатель. Пространство черного шара стало их пространством, а пространство Ом, из которого они пришли, превратилось в маленький светящийся шарик у них за спиной.

Когда пространство переключилось, во внутренностях Фила снова возникло отвратительное ощущение растягивания и тошноты, но он ни словом не возразил. Он готов был на все что угодно, лишь бы вернуться домой. В него врезались Дарла и Темпест; Темпест удерживала на руках Планету. Фил испугался, решив, что столкновение женщин может вытолкнуть его из темного пространства, но ничего не случилось.

Внутри сферы было отнюдь не темно, здесь оказалось тусклое желтое свечение, с пятнами большей интенсивности. Яркий шарик пространства, из которого они вышли, быстро сжимался в точку. Все еще был виден дуб, превратившийся в маленькую кривую черточку, а также вово Саншайн. Теперь, когда они были внутри темноты, свет казался даже ярче, хотя сфера больше не была такой круглой. Скорее всего, энергошар был похож на удлиненную дыню, с желтыми пятнами по всей поверхности…

— Господи, да мы же внутри моего дирижабля! — воскликнул Фил, после чего — *хлоп!* — пятнистый шар лопнул. Фил отчетливо услышал, как выпало и со звоном покатилось по железному полу обручальное кольцо его отца, а потом на эту сцену спрыгнули и они втроем. Они стояли на сцене, а рядом с ними отчаянно лаяла Планета. Сверху на них светили прожекторы, несколько человек пораженно смотрели на них снизу, но самое главное…

— Фил! — закричала Йок, бросившись со всех ног к сцене. — Ма!

— Йок!

Обручальное кольцо Па лежало прямо у самых ног Фила, оно, наконец, приняло прежний вид во время этого последнего возмущения пространства, и Фил успел подхватить с пола кольцо раньше, чем Йок вспрыгнула на сцену. Он обнял ее и поцеловал, и

прежде чем Йок успела сказать или сделать что-то еще, он надел ей на палец обручальное кольцо и сказал:

— Йок, будь моей женой, я больше не хочу тебя терять, — и поцеловал ее, и Йок ответила:

— Да, да, я тоже не хочу тебя терять.

Потом Йок бросилась к Дарле и принялась обнимать ее. Вышло так, что Темпест обнимать было некому, но Ренди Карл догадался и сделал это. Бабс Муни торчала возле Ренди, крепко держа его за руку; Филу сразу бросилось в глаза, что пока его не было, Ренди и Бабс заметно сблизились друг с другом, и это его удивило, хотя такое вполне можно было ожидать.

Фил запустил руку в карман, где был его вибронож, «аквариум» и ожерелье из драгоценных камней. Для полноты картины он достал из кармана и повесил ожерелье Йок на шею. Йок не переставала улыбаться, прижимая к себе и Дарлу, и Фила. Ожерелье было потрясающее и выглядело то как рубины, то как изумруды, то как алмазы, то как сапфиры. А на ее пальце сверкало обручальное кольцо Курта. Филу показалось, что его сердце вот-вот разорвется на части. Они стояли на сцене в почти пустом шоу-зале «Анубиса», пока остатки зрителей, уже увидевшие все, что они хотели, брели к бару, решив не пробиваться к сцене с вопросами; наверняка зрители решили, что это волшебное появление было не чем иным, как сценическим трюком, который приберегли к окончанию представления.

Из небольшой двери в дальнем конце трюма появился Кобб, уже покрытый пятнами и выглядящий немного расплывающимся.

— Фил вернулся! — крикнула Коббу Бабс. — Вот с этой собакой и двумя женщинами! Это мать Йок.

— Я знаю, — ответил Кобб. — Привет, Дарла, привет Темпест.

— Кобб, ты не можешь быстренько домчать меня до дома Тре и Терри? — спросила Темпест. — Могу спорить, они здорово волнуются.

— Они страшно беспокоятся о том, вдруг Темпест снова вернется, — хихикнула Йок Филу на ухо.

— Мне пока что нужно остаться здесь, Темпест, — ответил Кобб. — Здесь, как бы тебе сказать, очень многое происходит. А кроме того, сказать по правде, я сейчас слегка закинулся. Я попытался поговорить с Сисс, но прежде чем успел рот открыть, она мазнула меня бетти, и мы начали трахаться. Да, что это был за сеанс! Мне пора бросать баловаться этой штукой. Вау. Попроси кого-нибудь из молди Снуков, Темпест, заплати ему, пусть он донесет тебя до Санта-Круза. Попроси кого-нибудь из этих танцоров у бара.

— Но я меня нету ни гроша.

— Вот, держи, — сказала Йок, быстро достав из сумочки банкноту. — Отправляйся домой прямо сейчас, Темпест. Мы не можем долго с тобой заниматься. Фил и моя Ма вернулись обратно, и к тому же у нас тут семеро метамарсиан, замаскированных под молди, и мы…

— Семеро пришельцев? — закричала Темпест. — Убейте их!

— Заткни свой хлебальник, Темпест, — ответил Кобб. — Они все равно скоро улетают. Проваливай домой, к чертовой матери.

— И лишнего не болтай, — добавила Йок. — Снукам только не хватало с нами новых неприятностей.

— Дурочка ты, Йок, что все рассказала ей, — сказала Бабс. — Темпест — она же просто деревенская болтушка.

— Да пошли вы все! — проорала Темпест и, повернувшись на пятках, зашагала к выходу из бара, буксируя за собой на поводке Планету.

— Так ты опять под кайфом, Кобб! — возмутилась Бабс. — Вот это подстава. Ты хоть что-то сумел выпытать из этой Сисс? Как делать новые алла. Ты попросил ее передать Ом, чтобы та не делала плутоний?

— На самом деле я совсем даже не под кайфом, — ответил Кобб. — Просто слегка закинулся, и все. К тому же я сказал Сисс, чтобы она передала Ом: мол, просим, пожалуйста, не позволяй людям делать плутоний и уран. Сисс ужасно удивилась тому, что мы считаем мгновенные атомные бомбы такой большой проблемой. Странно. Снова тут это двумерное время. На Метамарсе неважно, сколько у нас городов взорвалось; все эти города совершенно целехонькие в другой временной линии. Но Сисс послушалась и передала от меня словечко Ом. Сами проверьте в своих каталогах, теперь вы больше не способны делать плутоний. И кроме того, насколько я понял Сисс, наш друг Фил уже знает, как сделать новую алла при помощи алла. Это верно, Фил?

— Совершенно верно, — ответил Фил. — Ом объяснила мне. Теперь мы сделаем алла для всех. Мир изменится.

— Здорово! — воскликнула Йок.

— Да, Ом действительно услышала нас! — воскликнула Бабс, которая, поспешно сфокусировавшись, проверила свой каталог. — Я только что посмотрела — и плутония, и урана нет.

— Поэтому не смейте больше на меня ругаться, — обиженно сказал Кобб, весьма довольный собой. — У меня есть еще новости. Метамарсиане покинут это место сегодня же ночью, потому что они решили всемером сделать нового ребенка. Всего для этого им нужно будет три месяца. Моя дорогая Сисс станет

мамой.

— Они собираются улететь с Земли? — спросила Йок. — И нас снимут с крючка?

— Не совсем, — ответил Кобб. — Они не собираются насовсем покинуть Землю. По крайней мере пока. Как я уже сказал, они собираются устроить — как бы это выразиться? — совместное сношение, зачать и произвести на свет ребенка. А за время беременности будут присматривать за нами. Для того чтобы убедиться, что мы нормально обращаемся с нашими алла и не разрушили тут все. Я уже говорил вам, что они собираются путешествовать в летающей тарелке?

— В тарелке? — удивился Фил. — Они что, успели пообщаться с Кевви?

— Ты угодил в самую точку, — кивнул Кобб.

— Нет, ты шутишь, — отказался верить в такое Фил.

— Он совсем не шутит, — ответила Йок. — Кевви работает здесь, в «Анубисе», с пришельцами с тех пор, как ты ушел от нее. Они с Харешем устраивают тут…

— Мы просто партнеры, — внезапно подал голос Хареш, появляясь из-за сцены под ручку с Кевви. — Кевви позволила мне заглянуть в суть ментального архетипа вашей расы и изучить первичную форму человеческих эмоций. Ом предложила нам дать Кевви алла, чтобы узнать, что может пожелать сделать для себя личность подобного рода. Я заранее приношу свои извинения за то, что может теперь произойти. Однако для нас подобные испытания необходимы.

Дальше Кевви двинулась одна, высоко вскинув голову и беззвучно шевеля губами. Она разговаривала сама с собой и при этом легко жестикулировала руками. Фил уже видел ее в таком состоянии и раньше; как следует закинувшись, Кевви превращалась в величественное существо, похожее на избалованного ребенка, изображающего из себя королеву — злую и неудержимую, словно робот-убийца.

— Кевви — сумасшедшая бестолковая наркоманка, — бросила Йок. — Как ты не можешь уразуметь это своими долбанными птичьими мозгами, Хареш?

Все это Йок сказала немножко громче, чем нужно. И Кевви все услышала.

— У этой лунной русалочки, которая зарится на чужих парней, грязный рот, — отчетливо произнесла Кевви. В глазах ее горела ненависть, которую невозможно было унять ничем. — Я не собираюсь терпеть это дальше. Изыди!

Кевви вскинула руку, словно бы держала в ней крест. С ужасом Фил заметил в руке Кевви красную алла.

Все закончилось, не успев как следует начаться. Фил повернулся, чтобы заслонить собой Йок, Ренди бросился на Кевви, рот Йок открылся, потому что она хотела сказать что-то еще, что-то нелицеприятное для Кевви — но исполнение желания Кевви было стремительным, словно полет мысли. В тот же миг, когда Фил заметил красную алла в руке Кевви, из трубочки вылетела золотая контрольная сеть, плотно облегла собой тело Йок и — *хлоп!* — Йок исчезла, обратившись в порыв ветра.

Золотая алла Йок упала на сцену и подкатилась к краю; это было единственное, что осталось от Йок. Не чувствуя ничего, Фил машинально поднял алла с пола. Он просто не мог осознать умом, что только что случилось на его глазах. Это казалось невозможным. Он только что подарил Йок обручальное кольцо своего Па. Они должны были пожениться. И вот теперь — Фил протянул руку и потрогал воздух в том месте, где только что находилась Йок. Неужели она и вправду исчезла?

— Видишь, Фил! — закричала довольная Кевви. — Теперь ты видишь?

Ренди боролся с Кевви, пытаясь прижать ее к полу.

— Убей ее! — сама не своя закричала Дарла и вместе с Коббом сделала шаг вперед, чтобы привести в исполнение кровавый приговор. Но Хареш не хотел больше жертв. Пришелец отбросил Ренди в сторону, освободив Кевви. Потом, подхватив Кевви на руки, он огромными скачками унесся и исчез в дальней двери трюма.

— Какая разница, — сказал Фил, видя, что Дарла пытается пуститься в погоню. — Все равно Йок больше нет.

— Сисс говорила мне, что подобное может случиться, — заметил Кобб, все тело которого разом осело. — Но она также сказала, что Ренди знает, что делать.

— Где алла Йок! — неожиданно заорал Ренди, в отчаянии шаря руками по полу. — Кто-нибудь видел ее?

— Ее алла у меня, — ответил Фил. — Здесь, в кармане.

— Тогда не нужно отчаиваться, старина.

В голосе Ренди слышно было странное ликование. Он оглянулся по сторонам и понизил голос.

— Ее алла помнит *ее*. Все, тело и сознание. Давай поскорее вернемся к Бабс, потому что там безопасней. Посмотрим, что мы сможем сделать, потому что мне кажется, что в наших силах восстановить Йок при помощи алла.

— Но мне… мне нужна *моя* Йок, — потерянным голосом произнес Фил. — Я отдал ей кольцо Па.

— У тебя будет *та же самая* Йок, Фил, — ответил Ренди, обнимая Фила за плечи. — Потому что все, что мы есть, это

чистая информация. Пошли скорее.

— Но мы не только информация, — совсем уже потерянно пробормотал Фил, позволяя Ренди увести себя в сторону бара и двери. — Есть еще и душа. Я видел души в гиперпространстве. Мне нужно столько вам рассказать. Ох!

Рамзес Снук схватил их за плечи.

— Где эти новые молди! — закричал на них Рамзес. Позади него толпилась фаланга из дюжины молди из клана Снуков. — Эта старуха говорит, что они пришельцы! Нужно их всех уничтожить.

В руках у Рамзеса и Ирис были довольно серьезного вида огнеметы, у остальных молди электромагнитные ружья, способные выстреливать сразу по тысяче картечин в минуту. Снуки ворвались в трюм, за ними поспешала старушка Темпест, имея вид кровожадный и мстительный.

— Они ушли вон туда, в заднюю дверь за сценой! — закричала Кевви, внезапно снова появляясь из двери. — Кто-то должен их остановить! Они не могут улететь без меня! Я… я их королева!

— Пошли, — прошипел Ренди Бабс, Коббу, Дарле и Филу. Они уже миновали бар. — Не обращайте внимания на эту Кевви. Мы ведь не хотим, чтобы еще кого-то из нас убили. Нам нужно обязательно вернуться к Бабс и восстановить Йок, пока что-нибудь не случилось с ее алла. Давайте, бегом вверх по лестнице и на улицу!

Вслед за остальными, спотыкаясь, Фил взбежал по лестнице и оказался на палубе чуть раньше Снуков, и увидел там семерых метамарсиан, стоящих в кругу и держащихся за руки, или за ноги в случае Джозефа, который висел в воздухе между дьяволицей Пег и хладнокожей и мрачной Сисс.

Кучка испуганных торчков оттеснила Фила в сторону, и он внезапно почувствовал ужас от того, что может быть потерял алла Йок. Он торопливо засунул руку в карман штанов: да, вот вибронож, его «аквариум» и — слава Богу! — алла Йок. В тот же самый миг на него взглянул Вубвуб, и на лице человека-свиньи отразилось некоторое удивление от содержимого карманов Фила.

Сразу же после этого на палубе появились Снуки. В самый последний момент, когда молди уже были готовы открыть по пришельцам огонь, воздух вокруг метамарсиан замерцал, и прямо из воздуха появился серебристый диск, укрывший их со всех сторон. Несущиеся со сверхзвуковой скоростью картечины отскакивали от поверхности серебряного диска, словно гвозди от жестяной крыши; раскаленные языки пламени из огнеметов лизали диск безо всякого вреда тому, словно вода камень.

Летающая тарелка медленно поднялась в небо, потом содрогнулась и унеслась в сторону материка с невероятной скоростью. Кевви стояла посредине палубы, воздевала руки к небу и кричала, что хочет, чтобы и ее забрали тоже.

Темпест и ее собака залезли в одного из молди Снуков и улетели в Санта-Круз.

Фил и его друзья спустились по трапу и, не оглядываясь, заторопились к складу Бабс.

6. Йок, Бабс, Ренди, Йок

Йок, 26 февраля

Свинья! — собиралась крикнуть Йок — чтобы покрепче обидеть. Но крик так и не сорвался с ее губ. Стоило Кевви приказать: «Изыди», как Йок ощутила покалывание контрольной сетки алла на своей коже, а в следующее мгновение превратилась в воздух.

Был еще один удивительный момент перехода, когда в материальном понимании Йок все еще была жива — очертания ее тела неуловимо присутствовали в горячем, ионизированном воздухе. Но уже в следующее мгновение течение воздуха и заряды быстро рассеяли ее силуэт, и последние физические следы того, что когда-то было телом Йок Старр-Майдол, исчезли.

«Я умерла, — подумала Йок. — Я превратилась в призрак!»

Она все еще продолжала ощущать присутствие людей вокруг, хотя больше не способна была их видеть, лишь только осознавать их близость: своей матери, Бабс и Ренди, и Фила — неужели она действительно пообещала ему, что выйдет за него замуж? Вибрации Кевви тоже присутствовали. Торжествующие.

Йок содрогнулась от спазма невыразимой ненависти. Никакой возможности ориентироваться не осталось, и когда она попыталась снова отыскать Ма и остальных, то уже не смогла этого сделать. То, на что она была способна, напоминало попытку ощупать окружающее бейсбольной битой, очутившись в магазине изящного фарфора с завязанными глазами, когда вокруг все рушится и разбивается, и нет этому конца — но, постойте, что же случилось с ее алла? Ренди сказал, что ее алла помнит ее тело и сознание, что означает… Что это означает? Похоже, Йок не могла больше мыслить логически, вокруг нее кружилась тьма и что-то надвигалось на нее, что-то, от чего шел звук, который звуком не был.

Кранк-кранк-кранк.

Оно напирало на нее — ох — терло ее, будто она была пятном грязи на одежде — *кранк-кранк-кранк* — ох, и то, что она чувствовала, было ужасно. После этого она начала подниматься на другой уровень, совершенно и полностью покинула обычное пространство и — да! — теперь она видела перед собой нечто, сверкающее очень ярко.

Это был свет, настоящий Белый Свет! С благодарностью Йок летела навстречу Свету. Бог. Вместе с ней, рядом с ней, летели

другие. На миг Йок увидела кого-то, ведущего машину в снежную бурю, в лучах фар неслись снежинки, хотя в жизни своей Йок снега не видела, просто теперь она точно знала, что видит именно снег, она была водителем, ощущала во рту привкус кофе, и сразу же вслед за этим была одной из снежинок, летящей сквозь тьму, холод и ветер бури навстречу машине, но так никогда не достигающей ее, словно бы дорога до Света растягивалась и растягивалась бесконечно.

Йок была плоской крошечной вещью, кувыркаясь, падающей к Свету. И казалось, что это хорошо, она была счастлива, от Света исходили приятные и добрые вибрации, но потом — *зоу!* — что-то мелькнуло между ней и Светом, нечто вроде демона Бердо, проглотившего разом кучу снежинок, — опасность, опасность — *зоу!* — снова пронеслось что-то с подобием клюва, ну ничего, ничего он не сделает, раз уж ты умер, ничего хуже с тобой не случится, самое плохое уже произошло, все верно, а раз ты родился, то снова становишься участником этого — *зоу!*

— Привет!

Она продолжает лететь навстречу Свету и смеяться над похожими на демона Бердо существами, на них интересно смотреть, только и всего. Демоны были словно урчащие челноки, ткущие полотно, на котором Йок и остальные души — как спутанные нити мира для Ткача Белого Света на его ткацком станке, и все было хорошо — *зоу!* — зачем тревожиться, Свет обо всем позаботится.

А потом все случилось, как бывает во сне, когда ты летишь, а потом во сне же вспоминаешь, что летать не можешь, — и падаешь, сдернутый с небес якорным канатом реальности…

— Аааааааааух! Ааааааааааааааух! Аааааааух!

— Все хорошо, Йок!

— Она возвращается!

— Ох, Йок! Малышка моя, Йок!

— Так, дорогая!

— Держите ее, а то она упадет!

— Аааааааааух! Аааааааааух! Что?

Она может видеть! Она снова в старом добром трехмерном пространстве, вокруг нее мать и ее друзья. Да, Ма и Фил, Ренди и Бабс, Кобб ее обнимает, даже глупышка Вилла-Джин, все они дотрагиваются до нее, ох, как хорошо жить. Йок легла на пол и заплакала. В глубине ее горла что-то твердое и резиновое; она кашляет и выплевывает предмет; это носовой блокиратор.

Через час она снова была в порядке, все как раньше, сидела на гобеленовой кушетке Бабс и разговаривала с остальными. По бокам от нее сидели Ма и Фил, напротив, на другой кушетке,

Бабс и Ренди. Кобб размазался по полу, из бесформенной лужи торчала только его голова. Стену напротив покрывало огромное зеленое кружево, сотканное «прядильщиками».

— Что случилось с твоей ногой, Ма? — спросила Йок. — С твоим мизинцем?

— Отрезало мизинец, когда энергошар Ом проглотил меня, в ночь на Рождество, — объяснила Дарла. — Я пыталась отпихнуть его ногами.

— Бедная Ма. Тебя так долго не было. Слава Богу, что ты вернулась.

Йок продолжала смаковать свои мысли и разглядывать свое тело, драгоценность своей плоти, то дотрагиваясь до ноги, то трогая живот или лицо, да, она на самом деле вернулась, на ней даже та самая одежда, что была раньше — новые кожаные короткие штаны в обтяжку и плюшевая зеленая рубашка; даже драгоценное ожерелье, которое подарил ей Фил, и золотое кольцо его отца, которое слишком свободно сидело на ее пальце. Об этом она еще должна как следует подумать.

— А ты видела СОЛНЦЕ? — спросил Кобб.

— Белый Свет, — ответила Йок. — Я видела его.

И до сих пор, стоило ей заглянуть в себя, она ощущала Свет внутри. Вкус благости, ощущение того, что все будет о'кей.

— Я тоже видел Свет, — ответил Фил. — Когда я выглядывал наружу из тела Ом. Па улетел в сторону Света.

— От Света исходят добрые вибрации, — добавила Дарла.

На Дарле было бесформенное платье-балахон с пурпурным рисунком. Совсем не то, что она обычно носила.

— Лучшие вибрации, что я когда-либо ощущала, — добавила Йок. — Как прекрасно знать, что Бог действительно есть. А потом вы, ребята, вернули меня?

— Да, это оказалось легко, как два пальца обоссать, — ответил Ренди. — Все, что мне пришлось для этого сделать, это взять в руку твою алла, и когда та спросила: «Прикажете мне материализовать новую Йок Старр-Майдол или произвести новую регистрацию?», я попросил ее: «Да, сделай-ка мне одну из этих новеньких Йок». И сразу же появилась ты, только орала как резаная.

— Я испытала сильный шок, — объяснила Йок. — Перед этим я была уже на небесах, насколько понимаю.

Невыносимо яркие картины в памяти уже постепенно блекли.

— И вот я вернулась — к этому всему.

Жизнь, конечно, прекрасна, но и трудна. Столько вокруг всего, о чем нужно думать, что нужно чувствовать и переживать. Фил все время пытается взять ее за руку, что в общем неплохо, но

уже начинает понемногу раздражать. Неужели он тогда серьезно предложил ей пожениться?

Бабс подалась вперед, глядя на Фила.

— Кажется, недавно ты сказал, что знаешь, как размножить алла? Это на самом деле так?

— Мне давно уже пора завести *свою* алла! — энергично ввязался в разговор Кобб. — Пошли вы все знаете куда с этим своим «только для людей». А кроме того, я тоже человек. Я все та же самая программная основа, которой был всегда.

— Знаешь, теперь я начинаю тебя понимать, — ответила Йок. — Теперь, когда и меня тоже сделали при помощи реалинга. Фил, прекрати дергать меня каждую секунду.

— Я тоже хочу алла, — сказала Дарла, сидящая по другую сторону от Йок. — Только представь себе, что я смогу сотворить с нашим отсеком на Луне, Йок. Мы ведь даже сможем завести плавательный бассейн. Ты можешь сделать мне алла, Фил?

— Да, мне кажется, я знаю, как нам сделать столько алла, сколько мы захотим, — ответил Фил. — Но вы, ребята, должны будете помочь мне.

— Скажи, как это сделать! — возбужденно заговорила Бабс. — Для нас очень важно узнать, как сделать новые алла, прежде чем люди попытаются забрать у нас наши.

— Ом объяснила мне, что вы можете разделить свои алла, — объяснил Фил. — Для того чтобы сделать это, вы должны, прежде всего, понять, что на самом деле алла — это часть вихревой нити. Как центральная линия, уходящая в жерло водоворота. С обеих сторон концы вихревой нити алла соединены с Ом. Сама нить — это петля, а алла — это та часть нити, которая высовывается в наше пространство. Только один кусочек и торчит. Теперь так — создать новую вихревую нить сложно, но нет ничего проще разделить имеющуюся вихревую нить надвое по всей длине. Таким образом можно делать новые алла, еще и еще.

— Значит, я могу разделить свою алла на две? — спросила Бабс, держа на ладони свою серебристую трубочку. — Каким образом?

— Ты просто должна попросить, — ответил Фил. — Ты не можешь попросить алла сделать новую алла, но можешь попросить алла разделиться надвое. Небольшая разница.

Объяснения Фила казались удивительно профессиональными.

— Я попрошу алла разделится, и обе алла будут работать?

— Так мне сказала Ом. Нити алла могут делиться по всей длине, как волокна нескрученной пряжи, — и разделение пройдет по всей длине петли до самой Ом. У тебя в руках окажется две

вихревые нити, или две алла. Или три, или четыре, максимум семь. Ом и метамарсиане повернуты на семи. Одна алла останется тебе, так же, как и вначале, а остальные будут совершенно чистые, готовые для регистрации нового пользователя.

— Значит, ты теперь все про Ом знаешь? — спросил Ренди.

— Все четыре прошедших дня я находился внутри Ом, — ответил Фил. — Ом — богиня метамарсиан. Она — огромных размеров разум высших измерений.

— Значит, Ом похожа на Свет, который видела Йок? — спросил Ренди.

— Нет, — продолжил Фил. — Ом гораздо более материальна. Она напомнила мне гигантскую нагую розовую женщину. Размером с солнечную систему. За раз можно увидеть только часть ее ноги, Ренди. С учетом того, что нога у Ом четырехмерная, или даже пятимерная. Кстати, в этом объяснение тому, как Ом пользуется своими пальцами, гиперсферическими энергошарами.

— Что это ты внезапно стал математиком-ботаником? — раздраженно спросил Ренди, которого задела глубина познаний Фила. — Я-то думал, что только твой Па был математик.

— Фил помирился с отцом, — ответила Дарла. — Это было прекрасно. И я помогла им, Йок.

Йок косо взглянула на Дарлу. В лице матери промелькнуло что-то, что навело Йок на определенные подозрения.

— Так ты встречалась с отцом Фила, Ма? Он был хороший человек?

— Дарла и Па успели подружиться, — быстро проговорил Фил. — А теперь попробуй разделить свою алла на две половины, Бабс. Мне тоже хочется получить алла.

— Хорошо, — согласилась Бабс. — Я сделаю одну алла, и потом вы трое решите, кому она будет принадлежать.

Бабс крепко сжала свою алла в руке и обратила внимание внутрь себя, к своему ювви.

— Разделись на две части, — приказала она.

Несмотря на то, что Йок все время смотрела на руку Бабс, за тем, как произошла трансформация, было трудно уследить. Был момент колебания воздуха и легкая дымка, потом нечто очень похожее на серебристую трубочку просочилось сквозь пальцы Бабс и со стуком упало на пол.

Стрелой сорвавшись с кушетки, Фил успел подхватить трубочку прежде, чем это сделали Кобб и Дарла, и через мгновение уже находился в процессе регистрации.

— Лицо, — сказал Фил название первого из трех образов,

которые продемонстрировала ему алла. — Тропинка. Кожа Йок.

Потом образы стали сменяться слишком быстро, чтобы он мог называть их вслух.

И снова Йок показалось, что серия образов, демонстрируемых алла, точно такая же, какую видела и она сама: цветной диск, кривая линия и участок поверхности чего-то. Приятно, что Фил автоматически подумал о ее коже.

— Покажи мне твою алла, Фил, — попросила Бабс, после того как регистрация Фила закончилась. — Моя алла стала бледнее, чем раньше, вам не кажется, ребята? И алла Фила такого же бледного цвета, как моя теперь. Почти цвета патины. Давайте-ка посмотрим, работает ли еще моя алла? Вот, например…

Бабс взмахнула алла, и на пол из воздуха выпал маленький ДИМ-динозавр. Динозаврик принялся расхаживать кругами, словно заводная игрушка, время от времени останавливаясь, чтобы испустить рычание.

— *Хоп-хоп!* — крикнула Бабс, подбадривая динозаврика. — *Гррр!*

Потом она сделала еще трех динозавриков, разных пород. Динозаврики принялись смешно драться друг с другом.

— «Соберите всю серию!» — рекламным голосом произнесла Бабс.

— Хочешь загрузить мой каталог, Фил? Этот каталог в основном сделали метамарсиане, но тут есть добавления от Ренди, Йок и мои тоже. Мы делимся между собой своими проектами. Ренди здорово соображает в ДИМ.

— А мне дадут алла? — обиженно спросила Дарла. — Раздели свою алла, Йок.

— И я хочу свою алла, — обиженным голосом заметил Кобб. Йок критически осмотрела старика-молди. Похоже, вся дурь из него уже выветрилась.

Связавшись со своей алла по ювви, Йок приказала:

— Разделись на три.

Очень просто. Она почувствовала в руке длившуюся долю секунды вибрацию, потом сквозь пальцы словно бы подул легкий ветерок, после чего на пол упали три золотистые трубочки, зазвенев, словно маленькие колокольчики. Одна трубочка сразу же подкатилась к ногам Кобба. Нагнувшись вперед, Дарла подняла вторую трубочку, которая лежала ближе к ее искалеченной ноге. Алла Йок стала цвета бледного золота, того же, как две новые алла, только что ею сделанные.

— Земля, — ответила Дарла, начав процесс регистрации. — Вена. Кукурузные хлопья.

— СОЛНЦЕ, — сказал Кобб. — Морщина. Телевизор.

— Перекинь мне каталог, — попросила Дарла у Йок. — Я хочу сделать такой же клевый наряд, как у тебя.

— Вот, Ма, пожалуйста, — ответила Йок. — Теперь подумай о разделе одежды, и каталог покажет тебе этот раздел. Не обязательно пользоваться только готовыми моделями, можешь изменять все, как тебе больше нравится. Кстати, где ты взяла этот розовый балахон? Круто выглядишь.

— Верно, — согласилась Дарла. — Это Фил сделал мне балахон, когда появился у нас. Когда я сама попала в энергошар, я была, гм… так, я думаю, что сделаю себе черные кожаные лунные ботинки и блестящие золотые леггинсы, и такую клевую черную юбку, и…

— Значит, Фил видел тебя голой, Ма? И ты была пьяная?

— Я просидела там семь гребаных недель, Йок, — резко ответила Дарла. — И не такие бы спятили. А теперь хватит доставать меня вопросами и позволь как следует рассмотреть шмотки. Сейчас сделаю себе обновки.

Дарла поднялась и отошла в сторону, держа алла перед собой. Мизинец у нее на ноге отсутствовал начисто, остался только маленький обрубок.

— Знаете, что я хочу сделать? — задумчиво проговорил Кобб, поглаживая свою алла. — Я хочу изобрести бактерию, которая поглощает весь запах прямо с поверхности молди. Давно уже пора. Назову его микроб-вонеед. Эй, Дарла, могу я попросить тебя? Будешь моим дегустатором запаха?

Дарла поморщилась, но Кобб уже направился к ней через комнату.

— Слава Богу, что Ренди не слышал о планах Кобба, — сказала Йок Филу. — Ренди нравится, как пахнут молди, и даже очень.

Бабс и Ренди, сидящие на другом диванчике, были погружены в какие-то личные переговоры.

— Меня больше всего удивило, Йок, что алла запомнила даже твое ожерелье и кольцо, — сказал Фил, подвигаясь ближе к Йок и дотрагиваясь до золотого обручального кольца на ее пальце. — Похоже, алла непрерывно себя обновляет. А ты — ты все помнишь? Ты помнишь все до самого последнего мгновения?

— Я все помню, — ответила Йок, обнимая себя за плечи.

— Я имею в виду то, что я тебе сказал, — продолжил Фил. — О том, чтобы ты выходила за меня замуж?

Йок сняла кольцо Фила с пальца.

— Это кольцо, оно слишком велико мне, видишь? К тому же оно принадлежит твоему отцу.

— Но я хочу, чтобы кольцо было у тебя, — сказал Фил. —

Так, словно бы мы…

— Я не знаю, Фил. Да. Ты мне очень нравишься, но зачем так торопиться? Не нужно торопить меня. Для одного дня и так всего слишком много. А ты пока храни это кольцо у себя. Я не хочу носить это кольцо, от него мурашки по коже.

Йок присмотрелась к гравировке.

— Надпись на кольце все еще задом наперед.

Фил взял кольцо и прочитал гравировку: «Курту от Уиллоу», задом наперед.

— По крайней мере теперь кольцо не скручено.

Он спрятал кольцо в карман.

— Это ожерелье очень тебе идет. Ты заметила, как все время меняется форма камней, не только их цвет? Это динамический реалинг метамарсиан. Ожерелье пусть останется у тебя, ладно?

— Хорошо, — ответила Йок, взглянув вниз на ожерелье. — А теперь хватит болтать. Я здорово устала. Но спать я боюсь идти. Побывать на небесах совсем не так приятно и весело, как можно подумать. Есть в этом и много страшного и неприятного. Например, демоны, которые там шныряют. Я просто уверена, что ночью они мне будут сниться.

Пока Йок и Фил разговаривали, Бабс и Ренди закончили свой *тет-а-тет* и поднялись с дивана.

— Спокойной ночи, ребята, — сказала Бабс. — Нам нужно придавить подушку. Завтра с утра начнем раздавать алла.

Ренди и Бабс скрылись за занавесью из муарового кисейного кружева с красным и желтым рисунком, по всей видимости отправившись в гобеленовую кровать Бабс.

Дарла и Кобб сидели в кухонной части комнаты и болтали. Дарла потягивала шампанское из высокого бокала и изготавливала себе наряд за нарядом, каждый раз спрашивая мнение Кобба. Кобб колдовал с какой-то сложной биотехнологической машиной, которую только что изготовил при помощи алла. Каждый раз, когда Дарла спрашивала Кобба, как ему нравится ее новый наряд, в ответ он спрашивал ее, что она думает о запахе нового образца генетически измененной плесени, которую он только что изготовил.

— Пойдем спать вместе? — спросил Фил.

— Здесь? — спросила Йок, кивнув на мать.

— Мы можем сделать себе гнездо. При помощи алла. Такое же гнездо, в каком я жил у Дерека и Каллы.

— И где сейчас, наверное, живет Кевви. Эта свинья. Что с ней сделали после того, как она убила меня?

— Мы хотели ее схватить, но Хареш не дал. Потом все пришельцы улетели в летающей тарелке. Кевви просила, чтобы

пришельцы забрали ее с собой, но те не стали этого делать. Мы ее не тронули, потому что торопились поскорей вернуться сюда и воспользоваться алла, чтобы сделать твою реалинг-копию. Мы просто оставили ее там, в «Анубисе», и все.

Йок почувствовала укол страха.

— Что, если она снова на меня нападет? Может быть, нам нужно позвонить в Гимми?

— Нет, не нужно никакого Гимми, — вздохнул Фил. — Ты представляешь, что будет, если все узнают об алла? Завтра я сам с Кевви разберусь, что-нибудь придумаю. Может быть, просто отберу у нее алла. Но сегодня нам не стоит об этом волноваться, так мне кажется. Я знаю Кевви, наверняка она уже добралась обратно к Калле и Дереку и старается там наесться габба, которой сделала себе при помощи алла, чтобы спрятаться на самом дне. Мы съездим туда завтра с утра вместе с Сентом и заберем у Кевви ее алла, пока та еще будет в отрубе. Договорились?

Йок решила, что Фил сошел с ума, если так спокоен насчет того, что может натворить эта Кевви, но спокойствие Фила подействовало и на нее.

— Договорились, — ответила она и прижалась к нему.

— Тогда позволь мне сделать нам гнездо.

Фил прищурил глаз и оценивающе взглянул на железные стропила, поддерживающие крышу склада.

— Нет, Фил, не здесь. Давай, устрой гнездо там, где Ма не будет нас видеть. Наверно, лучше всего на улице. Где-нибудь в переулке.

Они вышли из склада и свернули в темную аллею-тупик. Накрапывал дождик. Фил достал из кармана свою золотистую алла и сформировал в воздухе контрольную сетку. Капли дождя летели сквозь сетку, мерцая в светящихся нитях. Филу потребовалась минута, чтобы полностью сложить в голове конструкцию дома. Наконец он сказал:

— Осуществить, — и забавный уютный домик появился на гравии аллеи, пятиугольный, как сколоченный из дранки скворечник крапивника, с большой круглой дверью на петлях и треугольным окном рядом с ней.

— Я приказал алла положить под домик резиновые надувные подушки, чтобы нам было не холодно. Видишь?

— «Не стучать, а то домик качается», — весело продекламировала Йок и рассмеялась, первый раз с момента своего возвращения, наконец, расслабившись. — Похоже, что Бабс и мне сегодня подфартило!

Она заглянула на секунду в склад и крикнула матери:

— Спокойной ночи, Ма!

— Ты будешь спать на улице?

— Фил сделал маленький домик. А ты можешь лечь в мою кровать. Я сделала себе такую же сборную кровать, как на Луне у Джок, просто так, чтобы не грустить по дому. Кобб тебе покажет, где.

— Какая уютная. Хорошо, спокойной ночи, дорогая. Ну и напугала ты меня сегодня. Слава Богу, что ты уцелела. Я хочу через минутку позвонить Уайти.

— Только не загружай его особенно по поводу Кевви. Просто скажи, что со мной все хорошо, и передай ему от меня привет. Самое главное в том, что *ты,* наконец, вернулась, Ма. Па будет рад.

— Надеюсь.

Лицо Дарлы стало на секунду жестче.

— Я вот думаю, что завтра утром мне, наверное, просто нужно будет снести Кевви голову, и вся недолга. А что до твоего отца — то лучше бы ему не приводить сегодня своих мочалок.

Дарла протянула к дочери руки.

— Поцелуй меня, дорогая.

Йок подошла к матери и поцеловала ее на ночь, потом вернулась на улицу и забралась в домик-гнездо, который устроил для них Фил. К тому времени Фил уже организовал в домике постель и зажег для освещения три свечи. Они завернулись в одеяло и так лежали некоторое время и просто разговаривали, а потом, наконец, занялись любовью.

— Ты еще более милый, чем я ожидала, — сказала Йок, когда все закончилось.

— Ты тоже, — отозвался Фил. — Я люблю тебя, Йок.

— И я люблю тебя.

— В июне поженимся?

— Может быть.

Йок почувствовала, что ее губы сами собой сложились в улыбку.

— Может быть. Посмотрим. Ты представляешь, что будет к тому времени с миром? После того, как у всех появятся свои алла.

— Так мы действительно раздадим всем по алла?

— Мы так решили, пока тебя не было, — ответила Йок. — Если все люди получат свои алла, то никто не станет преследовать нас и не будет стремиться забрать у нас алла, словно бесценный дар. За это ведь могут и убить.

— Но разве имеет теперь значение, убьют тебя или нет?

— Если кто-нибудь разнесет тебя на куски из уродца о-джи, а твоя алла потом спросит этого типа, не хочет ли он сделать нового Фила, или просто забрать себе алла и зарегистрировать ее

для себя, то вряд ли ты снова появишься на свет.

— И — *вот что!* — сказал Фил и резко провел рукой по своим светлым волосам, — я вот о чем подумал. Алла сделала тебя, то есть твою реалинг-копию, точно такой же, какой ты, Йок, была в тот момент, когда умерла. Сейчас это здорово — потому что ты была в отличной форме, когда Кевви решила превратить тебя в воздух. Но если я истеку кровью до смерти, когда в меня пальнут из уродца о-джи, и потом алла снова материализует нового Фила, то это опять буду недавний я, перед смертью, с развороченным животом и истекающий кровью, — и через минуту я опять помру.

— Ужас! Это будет так мучительно.

— По сути, настоящее воскресение возможно только в том случае, если тебя убили при помощи алла, — продолжил Фил. — Возможно, это специальный предохранитель, «защита от дурака», на тот случай, если алла решат использовать в качестве оружия. Думаю, можно попросить пришельцев, и те нам расскажут, как при помощи алла сделать себя бессмертным, наверняка там должна быть такая функция.

— Почему ты сам не спросил об этом Ом? — сказала Йок. — Ты ведь говорил, что она разговаривала с тобой во сне?

— Да, я слышал Ом, когда находился внутри нее, тогда, в гиперпространстве. Но разговаривать с Ом мог только во сне. Я не уверен, что смогу услышать ее теперь, когда нахожусь в обычном пространстве.

На улице дождь пошел сильнее, и капли барабанили по крыше. Окно было открыто, чтобы воздух свободно входил внутрь, но было завешено тонкой красной портьерой, и снаружи не было видно, что происходит внутри. Йок сделала себе при помощи алла апельсин.

— Хочешь дольку? — спросила она, очищая апельсин в мягком свете свечи.

— Спасибо. Так хорошо, Йок. Я еще никогда не был так счастлив. Хорошо также, что мне удалось повидать отца.

— Как прошла ваша встреча?

— Он был очень добр со мной, — ответил Фил. — И я сказал ему, что мне очень жаль, что я ему так часто грубил. А он сказал мне, что считает меня очень умным.

— Я всегда знала, что ты умный.

Йок улыбнулась и прикоснулась к щеке Фила.

— Ты сделаешь еще дирижабли? Теперь ты можешь пользоваться алла.

— Я уже думал об этом. Я придумал кое-что, чтобы ветер не сносил дирижабли так легко. Люди всегда придумывают новые

способы летать. Просто нанять молди, чтобы он отнес тебя куда нужно, не так уж и здорово. Я имею в виду, что для этого нужно вступать с ними в переговоры. Это как вместо того, чтобы вести машину самому, ты берешь такси.

— Я просто не понимаю, почему люди не пользуются ДИМ, для того чтобы делать большие птицелеты, лишенные автономного сознания и не являющиеся молди. Вроде гигантской улитки Ренди.

— Проблема в том, что для безопасного полета необходимо, чтобы человек и его летающая машина обладали строго определенной массой и высокой расчетной способностью, для этого приходится оснащать птицелет довольно развитой нервной системой. В результате тот превращается в молди и отказывается быть твоим слугой, начиная работать на себя. В противоположность этому, дирижаблю мозгов нужно гораздо меньше. Мой секрет в том, что я хочу пристроить к дирижаблю что-нибудь вроде *волос*. Что это за гигантская улитка, о которой ты говорила в связи с Ренди?

Йок решила, что не должна снова веселиться и со смехом рассказывать о происшествии с Ренди и гигантской улиткой, свидание с Белым Светом лишило ее всей язвительности и насмешливости. Она стала другой. Она рассказала обо всем Филу, и история вышла скорее похожей на печальное происшествие с другом, чем веселой.

— Бедный Ренди, — ответил Фил, когда рассказ был окончен. — Вот уж действительно, досталось ему. Но эта улитка только и умела, что твердить одно и то же да гоняться за Ренди. Она была просто тупым куском имиполекса с простейшим встроенным ДИМ. Как те динозаврики, которых сделала Бабс. Умственные уроды обязательно появятся, после того как алла обзаведутся все, потому что пытаться делать что-нибудь наделенное разумом интересней всего. И, кстати, что это вы там болтали о плутонии в «Анубисе»?

— Кобб и Сисс попросили Ом запретить людям делать плутоний, чтобы спасти Землю от атомных бомб, — объяснила Йок. — Просто на всякий случай. Мы решили, что на Земле все люди должны получить свои алла — а если так, обязательно найдется такой идиот, который решит сделать себе атомную бомбу, какой-нибудь маньяк. А если и не маньяк, то может случиться и так, что кто-нибудь сделает атомную бомбу во сне, случайно. Приснится кошмар — и все, поминай как звали.

— А разве нет способа выключить алла, когда засыпаешь? — спросил Фил.

— Для этого достаточно снять с себя ювви, — ответила Йок.

— Верно. Я так обычно и делаю.

— Но однажды я забыла снять с себя ювви, и ко мне через ювви во сне пришли люди. Извращенцы. Некоторые специально спят с включенными ювви.

— Это плохая новость. Ты устала?

— Засыпаю, — ответила Йок. — Смотрю на свое ожерелье.

Она поднялась и повернулась к свече. Драгоценные камни лениво изменялись в цикле от квадратных рубинов к многогранным, почти круглым алмазам, и обратно.

— Дай я покажу тебе еще пару вещиц, которые привез с собой, — сказал Фил, принимаясь копаться в карманах своих штанов, которые сбросил на пол. Он достал перочинный нож с перламутровой рукояткой и черный шарик с плавающими внутри яркими точками. — У ножа вибрирующее лезвие, режет все что угодно, — объяснил он. — Я вырезал этим ножом твое имя на стволе дуба в гиперпространстве.

— Милый… А что это за шарик?

— Я называю его аквариумом со светящимися головастиками, — объяснил Фил, передавая шарик Йок.

— Они больше похожи на мелких креветок или маленьких плоских медуз, — сообщила Йок, заглядывая внутрь. — Смешно, как они разбегаются в стороны, когда я смотрю на них. Я хочу сказать — откуда они знают?

— Это технология пришельцев. Откуда мне знать? Но мне они нравятся. Наверное, я держу их в кармане просто на счастье.

— Я знаю, что это такое! — воскликнула Йок после непродолжительного разглядывания аквариума. — Это звездная карта пришельцев!

— Ого, мне нравится эта идея, — ответил Фил. — Теперь я понимаю, почему Вубвуб так заинтересовался, когда я при нем проверил карманы.

Они еще немного поиграли со звездной картой, и само собой, теперь не было сомнения, что маленькие светящиеся точки похожи на звезды и галактики — и один или два раза Йок даже показалось, что она узнала созвездие.

— Чем дальше, тем лучше, — сказала Йок и зевнула, передавая звездную карту обратно Филу. — Мы все еще представить себе не можем, что будет после.

— Доверимся Богу.

Фил натянул на них повыше мягкое стеганое одеяло, и Йок уснула у него на груди, убаюканная шелестом дождя.

Но посреди ночи что-то заставило ее проснуться. Фил разговаривал по ювви. Его голос звучал расстроенно. Йок полностью проснулась как раз когда разговор закончился.

— Что случилось? — спросила Йок, зажигая свечу, чтобы лучше видеть Фила. Тот сидел на краю постели. Его вид был прекрасен, полуприкрытые глаза задумчивы, подбородок покрыт темной щетиной.

— Звонил Дерек. Он нашел Кевви в ванной. Она умерла от передозировки.

Для того чтобы задать следующий вопрос, Йок пришлось сделать над собой неимоверное усилие.

— Ее возможно вернуть при помощи алла? Дерек попробовал ее воскресить?

— Дерек ничего не сказал об алла Кевви. Во всяком случае, ничего не сказал о том, что алла предложила ему вернуть Кевви. Очевидно, что это случается только тогда, когда уничтожение происходит тоже при помощи алла. Алла Кевви сделала свое дело и зарегистрировала Дерека.

— Ты расстроился?

— Да. Но я рад, что ты теперь в безопасности.

Бабс, 1 апреля

— Что ж, я считаю, что у нас все получилось, — сказала Бабс. — А дальше все пойдет еще лучше.

Она сидела в кресле в гостиной своих родителей в викторианском доме на Масоник-авеню, идущей выше Хай-стрит. Седовласый отец Бабс, Стэн, удобно расположился в низком глубоком кресле, мать Бабс, Вэнди, занималась аэробикой, выполняя упражнения с парой небольших булав. Личность Вэнди обитала в небольшом молди, Плаще Счастья, прикрепленном к шее ее тела из человеческой плоти и крови. Не стоило сомневаться, что Плащ Вэнди вполне мог жить сам по себе, но по какой-то причине Плащ был влюблен в Стэна и давным-давно решил жить с ним вместе, управляя выращенным на гидропонной ферме клонированным совершенно пустоголовым телом. Сказать по правде, совсем незадолго до прошлого Рождества Плащ раздобыл для себя новое молодое тело. До сих пор Бабс никак не могла привыкнуть к тому, что ее мать выглядит теперь не старше ее самой. Но сегодня обсуждался совсем другой вопрос. Вернее, должен был обсуждаться, потому что именно для этого Бабс и приехала сегодня к своим родителям. Но новость могла подождать еще немного, по крайней мере до тех пор, пока они не закончат разговор об алла. Главным было также и то, что с недавних пор все получили в свое распоряжение алла.

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как Йок и Бабс начали

распространять алла в Сан-Франциско, с наказом для каждого разделить свою алла на семь алла и раздать их нуждающимся с теми же самыми инструкциями. Теперь алла работали как «письмо счастья». Через несколько циклов алла был уже целый миллиард, по одной для каждого человека и молди на Земле — этого было вполне достаточно. Оказалось невозможным зарегистрировать себя более чем для одной алла. Дарла попросила Кобба отнести ее на Луну — и теперь алла распространились и на Луне, хотя новости с Луны приходили весьма нерегулярно. Позвонить на Луну по ювви стало стоить очень дорого. Многие молди-спутники, вроде Каппи Джейн, бросили свою работу. По счастью, осталась еще горстка молди, достаточно заинтересованных в деньгах, чтобы поддерживать существование и работоспособность дюжины спутниковых тарелок. Дело было конечно не в том, что этим молди нужен был имиполекс — имиполекс больше никто не покупал. Имиполекс теперь можно было сделать для себя бесплатно, как и все остальное, за исключением участка земли и прислуги. Жизнь всюду стала другая. Настолько другая, что не верилось.

— Конечно, в начале у нас были проблемы, — сказала Бабс, — но…

— Я считаю, что алла — дерьмо, — заявил Стэн, глядя в окно. Ему было уже почти шестьдесят, и это было видно очень хорошо.

— Тебе нужно показаться врачу, Па, — сказала Бабс. — У тебя что-то с желчью.

Вэнди хихикнула, отложила булавы и подошла к Стэну, чтобы погладить его по голове.

— Бедный ты наш грубиян. Папа просто расстроен тем, что мы так хорошо выглядим, а он нет. С недавних пор он не в своей тарелке.

Выглянув в окно, Бабс увидела только дома, все новенькие и свежие, выкрашенные разноцветными пастельными красками и чудесные в лучах весеннего солнца. Впечатление было такое, будто все соседи ее родителей пристроили к своим домам дополнительные этажи, башенки, купола, арки и альковы, минареты, солярии на крышах и прочее. Дальше на холмах Бабс увидела, как внезапно на пустом месте появился трехэтажный дом, там, где только что был пустой участок. Большой дом продолжал расти, частями — *хлоп, хлоп, хлоп*.

— Вот, еще один появился, — сказала Вэнди. — Похоже на ускоренное кино, или что-то вроде того. Некоторые изменяют свои дома каждую неделю. Видишь вон ту большую башню на вершине дома Джонсов на той стороне улицы?

— Ту самую, что заслоняет вам вид? А что это за коробки там

в саду, у Джонсов?

— Они все время делают себе при помощи алла разное барахло, — объяснила Вэнди, качая головой. — Кухонное оборудование, мебель, шмотки, гимнастические станки, спортивное снаряжение, приставки для видеоигр и так далее, вообще черт его знает чего. Можешь сама посмотреть по надписям на коробках. Этот нон-стоп у них продолжается в течение целого месяца, и дом уже завален барахлом, и они уже придумать не могут, куда что девать, но заставить себя превратить лишнее барахло обратно в воздух просто не могут. Люди такие странные. Кстати, о странностях, — продолжила Вэнди, — вчера твой отец вышел во двор и превратил большую башню Джонсов обратно в воздух — глядя на то, что он творит, можно было решить, что он здорово пьян, но это был просто настоящий Стэн. Само собой, упрямый мистер Джонс немедленно вернул башню на место. Тогда Стэн повернулся и пошел домой, а мистер Джонс подвалил к нашей двери и принялся биться в нее и кричать, что он убьет Стэна, если подобное повторится. И вправду, в руках он держал пистолет, самый удивительный из всех которые я когда-либо видела. Слава Богу, что Стэн не стер башню вместе с одним из Джонсов.

— Жаль, что я этого не сделал, — проворчал Стэн. — Нет смысла обижаться на больных людей. Они совершенно не в себе. Просто не соображают, как жить с соседями и что значит «договориться». Но больше всего меня достают вовсе не эти обдолбанные хиппи — я схожу с ума от ухреначенных торчков, которые всюду понатыкали свои юрты.

Какой-то бездомный бродяга с Хай-стрит придумал и распространил среди приятелей дизайн удобной тибетской хижины, и с некоторых пор все тротуары, переулки и парковки по соседству были заполонены похожими на сдобные пышки человеческими гнездами. В результате ряда законов, принятых на поспешно созванной сессии городского совета, было разрешено устраивать временные убежища для сна строго установленного размера, с обязательным условием, что ночлежник непременно утилизирует свое жилье и уберет его на период между 9 утра и 9 вечера. Но, само собой, народ прикипал душой к своим маленьким домикам, и большинство юрт постепенно приобрело вид долговременный, со стенами, расписанными объемными алла-граффити. Поразительная вещь, на самом деле. Бабс это нравилось.

— На улицах болтается все больше и больше народу, — продолжал тем временем Стэн. — Никто больше не работает, и всем стало словно медом намазано в Сан-Франциско. Наш город

наводнили отбросы со всей Земли.

После того как все получили возможность производить все, что только нужно, большинство фабрик остановилось. Те люди, что до поры держались и хотели продолжать работать, теперь тоже пошли на улицу. Любой человек теперь мог жить, где его душе угодно.

— То же самое, Па, наверно, сказали Джонсы о тебе, когда ты начал творить такое с их домом, — заметила Бабс. — Думаю, ты такой напряженный от того, что слез с наркотиков. Не сказать, что результат такой уж потрясный. Все еще ходишь на встречи анонимных наркоманов?

— Да, да, — рассеянно пробормотал Стэн. — Эти встречи помогают. Там все время появляется все больше народу. Те, кто не двинул кони от передоза. Ты можешь представить себе джанки с алла?

Стэн сухо усмехнулся, его рот растянулся в широкую, но невеселую улыбку.

— Некоторые из этих ребят проходят все ступени двадцати лет зависимости за несколько недель. Само собой, у них еще хватает сил пустить себе науку на пользу. Как ты думаешь, если я попрошу мистера Джонса передвинуть башню немного левее, он согласится?

— Даже не надейся, — отозвалась Вэнди. — Если ты так соскучился по привычному виду, то почему сам не присобачишь вышку на *наш* дом?

— Я не хочу во всем этом участвовать.

— Можно еще сделать домик на дереве, — заметила Бабс.

— У нас тут нет деревьев, кроме одного авокадо, — ответил Стэн. — А авокадо не сделаешь выше двадцати футов. А для этого нужно футов *сто двадцать*. Для моих целей, я имею в виду.

— Тогда сделай себе при помощи алла красную сосну!

— Сосну, — задумчиво повторил Стэн. — А ты сможешь сделать дерево такой высоты?

— Думаю, это возможно, — ответила Бабс. — Фил рассчитал, что максимальный размер контрольной сетки алла ограничен 4 π метрами по каждой стороне. Что-то около сорока футов. Я не знаю, причем тут π, но это так. Так что красную сосну придется делать по кускам, но это возможно. Для осуществления дома при таком способе нет ничего сложного, но для дерева есть своя хитрость. Чтобы этот способ сработал, нужно чтобы все части дерева были сделаны одновременно. Иначе клетки на швах умрут, и куски дерева не срастутся, а просто развалятся. Я знаю все это, потому что таким образом мы сделали большую пальму перед мои складом.

— Ты говоришь о Филе — имеется в виду Фил Готтнер? — спросила Вэнди, решив поговорить о более земных проблемах. — Как там у него дела с малышкой Йок?

— Они обручились! И… — Бабс замолчала, чувствуя, что пока что не в силах заставить себя выложить свою новость. И решила поговорить пока о другом. — Кстати, о строительстве. Йок и Фил построили себе отличный домик-гнездо в моем переулке. Они все время добавляют к домику новые детали; их гнездо уже поднялось до крыши моего склада и продолжает расти. Как гриб на стволе дерева. Йок занимается тем, что сочиняет искусственный коралл, а Фил пытается изобрести идеальную персональную летательную машину.

— А что там у тебя с Ренди? — продолжала гнуть свое Вэнди. — Настоящая любовь?

Несмотря на свой молодой вид двадцатилетней девушки, у Вэнди был характер сварливой цеплючей мамаши, везде сующей свой нос.

Бабс поняла, что наступила пора объявить свою новость, но не успела она раскрыть рот, как заговорил Па.

— Вчера я говорил с одним человеком, который когда-то был боссом Ренди в Индии, — заявил Стэн. — Шри Рамануджан. Он назвал Ренди развратным болваном-дегенератом.

— Почему ты все время цепляешься к моему приятелю, Па? — резко спросила Бабс. — Здесь что, фрейдистские штучки?

— Почему люди не могу побороть в себе неприязнь к тем, кому нравятся молди? — спросила Стэна Вэнди.

— Извините, но я просто повторил то, что сказал мне Рамануджан. Я согласен, что этот индиец зациклен только на своей науке и дальше собственного носа ничего не видит, потому, может быть, и не прав. Я не сказал, что готов согласиться с ним. Если ты счастлива с Ренди, для нас это самое главное. Мне хотелось бы как-нибудь с ним встретиться. Приведи его к нам.

— Почему ты до сих пор не познакомила нас с Ренди, дорогая? — спросила Вэнди. — Ведь ты не скрываешь его от нас? По-моему, Ренди незачем скрывать. Позвони ему по ювви, пускай зайдет к нам прямо сейчас! К тому же, он будет очень кстати и поможет нам с папиной сосной. Если нас будет четверо и мы воспользуемся своими алла одновременно, то сможем охватить 16 π метров, что составляет… гм… 164 фута и 10,95 дюймов.

Молди-мозг Вэнди мог без труда производить любые вычисления.

— Нам нужно много пространства, потому что примерно тридцать футов должно быть использовано под корни. Нам втроем нормального дерева не сотворить. Ренди будет рад нам

помочь, в особенности если его попросишь ты.

— Что ж — я с удовольствием, — ответила Бабс. — Сейчас как раз удачное время. Сказать по правде, мы с Ренди приехали к вам вместе, но он испугался и не стал заходить. Он остался на улице и сейчас бродит по Хай-стрит, глазеет по сторонам. Мы договорились, что я звякну ему по ювви, если Па будет в нормальном настроении. Ты ведь в нормальном настроении, Па?

— Конечно, я нормальный. И я уверен, что Ренди классный парень. А меня нечего бояться.

Поэтому Бабс позвонила Ренди, и уже через несколько минут он поднимался по ступенькам парадной лестницы. Его лицо было красным от волнения, а адамово яблоко так и прыгало по горлу. На Ренди была новенькая ти-шотка с просто невероятным цветным узором. Бабс Ренди показался таким хорошеньким, что она быстренько его поцеловала, не успел тот переступить порог.

— Заходи, Ренди. Ма, Па, это Ренди. Ренди, это Стэн и Вэнди.

— Привет, — сказал Ренди и принялся жать руки. — Для меня это большая честь. Всю свою жизнь я слышал рассказы о вас. «Наследники» в Кентукки до сих пор зубами скрипят при упоминании Гражданского Акта Молди.

Бабс заметила, как покраснели ноздри Ренди, стоило ему только услышать исходящий от Вэнди запах. На прошлой неделе Вэнди успешно привила себе новый изобретенный Коббом микроб-вонеед, так что запах едва слышался. Но Бабс совсем не хотелось развивать тему Ренди и того, как на него действуют запахи молди.

— Как дела на Хай-стрит, Ренди? — спросила она.

— Круто. Там всегда такие толпы? Или, может быть, столько народу по случаю сегодняшнего Первого апреля, Дня Дурака? Там, словно во время уличного фестиваля, люди творят при помощи алла такое дерьмо, что мало не покажется.

— На этой неделе я еще не ходил на Хай-стрит, — сообщил Стэн. — Я последнее время обхожу это место подальше, переулками. И, да, ты, наверное, прав — День Дурака на Хай-стрит большой праздник. Что ты там видел?

— У некоторых магазинов витрины закрашены, и нужно платить хозяину за то, чтобы войти. Благодаря тому, что на каждом долларе теперь свой веб-адрес, люди не могут изготавливать подделки, потому деньги еще в цене. Хотя для того, чтобы сделать для себя основные вещи, деньги не нужны.

— Я тоже обратила внимание на эти магазинчики, — сказала Вэнди. — Ну, и что там внутри?

— Я заплатил одному парню, чтобы это разведать, — ответил Ренди немного смущенно. — Можно подумать, что если окна

закрашены, то внутри что-то горяченькое. Но оказалось, там просто магазин ти-шоток. В магазине можно было выбрать себе майку, точней, рисунок, а продавец скачивает тебе, как сделать алла-копию. Сегодня невозможно что-то продать напрямую. Единственное, что можно продать, это идеи.

— Точно! — воскликнула Бабс. — Именно это я пыталась сказать Па. Интеллектуальная собственность — единственное, что сегодня хоть что-то стоит. Это здорово.

— Да, — кивнул Ренди, глядя вниз на свою ти-шотку, где были изображены граффити вроде лиц, вплетенных во фрактальные спирали. — Обратили внимание, как много на этой ти-шотке сложных деталей? По сути, невозможно повторить рисунок, просто запомнив его с одного взгляда. Этот парень из магазинчика передал мне дизайн по ювви. А причина того, что он закрашивает окна магазинчика, в том, что люди на улицах могут просто срисовать майки глазами, а потом сделать не слишком похожие копии. Так оно и случилось на улице, когда я вышел в новой майке, несколько парней и девиц сразу же стали пялиться на меня и тут же сделали себе копии, просто чтобы продать туристам. Но рисунки-то все неровные и блеклые. Вот, посмотрите на этот рукав, я только минуту назад заметил там полоску из малюсеньких слоников. Уверен, что уличные пираты не догадаются это скопировать.

— Похоже, я слишком стар для новых идей, — пробормотал Стэн. — Никто не хочет ничего покупать, продать толком тоже ничего невозможно. Что ты еще видел на Хай-стрит, Ренди?

— Там были несколько ребят в старинных рыцарских доспехах, только со специальными мышцами из имиполекса. Прыгают по улице, словно оловянные солдатики. Я видел также парня, разодетого как пасхальное яйцо, весь в драгоценностях. Сплошные алмазы и рубины, но стоит только снять с него один камень, как парень тут же заставляет этот камень исчезнуть у тебя в руках. Первоапрельская шутка! Другой парень шел по тротуару, и после каждого шага за ним оставался гном, такой гипсовый, каких ставят на лужайках перед домом. Я ободрал коленку об одного из этих гномов и со злости превратил, наверное, сотню в воздух! Какие-то деревенские лохи сделали пиццу диаметром в десять метров и съели только чуточку с краю, а затем оставили лежать на тротуаре, так что всем приходилось обходить пиццу кругом. И никому не было дела до того чтобы это подчистить, а когда я превратил пиццу в воздух, один из этих лохов заорал на меня, что я зря уничтожаю еду. Один парень стоит совсем голый и занимается постирушками прямо посреди улицы; у него стиральная машина на квантовых капсулах, а воду

он заливает прямо из алла. А грязную воду, вот болван, льет на тротуар. А мог бы просто превратить обратно в воздух, но мне не охота было с ним связываться. Была еще группа, гитаристы играли на электрогитарах от батареек, и несколько женщин, устроивших психо-концерт на листах имиполекса, развесили листы на фонарных столбах — такой шум устроили, ничего не разобрать. Один парень сделал, наверно, сотню камер-стрекоз, и они все летают вокруг, заглядывают прямо в лицо, а он микширует изображение, так что с ума можно было сойти, когда видишь свою кривую рожу на пластиковом экране, который этот чувак натянул прямо на стене. Машин полно и дизайнерских мотоциклов тоже. У одного из чопперов вместо седла — корыто, и даже не корыто, а любовная ванна. Можете представить, этот тип ведет мотоцикл, а сам плещется в ванне со своей мочалкой? Только глаза торчат из слива на стебельках.

Ренди рассмеялся и потряс головой.

— А вообще мне этот город нравится. Это первое место, где я себя наконец почувствовал нормально. Самая чудная штука, которую я видел на Хай-стрит, это два торчка, которые по очереди обращали друг друга в воздух. А потом оставшийся снова возвращал своего приятеля из его алла.

— Ох, — вздохнула Бабс. — Я ни за что бы не согласилась. Йок сказала, что можно и не вернуться обратно, запросто.

— Я слышала, что вообще много народу превратили в воздух, — сказала Вэнди. — И не шутки ради. Люди продолжают убивать друг друга, просто это новый способ.

— Да, но этот способ может и не сработать, — сказала Бабс. — Похоже, что Ом сделала так, что алла у мертвого хозяина начинает через сутки пищать, и кто-нибудь наверняка найдет ее. И если тебя убили при помощи алла, то твоя алла наверняка предложит вернуть тебя назад.

— Как в «Сердце-предателе», — сказал Стэн. — Это видди по рассказу По, в котором сердце убитого человека продолжает биться под полом, да так громко, что от ударов дрожит вся комната. Что ты еще видел на Кайфовой улице, Ренди?

— Я еще не говорил о том, что там полно молди? Хорошо, что они пока еще не могут размножаться чаще, чем раз в шесть месяцев. Даже при том, что средний молди живет не дольше двух лет, все равно через два года молди станет в три раза больше, если только кто-то не сократит их число. Бог свидетель, что я последний, кто будет говорить что-то против молди, но если так пойдет дальше, то нам места на Земле не останется. И молди больше вообще не пахнут! Сдается мне, что вы тоже привили себе этого нового микроба-вонееда, миссис Муни?

— Зови меня Вэнди, — сказала Ма. — Да, Кобб заглянул к нам, прежде чем улететь с Дарлой на Луну. Он сказал, что раз уж я широко известная общественная фигура, то должна быть для всех примером. Так что я не стала стесняться и привила себе вонееда. Это не назовешь прививкой и заражением, скорее это симбиоз. Я измерила свою вычислительную способность до и после прививки вонееда, и отметила, что скорость возросла на одиннадцать процентов. Так что я советую всем молди сделать себе прививку. Стэну нравится, и мне тоже.

— Она потрясающая, ага? — спросил Стэн, восторженно глядя на жену. — Но в том, что ты говоришь о молди — что их становится слишком много, — я с тобой согласен. Мы втроем недавно говорили об этом. Слишком много молди стало, да и людей слишком много, слишком много *барахла*. По мне, так эта алла — просто гадость. Только посмотрите в окно. Этот мой сосед-журавль Джонс снова вылез на крышу. Слабоумный идиот. Наверняка решил надстроить на доме вторую башню. Я поверить в это не могу, мать его. И видишь дом, прямо, на другой от него стороне холма? Там было чудесное дерево, сосна, а теперь там у мисс Лин гараж. И какого черта? Для ее хренова электрического старья. «Роллс-Ройс» Серебряная Тень, видите ли, 1956-го года, с отделкой золотом двадцать четыре карата. Гараж для машины, которую она сделала из воздуха и может ликвидировать в одну секунду.

— Не нужно себя распалять, Стэн, — сказала Вэнди. — Давайте лучше пойдем на задний двор и сделаем дерево. Ренди, мы решили сделать красную сосну и устроить на вершине домик-гнездо. Мы придумали составить дерево из частей, при помощи нескольких алла одновременно, оно будет высотой сто шестьдесят футов от корней до вершины. Пойдем, нам вот сюда.

— Может быть, нам сделать дерево футов в двести высотой? — задумчиво сказал Стэн, когда они вышли на улицу. Идея явно начинала его увлекать. — Дерево-монстр. Я им еще покажу.

В длину двор Муни был едва ли пятьдесят футов.

— Давайте позвоним Сенту, — предложила Вэнди. — Он должен нами руководить, нашим маленьким «воссоединением». Если мы сработаем в пять алла, дерево получится высотой двести шесть футов и 1,69 дюймов. Позвони своему брату, Бабс, я не хочу его все время беспокоить.

Сент мгновенно ответил на ювви-вызов Бабс.

— Какие дела, сис? — голос Сента звучал живо и весело.

— Я у Ма и Па вместе с Ренди, — объявила Бабс.

— Ясно. Ты им еще не сказала?

— Не было подходящего момента. Па весь вне себя из-за соседей. Мы хотим помочь ему сделать большую красную сосну.

— Лучше сделайте секвойю, — подал предложение Сент.

— Большое дерево, — сказала Бабс. — Мне лично все равно, какое именно, но Па зациклился на сосне. Ладно, хотя бы по климату подходит. Но если ты будешь с нами, то нас будет пятеро, и дерево получится высотой двести футов вместо ста шестидесяти. Чем ты там, кстати, занимаешься?

После того как Сент получил свою алла, из «Мета Вест Линк» он ушел. Недавно он вместе с Ренди и Филом обсуждал возможность организовать свое дело. Но последнее время ничем не занимался, только катался на мотоцикле и играл в ювви-игры с друзьями. Кроме того, у него появилась новая подружка.

— Я сделал мотоцикл, на котором можно ездить по воде, — сказал Сент. Он дал в ювви изображение того места, где он находился: на берегу бухты, неподалеку от моста Золотые Ворота. Сент перевел взгляд вверх, на домики-гнезда, облепившие исподнюю сторону моста, потом снова повернулся к воде. Вокруг него на воде раскачивалось огромное множество различных плавучих средств. Любой, кто сегодня хотел получить себе ДИМ-серфинг или яхту, мог запросто это сделать. Для яхт даже не нужно было дорогостоящих причалов — завершив морскую прогулку, просто превращаешь яхту в воздух.

Сент резко свернул, чтобы избежать столкновения.

— Здесь здорово и сейчас неохота уходить. А позже я договорился встретиться с Миллой. Ого, вот еще одна лодка! Передавай от меня привет остальным! Думаю, что с Па хватит дерева в сто шестьдесят футов. Скажи ему, чтобы не был жадиной. А лучше всего сделайте баньян.

— Пока, Сент.

— Привет Ренди и предкам.

— Сент не захотел прийти, — объявила Бабс остальным. — Он катается на своем новом мотоцикле по бухте. А потом идет на свидание с *Миллой*.

Бабс специально сделала ударение на последнем слове, чтобы поддеть мать.

— Сент нас не познакомил еще с этой Миллой, — заметила Ма. — Твои дети такие скрытные, Стэн.

— С вами непросто разговаривать, — пожаловалась Бабс. — Я всегда долго готовлюсь.

— Давайте займемся деревом, — нетерпеливо сказал Па. — Мне не терпится.

Бабс разыскала красную сосну в своем алла-каталоге и увеличила масштаб до 160 футов, включая размер корней.

Одновременно управляя максимально увеличенными контрольными сетками четырех алла, она совместила фрагменты дерева друг над другом как нужно. Оставалось еще немного свободного места по бокам, и Бабс слегка увеличила дерево, а часть, которая случайно высунулась за сетку, удалила. Потом сделала ювви-модель своего произведения. Получилась настоящая модель красной сосны, с толстым и ровным стволом по всей высоте.

— Круто! — похвалил Стэн, после того как Бабс передала по ювви каждому его фрагмент сетки и продемонстрировала общий результат, получающийся при сложении четырех кубов. — А что, если сосна развалится? Тогда дома у нас тоже не станет. Крышу точно проломит. Останемся без всего.

— Если до этого действительно дойдет, то мы сделаем при помощи алла новый дом, — ответила Вэнди. — Я все равно подумывала о доме получше.

— Я хочу настоящий дом, не реалинг, — упрямо проговорил Стэн.

— Только представь себе, — едко сказала Вэнди. — Если дерево свалится, то, может быть, рухнет через всю улицу и накроет дом Джонсов.

— Класс! — обрадовался Стэн. — Дерево — хорошо, дом — плохо!

— Ничего не упадет, — отрезала Бабс. — Я уже говорила, мы с Ренди сделали несколько пальм из пары кусков. Если у нас получилось из пары кусков, то из четырех тоже должно получиться. Теперь ты, Па, делаешь корни и основание, Ма — то, что растет от пня, Ренди середину и начало кроны. А я делаю крону. И нам лучше будет вставить в уши заглушки.

Они встали в четырех разных углах двора, сделали себе заглушки, а потом тщательно совместили свои контрольные сетки.

— Так, подождите минутку, — сказала Бабс, осторожно регулируя положение каждого фрагмента. — Хорошо, теперь все готово. На счет три. Давайте считать вместе.

— Раз, два — осуществить! — сказали они все вместе.

Ка-вумпф! Земля у них под ногами содрогнулась, наполняясь корнями. Джонсы на другой стороне улицы закричали от изумления. Над башнями Джонсов теперь высились 120 футов дерева, изящные ветви которого, шелестя игольчатыми лапами, раскачивались в легком бризе. Но потом…

— Оно падает! — закричал Стэн, со всех ног бросаясь наутек через двор. — Бежим!

Со стороны Джонсов тоже заорали, эхом отзываясь на крик

Стэна. Бабс в отчаянии подняла голову вверх, спроецировав кубическую контрольную сетку, готовая обратить рушащегося мамонта в воздух прежде, чем он окажется на земле. Дерево было такое большое, что бежать все равно было поздно. Однако…

Дерево и не думало падать.

— С первым апреля, — весело сказал Стэн, улыбаясь до ушей и невероятно собой довольный. — Попались.

— Тьфу, — отозвался Ренди, лицо у которого было белым. — Пореже так шутите.

— Болван, — раздраженно подала голос Вэнди. — С нашим Стэном всегда так, держи ухо востро.

— Эй, я просто решил вас развеселить. Отлично получилось. Но что это там за дыра на вершине?

Стэн встревоженно присмотрелся.

— Никто не говорил, что нужно было…

— Я устроила там небольшое дупло, — объяснила Бабс. — Как в книжке, которую мне читали в детстве. Дупло, с дверцей и окошком. И письменным столом.

— «Мохнатая семейка», — вспомнила Вэнди. — Какая прелесть.

— А верхушка не обвалится из-за этого дупла? — взволнованно спросил Стэн.

— Ничего не случится, — успокоила отца Бабс. — В соснах сплошь и рядом бывают дупла.

— И как ты предлагаешь нам туда забираться? — задал Стэн следующий вопрос.

— Сапоги-анемоны и перчатки Спайдермена, — объяснил Ренди, отреагировав мгновенно, словно вспышка молнии. — Я и Бабс придумали пользоваться ими, чтобы забираться на наши пальмы. Сейчас покажу вам, где все это найти в алла-каталоге. Раньше их делали в компании «Модерн Рокс», что в Колорадо. По-моему, ныне они вышли из бизнеса — в общем, как и все остальные, чьи товары попали в алла-каталог.

Стэн сделал себе при помощи алла пару словно бы надутых желтых сапог и перчаток.

— Потрясно! Я никогда не решился бы купить себе такие!

— Ого, Па наконец-то просек фишку, — подала голос Бабс. — При помощи алла можно сделать себе такие вещи, которые никогда бы не купил. А потом, если они тебе больше не нужны, просто превращаешь в воздух, и все. Жажда потребительства отныне не бич нашего общества.

Бабс и Ренди сделали себе перчатки Спайдермена и сапоги-анемоны.

— Я лезу первой. Па, Ма, следите, как я буду двигаться.

Бабс внимательно посмотрела на нижний сук дерева, куда хотела взобраться, потом развела пальцы на правой руке. Из перчатки Спайдермена вылетели длинные клейкие ленты имиполекса — точь-в-точь лягушачий язык. У перчаток была ДИМ-связь с ювви Бабс, и программа направляла языки точно туда, куда смотрела Бабс, особо фокусируя взгляд. Бабс расслабила пальцы. Этот жест был сигналом для перчаток медленно сократиться, подтянув Бабс вверх к ветви дерева. Тем временем подошвы ее сапог-анемонов выпустили из себя миллионы псевдоподий, прилепляясь и совершая восхождение по стволу дерева, что ослабило нагрузку на руку Бабс, а также уравновесило ее тело, предотвращая отклонение и перекручивание лент. Оказавшись на первом суку и надежно закрепившись сапогами-анемонами, Бабс улыбнулась стоящим внизу.

— Давай, Па, поднимайся, это легко!

— И мне придется повторять это каждый раз, когда я хочу подняться наверх, чтобы посмотреть вид?

— Если сможешь, придумай что-нибудь полегче. Но иметь свою алла все равно здорово. Можно попробовать разные незнакомые штуки, и если не понравится, просто ликвидировать.

— Или завалить свой двор барахлом, как Джонсы.

— Рано или поздно они тоже поймут, что им совсем не нужно все копить. Вещи ничего больше не значат.

Стэн выстрелил имиполексовыми языками из обеих рук и осторожно подтянул себя вверх на ветку к Бабс.

— Это легче, чем кажется. Спасибо за науку, Бабс.

Вслед за ними вскарабкался Ренди и тоже устроился на суку. Бабс сразу же повернулась к стволу и продолжила подъем, Ренди двинулся за ней, вдвоем они напоминали белок, ловко карабкающихся по коре дерева. *Сплат*, кик, кик, *сплат*, кик, кик. Здорово! Оглянувшись, Бабс увидела далеко внизу поднимающегося следом Стэна. А Вэнди? А вот и она, парит около дерева словно чайка, превратив свой плащ в пару широких крыльев. На вершине она оказалась раньше Бабс и Ренди.

— О, какой чудесный вид, — приветствовала их она. — А комнатка такая круглая, миленькая.

В этом месте ствол был десять футов в диаметре. Дупло было вырезано прямо в сердцевине дерева, с парой полированных пеньков для сидения, тремя круглыми окошками-иллюминаторами и полукруглой дверью. В самом широком месте диаметр пола был около пяти футов. Округлый выступ сосны напротив двери создавал подобие стола, вокруг которого стояли еще четыре чурбака. Как только все забрались наверх, Ма и Па

расположились за столом, а Бабс и Ренди в обнимку уселись прямо на полу.

— С ума сойти, сколько отсюда видно! — воскликнул Стэн. — Весь город точно видно и оба моста! Даже остров Фаралон!

Стэн наклонился вперед, прищелкивая языком от удовольствия.

— Джонсы похожи на недоношенных карликов. Хотите, я покажу им палец? Или, может, сделать при помощи алла горшок мочи и выплеснуть вниз?

— Не нужно над ними издеваться, — подала голос Вэнди. — Им ничего не стоит обратить нас в воздух. Такое уже бывает. Я слышала, что в последнее время случается много убийств, таких, что Гимми даже не может найти следов. И не всякого удается потом восстановить.

Стэн поморщился от таких мыслей.

— Ты права. Нужно быть с Джонсами помягче. Может быть, удастся убедить их поменять башни на деревья. Да, здесь на самом деле круто. Как это ты додумалась сделать тут такую комнату, Бабс?

— Хочешь сдавать ее внаем?

— Нет, нет, но это уютное местечко для любовников. Ма и я испытаем это место, когда будет настроение. Эй, Вэнди, представляешь, как тут у нас получится кувыркаться-то? Как Тарзан и Джейн. Только ноги будут торчать из дверей.

— Можно сделать еще одну комнату, пониже, где ствол потолще, — сказала Бабс ровным голосом. Она уже давно привыкла к манерам своего отца. Может быть, поэтому ей было хорошо с Ренди. Бабс погладила Ренди по руке и улыбнулась ему. В сосновой комнате запах был приятный и свежий.

— В таком дереве как это, Бабс, и жить можно, — пробормотал Ренди. — Может быть, нам стоит съехать с твоего склада? Или, когда я раскручу свой консалтинговый бизнес, мы сможем купить участок на горе Санта-Круз, а там мы будем жить в таком, как это, дереве.

— И кого ты собрался консультировать, Ренди? — спросила Вэнди. Ее слух был невероятно острым.

— Не подслушивай, Ма, — отозвалась Бабс, про себя умоляя Ма задать им, наконец, вопрос, о котором сама не решалась начать разговор.

— Значит, вы собираетесь жить вместе. Как мило… — Вэнди замолчала на полуслове, словно бы ожидала продолжения разговора.

— Мы обручились, — наконец выложила свою новость Бабс. — Первого июня мы поженимся, одновременно с Йок

и Филом.

Ренди, 1 мая

К облегчению Ренди — и небольшому его удивлению — родители Бабс тут же благословили их свадьбу. Он поселился у Бабс на полных правах и принялся дожидаться знаменательного дня, занимаясь тем временем каким-то проектом с другими своими партнерами.

Казалось важным попытаться сделать при помощи алла хорошие вещи, в особенности потому, что мировые новости были из рук вон плохие. Война с применением обычных видов вооружений, но невероятно жестокая и дикая разразилась в Африке, в Центральной Америке, Квебеке и на Балканах. В США тоже то тут, то там возникали стычки между бандами, в основном в районе Бостона, Далласа, Атланты и Лос-Анджелеса. Конечно же, в бандах почти не было женщин, и молди держались подальше от заварушек. Мужчины сражались против мужчин. У всех было вдоволь еды и крыша над головой, и разумных причин для драки не было, — но мужчины дрались все равно, используя для этого самое мощное оружие, какое только можно было произвести при помощи алла.

Фил оказался прав — алла не могла вернуть человека, умершего обычной смертью. Если кто-нибудь пристрелит вас или взорвет, то никакая алла вас не спасет. Воскрешающая способность алла распространялась только на те случаи, когда убийство было совершено при помощи самой алла, так она была устроена. И хотя теперь всем это было понятно, находились люди (мужчины), которые производили при помощи алла оружие для того чтобы грабить и мучить, насиловать и убивать, с каждым днем становясь все более жестокими и грубыми. Злодеи убивали друг друга, но конца их числу, казалось, не было. Невинные жертвы тоже гибли. Единственным действенным способом прекращения войны были метамарсиане, чья летающая тарелка обычно появлялась в центре самого ужасного сражения. Сначала тарелка призывала всех к миру, после этого вниз посылался луч, уничтожающий оружие всех участников, и если люди все равно продолжали сражаться, летающая тарелка испепеляла их. Но метамарсиане не могли успеть везде.

Бабс все время занималась творчеством, словно бы пытаясь доказать, что раздача всем людям алла не была ошибкой. В середине апреля Теодор помог Бабс устроить шоу в «Галерее Азиз». Он легко пережил потерю Бабс, что здорово удивило

Ренди, который все время ожидал от противника атаки исподтишка, в кентуккийском стиле: украденный мотоцикл, групповое избиение под покровом ночи, поджог или донос в Гимми. Но ничего такого не случилось. Вместо этого Теодор предоставил Бабс место в галерее, а также составил и оформил для нее небольшой, но симпатичный каталог. Ренди был не в силах понять такое отношение.

Шоу Бабс называлось «Реалинг-червяки», и в представлении участвовали двадцать червяных ферм. Часть ферм она создала еще до того, как получила алла: лабиринты пластиковых трубочек, наполненных почвой и настоящими и имиполексовыми ДИМ-червями. Только для того, чтобы поиграть с вариантами, Бабс создала несколько новых версий червей, использовав реалинг-натуральных червей вместо биологически-натуральных червей. Вдобавок она сделала при помощи алла полдюжины больших прозрачных двойных экранов различной формы, заполненных почвой и извивающимися ДИМ-червями. Были, например, кубы с червями, большие торообразные «пончики» и даже восходящие тильдами спирали, похожие на змеевики самогонных аппаратов. Последнее предложил Ренди, о чем он с гордостью вспоминал. Для того чтобы оформить шоу, Бабс развесила на стенах огромное количество кружев и сделала несколько вариантов своего мультяшного пустынного багги, придав череде машин «карамельные» спектральные цвета: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, индиго, фиолетовый. На дверцы Бабс наклеила логотипы с улыбающимися червяками, чтобы было соответствие теме шоу, и припарковала «червяные багги» аккуратным наклонным рядком перед галереей Азиз.

Название шоу подходило к теме как нельзя лучше, потому что тогда еще не все хорошо понимали, что может означать реалинг. На открытии, как никогда раньше, была большая толпа, разодетая в чудну́ю сан-францискскую одежду, однако продажи были из рук вон слабые. Потенциальные покупатели, как правило, уходили домой с намерением сделать там себе копию работ Бабс при помощи своих собственных алла. Было, например, так: какая-то девица с прической, похожей на улей, и в прозрачной юбке из болтающихся дилдо, наверное, с полчаса стояла на тротуаре и пялилась на червяной багги Бабс, а потом — *хлоп!* — сделала себе точно такой же, хотя и свою версию, использовав за основу модель пустынного багги из алла-каталога, как прежде и сама Бабс. Конечно, начинка и суть пиратской копии багги были не теми же самыми, что у Бабс, потому что они вышли из головы девицы в дилдо-юбке, но по виду это было почти то же самое.

Девица прыгнула в свой новый автомобиль и укатила, а Ренди бежал некоторое время за ней по улице и орал вслед пустые угрозы.

Ситуация с кружевами вышла немного иная. Если дизайн червяного багги скопировать на глаз было достаточно просто, поскольку все детали были крупные, то в кружевах было слишком много мелких деталей, созданных колониями интерактивных ДИМ-прядильщиков. Ни один посетитель галереи не оказался способен мысленно срисовать все завитки и узоры и потом воспроизвести их при помощи алла. Но даже при этом Ренди и Бабс все равно засекли подвыпившего мужичка в оранжевой кожаной куртке, выходящего из галереи с шалью на плече на основе грубой пиратской копии кружев Бабс. Но, например, вместо того, чтобы быть перевитыми и сотканными, кружева были просто сплавлены в местах соединения, и все кружево повторялось через каждые четыре квадратных фута, вместо того чтобы все время чуточку менять дизайн по ширине шали, как это было у Бабс.

Пластиковые черви оказались наименее подверженными копированию, поскольку именно запрограммированное групповое поведение и делало их предметами искусства. Их манера свиваться в клубки, извиваться и ползать особым образом, а также способность слегка светиться — все это было основано на лимпсофт-инженерии, — специальной разработке Бабс, сделанной с помощью Ренди. И конечно же не было возможности понять суть этих программ, «увидеть» эти микроскопические коды, просто глядя на червей. И тем не менее все были так увлечены копированием и торопливым изготовлением червей «для себя», что проглядели или недопоняли этот факт. Единственный приличный покупатель, предложивший Бабс официально купить ее работу, был худощавый банкир по имени Чок Фрессер. Фрессер захотел приобрести центральную часть шоу: прозрачную двадцатифутовую сложную конструкцию, наполненную имиполексовыми червями тысячи различных оттенков голубого и зеленого, называющуюся «Червяки вово».

Однако оказалось, что Фрессер совсем не желает покупать объект в физическом смысле, он просил Бабс скопировать ему дизайн-программу объекта, чтобы он смог создать копию у себя дома.

— Слишком много хлопот с доставкой, — объяснил Фрессер. — Упаковывать, распаковывать — кому это теперь нужно? Скопируйте мне код, и я смогу каждый раз устанавливать «Червяков вово» у себя или убирать, когда не будет настроения.

Канди Азиз, хозяйка галереи, была хорошей подругой Бабс с

самой школы. Когда Бабс заявила, что не хочет продавать Фрессеру программный код, потому что деньги теперь ничего не значат, Канди ответила, что, верно, деньги теперь ничего не значат, но некоторым образом все-таки значат — во-первых, потому что люди до сих пор имеют особенность ценить в первую очередь те произведения искусства, за которые они заплатили, а во-вторых, аренда места в галерее, такой как «Галерея Азиз», стоит кой-чего, и не следует трястись из-за того, что их обжулят при помощи алла.

В результате Бабс согласилась, и Фрессер ушел домой с полным кодом «Червяков вово». А через неделю маленькие настольные копии объекта уже продавались в каждой сувенирной лавочке на Пристанях Фишермана — с чего Бабс не перепало ни гроша авторских. Канди нажала на Фрессера и стребовала с него тройную первоначальную цену, но и это решение Бабс не успокоило.

— Нужно придумать, как продавать дизайн для одноразового использования, — задумчиво сказал Ренди. Он и Бабс сидели на вышитой муравьями софе на складе Бабс. Брат Бабс, Сент, составлял им компанию. Было первое мая.

— Можно использовать архив для одноразовой распаковки, — предложил Сент. — Я изучил эти штуки, когда работал на «Мета Вест Линк». Можно запаковать твой дизайн в зип-файл и послать заархивированную версию пользователю, вместе с распаковщиком, который уничтожает себя после одного использования. Вроде дешевых одноразовых штанов — можно один раз застегнуть ширинку, и она хорошо держит. Можно опубликовать дизайн в алла-каталоге, но если кто-нибудь хочет сделать заказ, он получает запакованную копию дизайна с одноразовым распаковщиком. Само собой распаковщик должен быть сконструирован таким образом, чтобы мог загружать информацию только в алла, и ни в коем случае не в другое устройство с памятью.

— Я поняла, — подала голос Бабс. — Следовательно, нужно сделать каталог, который и устроен именно как каталог: только изображения предметов, а для того чтобы получить полный доступ к ним, нужно перевести мне оплату. Если хочешь получить еще одну копию, нужно снова платить. Отличная идея, Сент. Жаль, что ты раньше мне этого не рассказал.

— Век живи, век учись, сестричка, — наставительно сказал Сент. — Просто подумай о судьбе несчастных компаний, вся продукция которых оказалась в метамарсианском алла-каталоге.

— Как, например, «Модерн Рокс», — сказал Ренди. Ему очень нравились перчатки Спайдермена и сапоги-анемоны, и он

поинтересовался судьбой их изобретателей и производителей. — Они полностью вылетели в трубу. Метамарсиане оставили их без всего. Все их разработки попали в каталог, все сто процентов, с полным дизайном и отпечатками, снятыми при помощи нанотехнологий. Эти метамарсиане хорошо выполнили свое домашнее задание. А этот твой фокус, который ты предложил, Сент, что если кто-нибудь об этом проведает? В принципе, сама идея стоит денег, потому что неплохо было бы внедрить ее повсеместно, чтобы изобретатели и художники все же получали вознаграждение за свои труды.

— Тогда стоит подумать над тем, как этот мой фокус *продавать*, — задумчиво проговорил Сент. — Назовем его Разовый Архив, Раз-Зип. Нужно только подшлифовать детали. Ведь на самом деле я вовсе не программист. Но вам двоим это точно понадобится. Да, одному мне не справиться, нужен кто-то, кто поможет наладить производство.

— Ну почему сегодня только и разговоров, что про куплю-продажу? — раздраженно спросила Йок. Она только вошла в комнату. — Вас послушаешь, так кажется, что тут собралась компания бизнесменов, у которых в голове одни цифры и бабки. Парни с калькуляторами на ДИМ-чипах в башке. И Фил самый больной. Только и думает о том, как сделать и продать свои дирижабли. Весь в попытках заработать! Для чего только ему деньги нужны? Никому чертовы деньги не нужны! А тем временем люди убивают друг друга развлечения ради.

Ответ Йок был не нужен, она отвернулась к двум огромным аквариумам, которые сделала сама и установила в дальнем конце комнаты. Некоторое время она молча рассматривала их. Внутри одного из аквариумов находился реалинг-риф, состоящий из мягких и жестких кораллов, родом из Южной Океании. Все было сделано при помощи алла, все было живое, и сами коралловые полипы, и диатомовые водоросли, которыми полипы кормились. В другом аквариуме находилась работа Йок, которую она еще не закончила, колония миниатюрных лимпсофт-полипов, которые должны были в итоге построить искусственный риф. Дела у фальшивых полипов были не слишком хороши. Поднявшись сегодня утром, Ренди заметил, что искусственный коралл Йок принял вид маленьких уродливых на вид и хрупких наростов, а отнюдь не гладких и ветвящихся роговидных ветвей, которых Йок изначально пыталась добиться.

— Хрен с ним, — проговорила Йок, не отрывая глаз от аквариума. — Это единственное, чем я могу пытаться управлять, — но и это оказалось для меня слишком сложно. Можешь помочь мне настроить их еще раз, Ренди?

— Как там дела у Фила с его дирижаблями? — спросил Ренди.

— Ох, он уже всю крышу ими заполнил, — ответила Йок, сделав себе при помощи алла чашку кофе и расхаживая с ней по комнате. — Но мало-помалу у него дела идут к лучшему. «Дирижабли Флит», слыхали уже такую торговую марку? Что вы там говорили с Филом по поводу денег, Ренди?

— Фил хочет раскрутить свою марку по всему свету, — ответил Ренди и, подумав об этом, сказал сам себе, что не разделяет таких амбиций. Свою роль он всегда видел на втором плане, торчать в первых рядах, а тем более руководить, он не желал. Скорее, ему ближе роль консультанта. Кого-то, кто помогает людям находить и устанавливать нужные связи и выполнять работу. Он был очень доволен тем, как ему удалось помочь Бабс сделать червяные фермы, Филу — дирижабли, Йок — рифы, и, может быть, он еще поможет Сенту разработать идею реалинга на основе Раз-Зип-раскодирования. Но во всех случаях он не был движущей силой предприятия. Черт, он рад тому, что ему удалось наладить для себя нормальную жизнь. Кажется, мир позволил ему это.

— Для некоторых людей деньги имеют очень большое значение, — ровным голосом произнес он. — Хотя, по большому счету, деньги — это для любого не плохо.

— Не забудь о собственности на землю, — заметила Бабс. — Йок и Филу нужны деньги для того, чтобы купить себе участок земли и обзавестись своим домом. Конечно, я не возражаю, чтобы они оставались тут сколько угодно, могут жить как сквоттеры на крыше или лепить гнездо к стенам. Но сами понимаете, постепенно…

— Мы можем уехать, как только скажешь, — тут же вспыхнула Йок. — На Луне места сколько угодно. Или на Марсе. Или на астероидах. Там в любом случае лучше, подальше от войн.

— Я не думаю, что вам нужно отправляться в космос, — сказал Ренди. — Самому мне кажется, что делать там нечего. Земля — это самое интересное место, где все происходит. Кроме того, после появления у всех алла не нужно больше тратить время на копание в земле и трудиться на фермах. Продукты и еда берутся прямо из воздуха. В результате свободных и дешевых акров становится сколько угодно. Черт, да свободный участок можно занять на любом склоне горы, да где угодно. С алла не нужно ходить в магазин, не нужно электричества и водопровода. Все могут быть счастливы и всем есть где жить.

— Тогда почему люди продолжают убивать друг друга? — спросила Бабс. — Просто чтобы пощекотать нервы? Ради кайфа?

Слава Богу, что у нас в Сан-Франциско пока все спокойно.

— Я слышал, что в Окленде становится все опасней, — сказал Сент. — Я начинаю подумывать о том, что раздать всем алла было не такой уж хорошей идеей.

— Если нам когда-нибудь удастся снова встретиться с метамарсианами, может, попросить их забрать к чертям все алла? — предложил Ренди. — Хотя на такое трудно решиться. Эй, я говорил вам, что мой папаша летит с Луны внутри Кобба? Торопится на свадьбу. Должен прибыть сегодня.

— Жаль, что Дарла не осталась, — сказала Йок и пригорюнилась. — Как только она поговорила с Уайти, так сразу затосковала и захотела домой на Луну. Думаю, решила проверить, не выращивают ли там новую Дарлу, клона на гидропонной ферме, взамен старой. Хорошо, теперь отец и мать снова будут вместе, но мне-то с того какой толк? Я хочу, чтобы мои родители и моя сестра были на свадьбе! Нужно было, чтобы не Вилли, а они прилетели с Коббом. Уайти сказал, что мне следовало бы выходить замуж на Луне. Он считает, что здесь, на Земле, становится слишком опасно. Но Фил и слышать ничего не хочет, говорит, что на свадьбе обязательно должна быть его семья и его друзья, и чтобы мы женились вместе с вами. Какого черта? Свадьба и без того тяжелое предприятие. Скажите, с чего мы должны жениться в один день?

— Не нужно смотреть на меня, — сказал Ренди. — Это ты и Бабс решили устроить свадьбу в один день. По-моему, вы, девчонки, решили, что раз уж Йок настолько, черт побери, безумная, что согласилась выйти за Фила, то почему бы не устроить все остальное тоже безумно, и еще круче. Как в финале мыльной оперы по видди или типа того.

— Я поняла, — ответила Йок. — Я не помню точно, в каком настроении мы принимали решение, только такого настроения у меня больше нет. В тот вечер нам с Бабс было здорово весело. Мы только что начали раздавать алла всем желающим и думали, что скоро наступит рай. А вместо этого теперь везде идет война. Даже мы с Филом поругались минуту назад. Хотя до стрельбы, конечно, не дошло.

— Бедняжка Йок, — пожалела ее Бабс. — Из-за чего вы поругались?

— Из-за матери Фила, Евы, — ответила Йок, нахмурившись. — Наверное, ты уже и так об этом знаешь, Бабс. Ева решила, что не следует устраивать свадебную церемонию прямо перед твоим складом, Бабс, как мы хотели.

— О да, — ответила Бабс. — Я уже об этом слышала. И, вроде, с Евой согласилась.

— Спасибо, что все-таки сказала мне, — резко бросила Йок, и ее глаза засверкали. — Пять минут назад Фил сообщил, что Ева и Вэнди заказали для нас бальный зал в отеле «Фермонт». Словно мы шестиклассники на школьном маскараде. Черт, да еще хуже. Словно мы какие-то богатеи этого мира, в то время как все остальные люди страдают. В особенности женщины. И я… я наорала на Фила. Я сказала ему, что вообще не собираюсь выходить за него замуж.

Подбородок у Йок задрожал, и она расплакалась.

— Какой-то кошмар.

Бабс переглянулась с Ренди, и тот встал.

— Эй, Стэн, давай пойдем наверх и взглянем на дирижабли Фила. Пошли, Вилла-Джин.

— Ага, — кивнул Сент. Вилла-Джин торопливо побежала по полу и вспрыгнула Ренди на руки.

У стены склада Бабс Фил устроил что-то вроде лестницы, установив несколько батутов из туго натянутых пластиковых листов. Можно было забраться на крышу, прыгая с одного батута на другой. Чтобы спускаться вниз, был приспособлен пожарный шест. Фил и Йок пристроили еще три комнаты к своему первоначальному гнезду в переулке; каждая комната была устроена на уровне одной из батутовых ступеней.

— Чувствуешь себя на них, как прыгучая рыба, — заметил Ренди, глядя на то, как скачет Сент.

— Как лосось, — согласился Сент. — Как лосось, поднимающийся вверх по течению ручья, чтобы отметать икру. Эй, Фил, как дела? Мы тут у тебя сейчас вымечем немного икры, хорошо?

— Привет, ребята, — отозвался Фил, глядящий вверх с огромного воздушного баллона, разложенного на крыше. — «Дирижабли Флит» приветствуют вас. Пытаюсь заняться делом. Но мысли в голову не идут. В Окленде стрельба. Вон там, на другой стороне бухты, отсюда видно, как что-то горит.

И в самом деле, на другой стороне бухты над городом Окленд поднимался дым пожаров. Однако небо над пожарами было по весеннему голубое, с легкими пушистыми облачками.

— Я только что слышал новости, — сказал Фил. — Все началось с какой-то банды. А теперь происходят столкновения на расовой почве. Все сводят счеты со всеми за то, что раньше с ними сводили счеты за то, что сводили счеты, и так до бесконечности. Сколько дней прошло с тех пор, как у всех появились алла?

— Два месяца, — ответил Ренди. — Можно было надеяться, что за два месяца люди сообразят, что к чему.

Два месяца назад Ренди понял, что любит Бабс. А еще через месяц они должны будут пожениться. Если только вокруг не станет «жарче». Если только люди не забудут, что когда-то были людьми.

— О, черт! — воскликнул Фил. — Глядите, что творится в Окленде!

Кто-то в Окленде устроил такое, от чего одно из офисных зданий вдруг обрушилось. Может быть, превратил при помощи алла часть здания в воздух. Ветер подул в их сторону, и Ренди почуял слабый запах дыма и услышал треск ружейной стрельбы.

— Пусть они перестанут, — взмолился Ренди, и в то же мгновение над Оклендом появилась сверкающая блестящими боками летающая тарелка. Метамарсиане снова подоспели на помощь. Послышался отдаленный рокочущий голос — это тарелка разговаривала с воюющими сторонами. Потом вниз упало несколько стремительных лучей; по слухам, после того как летающая тарелка появляется на месте сражения, первым делом она уничтожает все сделанное при помощи алла оружие.

— Нужно избавиться от алла, — проговорил Ренди, в первый раз поняв, что это действительно необходимо. — Оно того не стоит. В особенности, когда пришельцы улетят — тогда начнутся настоящие проблемы.

— Давайте полетим в Окленд и поможем, — предложил Фил. — Это можно сделать на моем дирижабле.

— Отличная идея, — согласился Ренди. — И, может быть, нам удастся подлететь к метамарсианам поближе и поговорить с ними.

При помощи алла Фил мгновенно заполнил оболочку дирижабля гелием. Поверхность его была покрыта длинными имиполексовыми прядями, которые Фил назвал «Умный Волос»®. Дирижабль быстро поднялся над крышей, и неожиданный порыв ветра чуть не унес его в сторону. Но имиполексовые полосы принялись извиваться, старательно удерживая тушу дирижабля на одном месте.

— Вот пассажирские седла, в которых мы будем сидеть, — сказал Фил, указав на несколько сидений из полотняных полос, висящих под брюхом дирижабля.

— Ты хотя бы его испытывал? — спросил Сент.

— Конечно, — ответил Фил. — Хотя с двумя пассажирами еще не летал. Но если что-то пойдет не так, мы всегда можем сделать себе при помощи алла по паре крыльев, вроде дельтаплана. Полетели. Быстренько смотаемся к Окленду и проверим, не нужна ли кому из раненых помощь. Если что, сотворим несколько машин-хилеров. Туда всего-то пять минут

лету.

— Я «за», — отозвался Ренди. — Для разнообразия будет здорово.

Как только они уселись в пассажирские сиденья, имиполексовые полосы принялись вздыматься мерными взмахами. Дирижабль полетел по воздуху легко, словно тыквенное семечко. Фил повернул дирижабль в сторону летающей тарелки, но прежде чем они успели приблизиться, блестящий диск стрелой унесся прочь с такой стремительностью, что глазом за ним невозможно было уследить. Через несколько минут они уже были над залитыми кровью улицами Окленда.

— Осторожно, — сказал Сент. — В нас могут начать стрелять.

Однако летающая тарелка успела всех разоружить. Участники столкновения разбежались, оставив на улицах и тротуарах десятки раненых. Фил опустил дирижабль на улицу, и они втроем бросились к раненым, на ходу при помощи своих алла изготовив несколько машин-медиков. Вскоре начали появляться сотрудники службы спасения. А еще через некоторое время прибыли и первые строители, чтобы начать расчищать развалины и ремонтировать разбитые здания.

— Тут все уже под контролем, — сказал Сент немного погодя.

— Давайте возвращаться, — сказал Фил. — Я хочу помириться с Йок.

— Черт! — воскликнул Ренди, взглянув на часы. — Скоро мой отец прилетит!

Полет в обратную сторону прошел немного медленнее, потому что со стороны океана поднялся сильный ветер. Но «Умный Волос»® дирижабля поддерживал приличную скорость. Парни сидели тихо, думая о том, что только что увидели. Много народу было тяжело ранено или уже умерло, когда они появились, так и не дождавшись машин-хилеров.

Когда они добрались до крыши склада, Фил спустил газ из дирижабля и осмотрел баллон, пользуясь виброножом, чтобы приподнять маленькие клапаны.

— Хорошо, что все работает надежно, — сказал он. — Там столько убитых — несчастные…

— Неплохой у тебя вышел дирижабль, — сказал Сент.

— Я долго придумывал конструкцию, — сказал Фил. — Мне не нужен был имиполекс молди-качества, чтобы делать такие дирижабли. А это важно, потому что если алла вдруг пропадут, может, и по нашей милости, то нам придется делать и покупать имиполекс снова, а хороший имиполекс стоит денег. Думаю, если я сумею разработать достаточно простой алгоритм, то сойдет и пьезопластик промышленного качества. Если твой отец, Ренди,

поможет мне написать код, это будет здорово. Когда, наконец, он прилетит?

— Уже в любой момент, — сказал Ренди, глядя в небо.

— Хорошо, — кивнул Фил, хлопая рукой по поверхности спущенного дирижабля. — Ладно, пойду поговорю с Йок.

Он прыгнул с края крыши, схватился за пожарный шест и соскользнул вниз.

— Посмотрев, что стало с Оклендом, я тоже против алла, — признался Сент Ренди. — Думаю, что нужно найти себе такое занятие, чтобы не зависеть от алла.

— Например, заняться водными мотоциклами?

— А что, неплохая идея. Может быть, твой отец поможет мне запрограммировать ДИМ-чип?

— Он много знает, — ответил Ренди и гордо улыбнулся. — Черт, мой отец изобрел лимпсофт-инженерию, а также ювви. Когда я был ребенком и ходил в школу, то не знал, что у меня такой знаменитый папаша. Думал, что я никто и звать меня никак.

— Теперь это не так, — сказал Сент, глядя вверх. — Эй, ого! Вот он летит!

С неба на землю опускалась на столбах ионного пламени сверкающая молди-фигура. Это был Кобб, нагруженный чем-то внутри. Вслед за Сентом Ренди соскользнул вниз, и, остановившись на гравии, они смотрели, как Кобб идет на посадку. Услышав крики, из склада выскочили Бабс, Фил и Йок. Ренди заметил, что Фил и Йок снова держатся за руки и улыбаются друг другу.

Мягко опустившись на землю, Кобб раскрылся и выпустил на свет Божий седого пятидесятилетнего мужчину. Тот явно был доволен, что наконец-то ему удалось оказаться на свободе. Он вздохнул полной грудью и поклонился присутствующим.

— Всем привет, я Вилли Тейз.

Вилли осмотрел всех пятерых встречающих, потом подошел к Ренди и потряс ему руку.

— Вот каков мой сын, — сказал седой мужчина, оглядывая Ренди с головы до ног. — Наконец-то мы встретились лицом к лицу. Извини, что не прилетел раньше. Здесь, на Земле, клево. Я был дураком, что бросил Землю. И мне очень жаль, что твоя мама умерла, я ведь даже не успел поговорить с ней. Хорошая была женщина. Значит, решил жениться? Супружество — это часть жизни, которую я не сумел познать. Я всегда был такой урод, что за всю жизнь только разок и сумел спустить в женщину. И ты, Ренди, воспользовался этой редкой возможностью, чтобы появиться на свет. Мой самый лучший сперматозоид. Молодчина!

— Спасибо, — ответил Ренди, весьма польщенный. — Значит, ты в самом деле мой Па?

— Он мой правнук, а ты — мой праправнук, — подал голос Кобб. — Нам всем давно пора было встретиться. Ради бога, обними же, наконец, своего сына, Вилли. Ты ничем не заразишься.

Отец и сын обнялись. Обоим это ощущение понравилось. Вилли улыбался до ушей, потом повернулся к остальным и принялся болтать со скоростью миля в минуту, как человек, очень долго просидевший в одиночестве. Ренди это ощущение было знакомо.

— Привет, Йок, здорово снова с тобой увидеться, — сказал Вилли. — Классно, что ты устроила для всех алла! Вы представить себе не можете, как изменилась Луна! Слава Богу, луняне достаточно умные, чтобы не ввязаться в войну друг с другом. Не то, что гнилые обитатели грязи.

— Мы только что прилетели из Окленда, где создавали для людей хилеры, — объявил Ренди. — Дела там — хуже некуда.

— На Луне все заняты тем, что устраивают под поверхностью огромные залы, с парками и озерами, — рассказал Вилли. — Молди тоже рады, только и знают, что заготавливают мегатонны имиполекса. Твои родители шлют тебе наилучшие пожелания, Йок, и веришь или нет, но дела у них друг с другом наконец-то наладились. Я считаю, что на Уайти подействовало время, проведенное без Дарлы, когда он думал, что навсегда потерял ее. Джок обещала прилететь на несколько дней, она захватит с собой Кори Рипсома. А это, значит, Фил Готтнер?

Вилли улыбнулся и встряхнул руку Филу.

— Ренди немного рассказал о тебе, по ювви.

Вилли повернулся к паре, с которой он еще не успел поговорить.

— А это, стало быть, детишки Торчка — думаю, Бабс и Сент? Я хотел сказать, Стэна, не Торчка. Он ведь давно завязал, трезв как стеклышко — который месяц? Круто. Мне не хотелось бы повстречаться на свадьбе со старым Торчком. Да, разве это не прекрасно? Вы все — такие чудесные молодые люди. В особенности Ренди! И Бабс! Представьте, скоро Бабс станет моей невесткой! Должен сознаться, что здорово этому рад!

— Привет, Вилли, — сказал Сент. — Я тоже рад с тобой познакомиться. Мы с Филом надеемся, что ты найдешь время и поможешь нам кой в чем с нашим лимпсофтом.

— Прекрати сразу забивать ему голову делами! — поторопился ввязаться Ренди. — Па неделю провел, сидя внутри Кобба.

— Спасибо, сынок! — воскликнул Вилли, снова обнимая Ренди. — Ты прекрасно выглядишь. Это больше, чем я заслуживаю. Да, мне нужно пойти прилечь и отдохнуть.

— Я вернусь через минутку, — сказал Ренди, взглянув на Кобба, который уже растекся на гравии, превратившись в лужу. — Как самочувствие, прапрадедушка Кобб?

— Устал, — ответил Кобб, выставив глаз из лужи своего тела. — На подлете к Земле я услышал плохие новости. Думаю, мне нужно полежать вот так на солнышке некоторое время и отдохнуть. Если я сейчас сделаю при помощи алла бутылку квантовых капсул, высыплешь их на меня?

— Заметано.

Как у всех молди, алла Кобба была встроена внутрь тела. Не двинув ни одним мускулом, Кобб произвел контрольную сетку и создал при помощи алла серую магнитную бутылку квантовых капсул. Ренди поднял бутылку к свету, проверяя счетчик.

— Здесь целый тераватт, Кобб? Сойдет?

— Я знаю, — ответил Кобб, вырастив воронку на своей груди. Ренди влил серебристую струйку квантовых капсул в грудь старика молди.

— Благодарю, — ответил Кобб. — Очень кстати; но мне уже невмоготу на этой планете. Люди стали такие… Кстати, мой вонеед, он работает нормально? И пользуется успехом?

— Пользуется, — отозвался Ренди. — Сейчас самый бум. Люди и молди очень сблизились. Вот только люди — все время дерутся друг с другом, сражаются, и потери большие. Все идет прахом. Что же касается лично меня — то у меня с Бабс все как нельзя лучше, настолько, что я уже забыл, что был когда-то сырным шариком. Оставь Кобба в покое, Вилла-Джин, беги внутрь.

Ренди оттолкнул Виллу-Джин от Кобба по направлению к двери склада.

— Все очень тебе благодарны, Кобб. Но ты сказал, что устал — как это понимать? Мы думали, что ты будешь баллотироваться на мэра.

— Нет, — ответил Кобб. — Я собираюсь отправиться в путешествие. Политика все равно уже мертва. Политика была нужна для того, чтобы делить скудные ресурсы нашей планеты, но теперь на нашей планете нет больше дефицита. После того как появились алла, политика приводит к ненависти и войнам. Хотите знать, почему я так во всем вдруг разочаровался? Люди начали сбрасывать друг на друга килотонные бомбы.

— Ядерные? — поразился Ренди. — Но я думал…

— Обычную взрывчатку, — ответил Кобб. — Если попросишь,

алла вполне способна сделать тысячу тонн обычного тринитротолуола. Недавно только было придумано. Большая часть Иерусалима стерта с лица Земли. А теперь я слышу, — Кобб вздохнул, — Багдада больше нет.

— Нужно заблокировать алла на производство оружия, — решительно сказал Ренди.

— Но что такое оружие? — спросил Кобб. — Обычный бензин может быть оружием. Водород и кислород. Кислота. Даже камень может стать оружием, если сбросить его с высоты точно на голову. Думаю, нужно попросить Ом забрать у нас алла. Нужно передать через метамарсиан.

— Я видел сегодня тарелку над Оклендом, рано утром, — сказал Ренди. — Но они быстро улетели. Могу спорить, что пришельцы рванули на Ближний Восток. Значит, Багдад и Иерусалим разрушены?

— Да, — ответил Кобб.

— Что нам теперь делать?

— Продолжать жить, как жили — сколько нам осталось спокойной жизни? Женись на Бабс.

Йок, 1 июня

— Сиди смирно, — сказала Джок, наклоняясь вперед, чтобы поправить тушь на реснице Йок. Сестры-близнецы с давних пор предпочитали использовать друг друга вместо зеркала. — Вот так. Теперь отлично.

Джок отступила на шаг и улыбнулась. Они находились вдвоем в туалетной комнате для невест отеля «Фермонт», на верхнем этаже, около бального зала. Время, назначенное для свадебной церемонии, почти подошло. Йок слышала музыку; Сент и несколько его друзей исполняли психо-концерт, изображая старинные флейты на листах имиполекса — каким-то образом добавляя отзвуки хеви-металла.

— Хорошо, что мы решили устроить свадьбу на Земле, я рада, — сказала Йок. — Здесь, внизу, здорово. Если только не станет хуже того, что сейчас творится. Сила тяжести придает церемонии особую серьезность.

Джок совершила несколько плавных движений руками, словно бы дирижируя оркестром.

— Волнуешься?

— Тебе нравится Фил, Джок?

— Он классный. Блондинчик, а на подбородке щетина темная — аппетитный. И смотрит на тебя так — ясно, что влюблен.

Эмуль и Береника тоже одобряют.

Благодаря несчастливому стечению обстоятельств, а также ветсофт-вмешательству в момент развития плода, Джок родилась с парочкой сознаний роботов в своей голове, обитающих в правом полушарии ее мозга. Благодаря постоянному их присутствию, Джок обладала безграничной памятью и эрудицией, однако ее восприятие окружающего мира иногда заметно отличалось от восприятия обычного человека.

— Эмуль и Береника, они, э-э-э… Видишь ли, они провели исследование в отношении Фила.

— И могу я узнать результаты? — спросила Йок.

— Все в полном порядке, — ответила Джок. — Эмуль сказал, что за Филом не числится никаких преступлений, его криминальное досье чистое, и он именно тот, за кого себя выдает. Береника сказала, что геном Фила не только свободен от мутаций, но еще и очень хорошо соответствует твоему. Извини, что мы начали копаться в твоей жизни. Это нас не касалось.

— Ничего, я прощаю, — кивнула Йок. — Я на время распрощалась со всеми мечтами о частной жизни — сегодня цирковое представление для родственников.

— А вот и клоун! — воскликнула Джок.

В дверь заглянул довольно сурового вида мужчина. Их отец, Уайти Майдол. На голове Уайти был его обычный ирокез, конец которого спускался за воротник рубашки. Поверх рубашки надет смокинг.

— Я пойду посмотрю, как там Ма, — сказала Джок и двинулась к двери; в маленькой комнате места было ровно на двоих.

— Насчет клоуна — верно, — сказал Уайти, и его губы раздвинулись, сложив на лице довольно приятную улыбку. — Я тут хожу черти как. Сколько дней мне понадобится, чтобы привыкнуть к гравитации, Йок?

— Три-четыре недели. Привет, Па. Как я выгляжу?

— Как ты выглядишь? — Ох, Йок, ты выглядишь как ангел. Напоминаешь мне Дарлу — какой она была когда-то давно. Она сказала, что в этом году у нас будет двадцать пятая годовщина.

— Ты хорошо с ней обходишься, Па?

— Что за вопросы! — Уайти неуютно поежился, выглядя в туалетной комнате для невест, с забранными белыми драпировками стенами, слишком не к месту. — Ты за нас не волнуйся, Йок, у нас все наладилось. Я вел себя плохо, но снова стал хорошим. А потом, это я должен тебя кой о чем спросить. Например, ты уверена, что хочешь выйти замуж за Фила? Если нужно, я помогу тебе сделать отсюда ноги.

Уайти сжал покрытые шрамами кулаки, словно собираясь драться.

— Нет, я все решила, — весело сказала Йок. — Ты, надеюсь, не против?

— Конечно не против. — Уайти растрепал ладонями свой ирокез, чтобы тот торчал дыбом. Чуть ли не впервые в жизни Йок видела своего отца в рубашке и пиджаке, тем более в смокинге. — Я просто спросил о том, о чем, по-моему, должен был спросить отец. Фил хороший парень. И мы уже заплатили за проведение свадьбы.

— Хорошо, нужно начинать, пока какой-нибудь болван не взорвал поблизости бомбу. Как мы узнаем, что пора идти к алтарю?

— Когда музыка поменяется.

И музыка тут же изменилась.

— «Вот идет невеста», — объявил Уайти, протянув вперед руку.

В маленьком холле они встретили Бабс и Стэна, выходящих из другой туалетной комнаты. Платье Йок было белое, из обтягивающего шелка, с небольшим шлейфом, одеяние Бабс было произведением смарт-искусства: ее платье и волосы украшали медленно движущиеся мерцающие ДИМ-головки.

Владельцы «Фермонта» переделали при помощи алла-ухищрений верхний этаж бального зала, постелили роскошный деревянный паркет, задрапировали стены белым шелком с множеством сверкающих бриллиантов. В зале была дюжина высоких, от пола до потолка, окон, все до одного открытые нараспашку, чтобы впустить легкий июньский бриз. От его сладости у Йок перехватило дыхание. Если бы только мир смог остановить свое движение по нисходящей спирали. За прошедшие четыре недели еще пять городов были стерты с лица земли.

Стулья были расставлены так, чтобы образовать проход вдвое шире, чем обычно: чтобы Йок и Уайти, Бабс и Стэн смогли пройти рядом, чтобы не было ни вторых, ни первых. Перед окнами их ждали Ренди и Фил, стоящие по обе стороны от Кобба Андерсона.

Как выяснилось, среди четверых новобрачных не было пары схожей веры, чтобы можно было выбрать наиболее подходящего священника. Поэтому Кобб, быстренько устроив себе в Гимми лицензию мирового судьи, взялся исполнить церемонию сам. Старик молди часто говаривал, что устал, но все равно до сих пор любил находиться в центре событий. Ренди был в восторге от того, что женитьбой его будет командовать прапрадед, и Бабс не возражала. Что до Йок и Фила, то оба были рады, что религиозную часть церемонии Кобб возьмет на себя — разве не

видели они все трое великое Священное СОЛНЦЕ?

Служба была исполнена прекрасно, хотя и не обошлось без веселых моментов. Пока они шли меж рядами, у невест бегали мурашки по телу. Эта часть вышла именно так, как Йок себе представляла свадьбу. Она идет к алтарю в свадебном платье. При этом чувствует, что глаза окружающих смотрят на нее. Лицо мужчины в конце прохода всегда представлялось ей размытым пятном, но сегодня она видела это лицо четко. Милый Фил. Потом все пошло быстрее, и неожиданно и она, и Фил по-очереди ответили «Да». Настала пора, и они надели друг другу кольца, а потом поцеловались. У Фила было для Йок совершенно новенькое кольцо, и это было здорово. То, как прошло все у Ренди и Бабс, для Йок слилось в одну размытую полосу ускоренной перемотки; она не слышала ни слова из сказанного ими. Потом движение снова замедлилось, и они плавно двинулись к выходу из зала, и снова Йок показалось, что она видела это уже тысячу раз.

Официанты расставили стулья вдоль стен и накрыли большой стол с разнообразной едой, изготовленной при помощи алла; дизайн свадебного обеда был придуман Филом и Бабс. Дарла стала одной из первых, кто обнял Йок, после Ма Йок обняли Па и Джок. Потом Йок обнялась с Филом и Бабс.

— Наконец-то мы поженились, — засмеялась Бабс. — Наверное, будет весело.

Но в веселье Бабс слышны были истеричные нотки. За ними по пятам следовала опасность.

Все были в сборе. Подружкой Йок, конечно же, была Джок, у Бабс — ее приятельница, хозяйка арт-галереи Канди Азиз. Сент был свидетелем Фила, а Кори Рипсом — Ренди.

За последние недели Кори Рипсом и Ренди успели крепко подружиться. Они сразу же понравились друг другу, потому что имели одну общую черту: оба были лимпсофт-инженерами, самоучками, гаражного стиля, так сказать. Кори помог Йок завершить работу над имиполексовыми кораллами. На этой неделе Йок решила выращивать кораллы на воздухе вместо воды, это было ее последней новинкой; для полипов она начала пользоваться ДИМ-мошками. По сути, вчера она вырастила спинку для ее с Филом новой кровати, сказочную органическую структуру. Непросто было заниматься обычными вещами и творчеством, когда вокруг творились убийства, и каждый день армии и банды сражались между собой и осыпали друг друга бомбами. Но любовь и искусство все еще много значили; да, и то и другое значило больше, чем ненависть и война.

Старшее поколение было на свадьбе в полном составе, включая Уайти, Дарлу, Стэна и Вэнди, отца Ренди Вилли Тейза,

мать Фила Еву, и даже мачеху Фила Уиллоу. Дядя Фила Рекс тоже был здесь, а также прабабушка Фила Изольда и двоюродная тетя Хильдегард, у которой было самое изумительное на свете лицо. Все они нашли Йок восхитительной, и еще сказали, что заметили, как Йок с Филом отлично подходят друг другу, еще на похоронах несчастного Курта. Новая тетка Ренди, Делла Тейз, приехала из Сан-Диего, в основном для того, чтобы повидаться с Вилли. Делла привезла с собой свою мать, девяностолетнюю Илси, немного уже не в себе и плохо передвигающуюся, но тем не менее это была дочь Кобба Андерсона. Кобб был ужасно рад ее увидеть.

Среди молодых гостей были Терри и Тре, приехавшие из Санта-Круза вместе со своими детьми, Дольфом и Врен, которым ужасно понравилось путешествие. В честь счастливого дня — а кто знает, сколько счастливых дней осталось впереди? — Ренди и Диезы даже помирились, извинившись друг перед другом и простив всех и вся. Потом малышка Врен сидела на полу и играла с цыпленком Ренди Виллой-Джин. Аарби Кида не пригласили, а Теодор не преминул явиться с новой подружкой-байкершей в кожаной куртке и джинсах. Дерек и его пес Умберто пришли вместе с Каллой. Было и много другого народа; почти в последнюю минуту с Луны прилетели подруги Йок Канли и Коколь, они сказали, что все равно давно собирались побывать на Земле, почему бы и нет, пока тут все не взорвали.

Среди гостей были даже несколько молди. Фил пригласил на свадьбу Снуков, которые помогли ему сберечь дирижабли, в результате явилась Изида, взяв в спутники разноцветного Тутмосиса. Вэнди и Кобб нашли себе новых друзей среди молди и пригласили их тоже. Благодаря тому, что вонеед получил всеобщее распространение, общение с молди больше не создавало проблем, по крайней мере для тех, у кого не было на этот счет разных комплексов.

Люди пили шампанское в таких количествах, словно завтра не предвиделось, болтали как сумасшедшие, и каждый вздрагивал от любого резкого шума. За прошедший месяц не стало Дакара, Гамбурга, Гонконга, Белфаста, Парижа, Антверпена — все эти города разрушены гигантскими бомбами. С помощью алла здания быстро восстановили, но жертв было без числа. И не далее как вчера Нью-Йорк тоже подвергся бомбардировке. Все колебалось на грани, неясно, что случится дальше, все ожидали в любой момент самого худшего. И вот…

— Летающая тарелка! — закричала мать Фила, Ева. — Смотри, Фил! Ох, они снова прилетели!

Тарелка, висящая перед окном бального зала, имела вид

вполне традиционный — металлический диск с выпуклостью посредине. Корабль метамарсиан.

— Они прилетели помочь нам! — закричал Ренди. — Они могут забрать все алла!

Окна и стены вдруг стали расплывчатыми, словно состояли из воды, потом тарелка странным образом скользнула в бальный зал — и вот она висит в комнате над их головами. Транспортное средство пришельцев как раз уместилось под потолком между стенами, чуть наклонившись на одну сторону. Через возвышение центрального купола пролегла полоса, потом, словно клин пирога, часть купола скользнула в сторону. В открывшемся проходе появилось восемь фигур: семь знакомых метамарсиан, плюс один новенький, небольшая серого цвета фигурка, похожая на лысую девочку с большими миндалевидными глазами.

Йок принюхалась — да, появился старый знакомый запах молди. Метамарсиане еще не привили себе микроб вонееда.

— Мы здесь для того, чтобы поздравить новобрачных, — объявила Шиммер, подняв вверх руки и производя успокаивающие жесты. — Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, дорогие друзья. Мы прилетели с миром, для того чтобы просить у вас помощи. Я — Шиммер с Метамарса, моих спутников зовут Пта, Пег, Джозеф, Вубвуб, Хареш, Сисс. Как многие из вас знают, мы и наша добрая богиня Ом принесли людям и молди в дар алла. Наш дар был распространен по Земле вот этими четырьмя молодыми людьми, что женятся и кого мы сегодня поздравляем: Йок, Фил, Ренди и Бабс. У нас тоже произошло событие, о котором мы с радостью хотели бы сообщить вам: у нас семерых родилась дочь Лова.

Серый ротик маленькой Ловы изогнулся в U-образной улыбке, и она поклонилась, плавно разведя длиннопалые руки в стороны.

— Давай пропустим сопли и сразу же ликвидируем эти чертовы алла! — закричала Уиллоу. — Люди разрушают свой мир, и вы не можете этого не знать!

— Она права, — поддержал Уиллоу Ренди. — Скажите Ом, чтобы она забрала у нас алла.

Лова снова поклонилась.

— Какая она уродливая, — заметила Йок, и все ее напряжение вылилось в короткий смешок. — Да они над нами просто издеваются.

— Осторожней, — сказала Дарла, подходя к Йок поближе. — Пришельцы хотели попросить нас о чем-то важном. Это как в сказке. Ведьма явилась на свадьбу к принцессе.

— Ты права, Дарла, — ответил Вубвуб. — Но то, о чем мы

собираемся вас попросить, не так уж и много: нам нужна ваша помощь, чтобы улететь отсюда. Мы не знаем, в какую сторону нам направиться, чтобы оказаться в пространстве с двумерным временем. Нам подсказали, что один из вас может нам помочь. Что скажешь на это, Фил?

Йок крепко схватила Фила.

— Оставьте его в покое!

— Подождите! — ответил Фил, нашаривая что-то в кармане. — Наверно, вы говорите вот об этой штуковине… — Он вытащил из кармана маленький черный шарик, внутри которого плавали крохотные сверкающие пятнышки. — Это то, о чем вы просите, верно, Вубвуб? Тот аквариум, который я получил от Ом? Это ведь звездная карта, так? Тогда заберите у нас алла, и я отдам вам звездную карту, чтобы вы могли улететь.

— Да, это карта, но от нее для нас никакого толку, — ответил Вубвуб, обнажая в широкой улыбке изогнутые желтые клыки. — Но все же дай мне на нее взглянуть.

— Бросай ему карту, Фил! — воскликнула Йок. — Пусть он к нам не приближается!

Фил бросил шарик Вубвубу, и тот поймал его на лету. Метамарсиане собрались в тесный круг, чтобы взглянуть на карту, а малыш жук Джозеф просто ползал по шарику.

— Да, Ом уже передала мне подобную карту через алла, — коротко подытожила осмотр Шиммер. — Это звездная карта, но нам она бесполезна. На этой карте только ваша часть космоса. У нас есть другая карта, на которой показана наша часть, где время течет в двух измерениях. Общей карты, которая показывает взаимосвязанные соединения между частями, нет. Мы не можем выбрать маршрут, и нам непонятны объяснения Ом по этому поводу.

Снаружи на улице грохнул оглушительный взрыв, пока что в достаточном отдалении. Некоторые из гостей вскрикнули.

— Сейчас же заберите все алла! — закричала Йок. — Разве вы не видите, что опасность приближается?

— Мы можем попросить об этом Ом, — спокойно ответил Пта. — По сути, Ом способна также деактивировать все бомбы и оружие, которые люди сделали при помощи алла. Превратить их обратно в воздух. Мы сделаем это — с условием, что один из вас поможет нам найти дорогу обратно, в родной космос. Видите ли, вы способны видеть в снах то, что нам нужно. Сны людей — это их рудиментарная способность приближаться к двумерному времени. Если один из вас отправится с нами в путешествие через галактику, мы сможем наблюдать за периодами сна и бодрствования этого человека — и тем самым сможем оценить

направление в сторону нашего двумерного времени. Иными словами, нам нужен лоцман. Местный туземец-проводник. Так как насчет такой сделки, Фил? Можешь взять с собой Йок, если хочешь.

Неожиданно вокруг семерых метамарсиан появилась сетка контрольных линий. Это Уайти, заслонивший собой Йок, пытался при помощи своей алла превратить пришельцев в воздух. Но в тот же миг, когда Уайти произнес «Осуществить!», каждый из пришельцев сделал шаг в сторону. Уайти не добился ничего, лишь превратил часть воздуха в воздух.

— Бессмысленное насилие, — заметила Шиммер. — Для вас очень типично. Что же такое творится с вами, люди? Мы пытаемся помочь вам решить ваши проблемы, но все оказывается бесполезно. Все, о чем мы вас просим, это чтобы один из землян сопровождал нас в обратном пути к нашему родному миру. Нам бы хотелось забрать с собой того из вас, кто нас хоть немного знает. Если мы просто заберем случайного человека, он будет слишком напуган и не сможет помочь нам. И не все люди способны видеть сны так, как это требуется. Мы выбираем Фила, как самого лучшего, потому что он видит сны именно так, как нужно. Ом проверяла и изучала человеческую память. Эти горы, которые тебе все время снятся, Фил, — указывают точно в сторону двумерного времени.

— Мне снятся точно такие же сны, как и Филу, — твердым голосом заявил Кобб. — Горы мне снятся все время. Оставьте молодежь в покое.

— Известный и замечательный старик, — сказала Пег.

— Но он не человек, — сказала Сисс.

— Нет, человек, — ответила Шиммер, склонив голову к плечу, словно прислушиваясь к внутреннему голосу. — Вот Ом говорит, что он нас вполне устроит. Она не проверяла этого раньше, но теперь увидела, что сны Кобба вполне нас устраивают, не хуже снов Фила.

— Молди спят? — прошептала Дарла на ухо Йок. — Я об этом не подозревала.

— Конечно мы спим, — ответила Изида Снук, услышав вопрос. — А за кого вы нас принимаете? За машины? Я рада, что Кобб предложил себя. Может, нас хоть немного станут уважать после этого.

— Тогда поднимайся на борт, Кобб, — сказал Пта. — Мы выйдем за пределы атмосферы и разгонимся до скорости, близкой к световой. И как только наберем достаточно данных о координатах нашего пространства, совершим чирп и в виде личностных волн отправимся в путь. Мы объясним тебе, как это

делается.

— Если я соглашусь лететь с вами, Ом заберет все алла? — спросил Кобб.

— Ом уже готова сделать это, — ответила Шиммер. — На данный момент она собрала уже достаточную коллекцию человеческого сознания и воспоминаний. Она хорошо изучила и навсегда запомнила ваши лица. О вашей расе она не забудет. Единственное, что беспокоит Ом, это не почувствуете ли вы себя обманутыми после того, как она заберет алла. Но то, что убийства не прекращаются, и все эти взрывы…

— Наверное, мы просто еще очень примитивны, — печально вздохнула Бабс.

— Дело не только в этом, — ответил Джозеф. — Дело в том, что реалинг не очень хорошо подходит для одномерного времени. Некоторые бомбы даже не были куда-то специально нацелены. Да еще иногда люди создают бомбы во сне, случайно. И чем больше люди беспокоятся о бомбах и боятся бомб, тем больше бомб действительно появляется. Эти ваши сны — очень опасная штука. У метамарсиан нет снов, но и у нас бывают трагические случайности во время использования алла. Однако для нас даже глобальная катастрофа ничего не значит — потому что нитей времени у нас бесконечно много. Нет, я боюсь, что на вашей стадии развития культуры, при ваших неконтролируемых снах и одной-единственной нити времени вам просто опасно иметь алла. Ваш мир слишком хрупкий. Вы твердо решили, чтобы Ом забрала алла?

— Да, таково наше условие сделки, — ответил Кобб. — Я отправлюсь с вами и увижу для вас во сне дорогу к двумерному времени. А вы попросите Ом забрать все алла.

Метамарсиане на мгновение замолчали, переговариваясь с Ом.

— Все согласны с тем, что алла им больше не нужны? — громко спросил Вубвуб. Снаружи раздался еще один взрыв, на этот раз гораздо ближе, чем раньше. — Ом хочет знать ответ.

— Алла больше не нужны! — закричала толпа.

— Поторопитесь! — крикнула Йок. — Скорей заберите алла! И пускай Ом заберет также и все оружие, которое сделали при помощи алла, как предложила Шиммер.

— Да будет так, — сказал Пта.

Йок почувствовала, как у нее на поясе в сумочке что-то зашевелилось. Ее алла и алла у всех присутствующих одновременно исчезли. В воздухе разлилось умиротворяющее чувство покоя и безопасности. Люди и молди засмеялись и принялись обниматься друг с другом.

— Пошли, шеф, — сказал Вубвуб Коббу. — Надеюсь, понимаешь, на что решился?

— Ох, Кобб, — вздохнула Йок и поцеловала Кобба на прощание.

— Ничего, — ответил Кобб, — я и так пожил слишком много.

— Мы запросто можем, использовав твою программную основу, сделать еще одного Кобба, чтобы он был с нами, — шепнул Коббу Вилли. — Сохранился S-куб с твоей записью.

— Пожалуйста, не нужно этого делать, — попросил Кобб. — Не хочу, чтобы меня возвращали. Свои дела на Земле я закончил. Я отправляюсь в путешествие вместе с метамарсианами, но когда и это путешествие закончится, я хочу наконец уйти в сторону СОЛНЦА.

— Он прав, — сказала Йок. — Кобб заслужил свое право попасть на небеса.

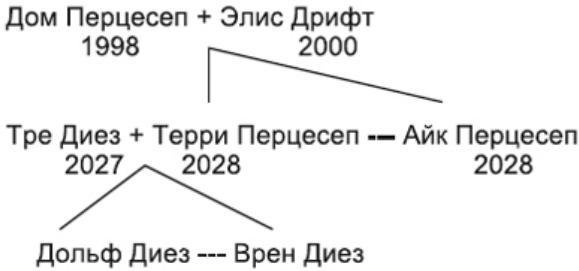
— Всем пока, — попрощался Кобб. — Благословляю вас, дети мои.

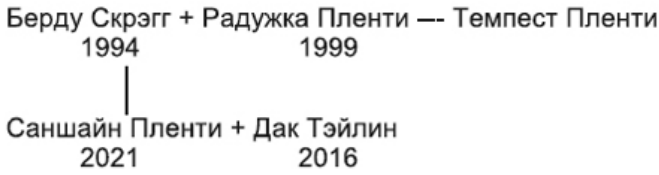
И он поднялся в тарелку вместе с метамарсианами. Потом стены отеля снова расплылись, блестящий диск поднялся к небу и почти мгновенно исчез.

День был отличный. Глаза новобрачных сияли счастьем, их поцелуи были влажны, сердца свободны, а огромный мир вокруг — реален.

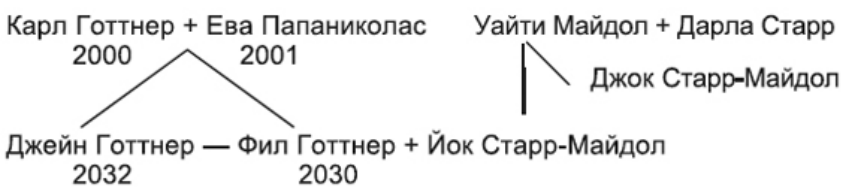
Приложение

Генеалогия серии


Дом Перцесеп + Элис Дрифт
1998
2000
Тре Диез + Терри Перцесеп — Айк Перцесеп
2027
2028
2028
Дольф Диез --- Врен Диез


Берду Скрэгг + Радужка Пленти — Темпест Пленти
1994
1999
Саншайн Пленти + Дак Тэйлин
2021
2016

Эвeруз + Андреа
2042
2043
Оуин + Ксанна — Моника + Кслотл
2050
2049
2052
2052


Карл Готтнер + Ева Папаниколас
2000
2001
Уайти Майдол + Дарла Старр
Джок Старр-Майдол
Джейн Готтнер — Фил Готтнер + Йок Старр-Майдол
2032
2030